ФИЛИП ХОСЕ ФАРМЕР

ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ ВРЕМЕНИ

ФИЛИП ХОСЕ ФАРМЕР

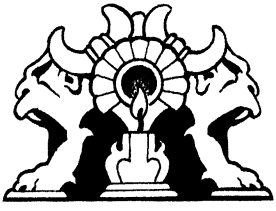
ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ ВРЕМЕНИ

ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ ВРЕМЕНИ

ЯЗЫКИ ЛУНЫ

ПОБЕГ ОТ ЛОКИ

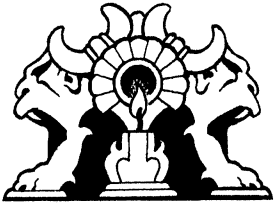
ДРУГАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ФИЛЕАСА ФОГГА



ФИЛИП ХОСЕ

ФАРМЕР

ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ ВРЕМЕНИ



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

ББК 84 (7 Сое)-44
Ф 24

Составитель А.Лидин

Ф 24

Фармер, Филип Хосе
Темное сердце времени. — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2020. — 832 с. — (Приключения).

ISBN 978-5-93835-824

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

ISBN 978-5-93835-824

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2020

© Перевод Т. Миносян, 2020
© Перевод А. Федотов, 2020

ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ ВРЕМЕНИ

Дантону Берроузу за его предложения относительно текста этого романа. Кроме того, я искренне благодарю его за разрешение написать оригинальный роман про Тарзана. Таким образом, я исполнил мечту семидесяти лет.

Эдгару Райсу Берроузу, единственному Тарзану из племени Обезьян, Джону Картеру с Барсума и Дэвиду Иннесу из Пеллусидара. Без ERB моя жизнь была бы гораздо менее насыщенной и яркой.

Я также благодарю Роберта Р. Барретта за его научные консультации при создании этого текста. Кроме того, за открытие нового слова языка великих обезьян — гусеница-умпа.

THE DARK HEART OF TIME

ГЛАВА 1

ПОЛУДЕННЫЙ ШТОРМ В тропическом лесу помешал Тарзану вовремя учуять охотников. *Панд* — гром, заглушил шорох их шагов. Кроме того, *уша* — ветер, дул в неправильном направлении, и Тарзан не смог ощутить запах пота врагов.

Он еще не подозревал о них, когда вскочил с земли и схватил лиану, свисавшую с колоссального дерева.

Первое копье чиркнуло по внутренней части его левой лодыжки. Стальной наконечник вонзился в ствол дерева с грохотом, подобным грому. Второе копье врезалось в лиану. Хотя паразитическое растение было толстым и прочным, острое лезвие наконечника рассекло его.

Но человек-обезьяна уже поднялся выше места разрыва лианы. Доли секунды ему хватило, чтобы стремительно рвануться вверх. Его пальцы сжимали лиану, его подошвы, казалось вцепились в кору, его тело согнулось под немыслимым углом. Он мчался вверх, словно огромный паук.

Ману — обезьяна, не могла бы подняться намного быстрее.

Когда оторванный кусок лианы упал на землю, Тарзан уже добрался до уродливого нароста на стволе лесного гиганта. Муравьи *кандо* кусали его, пока он взбирался по лиане, и они продолжали свою атаку. Одной ногой встав на нарост, вцепившись пальцами в грубую кору, он обогнул дерево и оказался по другую сторону ствола. Но даже уйдя с дороги муравьев, он не мог стряхнуть их с себя. Использовать одну руку, для того чтобы избавиться от жестоко кусающихся *кандо*, значило сорваться с дерева. Пальцы уже начинали соскальзывать.

Но рядом с ним на дереве росла другая лиана. Тарзан отпустил одну руку и, в падении, схватился за нее, сначала одной, а затем и обеими руками. После этого он легко подтянул свое двухсотфунтовое тело вверх по лиане к толстому суку.

С легкостью многолетнего опыта он тут же оседлал этот сук. Один взгляд вниз вдоль ветви показал, что метатели копий не видели его. Они пытались скрыться в зарослях кустарика. Маловероятно, что они увидят его сквозь пышную листву огромого дерева.

Тарзан молча избавился от насекомых. *Кандо* были крошечными, но их ядовитые укусы болезненны. Почти для всех остальных они стали бы мучительны. Но Тарзана так часто кусали, что организм выработал частичный иммунитет к яду. Так что укусы были для него незначительным раздражением. Как только муравьи были изгнаны, Тарзану потребовалось несколько секунд, чтобы изучить непосредственное окружение. Рядом росла огромная масса гигантских черноалых полосатых орхидей. Запах гниющего мяса подавлял любые другие запахи. Грохот грома заглушал все остальные звуки. Только глаза могли сказать ему, нет ли здесь врагов. И единственные, кого он должен был опасаться здесь, — это леопард — *шита* и змея — *хиста*.

Пока же Тарзан не видел ничего угрожающего.

Он осмотрел крошечную ранку, оставленную, как он предположил, наконечником копья. Кровь уже остановилась. Позже, если бы у него была возможность, он бы втер в рану щепотку почвы дождевого леса. Много лет назад, когда он был ребенком, жил с *мангани*, великими обезьянами, его приемная мать, Кала, научила его, как защищать себя от инфекций. Ученые цивилизации еще не знали об этом.

Теперь он осмотрелся внимательнее. Действительно, на него охотились с копьями.

Следопыт, должно быть, наткнулся на остатки его недавней трапезы, хорошо обглоданные кости и коричнево-белую пятнистую шкуру крошечного члена семьи *ваппи* — антилопы. Тарзан отошел на несколько миль, прежде чем принял решение подяться на деревья. Должно быть, *ндеси* следовали по его следам на мягкой грязной земле. И они догнали его, как раз тогда, когда он начал подниматься.

Он видел, как два чернокожих охотника выскользнули из-за кустов, за которыми прятались. Оба попытались вытащить копья, глубоко возившиеся в дерево. Но только потом они посмотрели вверх.

Охотники метнули свои копья. Их острые металлические наконечники поразили бы Тарзана, если бы охотники попали в цель. Если бы у них было огнестрельное оружие, ему было бы несдобровать. Он был в пятидесяти футах над ними, но самый верхний полог дождевого леса был выше, на расстоянии не менее двухсот футов над ним. Грозовые тучи закрывали сверкающее лицо *куду* — солнца. Они ослабили и без того тусклый свет, который проникал через множество огромных ветвей и переплетенных листьев и лиан. Тем не менее беглец видел узоры белой и желтой краски на лицах охотников.

Это были *ндеси*, небольшое племя, которое когда-то являлось частью народа *масаи*, но теперь стало его врагом. *Ндеси* были великолепными следопытами. Однако их территорией была саванна, открытые пространства, полные стад антилоп и зебр, владения хищников, гепарда и льва.

То, что *ндеси* очутились здесь, удивило Тарзана. Он был недалеко от восточной границы Свободного государства Конго и в сотнях миль от тропического леса. А *ндеси* жили в Британской Восточной Африке. Их деревни находились в двухстах милях к западу от ранчо Тарзана, которое было сожжено солдатами немецкой Восточной Африки.

Немцы оставили обгоревшее тело женщины-*вазири* в руинах большого дома. Это было тело, которое Тарзан считал в то время телом своей жены, поскольку немцы надели обручальное кольцо Джейн на палец убитой женщины, прежде чем сжечь ее. Только спустя почти четыре года Тарзан прочитал дневник мертвого немецкого офицера и узнал, что его обманули. Дневник принадлежал капитану Фрицу Шнайдеру, офицеру, который и устроил эту «шутку».

Человек-обезьяна давно убил капитана, но не раньше, чем прикончил его брата майора Болко Шнайдера. Тарзан принял майора за капитана. Не важно. Оба *боша* заслуживали смерти. После прочтения дневника немца человек-обезьяна отправился на поиски Джейн, хотя след «был холодным» и они были далеко друг от друга.

Тарзан предположил, что *ндеси*, должно быть, подкупили обещаниями товаров, скота и оружия. Но кто это сделал?

Маловероятно, что это были немцы. Была середина октября 1918 года. Британцы, французы, итальянцы, американцы

и их союзники, казалось, выигрывали Великую войну против Германии на фронтах Европы и Ближнего Востока. В других местах, включая Восточную Африку, они оттеснили немцев и их союзников...

Немцы хотели бы знать местонахождение Тарзана из племени обезьян, также известного как лорд Грейсток. Он убил многих из их белых и черных воинов и даже заставил их проиграть большую битву. Но несмотря на то, что они хотели убить или поймать, им не хватало ресурсов, чтобы отправить охотников.

Даже если бы у них были ресурсы, они могли найти Тарзана только случайно.

Если эти двое *ндеси* не немецкие наемники, то кем бы они могли быть? Он не знал. Кто-то неизвестный шел по его следу.

Тарзан нахмурился. *Ндеси* подобрались достаточно близко, чтобы его убить. В Африке не было лучших копейщиков. Тем не менее ему казалось, что они пытались покалечить его, а не прикончить. У них должен был быть приказ взять его живым. Почему?

В этот момент сук, на котором стоял Тарзан, покачнулся. У него закружилась голова. Ему пришлось упасть на сук и вцепиться в него руками и ногами. Дерево дрожало, пусть и не так сильно, как накануне, когда лесные гиганты гнулись, как трава.

Внезапно сильная дрожь прекратилась, но земля под деревом продолжала тонко вибрировать.

Третий день землетрясений! До сих пор мелкие, они не вызывали тревоги, но могли стать предвестниками настоящего толчка. Тогда деревья могут рухнуть. Несмотря на то, что думал цивилизованный мир, почва джунглей была слишком тонкой, чтобы корни деревьев могли проникнуть глубоко. Вместо этого, корни широко разрастались в стороны, но в таком случае дерево могло легко опрокинуться. Но ветви деревьев верхнего полога были настолько переплетены с ветвями и лианами их соседей, что именно «верхний этаж» джунглей не позволял деревьям рушиться под собственной тяжестью.

Теперь Тарзан слышал в промежутках между ревом грома треск листвы — несколько человек пробирались через лес,

двигаясь в его сторону. Они шли медленно и очень осторожно. Но Кала с раннего детства обучила Тарзана распознавать и интерпретировать малейшие шумы. Эти люди двигались столь же бесшумно для его чуткого слуха, как *тантор*-слон, огромный серый и с длинным носом, без страха, трубящий чтобы известить всех о своем приближении.

Тарзан не был склонен к долгим раздумьям. Подобно *шите* — ворону, он быстро оценил ситуацию и немедленно начал действовать. Он знал, что тот, кто приближался, все еще находится на расстоянии не менее пятидесяти ярдов. У Тарзана было достаточно времени, чтобы нанести удар, а затем уйти.

Он снял лук с застежки на колчане. Он натянул лук, а затем наложил стрелу на тетиву из жилы леопарда. Лица обоих *ндеси* были обращены к нему. Хотя он не мог их слышать, потому что *панд* — гром, величайший из всех создателей шума, ревел во весь голос, Тарзан лишь видел, как двигались их рты. Они, казалось, рассуждали. О чем? Вероятно, о том, должны ли они остаться здесь и дождаться другой возможности поймать его, или, как подсказывал им здравый смысл, им пора выбираться из этого опасного места.

Повелитель джунглей принял решение за них. Его стрела вошла прямо в рот, скользнула глубоко в горло одного из следопытов *ндеси*. Тот упал. Оставшийся в живых застыл на секунду, затем побежал. Когда он увидел первых людей из приближающейся группы, он остановился, повернулся и указал в направлении, откуда сбежал.

К тому времени Тарзан, двигаясь по среднему ярусу леса, оказался прямо над остальными охотниками. Теперь они были под ним, сбившись в плотную кучу. Он лежал на середине огромного сука и смотрел на них сверху вниз.

Ах, сколько раз он делал это за свои почти тридцать лет жизни! Он всегда чувствовал себя уютно и безопасно, хотя знал, что опасность — его спутница, более близкая, чем могла быть даже жена. Тем не менее опасность всегда была готова развестись с ним, бросить его в пасть всегда голодного существа, того, кто был достоин имен «Ужасный охотник» или «Пожиратель всех вещей, включая космос и материю»...

Внизу было четверо черных и четверо белых. Несомненно, в их лагере намного больше людей. Должны были быть носильщики, тащившие запасы еды, палатки, лекарства и боеприпасы. В отличие от Тарзана, эти люди не могли выжить без запасов в тропическом лесу. Хотя жизнь бурлила вокруг них, они бы голодали.

Внезапно буря обрушилась на крышу джунглей чуть выше наблюдателя и наблюдаемого. Сильный ветер усилился до жуткого урагана. Бледный свет стал почти черным, как полночь. *Ара* — молния сверкнула в темноте; *панд*-гром гремел громче с каждой секундой. Массивный сук под Тарзаном закачался. Тарзан цеплялся за углубления в толстой коре, а сук скрипел и стонал. *Уша* — ветер, был действительно злой. *Уша* обычно был таким в сезон дождей и штормов. И этот день ознаменовал начало сезона. С этого момента и до самого конца дождь будет биться в полог леса, по крайней мере один раз в день обязательно.

Однако обычно дождь выпадал незадолго до заката. А сейчас солнце все еще было достаточно высоко в небе. Но эта буря была поистине чудовищной.

До того, как начался потоп, Тарзан снял тетиву с лука и положил в колчан. Оттуда он вытащил и развернул мешок из мягкой, хорошо обработанной и хитро сшитой леопардовой кишки. Он спрятал колчан и острые наконечники кремневых стрел в этот непромокаемый мешок, завязал его и вернулся к наблюдению за людьми. Во мраке бури он мог видеть их только тогда, когда вспышка молнии озаряла джунгли.

Люди, вместо того чтобы идти к убитому *ндеси*, вернулись туда, откуда пришли. Головы их были опущены, плечи сгорбились, их ноги скользили на мокрой листве.Они то и дело спотыкались. Листья и ветки падали вокруг них и на них.

ГЛАВА 2

ДАЖЕ ПЛОТНАЯ ЗЕЛЕНАЯ крыша тропического леса не смогла смягчить ярость бури. Тарзану было неуютно. Казалось, буря хочет разрушить джунгли. Ее свирепая сила определенно намного превосходила любой шторм, который он

до сих пор испытывал. И ему казалось, что она может быть предвестником грядущих худших событий.

Тарзан, как обычно, не стал сидеть на месте, пока буря не прошла. Несмотря на адский грохот, на гнущиеся под ударами ветра деревья и проливной дождь, Тарзан поднялся на ноги. Затем он исчез среди лиан и ветвей на среднем ярусе леса.

Однако он двигался не слишком быстро и не слишком уверенно. Иногда он останавливался, потому что молния била прямо перед ним, ослепляя. Дважды она ударила в деревья неподалеку от Тарзана.

Челюсти бури были страшнее, чем челюсти *нумы*-льва, когда он голоден. Тарзан мог сражаться со львом, но он не мог сражаться с бурей. Разум подсказал ему, что пора укрыться. Прямо сейчас! Но, решив, что он последует за врагами в их лагерь, Тарзан не хотел отступать.

Спустя какое-то время люди, которых он преследовал подошли к четырем большим палаткам из холста, раскинувшимся у основания гигантского дерева. Электрические фонари тускло светили изнутри, сквозь полуоткрытые створки палаток. За исключением восьми человек, входящих в лагерь, никого не было видно. Тарзан полагал, что носильшики должны были набиться в обе палатки.

Четверо белых вошли в одну из палаток. Черные полезли в другую. При свете ламп внутри Тарзан разглядел часть интерьера. Там было полно аборигенов. Он предположил, что в двух других палатках еще больше носильщиков и солдат. Солдаты на суахили назывались *аскари*.

Коробки, ящики и сундуки с припасами, были сложены возле палаток.

Тарзан медленно и осторожно спустился с дерева рядом с палатками. Холодная дождевая вода заливала его с ног до головы. Она заставила бы задрожать любого другого человека.

Добравшись до земли, Тарзан, пригнувшись, направился к задней части палатки, где жили белые люди. Свой охотничий нож, когда-то принадлежавший его отцу, Тарзан сжимал в правой руке.

Подслушивать было нелегко. Ветер, ревущий в кронах, треск сучьев, хлопанье палаток, рев дождя и канонада грома позволили услышать только обрывки разговора.

— ...Грейстока не может быть...

— Пинделл! Что за...

— Если это касается его или меня...

— Гомешон...

— Как только наступает рассвет, мы... Проверим... Сначала тело Абомы... Как связаться...»

Тарзан решил, что зря теряет время. Однако один из белых упомянул британский титул человека-обезьяны: лорд Грейсток. Теперь Тарзан был уверен, что не случайно эти люди были здесь. Он также убедился, что копейщики метили в ноги, чтобы взять его живым. Они пытались ранить его вместо того, чтобы убить. И действовали по какой-то причине, которую он не знал. Но он собирался выяснить, в чем дело, и побыстрее.

Буря начала стихать. Тарзан взобрался на дерево, прежде чем кто-либо успел выйти из укрытия. Боги грома удовлетворили свою ярость, и облака начали расползаться. Не удивительно. Они часто быстро исчезали после тропического шторма.

Тарзан вернулся туда, где лежал мертвец. Там он спустился на землю. Теперь, когда буря закончилась, леопарды отправятся на поиски мяса. Но тело было еще нетронутым, и Тарзан не видел никаких признаков хищников, больших или маленьких.

Он легко поднял тело убитого следопыта и взвалил на плечо. Затем он помчался обратно по лесной тропе, к дереву возле лагеря. Там Тарзан поднялся на дерево, на сук прямо над палаткой, в которой находились белые люди. Оттуда он сбросил труп с торчащей из горла стрелой прямо на палатку. Мертвец врезался в середину крыши палатки. Та рухнула.

Пойманные в ловушку люди закричали в ужасе. Чернокожие высыпали из остальных палаток. За ними последовали белые. Потом они все начали кричать. Тарзан мрачно усмехнулся шуму и хаосу, которые он вызвал. Но он не оставался на ветке дерева слишком долго. Через две минуты он лежал на земле и наблюдал за происходящим из-за другого дерева.

Предводитель, большой белый с тяжелыми черными усами, навел порядок. Наступала ночь, и тело несчастного *ндези* осмотрели при свете факелов и фонарей. Это вызвало еще

больше разговоров, но предводитель, которого двое белых назвали Хелмсоном, всех успокоил. Палатка была снова установлена, и несколько охранников встали на часах. Хелмсон приказал им осветить заросли лучами фонарей.

Главного носильщика звали Тамби. Он переводил для белого человека. Его прическа и огромные спиральные серьги выдавали члена племени *вамабо*. Но когда *аскари* говорил, Тарзан понял, что тот *сэрба* из племени, жившего на западном краю Британской Восточной Африки.

Эта экспедиция состояла из представителей четырех племен. В меньшинстве были белые — *тармангани*. *Вамабо* оказалось больше всего. *Сэрба* — солдаты, третья по величине группа, а следопыты *ндеси* — самая маленькая группа участников сафари.

Тарзан чувствовал, что охотников отбирали тщательно. Только лучшие достаточно хороши, чтобы преследовать его, но Тарзан не был польщен. Он расценил их как неприятность. Серьезную неприятность, которая может стать опасностью. Поэтому он должен был убедиться, что они перестанут быть угрозой любого рода.

Во-первых, он должен поймать *тармангани*. Кто-то из них, вероятно, будет знать больше об истинной цели этого сафари. Но сейчас белые забрались в свою палатку и оказались вне досягаемости Тарзана. Поэтому он удовлетворился тем, что схватил *аскари*, который стоял позади толпы. Пораженный солдат почувствовал, как рука зажала ему рот, а затем он потерял сознание.

Очнулся *аскари* лежа на спине. Его запястья были связаны за спиной, а лодыжки стянуты вместе. Ему, однако, не заткнули рот. Свет полной луны сиял сквозь листву. Ее лучи освещали его и его похитителя, стоящего рядом с ним. Этот человек был белым, высоким и мускулистым. Он носил набедренную повязку из шкуры леопарда и пояс из кожи леопарда с темными кожаными ножнами, в которых угадывался большой нож. Когда незнакомец повернулся в профиль, *аскари* увидел темный кожаный плечевой ремень, часть колчана и стрелы.

Хотя освещение было довольно тусклым, *серба* также отметил широкие плечи и узкую талию своего похитителя. Его

телосложение было худым, скорее леопардовым, чем львиным. Но леопард мог легко нести свою добычу, антилопу, весящую в три раза больше, чем кошка, вверх по дереву к развилке ствола, чтобы спрятать ее. Говорят, что по силе мускулатуры леопард был самым сильным из всех зверей.

Серба также рассмотрел грубое, но красивое лицо своего похитителя, сильный нос, короткую верхнюю губу, квадратный подбородок, большой шрам на лбу и многие шрамы на его теле, длинные черные волосы и темные глаза. Хотя *серба* знал из описаний, что при дневном свете эти глаза становились серыми.

Это был легендарный лесной призрак, легендарный бог джунглей. Хотя он часто выглядел просто как белый человек, он мог принимать разные формы, лишь немногие из них были добрыми. Подумав об этом, солдат начал дрожать. Он не боялся ни одного человека, ни белого, ни черного. Но призраки, которые вышли из земли мертвых и демонов?..

Вот Тарзан говорил на не совсем правильном, но понятном языке *серба*.

— Как тебя зовут?

— Тенга.

— Тенга, я не убью тебя, если ты скажешь мне правду. Но если ты откажешься отвечать на мои вопросы или солжешь мне, ты станешь мясом для любого зверя, который первым найдет твое тело. Кроме того, ты далеко от лагеря. Не пытайся кричать. Это только разозлит меня.

— Мне платят за защиту носильщиков и белых людей, — тихо сказал *аскари*. — Но я не хочу умирать за *вамабо* или *ндеси*, моих потомственных врагов. Также я не хочу умирать за белых. Я не могу обещать, что смогу ответить на все твои вопросы. Чего я не знаю, я не знаю.

— Ты знаешь, кто я?

— А кто нет? Ты — Тарзан, человек-обезьяна, брат волосатых людей на деревьях, зачатый в женской великой обезьяне белокожим дьяволом с рогами и длинным хвостом. Грейсток и начальник вазири, которые являются врагами сэрба, хотя и не такими великими врагами, как масаи и кикуйю. Впрочем, достаточно великими.

— Зачем эти белые люди ищут меня?

— Воистину, я не знаю.

— Белые люди пытаются убить меня?

Тенга молчал несколько секунд, затем заговорил:

— Наш приказ — поймать тебя, но не убивать. Однако если ты загнан в угол, но можешь сбежать, если мы не будем применять насилие, мы можем нокаутировать тебя, сломать ногу или руку или даже вонзить копье в ногу или руку. Человек, которому удастся захватить тебя, получит большую награду. Но белый начальник Хелмсон сказал нам, что, если ты будешь случайно убит, того, кто убил, пристрелят на месте.

— Есть ли что-нибудь еще, что ты можешь сказать мне, что я должен знать? — спросил Тарзан.

— Ты действительно собираешься отпустить меня, если я расскажу все, что знаю?

— Я дал слово. Возможно, вы слышали обо мне достаточно, чтобы понять, что я никогда не нарушу свое обещание.

Тенга колебался. Затем сказал:

— Белые люди много говорили между собой на английском. Я не понимаю по-английски, что звучит для меня как шипение змей. Но Тамби, вождь носильщиков, знает. Он также говорит на *сэрба* и *ндеси*. Он сказал некоторым из нас, *аскари*, что ему самому не сказали, почему белые так отчаянно хотят поймать человека-обезьяну.

Но, прежде чем мы отправились из базового лагеря, тот, кто находился возле моей деревни, говорил с ним о белом человеке, которого Хелмсон звал Гомешон. Тэмби подслушал, что Гомешон что-то сказал Хелмсону о хозяине Хелмсона и Гомешона. Но Тамби не слышал упомянутое имя хозяина.

— Как вы меня нашли? — спросил Тарзан.

— Я не знаю. Каждое утро Хелмсон отдавал приказы на марш дня, в каком направлении мы пойдем и как далеко. Следопыты *ндеси* шли впереди нас. Однако была одна любопытная деталь. Мы сошли с тропы к северу и должны были пройти к джунглям Итури. Мы остановились возле небольшой деревни *ашеков*. Пока мы разбили лагерь, Хелмсон ушел сам. Через несколько часов он вернулся. Он не сказал, что делал в джунглях, но отдал приказ возобновить марш. Затем мы повернули на юг. А потом...

— А потом? — переспросил Тарзан.

— После этого Хелмсон, казалось, был уверен, что идет по следу. Но никто из нас не видел ничего, что могло бы заставить его думать, что это так. Это была загадка, о которой мы говорили между собой. Конечно, никто не спрашивал Хельмсона.

Тарзан подумал, что нужно разгадать много загадок и ответить на многие вопросы.

Он перевернул Тенгу на живот и разрезал путы на запястьях. Тенга закрыл глаза. Слову белого человека нельзя было доверять больше, чем слову черного человека. Но, возможно, то, что говорили об этом Тарзане, правда. То есть, хотя он выглядел как белый человек, у него была душа великой обезьяны.

Но можно ли доверять великой обезьяне?

Тогда Тенга подумал: «Если бы Тарзан хотел убить меня, он бы не разрезал мои путы».

Тенга открыл глаза, перевернулся на спину и сел. Человек-обезьяна исчез. Леопард закричал где-то неподалеку. Когда Тенга развязал кожаные ремни, стягивающие лодыжки, он решил, что должен найти лагерь до того, как леопард отыщет его.

Тенга задавался вопросом, была ли у Тарзана душа великой обезьяны. Сам Тарзан не имел дела с такими смутными понятиями, как душа.

Тем не менее в возрасте от одного до двадцати лет Тарзан жил среди великих обезьян — *мангани*. Тогда единственным языком, на котором он мог говорить, был *мангани*. Следовательно, он думал как *мангани*. Но, когда он стал старше, он обрел мысли и понятия, которые были за пределами понимания великих обезьян. Например, термин *ва-уша* был поэтическим названием *мангани* для листа или листьев. Это означало «зеленый ветер». Для *мангани*, *уша*-ветер не заставлял лист двигаться. Наоборот, движение листьев порождало ветер. Также дерево не гнулось под воздействием ветра. Дерево гнулось и тряслось взад-вперед, создавая ветер. Тарзан раньше верил, что это правда.

Манганское слово для дождя было *мита*. Мангани связывали дождь с облаками, которые они называли *мита-вуф*, то есть «дождь-дым». Но они не знали — или не заботились, —

откуда шел дождь. Итак, Тарзан, гораздо более любопытный и творческий, чем они, сформировал теорию о том, что у звезд, луны и солнца были пузыри. Когда они были полны, *куду, горо* и *хул* изливали свою воду сверху.

Потом была загадка времени. Тарзан узнал, что у людей было острое чувство времени, хотя они не могли удовлетворительно объяснить его природу, происхождение или конец. У *мангани* было очень ограниченное чувство времени. У Тарзана был человеческий мозг, и поэтому он построил свои умственные гнезда на дереве под названием Будущее. Но он должен был придумать свои слова для будущего и для самого времени.

Мангани не имели понятия о Боге. Но Тарзан придумал Создателя и даже изобрел для Бога звучное и длинное имя — Буламутумомо. Хотя он приписывал все хорошие вещи Буламутумомо, он не мог поверить, что Бог сотворил такие злые вещи, как змея *хиста*. Таким образом, он был на пороге создания того, что человеческие философы называли *манихейством*, веры в двух создателей, одного бога добра и одного бога зла.

Молодой человек-обезьяна понятия не имел, что мозг — центр мыслей и действий. Он вообще не знал, какова функция этого органа, кроме как в еде. Но вспарывая ножом тела еще живых жертв, он обратил внимание на сердце, на то-что жизнь прекращалась с прекращением его биения. «То-что живо и дышит» — назвал он сердце. Это был контролирующий орган жизни.

Но его пальцы «знали», когда они что-то трогали. Его глаза «знали», что они видели. Его уши «знали» звуки, которые он слышал. Его нос «знал», что это пахло. Эти органы имели своего рода безупречное восприятие, и они «думали». И его горло, его кожа и волосы на его голове были источником сильных эмоций.

Для Тарзана *куду*-солнце и *горо*-луна были живыми и мыслящими существами, очень могущественными существами. Они могли видеть и слышать Тарзана, особенно когда в приступах юношского опьянения силой, пьяный самой жизнью, он хвастался, что может победить их в бою. Кроме того, деревья и травы жили, и когда трава шуршала, листья разговаривали друг с другом.

Жизнь была бегущим ручьем радости. Смерть, хотя и не была веселым событием, была частью жизни.

Когда Тарзану было десять лет, люди переселились в джунгли возле территории его племени. И один из этих черных людей убил его приемную мать Калу. Тарзан отомстил за этот ужасный поступок, и он так и не подружился с племенем и не выучил их язык. До двадцати лет он не сталкивался с белыми людьми.

С тех пор он жил в городах время от времени, хотя и не любил городов. Он думал о них как о удушающих и злобных, грязных болотах. Но там его познакомили с историей и различными науками. Это был шок. Тем не менее приспосабливающийся человек-обезьяна пришел к выводу, что многое из того, что он тогда узнал, было правдой, даже если это противоречило его убеждениям *мангани.*

Тем не менее, находясь в джунглях, Тарзан вернулся к своим старым убеждениям и реакциям. Сейчас он был действительно *мангани.* Однако у него все еще был интеллект человека, который поднял его высоко среди людей. Из тех людей, которые знали о нем, некоторые говорили, что его нечеловеческое воспитание сочеталось с его превосходным умом Homo Sapiens, чтобы сделать его более чем человеком.

Некоторые, менее склонные к гиперболе, говорили, что он был уникальным и замечательным явлением природы. Из всех многих миллионов различных форм, которые жизнь произвела в течение миллионов лет, она произвела только одного Тарзана.

Он был отдельным видом сам по себе.

ГЛАВА 3

КОГДА ТАРЗАН НАШЕЛ свою жену Джейн, он также нашел ее похитителей. Это были лейтенант Обергац из немецкой Восточно-Африканской армии и его солдаты из местных. Если отчеты британской разведки были верны, Джейн и Обергац находились где-то в лесу Итури или неподалеку. Но эта область была огромна; а людей там почти не было. Найти ее там было бы не проще, чем найти одно конкретное дерево среди миллионов.

Тем не менее Тарзан был полон решимости найти Джейн, и никто не смог бы его отговорить или остановить.

Но Хелмсон и его люди отвлекли Тарзана от его поисков. От них следовало избавиться, прежде чем продолжать поиски. И был вопрос, на который Тарзан должен был найти ответ. Как эти люди выследили его? Их проблема была такой же, как и его. Они должны были найти конкретного человека среди бездорожной и малонаселенной пустыни.

Сам Тарзан предпочел бы незаметно уйти от преследователей. Но, если верить истории Тенги, у них, вероятно, было знание или устройство, то, что позволило им найти его. Поэтому бегство не решало вопроса, оно могло оказаться путем в ловушку.

Были две другие вещи, которые Тарзан мог сделать.

Для начала, он мог поймать белого и узнать у него секрет успеха их поисков.

Или же он мог убить всех белых. Это остановит экспедицию. Чернокожие вернутся в свои родные деревни. И он, Тарзан, снова сможет отправиться на поиски Джейн.

К тому же ему было очень любопытно, почему белые преследовали его. Он не мог успокоиться, пока не узнает, почему.

Тарзан был зол на себя за неспособность преодолеть свое любопытство. Он также был зол на тех, кто сделал его любопытным. Он не хотел ни на мгновение отвлекаться от поисков своей жены. Но он должен был сделать это.

Что касается выбора между убийством всех белых или допросом одного из них, он не колебался. Будучи логичным, эффективным и экономным, Тарзан решил сначала поймать белого человека, предпочтительно Хелмсона, и допросить его. Если это не сработает, тогда он убьет их всех...

Тарзан следовал за Тенгой на земле, пока *сэрба* не вернулся в лагерь. Затем он поднялся на средний ярус леса и затаился. Тенга разбудил лагерь и вошел в палатку белых. Тогда Тарзан отказался от своего первоначального плана подкрасться к дереву и подслушать разговор за палаткой. Хелмсон разместил охранников с каждой стороны палатки. Беседа затянулась на полчаса, и несколько раз Хелмсон сердито кричал. Тарзан полагал, что гнев был направлен на

Тенгу. Затем *сэрба* покинул палатку белых и направился в палатку *аскари.*

Тарзан нашел удобное место на развилке сучьев и уснул. Когда через час после рассвета охотники двинулись в путь, человек-обезьяна тенью последовал за ними. Иногда он был на ветвях над ними. Иногда он был на земле рядом с ними или позади них. Около полудня он получил шанс и воспользовался им.

Тармангани, белый человек, был пойман при попытке опорожнения мочевого пузыря, когда отошел за дерево. Две руки сзади сдавили ему горло.

Тарзан, мрачно улыбаясь, поднял пленника за шею.

Его жертва махала руками и дрыгала ногами, но недолго. Как только человек прекратил бороться, Тарзан бросил его на землю, перевернул обмякшее тело и посмотрел на синее лицо. Убедившись, что мужчина все еще дышит, Тарзан вытащил из его кобуры автоматический пистолет и отложил в сторону. Затем он поднял мужчину на плечо. Бесшумной молнией промчавшись сквозь джунгли, Тарзан унес своего пленника подальше от остальной части группы.

К тому времени, как он притащил пленника на развилку сучьев на среднем ярусе леса, тот начал приходить в себя. Он выпучил глаза. Сразу после этого он начал кашлять и задыхаться. Но не вскрикнул. Нож касался его яремной вены, и вид человека, сидящего рядом на корточках, убедил, что делать это будет не разумно.

Сначала он покраснел. Затем он побелел, словно увидел призрака. Еще он осознал, что грубая кора болезненно прижимается к его спине. Хотя в относительно прохладном тропическом лесу температура была, вероятно, около 75^0 по Фаренгейту, ему было холодно. Крошечные мухи жужжали и ползали по его лицу. Одна залезла в нос и заставила его чихнуть. Его чих вызвал визг, гул и карканье среди обитателей верхнего яруса.

Через несколько минут громкая какофония утихла. Пленник дернулся, но ему пришлось терпеть мух. Очевидно, он не хотел напугать своего похитителя. Один удар лезвия этого ножа по его яремной вене, и его кровь хлынет вниз, к подножью лесных гигантов.

Тенга описал своего похитителя, поэтому белый пленник должен был знать, что попал в руки Тарзана, лорда Грейстока.

Тарзан долго изучал своего пленника, ожидая, пока тот окончательно погрузится в омут апатии, ужаса и бессилия. По тому, что Тарзан подслушивал днем, он знал, что этого человека звали Митчелл. Он выглядел так, как будто ему лет тридцать. Ростом он был около пяти футов и восьми дюймов и весил около 160 фунтов, чисто выбритый, с каштановыми волосами и голубыми глазами.

Наконец лицо пленника стало нормального цвета и сам он перестал дрожать. Тогда Тарзан заговорил ровным тоном. Но его лицо и глаза показывали, что он был бы беспощадным, как леопард, если бы ему пришлось.

— Митчелл, я не убью тебя, если ты не солжешь мне. Если ты станешь врать, ты умрешь. Если ты скажешь правду, ты будешь свободным и невредимым.

Митчелл сглотнул.

— Я смогу рассказать тебе только то, что знаю, и это немного...

Его выговор показал, что он родился и вырос в Камберленде, этом округе на северо-западе Англии и на южной границе Шотландии. Человек-обезьяна владел особняком в Камберленде и провел там некоторое время.

Голос Тарзана стал резче.

— Рассказывай!

Митчелл огляделся, прежде чем ответить. Что бы он ни искал, было очевидно, что он этого не увидел. Не двигая мышцами лица или тела, он, казалось, пожал плечами. Тарзан подумал, что этот человек готов рассказать правду, как он ее понимал.

— Я профессиональный охотник и коллекционер животных для зоопарков и цирка. Я также проводник и организатор сафари для богатых охотников за крупной дичью. Но война разрушила мой бизнес, и поэтому...

— Не пытайся заболтать меня до смерти, — перебил его человек-обезьяна. — Говори по делу.

Митчелл продолжил. Он был в Мозамбике, владениях Португалии в Восточной Африке, по делам, которые не касались его пребывания здесь. «Несомненно, не-

законный бизнес», — подумал Тарзан, но ему было все равно. И тут американец по имени Роберт Пинделл, другой белый охотник, через посыльного отправил сообщение, что у него есть предложение для него. В письме говорилось, что можно хорошо заработать. Денег хватит, чтобы уйти на пенсию и жить припеваючи.

Митчелл отправился в место, указанное Пинделлом. Там Пинделл представил его руководителю проекта, Дж. Л. К. Хелмсону. Тот был американским гражданином и известным охотником. Первым делом Митчеллу, что не может назвать имя своего босса, но его работодатель был очень очень богатым человеком, который по какой-то причине хотел поймать человека, известного как Джон Клейтон, лорд Грейсток, Тарзан-человек-обезьяна.

Хелмсон подчеркнул, что Грейсток должен быть взят живьём.

Митчелл спросил, что будет с Грейстоком, когда его поймают. Хелмсон ответил, что это не касается Митчелла.

Таким образом, Митчелл сообщил, что бесполезно спрашивать его, почему неизвестный хотел захватить Тарзана.

Митчелл согласился помочь в охоте. Во-первых, Митчеллу пришлось поклясться не раскрывать кому-либо за пределами проекта ничего о его истинной цели.

— Но ты сообщил мне эту истинную цель, — заметил Тарзан. — И мне даже не пришлось угрожать пытками, чтобы заставить говорить. Не больше, чем я должен был угрожать Тенге.

— Ты бы пытал меня? — спросил Митчелл.

— Да.

— Я так и думал. Хелмсон описал твой характер. Он сказал, что ты на самом деле не совсем человек. Ты большая обезьяна, как их называют?..

— *Мангани.*

— Но по происхождению ты — человек. Ты не стал бы вести себя излишне жестоко. Но в нашем случае шансы были высоки, хотя некоторые из нас или все мы могли умереть, пытаясь поймать тебя...

— Знаю, — согласился Тарзан. — Но как Хелмсон обнаружил меня?

— Хелмсон узнал, где тебя видели в последний раз, и что ты шел по следу своей жены и ее похитителей. Британская разведка знала это. Некий офицер, майор Капелл из Второго Родезийского, рассказал тебе, где твоя жена. Итак, мы наняли несколько *ндеси* в качестве следопытов. Они знали тебя, потому что ты расспрашивал их о своей жене и немецких солдатах... Кроме того, мы наняли несколько *сэрба аскари*, потому что ты обыскал две деревни *сэрба*. И мы наняли несколько *вамабо*, потому что они считаются самыми сильными и самыми стойкими носильщиками во всей Африке. Думаю, что Хелмсон получил какую-то информацию от своего работодателя, а работодатель каким-то образом получил информацию от немецкой секретной службы.

— Богатый американец должен был быть очень могущественным, чтобы получить такую информацию от немецкой секретной службы... — протянул Тарзан. — В конце концов, Соединенные Штаты ведут войну против Германии.

— Деньги могут сделать почти все.

Тарзан поморщился от отвращения.

— Но как тебе удалось найти мой след? Конечно, это не случайно.

— Ты расспрашивал пигмеев о своей жене. И Хелмсон расспрашивал их о твоей жене и о тебе. Но я думаю...

Тарзан размышлял несколько секунд... Две недели назад он в последний раз разговаривал с пигмеями. Хелмсон никак не мог его найти, кроме как случайно. Но Тарзан не верил, что Хелмсон мог просто наткнуться на его невидимый след.

С другой стороны...

— Тенга рассказал мне, что сафари не пошло по кратчайшему пути к Итури. Вы пошли на север и остановились у деревни *ашеки*. Хелмсон исчез на некоторое время, а затем вернулся. Что ты знаешь об этом?

— Ничего, абсолютно ничего. Клянусь!

Тарзан снова заговорил резко.

— Ты начал говорить, что думаешь... потом остановился. Что ты собирался сказать?

Митчелл замялся.

— У Хелмсона есть что-то... Не знаю... Какой-то метод, какое-то устройство... Я не понимаю, как это может быть... Что-то, что может уловить твой запах или увидеть твой след.

— Узнаю у Хелмсона, — сказал Тарзан.

Увидев, как напряглось лицо Тарзана, слыша мрачный голос, Митчелл не сомневался, что Тарзан имел в виду именно то, что он сказал.

Тарзан внезапно встал. Митчелл почувствовал облегчение, когда нож убрали от его яремной вены, но он знал, что ему все еще очень угрожает опасность.

— Я говорил тебе... — Тарзан замолчал, поднял руку, приказывая замолчать. Он отвернулся от Митчелла.

Именно тогда Митчелл почувствовал странный и сильный запах. Это была нечеловеческая вонь. Он поднялся на ноги, развернулся, закричал, снова развернулся и бросился в том же направлении, что и Тарзан. Но человек-обезьяна исчез.

«Тот, кто убегает от Смерти, иногда сталкивается со Смертью». Так гласит поговорка *вазири.*

Митчелл споткнулся и упал с сука. Крича, он перевернулся в воздухе. Он увидел несущуюся навстречу землю. Он упал. Молния пронзила его кости. Затем кружающий мир растворился во мраке небытия.

ГЛАВА 4

ТАРЗАН ОЩУТИЛ НЕЗНАКОМЫЙ запах. Короткие волосы на его шее сразу же встали дыбом. По телу бежали мурашки тревоги. Внутри кричали родовые голоса, побуждая его бежать и найти убежище, из которого он мог наблюдать, затаившись, неизвестную опасность.

Поэтому, вместо того чтобы стоять на своем и идти навстречу мерзкому зловонию, он осторожно направился в обход. Так сделал бы любой зверь, который хотел выжить.

Если бы Митчелл был другом, Тарзан остался бы защищать его, независимо от того, что его инстинкты приказывали ему делать. Но Митчелл был врагом, и защищать его не было необходимости. Митчелл знал недостаточно о мотивах человека или людей, которые отдавали приказы Хелмсону.

Тем не менее, когда Тарзан, укрывшийся в массе лиан и алых цветов в сорока футах над суком, где он оставил Митчелла, услышал его предсмертный крик, он почувствовал приступ раскаяния. Это чувство — результат этического образования, которое он получил от своих знакомых. Его французские и английские друзья и его жена американского происхождения сумели несколько «цивилизовать» его. Но он чувствовал сожаление, а не вину.

Чувство это было не слишком остро, и длился этот приступ совсем недолго. В большинстве своих реакций, особенно в джунглях, он был *мангани*, великой обезьяной. Его человеческие реакции были лишь тонким налетом цивилизации на основе дикого образования. «Не всегда нужным налетом», — подумал он.

Кто-то, возможно Хелмсон, кричал. Тарзан был слишком далеко, чтобы ясно слышать слова, но они звучали так, как будто были командами.

Тарзан ожидал залпа по ветвям, откуда упал Митчелл. Но ни одного выстрела не последовало.

Это удивило его. Все больше и больше загадок!

У Тарзана был прекрасный обзор места происшествия. Убийца Митчелла исчез. Хотя Тарзан оглядел деревья вокруг и не пренебрег листвой чуть выше и чуть ниже, но не увидел ничего необычного. И теперь он не смог обнаружить даже слабого запаха этого тяжелого зверя.

Пока Тарзан осматривался, его разум вернулся к воспоминаниям о запахе. Внезапно он понял, где он чувствовал такой запах раньше, или, скорее, похожий. Это было не совсем то, с чем он когда-то сталкивался в зоопарке в Лондоне и в лесу в Висконсине. Но похоже. «Этот запах напоминает вонь черного медведя, — подумал Тарзан, — или медведя гризли».

Еще одна загадка.

Он читал, что единственные медведи в Африке обитали в горном массиве Атлас. Это было в северо-западной части Черного континента, в пустынне за тысячи миль от пышного и влажного дождевого леса. Но чтобы атаковать таким образом, незаметно, существо должно двигаться слишком быстро и грациозно, чтобы быть медведем. Его ловкость больше напоминала навыки обезьяны. Тарзан даже не заметил его.

Неужели нападавший сбросил Митчелла с ветви, потому что Митчелл оказался на его пути? Была ли добыча зверя не Митчеллом, а самим Тарзаном? Если так, то почему?

Тарзан долго сидел на корточках в развилке в стволе дерева. Листва надежно укрыла его от постороннних глаз. Размышляя о новом элементе этой головоломки, Тарзан ловил насекомых, ползавших в пределах досягаемости, и совал их в рот. Блестящие синие жуки размером с большой палец были особенно вкусными. Они хрустели на зубах, когда он жевал, и он жадно глотал их мягкую плоть и осколки хитина. Лучшие рестораны Парижа не предлагали ничего вкуснее.

Неожиданно Тарзан осознал, что джунгли стали необычайно тихими как раз перед тем, как появилось загадочное существо. Шум верхней террасы тропического леса, болтовня и вопли обезьян, хриплый крик птиц, прекратились. Но через некоторое время лес вновь привычно шумел. Это означало, что странного зверя рядом не было.

Тем временем люди внизу тоже исчезли. Но их, в отличие от зверя, будет легко найти снова.

Теперь Тарзан должен быть более осторожным, приближаясь к ним. Он также должен убедиться, что они его не видят. Один из белых был вооружен автоматическим карабином итальянского производства «Виллар-Пероза». Это двуствольное скорострельное оружие могло опустошить свой магазин за две секунды. Таким образом, он мог обрушить на область шириной в двадцать пять футов град пуль, прежде чем его магазин придется менять. Даже если стрелок не может видеть свою цель в листве, он сможет поразить ее.

Тарзан знал, что этим незнакомцам было приказано не убивать его. Но он не знал, был ли приказ отменен или его задели случайно, когда из «Вилар Перона» стреляли по кому-то другому.

Тарзан решил последовать за партией обратно в лагерь. Не потребуется много времени, чтобы догнать их. Они были на земле. Тарзан двигался в хитросплетении ветвей, лиан и других растений, которые выглядели такими плотными и непроницаемыми с земли. Тем не менее для него это был широко открытый проспект.

Когда Тарзан оказался над головам охотников, он замер. После чего осторожно последовал за ними и над ними. Двое черных несли тело Митчелла. Густое облако мух повисало над трупом. К тому времени, когда охотничий отряд добрался до базового лагеря, носильщики уже сложили палатки и собрали все для похода.

Перед началом сафари Митчелла пришлось похоронить. После того как в один конец могилы вонзился простой крест, Хелмсон заставил всех снять головные уборы. Затем он громко произнес короткую и поспешную молитву за усопшего.

После этого носильщики водрузили свою ношу на головы, и группа двинулась в джунгли. Во главе стояли белый человек и двое чернокожих с винтовками. За ними были следопыты, вооруженные *аскари*, которые раскинулись по флангам. Хелмсон и его оруженосец были посередине.

С тыла отряд охраняли два *аскари* и белый человек с карабином-автоматом.

Все это время, хотя Тарзан наблюдал за партией, он также бросал взгляды вокруг него. Он не думал, что странное существо попытается подкрасться к нему, не сейчас, когда эта тварь знала, что Тарзан был настороже и был дневной свет. Но зверь не знал, что Тарзан чувствовал это. По крайней мере, Тарзан надеялся, что зверь не знает. Он не мог принять это как должное. В джунглях следовало ожидать нападения каждый миг, из-за каждого куста или сплетения ветвей.

Пройдя некоторое время за охотниками, Тарзан неожиданно ускорил шаг. Вскоре он намного опередил охотников. Он был голоден, и он должен был кого-нибудь убить. По дороге он лакомился жуками.

Однажды он поразил крысу — *памбу*. Зверек попытался скрыться, но Тарзан быстро, как змея — *хиста*, схватил *памбу* одной рукой. Он откусил грызуну голову, содрал кожу, разорвал тельце надвое и принялся жевать, пока не проглотил обе половины. Они не заполнили его живот. Но теплая кровь и нежная плоть были как хорошее вино и икра для парижского аристократа.

Через некоторое время Тарзан почувствовал вонь гнющего тела. Его нос сказал ему, что это был труп молодого

слона, который умер не более дня назад. Тарзан следовал за запахом, пока не увидел внизу тело, лежавшее на берегу небольшого ручьем. Это был один из редких карликовых слонов, даже меньше, чем лесной слон, который был меньше, чем бегемоты саванны. Муравьи — *кандо*, жуки — *нене* и мухи — *буссо* роились над ним. Они образовали вздымающуюся массу, единый организм, гигантскую амебу.

Но теперь шесть *орта* — кабанов, устремились к слону. Они были ярко-оранжевые с белыми кисточками на ушах. Эти съедят все: и мясо слона и насекомых. И рядом с ними был *унго* — шакал, жаждавший откусить кусочек мяса.

Много лет назад Тарзан ел гнилого слона, а затем испытывал такие кошмары, что поклялся никогда больше не есть этого зверя. Однако несколько раз с тех пор его заставляли есть слона или голодать, и он не испытывал никаких побочных эффектов.

Тем не менее пожирать *тантора* было для него слишком близко к каннибализму. Тарзан умел истолковывать язык хобота. И он мог трубить на языке серого исполина, разговаривать с ним.

Тем не менее голод преодолел любые угрызения совести, которые он испытывал по поводу слона, которого он лично не знал.

Тарзан оглянулся и принюхался. Он не видел, не ощущал запаха крупных хищников, таких как *шита* — леопард, или *хиста* — питон. Тарзан спрыгнул на зеленый ковер на дне зеленого моря джунглей. *Орта* и *унго* остановились. Они наблюдали за человеком, пока он отрезал себе два стейка. Как только он вернулся к дереву с мясом, хищники снова двинулись к туше.

Поглотив стейки и множество муравьев, которые роились на них, Тарзан спустился к источнику. Там он вымыл руки и лицо, а затем вдоволь напился. После этого он возобновил преследование. Он прошел около десяти миль до того, как начался дождь. Он нашел довольно сухое место на ветке на полпути выше, чем английский домик. Масса сплетающихся растений на ветке над ним неплохо защищала от дождя. Хотя ливень, гром и молния не дали бы уснуть большинству людей и животных, Тарзан намеревался немного вздремнуть. Ему было необходимо выспаться в дневное время как

можно лучше. Сегодня вечером он не будет спать. Он будет слишком занят наблюдением за животным, которое пахло как медведь.

Как и большинство *мангани* или людей, Тарзан должен был дать имя чему-либо или кому-либо недавно встретившемуся. Он решил назвать тварь *бен-гоутором.* Это было отличное слово для обезьяны, означающее нечто ужасное и неописуемое. *Бен-гоутор* был настолько близок к абстрактному понятию, насколько мог прийти *мангани.*

Как животное, Тарзан мог заснуть, как только закрыл глаза. Но он также обладал способностью животного как-то быть достаточно бдительным, чтобы мгновенно проснуться. Таким образом, он мог переходить из сна в явь, готовый сражаться или бежать, как того требовала ситуация...

Буря закончилась. *Ара* — молния, *панд* — гром, и *мита* — дождь ушли.

Он мог видеть часть *куду* — солнца, пылающего гиганта, сквозь разрыв в плотном и зеленом потолке. *Куду* был примерно на десять градусов дальше своего зенита. Тарзан встал и огляделся. Он не мог видеть, слышать или чувствовать запах чего-то интересного или тревожного. Но крик, плач, визг, труба и бурный рост древесной жизни должны были возобновиться после бури. Стояла тишина, которую он, должно быть, услышал во сне. Что-то тревожное или чужое было рядом.

Тарзан не чувствовал ничего, кроме обычных запахов: влажных гниющих листьев и опавших плодов, гниющих деревьев, некоторые из которых все еще держались прямо. Маленькое животное разлагалось где-то поблизости.

Также он не слышал ничего, движущегося через ветви деревьев или на земле. Но это не значит, что рядом с ним не прячутся звери или люди.

Примерно через минуту Тарзан увидел что-то движущееся у основания гигантского дерева. Это было примерно в двухстах футах от дерева, на котором он притаился. Он разглядывал тварь достаточно долго, чтобы понять, что она черная. Хотя она стояла на двух ногах, это был не человек. Казалось, что тварь покрыта шерстью, но Тарзан не был уверен.

Чужак — Тарзан был уверен, что это *бен-гоутор* — вышел из-за ствола дерева, а затем отступил за него. Тарзан ждал, пока тот приблизится. В зависимости от того, в каком направлении он появится, Тарзан нападет на него или последует за ним. Между тем, он не был уверен, что это существо выследило его. Возможно, чужак понятия не имел, что так близко к добыче.

Не было ни малейшего ветра. Существо должно было бы приблизиться к Тарзану, чтобы почувствовать его запах.

Медленно человек-обезьяна наложил стрелу на тетиву. Стрела в левой ноге должна парализовать чужака. Тогда взять его в плен было бы легко.

Внезапно Тарзан увидел вторую причину, по которой жизнь в джунглях затихла.

Что-то с длинным извилистым телом и длинным хвостом преследовало *бен-гоутора*. Хотя все еще в тени, это был безусловно леопард. *Шита* была самым страшным убийцей дождевого леса, и не без причины. Белый охотник однажды сказал Тарзану, что считает леопарда самым хитрым из всех кошачьих. Тарзан согласился с ним.

Большой кот открыл пасть в тихом рычании. Его клыки тускло сверкнули в тени. *Бен-гоутор* наклонился и посмотрел на землю. Было очевидно, что он ищет следы Тарзана.

Существо остановилось. Оно обернулось, как и следовало в тропическом лесу, но не увидело леопарда. Тот также остановился и затаился. Затем *бен-гоутор* посмотрел вверх. Он не видел Тарзана, но человек-обезьяна видел его. Несмотря на длинный черный мех, покрывающий его тело, он, очевидно, был человеком!

Его ноги были короткими, но напоминали человеческие. Его стопы — большими, а руки, короче, чем руки человека. Но его лицо... оно было не таким плоским, как у человека. Никакого лба. Скулы казались больше, чем у человека, но меньше, чем у шимпанзе. На полпути между человеком и... медведем? Только ученый мог знать, является ли это создание потомком медведя...

Тут леопард, глубоко рыча, бросился в атаку. *Бен-гоутор*, должно быть, услышал это, потому что он развернулся.

К тому времени Тарзану было уже поздно стрелять в большую кошку.

На самом деле он не был уверен, какое существо должно стать его целью. Огромный черный медведеобразный чужак был тем, кто угрожал ему. Тарзан знал гораздо лучше, как вести себя с *шитой*, старым врагом, чем с вонючим полумедведем, неизвестным и странным. Тарзан поморщился и опустил лук. Пусть они поборются. Кто бы ни победил, Тарзан пожнет плоды. Ему не пришлось долго ждать окончания боя. Действительно, все закончилось так быстро, что человек-обезьяна чуть не застыл от удивления. *Бен-гоутор,* присев, схватил леопарда, когда тот бросился на него. Вместо того чтобы пасть, пораженным ударом кошки, он развернулся и в то же время оттолкнул кошку от себя. Глаза человека-обезьяны широко открылись от восхищения и удивления. Хотя леопард был отброшен по крайней мере на тридцать футов, ему удалось приземлиться на все четыре лапы.

И тогда человек-медведь напал. Вместо того чтобы повернуться и затем встать, чтобы нанести удар своему нападающему, большая кошка бросилась бежать. *Бен-гоутор,* проявив здравый смысл, не побежал следом. Когда тени поглотили *шиту,* он обернулся. Его рот скривился в чем-то похожем на усмешку. Хотя это выражение лица трудно было назвать дружелюбным.

Тарзан не мог разглядеть зубы твари, но у него создалось впечатление, что они напоминают человеческие. Казалось, *бен-гоутору* не хватает огромных, острых клыков обезьяны или бабуина.

Человек-обезьяна вышел из ступора. Он поднял лук и прицелился. Но человек-медведь, должно быть, посмотрел вверх и увидел Тарзана. Или, по крайней мере, движущуюся тень. Этого было достаточно. В тот момент, когда свистнула тетива, *бен-гоутор* скрылся за титановым деревом. Наконечник стрелы врезался в ствол, и стрела задрожала, как будто боялась выговора от своего владельца за то, что не попала в цель.

Тарзан вложил лук в колчан и спустился с дерева. Настал черед медведечеловека убегать. Когда человек-обезьяна побежал

по узкой тропинке, он оставил стрелу в стволе. У него не было времени, чтобы забрать ее...

Он потерял едва заметный след на несколько минут, затем снова нашел его. Но следы вскоре исчезли. Последний слабый отпечаток большой человеческой ноги привело к стволу гигантского дерева. Оттиск был глубже, чем обычно, и это сказало Тарзану, что *бен-гоутор* полез вверх. Затем существо схватило одну из многочисленных лиан, цепляющихся за ствол. И он полез следом.

Чужак почти не оставил следов. Единственным доказательством его присутствия был пучок длинных черных волос, застрявший в расщелине в коре. И Тарзан понятия не имел, каким образом человек-медведь прошел через среднюю или верхнюю террасу леса.

Он стоял неподвижно и слушал. Во всех направлениях, кроме одного, он слышал нормальный шум лесной жизни. А тишина указала путь. Когда Тарзан путешествовал по дождевому лесу, он обычно не беспокоил болтунов и глашатаев верхнего яруса. Они как-то знали, что его не стоит бояться, хотя он выглядел и пах как человек.

Но реакция на *бен-гоутора* была другой. Тварь и ее запах были настолько чужды, что животные боялись его. Или так думал Тарзан.

Тем не менее область молчания, как назвал ее Тарзан, была настолько широка, что он не мог точно сказать, куда ушло существо. Через некоторое время тишина исчезла, и шумы в джунглях вновь доносились со всех сторон, как обычно. Человек-медведь, вероятно, знал куда идет, и он мчался через джунгли с такой легкостью и быстротой, насколько позволял его больший вес. Человек-обезьяна, который должен был следовать за ним, одновременно находясь там и там, чтобы найти центр молчания, не мог так быстро передвигаться.

Из груди Тарзана вырвался рев, такой, как, например, могли издать великая обезьяна или леопард. Он ревел от разочарования и гнева из-за того, что не догнал медведя. Тарзан проклинал свою нерешительность. Ему было очень любопытно узнать о *бен-гоуторе,* его происхождении и его намерениях по отношению к нему. Он не мог игнорировать существо. Чужак был слишком опасен.

А еще были белые охотники. Чего от него хотел их начальник Хелмсон? Кто был начальником их вождей, человеком, который хотел поймать его по неизвестной причине и дал приказ его схватить?

Тарзан снова зарычал. Он терял время вместо Джейн. Хотя он обычно мало обращал внимания на время, теперь он не мог его игнорировать. Охотники и этот новый враг должны быть уничтожены как можно быстрее.

Тарзан решил потратить еще один день, чтобы избавиться от них. После этого он пойдет в лес Итури.

Тогда мысль, которая мелькала, словно язык змеи, возникла в его голове. Что, если охотники не преследовали его? Что, если Хелмсон искал металлический цилиндр, спрятанный в нижней части колчана стрел на спине Тарзана?

ГЛАВА 5

СТАРИК ПО ИМЕНИ Джеймс Д. Стоункрафт стоял у окна своей четырнадцатих комнатной квартиры на Манхэттене. Тремя этажами ниже протянулась Пятая авеню. Через дорогу раскинулся Центральный парк.

Джеймс Д. Стоункрафт был самым богатым человеком в мире и одним из самых могущественных. Он отдал много миллионов долларов на благотворительность и строительство великолепных зданий для общественного пользования. Он пожертвовал много миллионов на искусство и науку, и на свою церковь. Его нефтяной бизнес — основа его состояния, увеличился в четыре раза. Союзники скоро победят Германию, но мировой рынок нефти не сократится. Наоборот.

Хотя Джеймсу Д. Стоункрафту было семьдесят восемь лет, его кости не скрипели. Память редко подводила его. Он выглядел моложаво. Его жена все время говорила ему, что любит его очень сильно. Если она лгала, она была достаточно умна, чтобы это звучало убедительно. Его дети не издевались над ним, по крайней мере при нём.

И все же Джеймс Д. Стоункрафт мрачно хмурился, прикусив губу. Наконец он произнес слова, что верующие избегают произосить даже мысленно. Он повернулся и прошел

мимо огромного глобуса, представляющего Землю, планету, которую он считал своей личной собственностью. Он остановился у огромного стола из красного дерева и щелкнул выключателем интеркома. В течение нескольких секунд единственным звуком в его кабинете был тот звук, который он любил больше всего. Щелканье телетайпа, когда он выплевывал бумажные ленты, на которых были напечатаны текущие котировки акций.

Вкрадчивый и маслянистый, но все же застенчивый голос секретаря исходил из переговорной машины.

— Да, сэр?

Стоункрафт сел за стол.

— Беван! Есть какие-либо новости по проекту «Сома»?

— Да, сэр. Сообщение пришло только что.

Несмотря на нетерпение, Стоункрафт ничего не сказал. Беван действовал очень эффективно. Так и следовало при его огромной зарплате. Он сразу же доставит сообщение из-за рубежа, как только оно будет расшифровано. Через несколько минут Стоункрафт позвонил местному управлению в Техасе. Выслушав очень сжатый отчет, промышленник дал руководителю короткие, четкие и краткие инструкции, в которых были изложены как законные, так и незаконные способы обеспечения поглощения небольшой независимой нефтяной компании. Такая тактика включала определенное запугивание, но все в рамках закона.

В старые времена, когда компания Стоункрафта была относительно маленькой и боролась за захват других фирм, она иногда использовала физическое насилие, поджоги и подкуп чиновников: шерифов, судей, прокуроров, даже сенаторов штата и федеральных конгрессменов. Стоункрафт не любил вспоминать об этом. Разве он не искупил все свои маленькие грехи? Разве миллионов долларов, который он пожертвовал на достойные дела, не более чем достаточно, чтобы забыть маленький список, возможно, сомнительных поступков?

Беван дважды постучал в дверь, подал сигнал и вошел. Ему было за пятьдесят, он был низкорослым и коренастым, с двойным подбородком, лысый и носил черное пенсне. Он выглядел мягким и робким. Однако те, кто думал, что он кролик, обнаружтвали тигра, если имели

несчастье помешать его планам. Единственный человек, которого боялся Беван, был его босс.

Он вручил Стоункрафту лист недорогой бумаги для пишущей машинки. На нем была напечатана асшифровка на английском языке сообщения азбукой Морзе, отправленного из Британской Восточной Африки через коротковолновый передатчик, принадлежащий компании Стоункрафта. Другой передатчик компании на северо-западном побережье Африки отправил сообщение в Америку. Это была радиоточка, о которой знали правительственные органы нескольких стран. Но они не собирались публично признавать это, пока взятки продолжали поступать.

Стоункрафт уставился сквозь большие квадратные очки без оправы на бумагу. Там не было ни даты, ни времени передачи. Также не было никаких идентификационных отметок отправляющей или получающей станции или какого-либо имени агента или имени получателя. Послание было простым и коротким, но непонятным никому, кроме посвященного:

Лорд Грейсток в Бельгийском Конго. Идем по следу. Ожидайте результатов в ближайшее время.

Хелмсон

— Ах! — Стоункрафт посмотрел на Бевана. — Этот Хелмсон действительно должен быть очень компетентным. Честно говоря, я не ожидал, что он найдет Грейстока так скоро... Тем более в джунглях. Я думал, что нам придется подождать, пока Грейсток не вернется на свое ранчо или в британскую штабквартиру в Восточной Африке.

Беван прочистил горло.

— Сэр, как я понимаю, Хелмсон взял след. Он не станет раскрывать в шифровке всей правды...

— Как только Грейсток будет у меня в руках, я узнаю тайну Хелмсона. Если это какое-то механическое или электрическое устройство, оно может стоить миллионы, — мрачно протянул Стоункрафт.

— Да, сэр, — согласился Беван. — Но найти Грейстока, поймать его, а затем удержать его может быть не так легко. Мои исследования показывают...

— Я знаю! — фыркнул Стоункрафт. — Меня больше всего беспокоит строительство передвижной приемопередающей станции недалеко от Бельгийского Конго.

Он был рассержен и расстроен, потому что потребовалось так много времени, чтобы переслать сообщения от Хелмсона в восточной части Восточной Африки. Хелмсону пришлось использовать местных посыльных, чтобы доставить сообщение на ближайшую станцию. «Экспресс клеевая палка», так назвал Беван эту систему. В результате пришлось использовать передвижной передатчик с батарейным питанием, расположенный намного ближе к Итури. Но джунгли были бескрайними и неизведанными. Там не было дорог, только тропы, а иногда и тех не было. Кроме того, местных вождей нужно было подкупать, и несчастные случаи и болезни, особенно болезни, ядовитые змеи и воинственные туземцы, стали причиной многих смертей. Наихудшим препятствием стали беспорядки и хаос, вызванные мировой войной.

Секретарь прервал мысли Стоункрафта.

— Сэр! Я хотел бы обсудить план, который я придумал, чтобы вытащить Грейстока из Африки сюда. К тому времени, когда он будет пойман, война закончится, и угроза подводных лодкок станет частью прошлого. Я...

— Я-то вас выслушаю. Но, как вы сказали о Грейстоке, есть много способов не донести чашку до губ.

Беван нахмурился. Он ненавидел бедных, и он овершенно не любил женщин. Но больше всего он ненавидел пословицы и поговорки.

ГЛАВА 6

ХЕЛМСОН ИМЕЛ ВСЕМИРНУЮ репутацию авторитета во всем, что касается экваториальной Африки, и был главным поставщиком животных для зоопарков и музеев. Он сумел провести достаточно охотничьих сафари, развлекая состоятельных клиентов, чтобы уйти на пенсию. Но немногие люди когда-либо решают, что накопили достаточно денег. Когда он получил предложение заработать в одном предприятии

гораздо больше, чем он заработал за свои прошлые тридцать пять лет жизни, он серьезно задумался. Он не знал, кто поставлял деньги на проект. Это будет стоить так дорого, что он подозревал, что только один человек в мире достаточно богат, чтобы заплатить за это. Это, вероятно, Джеймс Д. Стоункрафт. Но это не касалось Хелмсона.

Что его касалось, так это захват дикого человека, известного как Тарзан.

Когда ему предложил это американец, называющий себя Джоном Смитом, Хелмсону пришлось сесть, чтобы восстановить дыхание. Хотя он был физически очень впечатляющим, ростом шесть футов и три дюйма, 230 фунтов, с широкими плечами и узкой талией, на мгновение ему показалось, что чемпион мира по боксу в тяжелом весе Джесс Уиллард ударил его с размаху в солнечное сплетение.

Он никогда не терял мужества, сталкиваясь с львами, слонами, буйволами и сомалийскими копейщиками. Но сейчас...

Преследовать самого смертоносного убийцу в мире, самого хитрого и мстительного...

— Вы выглядите неуверенным, — заметил Джон Смит.

Хелмсон быстро взял себя в руки.

— Но... вы просите меня совершить преступление.

— Если вам это удастся, вы получите миллион долларов, — объявил Смит. — Если вы потерпите неудачу, вы все равно получите пятьдесят тысяч с лишним на компенсацию расходов. У вас будет секретный счет в швейцарском банке. В любом случае мы не просим вас никого убивать. Мы хотим, чтобы Грейсток был жив, здоров и в здравом уме.

— Это все еще преступление.

Смит улыбнулся.

— Давайте посмотрим. Несколько лет назад вы собирали редких насекомых возле Харара, в Эфиопии. Вы и ваш напарник напились и поссорились. Вы ударили его кулаком, он упал и пробил себе череп. Он сразу умер. Вы тайно похоронили его, а затем устроили так, будто лев убил его и сожрал его тело. Ваша история оказалась принята эфиопскими властями после того, как были выплачены соответствующие взятки... А потом в Париже был роман с герцогиней...

Хелмсон поднялся со стула. Его руки сжались, он взревел:

— Как ты узнал об этом, щенок?

Он уставился на Смита, яростно сверкая глазами. Смит, однако, казался спокойным.

— У нас есть свои источники информации. Пожалуйста, сядьте и расслабьтесь, мистер Хелмсон. Я не угрожаю вам шантажом. Я просто указываю на то, что вы уже преступник, хотя по закону это пока не установлено. Так что ваше моральное возмущение неуместно...

Хелмсон сел. Минуту молчал, потом ответил:

— Хорошо. У меня есть своя цена, и вы предложили ее. Однако... Буду честен с вами... Захватить Грейстока будет нелегко, даже не знаю, где он или что он делает.

— Оставьте это на наше усмотрение. Он где-то в немецкой Восточной Африке и сам по себе борется с немцами. Поскольку война в Африке заканчивается, он, вероятно, скоро появится и вступит в контакт с британскими властями. Мы узнаем, где он, как только он это сделает. Если немцы захватят его, а это маловероятно, мы тоже сразу узнаем об этом. Если это произойдет, ваша роль в этом проекте будет закончена. Вам заплатят, как и обещали. Хотя минимально, конечно.

Таким образом, Смит представлял людей, желающих иметь дело с немцами, чтобы получить то, что они хотят. Они были предателями! Гадкие люди!

Хелмсону хотелось выйти из этого дела.

— Тебе придется дать мне много времени, чтобы подготовиться к этому... проекту. Может быть, больше, чем твой работодатель хочет мне позволить.

— У вас месяц, чтобы все организовать.

Хелмсон подумал тогда о другом проекте, своем собственном. Это сделало бы его богатым и знаменитым, очень известным. «Но теперь, — подумал он, — было бы лучше отложить это. Мир долго будет занят, приходя в себя после войны. Будет лучше подождать некоторое время, подождать, пока мир не будет готов уделить все внимание моему открытию. Между тем, я могу стать богаче раньше, чем ожидал. И было бы большим удовольствием поймать дикого человека, самого опасного из зверей...»

Смит спросил:

— Каков ответ? Да или нет?

Хелмсон поднялся со стула.

— Да!

Это обсуждение состоялось шесть недель назад. С тех пор Хелмсон отправил несколько закодированных сообщений через систему ретрансляторов. Они были доставлены на железнодорожный терминал и оттуда Смиту, который тогда находился уже в Найроби. Последнее сообщение от Хелмсона только что было получено на Манхэттене.

Раскодированное, оно гласило:

Лорд Грейсток в Бельгийском Конго. Идем по следу. Ожидайте результатов в ближайшее время.

Но это произошло через неделю после неких важных событий. Пока что на Манхэттене не было известно, что произошло.

ГЛАВА 7

ТАРЗАН УВИДЕЛ *БЕН-ГОУТОРА*, как только появились первые следопыты. Затем, словно по волшебству, тварь исчезла. Не хватало только клубов дыма.

Когда это случилось, человек-обезьяна сидел высоко на ветке дерева. Не подозревая ни о присутствии Тарзана, ни о *бен-гоутора*, двое чернокожих побежали вниз. Но, проходя мимо дерева, они, должно быть, наткнулись на след «медведя», отпечавшйся в грязи. Тихо воскликнув, они остановились, чтобы осмотреть его. Мгновение спустя появился авангард *аскари*. Они также остановились и начали разговаривать со следопытами.

Тарзан мог либо идти по следу *бен-гоутора*, либо остаться здесь, чтобы наблюдать за сафари. Он решил, что к настоящему времени медведь снова ушел далеко вперед. Он мог бы снова забраться на деревья. Это сделало бы погоню еще труднее.

Один из *аскари* повернулся и побежал обратно в лес. Вскоре он вернулся с Хелмсоном, другим белым человеком

и несколькими *аскари.* Хелмсон внимательно посмотрел на след, затем выпрямился и заговорил со следопытами. Хотя их голоса доносились до него, Тарзан не мог разобрать, о чем они говорили. Но было очевидно, что Хелмсон злился. Тарзан догадался, что он ругал следопытов за то, что они их задержали.

Как ни странно, белый человек не думал, что след неизвестного животного стоил того, чтобы задержаться. Он отдал приказ возобновить марш. Следопыты побежали впереди, и сафари продолжалось. Но голоса носильщиков звучали испуганно.

Тарзан осторожно спускался по дереву, пока не услышал их слова. Их беспокоил найденный след, и они рассказывали истории о различных странных и редких животных из их родных мест. Все они, согласно рассказам, были смертоносными и настолько коварными, что их редко ловили. Очевидно, что носильщики были обеспокоены тем, что убийца, преследующий их, был одним из таких зверей.

В основе этого страха лежало чувство, которое они испытывали с тех пор, как отправились в тропический лес. Они были уроженцами саванны. Дождевой лес был чужд им. Это место пугало их. Высокий зеленый навес над ними, сумрак, светло-зеленый свет, истории, которые они слышали о странных и ужасных существах и демонах, — все это пугало их до чертиков.

Здесь непринужденными казались только пигмеи, но говорили, что даже они избегали определенных областей. Одной из них была та самая территория, на которой они находились.

Более того, говорят, что человек, которого они пытались поймать, был единственным человеком, который здесь был как дома. Дождевой лес считался его родным домом. О нем говорили как о воплощении духа этого леса. Этот дух был поистине ужасным. Видеть его, встречаться с ним, делать из него врага... Об этом было страшно даже подумать.

Тарзан знал, что этих людей, столь смелых на родной земле, можно легко напугать здесь. И он подозревал, что белые люди находились на грани паники, хотя и по несколько иным причинам.

Человек-обезьяна углубился в лес. Он передвигался иногда по средней, а иногда по верхней террасе. Это зависело от препятствий, которые преграждали путь.

Через час он спрыгнул на землю. На этот раз его добычей стал *аскари*, отставший от остальных на двадцать футов. Хотя любой повернувшийся охотник мог увидеть Тарзана позади солдата, их взгляды были направлены в другую сторону.

Человек-обезьяна сделал свою работу быстро. Он утащил труп наверх и обогнал охотников.

Через некоторое время тело упало с дерева на носильщика, повалив его на землю. Носильщик погиб, один белый едва не свалился с ног.

К тому времени Тарзан был уже на расстоянии нескольких деревьев от того, с которого он сбросил мертвеца. Он поднялся повыше. Отсюда он наблюдал за испуганными людьми. Группа остановилась. Пришли Хелмсон и белый человек с двуствольным скорострельным карабином «Виллар-Пероза». Хелмсон призвал к порядку и отправил всех обратно на свои посты в очереди. Он слушал, как белый человек, который едва не попал под удар, рассказал Хелмсону, что случилось.

После этого Хелмсон осмотрел труп, быстро обнаружив ножевое ранение. Он посмотрел вверх, как будто знал, что убийца следит за ним. Затем он приказал похоронить тело сразу. Люди, которые сделали это, были из племени мертвеца. Они пропели церемониальную песню, пока выкапывали могилу, опускали в нее труп, а затем засыпали могилу. Они бы продолжили церемонию, но Хелмсон остановил их. Хотя туземцы выглядели злыми, они повиновались приказам Хелмсона и двинулись в путь.

Как только последний человек исчез из поля зрения, Тарзан сошел на землю. Ему не потребовалось много времени, чтобы выкопать труп из могилы голыми руками. Он поднял труп носильщика на плечо и поднялся на среднюю террасу леса.

Вскоре он догнал злосчастных охотников.

Идя в ногу с ними, Тарзан заметил, что Хелмсон всегда следил за тем, чтобы его окружали *аскари*. У Тарзана не было

шансов достать его. Ему придется подождать до наступления темноты, чтобы попробовать это. Между тем он не будет тратить время впустую. К тому времени, когда день закончится, сафари будет полностью деморализовано.

Прошло некоторое время, прежде чем Тарзан занял положение, которое хотел. Позиция была идеальной. Тело упало на белого с карабином-автоматом итальянского производства и сломало ему плечо. Хотя несколько *аскари* одновременно выстрелили в деревья, человек-обезьяна уже исчез.

Из своего укрытия он осмотрел сцену внизу с мрачной улыбкой. Пришел Хелмсон, осмотрел труп, встал, громко выругался и взял карабин себе. Он приказал носильщикам достать из ящика складные носилки и положить на них человека со сломанным плечом. Затем он сделал раненому укол.

Он проигнорировал труп. Видимо, он устал от похорон.

Это не очень понравилось носильщикам. Они о чем-то бормотали между собой, но собрали груз и заняли свои места. Двое из них несли раненого.

Все это время, наблюдая за сафари, Тарзан не переставал следить за *бен-гоутором*. Было забавно, что человек-медведь преследовал его, пока он преследовал сафари, чтобы застать ловца врасплох. Человек-обезьяна любил иронию, но только не в этой ситуации.

Тарзан на несколько миль обогнал сафари и спустился на землю. Он сделал это в поисках конкретного существа, которое подходило бы для его следующего хода. Ему потребовалось полтора часа. Затем он увидел то, что искал. Через несколько минут, одной рукой схватив существо, он побежал обратно к сафари.

Что-то сверху ударило Хелмсона по макушке. Оно сбило шляпу на его плечо, а затем соскользнуло. На пути к земле оно едва не вонзило свои клыки в шею Хелмсона. Однако, коснувшись земли, оно снова ударило. На этот раз его клыки утонули в икре *аскари*.

Ближайшие к *аскари* охотники закричали и пытались убежать от кобры. Хотя Хелмсон, должно быть, был потрясен, у него оказалось достаточно самообладания, чтобы нацелить винтовку и отстрелить голову рептилии. Сразу после этого стрела Тарзана глубоко вонзилась в правое бедро другого носильщика.

Несколько минут спустя человек, отравленный коброй, глубоко вздохнул и умер. Затем другой раненый умер. Обе жертвы погибли быстрее, чем ожидалось. Никто не знал почему, но иногда шок ускоряет смерть человека.

Растерянность и ужас овладели охотниками. На несколько секунд все сафари оказалось дезорганизовано. Носильщики бросили свой груз на землю и убежали. В панике несколько *аскари* стали стрелять вверх наугад. Одна пуля пролетела достаточно близко от Тарзана, и он услышал ее свист.

Тарзан обошел ствол дерева и поднялся выше.

Все выше и выше поднимался Тарзан, ища место, где он мог бы вздремнуть, в то время как паника среди его жертв росла.

Наконец, очень высоко, близко к вершинам деревьев, он нашел безопасное местечко. Здесь было светлее, чем внизу, но света было недостаточно, чтобы помешать спать. Тарзан угнездился на двух развилках дерева. Устроившись в одной и разместив в другой ноги, игнорируя птиц и мартышек, питомец обезьян уснул...

КАК ДОЛГО ОН спал, он не знал. Но что-то разбудило его, сбросив с дерева.

Смутно осознавая, что удар пришелся сверху, а не снизу, Тарзан полетел вниз. Его разум был в смятении. Ничто достаточно большое, чтобы быть опасным, не могло ударить его сверху. Ветви над ним были слишком тонкими, чтобы выдержать большой вес.

Затем Тарзан болезненно осознал, что кто-то впился в него острыми и жгучими когтями. И тварь кричала.

Когда ветка ударила его по плечу, Тарзан понял, что существо, вонзившее в него когти, было большой птицей — орлом. Но клюв ударил не по нему, а по маленькой обезьянке.

Позже Тарзан понял, что произошло. Орел, пролетая над навесом джунглей, упал и схватил обезьяну. Однако его добыча повернулась незадолго до того, как орел схватил ее за спину. Когти впились обезьянке в грудь.Но обезьяна, вместо того чтобы быть парализованной шоком, принялась отбиваться.

Вместе они упали на Тарзана. Обезьяна вырвалась на мгновение. Орел ударил когтями, и острые как бритва когти располосовали живот Тарзана.

Тарзан упал на сук ниже, перевернувшись. На этот раз лицом вперед. Обезьяна укусила орла. Орел схватил одну из рук обезьяны в клюв, почти откусив.

Затем все они рухнули на следующий толстый сук. И обезьяна и орел оказались между Тарзаном и ветвью. И их всех отбросило. Человек-обезьяна все еще не мог восстановить дыхание. Но орел был сильно ранен или убит ударом. Он перестал клекотать. Плакала только обезьяна, но она орала так же шумно, как большая стая ее здоровых собратьев.

Орел, когти которого впились в живот Тарзана, свисал с него. Однако его клюв раскрылся, и обезьяна выпала. К счастью, удар с третьей ветви был смягчен для Тарзана. Сначала обезьяна, затем орел поглотили удар. Тем не менее силы оказалось достаточно, чтобы Тарзан потерял сознание.

Что происходило дальше, он не знал.

ГЛАВА 8

ТАРЗАН НЕСКОЛЬКО РАЗ приходил в себя и вновь терял сознание, хотя ненадолго. Во время каждого смутного пробуждения он чувствовал острую боль. Однажды он услышал голоса. Они звучали так, как будто исходили из какой-то глубокой пещеры. Один из них, казалось, не был человеческим. Великая обезьяна? Нет. Но что-то в голосе напомнило ему речь *мангани.*

Эти воспоминания ворвались в его разум, как только он пришел в себя полностью. Затем он понял, что еще не полностью восстановил свои чувства. Он чувствовал себя вялым. Когда он попытался сесть, он почувствовал себя так, словно его держали. То же самое произошло, когда он попытался поднять руку.

Хотя боль была тупой, она медленно пульсировала во многих местах его тела. Он был одурманен, хотя насколько, он не мог понять. Его спина была на чем-то относительно мягком, а голова была на подушке.

Где-то рядом громко запели. Он различил слова языка ндеси, а затем и понял несколько фраз. Они пели о победе. Но кого они победили? Его, конечно.

Он посмотрел вверх. Он был в большой палатке. Привязанный к походной кровати. Когда он посмотрел вниз, то увидел, что его путы были кожаными. Его пояс исчез. Вооруженный *аскари* стоял у входа в палатку. Рядом с Тарзаном стоял крупный белый мужчина с густыми черными усами.

Тарзан фыркнул. С запахами людей смешались запахи сильного мыла, йода и засохшей крови.

Мгновение он не мог вспомнить имя человека с усами. Эта медлительность, возможно, была вызвана тем, что ему вводили обезболивающие препараты. Он надеялся, что это так, а не что-то хуже. Возможно, это произошло из-за раны на голове.

Тем не менее его голова болела страшно. В последний раз так больно было, когда он впервые пробовал восхитительные новшества цивилизации. Это было вскоре после того, как он отправился в Париж со своим первым другом-человеком, лейтенантом Полом д'Арно из французского флота. Человек-обезьяна выпил так много вина, что, как выразился д'Арно, он испытал похмелье десяти тысяч дьяволов. После этого вечера Тарзан иногда пил вино, но делал это в меру.

Ага! Мужчину звали Хелмсон. И он не был другом Тарзана.

Хелмсон, увидев открытые глаза человека-обезьяны, подошел к его кровати. Охотник улыбнулся. Очевидно, он был счастлив. Потом он заговорил с мягким южным произношением. Это несколько отличалось от речи жены Тарзана, Джейн, уроженицы Балтимора, штата Мэриленд.

Хелмсон поднял три пальца, спросил:

— Сколько?

— Четыре?.. Шесть?..

Американец оскалился.

— Пока ты валялся в отключке, я посмотрел твои глаза. Я не врач, но у меня большой медицинский опыт. Твои глаза выглядят хорошо.

— Я видел то, что сказал.

— Думаю, ты коварный ублюдок и лжешь. В любом случае ты себе ничего не сломал. У тебя толстые кости. Возможно,

самые толстые из всех, кого я когда-либо видел. Как у кроманьонца. Думаю, с тобой все будет в порядке. Есть ли место, где тебе больнее, чем в других?

— Нет.

— За все мои многие годы в Африке, где происходят самые странные вещи, я никогда не видел ничего подобного! — вздохнул Хелмсон, потом он усмехнулся и продолжил: — Абсолютно ничего! Кто бы мог подумать, что орел нападет на обезьяну, а ты окажешься прямо под ними и они тебя собьют? Это был орел-рыбак. Они даже не охотятся на обезьян, насколько я знаю. Странно, очень странно. — Он снова усмехнулся. — И это чудо, что ты не был убит падением. Один из *аскари* видел, как орел напал на тебя, и видел, как ты упал. Ты приземлился на большой сук, упав с высоты сто футов на ветку примерно в пятидесяти футах от земли. Тебя спасло то, что ты падал сквозь густые сплетения ветвей. Ты попал прямо к нам в руки!

Тарзан не видел причин говорить. Он не помнил, как приземлился.

— Боги покинули тебя. Но они пожалели и спасли тебя для меня. Возможно, зря. Я не знаю, какова будет твоя конечная судьба. В любом случае это не мое дело.Ты был близок к тому, чтобы уничтожить экспедицию, ввергнув моих людей в панику. Они бы бросили меня, оставили бы в джунглях. Но я сплотил их, и не пришлось стрелять ни в кого, чтобы сделать это. Значит, удача на моей стороне. Мы были почти прямо под тобой, когда все это случилось. Теперь ты схвачен, а боевой дух у моих охотников очень высок. Скоро мы выберемся из этих забытых богом мест.

«Слишком много говорит, — подумал Тарзан. — Но это не значит, что он не опасен».

— Как вы меня нашли? Вы все были в бешенстве, чтобы уйти, и...

Хелмсон не ответил на этот вопрос. Вместо этого он сказал:

— Думаю, что все будет в порядке. Мы перенесем тебя через несколько дней, может быть, даже раньше. — Он наклонился ближе к лицу Тарзана. Его дыхание пахло виски. Белки его голубых глаз покраснели. — Твой колчан

и лук были под тобой, когда ты приземлился. Они помогли смягчить удар, хотя создается впечатление, что лук на твоей спине впечатался в нее по самое не могу. Твой лук оказался сломан. И цилиндр, который ты спрятал в колчан, был сплющен. Я снял крышку и выправил эту штуковину, и нашел там карту и рукопись на пергаменте. — Он сделал паузу. Человек-обезьяна не ответил. — Текст на испанском шестнадцатого века, но я смог разобрать большую его часть. Увлекательно. Если это правда, а не бред, вызванный лихорадкой. Город, созданный Богом! Голос лягушки-призрака! Время! Что все это значит?

— Я не знаю, — сказал Тарзан.

— Но ты собирался узнать, не так ли?

Человек-обезьяна молчал.

— Конечно, после того, как ты нашел бы свою жену! И спас бы ее от немцев, или отомстил за ее смерть! — добавил Хелмсон.

Тарзан задумался, где и как Хелмсон получил эту информацию. Предполагалось, что сведения о том, что Тарзан отправился в Бельгийское Конго, чтобы выследить Джейн и ее похитителей — военная тайна.

— Что ж? — продолжал Хелмсон. — Как насчет этого? Снова я спрашиваю, что все это значит? Глаза сверкающего дерева? Темное сердце времени?

— Вы знаете об этом столько же, сколько и я — ответил человек-обезьяна.

— Правда? Послушайте. Вот другие экзотические ссылки на карте. Проклятый испанец мало рассказал о них в рукописи. Мартильо, очевидно, планировал расширить ее, когда вернется. Но вот несколько мест на карте, помеченных «оро». Это по-испански золото...

— Захватывающе. Но не настолько интригующе, как «... более чем мертвые...», «...вулканическая гора... и «великая мать змей». А еще... «Беспричинный причинник, также известный как Нежелательный даритель нежелательных»? Он «...происходит от зверей и сам по себе отчасти зверь...»? Кто или что, черт возьми, это может быть? Звучит зловеще, не так ли?

— Я сказал, что ничего не знаю об этом.

— Должно быть, ты приблизительно выяснил, где находится этот район, — продолжал Хелмсон. — Карта очень грубая. Но Мартильо описал, сколько дней идти с побережья. Где бы ни находилось место, оно к югу отсюда. Трудно сказать, сколько миль, но если ты пошел бы по этим рекам, то вышел к ориентиру, горе, называемой Великой Матерью Змей. К югу от нее... Да, это можно сделать... После того, как я доставлю тебя заказчику, я последую по этой карте, даже если она может оказаться плодом бреда умирающего... Так скажишь мне, где взял этот цилиндр?

— Это не твое дело, — ответил Тарзан. Но его мысли уже вернулись назад, ко времени всего несколькими неделями ранее.

Тарзан пересек пустыню к западу от немецкой Восточной Африки. Почти умирая от жажды, он натолкнулся на скелет огромного человека. Тот все еще был одет в железную кирасу и железный шлем, которые носили иберийские солдаты в шестнадцатом веке. Медный цилиндр возле останков содержал пергаментную карту и рукопись, написанную на языке, который он посчитал испанским или португальским. Тогда Тарзан не смог прочитать рукопись, на карте были непонятные для него символы. Любопытный по природе, Тарзан заменил пергаментные листы в цилиндре и сунул его в свой колчан.

Затем он отправился на запад в город Сюя, не известный никому в «цивилизованном» мире. Его жители были еще более иррациональными, чем остальные цивилизованные люди. Обычно они убивали чужаков мужского пола, но человек-обезьяна выжил. Во время своего пребывания в городе Сюя он не раз слышал о гигантском иностранце, который въехал в город более трехсот лет назад. Этот человек убил много сюанцев, прежде чем убежал в пустыню. Что произошло после этого, знал только Тарзан.

Тарзан предположил, что карта указывала путь к этому городу. Только когда он добрался до базового лагеря Второго Родезийского, он узнал, что был неправ. Там один знаток языков перевел для Тарзана пергамент.

Родриго Эстебан Мартильо был испанским наемником в португальской экспедиции, которая искала золото в джунглях

к западу от восточного побережья Африки. Португальцы все умерли. Он один выжил. Насколько Тарзан знал, Мартильо был единственным, кто когда-либо избежал «Города, созданного Богом» и других опасностей и ужасов, о которых он упомянул в своей рукописи.

Несомненно, Мартило ожидал, что, если он доберется до цивилизации, он опишет свою историю очень подробно.

На карте Мартило не было города Сюи. Рукопись также не упоминала о нем. Испанец не успел написать об этом месте, потому что он был слишком занят борьбой за свою жизнь и слишком занят борьбой за выживание в пустыне...

Хелмсон первым прервал затянувшуюся паузу.

— Ты прав. Это не имеет значения. У меня есть все, что мне нужно.

Он взял цилиндр и помахал им перед лицом Тарзана, затем положил обратно на маленький складной столик.

Хелмсон выглядел очень довольным. Его будущее было вырезано из твердого светящегося розового камня. Ничто не изменит этого. По крайней мере, Тарзану показалось, что Хелмсон думал так. Но Тарзан знал, что все люди были глубоко неуверены в себе и всегда беспокоились о будущем. Тарзан, как и животные, не беспокоился о том, что должно было случиться. Тем не менее он оказался в плохой ситуации. В отличие от животных, ему придется строить планы, чтобы изменить будущее. Хелмсон, словно читая мысли своего пленника, сказал:

— Ты не сможешь сбежать. Поэтому даже не думай об этом.

— Я все еще жив, — возразил Тарзан.

ГЛАВА 9

СТОУНКРАФТ ПРОЧИТАЛ ПОСЛЕДНЕЕ сообщение из Африки. Расшифрованное, оно гласило:

Лорд Грейсток захвачен Хелмсоном. Грейсток болен. Не смертельно. Три дня максимум. Потом в путь.

Стоункрафт должен был быть очень счастлив — и, возможно, он был счастлив. Но его ястребиное лицо было не более выразительно, чем лицо древней египетской мумии. Лицо старика часто сравнивали с великим правителем древнего Египта, фараоном Рамсесом II. Говорили, что его нос был таким же огромным и изогнутым, как у Рамзеса. И его глаза были такими же мёртвыми, хотя и не иссохли, как у мумии.

— Прошла неделя с момента отправки сообщения, — сказал он секретарю. — С тех пор...

— Не было ни слова, — вздохнул Беван. — Сэр, посыльным требуется время, даже если они несутся во всю прыть, чтобы доставить сообщения от Хелмсона до первой станции. Но это портативная радиостанция, находящаяся сейчас на краю Итури, и она сэкономит много дней на передаче сообщений. Несмотря на это, всегда есть вероятность, что посыльного съест лев или тот будет укушен ядовитой змеей. Бог знает только, что может произойти. Итак...

— Я знаю это! — взорвался миллиардер, — Учите свою бабушку сосать яйца! Но все, что может пойти не так, пойдет не так. Я жил по этому правилу всю свою жизнь и всегда пытался обдумать каждое непредвиденное обстоятельство и подготовиться к нему. Будьте готовы ко всему. Проблема том, что они находятся в самой темной части Африки. А линии связи ужасно длинные и чертовски ненадежные. — На мгновение он замолчал. — И мы имеем дело с человеком, который не совсем человек, если мои источники имеют правильную информацию. Мы должны обращаться с ним очень осторожно. Если правда когда-нибудь станет известна... Боже упаси... — он вздрогнул и замолчал.

— Сэр, вы много раз делали то, что, по мнению других, невозможно. Много раз! На этот раз вы тоже сможете, независимо от препятствий.

— Да, но Тарзан, скорее всего, хранит величайший секрет в истории, самую драгоценную вещь в мире. Я не хочу, чтобы с ним что-то случилось, и я не буду спать спокойно, пока его не доставят сюда.

Беван не был так уверен, что Грейсток хранит какую-то тайну, что бы там ни имел в виду Стоункрафт. При этом он

не понимал, как Грейстока можно доставить в Америку так быстро, как хотел его начальник. Немецкие подводные лодки все еще топили суда, пересекающие Атлантику от Старого Света до Нового Света и наоборот.

С другой стороны, немцы, похоже, очень скоро потерпят поражение, хотя уверенности в этом не было. Их боевой дух и находчивость были потрясающими.

Беван ничего не сказал о своих сомнениях. Он хотел сохранить свою чрезвычайно высокооплачиваемую работу.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ Тарзан почувствовал себя намного лучше. Ближе к вечеру он мог вставать и довольно шустрым шагом мерить палатку. Он делал это хорошо, хотя должен был таскать кожаный мешок с железным шаром весом двадцать пять фунтов на цепи. Другой конец цепи был прикован к кольцу вокруг правой лодыжки Тарзана. Между кольцом и кожей была тонкая ткань, пропитанная маслом, чтобы предотвратить раздражение. Тарзан провел в оковах весь день. Ночью его привязывали к кровати. Цепь была достаточно длинной, чтобы дотянуться от прикованной лодыжки до места прямо под кроватью. Два *аскари* всегда были с ним рядом и начеку.

Если в первый день своего плена Тарзан испытывал слишком сильную боль, чтобы двигаться, то теперь он был почти таким же гибким, как резина. Однако у него часто кружилась голова, хотя теперь он правильно проходил тест на зрение пальцем. Пусть Хелмсон поверит, что он выздоравливает, но все же не до конца.

Хелмсон удивлялся быстрому выздоровлению человека-обезьяны. Но человек-обезьяна всегда имел эту способность, он не знал, как это объяснить. Какой бы ни была причина, он редко болел. Когда он заболевал, то быстро выздоравливал.

Хелмсон был счастлив, потому что он мог доставить заказчикам пленника много раньше, чем он ожидал. И уже на начальном этапе пути Тарзан мог ходить, не было нужды нести его на носилках.

— Гиря на ноге не сильно замедлит тебя, — сказал Хелмсон. — Но теперь тебе не подняться на деревья. А если и

влезешь, вряд ли сумеешь скакать по веткам... Ты попался! Никуда не денешься!

Тарзан никогда не хвастался, если это не помогало ему достичь определенных целей. Вот и сейчас, он не сказал Хелмсону, сколько раз, спасался из, казалось бы, совершенно безвыходных ловушек.

Вместо этого он стал расспрашивать Хелмсона о его личной жизни, его родителях, его детстве, его образовании, его браке... Он делал это потому, что ему было любопытно, и он надеялся, что этот человек может раскрыть что-то — какую-то черту характера или недостаток, — которые могут помочь Тарзану освободиться.

Хелмсон, однако, отказался говорить о себе. Это очень удивило человека-обезьяну. Почти все люди любили говорить о себе.

Возможно, этот человек знал, что задумал Тарзан. Если так, его будет не легко обмануть.

До рассвета охотники разбили лагерь. Они собирались вернуться по тропе, ведущей в Итури. Человек-обезьяна, с ядром на ноге, шел посередине колонны. Два *аскари*, вооруженные винтовками, конвоировали его сзади. Двое шли перед ним. Рядом был *аскари* с большой сетью. Он набросит ее на Тарзана, если тот попытается сбежать в лес.

Тарзан не отчаивался, хотя, по логике вещей, у него были на то веские причины. Тем не менее он очень разозлился. Эти люди отнимали у него драгоценное время. Возможно, им даже удастся сорвать его поиски Джейн.

Но постепенно Тарзан остыл. Ярость и фантазии о мести ничуть не помогали ему. Он должен был придумать какой-нибудь способ сбежать, обдумать все возможные способы. Если физические методы не будут работать, возможно, психологические методы сработают или комбинация того и другого.

Насколько Тарзан знал, Хелмсон даже не подозревал, что *бен-гоутор* существует.

Прошел час, все было спокойно. Это был тип дождевого леса, относительно свободного от зарослей на земле. Плотный навес переплетенных ветвей делал лес прохладным и сумрачным. Он напоминал собор с огромными стволами —

колоннами и высоким зеленым потолком. И этот собор наполняло зеленое сияние, переходящее вдали в зеленый же сумрак.

Тарзан ощущал огромное удовольствие, находясь в этом месте. Но чернокожие охотники были по-прежнему напуганы. Им мерещились призраки, скользящие в сумраке и меняющие форму. Для белых не было никакой возможности заверить черных в том, что все это иллюзия, не более существенная или опасная, чем те миражи, которые появлялись в мерцающей жаре — искаженном отражении далеких мест и существ. Чернокожие оставались при своём мнении.

И через некоторое время белые последовали примеру черных. Хотя они считали себя не суеверными, они начали думать, что видели фигуры в темноте, вдали. Они чувствовали себя так, как будто враждебные существа неизвестной природы прятались в зеленом своде джунглей с его пятнами ярких цветов и разноцветной плесенью, скоплениями блистающих ярко пигментированных и ядовитых бактерий...

КОГДА НАСТУПИЛА НОЧЬ, охотники решили, что страшные и неведомые твари могут спуститься сверху, и что лагерь окружен затаившимися чудовищами. И страх становился сильнее скептичного разума.

Тарзан подождал, пока партия не двинется в путь, еще час. Затем он заговорил достаточно громко, чтобы *аскари* впереди и позади отчетливо слышали его. Хотя Тарзан не говорил свободно на языке *сэрба*, он знал его достаточно хорошо, чтобы его можно было понять.

— Знаете ли вы, люди, что существо, которое выглядит наполовину человеком, наполовину зверем, преследует вас? — спросил он. — Зверь крупнее и намного сильнее человека и покрыт густой черной шерстью. Воняет хуже, чем ласка. У него длинные зубы и когти, как у муравьеда. — Кое-что из того, что он сказал, было ложью, но человек-обезьяна намеревался внушить страх. Поэтому он продолжал лгать. — Это не я швырнул Митчелла с дерева. Это чудовище. Я видел, как зверь поднял Митчелла, как будто он был ребенком, и выбросил его, как будто он был сломан-

ной игрушкой. Я видел зверя. Он выглядел так, как будто отчасти гигантский черный барсук, а отчасти человек. Он убил Митчелла и преследовал вас, когда я упал с дерева в ваши руки, — тут Тарзан сделал паузу для эффекта, затем добавил: — Он не ушел. Он все еще следует за вами. Помните след, который видели на земле до того, как я упал с дерева? Это доказывает, что чудовище существует. Теперь я говорю вам, я видел это чудовище, и оно много страшнее, чем я его описал. Иногда оно на земле прячется за деревьями, ожидая возможности схватить вас и съесть. Иногда оно сидит на дереве, надеясь спуститься, убить вас и съесть... Я сам едва не попал в его длинные лапы и острые зубы. Теперь я в безопасности, потому что сегодня светло, а вы меня охраняете. Но ночью... кто будет в безопасности?

Раньше *аскари* болтали между собой. С тех пор как Тарзан начал говорить, они замолчали. И прошло несколько минут после того, как он прекратил, прежде чем один из них заговорил.

— Это чудовище, которое ты описал, похоже на то, которым моя мама стращала меня, когда я был ребенком, чтобы я не безобразничал. Я слышал много историй об этом чудовище, но никогда не видел его. Думаю, ты лжешь. Хочешь напугать нас так сильно, что мы оставим белого человека, Хелмсона. Или, возможно, думаешь, что мы освободим тебя, чтобы ты мог найти тварь и убить. Ведь если есть такая тварь, то ты действительно можешь быть единственным, кто мог бы убить ее.

Аскари остановился, чтобы глубоко вдохнуть. Затем он сказал:

— Но не думаю, что эта тварь здесь или что она нам угрожает. Зачем ей это нужно? Что мы ей сделали?

Тарзан остановился. Он указал свободной рукой на деревья.

— Там! Это там! Быстро! Вот он! Смотри! Это прямо там!

Вверху не было ничего, кроме игры света и теней. Но туземцы верили а чудовищ, и двое из них увидели что-то, что напоминало тварь, присевшую на высокой ветке. Один был не совсем уверен. Скептик, который разговаривал с Тарзаном,

ничего не сказал. Если он и разглядел тварь, которой не должно быть, он не собирался это признавать.

Улыбка Тарзана была слабой, но зловещей. Ночь прекратит все сомнения. Стемнеет, и воображение туземцев заработает. Этим вечером туземцы не смогли легко заснуть, и после того, как они заснули, их будили кошмары.

Дождь начался вскоре после того, как солнце достигло зенита. Хелмсон приказал остановиться и быстро пообедать. Примерно через полчаса он приказал возобновить марш. Не обращая внимания на ливень. Вперед. Носильщики водрузили груз на головы или схватились за рукояти носилок. Они говорили между собой, как следопыты и *аскари*, но их голоса заглушал шум дождя. То, что пленник рассказал о посланце мира теней, дошло до каждого уха. Кроме ушей Хелмсона, конечно.

После того, как дождь прекратился, под вспышками молний и под канонаду грома сафари набрало темп. Хелмсон подошел к пленнику. Белый человек носил охотничий нож отца Тарзана в ножнах. Когда человек-обезьяна сбежал из города Ксуйя, он был вынужден оставить оружие. Но, будучи спасенным солдатами Второго Родезийского, Тарзан вернулся и забрал свои нож, лук и колчан.

Хелмсон теперь носил нож так, чтобы его пленник мог видеть свое оружие всякий раз, когда он видел Хелмсона. Это должно было угнетать Тарзана безнадежностью его положения.

Тарзан с нетерпением ждал того момента, когда отнимет у Хелмсона нож и всадит ему в живот.

Той ночью, прежде чем Тарзану позволили лечь спать, с него сняли оковы, но только для того, чтобы надеть их вновь. Его лодыжка была хорошо смазана, а затем наручник был надет на лодыжку. Железный шар в футляре был помещен под кровать. Тарзана привязали к кровати. Две лампы горели в палатке, давая много света.

Два *аскари* ходили вокруг его палатки снаружи. Они караулили посменно, так что свежие и настороженные стражи до рассвета будут настороже. Внутри палатки стояли два *аскари*. Веревка была завязана вокруг свободной лодыжки Тарзана. Другой конец веревки был прикреплен к концу железного кола, забитого глубоко в землю у подножия кровати.

Тарзан сделал вид, что уснул почти сразу. Он слышал, как часовые в палатке тихо разговаривали о призраке, наполовину животном, наполовину человеке. Чудовище уже стало вдвое больше человека и в три раза смертоноснее леопарда. Тарзан знал, что возле палатки костры горели ярче, чем обычно. Мужчины вокруг них крепко спали. Довольный, Тарзан позволил себе уснуть.

ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ он проснулся. Он открыл глаза настолько, что увидел, как два охранника очень медленно обошли его койку. Они молчали, но казалось, что они вслушиваются в звуки леса.

Когда Тарзан заговорил резко, он поразил двух негров. Снова он был доволен. Охранники очень нервничали!

— Я спал, — сказал он. — Но мне приснился плохой сон. Я видел волосатого и огромного клыкастого зверя-призрака. Он шел по лагерю. Он искал человека, чтобы поесть. Возможно, он искал не одну жертву. — Выдержав паузу, Тарзан продолжил: — Меня разбудил запах призрака зверя. Хоть я спал, я почувствовал его ужасный запах. Это то, что вырвало меня из дурного сна. Разве вы не чувствуете его? — Тарзан принюхался. — Надо долго нюхать гиену, чтобы не ощущать этот запах.

Аскари остановился и повернулся лицом к выходу из палатки. Тот был открыт, но на нем висела москитная сетка. Вдали мерцал костер. В лагере царила тишина, и даже ночные птицы и ночные звери умолкли.

Один из *аскари* тихо сказал дрожащим голосом:

— Да. Я чувствую это!

Другой сказал:

— Не знаю!

— Иди сюда, — позвал первый. — Тварь здесь!

Второй часовой обошел кровать и встал рядом с первым. Он принюхался и сказал:

— Не знаю. Подожди!

Он шумно вздохнул. Затем он схватил руку своего спутника.

— Акика-идосмеллит!

Тарзану удалось их напугать. Но он не лгал, чтобы обмануть *аскари*. Не в этот раз.

Запах разбудил его. И, хотя теперь это был призрак аромата, он был сильным. Человек-медведь побывал возле палатки. Тут его поразила неожиданная мысль. Он вспомнил вопросы Хелмсона о рукописи и карте Мартильо.

...Беспричинный причинник... Он происходит от зверей и сам по себе является зверем и невиновен?

Возможно ли, что человек-медведь был таинственным существом под названием «Беспричинный причинник»? Тарзан отверг это предположение и вернулся к сосредоточению своих мыслей на человеке-медведе.

Однако, хотя эта мысль казалась неуместной, он знал, что ни одна мысль никогда не была бесполезной. Под покровом реальности все вещи были связаны.

ГЛАВА 10

ТАРЗАН НАБЛЮДАЛ ЗА силуэтом одного из двух охранников, стоявших снаружи палатки. Он находился прямо между закрытым входным клапаном и центральным костром. Стражники всегда шли на полукруга друг от друга. Следовательно, именно сейчас другой охранник должен был находиться за палаткой.

Оба охранника внутри стояли в этот момент перед койкой, спиной к Тарзану. Они говорили слишком тихо, чтобы он мог расслышать все их слова. Часовые, казалось, наблюдали за какой-то деятельностью возле главного костра. Тем не менее люди снаружи молчали, за исключением одного — он пел.

Тарзан не знал, что интересовало стражей. Может быть певец? Но это не имело значения. Если Тарзан будет ждать, у него никогда не будет другого шанса.

Тень, отбрасываемая часовым на переднюю часть палатки, переместилась влево от Тарзана. Другой стражник, должно быть, вышел из-за палатки и пошел направо.

У Тарзана было около тридцати или сорока секунд, чтобы начать претворять в жизнь свой план побега, прежде чем охранник вновь окажется у входа в палатку.

Очень быстро и очень тихо Тарзан расстегнул три ремня, которые удерживали его тело, и два ремня чуть ниже колен. Сел. Его правая рука ухватилась за цепь, прикрепленную к ядру. И тут он взорвался.

Он рывком поднял тяжелый металлический шар и метнул его вперед. Одновременно он поднял правую ногу. При этом цепь, прикрепленная к наручнику, вытянулась. Двадцатипятифунтовый железный шар сделал все точно так, как Тарзан и планировал. Груз с громким стуком ударил ближайшего *аскари* по затылку. Часовой упал, а его товарищ, задыхаясь, обернулся.

Через две секунды Тарзан дернул веревку, прикрепленную к железному лому. Лом стрелой вылетел из земли. Тут же питомец обезьян подскочил к другому *аскари* и схватил его за горло одной рукой. Хотя несчастный открыл рот, чтобы закричать, ему не хватило воздуха.

Левый кулак человека-обезьяны ударил *аскари* в солнечное сплетение. Охранник выронил винтовку и с трудом перевел дыхание. Тарзан быстро ослабил свою удушающую хватку на горле человека. Безмолвный, с широко открытым ртом, человек упал на землю и начал корчиться.

Тарзан поднял винтовку горе-вояки, щелкнул затвором и толкнул ее вперед. К этому времени тени обоих солдат, стоявших у палатки, были очерчены костром. Они стояли у входа. Оба спрашивали тех двоих внутри, что происходит.

Тарзан приподнял москитную сетку, откинул ее в сторону, просунул дуло винтовки в отверстие и выпустил все пули из магазина. Он целился в движущиеся фигуры вокруг костра. Некоторые упали. Остальные нырнули на землю или убежали.

Тарзан взял большой охотничий нож у аскари, которого он убил первым. Он перерезал веревку вокруг лодыжки, затем сжал лезвие в зубах. Он поднял цепь и перекинул ядрогирю через плечо. Держа цепь правой рукой, он нес винтовку и дополнительную обойму патронов в левой.

Добравшись до задней части палатки, он положил на землю стальной мяч, винтовку и магазин с патронами. Левой

рукой он разрезал заднюю стенку палатки ножом. Затем он снова сжал нож в зубах. Он пролез в щель на коленях и одной рукой, используя другую руку, чтобы вытянуть цепь. Оказавшись снаружи, он снова просунул руку в щель. Он вытащил винтовку и обойму. Он опустил железный шар на землю и зарядил винтовку.

Мгновение спустя, обнаженный, с винтовкой в левой руке и шаром на плече, он превратился в одну из теней тропического леса.

Прошла еще минута. К тому времени, несмотря на все, что ему пришлось нести, он был уже в пятидесяти футах от земли на суку дерева. Оттуда он мог видеть костры и снующих вокруг людей. Никто еще не вызвался заглянуть в палатку, которую он оставил.

Появился одетый в пижаму Хелмсон с итальянским автоматом в руках. Он закричал, требуя тишины, но лишь через минуту до него дошло, что происходит. Он схватил одного из менее взволнованных *аскари*, и тот рассказал ему все, что знал.

Вскоре белый человек понял, что Грейсток либо сбежал, либо остался в палатке. Но Хелмсон сомневался в последнем. Он подбежал к палатке и нырнул внутрь. Затем он вернулся, яростно замахал руками и начал выкрикивать приказы, потом быстро отменил их. Несмотря на то что он был раскален добела от гнева, он понимал, что не имеет ни малейшего шанса поймать повелителя джунглей ночью в его родной стихии.

Тарзан выстрелил в Хелмсона, но при первом же выстреле американец быстро нырнул на землю и откатился в тень. Затем он скрылся за палаткой. Вторая пуля, тоже предназначенная ему, свалила белого человека со сломанным плечом.

Тарзан разрядил винтовку в толпу бегающих людей внизу. Он задел по меньшей мере двоих, но их крики показывали, что они только ранены. После этого человек-обезьяна бросил винтовку. Он метнул ее в центр большого костра, разметав головешки.

Тарзан мог бы и дальше мучить их. Его враги были рассеяны и открыты для его молчаливых атак из-за периметра

тьмы. Однако ему мешали железный шар и цепь, прикрепленные к наручнику вокруг левой лодыжки. Он должен был избавиться от них. А у Хелмсона был ключ от его оков.

Оценивая свои возможности, Тарзан мельком увидел тень, промелькнувшую в глубине джунглей. Мгновенный отсвет костра обрисовал уже знакомую фигуру.

Затем существо ушло.

Тарзан еще не мог идти за *бен-гоутором.* Нет, пока он не снимет оковы. Обычному человеку его положение показалось бы безнадежным. Тарзан, однако, никогда не чувствовал себя безнадежно. И у него был нож *аскари.*

К счастью, человек-обезьяна имел опыт взломщика замков. Когда он впервые столкнулся с очарованием цивилизации со своим другом и наставником Полем д'Арно, его представили некоторым сотрудникам парижской полиции. Один из них научил лорда-обезьяну обходить такие препятствия, как наручники.

В то время Тарзан просто развлекался. Теперь он был рад, что обучился этому полезному навыку. В мерцающем и тусклом свете костров Тарзан использовал острие ножа, чтобы прощупать замок наручника. После многих неудач Тарзан услышал щелчок.

Он оставил железный шар, цепь и наручник на ветке. Сжав нож в зубах, Тарзан спустился с дерева. Он задержался ровно настолько, чтобы выкопать немного тонкой почвы и втереть ее в раны. Закончив, Тарзан отказался от бинтов и лекарств, предложенных Хелмсоном. Он предпочитал целебные свойства лесной почвы.

Наблюдая, как человек-медведь обошел лагерь, Тарзан последовал за ним. Во время этого обхода он не видел *бен-гоутора,* но натолкнулся на носильщика, прячущегося за стволом лесного гиганта. Тарзан провел лезвием ножа по яремной вене мужчины. Он снял с трупа ремень и ножны из кожи и застегнул вокруг талии. Затем он использовал швейцарский нож покойного, чтобы отрезать голову трупу. Он швырнул ее в лагерь. Расчет оказался точным. Окровавленная голова ударила в голову носильщика-*аскари.* Тот рухнул на землю.

Тарзан исчез. Он был удовлетворен тем, что устроил этот маленький спектакль.

Человек-обезьяна верил, что туземцы бросят охоту и сразу же отправятся домой. Хелмсон должен будет пойти с ними. Он не сможет выжить в одиночестве, будь то в джунглях или на равнинах. В любом случае, какая польза от его пребывания здесь? Хелмсон не знал, что Тарзан не будет теперь болтаться вокруг сафари. Он будет ожидать, что демон джунглей начнет преследовать его.

При других обстоятельствах человек-обезьяна преследовал бы врага. Но Тарзан был полон решимости больше не терять времени, немедля отправиться на поиски Джейн, поэтому решил отпустить Хелмсона.

Однако, если бы у него когда-нибудь появился шанс отомстить Хелмсону, он без колебаний сделал бы это.

Но сейчас он был готов потратить несколько часов, чтобы найти *бен-гоутора*. Это усилие может стоить того. Если он потерпит неудачу, он возобновит поиски своей жены. Он очень надеялся, что сможет немедленно разобраться с этим существом. Если нет, то Тарзан не мог чувствовать себя спокойно, пока не покинул лес Итури. *Бен-гоутор* не чувствал бы себя на равнине как дома. Чтобы выжить, ему, вероятно, понадобился свод тропического леса, множество деревьев, чтобы прятаться среди них. Тарзан хотел узнать о происхождении человека-медведя. Поэтому он не спеша направился на запад. Свет луны в три четверти заливал кроны деревьев. Но здесь Тарзан не мог видеть следы. Он едва мог различить гигантские стволы деревьев. Но его нюх был острым как всегда. Он сомневался, что медведь может подкрасться к нему. Запах выдаст чудовище. Не было ни ветра, ни ветерочка. Тарзан знал, что учует чудовище лишь за миг до встречи.

Но он был готов воспользоваться этим шансом.

Неожиданно он остановился. Сжал нож зубами. Волосы на затылке встали дыбом. Здесь пахло опасностью.

Запах этот, однако, не был запахом *бен-гоутора*.

ХЕЛМСОН НЕ ПОСМЕЛ остаться в своей палатке, хотя он очень хотел это сделать. Спрятаться и оставить своих людей лицом к лицу с человекообезьяной — значит позволить им думать, что он трус.

Итак, Хелмсон собрал людей из укрытий в лесу. Он действовал смело, расхаживая в открытую при свете костров, успокаивая носильщиков, следопытов и *аскари*. Он громко разговаривал, бродя по лагерю. И он выкрикивал угрозы во тьму. Он бросил вызов человеку-обезьяне, вызов на поединок без оружия. Он пообещал, что его люди не будут вмешиваться, даже если Тарзан убьет его.

Хелмсон делал все это только для того, чтобы успокоить своих людей и поднять их боевой дух. Ни на секунду он не верил в то, что Тарзан примет его вызов.

Тарзан не был дураком. Но бравада Хелмсона действительно помогла чернокожим прийти в себя, что было немаловажно.

Тем не менее, когда голова несчастного носильщика вылетела из тени и повалила *аскари*, страх заставил чернокожих побледнеть, а Хелмсон побелел, словно альбинос. Все они быстро взяли себя в руки, но только когда рассвело, они перестали подпрыгивать при каждом неожиданном шорохе. Когда тьма начала рассеиваться, объявляя о появлении солнца, охотники собрались уходить, вернуться в свои родные деревни далеко на востоке на равнинах или в буше.

Хелмсон орал благим матом. Он назвал чернокожих детьми и женщинами. Он сравнил их с гиенами и шакалами. Наконец, видя, что угрюмые чернокожие все еще собираются покинуть его, он пообещал удвоить их зарплату. Они не обратили внимания на его слова. Хелмсон предложил тройное количество соли, безделушек, отрезов ткани, копий, огнестрельного оружия и боеприпасов, но тщетно.

Чернокожие упаковали столько груза, сколько хотели. Палатки и собственное имущество Хелмсона остались нетронутыми. Через несколько минут чернокожие отправились в путь. Только главный *аскари* и оруженосец Хелмсона, Ракали, остались с белым человеком. Их личная честь требовала, чтобы они оставались верными обещанию, которое они дали Хелмсону, остаться с ним до конца.

Но они, вероятно, ожидали, что Хелмсон проявит здравый смысл. Только сумасшедший отправится бродить по джунглям в таких условиях.

Хелмсон знал это. Хотя он был очень решительным, он знал, когда признать поражение. В следующий раз, хотя... если будет следующий раз.

Его работодатель может уволить его. Если это произойдет, подумал Хелмсон, можно снарядить собственную экспедицию и пойти за Грейстоком. Неназванный человек, который хотел, чтобы Грейсток был схвачен живым, вознаградит того, кто преуспеет.

Хелмсон пожалел, что отправил гонца с новостями о том, что Тарзан был схвачен. Теперь объяснять, что человек-обезьяна сбежал, значит удвоить свое унижение. Поэтому Хелмсон не отправил второго гонца с плохими новостями. Он хотел отложить этот шаг как можно дольше.

НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ пути обратно в базовый лагерь на краю Итури Хелмсон увидел двух чернокожих. Он узнал их сразу. Это были гонцы, которых он использовал для передачи своих сообщений в штаб-квартиру. За ними было несколько вооруженных *аскари*. И рядом с ними было три белых человека. Остальная часть сафари тянулась за ними.

Он сразу узнал одного из белых, ирландца по имени Фитцпейджел. Тот руководил лагерем, из которого отправилась экспедиция Хелмсона. Он прибыл с двумя белыми людьми и сотней *аскари*, следопытами и носильщиками.

Американец приветствовал Фицпейджела. Они пожали друг другу руки, и Фицпейджел представил двух белых, Умбранка и Силта, двух англичан. Затем Хелмсон спросил ирландца о цели этого совершенно неожиданного сафари.

Фицпэйджел был маленький худой человек с длинными ярко-рыжими волосами и зеленоватыми глазами. Его узкое лисье лицо было испачкано каким-то дурно пахнущим средством от насекомых. На нем был белый пробковый шлем, белая рубашка с длинными рукавами, длинные брюки и кожаные сапоги до колен. Огромный шестизарядник торчал из кобуры, поддерживаемой очень широким и толстым кожаным поясом. В ножнах покоился большой нож.

В углу тонкогубого рта торчала сигара. Он говорил с жутким ирландским акцентом.

— Наш таинственный босс, пусть Бог благословит его сморщенную душу, приказал вам помочь. Судя по всему, я бы сказал, что вам действительно нужна помощь.

— Вы имеете в виду, что должны были найти нас, а затем помочь нам? — спросил Хелмсон.

— Было не проблема найти вас, — сказал ирландец. — Гонцы шли назад по своему следу прямохонько к тебе, хотя я удивлен, что вас так мало, только двое. Так... Почему вы тащитесь домой, хвост мне в рот?!

Хелмсон был осторожен отвечая. Сначала он должен был узнать, что знал Фицпейджел. Это не заняло много времени. Ирландец сказал ему, что переносной радиопередатчик теперь находится всего в ста милях. Через несколько дней его перенесут к самому краю Итури. Но перенести тяжелое оборудование, включая небольшой электрический генератор с большим запасом бензина, дело нелегкое. Когда радио будет установлено, они смогут послать коротковолновые сообщения Найроби. Таким образом, гонцы должны были теперь пройти только через лес Итури до станции.

В конце концов, однако, расстояния, которые нужно преодолеть, будут слишком длинными, чтобы использовать даже гонцов. Если Хелмсон и Фицпейджел быстро не достигнут цели, людям, находящимся на радио, придется подождать, пока охотники вернут свой трофей.

— Вы не знаете, кого мы ищем? — поинтересовался Хелмсон.

— Так это кто, а не что? Действительно, не знаю. Я должен был помочь доставить что-то, что бы это ни было. Я должен был спросить вас, что мы ищем. Босс настолько скрытен, мне решительно не хватает информации. Я приперся сюда как слепой и глухой дурак. Дьявол знает, что это самый неэффективный способ ведения бизнеса. Что если...

Фицпейджел остановился. Три удара, каждый через несколько секунд после предыдущего, сотрясли землю. Казалось, они превратили землю в желе. Но ни один из подземных толчков не был достаточно силен, чтобы бросить людей на землю. Однако люди замерли, пока земля не перестала дрожать.

Тогда Фицпейджел сказал:

— Я думаю, что старушка мать-природа готовит что-то крупное!

ГЛАВА 11

ТАРЗАНУ ПОНАДОБИЛОСЬ МЕНЬШЕ секунды, чтобы определить запах. Тот исходил от *мальскри*, золотого кота, кошки, слишком маленькой, чтобы представлять опасность для человека-обезьяны. Кошка была рядом и на земле; это означало, что она охотилась на разных мелких млекопитающих.

Тарзан двинулся дальше, но не обнаружил ни запаха, ни запаха *бен-гоутора*.

Несмотря на злость, он был настороже. Человек-медведь может атаковать из тьмы. Или большая кошка, леопард, может встретиться с ним. Однако, так как было очень мало леопардов, которые кормились в дервьях, особенно в этой части леса, Тарзан не сильно них беспокоился.

Пока Тарзан бродил по лесу, гнев его усиливался. На этот раз потому, что у Хелмсона остался охотничий нож его отца. Это оружие было постоянным спутником Тарзана и часто спасало ему жизнь. Тарзан обнаружил этот нож, когда впервые нашел хижину своих давно умерших родителей в своем родном западноафриканском тропическом лесу. Тогда он не знал, что два скелета принадлежали его матери и отцу. Но он нашел нож возле костей одного из них. Он поднял его и вскоре узнал, в чем его смысл, хотя тогда у него не было названия.

С тех пор он считал клинок частью своего тела.

Но вернуться назад, догнать сафари и подождать, пока появится шанс вернуть нож, означало бы большую задержку. Независимо от того, насколько высоко он ценил нож, он ставил Джейн выше, чем что-либо еще...

НА РАССВЕТЕ ТАРЗАН наткнулся на несколько прекрасных жирных образчиков кабана — *орта*. Тарзан был голоден, поэтому оставил «тропу», чтобы преследовать *орта*. Затем ножом, который позаимствовал у мертвого *аскари*, он убил свинью и утащил все еще кровоточащее тело на дерево — пристроил его на сплетенье суков и ветвей меж небом и землей. Сырое мясо оказалось весьма недурственно. На

десерт Тарзан съел немного жирной и сочной гусеницы — *умпа*. Затем он перебрался на другое дерево. Два часа он спал в сплетении ветвей. Хотя у Тарзана не было простыней или одеял, он устроился довольно уютно. Но он настроил свою «бессознательную сигнализацию», чувствительную к необычным шумам или запахам, чтобы мгновенно разбудила его, если рядом возникнет опасность.

Если бы не поиски Джейн и угроза со стороны *бенгоутора*, он был бы доволен такой жизнью. Заполнение живота, когда он был голоден, и быстрое путешествие по ветвям — это была его жизнь, жизнь, которой он наслаждался.

ТАРЗАН ПРОСНУЛСЯ ОСВЕЖЕННЫМ и быстро встал. Отправившись на запад через среднюю террасу леса, Тарзан перекусил насекомыми и фруктами. Затем, перед самым закатом, он вырвал крошечную антилопу из челюстей гиеновидного кота. Съев большую часть антилопы, Тарзан скинул останки с ветки. К утру их уже не будет, они будут поглощены муравьями, жуками и крупными хищниками. Мусорщики содержали лес в чистоте.

До сих пор у Тарзана не было набедренной повязки. Хелмсон не заменил сорванную шкуру леопарда. Вероятно, американец думал, что голый заключенный почувствует себя беспомощным без одежды. Это также должно лишить заключенного достоинства.

Хелмсон недостаточно хорошо знал историю Тарзана. Пока Тарзану не исполнилось восемнадцать, он был голым всегда. Затем, когда Кулонга, черный воин, убил приемную мать Тарзана, великую обезьяну Калу, Тарзан убил Кулонгу из мести. Он взял оружие мертвеца, тяжелое копье, лук и колчан со стрелами. Вот тогда он надел леопардовую шкуру Кулонга. Одна из необычных идей наивного человека-обезьяны заключалась в том, что ношение одежды сделает его более человечным. Он вычитал это из книжки с картинками, найденной в хижине его мертвых родителей.

Теперь, когда он стал лучше разбираться в обычаях цивилизованного мира, он не чувствовал необходимости в одежде, находясь в одиночестве и в джунглях.

Утром следующего дня Тарзан натолкнулся на реку. Он проследовал вверх по течению, таким образом двигаясь в основном на север. Вдоль берегов растительность превратилась в густой подлесок, который, как он знал, большинство белых принимало за дождевой лес, хотя настоящий дождевой лес был относительно открытым, более или менее свободным от зарослей кустарника и намного более прохладным.

Эти джунгли были густыми, с высокими и маленькими деревьями, хотя и без сплошной крыши сплетенных ветвей. Сквозь листву здесь проникало больше солнечного света, поэтому плотные заросли кустарника заполняли все вокруг. Они царапали кожу, вызывая кровотечение, и привлекали еще больше жгучих, кусающих и кровососущих насекомых. И в этих джунглях было жарче.

Сама река стала узкой, в основном шириной в сто футов, но иногда расширялась до трехсот футов. Бегемоты, крокодилы, и рыбы, и большие и маленькие — кого тут только не было. Здесь процветали длинные гладкие выдры, как и множество орлов, зимородки и цапли, аисты и стервятники. Их хриплые крики и вопли наполняли воздух.

Тарзан знал, что вдоль реки расположены местные деревни. И заселены они пигмеями *итури*. Эти люди жили в тропическом лесу, куда другие чернокожие не рисковали соваться.

Незадолго до заката Тарзан подобрался к одной из этих деревень — паре десятков травяных хижин. Тарзан двигался неслышно, скрываясь за деревьями, пока не оказался достаточно близко, чтобы услышать разговор туземцев. Они говорили на одном из языков *банту*. Это было ясно. Что было не так ясно, так это слова. Тарзан мог понять лишь немногое и не был уверен, что слова означают то, что означают похожие слова в родственных диалектах.

Кто-нибудь из туземцев знает французский или английский? У пигмеев были металлические наконечники, фабричные ткани и европейская керамика. Но это ничего не значило. Торговые маршруты могут простираться на тысячу миль. Эти люди, возможно, никогда не видели белого человека.

Хотя Тарзан не думал, что Джейн и ее похитители проходили тут, он должен был убедиться.

В итоге, решившись, он вошел в середину круга хижин. Женщины готовили и болтали. Дети играли. Мужчины пили пиво и играли в азартные игры. Почти все одновременно замерли, когда большой голый белый человек... или, возможно, призрак... появился среди них. Хотя Тарзан улыбался и обе руки были вытянуты перед ним, показывая, что он спокоен, только это не имело значения. Крича, все туземцы убежали в кусты.

Тарзан пожал плечами. Вероятно, пигмеи подумали, что он призрак или демон.

Тарзан нашел пустой керамический горшок, несомненно, предмет торговли. Он положил туда немного еды для жителей деревни, рыбу из реки и культивируемое пигмеями просо и овощи. Он взял в кусты и съел еду. После этого он поставил пустой горшок достаточно близко к хижине, чтобы его можно было легко найти, когда они вернутся. У этих людей было очень мало посуды, и горшок был очень ценным для них.

Той ночью, удалившись от реки в тропический лес, Тарзан спал высоко на развилке дерева. Вдруг, около полуночи, он проснулся. Тишина, внезапное прекращение всех неумолчных шумов джунглей, вырвала его из безмятежного сна. Тарзан сел, одновременно вытаскивая нож из ножен. Принюхался. Был очень легкий ветерок. Но этого было достаточно.

Тарзан различил едва уловимый запах. Тем не менее запах был достаточно силён, чтобы Тарзан осознал, что *бенгоутор* был поблизости.

Тарзан медленно встал и потянулся, как кошка. Лунный свет струился сквозь щели в зеленом потолке листвы. Тут и там он образовывал освещенные пятна, островки света в море тьмы. Тарзан не видел ничего. Но он знал, что существо затаилось во тьме. Оно приближалось, и явно не для того, чтобы пожелать доброй ночи.

«Почему он преследует меня? — подумал Тарзан. — Что я ему сделал?»

Тарзан услышал очень тихий шорох. Это мог быть зверек, цепляющий дерево коготками. Или... Это не имело значения. Тарзан спрыгнул с развилки на сук, переворачиваясь

в воздухе, чтобы ухватиться. Он отпрыгнул не достаточно далеко. Подняв глаза, он увидел, как что-то затмило луну над ним. Затем существо обрушилось на него, и Тарзан получил удар по затылку.

Этот удар выбил воздух из легких Тарзана. Нож выскользнул из его руки, упал в темные глубины. Тарзан задыхался.

Руки... не когти, а руки... сжали его горло. Зловоние ударило в ноздри. В этот момент Тарзан не мог ничего сделать. Слишком сильно он был ошеломлен.

Существо зарычало, словно медведь, от которого оно могло происходить. Но тут по какой-то причине руки перестали так сильно сдавливать горло. Кислород достиг его легких. А потом руки возобновили сжатие. Опять Тарзан не мог дышать.

Бен-гоутор зарычал еще раз.

Затем он заговорил. Одно слово только он произнес. Оно вырвалось не из человеческих уст, но оно было сформировано достаточно хорошо, чтобы человек-обезьяна мог распознать это слово.

ХЕЛМСОН ОТВЕЛ ФИЦПЕЙДЖЕЛА в сторонку от туземцев, чтобы те не могли их слышать. Он рассказал ирландцу о случившемся. Но он не учел детали. Существовали определенные истины, которые ирландец не должен был знать. Во всяком случае, пока, а может, и никогда.

Фицпейджел ничего не говорил, пока Хелмсон не закончил свой рассказ. Затем он кашлянул, выпустил еще больше дыма из своей сигары, снова закашлялся и сказал:

— Это настоящая сага. Эпопея. Значит... Этот человек, которого мы ищем, этот Грейсток.... Это создание, которое мы преследуем — человек или какое-то мифическое чудовище... Очевидно, я не заслуживаю доверия. Может быть, так. До сих пор я никогда не верил в существование этого Тарзана. Верил в него не больше, чем в лепреконов. Но... если то, что вы говорите, правда... У меня нет причин сомневаться в ваших словах... Тогда я задаю себе сложный вопрос, который должен иметь жесткий ответ. Я не трус, и я убью человека, который говорит, что я

трус. Но я много слышал об этом Тарзане, хотя я не верил ни во что из этого. В любом случае есть вопрос... Должен ли я преследовать эту полуобезьяну, скорее всего, рискуя убить ее или быть убитым? Должен ли я придерживаться своего обещания и идти ловить его, будь он человеком, дьяволом или зверем, или всеми тремя? Заработать на всю оставшуюся жизнь и выпивать только лучшее виски. Но каковы мои шансы получить эту награду? То, что вы мне рассказали, заставляет меня сомневаться, что мои шансы велики.

— Вам решать, пойти со мной или вернуться в Найроби, — фыркнул Хелмсон. — Вы свободный человек.

— Свободный? У меня есть приказ работать под вашим началом, но вы — человек, которого человек-обезьяна до сих пор одолевал.

— Я все равно продолжу погоню... — заверил американец.

Фицпейджел нахмурился. Затем он улыбнулся. Он сказал:

— Вот моя рука, сэр. Один ваш день и я весь ваш. Тогда уже нет пути назад. И вместе, может быть, мы сможем сделать то, что ни один не мог сделать сам по себе.

Они пожали друг другу руки, восхищаясь силой хватки друг друга. Но Хелмсон подумал, что ирландец слишком толстый. И говорил он с акцентом. Почему? Чтобы он мог заставить других поверить, что он клоун, сценический ирландец? Таким образом, они склонны будут недооценивать его.

Тогда Фицпейджел сказал:

— Одна вещь, которую я не понимаю. Как, во имя дьявола, мы можем найти Грейстока в этом воющем зеленом аду?

Хелмсон улыбнулся:

— Оставь это мне.

БАЛ ДЛЯ СБОРА денег на военные действия проводился в особняке на берегу реки Гудзон у одного из очень богатых друзей Стоункрафта. Было около десяти вечера, когда Стоункрафт стал собираться домой. Кто рано встает и так далее.

Через минуту музыка и танцы будут остановлены хозяином. Затем он представит остальным гостям человека, которого все и так очень хорошо знают. И тут мультимиллиардер объявит, сколько денег было собрано этим вечером. После чего он объявит, что сам пожертвовал два миллиона долларов. Прежде чем аплодисменты смолкнут, он выйдет из дома...

Слуга тихо прервал его, вытащив из круга поклонников. Или, как он считал, прихлебателей-паразитов. Слуга протянул серебряный поднос. Стоункрафт взял конверт и открыл его. На дорогой бумаге было отпечатано короткое сообщение.

Раскодированное, оно гласило:

Хелмсон и Фицпейджел объединились. Очень плохие новости. Грейсток сбежал. Группа Хелмсона развалилась. Фицпейджел спрашивает, должен ли он оставить Хелмсона или продолжить поиски с Хелмсоном?

Стоункрафт побледнел. Нахмурился. Затем покраснел. Люди вокруг него задавались вопросом, означает ли это плохие новости для фондового рынка. Если так, то скажет ли он им, что случилось? Будут ли они разорены? Или на сей раз обойдется?

Магнат ничего не сказал. Он стоял на месте. Что-то важное оняло его мысли по кругу. Что? Что? Но великий человек, так и не сказав ни слова, поклонившись им, ушел. Ни слова, ни слова! Это должно быть очень серьезно!

Это было серьезно. Но это не имело ничего общего с ними.

Стоункрафт задавался вопросом, должен ли он организовать еще одну экспедицию. Она будет отправлена в Бельгийское Конго по следу Джейн Клейтон, леди Грейсток, и ее похитителей. Найти их будет нелегко, но гораздо проще, чем поймать лорда Грейстока.

Затем, если ее поймают, ее можно использовать, чтобы заставить Грейстока сдаться и раскрыть свои знания о тайне. Тайные слова ярко горели в голове миллиардера. Единственное, что действительно стоит иметь. Получив тайное знание, он сможет получить все, что захочет.

ГЛАВА 12

ТАРЗАН СНАЧАЛА НЕ понял слова, которое произнес *бенгоутор*. Хотя оно звучало знакомо. Но звуки, казалось, доносились издалека. И если это был английский, он определенно был искажен при передаче.

Опять руки вокруг горла Тарзана ослабили хватку, но они не счезли. Он смог дышать. Хотя человека-обезьяну придавил большой вес существа и его зловоние заставило его кишечник, казалось, извиваться как змея, рев в его ушах утих.

Человек-медведь снова произнес слово.

Теперь человек-обезьяна понял.

Гортань существа, язык, зубы и ротовая полость, вероятно, были не совсем такими, как у людей. Они могли только приблизительно произнести некоторые человеческие звуки. Некоторые, однако, были очень близки к тем языкам, которые использовались людьми. Но «т», например, был щелчком. «А» было длинным и исходило из глубины рта. Звук был действительно «д» или звучал как таковой для человека-обезьяны.

Но слово прозвучало достаточно ясно.

— Тарзан.

Человеку-обезьяне случалось удивляться много раз прежде. Но редко так, как теперь.

Ему удалось прошептать:

— Да. Я Тарзан.

Руки вокруг горла Тарзана расслабились. Затем *бенгоутор* быстро заговорил. Тарзан не понял ни слова.

Когда человек-медведь прекратил говорить, Тарзан попробовал обратиться к тому на всех языках, которые знал: *мангани*, французский, английский, немецкий, речь племени *мбонга* в Западной Африке, дюжина языков и диалектов *банту*, берберские и арабские языки, и даже фразы, которые он взял из многих других языков.

Существо покачало головой вполне человеческим жестом, затем повторило то, что сказало.

Тарзан покачал головой. Слушая существо, Тарзан решал, какое действие следует предпринять. Это создание может быть

не таким враждебным, как он думал. Возможно ли перемирие между ними, время для знакомства? Тарзану бы это понравилось. В первую очередь, ему было очень любопытно, как *бен-гоутор* узнал его имя. Где он услышал про Тарзана?

Человеку-обезьяне казалось, что человек-медведь вряд ли мог узнать его имя. Он следил за партией Хелмсона и подслушал достаточно, чтобы подватить имя Тарзана. Но, если он не понимал человеческие языки, как он мог связать имя с его владельцем? Зачем ему вообще беспокоиться о Тарзане? Зачем ему пытаться объяснить что-то Тарзану, если он, конечно, пытался это сделать?

Человек-обезьяна попросил, чтобы человек-медведь освободил его. Он знал, что его слова не будут поняты. Но, возможно, существо ответит на тон голоса Тарзана.

Человек-медведь не сдвинулся с места.

Тогда Тарзан приказал ему отпустить себя.

И не получил никакого ответа кроме потока тарабарщины. Однако несколько раз человек-обезьяна слышал свое имя.

Разозлившись, Тарзан еще раз приказал ему освободить его. Затем, зная, что он никуда не продвинется словами, он принял меры. Он вздыбился изо всех сил, максимально поддерживая спину, упираясь левой рукой в ветку. Он сомневался, что сможет сместить или поднять существо очень далеко. Но на данный момент он просто хотел освободить левую руку.

Медведь немного приподнялся. Этого было достаточно. Хотя он снова сжал горло Тарзана, он дал Тарзану, но неохотно, необходимое пространство.

Тарзан нанес удар указательным пальцем в правый глаз существа.

Бен-гоутор взревел и схватился за глаз. В то же время его левая рука ослабила хватку на горле Тарзана. Тот отодвинулся достаточно далеко, чтобы Тарзан нанес удар другим указательным пальцем.

Его противник закричал и поднял левую руку, чтобы закрыть другой глаз.

Человек-обезьяна ударил левым кулаком по носу человека-медведя. Хотя это был не ошеломляющий удар, который

Тарзан мог бы нанести, если бы встал, он действительно потряс существо. В тусклом свете Тарзан увидел темную кровь, хлынувшую из ноздрей.

Несмотря на боль, *бен-гоутор* протянул обе руки и попытался схватить Тарзана за горло.

Человек-обезьяна прижал левую ногу к ветке и покатился. В это движение он вложил всю свою силу. Хотя человек-медведь, должно быть, весил на сто фунтов больше, чем Тарзан, он отцепился. Он попытался схватиться за грубую кору, чтобы остановить движение.

Но потерпел неудачу.

Вздохнув, он полетел в пропасть.

Его правая ладонь схватила Тарзана за волосы и потянула вниз.

Тарзан полетел следом за своим мохнатым противником.

Они летели, сквозь сплетения ветвей. Тарзан хватался за ветки, которые ломались, но притормаживали падение.Существо ревело и размахивало руками.

ЗАТЕМ ТАРЗАН ВРЕЗАЛСЯ во что-то... Не такое твердое, как дерево... и потерял сознание.

Придя в сознание, он обнаружил себя на чем-то мягком в одних местах и жестком в других. Он не знал, как давно его нокаутировали. Казалось, мало что изменилось в призрачном сиянии заливающего лес лунного света.

Он почувствовал тело под собой. Тело было покрыто длинной шерстью и отвратительно воняло. И в эту вонючую шерсть Тарзан уткнулся лицом.

Вскоре Тарзан пришел в себя. Конечно, он лежал на теле существа, которого назвал *бен-гоутором.* Жидкость была кровью, возможно из его носа, возможно из носа его врага.

Тарзан отметил, что джунгли вновь наполнились звуками жизни. Резкие высокие трели саранчи звучали очень громко. Древесные лягушки гремели в хоре. Ночные птицы перекликались в листве.

Руки Тарзана ощупали тело человека-медведя. Затем они скользнули вниз... Пропасть! Ему опять повезло — они рухнули на толстый сук.

Во всяком случае, *бен-гоутор* был еще жив. Человек-обезьяна чувствовал, как массивная грудь поднимается и опускается, и он слышал, как в горле существа пузырится и клокочет.

Тарзан осторожно соскользнул с тела. Выбрался на сук, встал. Осмотрел свои раны. Он обнаружил глубокие царапины или порезы на лице, груди, ногах и других частях тела. Некоторые из них кровоточили. У него болел нос. Ребра, казалось, не сломаны, но Тарзан не был уверен. В конце концов он решил, что ему было бы гораздо больнее, если бы они действительно были сломаны.

Как только он прекратил осмотр, луч лунного света проник через расщелину в листве прямо над ним. *Горо* — луна, клонилась к закату. Его серебристый луч упал на медведя, осветив растянутую на суку фигуру. Рот чудовища был открыт, а глаза закрыты. Кровь из множества царапин или порезов пропитала густой мех.

Тарзан оказался в затруднительном положении. Он хотел найти время, чтобы поймать существо и выучить его язык, чтобы понять, что тот делает. Хотя человек-обезьяна быстро выучивал языки, ему может потребоваться много дней. Но он должен был идти дальше. Что он мог сделать с *бен-гоутором*? Существо может скоро умереть, если не получит медицинскую помощь. Мысль о смерти чудовища не особенно беспокоила Тарзана. Он не любил его. Но человек-медведь может быть ранен не смертельно. И когда он выздоровеет, он может снова отправиться по следу Тарзана.

Хотя у Тарзана не было ножа, ему не нужен был нож, чтобы убить существо. Все, что ему нужно было сделать, это сбросить соперника вниз. Это было так просто.

Тарзан никогда не раздумывал слишком долго. Он отвернулся от тела и спустился на землю, используя лианы-паразиты, растущие на стволе. Затем он обошел вокруг дерева, но не смог найти нож. Его легко будет найти, когда джунгли наполнит дневной свет. Но Тарзан не мог ждать. Он провел слишком много времени, занимаясь сафари и медведем. Он не будет больше медлить.

Мгновение спустя он уже шел к западу. Из-за травм он двигался медленнее, чем обычно. Он думал о том, что говорили несколько его друзей в Англии. «Бог любит троицу».

У него было два неудачных падения с дерева, и ему посчастливилось не убить себя и не пострадать от переломов. Но если бы в этом суеверии было что-то — а он в это не верил, — у него скоро случится третье падение. И оно, вероятно, будет смертельным.

Или так сказали бы его менее скептичны друзья.

«Чепуха», — подумал Тарзан.

Через несколько секунд он ступил на ветви и траву, скрывавшие западню. Хотя он отчаянно пытался отступить на твердую почву, но не успел. Он рухнул в яму предназначенную для охоты на слонов или иных крупных зверей.

ХЕЛМСОН РАССКАЗАЛ ФИЦПЕЙДЖЕЛУ о том, что привело к провалу экспедиции. Американец пропустил часть истории, но ему показалось, что проблем от этого не будет. Тем не менее вскоре он заметил, что Фицпейджел опрашивает *аскари*, следопытов и носильщиков. Видимо, Фицпейджел не был уверен, что услышал всю правду.

Хелмсону это не понравилось. Тем не менее он ничего не мог сделать, чтобы остановить расспросы ирландца. Если бы он попытался сделать это, он сделал бы Фицпейдла еще более подозрительным, чем сейчас.

После дня размышлений об этом Хелмсон перестал волноваться. Почему он должен быть обеспокоен тем, что Фицпейджел узнает какие-либо секреты своего нанимателя? Единственным человеком, который знал много... но и он не знал многого... был Митчелл. Этот возможный информатор был мертв.

Итак, почему бы не позволить ирладцу распрашивать людей сколько душе угодно. Он не узнает ничего, что мог бы использовать против Хелмсона.

Американец не сомневался в том, что Фицпейджел пытается выяснить, как Хелмсон выследил легендарного Тарзана из племени обезьян.

В любом случае Хелмсон был уверен в нескольких вещах. Тот, кто затеял эту большую охоту, был безжалостным и неумолимым. Особенно если, как он догадался, это был Стоункрафт. Но кто бы это ни был, он не простил бы тех, кого

считал виновными в провале экспедиции. Он бы уволил Хелмсона, как только узнал бы о фиаско.

«Но, — успокоил себя Хелмсон, — большой начальник не мог этого сделать».

После того, как Хелмсон отправился в путь, никто не следил за ним. Хелмсон успокоился. Но подсознательно он чуял, что все идет не совсем правильно. Как будто все мухи, кроме одной, были изгнаны из огромной комнаты. Гудение единственной мухи, хотя и в дальнем углу, раздражало его. Как эта муха, один вопрос все время возвращался и гудел в его голове. Почему его работодатель так отчаянно пытался поймать Грейстока? Это не должно беспокоить его, но беспокоило. Награда, которую он получит, если добьется успеха, должна сделать его полностью удовлетворенным своей судьбой. Почему же ему было все равно, что он не знал ответа?

Дело в том, что ему было все равно, и он не мог успокоиться, пока на этот вопрос не был дан ответ.

Хелмсон этого не знал, но Тарзан однажды прокомментировал: «На каждую кошку, которую убило любопытство, погибает сотня обезьян. На каждую обезьяну — тысяча человек».

ГЛАВА 13

РЕДКО ПОПАДАВШИЙ В ловушки, Тарзан был захвачен врасплох, попав в ловчую яму. Тем не менее он был так же осторожен и быстр, как *шита* — леопард. Падая, он успел отклониться к одной из стен ловушки. Это спасло его от попадания на кол.

Все зависело от конструкции западни. Был ли там только один кол в центре ямы? Или множество по всему дну?

Тарзан на самом деле не думал об этом, падая вниз. Его измученные мышцы не действовали так же хорошо, как обычно, но они откликнулись достаточно быстро. Рефлексы, ум и тело заработали как единое целое.

Согнув колени, он приземлился на мягкую землю. Не наповршись на кол.

Он был в темноте, более черной, чем сама африканская ночь. Но он мог ощутить пространство вокруг. Его удача

была с ним. Здесь был только один кол. И этот кол располагался в центре ямы.

По прикидкам Тарзана, яма была приблизительно шесть футов длиной и пять шириной. В данный момент он не мог оценить ее глубину. Когда он встал на цыпочки и протянул руку, его кончики пальцев не достигли края.

Ловушка была разработана специально для лесного слона. Слон этот не был столь же велик, как его товарищ *тантор* из саванны, но достаточно велик для того, чтобы прокормить целую деревню пигмеев. Тарзан был вполне уверен, что землекопы были из этих маленьких, но грозных охотников.

Несколько минут ушло на попытку допрыгнуть до края ямы. Только раз кончики пальцев Тарзана коснулись заветного края. Но уцепиться не удалось — почва крошилась под пальцами.

Он решил попытаться воспользоваться колом.

В этот момент он почувствовал запах *шиты* — леопарда.

Этот запах принес легкий ветерок сверху. Тарзан знал, что большая кошка была очень близко. Он посмотрел вверх. Там было светлее, чем на дне ямы, как раз для того, чтобы увидеть смутый силуэт зверя. Будь еще чуток светлее, можно было бы различить блеск глаз.

Конечно, зрение кошки было не хуже. Так что зверь видел человека несколько более ясно, чем человек — зверя. И нос *шиты* уже сказал ему, что человек был на дне ямы — очень потный и перемазанный кровью человек.

Тарзан услышал низкое рычание.

Не задумываясь, Тарзан прорычал в ответ.

Он был напряжен, готов к сражению. Волосы на загривке встали дыбом. Его сердце билось учащённо.

Если кошка была слишком старой для ловли обычной добычи, она, возможно, стала людоедом. Или зверь, напротив, был слишком молод и слишком голоден, так что забыл обычный страх перед человеком.

Леопард прыгнул. Тарзан отступил. Хотя его разум был ясен, его тело возвращалось к состоянию зверя.

Было очень мало места для того, чтобы уклониться от *шиты*. И у Тарзана не было оружия кроме быстроты, большой силы и зубов. Этого хватало в прошлом, и Тарзан не

сомневался, что хватит и в будущем. Если он был неправ — хорошо, он не боялся Отвратительного Охотника, того, кто приходит за всеми, сильными и слабыми. Даже ему не победить Тарзана без борьбы!

В течение нескольких секунд леопард не двигался. Он оценивал глубину ямы, что в темноте было просто. Если он решит, что сможет выбраться из ямы, он прыгнет. Если нет, нехотя уйдёт.

Тарзан, пристально наблюдая за зверем, увидел, что тот внезапно стал больше. Он привстал. Потом — меньше. Он присел для прыжка.

Тарзан нащупал кол. Он знал точно, где тот торчит относительно сторон ямы. Он зашёл за кол. Когда *шита* прыгнул вниз, Тарзан подскочил вверх и немного назад со всей силы своих могучих ног. Спиной он ударился о стену ямы. Его руки рванулись вперед. Он почти ничего не видел, но его расчет оказался безошибочным.

Его руки ухватили *шиту* за уши. Тарзан рванул зверя на себя — приземляясь на дно ямы.

Леопард успел лишь кратко взреветь. Одна из его лап ударила плечо Тарзана. После этого он затих.

Тарзан ощупал руками пространство перед собой. Острый конец кола пробил насквозь горло большой кошки и торчал у *шиты* из шеи.

Тарзан снял леопарда с кола и швырнул на землю. Затем он поставил ногу на мертвого зверя, которого он убил в бою. Дикий зверь в Тарзане торжествовал победу. И тот победно взревел во всю мощь легких.

Этот рык услышали все на несколько миль вокруг. Обезьяны и птицы вопили в страхе. Другой леопард, не очень далеко, зарычал и остановился на мгновение.

Снова и снова крик будоражил предрассветные джунгли. Только когда голос Тарзана утих, мелкая живность в джунглях смогла успокоиться.

К тому времени Тарзан вернулся в полностью человеческое состояние. И теперь его разум работал над тем, как выбраться из ямы.

Так как кол был глубоко и надежно вкопан в землю, чтобы достать его ушло немало времени. Наконец Тарзан сумел

расшевелить эту массивную жердь. Часть, покрытая землей, была по крайней мере шесть футов длиной. Часть, высовывавшаяся над землей, все еще липкая от крови леопарда, была длиной по крайней мере четыре фута.

Тарзан потратил еще несколько минут, сооружая из кола подобие перекладины, воткнув его параллельно земле в стены ловушки. Вбивать деревяшку пришлось руками. К тому времени, когда это было сделанно, костяшки на руках Тарзана болели.

Игнорируя боль, он запрыгнул на свежеустановленный насест. Он приземлился на него обеими ногами и уселся на корточках. Никто из людей, наверное, не сумел бы повторить этот подвиг акробатики. Правое плечо Тарзана испачкалось в грязи от одной из стен ямы. Кол угрожающе просел под его тяжестью. Но, по крайней мере, кое-как конструкция пока держалась.

Медленно, Тарзан встал, опираясь на стену правой рукой. Его рука почувствовала край ямы. Быстро, прежде чем кол вывалился из земляной стены, Тарзан снова прыгнул.

В прыжке он развернулся на четверть оборота. Его локти оказались на краю ямы, пальцы впились в землю. Могучим усилием рук Тарзан вытащил своё тело из ямы.

Несколько минут он сидел и отдыхал. Не переставая вслушиваться в доносящееся из тьмы фырканье второго леопарда. Пока ничто не предвещало беды.

Это, однако, не означало, что *шита* ушел.Тарзан встал. Надо было забраться на дерево и поспать до рассвета. Затем следовало сделать нож или короткое копье. А для этого надо найти кремень.

Когда Тарзан начал взбираться наверх по путанице лиан и других растений у подножия гигантского дерева, он почувствовал вибрацию. Его ноги, сжавшие дерево, также чувствовали, как дрожит ствол. Вибрация шла из глубины земли сквозь корни, ствол и ветви Тарзана отшвырнуло от дерева, и он повис на лианах. Кора дерева больно ударила по пальцам ног. Он очутился на земле. Лунный свет сверху ударил в глаза. Он моргнул.

Кроны деревьев тяжело колебались, заставляя луну мигать странной морзянкой. Земля шла волнами. Тарзана накрыл приступ головокружения.

Преодолевая эту несвоевременную слабость, Тарзан бежал с такой скоростью, как только мог, по вибрирующей земле. Он не знал, куда бежит. Даже в этом тусклом свете он видел, что колоссальные деревья уподобились траве на ветру. Сверху сыпались листья и ветки. Потом с деревьев посыпались и истошно верещащие мелкие зверушки. Птицы, обезьяны и прочие жители лесного чердака подняли жуткий шум, метаясь и крича в панике.

Он видел землетрясения и прежде. Потому и спешил вон из леса, пока его не придавило рухнувшим деревом. В то же время он думал, что, вероятно, только давно мертвые и очень гнилые деревья упадут. Кроны были сплетены так плотно, что даже мертвые деревья должны были устоять.

Он был неправ и скоро узнал об этом.

Земля вздыбилась, ударив его по лицу. Потом его подбросило в воздух. Он упал. Его подбросило снова. Когда он цеплялся беспомощно за землю, он слышал гром рушащегося дерева-гиганта. Дерево упало, казалось, позади него.

Нет! Оно упало перед ним.

Нет! С левой стороны от него.

Деревья рушились со всех сторон.

Грохот рушащегося леса сопровождал судороги земли. Сердце Природы отчаянно колотилось. Казалось, судороги эти исходят из самого центра Земли.

Тарзан был ошеломлен и оглушен. Могучая сила его мускулов оказалась ничем перед буйством катаклизма. Тарзана швырнуло вверх, потом он опять рухнул на землю. Адский грохот оглушил его и сменился замогильной тишиной. Но он чувствовал, что земля дрожит, и ощущал, как вокруг валятся гигантские деревья.

Что-то стегнуло кнутом его правую руку.

И тут поток воды подхватил его и понёс.

Откуда взялась эта огромная масса воды?

Насколько Тарзан знал, не было никакой реки или озера рядом.

Но размышлять было некогда. Бурный поток покатил Тарзана, завертел как щепку. Ничего не помогало. Он был беспомощен под водой и должен был вскоре утонуть. Даже если бы он мог плавать, он не знал куда плыть.

Что-то ударило его в спину, да так сильно, что у него перехватило дыхание. При этом он умудрился нахлебаться воды. Он начал захлебываться. Если бы он был в состоянии думать, он понял бы, что шансов выжить нет. Но сдаваться он не собирался и поэтому выживал там, где у других не ьыло никаких шансов.

Неимоверным усилием Тарзан поднял лицо над поверхностью и сумел сделать глубокий судорожный вдох. Немедленно после этого он вновь погрузился в темную глубину. Что-то ударило его по левой руке, по груди и по правой ноге. И вновь он смог вынырнуть. На сей раз он успел сделать целых четыре вдоха и выдоха под ревущим водопадом тропического дождя.

Как ему удалось выжить среди безумия этого потока, непрерывно ударявшего его о какие-то обломки и камни, он не знал.

В конце, который действительно был новым началом, поток принес его к реке. Или ему так показалось. У Тарзана не было способа определить, река это или нет. Но течение было стремительным. И дождь, обрушивающийся на него, когда его голова поднималась над уровнем поверхности, был не обычным тропическим ливнем. Это был потоп, что угрожал погрузить континенты и горы на дно моря.

Тарзану удалось вцепиться в ствол поваленного дерева и даже вскарабкаться на него. Теперь он плыл на этой нерукотворной «лодке». Рассвет пришел на смену ночи, и с ним пришел дождь. Серые струи ударили вниз с облаков. Тела мертвых животных, змей и птиц кружились в потоке. Были даже мертвые гиппопотамы и крокодилы, звери, которые должны были пережить любое наводнение, кроме самого жуткого. Неоднократно вода проносила мимо него трупы чернокожих — мужчин, женщин и детей. За час вода пронесла мимо него шесть мертвых слонов.

Вскоре Тарзану удалось устроиться в хитросплетении ветвей, так что больше не требовалось держаться за кору. Слишком усталый, он много раз засыпал. Наконец, ему удалось уснуть по-настоящему. Когда он проснулся, солнце было почти в зените. В ста ярдах с левой стороны от него поднимался дождевой лес. Деревья стояли на несколько футов

в воде. По ним вряд ли можно было точно определить масштаб наводнения. Тарзан не мог даже предположить, как широко река разлилась или как высоко поднялась вода. Но, насколько он мог судить, поднялась она не меньше чем на пятьдесят футов.

Всё тело Тарзана было покрыто синяками, царапинами и глубокими ранами. Даже кости, казалось, болели, хотя ни одна, казалось, не была сломана. Каждое движение причиняло адскую боль. Тем не менее он был рад, что все еще жив. Но он был взбешен тем, что его поиски вынужденно затягивались. Река уносила его на юг. С каждой секундой все дальше от Джейн, все еще томившейся в плену.

Наконец, непосредственно перед тем, как мутное небо снова стало абсолютно черным ночью, ствол дерева, на котором он угнездился, прибило к затору из сломанных деревьев, образовавшемуся возле берега, там где русло реки сужалось и делало поворот. Тарзан не стал пытаться выбраться на берег по скользким стволам в темноте. Хотя было сыро и холодно, он устроился спать на стволе.

ТАРЗАН ПРОСНУЛСЯ В серой мгле раннего рассвета. Мгновение он не мог вспомнить, где он. Затем, поднявшись и потянувшись всем телом, как большая кошка, начал медленный и болезненный подъем через кучи хлама, путаницу стволов, сучьев и ветвей, сломанных судорогами земли.

Непосредственно перед тем, как начать пробираться на берег, он обнаружил долбленую лодку. Суденышко было втиснуто между двумя крупными стволами и оказалось целым. Все, что Тарзану было нужно — весло. Однако пришлось бы упорно поработать, чтобы вытащить лодку из завала. Сейчас Тарзан физически не смог сделать это. Он должен был отдохнуть и поесть прежде, чем заниматься такими подвигами.

Дождь прекратился, хотя в черных облаках все еще рокотал гром. По колено в воде, Тарзан вошел в джунгли. Здесь было царство зарослей. Путь надо было прорубать при помощи мачете. Но Тарзан обычно проносился над такими

зарослями наверху — среди ветвей. Число насекомых, избежавших гибели в водах, было удивительно. Их были тысячи, и все они, казалось, решили покусать голого человека.

По пути Тарзан объединил бесполезное с приятным — употребляя вредных кусачих букашек в пищу. Тарзан также поел упавшие фрукты, пока не поймал маленького грызуна. И затем он нашел птицу, задохнувшуюся в искусно сплетенных травяных силках. Это означало, что где -то рядом деревня. Тарзан быстро ощипал добычу неизвестного охотника и съел ее сырой.

После этого он отправился на поиски деревни. Там он, конечно, сможет найти оружие и весло. Он возвратился бы к долбленой лодке и столкнул бы ее в воду. Затем он поплыл бы вверх по реке против течения.

Ему повезло. Деревня, которую он искал, оказалась в паре миль от того места, где он вышел на берег. Ее отделяло от края наводнения приблизительно четверть мили, и располагалась она на большом холме. Тарзан подкрался ближе по склону холма, скрытый от любого наблюдателя находившимися выше деревьями и кустарниками. На вершине холма он залез на дерево, чтобы рассмотреть сцену получше.

Это была типичная деревня местных аборигенов. Ее круглые хижины были расположены двумя концентрическими кругами вокруг центральной площади. Там работали, готовя пищу или заботясь о детях. Они говорили на языке, неизвестном Тарзану. Этот язык даже не походил на *банту*.

В деревне было мало мужчин. Большинство из них отсутствовало, отправившись на охоту, когда закончился дождь. Поля зерновых культур ниже деревни были полностью или частично затоплены. Будущее для этих людей выглядело мрачным.

Тут Тарзан заметил какое-то движение на дереве с другой стороны деревни. Там в ветвях притаился его старый знакомый. Вот кого он не ожидал увидеть.

Это был *бен-гоутор*.

ГЛАВА 14

ХЕЛМСОНУ И ФИЦПЕЙДЖЕЛУ масштабы разрушений, вызванных землятресением, внушили ужас. Сплошная «крыша» леса прохудилась и зияла множеством дыр. Растения, звери и птицы, редко видевшие дневной свет, теперь попали под его безжалостные лучи. Сафари должно было сделать большой крюк, обходя чудовищные завалы. Маршрут теперь напоминал след сумасшедшей змеи.

После дня тяжёлого перехода Хелмсон объявил, что завтра они будут отдыхать. И правильно сделал — люди были измучены и еле стояли на ногах. Но он покинул лагерь утром и углубился в лес, взяв с собой только двух мужчин. Один из них был шпионом, а другим был его оруженосец, Ракали. Непосредственно перед тем, как углубиться в джунгли, сокрушенные стихией, он поговорил с ирландцем.

— Я могу не вернуться в течение нескольких дней. С другой стороны, я могу вернуться очень скоро. Так или иначе ты главный, пока меня нет.

Фицпейджел снял широкополую шляпу, поскреб пятерней рыжие волосы, затем улыбнулся. Его зеленоватые глаза, казалось, смотрели прямо в душу Хелмсона.

— Не знаешь, куда идти?

— Конечно, нет! Что за идиотское предположение?

— Мы шли гораздо медленнее, чем если бы знали путь... Ты выглядишь озадаченным. Растерянным. Не знаешь, где искать Грейстока?

— Знаю! — вспылил американец.

— Убедил.

Но усмешка Фицпейджела свидетельствовала о том, что он не верит янки ни на грош.

Хелмсон действительно был на грани отчаяния. Землетрясение стерло следы, и он действительно не знал, где искать Тарзана.

Не погиб ли Тарзан при землетрясении? Если так, сумма вознаграждения значительно уменьшается. Оставаясь довольно кругленькой, она становилась мизерной по сравнению с богатством, обещанным ему в том случае, если он добьется успеха.

Он тихо, но смачно, выругался и зашагал вперед с уверенным видом. Мдонга, следопыт, поверил. Но Ракали, оруженосец, знал своего работодателя слишком хорошо. После многолетнего знакомства с Хелмсоном он мог прочитать движения белого и выражения его лица. Хелмсона он знал как облупленного. И тот был очень взволнован. Его уверенность была напускной.

Знание этого не сделало Ракали счастливым. Достаточно было посмотреть ему в лицо, чтобы понять, что он боялся этого леса, как и следопыт. Все трое были растеряны и напуганы. Так что никто из них не мог ни взбодрить, ни вдохновить остальных.

Ракали проклял тот день, когда он согласился ввязаться в это дурацкое предприятие.

Фицпейджел наблюдал за Хелмсоном, Ракали и Мдонга, когда они покинули лагерь. Когда джунгли поглотили их, он повернулся к Свифи, своему главному *аскари* и приказал тому направить следопыта и охотника следом за ушедшими, чтобы скрытно проследить за ними.

— Они не должны попадаться Хелмсону на глаза. Если Хелмсон найдет след Грейстока или самого Грейстока, один из наших останется для наблюдения, а другой немедленно возвратится сюда. Немедленно! Я хочу получить его отчет прежде, чем Хелмсон вернется в лагерь.

— Бэнки и Двена хорошие люди! Хотя они будут бояться войти в лес одни, они сделают это, или умрут. Однако...

— Что?

— Что, если Хелмсон заметит, что они следуют за ним? Что они скажут ему тогда?

— Хороший вопрос... — протянул белый. — Но я уже думал об этом. Бэнки и Двена скажут Хелмсону, что я послал их, чтобы охранять его, защитить его, если он попадет в опасное положение. Они должны утверждать, что они — его невидимые телохранители. Кроме того, если Грейсток попытается напасть на Хелмсона, Бэнки и Двена попытаются захватить его. Я напомню им, что они могут ранить Грейстока в руку или ногу, и таким образом он может быть схвачен. Но они должны быть очень осторожны, если придется стрелять.

— Что, если Грейсток сам нападет на них?

— Приказ остается в силе. Они не должны убивать его.

— Они — очень хорошие люди... — замялся Свифи. — Но они — только люди. Боюсь, что им придется убить его, чтобы помешать ему убить их самих. Тогда что?

— Скажите им, что если это произойдет, они умрут. И скажите им, что их жены и дети будут убиты, и их деревня будет сожжена дотла со всем их племенем в огне.

Свифи выпучил глаза.

— Вы имеете в виду?..

— Иногда я лгу... — продолжал Фицпейджел. — Но не теперь.

Свифи не видел смысла в том, что сказал белый. Зачем убивать семью и племя Бэнки и Двены, если Грейсток уже мертв? Он мог понять такую месть врагу, убившему члена племени Свифи. Однако обычно за убийство можно было заплатить штраф — стадо рогатого скота. Этого требовал здравый смысл. Все удовлетворены и нет нового кровопролития. Почему белый не может понять это?

Тем не менее он заверил:

— Они сделают, как приказано.

А сам подумал: «Я скажу им бежать так быстро, как они только могут, если белый демон действительно нападет на них. Но если они не смогут убежать от него, они должны попытаться убить белого демона. Если это возможно. Если демон неуязвим, то это слишком плохо для Бэнки и Двена. Но если он может быть убит и если мои два брата по крови убьют его, то они должны будут убить Фицпейджела. Я помогу им».

Он надеялся, что ничего из этого не произойдет. Он также задался вопросом, что хитрый ирландец планировал для Хелмсона. Ничего хорошего, в этом чернокожий был уверен.

ГЛАВА 15

ТАРЗАН НЕ ДВИГАЛСЯ. Мухи ползали по нему, и одна забралась ему в левую ноздрю. Но, как все родившиеся и

воспитанные в джунглях экваториальной Африки, человек-обезьяна мог довольно долго терпеть назойливых насекомых.

Так же внезапно, как появился, *бен-гоутор* ушел. Он двигался очень быстро и изящно для такого огромного и неуклюже выглядящего существа. Тарзан, впрочем, не уступал ему быстротой и изяществом. Стремительно спустившись с дерева, он быстро обежал деревню, оставаясь в тени леса. Он надеялся обнаружить человека-медведя, прежде чем тот уйдет. Будет легче отследить чудовище визуально, чем по запаху или по следу.

Когда Тарзан добрался до тропы, ведущей из деревни к месту, где существо исчезло у края большой воды, ему пришлось остановиться. Пришлось выждать несколько минут, пока несколько местных жителей, спешащих по своим делам, пройдут по тропе. Когда никого в поле зрения наконец не осталось, он помчался к джунглям, огибая деревню. В скором времени он уже был на дереве, где недавно сидел *бен-гоутор*. Запах существа до сих пор не выветрился. Земля была столь влажной, что существо не смогло не наследить.

Тарзан задался вопросом, видел ли его человек-медведь. И не следит ли он за Тарзаном сейчас? Может, он планирует возвратиться ночью в деревню, чтобы украсть еды?

Тарзану не пришлось задаваться этими вопросами долго. След оборвался. Несколько озадаченный этим, Тарзан остановился и посмотрел на дерево, перед которым обрывался след. Там, сидя на толстом суку и смотря вниз, разместился *бен-гоутор*. Он позвал:

— Тарзан!

— Да? — спросил Тарзан.

Человек-медведь сделал жест рукой. Тарзан понял его сразу. *Бен-гоутор* призывал его подойти поближе.

Тарзан покачал головой. И сделал знак, чтобы *бен-гоутор* спустился к нему.

Существо внимательно уставилось на приемыша обезьян. Человек-медведь увидел, что Тарзан не прячет оружия. Затем он улыбнулся. По крайней мере казалось, что он улыбается, хотя, возможно, это было его угрожающей гримасой. В любом случае он спустился с дерева. Он приземлился на

все четыре лапы в нескольких футах от Тарзана. Затем медленно он встал.

Он раскрыл ладони. Нельзя было не понять этого жеста. Это был символ мира.

Человек-медведь произнес одно слово. Тарзан не понял его, хотя звучало оно знакомо. Он покачал головой. Снова слово было произнесено. Тарзан внимательно слушал. Неожиданно он понял!

Хотя произношение было нечеловеческим, слово было теперь распознаваемым.

— Хелмсон!

Тарзан был поражен. Одно это имя, казалось, сотрясло небо. Мир, и без того приведенный в беспорядок наводнением, разваливался на куски. Тарзан переспросил:

— Хелмсон?

Существо кивнуло. Это могло и не быть его привычным способом выражать согласие. Но если это не было таким способом, то человек-медведь перенял этот способ у американца. Тарзан был уверен в этом.

Тарзан опять переспросил:

— Хелмсон?!

Бен-гоутор ответил:

— Да.

После этого он, казалось, исчерпал свой словарный запас на английском. Теперь то, что он говорил, казалось Тарзану просто тарабарщиной. Наконец, Тарзан поднял руку, чтобы указать, что поток слов должен остановиться. Он показал жестами, что должен будет выучить язык человека-медведя. После этого они смогли кое-как общаться языком жестов.

Постепенно Тарзан привык к зловонию человека-медведя. И он не считал, что существо таит плохие намерения. Но и понимания того, кто этот странный незнакомец, не было. Но Тарзан не сомневался, что Хелмсон выжал из существа всё, что мог.

Он теперь знал ответ на вопрос, беспокоивший его в минувшие дни. Черт побери, каким образом Хелмсон всегда был в состоянии определить его местонахождение? Хелмсон использовал человека-медведя, существо с обонянием, которое, вероятно, было лучше, чем у самого Тарзана!

Но как Хелмсон смог подчинить *бен-гоутора*?

Тарзан должен был выучить язык незнакомца хотя бы для того, чтобы разобраться в этом. Он указал на север. Пояснил серией жестов, чтобы человек-медведь понял, что Тарзан хочет возвратиться на север, вверх по реке. Существо показало, что оно также хотело возвратиться туда, откуда они пришли. По крайней мере так понял Тарзан. Тарзан тогда показал, что они сначала должны вернуться в окрестности деревни. Им был нужен запас еды и лодки. На лодке они могли путешествовать намного быстрее и дальше. Кроме того, Тарзану хотелось раздобыть оружие, особенно нож.

Человек-медведь согласился. По пути назад Тарзан узнал имя своего компаньона. Или то, что он счел именем — Рэхб. Тарзан также узнал, что именем племени Рэхба было *шонг*.

Рэхб звучало необычно — с выделением «х» и «б» и с гласным звуком средним между «э» и «ё». Рэхб! Рэхб! Тарзан несколько раз повторил это имя. Тогда он начал изучать имена различных деревьев, слова для листьев, земли, птиц, зверей и насекомых. На самом деле Рэхб, казалось, знал очень мало имен. Каждое имя было включено во фразу, и Тарзан должен был отделить имя от прочих слов, если хотел перевести имя на английский язык.

Когда они добрались до деревни, они украли долбленую лодку, весла, колчан, полный стрел, немного бананов, клубней ямса, пару стальных ножей и еще кое-что по мелочи. Загрузившись, они отправились через затопленный лес к реке. Потом по реке на север. К концу четвертого дня Тарзан выучил язык Рэхба достаточно для общения на несколько большем, чем базовый уровне.

Тарзан чувствовал, что можно начать разговор о Хелмсоне. Конечно, придется много жестикулировать, слов все еще не хватало. Но Тарзан был уверен, что сможет узнать несколько больше о прошлой ситуации Рэхба, чем теперь.

ЗА ЧАС ДО того, как солнце должно было погрузиться за вершины деревьев, покрывающих берег, семь лодок прошли изгиб все еще разлившейся вширь реки. Четыре были портативно-складными фабричными изделиями из алюминиевого

сплава. Остальные — обычными африканскими долбленными лодками. Они прошли только на четверть мили перед Тарзаном. Но он мог легко идентифицировал Хелмсона и некоторых местных жителей.

Однако он не знал трех белых. Из темнокожих он признал только два лица. По-видимому, Хелмсон тоже увидел его. Он встал на носу лодки и прокричал отдельное слово, которое Тарзан не разобрал, потом повернулся и завопил на свою команду. Немедленно гребцы увеличили темп. Они начали петь.

Тогда Рэхб вскочил в лодке. Он проревел единственное имя.

— Хелмсон!

Было сомнительно, что приближающиеся могли услышать то, что он сказал, или понять его не совсем человеческое произношение.

Но при виде его гребцы застыли, бросив вёсла. На мгновение флот замер.

Хелмсон, однако, усмехнулся широко и закричал.

Тарзан ухватил рэхба за шерсть и проревел.

— Shimdukwalunaseka!

На родном языке Рэхба это значило: «Греби в сторону левого берега! Быстро!» Тарзан, дополнил фразу жестом на случай, если допустил ошибку в словах. Они пристали к берегу, обогнав лодку преследователей лишь на пару десятков футов. Тут же джунгли поглотили беглецов. Мгновение спустя за ними поспешили следопыты. Позади них, размахивая мачете, несся Хелмсон. Следом — остальные.

Рэхб и Тарзан сразу бросились к деревьям! Следопыты даже не пытались последовать за ними.

Звук ударов мачете утих вдали. Тарзан и его спутник оказались в родной стихии Тарзана — в переплетении лиан и ветвей, которое он и считал истинным лесом. Но человек-обезьяна поднялся еще выше — на вершину одного из гигантских деревьев, откуда можно было окинуть взглядом джунгли сверху. Вокруг однообразным зеленым ковром раскинулись до самого горизонта джунгли. Но когда Тарзан повернулся на юг, он был поражен. Вдали виднелась гора. Она казалась единственной в пределах видимости. На первый

взгляд то не была часть горного хребта. Но Тарзан знал из рукописи, что это всё же часть хребта, скрытого за горизонтом. Если бы он был в состоянии подняться выше, он увидел бы пики других гор позади этой одинокой вершины.

Эта гора была черной, или казалась такой из-за расстояния. Столб дыма поднимался над ней. По северному склону вниз стекала зловещая красная струйка. Казалось, огненная змея высунула из горы голову, а изо рта раздвоенный язык.

Тарзан разволновался, хотя его обычно стоическое лицо оставалось бесстрастным. Это был вулкан, кратко описанный давно мертвым испанцем в его рукописи. На карте гора именовалась Великой Матерью Змей. Мартильо не лгал о ней. И если гора была здесь, возможно, другие вещи, о которых писал Мартильо, также существовали.

Рукопись и карта были теперь в руках Хелмсона. Но у Тарзана была фотографическая память. В детстве и ранней юности он был неспособен читать или писать. Человекообразные обезьяны, воспитавшие его, не знали письма. Тарзан выучился читать сам, изобретя саму идею чтения, опираясь лишь на свой разум. Теперь он мог визуализировать карту и рукопись, как будто те были спроектированы на экране.

Позади Великой Матери Змей лежали земли, странные даже для Африки, самой странной из всех земель. Мартильо описал некоторые чудеса тех мест. Другие только упомянул. Упоминаний и намеков было более чем достаточно для возбуждения воображения. Они намекали на нечто странное и опасное.

То, что особенно заинтересовало Тарзана, было тем, что испанец упомянул в рукописи как Держатель Времени. Чем или кем это могло быть? Тарзан поклялся, что, как только спасет свою жену, он возвратится сюда. И он исследует эту землю. Между тем он должен был вернуться на много миль назад туда, где наводнение задержало его. Тогда он возобновил бы поиски Джейн.

Рэхб решил подняться к Тарзану. Когда он увидел гору, он принялся жестикулировать яростно и тараторить на своем странном языке. Но его речь была слишком быстра для понимания. Тарзан не понял ничего, кроме нескольких

фраз. Хотя он сделал большие успехи в изучении языка, до совершенства ему было далеко.

Наконец, человек-обезьяна остановил поток красноречия. Он однозначно дал понять Рэхбу, что еще не способен его понять. Они должны быть терпеливыми, пока время не настало. А пока приходилось больше опираться на жесты.

Тарзан спросил его, желает ли тот сопровождать его.

Человек-медведь кивнул энергично. Но, частично словами, частично знаками, Рэхб указал, что они должны остаться здесь на некоторое время. Тарзан поинтересовался почему. Он не удивился, когда Рэхб указал, что они должны взять Хелмсона в плен. Хелмсон держал жену Рэхба в качестве заложника, и только он мог сказать им точно, где жена Рэхба. Потом Рэхб сообщил, что она беременна, и добавил, что, как только Хелмсон скажет им, где жена Рэхба, его надо убить.

Рэхб боялся, что, если они оставят Хелмсона в живых, он может отправиться к жене Рэхба. Хелмсон может увезти Хбарки — так ее звали, спрятать там, где Рэхб ее не найдет.

Как понял Тарзан — Рэхб был последним из своего народа. Самым последним. Хотя его лицо не было так же выразительно, как человеческое, оно вглядело очень грустным. Слезы стояли в его больших бледно-красных глазах.

«Последний из своего вида», — подумал Тарзан. Он был тронут чуткой печалью. Было маловероятно, что человек разумный исчезнет. Глобальная война, хотя и убила много миллионов, и близко не подошла к уничтожению людского рода. Но *мангани* — человекообразные обезьяны, о которых Тарзан думал как своём собственном племени, были очень немногочисленны. Тарзан не думал, что они проживут больше, чем несколько поколений. Особенно, если «цивилизованные» люди обнаружат, что *мангани* существуют. Тогда их начут выслеживать, отстреливать на чучела как зоологические экземпляры. А те, кто избежал этой судьбы, будут содержаться в клетке, размещаться в зоопарках. В любом случае они были обречены.

Думая об этом, он мог понять, что чувствовал *бен-гоутор.*

Джейн... Тарзан сообщил спутнику, что ее ситуация все еще требовала, чтобы он немедленно отправился вверх по реке. Его жену следует спасти сначала — он не хотел тра-

тить времени, даже пытаться взять в плен Хелмсона. Это было бы не легко, так как этот белый всегда окружал себя многочисленной охраной. Если Рэхб хотел остаться здесь, он могначать охоту на Хелмсона. Но если бы он пошел с Тарзаном, вдвоем они могли бы найти жену Тарзана. После того как она окажется в безопасности, Тарзан пойдет с Рэхбом спасать Хбарки. Они заставили бы Хелмсона очень сожалеть о содеянном! Возможно, Рэхб не понял всё, что Тарзан пытался сказать ему. Но человек-обезьяна был уверен, что Рэхб понял достаточно, но не успел ответить.

Пролаяла винтовка. Пуля прошила листья меньше чем в шести футах от Тарзана.

Тарзан от неожиданности свалился с сука. Он упал, но ухватился за сук десятком футов ниже. Тут он был скрыт за огромной массой багрянистых грибов.

Он не мог видеть Рэхба отсюда. Но, посмотрев вниз, он увидел людей, сгрудившихся у основания дерева. Все они были черными и отличались от любого, кого он когда-либо видел прежде.

Затем они начали стрелять. Пуля попала в ствол только в дюйме от головы Тарзана, хотя он был уверен, что туземцы его не видят. До сих пор его преследователи не пытались убить его. Но ситуация изменилась. Эти чужаки пытались убить его. Тарзан не знал почему. Он должен был узнать.

ГЛАВА 16

ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО МИНУТ. К тому времени Тарзан понял, что незнакомцы стреляли не в него или в Рэхба. Они даже не знали о их существовании.

Тарзан обнаружил их мишень. Та находилась на дереве рядом с тем, на котором сидел Тарзан. Это был темнокожий мужчина. Он лежал лицом вниз на огромном суку. Его руки вцепились в грубую кору, как будто он боялся, что соскользнет. Но его не могли заметить снизу. Чужаки просто стреляли наугад в листву, надеясь попасть в человека.

Тарзан насчитал по крайней мере двадцать чужаков. За деревьями их могло скрываться еще больше. Все

были иссиня-черными, низкорослыми, и голоса их звучали хрипло. Их лица и тела были разрисованы зелеными, белыми и красными символами. Их украшали ленты из змеиной кожи, на которые были прикреплены зеленые, белые и красные перья птицы, неизвестной Тарзану. По-видимому, тот, который носил больше всех перьев был вождем.

У шести из них были винтовки. Тарзан не мог сказать, какой модели и года выпуска. Но они были единственным огнестрельным оружием у чужаков. Винтовки эти, скорее всего, могли быть обычным меновым товаром середины девятнадцатого века. Остальная часть воинов была вооружена копьями, мачете, луками и стрелами. Человек, на которого они охотились, не носил ленты или перьев. Символы покрывали его спину. Он носил, только набедренную повязку из шкуры гиены и кожаный пояс, с ножнами, в которых скрывался огромный железный нож. Возле него лежал предмет, заинтриговавший Тарзана. Штуковина приблизительно два с половиной фута длиной, два фута высотой и шесть дюймов шириной. Это имело неправильную форму. Чем бы оно ни было, оно было в чехле из шкуры гиппопотама и носилось на ремне через левое плечо.

У Тарзана не было много времени для размышлений. Вождь выкрикнул команду. Тарзан не понял фразы. Но чужаки полезли на соседнее дерево. Тарзан должен был решить, продолжить ли скрываться в массе грибов, или сменить место дислокации. Четверых стрелков послали наверх. Двое остались на земле.

Тарзан поискал взглядом и нашел Рэхба. Тот был на том же дереве, что и преследуемый человек. Он угнездился, однако гораздо выше. И был частично скрыт массой переплетенных лиан, цветов и гигантских листьев.

Тарзану удалось привлечь внимание своего мохнатого приятеля. Чтобы успокоить его, он продемонстрировал, что украденный из деревни нож при нем. Он был готов к бою — сочетая ум и оружие человека с силой гориллы.

Тарзан начал действовать. Он достал лук, наложил стрелу на тетиву. Один из чужаков, лезший на дерево, полетел вниз со стрелой в шее.

Не успев даже вскрикнуть, мертвец полетел вниз. Его винтовка упала вместе с ним в паре футов от ног вождя.

Вождь подскочил. Несколько секунд спустя он завопил, отдавая приказы. Два стрелка спешили поддержать его.

Между тем трое чужаков продолжали взбираться наверх. Первый слишком спешил. И не смог удержаться на гладкой коре. Крича, он упал с высоты по крайней мере в шестьдесят футов. К тому времени, как он упал, еще одна стрела была выпущена.

Она вонзилась в плечо стрелка, стоявшего рядом с вождем. Хотя стрела, вероятно, не поразила жизненно-важных органов, стрелок был выведен из строя. Он вскрикнул и повалился на траву. На некоторое время его можно было списать со счета.

Вождь и оставшийся стрелок бросились бежать. Только укрывшись за большим деревом они остановились. И тут же высунули головы, чтобы видеть, что происходит. Тарзан игнорировал их. Следующую стрелу он предназначил стрелку, оставшемуся на дереве.

Но тут грохот выстрелов и свист пуль разорвали тишину джунглей. Это были не одиночные выстрелы винтовок, а мерный стук пулеметной очереди. Прежде, чем Тарзан определил местонахождение его источника, он уже понял, что стреляют из итальянского автоматического карабина. Взглянув, Тарзан удостоверился в этом. Также он обнаружил, что вождь чужаков и его телохранитель то ли мертвы, то ли ранены.

И теперь Хелмсон обрушил очередь за очередью на негров, взбиравшихся на дерево. Он останавливался только для того, чтобы сменить магазин.

Один из белых партнеров Хелмсона, рыжеволосый человек с лисьим лицом, стрелял медленно и систематически из винтовки Энфилда. Три стрелка и шесть копейщиков уже пали под огнем белых. Они лежали у подножия дерева. Среди них был и последний из забиравшихся на дерево.

Внезапно рев оружия прекратился.

Разведчики и *аскари* сгрудились у дерева. Они добивали копьями раненых и калечили мертвых. Белые не пытались остановить их.

Тарзан за это время перебрался на соседнее дерево. Так же проворно, как обезьяна, он добрался до съёжившегося на суку беглеца. Не говоря ни слова, Тарзан поднял его и тут же оглушил резким ударом в подбородок. Подхватив бессознательного пленника и его поклажу, человек-обезьяна устремился на верхний ярус леса. Рэхб последовал за ними.

Они не останавливались, пока не удалились достаточно далеко от охотников. Рэхб спросил:

— Ashowmakesawhelm-sonpota? — что примерно означало: «Как Хелмсон добрался сюда?»

— Не знаю, — ответил Тарзан.

К тому времени темнокожий пленник начал приходить в себя. Бормоча, он открыл глаза. Тарзану показалось, что бормотание было на языке *банту*. Но пленник при виде Тарзана и Рэхба быстро закрыл глаза. Несмотря на темный пигмент кожи, он стал бледен. Он бормотал что-то, и это бормотанье показалось странно знакомым Тарзану. Наконец человек открыл глаза снова. То, что он видел, не исчезло.

Тарзан усадил пленника, улыбнулся и заговорил успокаивающе на языке *вазири*. Так как он был вождем племени *вазири*, он хорошо знал этот язык группы *банту*.

Пленник не спускал глаз с Рэхба. Его зубы выбивали чечетку.

Тарзан попросил человека-медведя отойти таким образом, чтобы пленник не видел его. Негра было нетрудно понять. Рэхб был страшноват с непривычки. В особенности его получеловеческое лицо делало его внешность внушающей страх. Пленник не мог удержаться от попытки повертеть головой. Тогда Тарзан взял его за голову обеими руками. Чернокожий промямлил что-то. Его тон свидетельствовал, что он оставит праздное любопытство, если Тарзан выпустит его голову из стальных тисков своих рук. Тарзан так и сделал. Затем, к удивлению Тарзана, человек переключился на диалект *ки-анджуги ки-суахили*.

— Язык, на котором вы говорили, кажется, связан с *ки-суахили*, языком, который я выучил в Кении. Ах, я вижу, что вы понимаете его! Очень хорошо. Я — Ваганеро из клана *полу-ласки* из племени *диинга*, и я далеко от того места, где я родился и где я жил, пока я не стал мужчиной... — Ваганеро,

казалось, понял, что он болтает попусту. Он умолк, затем спросил:

— Кто вы? И кто с вами?

Тарзан ответил на языке *ки-унгунья*.

— Я — Тарзан.

— Тарзан? Белый демон, мать которого была обезьяной? — закатил глаза пленник.

— Слышал обо мне?

— Да, когда я жил на побережье, далеко от моей земли, которая скрыта от белых и большей части темнокожих. Но... Я считал, что вы не существуете. Я думал...

— Думать вредно. Позади тебя *бен-гоутор*, называющий себя Рэхб. Он не причинит тебе боль — если ты не заслужишь этого.

— *Бен-гоутор*?

Тарзан проигнорировал вопрос. Он продолжал свой допрос.

— Откуда ты родом? Что ты делаешь здесь? Короче говоря, что происходит? Отвечай кратко. Мы спешим.

Ваганеро указал на юг.

— Существует земля Более Чем Мертвых, Рафмана, Держателя Времени. Там еще много чудес и ужасов. Именно там, позади той горы, обращенной лицом к людям *диинга*, горы Великой Матери Змей, на которой нарисована Матерь-змей. Она иногда оживает. Так говорят... Она...

— Я видел ее, — сказал Тарзан.

— Да. Гора далеко отсюда, хотя она так велика, что кажется, что она рядом.

Пока он говорил, свет начал тускнеть. Вдалеке прозвучали раскаты грома. Бриз начал трепетать листья. Скоро облака покроют небо. Тогда гром будет реветь в небесах, хлеща джунгли огненными бичами молний. Тогда уцелеть под градом огненных стрел становилось проблематично.

Тарзан сказал Ваганеро и Рэхбу, что они должны идти дальше. Они спустились под крышу джунглей — в относительную безопасность. Там, в то время как гром ревел как *нума*-лев, очень голодный и сердитый *нума*, Ваганеро продолжал свой рассказ. Но ему приходилось кричать, и его часто прерывал рев грома-*ары*. *Ара* заставил небо и землю дрожать и говорил громче, чем сами лесные боги.

— ...Мои люди живут к югу от земли Рафманы. К северу от земли моих людей есть гора, которая является самым южным пиком хребта, начинающегося на севере с горы Великой Матери Змей. Вы следите за моим рассказом?

— Да, — подтвердил Тарзан.

— В тех горах, далеко отсюда, живут люди Рафманы. Рафману также называют Держатель Времени, хранитель Темного Сердца Времени, живущий в Блестящем Дереве. К северу от их страны, но к югу от Великой Матери Змей есть обширное болото, где живет Призрачная Лягушка. Я знал об этих местах, потому что я слышал о них от стариков моей деревни.

Многие поколения назад мои люди пришли в землю, где мы теперь живем. Задолго до того, как они прибыли туда, там поселился Держатель Времени — Рафмана из потомства Благих Близнецов...

— Покороче, — скомандовал Тарзан.

— Я попробую. Но я — *кагафона*. Вы — *британец*. Вы говорите на английском языке. *Кагафона* — то, что англичане называют бардом. Я был обучен рассказать все, петь о том, что должно быть спето.

— Не время для песен!

— Я попробую. Мои предки всегда были певцами, играли на *таванго*...

— На чем?

Пленник указал на футляр из бегемотовой кожи.

— Я показал бы вам, но не под дождем. Дождь не хорош для него.

Еще пленник объяснил, что его дедушка и отец были известными сказителями. Играя на *таванго*, они воспевали родословные вождей, произошедших от Апу. Апу был героем, приведшим людей от далекой земли до земли, где они теперь жили. Сказители также пели песни о любви, военные песни и эпопеи племени *диинга* и его союзных племен и соседей — *тумулоа* и *сашаки*. Тому же учили и Ваганеро.

Тарзан подумал, что *кагафона* похож на Гомера или на бардов некоторых западноафриканских племен. Теперь Тарзан понял то, что в футляре. Это была африканская версия арфы.

— Но я спросил Насакви, вождя клана *полуласок*, могу ли я жениться на его племяннице, Лутсу. Вождю я не понравился.

— Почему нет? — спросил Тарзан. Несмотря на свое нетерпение, он был заинтригован рассказом барда.

— Он сказал, что я говорю слишком много. Я жужжу день и ночь, как шершень, залетевший ему в ухо. Этого достаточно... Так он сказал. И еще он сказал, что Лутсу, женщина, на которой я хотел жениться, его племянница со стороны матери Лутсу, была связана с Винтуса, предком, произошедшим от Великого Человека-Собаки, Басесси Многоцветных Вод. Я произошел от Басесси также, и потому отношения, хотя очень отдаленные и разбавленные временем, можно было считать кровосмешением...

— Достаточно, — остановил пленника Тарзан. — Я начинаю понимать, почему Насакви, твоему вождю, ты не понравился. Объясни, почему эти люди пытались убить тебя?

— Это длинная история, сын Демонической Обезьяны!

— Называй меня Тарзаном. Это — краткое имя, и мне нравятся короткие рассказы. Очень старайся понравиться мне. Иначе мы оставим тебя и выбирайся как хочешь!

Ваганеро закатил глаза.

— Если вы позволите мне сыграть на моем *таванго*, в то время как я пропою свою историю, вы будете очарованы.

— За тобой погоня, прямо сейчас, дружок. Хочешь, чтобы они послушали музыку и нашли тебя по звуку твоей песни?

— Нет, — обиженно пробормотал бард. Он глубоко вздохнул, выразив гримасой свое отношение к собеседникам, не способным оценить высокое искусство. Затем он продолжил рассказ. — Вождь также утверждал, что я фальшивлю. Ужасное оскорбление меня и всего моего клана. Прежде чем я мог потребовать права на справедливый суд, моя невеста, Лутсу, была похищена мужчинами с другой стороны горы. Там, если помните, земля Рафманы. Земля, куда предпочитают не соваться люди моего племени. Вождь проконсультировался с ведьмой, великой видящей. Она сказала, что видела, как Лутсу была увезена в долбленой лодке далеко на север. Мужчины, похитившие ее, везли ее к племени, живущему к северу от земли Рафманы. Там Лутсу могла быть продана ведьмам, пьющим кровь, приносящим в жертву Призрачной Лягушке людей. Понимаете?

— Достаточно хорошо, — отозвался Тарзан.

— Тех, кого бросают Призрачной Лягушке, глотает это чудовище. Но они не умирают. Они присоединяются к другим в животе Призрачной Лягушки. В том обширном животе находятся земли Более Чем Мертвых. Лутсу стала бы одной из них. Она оплакивала бы свою ужасную судьбу с другими... Они там плачут и стенают единым голосом! — Бард выдержал паузу. Очевидно, он ждал реакции на свой рассказ.

— Что это за единый голос? — спросил Тарзан.

— Это — ужасный звук, известный как Голос Призрачной Лягушки. Когда ведьма закончила со своими видениями, вождь заявил, что я должен пойти на север и спасти Лутсу, прежде чем ее подадут Призрачной Лягушке. Или, если я опоздаю, я должен убить Призрачную Лягушку и вывести Лутсу из земли Более Чем Мертвых, — Ваганеро вздохнул. Слезы текли по его щекам. — Он предложил мне принять верную смерть, и притом не легкую. Мужчинам, похитившим Лутсу, был обеспечен безопасный проход на север земель Рафманы к болоту, где Призрачная Лягушка живет. Но я был бы пойман воинами и продан похитителям задолго до того, как смог бы добраться до болота. Даже если бы я смог добраться до болота, разве я сам Апу, великий убийца демонов, призраков и Слона, Сотрясающего Мир? Даже Апу, возможно, не решился бы нападать на Призрачную Лягушку... И тогда вождь оскорбил меня, сказав, что я должен играть на *таванго* и спеть чудовищу. Это, по его словам, убило бы даже Призрачную Лягушку! Вождь сильно смеялся, так, что едва не умер от смеха. И племя смеялось вместе с ним... Тогда он дал мне оружие и посадил в долбленую лодку и приказал грести вверх по реке. Только когда я верну Лутсу, клан мой и племя мое примут меня. Так, в то время, как мои тети и дяди оплакивали меня, а *кагафона* других кланов пели о славе моих больших дел, которые я должен был свершить, я греб на лодке вверх по течению, пока не потерял из виду моих соплеменников. Но... я — трус! Той ночью я прокрался мимо своей деревни и на юг по реке. Я поплыл на лодке, пока я не оставил свою родину. Потом я побрел на восток через ужасные джунгли. И дальше по горам и вперед на восток... С тех пор уже прошли годы. Я путешествовал по

Великим равнинам и побережью и даже свел знакомство с белыми, управлявшими восточными племенами. Но я решил возвратиться домой. Возможно, вождь уже мертв. Возможно, мои люди забыли меня. В любом случае я жаждал вернуться домой. Но тут меня схватили эти чужаки. Я убежал, и затем вы, Тарзан, и тот зверь — получеловек спасли меня. Я действительно благодарен...

— Достаточно! — Тарзан заткнул фонтан красноречия пленника. Он говорил нарочито громко. — Время для разговоров истекло. Мы уходим! Ты можешь идти с нами, пока мы не окажемся далеко от тех, кто охотится на нас. Но ты должен пообещать не болтать, если это не абсолютно необходимо! Я имею в виду...

И тут сам Тарзан умолк на полуслове, услышав звук выстрелов. У Ваганеро челюсть отвисла. Рэхб сказал что-то, чего Тарзан не понял. Раздались крики, перемежаемые треском многочисленных выстрелов. Похоже, враждебный отряд напал на сафари Хелмсона. Это была погоня за болтливым сказителем или что-то еще? Однако у Хелмсона было слишком много людей, чтобы рискнуть спуститься на землю сейчас. Тарзан помчался по паутине лиан. Рэхб чуть ниже, почти не отставал от него. Ваганеро очень старался не отставать от них, но отстал. И вскоре он потерялся из виду в массах листвы.

Тарзан подумал, что в джунглях стало как-то слишком многолюдно. И он подозревал, что встретил барда-болтуна не случайно. Похоже, этот малый был стихийным источником неприятностей и проблем. Только очень небольшая часть одиссеи Ваганеро была рассказана. Но для Тарзана этого было достаточно, чтобы понять, что этот человек — магнит для напряжения, беспокойства и всяческого невезения. Хорошо, что Тарзан и Рэхб убежали от него, раньше, чем он успел испортить им жизнь. «Я ничего не должен ему», — думал Тарзан.

Он замедлил свое движение, ожидая, пока Рэхб не догнал его. Тогда он сказал:

— Теперь идем так быстро, как можем. Тот парень сам по себе, мы сами по себе.

Человек-медведь махнул рукой вперед.

— Я согласен, но согласятся ли они?

ГЛАВА 17

ТАРЗАН ПОСМОТРЕЛ В направлении, куда указывал Рэхб. Зеленый поток тек к ним через верхнюю террасу леса. Он тек, распухая и сжимаясь. Казалось, что это гигантская светло-зеленая амеба с желтовато-белыми полосами и желтовато-белыми пятнами.

Затем глаза Тарзана перефокусировались. То, что было запутанным и хаотичным, стало понятным и отчетливым. Это больше не была изменяющая форму и сочащаяся масса. Это были по крайней мере сто зелено-белых человечков, собравшихся вместе. Они были очень маленькими, ниже на двенадцать дюймов или около того, чем пигмеи Итури. Окрашенные зелеными и белыми полосами и пятнами, покрывающими их головы и тела, помогающими им слиться с пятнистой листвой.

Они были совершенно голыми. Их оружием были бамбуковые духовые трубки, кремневые ножи, короткие копья с кремневыми наконечниками и короткие деревянные луки. Колчаны, привязанные к спине, содержали стрелы только вдвое меньше, чем у Тарзана. Он подозревал, что дротики для трубок и стрелы были покрыты ядом.

Когда толпа приблизилась и стала менее плотной, карлики рассеялись. Некоторые поднимались вверх, уверенные, что более тонкие ветви выдержат меньший вес. Некоторые спускались по лозам и лианам на среднюю террасу. Их ловкость соответствовала или даже превышала ловкость человека-обезьяны.

В этом мире быть маленьким и легким не всегда плохо.

Рэхб зарычал. Затем он сказал что-то. Тарзан не понял фразу. Голос догнавшего их Ваганеро задрожал.

— Это *шелаба*!

— Что такое *шелаба*? — спросил Тарзан.

— Крошечные демоны, а не люди, хотя они похожи на людей. Они были созданы Каасаманой, женщиной-крокодилом, Создателем, в первые дни творения. Она отвергла их как неудачное творение. Она бросили их к Дереву Крокодилов, чтобы те пожрали их. Но некоторые выжили и спрятались в самом глубоком лесу. Именно там и мы сейчас. Во

всяком случае, на краю леса. *Шелаба* живут высоко на деревьях в гнездах и редко спускаются к земле. Когда умирает *шелаба*...

— Хватит, — сказал Тарзан. — Пока скажи мне только одно. Их дротики и стрелы отравлены?

— Говорят, что это так, — ответил Ваганеро. — Также говорят, что они каннибалы.

— Ты действительно мало знаешь о них, — продолжил человек-обезьяна.

Возможно, самой странной вещью у *шелаба* были духовые трубки. Тарзан читал, что эти орудия охоты были известны только в Юго-Восточной Азии и в Южной Америке. Но здесь они были в центральной Африке. Однако люди, использующие духовые трубки, также были неизвестны науке. И, судя по тому, что Тарзан никогда о них не слышал, должно быть, было очень мало туземцев, которые знали об этих существах...

Двое из сафари Хелмсона стали взбираться на дерево. Внезапно маленькие белые пушистые хвостовики дротиков расцвели на человеческой коже. Люди упали на землю. Они не закричали, падая. Они были уже мертвы. Сразу после этого еще трое мужчин рухнули как подкошенные. Хелмсон, другие белые, а с ними и черные бросились в джунгли. Тарзан сомневался, что они вернутся.

Через минуту маленькие разрисованные воины окружили Тарзана и его спутников. Тарзан не понимал болтовни человека, который казался их вождем. Но тот делал жесты, которые явно указывали на то, что он и его спутники должны сдаться.

Они ничего не могли сделать, кроме как поднять руки. Их оружие отобрали. Сперва вождь, казалось, собирался сбросить арфу Ваганеро с ветки. Ваганеро громко запротестовал. Вождь пожал плечами — кто знал, о чем он думал? — и вручил инструмент воину.

Следуя сигналам вождя и охранников, трое пленников полезли вверх.

Посмотрев вниз, Тарзан увидел, что около дюжины *шелаба* были на земле. Их ножи вырезали куски мяса у убитых, отрубали головы, руки и ноги. Возможно, они брали головы

как трофеи. Но конечности? Они, безусловно, предназначались для еды.

Тарзан и его спутники прошли сквозь запутанную растительность самой высокой террасы от дерева к дереву. Внезапно они подошли к мосткам, построенным из грубо обтесанных деревянных досок. Их поддерживали лианы, прикрепленные к ветвям. Лианы также служили поручнями. Вся сеть мостков объединяла большие сучья. Тарзан был уверен, что эта сеть невидима с земли или, в большинстве случаев, со средней террасы леса. Они добрались до первой из застав. После того, как охранники пропустили их, они пришли к первому из огромных скоплений гнезд, устроенных *шелаба* в ветвях леса. Гнезда были очень похожи на птичьи гнезда, за исключением того, что некоторые из них имели соломенные крыши. Ни у одного не было стен. Крыши поддерживались четырьмя-шестью вертикальными ветвями.

Пленников доставили в сооружение, состоящее из десятков широких платформ, защищенных травяными веревками и лианами. Это, как предположил Тарзан, было местом встречи, местным эквивалентом ратуши. Платформы, располагавшиеся близко друг к другу, были заполнены мужчинами средних лет или старше. Те были также раскрашены в зеленый и белый цвета, но их ягодицы были окрашены в фиолетовый. Их головы были повязаны кожаными полосами, к которым были прикреплены большие клыки леопардов и других хищников. Вождь вождей — как предположил Тарзан — носил три клюва рыбного орла на головной повязке.

Женщины и дети стояли на мостах или ветвях или в своих гнездах и смотрели свысока на собрание. Даже грудные дети были покрыты зелеными и белыми отметинами.

Запястья пленников были связаны за спиной кожаными ремнями. Они обжигали кожу, заставляя Тарзана думать, что кожа ремней была покрыта или пропитана каким-то токсичным веществом. Длинные кожаные веревки пропустили под их подмышками, затем пленники были спущены на платформу, которая качалась на толстых полосах, закрепленных на каждом из четырех углов. Платформа находилась в тридцати пяти футах или более от ветви, к которой были привязаны верхние концы полос.

Шелаба уронили один конец каждой из веревок, протянутых под мышками мужчин, и веревки были вытянуты вверх. Тарзан, сгибая спину и глядя вверх, видел, как *шелаба* смотрит на них сверху вниз. Рядом с вождем, который был человеком средних лет, стоял очень старый человек. Его длинные белые волосы были собраны вокруг лица, чтобы образовать ореол. Его нос был выкрашен в красный цвет, а губы — в ярко-оранжевый.

Он долго и пристально смотрел на пленников. Затем он заговорил. Человек-обезьяна был удивлен, услышав язык *банту*. Он несколько отличался по произношению, лексике и грамматике от всего, что он когда-либо слышал. Но все равно было понятно.

— Я — Куриги, тот, кто говорит на четырех языках, — объявил он. — Я знаю свою родную речь, речь *шелаба* и два других языка, на которых говорит Большое черное мясо. Я выучил их, когда был в плену у Большого очень черного мяса далеко отсюда. — Он сделал неопределенный жест, указывающий, возможно, на восток. Потом Куриги указал на Рэхба. — Мы слышали о его роде, *моногаренадулу*, но мы никогда не видели его. Сказки наших предков говорят, что когда-то их было много. Но они жили в долине за горой, известной как Питон.

Это, подумал Тарзан, не что иное, как гора, которую Мартильо описал в своей рукописи и карте, Великая Матерь Змей, гора, которую он, Тарзан, видел.

— Эти волосатые существа, *моногаренадулу*, были, как мы думали, давно мертвы, и давно их нет. И все же, вот один из них. — Затем он указал на Тарзана. — Я старый, очень старый, и это первый Большой кусок бело-розового мяса, который я когда-либо вижу, хотя мы слышали о них. Но мы не знали, что они, как мы, *шелаба*, ходят голыми и живут на деревьях. Может ли быть так, что это существо, присутствующее здесь, не просто Большой кусок бело-розового мяса, но что он связан с нами?

Вождь, нахмурившись, сказал что-то переводчику. Куриги ответил, но так тихо, что Тарзан не мог его услышать. Но тон Куриги казался извиняющимся. Видимо, начальник велел ему добраться до сути.

Куриги указал на Рэхба.

— Ни в одной деревне *шелаба* нет головы *моногаренадулу*. Теперь деревня Сувакиди, наш великий вождь вождей, который, к сожалению, болен в своем гнезде, будет удостоена чести. *Шелаба* из любой другой деревни придут к нам, чтобы увидеть череп *моногаренадулу*, и они принесут нам подарки и еду.

Переводчик указал на Ваганеро.

— Наш великий вождь говорит, что Большое очень черное мясо не будет съедено. Пока. Сначала мы определим, сможет ли он развлечь нас своей, ах, музыкальной штукой.

Очевидно, в языке *шелаб* не было никакого слова для арфы, хотя они знали ее назначение.

— Если он сделает это хорошо, мы позволим ему пожить некоторое время. Череп этого, — он указал на Рэхба, — принесет нам славу и богатство. Музыка Большого черного мяса успокоит и развлечет нас, а также привлечет много посетителей. Если он не годится... — Куриги не нужно было описывать, что произойдет, если музыка африканского барда им не понравится. Потом он снова указал на Тарзана. — Мы будем держать Большое бело-розовое мясо в клетке. Пока он привлекает посетителей, чтобы увидеть его, он будет жить. Когда людям надоест смотреть на него и говорить о нем, мы станем его откармливать. Тогда мы будем пировать, приготовим его и Большое черное мясо.

На верхней террасе прозвучали возгласы, свист и хлопки в ладоши. Также многие *шелаба* били по большим полым бамбуковым трубкам палками. Когда шум стих, начальник сказал что-то Куриги. Он, в свою очередь, громко заговорил с толпой.

— Великий вождь передумал. Мы подождем некоторое время, прежде чем убьем волосатого зверя-человека. Тот тоже будет выставлен на обозрение. Затем, когда будут съедены куски Большого мяса, будет также съеден *моногаренадулу*. Наши воины станут очень сильными отведав плоть человека-зверя и Большого бело-розового мяса. — Тогда старик обратился к пленникам. — Не пытайтесь разорвать узы друг друга. В коже есть яд. Он сожжет ваши губы, десны, язык и горло. Ваша слюна сожжет ваши желудки. Вы будете

страдать, как будто в кишки вонзился факел. Тогда вы умрете в муках, правда, не скоро. Но если яд только коснется вашей кожи, он не убьет вас. И при этом он не будет жечь сильнее, чем сейчас.

Раздались бурные аплодисменты в сопровождении грохота бамбуковых палок. Тыквы были разнесены, и все, включая маленьких детей, пили из них. Кто-то капал на Тарзана сверху, поэтому он знал, что это было какое-то пиво, причем очень крепкое пиво.

Где эти люди варили пиво и как они делали это на деревьях, Тарзан не знал. Но пива было достаточно. Пива у них, казалось, был бесконечный запас. Очевидно, что эта вечеринка, как и любая вечеринка туземцев, которую видел Тарзан, продлится всю ночь.

Он рассказал Рэхбу, что должно случиться. Или, по крайней мере, он пытался донести до него столько, сколько позволяло ему все еще ограниченное знание языка человека-медведя. Он не мог использовать жесты или знаки, потому что его руки были связаны за спиной. Но Рэхб, казалось, понял. Он громко зарычал на *шелаба* и что-то сказал. Это все. Что касается Ваганеро, он понял большинство из того, что сказал переводчик. Как ни странно, если он и был потрясен этим, он, похоже, не показывал этого.

Пошел вечерний дождь, заливая троих пленников. Ваганеро и Рэхб дрожали от холода. Тарзан никогда не дрожал.

Однако ливень лишь на некоторое время ослабил огонь вечеринки. Когда дождь прекратился, веселье возобновилось с новой силой. *Шелаба* разожгли небольшие костры на больших ветвях. Тарзан не видел, на чем горели дрова, но он полагал, что те были сложены в местах настолько обгоревших, что гореть там было больше нечему. Или костры были сложены на кучах грязи.

В середине ночи, когда шум и вопли пьянствующих заглушили шум леса, Тарзан уснул. Со связанными руками, он спал. Это было непросто. Несколько раз он был разбужен необычайно громким шумом вечеринки *шелаба*. Во второй раз его разбудил Рэхб, прижавшись к спине Тарзана. И спина Ваганеро была напротив Тарзана. Чувствуя тепло, человек-обезьяна снова заснул.

На рассвете он проснулся. Единственными звуками были храп Рэхба и крики дневных животных и птиц. Тарзану удалось подняться на ноги без помощи рук и несмотря на онемение правой руки. Рэхб фыркнул и пробормотал что-то во сне. Ваганьеро застонал. Платформа покачнулась.

Пока кровь текла по его конечностям, Тарзан игнорировал боль. Он оглянулся вокруг. Если кто-то из пигмеев проснулся, он не попался на глаза Тарзану. Несомненно, все были глубоко погружены в пьяный ступор.

Прежде, чем начать пьянку, *шелаба* убедились, что их пленники не смогут сбежать. Как они могли подняться со связанными за спиной запястьями? Понятно, что они могли прыгнуть вниз с платформы. Но *шелаба* ожидали, что их пленники захотят жить как можно дольше. Такова была природа людей, маленьких или больших.

Тарзан разбудил других пленников, подтолкнув их в ребра большим пальцем ноги. Затем он заговорил медленно и тихо.

ГЛАВА 18

ПЛАТФОРМА, НА КОТОРОЙ томились пленники, имела длину около семи футов и ширину пять футов. Она была подвешена к толстому суку в тридцати пяти футах над платформой. Четыре толстых кожаных веревки были перекинуты через этот сук, и концы каждого были закреплены в отверстиях, просверленных в грубо отесанных досках по углам.

Концы веревки были продеты через каждое из отверстий, а затем завязаны под платформой.

Горизонтальные веревки были привязаны к вертикальным, чтобы создать грубый, но надежный барьер безопасности. Он удержит пленников от падения.

С платформы до земли было около 160 футов. Таким образом, если пленники собирались бежать, им пришлось бы лезть вверх по канатам.

Это было бы нелегко сделать, даже если бы их руки были свободны. Но они были связаны за спиной.

Сук, на котором была подвешена платформа, имел в

толщину шесть футов. Ближайшая к нему ветвь находилась примерно в семи футах и проходила почти параллельно. Но она была меньше, около двух футов толщиной. И была примерно на четыре фута ниже.

Казалось, что с платформы не сбежать. Тем не менее, Тарзан выбрал единственный доступный путь.

В нескольких словах он рассказал Рэхбу и Ваганеро, что он собирался сделать. Ваганеро тихо заскулил, что их положение безнадежно, а план Тарзана, конечно, не сработает. Тарзан категорически заявил, что сделает это. В любом случае, если он потерпит неудачу, он, а не Ваганеро, умрет сразу. Конечно, Ваганеро был обречен умереть относительно скоро, если Тарзан не сможет добиться своего.

Ваганеро пожал плечами и сказал, что сделает все, что нужно. Рэхб ничего не сказал во время этого разговора. Но он сделал так, как приказал человек-обезьяна. Он с Ваганеро отошел ближе к восточному концу платформы. Они подставили свои спины Тарзану, а затем присели на корточки. После чего наклонились далеко вперед. Их спины были почти на уровне пола платформы.

Человек-обезьяна изучал ситуацию в течение нескольких секунд. Затем он побежал от противоположного конца платформы к концу, где они присели. Несмотря на колебания, вызванные их действиями, он спрыгнул с платформы и твердо поставил одну ногу на спину арфиста, другую на спину Рэхба.

Используя их спины в качестве трамплина, он прыгнул почти прямо вверх. Платформа качнулась. Но Тарзан наклонил голову в сторону, и его зубы сомкнулись на толстом кожаном ремне, прикрепленном к юго-западному углу платформы. Несколько секунд он висел, полагаясь только на силу своих зубов и челюстей.

Под ним человек-медведь и арфист приготовились. Теперь они двигались так, что были спиной к спине. Они все еще сидели на корточках. Если человек-обезьяна упадет, он может упасть на спину. Это смягчило бы последствия падения и, возможно, помешало бы ему перелететь через боковые канаты и сорваться в пропасть.

Как раз перед тем, как Тарзан сжал зубы на ремне, он согнул колени. Его правая нога была чуть выше левой. У Тарзана

не было больших пальцев обезьяны, которые были почти под прямым углом к другим пальцам. Он также не мог согнуть ногу так далеко, как могла обезьяна. В отличие от обезьяны, он не мог использовать свою ногу как полноценную руку. Тем не менее, используя захват ремня зубами, он мог выдержать вес, достаточный для того, чтобы пальцы ног не скользили вниз. Хватки зубов и обоих пальцев ног было достаточно, чтобы удержать его от падения.

Однако, если он собирался лезть вверх по ремню, ему придется разжать челюсти на секунду — меньше чем на секунду. В то же время ему пришлось выпрямить одну ногу и таким образом подтолкнуть себя вверх. На мгновение судьба Тарзана повисла на пальцах одной ноги.

Затем, отклонив голову далеко в сторону, ему придется снова закусить ремень. Сразу после этого, с очень небольшой паузой, ему пришлось бы поднять ноги с согнутыми коленями и захватить ремень — веревку между большими пальцами и длинными пальцами каждой ноги. И тогда ему придется снова сжать кожаный ремень между зубами. И так далее.

Все это надо было делать очень быстро. Это было чрезвычайно утомительно, хотя Тарзан мог время от времени отдыхать между движениями. Но ненадолго. Челюсти, как и зубы, могли не выдержать под сильным напряжением.

Это был смертельный трюк, который никто, кроме Тарзана, не смог бы выполнить. Большие обезьяны не воспитывали даже величайших атлетов в мире, вообще не воспитывали человеческих детенышей, кроме Тарзана. И, хотя это не было научно доказано, возможно, что человек-обезьяна был обязан частью своей превосходящей мыслимое силы и быстроты благотворному генетическому изменению или, как его называли, мутации. Так Тарзану сказал ботаник из Оксфордского университета, с которым он когда-то обедал.

Ботаник признал, что науке о наследственности известно немногое. Тем не менее он предположил, что мышечная сила лорда Грейстока должна быть генетически заданной. Жизнь Грейстока на деревьях не могла объяснить всех его физических способностей, превышающих человеческие.

Только сейчас, независимо от того, порождены они мутацией или нет, человек-обезьяна зависел от своих физических

способностей. Если он потерпит неудачу, он упадет на землю. И никакая сила или удача не поможет. Он станет просто трупом.

Медленно и мучительно Тарзан лез вверх. Его губы, десны и язык кровоточили. Кровь и слюна стекали по коже. Когда он сжимал пальцы на мокрых от его же крови местах, он, как правило, скользил вниз, и ему опять приходилось вцепляться зубами в чертов ремень.

К тому времени, когда он подобрался к заветному суку вплотную, он тяжело дышал. Если бы ему пришлось подняться еще на шесть дюймов, он, возможно, был бы уже слишком измотан, чтобы сделать это.

Он остановился. В четырех футах над ним ремень плотно прилегал к толстому и прочному суку. Для его зубов там уже не было опоры. И, конечно, он не мог использовать руки. Но он и не планировал попасть на большой сук. Во всяком случае, пока. Он не мог посмотреть на своих спутников и не мог командовать ими. Двое пленников должны будут действовать самостоятельно.

Через несколько секунд размахивание ногами начало приносить плоды. Тарзан почувствовал, как кожаная полоса, на которой он висел, начала двигаться. Сдвинулась на дюйм или два в одну сторону. Он ненадолго остановился. Внизу Рэхб и Ваганеро раскачивали платформу, как качели. Тарзан же должен был держаться, пока они не смогут поднять платформу до вершины дуги, описанной веревкой.

Это была медленная работа, такая медленная. Тарзан надеялся, что *шелаба* проваляются пьяными достаточно долго, чтобы он мог выполнить все, что планировал. Если они этого не сделают, если кто-то проснулся и увидит, что делают пленники, все будет кончено.

В любом случае пока Тарзан был жив. В эти мгновения он подумал о Джейн и пытался представить, где она. Он был рад, что она не видит его сейчас.

В конце концов, когда Тарзан почувствовал, что больше не может держаться, он приступил к следующему пункту плана. Он разжал зубы, предварительно качнувшись на ремне в нужную сторону, придав импульс движению тела, и полетел к меньшей ветви.

Это не было чем-то вроде полета, но он успел развернуться. Менее чем через секунду после завершения поворота он упал на ветвь. Та ударила его в живот и вышибла из легких весь воздух. Было очень больно, часть кожи была содрана, но Тарзану было не до того. К сожалению, он скорее налетел на сук сбоку, чем упал сверху. И теперь скользил вниз.

Он вжался в сук подбородком и зацепился за маленький выступ, крохотный пенечек обломанной ветви. Этого было достаточно. Обломок вонзился в плоть позади его подбородочной кости. Тарзан держался, хотя мышцы его шеи чувствовали себя так, словно их растягивает мастер пыточных дел. На мгновение ему удалось восстановить дыхание. Он судорожно вздохнул и смог устроиться на суку.

Два наблюдателя внизу увидели нечто, чего они никогда раньше не видели и, вероятно, никогда больше не увидят. Они видели, как человек вскарабкивается на сук дерева, за который он держится подбородком, не используя рук. Они не видели, как обломок ветви вонзается в плоть Тарзана. Но они видели, что что-то мешает ему упасть. Они также не могли видеть, как кровь хлещет из раны. И они не могли чувствовать его боль.

Вскоре Тарзан переполз в другую сторону. Он поднял правую ногу и уцепился за кору около основания сука тыльной стороной пятки. Затем он закинул на сук ногу. Задняя часть его пятки застряла в небольшом углублении в ветви.

Это усилие заставило его позвоночник затрещать.

Внезапно он оказался лежащим лицом вниз на ветви. Кровь из раны под подбородком текла ручьем. Однако у Тарзана не было времени ни отдохнуть, ни остановить кровь. Он поднялся на ноги, все еще не используя рук. На мгновение Тарзан зашатался и едва не упал. Но тут же восстановил равновесие. Затем повернулся и пошел к стволу. На пути обнаружилось маленькое гнездо. Одна из крошечных женщин лежала на спине, растянувшись на слоях мха посреди гнезда. Ее дыхание было очень медленным. Она прижимала к груди очень маленького обнаженного ребенка. Кормя младенца грудью, мать, казалось, спала. Рядом с ней находилось несколько крошечных орудий, копье с кремневым наконечником, колчан со стрелами и кремневый нож.

Тарзан забрался в гнездо. Женщина зашевелилась. Ребенок продолжал сосать грудь. Но когда человек-обезьяна протянул руку мимо них, кровь из подбородка упала на спину ребенка. Ребенок открыл глаза. Но не прекратил сосать.

Тарзан быстро выпрямился, капнув еще крови на спину ребенка. Несколько капель также упали на ногу женщины. Она открыла глаза. Но Тарзан присел рядом с ней. Все, что ей нужно было сделать, это повернуть голову, чтобы увидеть его. Тогда ему придется убить ее, прежде чем она сможет вскрикнуть. Но как он мог сделать это со связанными руками за спиной? Единственный способ — придавив ей шею ногой. Он никогда никого не душил ногой. Но сегодня он совершил множество вещей, которых он никогда не делал прежде — вещи, которые он не смог бы сделать в более спокойное время. Он начал поднимать ногу.

Женщина закрыла глаза. Малыш продолжал сосать. Тарзан выждал шестьдесят секунд, после чего опустил поднятую ногу. Он был очень осторожен, чтобы не сломать веточки под мхом. Он опустился на колени, затем прислонился спиной к гнезду, уравновешивая себя, надеясь, что кровотечение не слишком ослабило его.

После всех его попыток, зайти так далеко, а затем потерпеть неудачу... это действительно было бы смешно. Его тело дрожало, когда плечи почти достигли верхнего слоя мха. Его руки наконец нащупали нож. Он зажал его между пальцами, не порезавшись. Или так ему показалось. Край кремневого ножа может быть острее, чем лучший хирургический инструмент. Тарзан мог порезаться, не чувствуя боли в течение достаточно долгого времени.

Медленно и осторожно Тарзан поднялся на ноги. Он оглянулся и прислушался. Раннее утро сопровождал привычный гомон птиц и зверушек. Но пока не было ни одного признака пробуждения *шелаба.*

Затем он увидел поток больших муравьев, приближающихся к гнезду. Они почувствовали запах его крови, и скоро они будут роиться на ребенке и матери, кусая их. А те начнут кичать.

Руки Тарзана все еще были связаны за спиной. У него не было времени, чтобы разрезать путы до того, как мура-

вьи доберутся до гнезда. Но он мог обойти гнездо, направившись им навстречу. Там он мог растоптать насекомых и стряхнуть их с веток.

Муравьи все равно придут. Но ему просто нужно было достаточно времени, чтобы разорвать связывающие кожаные путы. Через несколько секунд он очистил от насекомых верхушки ветки. Тем не менее нескольким удалось покусать его ноги. Их укусы были болезненными. Тарзан сбил их с ноги другой ногой. Хотя пришлось стоять на одной ноге. Его баланс уже стал лучше, чем раньше.

Держа нож одной рукой, он быстро расправился с ремнями. К тому времени муравьи снова начали подниматься к жилищу лесных карликов. Тогда Тарзан подошел к гнезду и вытащил кусок мха из щели. Женщина спала, даже не дергаясь. И ребенок тоже заснул. Возможно, алкоголь в молоке матери подействовал и на него.

Тарзан использовал мох, чтобы остановить поток крови из подбородка. Хотя его тело кровоточило и в других местах, он думал, что не потерял достаточно крови из других ран, чтобы беспокоиться о мхе.

Держа нож в зубах, прижимая мох к ране на подбородке, он пробирался по дереву к большому суку. Никто из *шелаба*, мимо которых он проходил, не шевелился, хотя они храпели громко и по-пивному. Добравшись до большого сука, он увидел, что платформа перестала качаться. Медведь и арфист смотрели на него. Зубы Ваганеро белели на фоне его темно-коричневого лица. На лице Рэхба не было такого явного выражения, ак на лице человека. Тем не менее ему удавалось выглядеть довольным.

Тарзан достал из гнезда кожаный ремень. Спящие, всего их было пятеро, не шевелились. Отбросив пропитанный кровью мох, который он держал на ране на подбородке, он добыл сравнительно чистый мох из гнезда. Приложив его к ране, он сумел одной рукой повязать кожаный ремешок вокруг подбородка и макушки головы, тем самым закрепив мох на ране.

Теперь ничто не могло помешать ему покинуть этот сук как можно быстрее. Свет становился несколько ярче. Вскоре некоторые из *шелаба* встанут, и они увидят его. Тогда прозвучит

сигнал тревоги. Надо уходить с большой поспешностью. Но если он это сделает, он бросит арфиста и медведя. Он не был им ничем обязан. Но он знал, что они пропадут без него, и это было все, что имело значение.

Он должен придумать, как освободить эту парочку. Он мог спуститься на платформу на одной из кожаных полос, поддерживающих платформу. Затем он мог разорвать путы, связывающие обоих. И они могли взобраться обратно по веревке, по которой он спустился.

Но как им перелезть с ремня на сук? Вес платформы очень сильно прижал кожаные ремни к шестифутовому суку. Невозможно было вставить пальцы между ремнем и суком. Им было не перелезть. Они бы застряли там.

Метод, разработанный Тарзаном для решения этой проблемы, занял немного времени, возможно, больше, чем хотелось бы. Но он с некоторой долей фатализма размышлял, что если Судьба окажется против него, то так и должно быть.

Он не нашел длинных полос кожи, которые искал, пока не прошло как минимум четыре минуты. Они нашлись на суку в шести футах выше и в футе в сторону от того сука, на котором висела платформа. Эта ветвь была меньше по толщине, чем та, что под ней.

Ремни валялись в большом гнезде с соломенной крышей. Он связал три вместе, чтобы сделать один длинный, затем привязал один конец ленты к концу длинного бамбукового ствола, служившего карликам духовым ружьём. Тарзан лег на сук лицом вниз и вытянул обе руки по сторонам ветки.

После нескольких неудач ему удалось бросить один конец достаточно далеко, чтобы поймать другой рукой. Тарзан дважды останавливался в своих усилиях, потому что *шелаба* рядом стонал во сне. Но пьяница вновь начинал храпеть. Очень быстро Тарзан отвязал бамбуковую трубку и отложил в сторону. Затем он связал ремень и бросил длинный свободный конец на платформу. Его конец теперь болтался на несколько дюймов выше края платформы, потом Тарзан быстро спустился вниз по этому ремню. Он прошел мимо большой и нижней ветви на расстоянии в несколько дюймов. Когда он спустился к платформе, ему пришлось немного по-

качаться, чтобы схватиться за один из ремней, поддерживающих платформу.

Через несколько секунд он был уже на платформе. Не теряя времени зря, он разрезал узы вокруг запястий своих спутников, хотя платформа снова качалась, затрудняя любые действия.

Обратно он вернулся тем же путем. Когда он оказался напротив толстого сука, он вытянул ногу и подтянулся к суку. Через несколько минут после того, как он был на этом суку, остальные присоединились к нему.

Пять минут спустя, вооруженные ножами и духовыми ружьями, с колчанами, полными стрел и дротиков, привязанными к одной руке, они оставили деревню, спрятавшуюся высоко на деревьях. Однако ушли они не без арфы. Ваганеро увидел инструмент, когда они лазили по большому гнезду, в котором хранились припасы карликов. Там валялся и футляр с арфой. Тарзан не стал бы терять времени и обременять себя лишним, но Ваганеро забрался в гнездо, прежде чем человек-обезьяна смог остановить его. Тарзан хранил молчание, хотя и делал жесты Ваганеро, чтобы тот поскорее выбрался из гнезда, чтобы не разбудить вождя или трех женщин и двух младенцев, спящих поблизости. Арфист проигнорировал человека-обезьяну. Он взял инструмент в футляре и медленно и тихо удалился. Он улыбался, вполне довольный собой. Тарзан смог только выразить свое недовольство, нахмурившись. Прежде чем он смог сделать большее, кто-то обнаружил, что платформа опустела...

ГЛАВА 19

ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ до того, как Тарзан и его спутники встретили *шелаба*, Хелмстон остановил сафари. Его оруженосец Ракали нашел нож, который Тарзан взял у убитого *аскари*, когда убегал из палатки.

Хелмсон думал, что Тарзан мог путешествовать по деревьям. Он послал следопыта подняться вверх по дереву, чтобы поискать признаки того, что человек-обезьяна был там. Негр обнаружил пучки длинной черной шерсти, застрявшие

в ветвях. Он принес несколько образцов и показал их другим — следопыту и белым людям.

Туземцы, Фитцпейджел и другие белые сказали, что они не знают, какому животному принадлежал этот мех. Хелмсон тоже признал свое невежество. Это было ложью. Он сразу понял, что мех принадлежит Рэхбу.

Он знал, что и человек-обезьяна, и человек-медведь были здесь. Но что случилось? Почему, если Тарзан уронил свой нож, он не забрал его? Рэхб все еще следовал за Грейстоком? Намерен ли Рэхб схватить его и вернуть к человеку, который держал жену Рэхба в качестве заложника?

Или Рэхб как-то помирился с Тарзаном и рассказал ему все, что знал? Это казалось маловероятным. Однако Хелмсон не мог быть уверен.

Два часа спустя сафари остановилось. Охотники вышли к тому месту, где землетрясение взрыхлило землю, как будто тысячи пушек выпустили сюда разрывные снаряды. Подземная река вырывалась из земли, и та вздымалась на шестьдесят футов. Оттуда вода обрушилась вниз. Земля, на которой охотники застыли благоговейно, находилась на краю разлива. Он был настолько широк, что другого берега разлившихся вод не было видно.

Где-то в этом яростном потоке скрылась настоящая река.

Фицпейджел спросил Хелмсона, что он собирается делать. Хелмсон ответил, что не знает. Но вполне возможно, что Тарзан, если еще жив, унесен потоком вниз по течению. Ирландец сказал, что вполне возможно, что человек-обезьяна погиб в результате землетрясения или наводнения. Или он мог сбежать. Если так, то он направится на север. Именно там, как сообщалось, находились леди Грейсток и ее похититель лейтенант Эрих Обергац. Но не имело значения, куда направился человек-обезьяна. Он был потерян для охотников. Его не удалось найти. Это было так. Фицпейджел заявил, что им следует вернуться в штаб-квартиру. Они могут подождать, пока не услышат что-то определенное о местонахождении Тарзана. Тогда они могли бы пойти за ним следом.

Хелмсон сердито ответил, что это может занять год, может быть, два года, может быть, вечность. Фицпейджел ответил, что он знает это не хуже Хелмсона. Скорее всего, проект

в конечном итоге будет отменен. Он, однако, намеревался передать слово или два. Нужно отчитаться. Сообщить, что он, Фицпейджел, готов долго ждать. А ждать можно в Найроби или любом другом месте. Между тем, пока его расходы и разумная зарплата будут выплачиваться, он потерпит.

— Что, если я скажу нет? Что, если я прикажу тебе продолжить поиски? — спросил Хелмсон.

Улыбка Фицпеджела показала, что он знал, кто на самом деле контролирует ситуацию.

— Я вернусь со своими людьми. А ты можешь делать все, что пожелаешь. Однако если бы ты раскрыл мне и только мне то, какой метод ты использовал, чтобы выследить Тарзана, тогда дело прниняло бы иной оборот.

Хелмсон поморщился. В этот момент он представил, как душит Фицпейджела. Но он сказал:

— Дай мне подумать.

— У тебя есть час, — ответил Фицпейджел.

Тридцать минут спустя Хелмсон отправился к ирландцу. Тот сидел на раскладном стуле и курил трубку.

Хелмсон держал в руке латунный цилиндр. Его медь была старой и потускневшей, и выглядел он так, словно ему было много веков. Не говоря ни слова, Хелмсон начал откручивать крышку. Фицпейджел выпрямился и вынул трубку изо рта. Он знал, что Хелмсон собирается открыть ему что-то очень значимое.

Американец осторожно и медленно вытащил несколько свернутых листов пергамента из цилиндра. Он сказал:

— Я позволю тебе увидеть это через минуту. Будьте осторожнее. Сначала я расскажу тебе одну историю. Это странная история, и ты можишь в нее не верить. Но это правда. И покажу вам, почему мы пойдем на юг, вниз по реке.

— Это как-то связано с тем, почему ты смог так точно выслеживать Тарзана? До недавнего времени.

— Нет, — сказал Хелмсон. — Но то, что я собираюсь рассказать, так же странно, как и то, что я мог бы рассказать вам о моем... локаторе. И это принесет нам огромное состояние.

Он рассказал Фицпейджелу все, что знал об испанце, о рукописи и карте. Ирландец слушал без комментариев, пока Хелмсон не закончил.

Затем он сказал:

— Я могу читать по-испански достаточно хорошо, чтобы понять суть рассказа Мартильо, даже если он написан на языке 1500-х годов. Дай мне рукопись и карту. Я буду очень осторожен с этими раритетами.

Закончив знакомиться с рукописью и картой, он вернул их Хелмсону.

— Очень интригующе. Но где доказательство правдивости Мартильо? У тебя есть образцы золота? Есть ли повод верить повествованию и карте? Откуда я знаю, что это не все фантазии испанца? Может, у него был лихорадочный бред? Город, созданный Богом! Великая Матерь Змей! Голос лягушки-призрака! Держатель времени! Беспричинный причинник! Что все это значит?

— Я не знаю, — спокойно ответил Хелмсон. — Но я собираюсь выяснить, даже если мне придется сделать это в одиночку. Однако я признаю золото, когда вижу его. Теперь я скажу, почему я думаю, что в этой истории есть доля правды, и почему я думаю, что эта доля велика... Несколько лет назад в таверне в Найроби я встретил старого белого торговца. Его звали Хорн. Среди баек, которые он рассказал, была одна... Он видел, издалека, эту гору, на которой было гигантское изображение красной змеи. Этот старик сказал, что туземцы назвали ее Великой Матерью Змей... Как только его носильщики увидели гору, они остановились. Они отказались продолжать путь. Так как экспедиции не хватало запасов и она застряла далеко от цели, Хорн повернул обратно на север. Он хотел когда-нибудь вернуться на гору с другой экспедицией. Но так и не сделал этого.

Фицпейджел снова зажег трубку и выпустил несколько облаков дыма. Затянувшись еще раз, он сказал:

— Откуда мне знать, что ты не придумываешь это на ходу?

Хелмсон, раскрасневшись, закричал:

— Обойдусь без тебя! Забудь об этом! Я пойду туда один, и будь ты проклят!

Эта вспышка, казалось, убедила Фицпейджела. Задав Хелмсону несколько вопросов о том, что он планирует сделать, Фицпейджел сообщил, что пойдет с ним. Возможно, что-то было в истории испанца. Разумеется, однако, если

они найдут золото, он и Хелмсон разделят его или любую другую добычу.

ВОТ И ВЫШЛО, что через несколько дней они подошли к излучине очень широкой реки. И там обнаружилась лодка Тарзана — Тарзана, поймав которого Хелмсон мог претендовать на небольшое состояние. С Тарзаном было двое: Рэхб, одно из двух последних существ, называвших себя *шонг*; Рэхб, который со своей женой и будущим ребенком будет явлен удивленному миру... Он, его жена и сын когда-нибудь принесут Хелмсону великое богатство и славу... И черный человек, которого Хелмсон не знал.

Крик Хелмсона был не удивленным криком узнавания. Это была радость, это был экстаз.

Но сейчас... сейчас! Хелмсон выругался, помянув большое количество родственников Тарзана по материнской линии. Тарзан и Рэхб снова ускользнули от него. И Хелмсон не сомневался, что эти двое скоро исчезнут в лесу. Кроме того, под ногами путался проклятый ирландец. Он требовал от Хелмсона рассказать ему, что это за медведь с Тарзаном. Без сомнения, он уже с подозрением относился к Рэхбу. Он, вероятно, догадывался, что неизвестное существо как-то связано со странной способностью Хелмсона отслеживать перемещения Тарзана. И он, вероятно, уже догадался, что Хелмсон потерял контроль над существом. Но у Хелмсона не было времени что-либо объяснить ирландцу.

После того, как лодки вытащил на мелководье, Хелмсон приказал дюжине носильщиков и нескольким *аскари* охранять их. Тем временем он и Фицпейджел повели остальную часть отряда сквозь заросли берега реки в тропический лес. Тарзан и компания оставили отчетливые следы.

Но у подножия огромного дерева, в нескольких сотнях ярдов, следы исчезали. Хотя следопыты усердно прочесывали лес постоянно расширяющимися кругами от основания дерева, они не нашли никаких признаков беглецов.

Хелмсон и не ожидал, что они найдут следы. Он был уверен, что человек-обезьяна и его спутники стремились как можно быстрее добраться до деревьев и уйти верхним пу-

тем. После получаса безумных поисков, он дал следопытам отбой. А потом он услышал, далеко, выстрелы. Он понятия не имел, кто стрелял или в кого стреляли. Но существовал очень маленький шанс, что Тарзан был замешан в этом деле. Так что Хелмсон не мог игнорировать далекие выстелы. Он дал приказ идти на звук. Когда его отряд приблизился к месту перестрелки, они замедлили темп. Теперь двое белых изучали незнакомцев из-за дерева. Хелмсон вскоре обнаружил, что все эти люди были чернокожими. Некоторые носили потрепанные европейские брюки или жилетки; один — старинную шляпу-цилиндр, напоминавшую фабричную трубу. Их винтовки были «Мартини» 1870 года выпуска — типичное наследие эпохи меновой торговли.

Хелмсон спросил Ракали, знает ли он, из какого племени эти люди. Ракали сказал:

— Нет.

Он указал вверх и вправо.

— Там! Тарзан!

Хелмсон заметил отблеск белой кожи среди листвы. Затем он кратко увидел силуэт медведеподобной фигуры. Он обернулся, чтобы приказать своим людям — и Фицпейджелу — стрелять в черных, но так, чтобы быть уверенным, что они не убьют белого человека и *шонга*.

В то время как двое белых открыли винтовочный огонь, *аскари* и следопыты использовали копья и ножи. Они убили всех, кто находился на земле, а затем начали расчленять трупы.

Через несколько минут они бросились назад. По крайней мере половина из них были мертвы от яда с наконечников дротиков и крошечных стрел. Беспощадные голые карлики, размалеванные разноцветными узорами, вселили в чернокожих Хелмсона панический ужас.

Переведя дыхание, Хелмсон разразился многоэтажной бранью.

— Нет, бро! Нам, на самом деле, повезло! Мы вышли сухими из воды, с неповрежденными шкурами! Что еще мы можем желать, учитывая обстоятельства? Хотя основной вопрос заключается в том, что нам делать дальше? — отозвался Фицпейджел.

— Я не собираюсь сдаваться! — заявил Хелмсон. Он впился взглядом в ирландца. — Хорошо! Давай разгрузим лодки! Тогда посмотрим, сколько у нас осталось людей! Мы загрузим носильщиков только самым необходимым! Вещи, без которых мы просто не сможем выжить! А потом!..

После долгого молчания ирландец спросил:

— А что потом?

— Мы вернемся туда, откуда убежали, как подлые трусы! И мы найдем Грейстока! Выследим!

— Не думаю, что мы были трусами, — холодно ответил Фицпейджел. — Как сказал сам Байрон: «Благоразумие — лучшая часть доблести». Тем не менее я до сих пор не получил от вас объяснения того, что такое этот чертов зверь, похожий на допотопного человека. Мне кажется, человек-обезьяна общается с Тарзаном. Я настаиваю, чтобы ты меня просветил. Меня интересует собственная безопасность и защита. Этот дьявол выглядел очень опасно. Так что же это было за существо?

— Не знаю! — прорычал Хелмсон.

Это прозвучало не убедительно даже для него самого.

Ирландец выглядел сердитым. Хелмсон подумал: «Что ирландец может с этим поделать? Он, конечно, не может сообщить о своих подозрениях Главной Шишке, кем бы тот ни был. На самом деле, мы не пошлем отчета еще долго... если вообще когда-нибудь пошлем».

БЕВАН ЖДАЛ, ПОКА его работодатель не закончит читать расшифрованное сообщение. На сей раз текст был намного длиннее, чем большинство депеш, что были отправлены из Африки.

Стоункрафт положил две бумажки на стол. Он не выглядел счастливым. Он откинулся на спинку офисного кресла, закрыл глаза и сложил пальцы. Его лицо выглядело спокойным.

Многолетний опыт Бевана с его боссом сказал ему, что в тихом омуте притаились крупные черти.

Беван ждал. Звуки движения на Пятой авеню доносились через закрытое окно. А потом — откуда она взялась? — жужжание мухи наполнило комнату.

Стоункрафт открыл глаза. Но он все еще ничего не сказал. Беван мысленно представил, как язык его босса выстреливает изо рта. Словно язык гигантской лягушки, он настигает в воздухе злосчастное насекомое на расстоянии в полкомнаты. Затем он обвивается вокруг мухи и триумфально возвращается в рот Стоункрафта.

Муха продолжала гудеть.

Беван подумал, что Стоункрафт — большая жирная лягушка, которая пожирает легионы мух. Он никогда не промазал мимо мухи ни в одном из своих проектов.

За исключением одной мухи — Джона Клейтона, лорда Грейстока, Тарзана-обезьяны, вождя племени *вазири*, и кто знал, сколько еще у него имен?

Будет ли он продолжать гудеть, независимо от того, какой длины язык у лягушки?

Босс наклонился вперед, его глаза открылись. Он положил локти на стол.

— Хорошо... — пробормотал он. — Я полагаю, что Африка — очень большая. — Беван ничего не сказал. — И лес Итури, если я правильно помню, имеет площадь более 24 000 квадратных миль. Довольно большое место, эквивалентное общей площади штатов Иллинойс, Айова, Миссури, Индиана с хвостиком. —Беван все еще молчал. Миллиардер посмотрел вверх. — Обычно мы полагаемся на заключения экспертов. Но вчера вечером у меня было немного свободного времени — моя жена отправилась на какую-то благотворительную акцию или что-то типа того — и я немного порылся в своей библиотеке.

Беван учтиво поддержал босса:

— Да, и что, сэр?

— Вы понимаете, что 24 000 квадратных миль или более — это только поверхность земли? Но в тропическом лесу, как бы есть средний этаж. И есть как бы верхний. То есть средний этаж — это растительность на полпути до вершин леса. А верхний этаж — вершины деревьев. — Он снова откинулся назад и закрыл глаза, словно пытаясь визуализировать весь тропический лес. — Таким образом, есть три уровня, состоящие из различных растений, животных, насекомых и птиц, каждый из этих уровней составляет приблизительно 29 000 квадратных миль. Что, Беван, составляет площадь?..

Не задумываясь, Беван доложил:

— Площадь около 87 000 квадратных миль, сэр.

— Если я не ошибаюсь, а я никогда не ошибаюсь, — продолжал его работодатель, — человек, которого я хочу заполучить, находится где-то посреди всей этой трехуровневой территории. Хелмсон и Фицпейджел... Они нашли местность, куда, по-видимому, отправился искомый экземпляр. Сильное землетрясение разорило эту область. И затем след оборвался...

— Да, сэр. Оборвался.

— Теперь мы не знаем, убило ли их всех землетрясение, то есть Тарзана и людей, которых я послал, чтобы найти его. Или они были унесены подземной рекой, которую выплеснуло на поверхность землетрясением. Живы ли они? Если они живы, где они? Мы не знаем, ушли ли они на север. Или находятся ли они где-то на юге. Или даже находятся ли они в Итури. Или они там, где и все мертвецы .

— Мы не знаем, сэр.

Стоункрафт открыл глаза и пристально посмотрел на Бевана.

— Каков ответ? Как мы решаем эту проблему?

Секретарь не колебался.

— Я не знаю, сэр. В прошлом у меня обычно были хорошие ответы для вас. Когда я не знал, вы сами отвечали на свои вопросы. Теперь...

Стоункрафт продолжал:

— Единственное, что приходит мне в голову — отправить еще одну экспедицию, чтобы найти пропавших. Но это очень неэффективный и дорогой способ. И это может занять годы. Я не против расходов. Ну, на самом деле, я против. Но я готов потерять половину своего состояния или даже больше, чтобы найти этого человека. Но время? У меня может не хватить времени. Люди умирают, Беван. Хотя я самый богатый человек в мире, я тоже человек. Поэтому я умру. Просто я не могу сказать, сколько мне осталось. Только Он, Кого не поминают всуе, знает.

Возможно, в пятидесятый раз Беван задумался, почему Стоункрафт так отчаянно хотел захватить Грейстока.

«Когда-нибудь, — подумал он, — старый болван проговорится. И тогда я узнаю. Пока я могу только ждать. Но если

я узнаю... что бы это ни было, я извлеку из этого пользу для себя!»

ГЛАВА 20

ТАРЗАН, РЭХБ И Ваганеро мчались сломя голову через густой лес. Время от времени оглядываясь назад, Тарзан видел воинов *шелаба*. Многие карлики пустились в погоню. Другие были на верхней и средней террасах леса. Они собирались убить или по крайней мере вернуть трех беглецов.

Но беглецы все еще были впереди стаи на несколько сотен ярдов. Тем не менее *шелаба*, несмотря на их короткие ноги, двигались очень быстро. По оценкам Тарзана, в течение десяти минут, возможно раньше, охотники окажутся в пределах досягаемости духовых ружей и стрел.

Мгновение спустя трое беглецов, в царапинах и ссадинах, прорвались через барьер. Они очутиись на краю бескрайних, коричневых, грязных и вонючих вод потопа. Тяжело дыша, они оглянулись. Рэхб первым увидел долбленую лодку, наполовину спрятанную за кустами и залитую грязью. Крича и указывая рукой, он кинулся к суденышку. Остальные последовали за ним. Но Тарзан остановился, чтобы вытащить весло из грязи.

Лодку длиной в семь футов пришлось стаскивать к воде. Человек-обезьяна огляделся, чтобы найти второе весло. Его не было. И искать его было некогда.

Рэхб забрался на корму лодки. Он держал весло. Остальные быстро перебрались в утлую скорлупку. Рэхб использовал конец весла, чтобы вытолкнуть лодку на стремину.

В то же время несколько кустов зашевелилось. И то, что казалось длинными бревнами в траве на другом берегу, начало двигаться. Через несколько секунд они были в реке.

Крокодил — *гимла*, был тут как тут — еще одна опасность, угрожающая путникам. Но *гимла* были бы так же счастливы съесть воинов шелаба, как и тех, кого преследовали.

Тарзан уже собирался приказать Рэхбу плыть по реке. Но воины *шелаба* были слишком близко к ним. И если идти против течения, это замедлит лодку. Ничего не оставалось

делать, кроме как грести вниз по течению. Однако Рэхб и сам верно оценил ситуацию.

Кроме того, он направлялся к противоположному берегу, чтобы отвести лодку как можно дальше от дротиков и стрел.

Тарзан боялся, что Рэхб может причалить лодку на противоположном берегу, чтобы они могли продолжить свой путь на суше. Он использовал то, что знал о языке Рэхба, а также использовал жесты, чтобы сообщить: «Нет! Мы идем вниз по реке! Мы пытаемся обойти их!»

Это было единственным шансом на спасение. Бегство по земле или даже по ветвям леса было бы дорогой прямо в лапы карликов *шелаба*!

Рэхб понял Тарзана. Или, возможно, пришел к тому же выводу, что и Тарзан. Он направил лодку к середине реки и повернул на юг.

Между тем, по крайней мере несколько десятков *шелаба* высыпали на берег. Они заскользили по густой растительности вдоль разлива. Время от времени они останавливались, чтобы стрелять стрелами или дротиками в людей в лодке. Суденышко было по крайней мере в шестидесяти футах от стрелков. Несколько дротиков и стрел прошли вплотную к своим целям. Большинство, однако, не долетали.

Рэхб взбивал веслом воду с силой гориллы. Лодка неслась над водой. Затем внезапно сзади появились две маленькие лодки, в каждой из которых сидело по четыре гребца. Очевидно, у *шелаба* имелись лодки, спрятанные вдоль реки. Казалось, они скользят, как стрекозы, по мутной воде. Тарзан подсчитал, что они догонят его лодку в течение двадцати минут. Возможно, дольше. У преследователей было относительно дальнобойное оружие. Например, метательные копья. У Тарзана и его спутников были духовые ружья из бамбука, дротики, крошечные луки и стрелы и маленькие кремневые ножи, которые они украли.

Воины на берегу, похоже, отстали. И единственные, с кем Тарзану и его спутникам придется иметь дело, будут восемь *шелаба* в двух лодчонках.

Тарзан ждал, пока его лодка не свернула в ленивый изгиб реки. *Шелаба* теперь не было видно. Человек-обезьяна быстро заговорил с Рэхбом и Ваганеро на их языках. Он сделал

жест Рэхбу, чтобы убедиться, что тот все понял. Рэхб причалил к берегу. Человек-обезьяна вышел и начал взбираться на дерево, склонившееся над водой. Ваганеро и Раб вытащили лодку на сушу. Они оставили ее так, чтобы преследователи могли ее легко увидеть. Затем они спрятались в листве неподалеку.

Шелаба прекратили грести, когда увидели брошенную лодку. К тому времени Тарзан уже улегся на большой ветви в двенадцати футах над водой. Листья и лианы спрятали его. Точнее, он надеялся, что спрятали.

Появились воины *шелаба*. Они были осторожны. Возможно, они боялись ловушки. Если так, то они все-таки попали в нее. Прежде чем они вышли на мелководье, большое белое тело упало с ветки над головой на лодку сзади. Это был Тарзан, приземлившийся в лодке на обе ноги. Непосредственно перед тем, как нанести удар, он закричал, чтобы усилить удивление и растерянность.

Когда он упал между двумя гребцами, он ударил ножом. Очень острый край перерезал яремную вену одного. А когда он перебрался через борт опрокидывающейся лодки, ударил кулаком по шее другого воина *шелаба*.

Затем он был в воде. Как и двое выживших. Суденышко карликов перевернулось и теперь уплыло вместе с веслами, которые уронили маленькие люди. Тарзан с кремневым ножом между зубами вынырнул из воды. Он выхватил весло из рук *шелаба* в другой лодке и опустил на голову противника, барахтающегося в воде. Быстро, он снова оказался под темной поверхностью. Он увидел двух *шелаба*, которые встали в оставшейся лодке, чтобы стрелять в него дротиками.

Поскольку он не мог видеть сквозь мутную воду, он должен был угадать, где находится вторая лодка. Она оказалась именно там, где он надеялся. Тарзан вынырнул рядом с серединой лодки. Он схватился за борт. Но вместо того, чтобы попытаться перевернуть долбленку, он схватился за борт обеими руками. И тут же оказался в лодке.

Все, кроме одного из *шелаба*, оказались за бортом. Один цеплялся за борт лодки. Он умер сразу.

К тому времени Рэхб и Ваганеро вынырнули из зарослей, как чертик из коробочки. Они пробрались на мелководье. Их

длинные ноги и руки давали им преимущество перед карликами-*шелаба*. Трое из крошечных воинов все еще пытались добраться до отмели, где они могли встать на ноги. Это длилось недолго.

Другие выжившие уплыли к противоположному берегу. Тарзан отпустил их. Когда их соплеменники на земле догонят их, они услышат рассказ о том, как их авангард попал в засаду. Это может отпугнуть преследователей... Эти двое, однако, не смогли ни с кем поговорить о своем несчастье. Прежде чем они добрались до берега, они исчезли, оставив только водоворот на поверхности. Тарзан видел крокодилов незадолго до того, как те нырнули, чтобы захватить свою добычу.

Теперь другие гигантские рептилии, привлеченные запахом крови, были в реке и направились к месту битвы.

Не собираясь задерживаться, человек-обезьяна спустил большую лодку в реку. Теперь у каждого было по веслу, хотя новые весла были меньше, чем те, к которым они привыкли.

Тарзан планировал проплыть по реке примерно десять миль. К тому времени *шелаба* должны были сильно отстать. Тогда лодку можно будет спрятать в кустах, и все трое могли отправиться на север по суше...

Прежде чем Тарзан проплыл милю по извилистому руслу, он услышал выстрелы. Стреляли вверх по течению и, казалось, довольно близко.

Он тихо сказал:

— Мон дьё!

Тарзан не имел привычки ругаться. У великих обезьян, среди которых он был воспитан, не было ругательств, богохульства или мата. Когда они были расстроены, рассержены или напуганы, они кричали или ревели. Тем не менее человек-обезьяна слышал много ругательств, когда был среди французов, первых людей, с которыми он имел широкий контакт. Но он не перенял привычку. Он также не сумел приучить себя к мату и на английском.

Его французский возглас изумления примерно соответствовал боцманскому загибу «цивилизованного» джентльмена.

Он решил, что, скорее всего, стреляют Хелмсон и его люди. Члены другой группы с огнестрельным оружием,

черные, которые стреляли в него, а также Рэхба и Ваганеро, были мертвы, но они могли оказаться частью большого отряда. Этот вариант нельзя было также сбрасывать со счетов.

Учитывая нынешнюю многолюдность в этих местах, вполне возможно, что третья и совершенно неизвестная партия стрелков могла оказаться здесь, подумал Тарзан с отвращением. Что он должен сделать? Решение пришло быстро. Кем бы ни были незнакомцы, они не позволили бы *шелаба* продолжать преследование. Итак, это было лучшее время, чтобы выбраться на берег и углубиться в лес.

Он жестом указал остальным грести к берегу.

Секунду спустя он сказал:

— Зут! — А потом: — Путан!

Эти два ругательства, сказанные по-французски, были бы сильнее в своих английских эквивалентах. Но Тарзан даже не осознавал, что произнес их.

Прямо перед ним слева появились три человека. Затем, один за другим, другие вышли из джунглей. Всего десять. Это были высокие темнокожие мужчины, одетые, как он предполагал, в военные регалии и окрашенные символами боевого пути. У всех были ожерелья, состоящие из человеческих черепов без челюстей. Увидя Тарзана и остальных, они закричали то, что было, очевидно, угрозами. Они потрясали своими длинными копьями с каменными наконечниками.

Ваганеро застонал. Тарзан спросил:

— Кто они?

— Это *крейнджи*, племя, которое живет возле Голоса Призрачной Лягушки, — обяснил арфист. — Они, должно быть ,ловят рабов. Это единственная причина, по которой они покидают свою землю. Однако большинство рабов, которых они довят, они передают по реке людям, которые живут в Городе, созданным Богом, и...

Тарзан видел, как *крейнджи* вытащили лодки из-за кустов.

— Всем грести! Быстро, как можете! — скомандовал он.

Тарзан осознал, что придется продолжать путешествие на юг. Больше он ничего не мог сделать, хотя это означало, что он будет еще дальше от Джейн.

И он скоро будет в земле *крейнджи*. Там, если рукопись Мартильо была верна, несчастных, которые слышали «голос призрачной лягушки», всегда съедали. Но Мартильо не описал саму «призрачную лягушку».

За этой землей лежал Город, сотворенный Богом, и другие загадочные и зловещие вещи и существа, описанные испанцем. «Более чем мертвые», «темное сердце времени», Рафмана, «держатель времени» и это загадочное существо со зловещим названием «беспричинный причинник», также именуемый «нежелательный даритель нежеланного».

ГЛАВА 21

СНОВА *МИТА*-ДОЖДЬ и *панд*-гром примчались с запада неожиданно рано. Солнце до того, как его внезапно скрыли облака, было всего в нескольких градусах от зенита. Эта странная земля уже приучила Тарзана к неожиданностям.

Животы Тарзана и его товарищей недовольно урчали. Трое искателей приключений ослабели из-за нехватки еды и отдыха. Человек-обезьяна терял силу быстрее других из-за потери крови, особенно из-за раны на подбородке.

Незадолго до того, как начался дождь, *крэйнджи* гнались за ними на двух лодках по пять человек и были в полумиле позади них. Сумрак и ярость ливня скрыли их от взгляда.

Тарзан сразу же приказал направиться к правому берегу. Там они смогли скрыть лодку и смогли спрятаться сами, чтобы выждать, пока их враги не проскочат мимо. Но все менялось слишком быстро.

Коричневая река внезапно стала синей. Это был густой темно-синий ядовитый цвет. Когда это произошло, Ваганеро взвыл от страха.

— Это река цвета смерти! Мы скоро окажемся в болоте, где слышен Голос Призрачной Лягушки! Мы обречены!

Тарзан предположил, что на дне русла камни, содержащие пигмент, вымываемый течением. Казалось, это единственное разумное объяснение, которое он мог придумать. В любом случае он не собирался спорить с арфистом.

Река внезапно сузилась. Лодка сразу набрала скорость. Берега, которые были всего на несколько дюймов выше поверхности воды, теперь поднялись над водой на два фута. И тогда река, казалось, вскипела. Берега вздыбились вверх. День стал темнее. Река буквально кипела вокруг. Лодка качалась. Нос ее опустился, затем наклонился, затем снова опустился.

Русло стало еще уже. Хотя было темно, Тарзан мог видеть оба берега. Они были всего в двадцати футах друг от друга и были скалистыми, вздымались в небеса, скрываясь в яростном мраке дождя. Вода начала заполнять лодку. Частично это был дождь. Частично — поток, перекатывающийся через борт.

Тарзан прокричал сквозь сокрушительный ливень, рев реки, раскаты грома и вспышки молний. Он приказал черпать воду руками.

Он не знал, слышали ли его спутники. Это уже не имело значения. Дождь рушился на них с выступов скал, образуя водопады. Лодку было уже не спасти. Тарзан обернулся. Он не видел Ваганеро, хотя арфист находился всего в нескольких футах у него за спиной.

В этот момент единственной утешительной мыслью стало то, что лодки позади него находятся в такой же опасной ситуации, как и его суденышко.

Если, конечно, преследователи не сошли на берег, прежде чем попасть в этот опасный проход. Они знали эту местность. Казалось вероятным, что они поднимутся на холмы вдоль реки. Затем они вышли бы с другой стороны...

Но они не будут ждать беглецов там, где река покинет эту узкую, заполненную скалами расселину. Они не могли подняться на скалы достаточно быстро, чтобы обогнать лодку. Река была похожа на струю воды под сильным давлением, вытекающую из пожарного рукава. Она несла лодку с такой скоростью, что ее пассажиры не могли ничего поделать.

Эта мысль, однако, не радовала Тарзана. Сейчас преследователи были не важны. Камни, среди которых проносилась его лодка, были его единственной заботой. Если лодка ударится об один из них, она перевернется и, вероятно, будет разбита.

Менее чем через двадцать секунд лодка внезапно вырвалась на спокойную воду из узкого канала. Но где они оказались?

Тарзан повернул голову и закричал так громко, как мог. Ваганеро наклонился вперед и хлопнул по плечу человека-обезьяны.

— Что ты сказал? — прокричал он.

— Передай Рэхбу, чтобы он снова начинал грести! Мы все еще в бурных водах! В любом случае я дам тебе указания, как изменить наш курс!

Мгновение спустя Тарзан увидел правый берег. Как и прежде, Тарзан увидел размытые дождем фигуры высоких мужчин, приближающихся к воде.

Это были *крейнджи.* Но Тарзан не знал, были ли они преследователями, которые каким-то образом прошли через скалы, или новыми противниками. В любом случае нужно было немедленно бежать, что они и сделали, по приказу Тарзана.

Дождь шел долго. Несколько часов спустя он все еще лил так же сильно, как и когда начался. Гром и молния, однако, стихли. К тому времени даже сила медведечеловека была на исходе. Тарзан приказал вытащить лодку на берег.

Речные воды перестали бурлить. Они казались гладкими, за исключением ряби, вызванной каплями дождя.

Ваганеро сказал, что они, должно быть, в озере. Если его оценки были правильными, они были близко к большому болоту, которое вело к Голосу Призрачной Лягушки. Конечно, он никогда не бывал здесь. Он только слышал об этих краях.

Он признался, что никто из тех, с кем он говорил об этом ужасном месте, на самом деле не бывал здесь. Они передавали истории от очень немногих невольников, которые утверждали, что им посчастливилось сбежать из этого места. Они жили и умерли до рождения его прапрадедов.

— Что сказки говорят об этом Голосе Призрачной Лягушки? — спросил Тарзан.

— Говорят, что те, кто слышит Голос, умрут. Но им повезет, если они это сделают, потому что те, кто увидит саму Призрачную Лягушку, будут съедены ею. Затем они станут Более Чем Мертвыми. Они не умрут, как другие. Да, они будут страдать от сильной боли, так как кислоты в желудке

Призрачной Лягушки сжигают их, сжигают, как огонь самого сильного пожара. Их плоть и кости полностью сгорят, кроме костей души. Ничто не может сжечь их до пепла... Новое тело вырастает из костей души. Затем оно снова почти сгорит. Только кость души останется. Тогда тело снова вырастет целым. И длиться это будет вечно. Те, кого съела Призрачная Лягушка, никогда не умрут. Их мучения будут длиться до тех пор, пока мир не будет стерт с лица земли. За это время бесчисленные люди, которых съела Призрачная Лягушка, раздуют ее живот... Тем не менее говорят, что Призрачная Лягушка может быть очарована звуком арфы, когда играет великий *кагафона*, вроде меня. И утверждается, что человек, который очарует Призрачную Лягушку своей музыкой, может призвать из ее живота одного из Больше Чем Мертвых... Моя любовь была съедена Призрачной Лягушкой, и она страдала от сильной боли в животе Призрачной Лягушки. Но я буду играть на своей арфе и буду петь, и ее извергнут из живота. И...

Тарзан перебил Ваганеро.

— Если эти люди слышали Голос и были съедены, как они могли рассказать другим о своей смерти? И как ты узнал, что твоя любовь была съедена? Кто-нибудь видел, как это произошло?

Ваганеро был почти невидим в темноте и под дождем. Но его голос звучал озадаченно.

— Не знаю. Я просто рассказываю историю, как мне рассказали.

— А ты никогда не думал подвергнуть ее сомнению?

— Нет. Почему я должен делать это? — спросил Ваганеро.

Тарзан не ответил. Он уже сталкивался с этим явлением раньше в джунглях и в больших городах. Повсюду были легковерные люди и глупцы.

Какова бы ни была правда, ему придется выяснить это самому. Однако в этой легенде может таиться что-то реальное и, вероятно, опасное. Было бы лучше избегать болота, но человек-обезьяна чувствовал, что он и его товарищи не смогут этого сделать. Нравится им это или нет, но им придется идти на юг.

Только сейчас им нужно наполнить живот. И им нужно было бы найти место, где можно отсидеться и отдохнуть.

Через некоторое время Тарзан увидел тусклый свет, мерцающий вдали. Все еще шепотом, Тарзан объяснил, что собирается на разведку, и предложил, чтобы его спутники сопровождали его. Те согласились. И они поплыли на лодке к слабо различимому берегу реки.

У берега было причалено с десяток лодок. Пройдя пл берегу и спрятав собственную лодку, они оттолкнули остальные лодки в воду, позволив потоку унести их. Однако сначала Тарзан взял с одной лодки весла, лучше приспособленные к их рукам, чем крошечные весла *шелаба.* Они положили весла в свою лодку. Следуя к огню, они пришли в деревню, расположенную недалеко от берега. Они убедились, что там не было собак.

Свет исходил от умирающего костра внутри открытого сооружения с соломенной крышей. Человек, которому, очевидно, было поручено следить за костром, храпел рядом.

Через десять минут, все еще не замеченные местными жителями, трое беглецов покинули деревню. Они прихватили сплетенные из травы мешки, содержащие пшено, фрукты и кусочки копченого мяса. Путники поели в своей лодке, пока она плыла вниз по течению. Позже они снова сошли на берег и нашли мертвое дерево с дуплом, достаточно большим, чтобы вместить их всех.

Они забились туда и спали, сгрудившись, чтобы согреться. Утром дождь прекратился. Но облака не ушли. И река была еще синей, как губы Ужасного Охотника.

Мрачная местность окружала их.

Вскоре после завтрака они увидели далеко на севере лодки. Те быстро приближались. Флотилия в дюжину длинных лодок, битком набитых воинами *крейнджи.*

И снова началась погоня. Во время нее Ваганеро сообщил интересную, но на данный момент неактуальную информацию. По его словам, речные племена в других местах ели черепах. Но *крейнджи* отказался от этой еды. Они думали, что если они съедят мясо этих медленных зверей, то тоже станут медленными.

Спустя долгое время *крейнджи* сократили разрыв, теперь их разделяло всего шестьдесят футов. Затем преследователи внезапно перевернули весла.

— Почему они останавливаются? — спросил Тарзан у Ваганеро.

Арфист указал вперед. Он заговорил дрожащим голосом.

— Я не знаю. Но я подозреваю, я почти уверен, что мы входим в болото, где слышен Голос Призрачной Лягушки. Говорят, что *крейнджи* — очень смелые и жестокие воины. Но это место, куда они не пойдут.

— Значит, *крейнджи* больше не представляют опасности для нас? — спросил человек-обезьяна.

— *Крейнджи* — нет. Но ...

Погоня пересекла озеро, прошла по реке около трех миль, и снова вошла в озеро. Теперь озеро превратилось в болото, и течение внезапно прекратилось. Далеко впереди на горизонте виднелись пики гор. Верхняя часть пика Великой Матери Змей также была отчетливо видна. Ее единственный красный глаз пылал мрачным огнем.

Теперь Тарзану казалось, что изображение змея отчасти естественное, а отчасти искусственное. Конечно, давным-давно некоторые художники видели, что, покрасив определенные области горы и соединенив их к определенными областями с минеральными прожилками, можно получить полное изображение. Должно быть, это было грандиозное мероприятие, которое, вероятно, потребовало работы десятка поколений.

Согласно рукописи и карте Мартильо, именно это место, где сейчас была лодка, было конечной точкой его путешествия на юг. Он не нашел золота, которое он так фанатично искал. Местные соплеменники — по-видимому, не *крейнджи* в то время — сказали Мартильо, что за пределами болота Голоса Призрачной Лягушки было много золота. Они были уверены, что часть Города, созданного Богом, была золотой.

— Вы были там? — спросил Мартильо туземцев.

— Нет. Но некоторые из наших предков были. И они вернулись с рассказами о чудесах, — ответили те.

С другой стороны, туземцы сказали, что никто, вошедший в болото, не вернулся.

Мучимый лихорадкой и голодом, Мартильо ыл сыт Африкой по горло. Даже если бы он нашел много золота на земле за горой, у него не было бы возможности доставить золото обратно на побережье.

Однако он понял, что состояние можно заработать в качестве автора книги о чудесах. Если он сможет вернуться в Испанию, то сможет написать хронику, описывающую его приключения и чудеса, которые он видел в этой далекой и темной стране. Он мог бы заработать много денег, если бы кто-нибудь поверил его сказке, и, возможно, даже если бы ей не поверили.

Так что Мартильо развернулся и направился на север. После еще большего количества трудностей и приключений и многих опасностей, испанец закончил свое эпическое странствие в пустыне. «Там погиб великий воин», — так думал о нем Тарзан. И Тарзан триста лет спустя наткнулся на кости Мартильо. Он нашел металлический цилиндр со свернутой рукописью и картой.

«Которые, — сердито подумал Тарзан, — попали в лапы дьяволу!»

ГЛАВА 22

БЕЗ ПЯТНАДЦАТИ ДЕСЯТЬ утра Джеймс Д. Стоункрафт, находясь в своем кабинете, почувствовал себя плохо. Он побледнел, вскоре после этого его вырвало. Беван немедленно вызвал его личного врача, который находился в кабинете-чуть дальше по коридору. Беван позаботился о том, чтобы ни один приступ его босса не стал известен посторонним лицам. Если новость всплывет, это сильно повлияет на фондовый рынок.

Через час Стоункрафт был доставлен в частную больницу, одну из трех, которыми он владел. Хотя было тепло, магнат был в пальто и шляпе. Он держал носовой платок прижатым к лицу.

Позже в тот же день Беван, одетый в комбинезон, с большим круглым металлическим ведром с обедом, посетил босса. Ему пришлось пройти мимо двух охранников за столом в вестибюле и мимо двух охранников, размещенных у двери комнаты Стоункрафта, где можно было бы разместить десять пациентов. Больного окружили доктор Спрингер, две медсестры и охранник.

Стоункрафт сидел в кровати. Он не выглядел больным. Но он, похоже, волновался.

Как только Беван вошел в комнату, Стоункрафт спросил:

— Что нового из Африки?

— Мне жаль это говорить, но ничего. Как вы, сэр?

— Не берите в голову. Я вернусь в офис завтра утром. Спрингер уверяет меня, что моя главная проблема — расстройство желудка. Это вызвало симптомы, напоминающие симптомы легкого сердечного приступа, но мое сердце так же крепко, как доллар США. Он хочет, чтобы я отдохнул несколько дней, но меня не отпускает работа. Вы, конечно, не сказали моей жене и детям?

— И не скажу, если вы не прикажете, — сказал Беван, а сам подумал: «Хотя, если ты умрешь, будет слишком поздно, чтобы приказывать».

— Подойди ближе, — попросил Стоункрафт.

Беван подошел к своему работодателю, остановившись у кровати. Говоря очень тихо, что он редко делал, магнат продолжил:

— Наклонись. Слушай внимательно.

Беван быстро оглянулся. Доктор был в углу и разговаривал с медсестрами. Беван наклонился, пока его нос почти не коснулся Стоункрафта. Дыхание работодателя пахло солодкой.

— Так достаточно близко?

— Да. Теперь, Беван, мы должны что-то сделать с проектом Сома. Я очень недоволен его медлительностью и его расходами. Очень недоволен. На самом деле я несчастлив. Очень несчастен. Мы должны сделать что-нибудь, чтобы ускорить процесс, привести проект к гораздо более быстрому и удовлетворительному выводу. Я не хочу... Ах, я не скажу... Умереть до того, как это будет сделано... Но...

Его голос замолк, когда он уронил голову на подушки и закрыл глаза.

— Вы в порядке? Позвать доктора?

Стоункрафт пробормотал:

— Это погоня за диким гусем? Поиски Эльдорадо? Что, если это богохульство, нарушение Божьего Промысла, Его Плана?

Он начал что-то бормотать. Беван наклонился так близко, что его ухо почти коснулось губ магната. Но он не мог различить ничего, кроме непонятного шепота.

Беван поднялся и резко воскликнул:

— Доктор!

Стоункрафт открыл глаза. Его рука вырвалась и схватила руку Бевана.

— Нет! Я не хочу доктора! Делай, как я говорю, Беван! Это очень личный разговор, понимаешь? — Убедившись, что Спрингер отошел за пределы слышимости, Беван снова наклонился. Его сердце, казалось, собиралось выпрыгнуть из груди. Возможно, его работодатель собирался рассказать, зачем вся эта африканская операция. Бог знает, хватит ли на это времени. — Было бы смешно, если бы я сейчас умер, — сказал Стоункрафт. — Именно тогда, когда у меня есть шанс, очень хороший шанс...

Беван ждал несколько секунд. Затем спросил:

— Шанс?

— Когда-нибудь мне придется рассказать все. Я знаю, что вы умираете от любопытства. Но я не могу... только не сейчас, Беван. Сначала мы должны поймать Грейстока, потом...

Беван пытался скрыть разочарование и гнев в голосе.

— Да, сэр?

— Мы сделали все, что могли бы сделать, чтобы ускорить это. И все же... Должно быть что-то еще. Но что? Я хочу, чтобы вы очень усердно об этом подумали, Беван. Придумайте что-то, о чем мы не подумали, найдите, что мы упустили. Мы должны ускорить этот проект. Помогите сделать это быстрее...

«В Африке никто не спешит, — подумал Беван. — Никто не сможет что-то ускорить. Африка живет в своем ритме, очень медленном, но неотвратимом».

Но вслух он сказал:

— Вы имеете в виду, что мы должны заполучить этого человека из Африки?

— Да, конечно! Не притворяйся глупым, Беван!

— Извините, сэр! Но есть много серьезных вопросов, с которыми нужно разобраться. Их нельзя откладывать. Есть права Венесуэлы на нефть, есть земельный иск Шони...

Стоункрафт сжал руку Бевана с силой, удивительной для человека, который должен быть очень болен.

— Тайлер и Джонс могут справиться с этим! Я хочу, чтобы ты решил африканскую проблему! Я думал, что у меня есть время, много времени! Но я совсем не уверен, Беван! Человек — всего лишь цветок, и он обречен...

Магнат снова начал бормотать. Беван внимательно слушал. Но не услышал ничего разумного. Он выпрямился и позвал доктора.

ГЛАВА 23

МИТА-ДОЖДЬ ВНЕЗАПНО прекратился. И, как это часто бывает в тропиках, небо стало чистым в течение нескольких минут. Как будто титан смахнул облака так, как официант — крошки со скатерти.

Звезды начали мерцать. Лицо *горо*-луны было почти полным, и оно дарило свою серебристую улыбку земле. Тарзану не хотелось улыбаться. Болото казалось ужасным кулаком, раскрывающимся и сжимающимся. Оно манило, но это не был приглашающий жест. По крайней мере, Тарзан не ожидал гостеприимства.

Позади них *крейнджи* молча сгрудились в лунном свете — далекие фигуры-тени. Но Тарзан знал, что они наблюдали за беглецами. Они позаботятся о том, чтобы те не попытались пробраться мимо них назад, вверх по реке. И они, вероятно, будут пристально следить за беглецами в течение нескольких ночей и дней.

Рядом с правым берегом, в реке, большое стадо *дуро* — бегемотов, фыркало и зевало, то поднимаясь над водой, то вновь погружаясь в нее. Вскоре они подобрались к берегу голубой реки — черной в лунном свете — и начали есть наземные растения.

На отмелях у кромки паводка стояли серые цапли, такие же высокие, как человек-обезьяна. Время от времени их головы и змеиные шеи опускались. Они возвращались с рыбой в клювах. Птицы были из вида, которого Тарзан никогда раньше не встречал. Когда *куду*-солнце еще не ушло на покой,

Тарзан обратил внимание на глаза цапли в алой оправе, их тела и крылья, черные, как само зло.

Крокодилы, погрузив животы в грязь, лежали на берегу. Несколько огромных рептилий плавали в реке и в болоте. Были видны только глаза и ноздри, но иногда и части длинного серого тела или хвоста. Теперь *гимла* молчали и скрылись из виду, затаившись ночью, несмотря на яркий лунный свет.

В это время между днем и ночью совы начали летать над границей леса. Среди них была и большая черно-зеленая рыбоядная сова. В отличие от большинства сов, она не ухала. Она мяукала, как детеныш *мальскри* — золотого кота.

Черные летучие мыши, хлопая крыльями, вылетели из леса. Вместе с ночными птицами они носились в воздухе, преследуя насекомых.

Несколько гладких выдр все еще ныряли за рыбой. Но и они скоро будут искать свои дома.

Внезапно *крейнджи* запели. Тарзан не мог разобрать отдельные слова. Если бы он мог сделать это, он, вероятно, не понял бы их. Однако ему казалось, что голоса наполнены духом прощания, прощания навсегда. Любопытно, что в них не было ненависти или вражды. Они казались искренне грустными, и в то же время исполненными ужаса. Как будто в этот момент *кранджи* почувствовали, что существа, за которыми они гонялись, были людьми, а не просто добычей, которую нужно убить. А *крейнджи*... что они делали?.. Утешали тех, кто был обречен на почти немыслимо ужасную судьбу?

ВАГАНЕРО СИДЕЛ ПОЗАДИ Тарзана. Он заговорил тихим голосом.

— Было бы лучше сойти на землю, а затем попытаться прокрасться обратно вверх по реке. Что угодно предпочтительнее того, чтобы идти в воды, где Призрачная Лягушка ожидает свои жертвы.

Тарзан ответил мягко и тихо, с легкой насмешкой в голосе.

— Что случилось с твоим желанием очаровать Призрачную Лягушку музыкой твоей арфы и твоим пением, чтобы она выпустила твою любовь?

Ваганеро на мгновение молчал. Затем он громко сглотнул и заговорил.

— Ты не много говоришь. Но ты обвиняешь меня в трусости. В любом другом месте или обстоятельствах я попытался бы убить тебя за это, даже если бы ты меня обязательно убил. Но ты прав. Я боюсь! Я боюсь! Кто в здравом уме не будет в ужасе? Тем не менее, Тарзан, твои слова позорят меня. Они напоминают мне, что я не только *кагафоно*, я воин, и все мои предки были очень смелыми воинами. Поэтому я буду опираться на великую смелость всех моих предков. Я, как и они, буду смелым. Я не сбегу от страшного духа, что держит мою любовь в животе. Я освобожу ее от огня.

— Я знал, что ты так скажешь, — усмехнулся Тарзан. — Но если ты попытаешься сыграть на своей арфе и петь, ты можешь привлечь других существ — врагов, которые не боятся рисковать пробраться в это болото, или существ с аппетитами, которые, как считается, есть у Призрачной Лягушки. Нет, не играй на арфе и не пой. Или я сломаю тебе шею.

— Посмотрим, — с вызовом сказал Ваганеро.

— Я не сторонник пустых угроз, — нахмурился Тарзан.

Шум джунглей утих. Единственным звуком, когда они не разговаривали, был плеск их весел. Мертвые деревья, поднимающиеся из темных и медленно движущихся болотных вод, стали более многочисленными. Нетопыри висели огромными гроздьями на мертвых ветвях, хотя ветвей было мало. Впереди смыкалась тьма. Деревья, казалось, сгрудились вместе. Тем не менее, когда трое проплыли еще полмили, деревьев вокруг них было уже не так много. И повсюду царило разложение.

Зубы Ваганеро начали стучать. Очевидно, страх перед тем, что блуждает по миру ночью, перед существами, которые бродят в поисках крови или душ человеческих существ, наполнил сердце Ваганеро. У Тарзана не было этого страха, но он не смеялся над этим страхом, как европейцы. У европейцев были свои суеверия, хотя они обычно отличались от таковых у черных. Тарзан слышал истории о призраках и тварях из другого мира, так как понимал речь чернокожих...

Когда он решил, что их лодка ушла достаточно далеко от *крейнджи*, он обратился к своим спутникам:

— Теперь будем грести на запад. Мы будем продолжать грести, пока не приплывем к берегу.

— А потом мы пойдем на запад по суше, а затем на север, прочь из этой проклятой страны? — с надеждой спросил арфист.

— Если сможем, — ответил человек-обезьяна. — *Крейнджи*, вероятно, будут наблюдать за нами по обе стороны от реки. Они могут ожидать, что мы отступим. Тебе не нужно идти с нами, если ты действительно настроен искать Призрачную Лягушку. После того, как мы окажемся на земле, можешь взять эту лодку.

Они повернули лодку носом к западу, хотя не могли определить точное направление в этой мешанине голых деревьев и бледного, как молоко, сильно разбавленного водой полумрака. Так или иначе, они повернули в направлении под прямым углом к прежнему курсу, которым следовали до того. Этого пока было достаточно.

Тут Тарзан, который никогда не терял бдительность ни на миг, увидел гнездо. Это была огромная постройка из ветвей на вершине мертвого дерева. Что-то трепетало далеко над ними. Когда обитатель гнезда посмотрел через край на них сверху вниз, его голова оказалась вовсе не птичьей. Тарзан налег на весло. Так же, как его спутники. В птице, что не была птицей, было что-то, что заставляло убегать от нее как можно быстрее. Когда лодка была на расстоянии пятнадцати минут пути или около того от гнезда, Ваганеро заговорил.

— Наверняка это был призрачный дьявол. Говорят...

— Не рассказывай, если только это не предупредит нас о чем-то опасном, — сказал человек-обезьяна. Затем он добавил: — Остановите лодку.

Они так и сделали. Все молчали. Тарзан слушал ночь. Через несколько минут он первым нарушил тишину.

— Я вылезу из лодки, переберусь
на этот пень.

Он указал на черный обломок, уродливый остаток дерева. Тот торчал на фут над поверхностью вод.

Другие не задавали Тарзану вопросов, хотя, должно быть, им было очень любопытно. Но когда он выскользнул из лодки и поднялся на зазубренную вершину пня, Ваганеро заговорил.

— Зачем?..

— Суну голову в воду, — пояснил Тарзан. — Если вы увидите что-то, о чем меня должны предупредить, взбаламутьте воду ладонью.

Прежде чем они успели что-то спросить, он уже сунул голову в болото.

Он впервые сделал это, когда был ребенком, возможно, в девять или десять лет. Тогда он находился на берегу ручья, играя с Таугом — *мангани* размером с Тарзана. Тот не обладал равным с Тарзаном интеллектом или любопытством.

Тарзан велел Таугу присматривать за его спиной, когда он сунул голову в воду. Тауг должен был предупредить его, увидев ли *шиту* — леопарда, или любую другую опасность.

Затем молодой человек-обезьяна заглянул в другой мир. Это был очень странный мир. Он не мог видеть далеко, но то, что он видел, было несколько размыто. Хуже всего было то, что он не чувствовал запаха. Лишенный этого чувства, он был лишь наполовину Тарзаном. Но звуки которые он слышал, это были звуки, которые он не слышал в воздухе. Позже, после того, как он много раз погружал уши в ручьи, лужи и реки, он узнал, что он слышал. Впервые, однако, он совсем не был уверен в том, что услышал.

Теперь, в тихих водах болота, он слышал пронизывающий звук *писы* — рыбы, который она издает при плавании. *Писа*, казалось, удалялась от лодки. Тарзан также услышал щелчки когтей множества ракообразных. Обычно это было размеренным щелканьем. Но теперь щелкающий шум внушал волнение, тревогу.

Тарзан также мог чувствовать различное давление, создаваемое в воде обитателями разных размеров. Чем крупнее рыба, змея, крокодил или плавающие животные, тем больше давление, тем громче шум.

Он поднял голову, выдохнул грязный воздух, глубоко вдохнул и снова опустил голову. Теперь он смог определить, как звучит дюжина его старых врагов, крокодилов — *гимла*. Не только давление, которое их тела оказывали вытесняющими объемами воды, но и звуки исходившие из их живота, сообщали ему о природе и количестве рептилий. Эти звуки, как он знал, были средством общения, используемым *гим-*

лой. По их быстрым повторениям и высоте звука он мог сказать, что они тоже взволнованы.

И они, и рыба, и крабы, и раки были встревожены.

Тарзан также услышал очень слабый, но узнаваемый грохот, несколько живых голосов *кута*-черепахи. Эти тоже советовали бежать.

Что бы ни приближалось, оно пугало все живое в непосредственной близости от болота. Это было нечто большое, очень большое, и двигалось оно быстро. Тарзан поднял голову. Прежде чем успеть вдохнуть, он уже был в лодке.

— Что-то идет сюда, что-то, на что мы должны обратить внимание!

— Что делаем? — спросил Ваганеро.

— Поплывем вперед. На данный момент мы ничего не можем сделать.

Еще через несколько миль на пути к желанному западному берегу, они были вынуждены остановиться. Перед ними, поднимаясь из-под воды, выросла стена из черных колючих растений. Их листья были многочисленными, блестящими, ядовитыми на вид и мясистыми. Сами кусты высились не менее чем на двадцать футов. Они простирались горизонтально, от горизонта до горизонта.

Кусты украшали несколько фруктов. Они были оранжевые, оранжевые и черные.

Увидев их, Рэхб был взволнован. Он заговорил быстро, но не громко. Наконец Тарзан понял его. Рэхб хотел, чтобы лодку подвели ближе, чтобы он мог высунуться и собрать фрукты.

Человек-обезьяна согласился сделать это, так как в этот момент казалось, что больше делать нечего. Существо с черной шерстью сорвало две дюжины фруктов и быстро съело их.

Тарзану удалось спросить его о них на родном языке Рэхба. После нескольких попыток Рэхб исправил речь Тарзана. Человек-обезьяна повторил свой вопрос.

— Я могу их съесть, — сказал Рэхб. — Но они не безопасны для тебя. Они отрава для *слиешинтуш.*

— *Слиешинтуш*? — спросил Тарзан. Через несколько секунд он разразился громким смехом. Теперь он понял это

слово. Свободно переведенное на английский, оно означало «вонючие люди». Для Тарзана и Ваганеро Рэхб очень сильно вонял. Но, по словам Рэхба, запах человеческих существ оскорблял его ноздри.

Какое-то время лодка двигалась вдоль стены кустов. Казалось, она идет на юг, хотя Тарзан предпочел бы противоположное направление. Он надеялся, что густой частокол растений не будет бесконечным, и они скоро упрутся в берег. Но барьер казался бесконечным.

— Нравится нам это или нет, — подытожил Тарзан, — придется спать в лодке. Мы слишком устали и голодны, чтобы продолжать. Но... я думаю, лучше, чтобы хотя бы один из нас нес вахту.

Он замолчал. Как и остальные. Единственным звуком теперь был звон в ушах. Они могли быть на дне глубокой пещеры. Затем Ваганеро прошептал:

— Вы не заметили что-то странное?

Тарзан напрягся, чтобы услышать. Как мог этот человек услышать то, чего он не слышал? Ни один человек не имел таких чувств, как он.

— Запах, — прошептал Ваганеро.

Человек-обезьяна фыркнул. Он мог чувствовать только запах разлагающихся растений, плавающих в воде, и мха, свисающего с мертвых веток. Огорченный, он спросил:

— Что?

— Не сам запах, — заметил арфист. — А то, что тут нет запаха!

Тарзан снова принюхался. Только теперь он понял, к чему ведет арфист. Рэхб потерял свой отвратительный запах.

— Не пахнет! — удивился Тарзан.

Он обернулся и медленно заговорил с медведем.

Рэхб ответил:

— Это *харсканен.* Что я ел с кустов. Если я ем их, я не так плохо пахну для других. Кроме того, у меня больше успех в охоте.

— Ты родился и вырос в этих краях?

— К западу отсюда. Далеко от болота.

— Ты ел *харсканен,* — продолжал Тарзан. — Растет ли здесь пища, которая не ядовита для нас? Мы очень голодны.

У Рэхба не было времени ответить Тарзану.

Громогласное кваканье, как злой ветер, прозвучало над деревьями и водами. Оно было недостаточно громким, чтобы оглушить их. Но поразило беглецов.

Последовало три секунды тишины. Затем в болоте вновь проревела лягушка — только лягушка эта ревела громче трех слонов! Теперь Тарзан мог различить другой звук, сопровождающий карканье. Это казалось частью звука, своего рода подводным течением. Это было звучание голосов, многих голосов, человеческих голосов. Казалось, как будто множество людей причитали, плакали и стенали.

Арфист не кричал. Но он сказал слишком громко одно слово. Это могло быть имя какого-то божества, могущественного духа или героического предка.

Тарзан тут же приказал всем:

— Тихо!

Хотя он не верил в Призрачную Лягушку, он должен был признать, что кваканье звучало так, как будто оно исходило от лягушки. Однако эта амфибия должна была быть намного больше, чем все, что он когда-либо видел. И если такое существо существовало, что оно ело? Его аппетит был бы потрясающим. Следовательно, его добыча будет большой. Тарзан был уверен, что не так уж много людей рискнули проникнуть в эти воды. Что жило здесь в достаточном количестве, чтобы прокормить этого левиафана, этого бегемота, если это действительно было так?

Нарушая собственное повеление молчать, Тарзан шепотом обратился к Рэхбу. Он недостаточно знал язык *шонг*, чтобы четко сформулировать свой вопрос. Но он пытался.

— Вы пришли из этой области, если не из этой страны. Что такое Голос Призрачной Лягушки?

— Я тебя не понимаю, — ответил тот.

Увы.

Кваканье продолжилось. Через некоторое время оно, казалось, стало громче. Из всех жутких чувств, которые испытал Тарзан, а их было много, впечатление, вызванное этим голосом, было самым жутким. Тарзан подумал, что это явление следует называть Призрачным Голосом Лягушки, а не Голосом Призрачной Лягушки.

Тарзан сказал остальным, что они должны быть готовы защищаться. Сначала они должны использовать отравленные дротики и стрелы. Но ему казалось вероятным, хотя он и не сказал этого вслух, что яд не поможет. Действительно, кожа такого большого зверя или чего-то еще, вероятно, была настолько толстой, что стрелы и дротики не пробили бы ее.

Некоторое время он и его спутники сидели и ждали. Теперь кваканье стало оглушительным.

Тарзан огляделся. Затем он увидел, как Ваганеро внезапно схватил свой кожаный чехол. Он начал его открывать.

Тарзан обернулся. Он вырвал чехол из рук Ваганеро и бросил его ему в голову. Хотя Рэхб, должно быть, был застигнут врасплох, он оймал инструмент негра одной рукой. Затем он положил его позади себя на дно лодки.

Тарзан провел пальцем по горлу. Арфист кивнул. Он понял. Пришла волна и слегка приподняла лодку. За ней последовало больше волн, каждая из которых была выше предыдущей.

— Мы умрем! Или мы будем проглочены и останемся в огне в его животе навсегда. Даже Больше. Чем Мертвые так не страдают, как будем мы! — причитал арфист.

Тарзан ничего не сказал. Он сделает то, что должен был сделать. Он может пострадать от огня, но это будут пищеварительные соки огромного живота существа. И он не будет страдать долго. Тарзан не верил в призраков.

Тогда он подумал о Джейн. Что будет с ней, если он не смог ее найти?

Если он потерпит неудачу, случится то, что случится. У него не было времени на уныние.

Кваканье, что гремело над болотом, оглушало его. Лодка поднялась на высокую волну еще раз.

Тарзан хотел закричать, бросить вызов чудовищу. Но он знал, что это будет глупо. Возможно, лягушка просто проплывала мимо. Может быть, не подозревая, что три вкусных кусочка еды сидели рядом.

Затем человек-медведь закричал .

ГЛАВА 24

ЧТО-ТО НЕВИДИМОЕ ОБРУШИЛОСЬ на левый борт. На мгновение лодка стала под прямым углом, вертикально к поверхности воды. Тарзан упал в вонючую воду.

Тарзан погрузился глубже, чем предполагал, так как болота обычно были очень мелкими. Но наводнение, вызванное землетрясением, подняло уровень воды. В этот момент дно было как минимум на семь футов ниже поверхности. Он почувствовал на руках мокрую грязь дна, а затем развернулся и рванулся вверх.

Когда он вынырнул на поверхность, он услышал громкий плеск, звук гигантского цепа, молотящего воду. Он сделал несколько гребков. Затем кончики его пальцев коснулись лодки. Суденышко все еще качалось, хотя и меньше. *Бен-гоутор* и арфист, судя по бултханью, молча барахтались рядом в воде.

С другой стороны, Тарзан понял, что эти всплески могут иметь зловещее значение.

Внезапно шумы прекратились. В то же время рука Тарзана сомкнулась на чем-то еще, плавающем на поверхности. Он нащупал что-то. Затем он понял, что это весло. Держа его, Тарзан поплыл вперед, пока не смог крепко схватиться за борт лодки. Тарзан положил в нее весло, затем плавно ввалился сам. Он повернулся на бок, потом тихо позвал:

— Ваганеро! Рэхб!

Те ответили одинаково тихими голосами. Мгновение спустя он помог им сесть в лодку, не опрокинув ее. Рэхб все еще держал весло в руке. И он держал в руках кожаный ремень чехла для арфы.

Ваганеро спросил:

— Что случилось? Что схватило лодку? Что породило этот грохот? Что?..

Тарзан проигнорировал его. Он заговорил с Рэхбом.

— Почему ты закричал?

— Ты бы тоже так сделал, если бы почувствовал то же, что и я. Что-то поднялось из воды. Я услышал, как оно поднялось очень быстро, на мгновение почувствовал, как челюсти сомкнулись на лодке. Это был не рот лягушки.

Тарзан подождал несколько секунд. Затем нетерпеливо спросил:

— Что это было?

— Если я не ошибаюсь, то, что я чувствовал, было длинной мордой и зубами огромного крокодила.

Человек-обезьяна возразил:

— Крокодилы не квакают, как гигантские лягушки.

— Верно. Но, возможно, эта Призрачная Лягушка или что-то еще ест крокодилов.

— Почему ты это сказал?

— Потому что я чувствовал и мог смутно видеть, и даже больше — я мог чувствовать запах чего-то, что я никогда не чувствовал раньше. Существо было гигантским, но ни в коем случае не медленным. Оно схватило крокодила, который зажал челюстями борт лодки и потянул этот борт вниз. Я знаю, что это был крокодил, потому что я чувствовал его запах. А потом эта лягушка проглотила половину крокодила. Я мог разглядеть не так много в темноте. Потом оно затонуло... И лягушка, и крокодил исчезли.

Тарзан перевел эту историю для Ваганеро.

Арфист сказал:

— Призрачная Лягушка съела гигантского крокодила, который собирался нас съесть! Давайте поблагодарим *змемабобо* за то, что спасли нас. А затем уплывем отсюда как можно скорее. Призрачная Лягушка все еще может быть голодна.

Тарзан все еще не был уверен, что то, что спасло их, было тем, во что верил Ваганеро. Это может быть что-то еще. Что бы это ни было, это было существо, совершенно ему неизвестное. И он не хотел больше иметь с этим существом дело.

Они потеряли одно весло. Их запасы продовольствия, копий, духовых ружей и стрел для лука находились на дне болота. У Тарзана все еще были кремневый нож и ножны, которые он украл из деревни.

Наконец Тарзан сказал, что они уплыли достаточно далеко от места, где они подверглись нападению. Теперь они могли поспать.

Рассвет наконец наступил. Небеса были мрачными, черновато-серыми. Надежда, которую, казалось, источало болото, все еще не оставила их. Не выспавшись, они несколько

часов плыли на юг. Подобные бамбуку растения с длинными шипами и шестигранными ветвями, несущими черные глянцевые плоды, все еще преграждали путь направо.

Рэхб съел еще много фруктов. Через некоторое время Тарзан остановил лодку и снова улегся на пень. Он сунул голову под воду и слушал. Зловещее давление и очень странный шум множества голосов исчезли.

Затем он услышал звук крупной рыбы. Он схватил ее, нырнув на звук ей наперерез. Это была черно-белая рыбина с зелеными ребрами и длиной в полтора фута. Он никогда не видел таких раньше.

Тарзан вернулся в лодку. Он отрезал голову рыбы кремневым ножом. Затем он распил позвоночник в двух местах, чтобы сделать три части. Ваганеро не нравилось, что ему придется есть свою порцию сырой, но он все равно съел ее. Человек-обезьяна решил, что непроходимая и усыпанная шипами стена справа может тянуться несколько дней. По его приказу они сменили направление. Они будут срезать как можно более прямо влево. Возможно, там будет открытая земля.

Но когда они поплыли на восток, они заметили, что течение ускоряется. Прежде чем они прошли две мили, им пришлось бешено грести. Внезапно они обнаружили, что болото закончилось. Снова они очутились на узкой реке. Ее бледно-голубой цвет снова стал темно-синим.

Вскоре они услышали гул порогов. Тарзан и Рэхб налегли на весла. Река превратилась в желоб шириной сорок футов. Берега с обеих сторон поднялись известняковыми скалами, вершины которых вздымались все выше и выше. Мрачные небеса стали узкой яркой лентой. Лодка, вырвавшись из-под контроля гребцов, крутилась как щепочка. Она несколько раз ударилась о камни в кипящей воде. Так или иначе, она не разбилась и не перевернулась.

Вскоре путники услышали грохот водопада впереди. Туман слепил их. Затем они полетели в бездну.

Тарзан выпрыгнул из лодки, когда она полетела вниз. Он скользил в бурлящей воде и двигался по кругу. Тогда он оказался полностью под водой. Он не знал, куда плыть, и поплыл наугад.

Что-то ударило его по голове...

Когда он очнулся, у него сильно болела голова. Однако он больше не был в воде. Он лежал на спине на мягкой грязи. Сначала он увидел все то же мрачное небо. Затем внезапно над ним появилось лицо. Черная кожа незнакомца была разрисована белыми кругами и крестиками. На голове была широкополая шляпа с высоким конусом, плетенная из травы. Белое перо с черными краями длиной три фута вырастало из верха шляпы.

Губы незнакомца шевелились. Речь, исходящая от них, не имела смысла. Язык совершенно не походил на *банту*.

Мужчина выпрямился. Под слоем прогорклого масла его тело было разрисовано различными рисунками. Его килт длиной до колена был из кожи антилопы. Череп, свисавший с пояса, придавал ему странный вид. На поясе незнакомца висели ножны, из которых торчала деревянная рукоять железного или стального ножа. В руке мужчины было длинное копье с железным наконечником в форме листа.

Другие темнокожие мужчины, одетые и вооруженные так же, столпились неподалеку. Они некоторое время болтали между собой. Вскоре они подняли Тарзана на ноги и связали его запястья тонкими кожаными полосками. Рядом с ним стояли Ваганеро и Рэхб, их запястья были связаны. Трое воинов с копьями охраняли Рэхба. Они казались беспокойными и совсем не стремились приблизиться к гиганту.

Один из воинов принес арфу в чехле. Тарзан задавался вопросом, как незнакомцы смогли найти инструмент. Возможно, Рэхб не выпустил ее из рук.

Тарзан спросил:

— Ваганеро, кто эти люди?

— Не знаю.

Мужчины вокруг человека-обезьяны были поражены, когда он заговорил. Видимо, они не были уверены, что он человек. Это не удивило его. Эти люди, вероятно, никогда не видели белого человека.

Рэхб заговорил, и во второй раз похитители были поражены.

Он сказал:

— Я никогда не видел этих людей и никогда не был на их земле. Но я слышал о них. Это — *савито*. Говорят, что они живут в Городе, созданном Богом, хотя те, кто его построил, давно ушли в Страну Теней.

Пленников повели вдоль реки по холмистой местности со множеством кустов и рощ. Вскоре стало ясно, что они поднимаются по пологому склону. Через час они остановились. Во время остановки пленникам дали сушеное мясо, свежие фрукты и воду.

Затем все трое были покрыты вонючей мазью. Мазь обожгла Тарзана. Но через пятнадцать минут жжение исчезло. Час спустя он почувствовал, что мазь лечит его раны. Они больше не беспокоили его.

Вскоре они пришли в деревню. Это было маленькое селенье, но оно было защищено стеной из окрашенных в белый цвет кирпичей. Круглые сторожевые башни располагались по углам стены. Затем они вышли на дорогу, мощенную камнем. Через некоторое время они пришли в крепость из кирпича и камня.

Группа остановилась на несколько минут, пока подземные толчки сотрясали землю. Но те были не сильными. После нескольких тревожных минут ожидания пленники и похитители продолжили поход на юг. Они обошли ряд окруженных стеной деревень и некоторые места, где деревни превратились в маленькие города. Обитатели этих селений толпились вокруг, чтобы посмотреть на пленников. Они болтали между собой и с явным трепетом указывали на человека-обезьяну и человека-медведя.

В одной из этих деревень солдаты ненадолго остановились, чтобы выпить воды и пива и съесть небольшие буханки пшеничного или ячменного хлеба. С пленными поделились едой.

Вкушая краюху плотного и грубого, но вкусного хлеба, Тарзан заметил неподалеку слона. Его две передние ноги были в оковах. Они были прикреплены к большим железным цепям, соединенным на другом конце с большими кольями, вонзившимися глубоко в красноватую землю.

Зверь не был ни карликовым *тантором*, ни лесным. Он был гигантом саванны. Он раскачивался взад-вперед

и качал головой, готовый кинуться в бой при малейшей провокации. Это была слониха. Тарзан слушал звуки, исходившие, казалось, из глубины ее живота. На самом деле они рождались у нее в горле. Человек-обезьяна знал, что это слова *тантора*. Тарзан назвал язык *тантор-гого*, слоновий разговор. Это было очень просто. Лингвист мог бы сказать, что он состоит больше из сигналов, чем из слов, как их воспринимают люди. Но Тарзан был другом этого древнего рода хоботных с раннего детства. Он смело подошел к слонихе и издал непонятные для других людей звуки. Он положил руку ей на ногу. Она перестала покачиваться и поворачивать голову взад-вперед. Ее глаза уже не выглядели такими злыми.

— Я Тарзан.

— Мы знаем о тебе. Моя мать и ее сестры знали о тебе, хотя они никогда не видели тебя. Повсюду мы знаем Тарзана и знаем, что хотя ты и человек, ты наш друг.

Этот перевод был свободным и значительно расширился за пределы ограниченного текста ее речи. Но это было истинное значение ее послания. Для слова Тарзан она использовала своего рода код длинных и коротких урчаний, чтобы сформировать концепцию. Это означало: Тот, Кто Знает Тантора.

— Эти хрупкие паразиты повредили тебе? — спросил Тарзан.

«Хрупкие паразиты» было более или менее буквальным переводом грохочущего слова, используемого *тантором* повсюду для описания всех людей, кроме Тарзана.

— Не так сильно. Но я не знаю, чего ожидать. Я издалека. Я была захвачена маленькими паразитами на равнинах. И я была передана одной группой маленьких паразитов другой другой, потом третьей... и таков был долгий-долгий путь, пока я непришла сюда. Я сомневаюсь, что вернусь.

Тарзан полагал, что ей, вероятно, суждено было отправиться в столицу, Город, созданный Богом. Но это была концепция, которую она не могла понять.

Он сказал:

— Если я когда-нибудь смогу помочь тебе сбежать, я сделаю это.

— Я знаю, что ты сделаешь так, Тот, Кто Знает Тантора, — ответила слониха.

— До встречи, — попрощался Тарзан.

— Прощай, — сказала она. *Танторы* были пессимистами и скептиками, то есть реалистами...

МАРШ НАЧАЛСЯ СНОВА. Дорога плавно поднималась, пока не достигла очень высокого холма. Тарзан услышал трубный зов *тантора* и понял, что это было прощание слонихи.

Солдаты остановились на мгновение. Облака быстро рассеялись. Солнце светило ярко. Тарзан смотрел вниз на длинную долину, пока не увидел сверкания в середине большого озера у реки. А блестел огромный белый купол, поднимающийся из огромной колонны посреди озера. Он был образован двенадцатью изогнутыми и широкими дугами, широко отстоящими друг от друга, взмывающими от вершины колонны, а затем спускающимися к берегу озера и погружающимися в землю.

За тридцать лет своей авантюрной жизни Тарзан видел много экзотических и удивительных городов. Но он никогда не видел ничего подобного.

— Город, созданный Богом, — пробормотал Ваганеро.

Капитан отряда ударил арфиста по спине своей дубиной. Ваганеро вскрикнул от боли. Хотя капитан ничего не сказал, ему не нужно было говорить ни слова. Пленные должны были молчать, пока им не скажут, что они могут говорить.

Спустившись с холма, они увидели кварталы большого города, окружавшего Город, созданный Богом. Сотни и, возможно, тысячи квадратных домов из дерева, камня или кирпича. «Квадратные!» — подумал Тарзан. Не круглые дома чернокожих из джунглей. Это были квадратные дома цивилизованных людей.

Затем он услышал стук молотков по металлу и звон металла. В одном большом открытом здании находились кузнецы, работающие над раскаленным металлом возле раскаленных горнов. Другие кузнецы раздували меха.

Крики доносились из многих жилищ. Мужчины, женщины и дети стояли вдоль дороги. Они кричали то, что казалось

угрозами, и делали враждебные жесты. Но они не перешагнули невидимую линию, которую установили солдаты.

Многие из толпы носили белые тканые одежды, очень похожие на римские тоги. Маленькие дети, однако, были голыми. Женская одежда прикрывала только одну грудь. Обнаженная грудь была окрашена в красный и белый цвета.

Дорога была прямой. Тарзан отметил, что другие дороги пересекают ее под прямым углом. Они были широкими и мощеными. Но вдоль их пути и вдоль главной дороги стояли высокие крестообразные сооружения. На этих крестах были распяты животные. Не все из них были уже мертвы.

Также на крестах были распяты мужчины и женщины ,и даже дети. Они тоже были привязаны или пригвождены к крестам. Некоторые еще дышали. Из раздутых тел других доносилось зловоние, которое Тарзан ощущал слишком много раз. *Ска* — стервятник, кружил над ними. Другие *ска* сидели на земле под крестами. Некоторые уже пировали плотью мертвых и ослабших.

Человек-обезьяна задавался вопросом, были ли жертвы военнопленными или жертвами какому-либо духу или кем-то еще. Он также задавался вопросом, будет ли судьба этих несчастных предназначена и ему.

Если так, пусть будет так. Но пока что он все еще жив...

ГЛАВА 25

ПЛЕННЫЕ БЫЛИ ОТВЕДЕНЫ в большое каменное здание. Здесь им позволили принять ванну. Их волосы вымыли молодые женщины. Туземки были очень испуганы, когда касались человека-медведя или человека-обезьяны. Однако воины держали копья наготове, и запястья пленных все еще были связаны.

После того как пленных вытерли полотенцами, их умастили благовонным маслом. Во время этой процедуры человек-обезьяна заметил, что его раны, насколько он мог видеть, зажили почти чудесным образом. Худшая рана, глубокая на подбородке, давно перестала кровоточить. Он чувствовал это. На ней образовалась корочка, которая уже шелушилась.

Потом на шеи пленных водрузили ожерелья алых цветов. Чуть позже множество воинов отвели их к подножию одной из огромных блестящих дуг-мостиков, которые протянулись над озером от вершины колонны до берега. Огромная и шумная толпа уже ждала их.

Грохотали барабаны, гудели рога, гремели трещетки, звенели и стонали арфы. Трое пленных начали подниматься по очень широким ступеням, высеченным в сверкающем камне одной из гигантских дуг. По сторонам от ступеней не было ничего, что могло бы удержать людей от падения, но воины шли по обе стороны от пленников.

Достигнув вершины колонны, они остановились. Круглая площадка оказалась вершиной сияющего купола, который опирался на столб, поднимавшийся из центра озера. Площадка была огромной — достаточно большой, чтобы легко вместить тысячу человек. Посередине возвышался алтарь из белого камня. К нему они и подошли. Большая часть его была покрыта темно-коричнево-красными пятнами, засохшей кровью жертв. Несколько человек, которых Тарзан считал жрецами, стояли перед алтарем. Их лица были окрашены в темно-синий цвет, одежды были длинными и белыми, и у них в руках были короткие острые ножи.

«Вот где нам и конец настанет, — подумал он. — Но это должно быть быстро. Лучше, чем очень медленная и очень мучительная смерть на кресте».

По его оценкам, верхняя часть огромного столба находилась как минимум в ста футах над озером. С того места, где он стоял, он мог видеть множество дуг-мостов, изгибавшихся от края столба до берега озера.

У подножия ступеней, по которым они поднялись сюда, из озера вытекала река. Хотя Тарзан не мог видеть часть противоположного берега, он видел реку, выходящую из-под края колонны. Та вытекала с противоположной стороны купола.

Прежде чем начать подниматься по ступенькам, Тарзан заметил много лодок на озере.

Барабаны, которые гремели все время, внезапно ерешли на стаккато. Рога взорвались ревом. Арфы и погремушки прекратили свой гомон.

По соседней дуге-мостку на площадку поднималась другая группа людей. Офицеры выкрикнули команды. Солдаты встали наизготовку.

Во главе отряда, идущего к алтарю, был очень высокий и очень толстый мужчина средних лет в кепке с перьями нескольких разных птиц, своего рода галстуке, инкрустированном рубинами и бриллиантами, в длинном ало-белом килте, с посохом, увенчанным черепом. Это был череп огромной гориллы. Яростные воины, его телохранители, выстроились вокруг. Рядом с ним стояли несколько рабов с опахалами и человек, несущий большой зонтик из кожи леопарда. Вождь подошел к огромному четвероногому табурету, установленному рядом с алтарем.

Барабаны, рога и арфы замолчали. Один из жрецов у алтаря, седобородый старец, вышел навстречу царьку. Он опустился на свои худые колени и трижды поцеловал каменный пол. Король жестом указал на него. Старик поднялся на ноги и начал кричать. Очевидно, он описывал троих пленников, хотя те стояли рядом, а также рассказывал, как и где они были взяты в плен. Судя по выражению лица короля, Тарзан был уверен, что ему уже рассказали об этом событии.

Во время длинной речи слуга передал царю три большие бутылки пива, которые он быстро выпил. Это впечатлило Тарзана. Эти люди были не только кователями железа, но и изготовителями стекла.

Однако Тарзан был здесь не как турист. У него были планы выбраться из этой страны как можно быстрее. Это были отчаянные планы, и их нужно было осуществить очень быстро.

Дважды Тарзан тихо обратился к *шонгу* и арфисту на их языках.

— Я собираюсь прыгнуть. Мне придется сбить с ног охранников слева от меня. Следуйте за мной. Не думайте. Просто делайте.

Воины, расположенные вокруг заключенных, все еще были в центре внимания. Они стояли по стойке смирно, выставив копья вперед под углом в 45 градусов. Их глаза смотрели строго вперед. Неожиданно Тарзан опустил голову и кинулся в бой. Нужно было преодолеть несколько футов,

чтобы добраться до ближайшего солдата. Стражник так и не понял, что происходит, когда его толкнули на соседа. Оба упали.

За спиной человека-обезьяны взревел Рэхб.

Тарзан, все еще согнувшись, расталкивал опешевших воинов. Он не видел, что делали два его спутника. Внезапно путь был открыт.

Тарзан перепрыгнул через упавшего человека и приземлился на край вершины колонны. Крик Рэхба заглушил вопли солдат и зевак. Не колеблясь, Тарзан бросился вниз.

Он мчался к водам голубого озера в ста футах ниже. Ветер завывал в его ушах.

Он видел большие и малые лодки на озере, парусные лодки и долбленки, приводимые в движение веслами. К счастью, никто не проплывал прямо под ним.

Сразу после прыжка Тарзану удалось выпрямиться горизонтально. Таким образом он представлял как можно больше поверхности воздуху и несколько замедлял падение. Но, прежде чем он ударился о поверхность озера, ему пришлось повернуться, чтобы он оказался в вертикальном положении. Затем, сложив ноги, подняв руки, ему предстояло пробить поверхность, как если бы он был копьем, брошенным в воду.

Несмотря на это, удар будет очень силен.

Тарзан надеялся, что ни один из его спутников не упадет на него, пока он не окажется достаточно глубоко в воде.

Удар едва не лишил его сознания. Его страх, что в этом месте озеро может быть мелким, оказался неоправданным. Тарзан погрузился глубоко, но не коснулся дна. Затем он вынырнул, хотя и инстинктивно — он едва понимал, что делает. Его голова раскалывалась от боли. Воздух обжег легкие. Рядом с ним высунулось из-под воды лицо Рэхба с черным мехом, наполовину животное и наполовину человеческое.

Цветочные ожерелья Тарзана и Рэхба плавали на поверхности. Они были сорваны с них ударом.

До сих пор не было никаких признаков того, что Ваганеро в озере. К ним приближалась длинная лодка с тремя мужчинами. Тут чувства Тарзана полностью вернулись к нему. Хотя его запястья были связаны, он как мог отплыл подальше от лодки. Он крикнул Рэхбу:

— Ныряй! Я айду с одной стороны этой лодки! Ты с другой!

Он повернулся к приближающейся лодке, глубоко вдохнул и нырнул вниз, затем поплыл вперед. Солнце сияло достаточно ярко в чистой воде, чтобы он мог видеть, как дно лодки рассекает воду над ним. Теперь все происходило не так быстро. Воины в лодке были ошеломлены. Двое склонились над бортом, высматривая беглеца. Несомненно, третий смотрел на другую сторону лодки.

Тарзан не видел, вооружены ли лодочники копьями. Хотя это значения не имело. Он должен был атаковать.

Лодка накренилась. Два воина полетели в воду. Рэхб первым добрался до врага.

Тарзан поплыл в манере лягушек. Он игнорировал двух мужчин, мечущихся рядом. А лодка быстро вернулась в нормальное положение, хотя все еще качалась. Обеими руками, все еще связанными длинной кожаной полосой, Тарзан схватился за борт. Он забросил себя в лодку одним плавным и мощным движением. Затем сел в ней.

Рэхб барахтался в воде. Третьего человека нигде не было видно. Либо он был сейчас под водой, либо Рэхб убил его.

Тарзан огляделся. Ряд лодок направлялся к нему. И теперь он мог видеть, что Ваганеро плывет в их сторону. Тогда Тарзан позвал Рэхба:

— Поймай весла. Они плывут за тобой.

Казалось маловероятным, что они могут убежать. Но Тарзан старался изо всех сил, а это означало сделать невозможное.

Рэхб, хотя его руки и были связаны, добыл весла. Он подталкивал их впереди себя, пока не добрался до лодки. Тарзан взял весла, затем помог огромному и неуклюжему *шонгу* попасть на борт. Они едва не перевернули лодку.

— Вперед! — крикнул человек-обезьяна. — Весло! Туда!

Он указал концом весла на выход к реке на южной стороне озера. Но им пришлось остановиться еще раз, чтобы помочь Ваганеро сесть в лодку.

Через несколько минут Рэхб заговорил через плечо:

— Лодки впереди отрежут нас от реки. В любом случае, барабаны оповестят тех, кто иже по реке, чтобы перехватили нас. Они уже грохочут, посылая сообщения.

— Что ты предлагаешь? — спросил Тарзан.

— Сразиться. Мы обязательно умрем. Но мы можем прихватить с собой множество воинов. Они будут знать, что мы сражались...

Крики людей в лодках становились все громче. Барабаны рокотали все громче и громче. Большая лодка с дюжиной воинов вошла в озеро. На носу у него была фигурная голова, которую Тарзан издали не мог разглядеть... Военное каноэ приближалось.

Мужчина, сидящий за носовой фигурой, встал. Его головной убор из перьев трепетал на ветру. Он поднес к губам большой медный рог и протрубил три длинные ноты.

Эти звуки были как волшебные слова, произнесенные колдуном. Люди в лодках вокруг них перестали грести. Их рты открылись, но они не говорили и не кричали. Люди на берегу бежали, казалось, в панике. Барабаны и рога стихли. Больше не было ни звука, за исключением криков птиц, катящихся над озером. Кроме шороха воды и ветра, стихло всё.

Рэхб, как и Тарзан, прекратил грести. Он что-то прошептал.

Тарзан переспросил:

— Что?

Прежде чем *шонг* успел ответить, они услышали плеск весла. Теперь пришельцы были так близко, что человек-обезьяна мог видеть носовую фигуру лодки. Это было окрашенное в зеленый цвет дерево, вырезанное в образе змеи — *хисты,* с концом хвоста во рту. Тарзан знал, что этот образ его древнего врага символизирует вечность или циклическую природу самого времени. Этот образ также использовали викинги, некоторые из которых были его предками, как фигуру змея Мидгарда, гигантской злой змеи, которая опоясывает мир. Различные народы, древние и современные, использовали этот символ во всем мире.

Лодка со змеем замедлила ход. Человек, стоявший на носу, снова протрубил в свой медный рог. Тот был изогнут и расширился на конце, а возле мундштука было привешено золотое кольцо. На пришельце было много браслетов и ожерелий из золота. Его повязка на голове была из тонких золотых чешуек.

Рассказ испанца об изобилии золота в этом районе, казалось, подтверждался.

Нос лодки очень мягко ткнулся в борт лодки Тарзана. Человек-обезьяна ничего не сделал, потому что человек с рогом поднял руку ладонью вверх. Обычно это был знак мира.

Во всяком случае, эти люди не были из того же племени, что и их похитители. Их кожа не блестела прогорклым жиром. Их длинные и вьющиеся волосы были выбриты на макушках и заплетены, образуя змею. Тарзан увидел это, когда несколько из них наклонились вперед и продемонстрировали прическу.

Не только это. Их губы были окрашены в малиновый цвет, глаза были обведены желтым. Тонкие вертикальные черные отметины были нарисованы на веках и шли ниже и выше глаз. Они явно обозначали прорезанные зрачки змей. На груди каждого человека был нарисован змей с хвостом во рту.

Их единственной одеждой были набедренные повязки, сделанные из кожи питона.

Все это было слишком для Тарзана. Он ненавидел змей.

Человек с рогом некоторое время изучал человека-обезьяну и его спутников. Когда он заговорил, он не использовал чужого языка, чего ожидал Тарзан.

Его речь была на языке языковой семьи *банту*. Хотя он отличался от других языков *банту*, Тарзан и Ваганеро понимали его. С помощью жестов с незнакомцами можно было общаться без переводчика.

— Мы приплыли за тобой. Но мы едва не опоздали.

ГЛАВА 26

БЕВАН БЫЛ УВЕРЕН, что Стоункрафт лежит в коме. Возможно, он принял желаемое за действительное, но он также был уверен, что это станет прелюдией к смерти его работодателя.

Действительно, доктор Спрингер заверил Бевана, что в этом нет никаких сомнений. Босс впал в смертельную кому. Спрингер, обычно осторожный человек, готов был поставить

на это свою репутацию. «Поэтому, — решил Беван, — придется действовать быстро». Он должен хранить эту информацию в секрете как можно дольше. Он сможет сделать очень большое состояние до того, когда появятся новости.

Беван сказал доктору:

— Позаботьтесь о нем. Но не говорите никому, кроме меня, каково его состояние. Необходимо, чтобы все молчали об этом какое-то время. Знаете ли... По деловым и юридическим причинам...

Доктор Спрингер пристально посмотрел на Бевана сквозь пенсне в золотой оправе. Затем резко заявил:

— Не имею привычки распространять информацию посторонним лицам, если только мой пациент не попросит меня об этом.

— Уверен в этом. Не хотел вас оскорбить... — тут же успокоил его Беван. — Но жизненно важно, чтобы никто не знал о состоянии Стоункрафта. Во всяком случае, не сейчас.

— Что насчет его жены?

— Я буду тем, кто станет держать ее в курсе, — заверил Беван. — Вы осмотрите мистера Стоункрафта. Я вернусь через несколько минут, чтобы узнать результаты.

Он быстро вышел из комнаты, прошел в свою комнату и взял трубку телефона. Спустя несколько минут, рассказав своему биржевому маклеру Хитчаму, что и сколько продавать и покупать, он заставил Хитчама поклясться, что тот никому не расскажет о личности человека, который совершал все эти покупки и продажи.

Беван знал, конечно, что Хитчам понял: что-то случилось. Брокер Хи также знал, что лучше спросить об этом Бевана. Но Хитчам будет продавать и покупать. Он сделал бы целое состояние с помощью Бевана. Никто не должен ничего замечать. Во всяком случае, пока.

Беван, который редко улыбался, широко улыбался, входя в больничную комнату своего работодателя. Он собирался совершить убийство, и...

Он встал столбом, войдя в дверь. Глупая улыбка приклилась к лицу. Он почувствовал, как будто петля была накинута на шею и под ногами открывается люк.

Возможно, в каком-то смысле его казнили.

Магнат, его очень больной, коматозный работодатель, сидел в кровати. Бледность исчезла. На самом деле его лицо выглядело скорее покрасневшим.

Беван наконец преодолел ступор. Он подошел к Стоункрафту.

— Я... я... я... — промямлил он.

— Что с тобой, Беван? — спросил магнат.

— Я... я очень удивлен... я думал ...

— Думал, что я умру, не так ли? Ну, Беван, как и доктор Спрингер... Хотя шарлатан не говорил так много слов. Но что-то случилось. Это может быть чудо, хотя Спрингер уверяет меня, что такие вещи случаются... На самом деле мне все равно, что он думает! Я собираюсь уволить его. Во всяком случае, вот он я, и я вернулся оттуда, откуда нет возврата.

Беван остановился у подножия кровати. Это отребовало усилия, но он справился.

— Это чудо, сэр! — сказал он слишком громко.

— Что бы это ни было, и я не отрицаю, что Бог, возможно, приложил к этому руку, — сказал магнат, — это случилось.

Он откинулся на высокие подушки.

— Думаю, что меня спасают по очень важной причине. Возможно, я самый первый...

Его голос умолк, когда он закрыл глаза.

— Самый первый, сэр? — переспросил Беван.

Стоункрафт открыл глаза.

— Не бери в голову. Но теперь, когда это произошло, я уверен, что высшая сила хочет, чтобы я преуспел в моем, — он взглянул на доктора и продолжил: — ...африканском проекте. Сам Бог так сказал. Именно так.

Беван не понял. Он подумал: «Когда же, во имя Бога, он скажет мне, что это за дело?» Стоункрафт улыбнулся. Беван, который хорошо знал своего босса, знал, что эта улыбка была циничной. И она, возможно, содержала зловщий намек. Хотя зло могло таиться только в разуме самого Бевана.

— Теперь, Беван, я думаю, тебе следует поскорее добраться до своего частного телефона и посоветовать своему брокеру выкупить то, что ты продал, и продать то, что ты купил. Лучше сделай это быстрее.

Колени секретаря обмякли. Он задрожал. Но он не спорил. Хотя ему казалось, что он упадет, ему удалось повернуться и выйти из комнаты.

Позади него Стоункрафт усмехнулся.

ТРИ ЛЕГКИХ ПОДЗЕМНЫХ толчка сотрясли землю под ногами Хелмсона и Фицпейджела. Они также вздыбили дикими волнами реку. Через некоторое время подземные толчки, казалось, прекратились, и река начала успокаиваться. Но внезапно река начала стремительно мелеть, — точно вода в ванне, в которой открыли слив. Через пять минут уровень опустился как минимум на полтора фута. Двое мужчин смотрели на происходящее в изумлении. Никто никогда не видел такого явления.

Издалека раздался слабый рев.

— Святые угодики, сохраните! — пробормотал Фицпейджел. — Что это?

— Не знаю. Может быть... Я просто догадываюсь... Какая-то пропасть к югу отсюда открылась, и река устремилась в нее. Я не знаю, — сказал Хелмсон.

Теперь скорость обмеления замедлилась, но уровень воды все еще падал. Вершина чего-то круглого появилась над поверхностью. Это было примерно в тридцати футах от двух мужчин. Они ждали. Еще через пять минут появилось лицо грозного на вид существа. У него были резные черты наполовину чудовища, наполовину дьявола. Статуя, казалось, была сделана из какого-то неизвестного материала. Но пройдет еще некоторое время, прежде чем грязь, покрывающая изваяние, будет стерта.

Ноги белых охотников месили мягкую грязь, которая пахла мертвой плотью и мертвой растительностью. Грязь поднималась на несколько дюймов выше их лодыжек. На каждом шагу грязь угрожала всосать ботинки с их ног.

Мухи роились над поверхностью грязи, как будто только что вылупились из десятков тысяч яиц. Они жужжали и злились. Но мужчины надели сетки от комаров, а их руки были в тонких перчатках.

После долгого молчания Хелмсон возобновил разговор.

— Двое черных умерли от укуса кобры. Один был схвачен крокодилом. Трое заболели лихорадкой, и их нужно оставить с двумя «сиделками», чтобы кормили их с ложки.

— Мы не можем остановиться ради этих двоих, — заявил ирландец.

— Нет, не можем. Я согласен. Но...

Хелмсон замолчал и посмотрел на ирландца.

— Бросить больных без кого-то, кто бы заботился и охранял их... это было бы нехорошо для морального состояния нашней экспедиции! Хотите, чтобы остальные черные покинули нас? Это было бы смертным приговором для нас!

— Мы сильно рискуем, — сказал Фицпейджел. — Я не знаю... эту страну... Все здесь странно, очень странно. Разве ты не чувствуешь этого? Все как-то отличается. Здесь есть что-то неестественное.

— Это твоя кельтская интуиция? — усмехнулся Хелмсон. — Для меня это просто Африка, хотя и этого достаточно. Весь этот проклятый чудесный континент странен. И смертоносен. И этого достаточно, чтобы задаться вопросом, что, черт возьми, делает здесь человек. Белый или черный, если вы в этих джунглях, вы сталкиваетесь со смертельным зверем.

— Но здесь есть золото для всех нас. Золото, золото! — добавил он радостно. — И мы знаем путь к нему! Рукопись и карта в наших руках.

Носильщики были заняты погрузкой припасов в лодки. Они остановились из-за быстро отступающей воды и ничего не могли сделать, кроме как дождаться, когда река перестанет спадать. Затем потащат лодки к новому берегу реки. И возобновят загрузку.

В обычных условиях они бы громко разговаривали или пели. Теперь они вели себя как можно тише. *Аскари* охраняли периметр лагеря. Вчера, когда Хелмсон и его команда плыли через большой изгиб реки, сафари было атаковано флотом туземцев. Местные жители были изгнаны с большими потерями с обеих сторон. Но джунгли были величайшим врагом...

Фицпейджел нахмурился на минуту, затем сказал:

— Что делать, если карта не настоящая? Что, если Мартильо готовил большую аферу, когда вернулся в Испанию? Что, если...

— Мы зашли слишком далеко, чтобы отступить! — рявкнул Хелмсон. — Если карта верна, и я верю, что это так, мы скоро должны увидеть гору, которую он назвал Великой Матерью Змей. Тогда мы точно узнаем, что карта не лжет.

Фицпейджел долго смотрел на статую.

— А если не увидим? Мы могли уже миновать ту точку, откуда могли бы увидеть эту гору. Мы могли бы сделать это, когда шел такой сильный дождь, что мы не могли видеть больше, чем на три фута. — Он указал на гору, которая возвышалась над джунглями. — Может быть, это Великая Матерь Змей?

— Что бы ты ни говорил, — вздохнул Хелмсон, — я иду вперед.

— Не обижайся, — примеряюще сказал ирландец. Его лицо было красным, а кулаки крепко сжаты. — Я такой же хороший человек, как и большинство, и лучше, чем некоторые, кого я мог бы назвать. Но я также рассудителен, и я знаю, когда бросать карты. Я дам тебе еще два дня. Тогда, если мы не увидим горы, я заберу негров и пойду назад. Нет значит нет!

Рука Хелмсона нащупала рукоять кольта 45-го калибра. Но он во время убрал руку. Сейчас не время угрожать Фицпеджелу. Хелмсон знал, что, несмотря на его смелые слова, он проиграет, если Фицпейджел и его люди покинут его. Невозможно сказать, сколько дикарей стояло между ним и его целью или какие нечеловеческие опасности наводняли эту землю.

Он подавил свой гнев.

— Карта не соответствует масштабу. Почему бы не дать мне еще четыре дня?

— Два дня. Два дня — и все. Тогда мы расстаемся.

Красные глаза ирландца смотрели решительно.

ХЕЛМСОНА ПОСЕТИЛО ВИДЕНИЕ.

Он был один в джунглях с Фицпейджелом. Без колебаний он вытащил пистолет, схватил его за ствол и ударил рукоятью ирландца по затылку. Затем он использовал нож, который забрал у Тарзана, чтобы перерезать горло беспомощно-

му противнику, после чего оттащил труп к реке и бросил его в воду. Крокодилы быстро позаботились о теле.

Это была очень приятная фантазия. Но что он будет делать после убийства? Как бы он объяснил исчезновение Фицпейджела чернокожим? Сафари было атаковано флотом местных жителей, подумал он. Ему не нужно было объяснять. Он просто сказал бы...

Этого не могло случиться. Ирландец никогда не бывал наедине с ним. Когда он был с Хелмсоном, некоторые из его людей всегда находились на виду или в пределах слышимости. Ирландец сам сказал Хелмсону, что не доверяет ему.

Но этого следовало ожидать. Хелмсон тоже не доверял Фицпейджелу. Он знал, что, если они обнаружат золото или каким-то образом снова захватят Тарзана, Фицпейджел попытается убить его. Хотя у Хелмсона не было доказательств предательства этого человека, он был на сто процентов уверен, что его партнер попытается прикончить его.

В конце концов, он сам намеревался сделать тоже самое. Но пока ему нужен был его партнер.

— Там! Посмотри туда! — изумленный крик ирландца вырвал его из раздумий.

Фицпейджел указывал на статую. Там было грязи до пояса — река все еще продолжала отступать.

— Что? Где? — спросил Хелмсон.

— Эта рука! Рука!

Хелмсон посмотрел. Из четырех рук статуи к ним тянулась ближайшая. Рука с длинными когтями, с которой осыпалась грязь. Она сверкала на солнце желтым.

Фицпейджел попытался броситься к изваянию. Но грязь становилась все глубже и стала выше его сапог. Он остановился. Грязь поглотила его сапоги.

Они остались в грязи. Но все же он добрался до статуи, вынул свой нож и начал соскребать то, что выглядело для Хелмсона как металл.

Еще до того, как Фицпейджел начал орать, Хелмсон знал, что это.

Золото! Золото! Золото!

ГЛАВА 27

— МЫ ПРИПЛЫЛИ ЗА тобой. Мы едва не опоздали.

Тарзану не было сказано, почему он и его спутники были спасены. Таким образом, он не знал, какая судьба была запланирована для них. Однако его спасители, похоже, не спешили. Тарзан и Ваганеро перебрались на борт первого каноэ с воинами. Там они сели среди гребцов. Рэхб был взят на второе военное каноэ. Его запястья были связаны, а два копейщика сидели у него за спиной. Они ждали. Тарзан наблюдал, как дюжина воинов покинула третью лодку и начала подниматься по ступенькам к вершине купола. Через некоторое время воин вернулся обратно. Он нес арфу Ваганеро. Через несколько минут все люди в каноэ посмотрели вверх. Тарзан тоже так сделал. Он не видел ничего, на что нужно было смотреть. Затем он услышал крик, и человек упал с вершины колонны. Копье вонзилось ему в спину, как укоризненный палец. Он перестал кричать на полпути к поверхности озера. К тому времени человек-обезьяна узнал казненного человека.

Это был царек — покойный царек.

Чего бы ни ожидал Тарзан, только не этого. Через несколько минут воины снова спустились вниз по ступенькам. Они сели в свое каноэ, и гребцы направили его в устье реки. Человек-обезьяна в последний раз оглянулся на озеро. Труп толстого царька погрузили на лодку. Тарзан попросил человека с рогом ответить на некоторые его вопросы. Тот сказал лишь несколько слов. Хотя человек-обезьяна не понимал все, он без труда интерпретировал эти две фразы. Тарзану было сказано, что он не должен задавать вопросов, пока ему не дадут разрешения.

Барабаны, арфы, рога и голоса наверху колонны молчали. Теперь, когда военное каноэ, несущее Тарзана, начало поворачивать в излучине реки, они взревели вновь. Казалось, туземцы праздновали какое-то событие. Казнь короля? Воцарение нового? Или то и то? Каноэ пролетали мимо ферм, садов и фортов с частоколами. Затем джунгли снова однялись по берегам. *Дуро* — бегемотов, становилось все больше и больше. И еще было много *гимлов* — крокодилов, загорающих

на вершинах куч земли, оставшихся после обмеления реки. Внезапно бегемоты и крокодилы остались позади. Река стала еще уже. Тарзан мог протянуть руку в любую сторону и дотронуться до конца висячей ветви.

Течение продолжало ускоряться. Вскоре каноэ вошли в неглубокий ручей, в котором ток воды был слабый. Лодки вытащили на берег. Пленники пошли по грунтовой дороге вверх по крутому склону. Спустившись в долину, а затем поднявшись на еще более высокий холм, они снова вышли к реке, вырывавшейся из туннеля на холме и впадающей в другое озеро. Здесь были каноэ, привязанные к пенькам на берегу. Все сели в лодки и поплыли в юго-западном направлении. Было трудно быть уверенным в направлении, поскольку уже смеркалось, и начался сильный ливень. Тем не менее каноэ не остановились, пока не прошли много миль в темноте. Отряд устроил привал среди первых холмов за горой, называемой Великой Матерью Змей. После того как все сошли на берег и устроились на ночь, у Тарзана появилась возможность поговорить с Шонгом. Оба устроились рядом на земле.

— У Хелмсона твоя подруга, и он дал тебе обещание. Если ты поймаешь меня по моему запаху, чтобы он смог поймать меня, он даст вам обоим свободу. Я прав? — спросил Тарзан шепотом.

— За исключением одного, — поправил Рэхб. — Моя жена ждет ребенка. К настоящему времени он должен уже родиться. Таким образом, у Вонючего двое. Я вдвойне обязан повиноваться ему. Но...

— Да? — спросил Тарзан после долгой паузы.

— Мы трое — последние в своем роде. Самые последние. Я уверен в этом. Даже если Вонючий не убил моих за мое предательство, даже если мы освободимся от злого белого вонючего человека, а другие не поймают нас или не пристрелят, какое у нас будущее? Если бы у нас было больше детей, те чувствовали бы себя обязанными спариваться друг с другом, брат с сестрой. Это означало бы, в конце концов, что больные и чудовищные дети родятся на свет. Так наш род вымрет. В любом случае. Так... зачем жить? Главная причина, по которой я все еще цепляюсь за жизнь, это... я хочу убить Хелмсона.

— Ты не знаешь точно, что нигде не осталось твоих сородичей, — сказал Тарзан.

Внезапно из глаз человека-медведя хлынули слезы. Человек-обезьяна был удивлен. Он не ожидал, что такое существо может плакать. Затем он подумал: а почему бы и нет? Тарзан поднял руки и положил их на массивные и волосатые плечи Рэхба. Печаль этого существа задела его душу. Возможно, это была память о его глубоком горе, когда его приемная мать, Кала, нежная и любящая великая обезьяна, была убита.

— Всегда есть надежда. Я обещаю тебе, что помогу найти место, где содежатся твои жена и ребенок. Мы освободим их. И мы убьем Хелмсона. Конечно, я сделаю это после того, как найду свою жену и отомщу тем, кто похитил ее.

Рэхб говорил дрожащим голосом:

— К тому времени, когда мы найдем твою жену, если мы когда-нибудь ее найдем, моя жена и ребенок будут взяты другими зловонными людьми. Они будут сидеть в клетке и их станут демонстрировать зевакам, пока они не умрут. Тогда их препарируют для изучения, а из шкур сделают чучела.

— Хелмсон сказал тебе это?

— Да.

Тарзан задумался на на мгновение.

— Ты мог бы найти путь назад туда, где их держат?

— Нет. Они уже не там, даже если я мог бы найти путь. Хелмсон сказал мне, что их будут перевозить с места на место время от времени. Так, чтобы я не мог найти их ...

— Я не думаю, что он перевозит их, — сказал Тарзан. — Теперь другой вопрос. Мне казалось, что ты хотел сбросать Митчелла с дерева. Но он упал сам, увидев тебя. Очевидно, он никогда не видел тебя прежде. И все же...

— Хелмсон сказал мне, что я должен убить Митчелла при первой же возможности. Хелмсон полагал, что Митчелл был шпионом того, кто...

— Того, кто приказал, чтобы Хелмсон захватил меня живьем, — сказал Тарзан.

— Да. Никто кроме тебя не видел меня на том дереве. Все ,кроме Хелмсона, сочли тебя убийцей Митчелла.

ГЛАВА 28

СЛЕДУЮЩЕЙ НОЧЬЮ, ПОСЛЕ тяжелого перехода, занявшего целый день, хозяева и пленники спали в большом длинном доме у реки. Тарзан и его спутники так тщательно охранялись, что у них не было шанса сбежать. Всю ночь напролет рокотали близкие и дальние барабаны и трубили рога. На рассвете, после еды и купания, группа собралась спуститься вниз по реке. Но прежде, чем они успели сесть в лодки, новые толчки сотрясли землю. Воды реки несколько поднялись. Отряд подождал еще больших потрясений. Но их не случилось, воды успокоились. Тогда вождь отдал приказ вытолкнуть лодки и начать грести.

Вскоре после этого вождь соизволил представиться своим пленникам. Он сказал, что его зовут Ойабату, а его племя — *атака.* Это был «старший брат» *сувито,* народ земли, где был казнен царь Эшави.

Тарзан задал ему несколько вопросов.

Почему царь был казнен?

Потому что, как ответил Ойабату, король солгал. Он пытался скрыть от их правителя, Рафмана, что схватил трех незнакомцев, двое из которых действительно были необычны. Никто не смеет лгать Держателю Времени, Маске, Глазу Сверкающего Древа, Хранителю Темного Сердца Времени, под страхом смерти. Хотя король Эшави наконец отправил сообщение Рафмане, он слишком поздно сделал это. Кроме того, король Эшави, очевидно, планировал принести трех незнакомцев в жертву своим предкам. Он должен был послать незнакомцев в Рафману, чтобы их правитель мог определить, как и когда ими распоряжаться. Но он этого не сделал.

Однако Рафмана сразу понял, что незнакомцы были схвачены, возможно, сразу после того, как они вошли в страну *крейнджи.*

Итак, король Эшави, который уже вел себя все более и более высокомерно, был приговорен к немедленной смерти. Он станет примером для своего народа и его преемника.

— Город, созданный Богом? — спросил Тарзан. — Мне кажется, что *савито,* хотя они и работают с железом, не

способны создать такое чудо. Ни один человек в мире не способен сделать это.

— Это не настоящий город, созданный Богом! — сообщил Ойабату. — Хотя *савито* утверждают, что это так, настоящий город находится на нашей земле. *Савито* лжецы и всегда были лжецами, следовательно, всегда будут низкими людьми. Но мы разрешаем им утверждать, что они построили этот город. Рафмана это забавляет... На самом деле город *савито* на нашей земле. Город Под Водами был построен людьми, которые пришли оттуда. — Он указал вверх. — Они пришли из земли за облаками, за небом, за солнцем, но они не были духами. Тем не менее они рожали детей, скрещиваясь с людьми. И Рафмана происходит от них. Так что на самом деле я их потомок. Но я не хвастаюсь этим. Нехорошо хвастаться, когда духи или демоны могут услышать тебя.

В этот момент каноэ прошло мимо гигантского дерева, которое стояло в пятидесяти футах от правого берега. Все, кроме пленников, встали, посмотрели на дерево и спели какую-то песню. На дереве были повешены не менее тридцати мужчин, женщин и детей. *Ска* — стервятники, были тут как тут. Они были очень заняты, отрывая гнилую плоть от костей.

Когда лодки миновали дерево, люди перестали петь, сели и вновь начали грести. Отвечая на вопрос Тарзана, Ойабату продолжил:

— Это священное дерево, хотя и не священное, как на башне Рафмана. Люди, повешенные на этом дереве, являются жертвами; они добровольно умерли. Они отдали свои жизни в честь Того, Кто в Маске. В качестве награды они всегда будут жить на небесах в вечном счастье и довольстве.

— Человек в маске? — удивился Тарзан. — Ты имеешь в виду Рафмана?

— Рафмана — это Другой в Маске.

Тарзан спросил Ойабату, что он имел в виду. Вождь только хмыкнул. На мгновение Тарзан замолчал. Он все еще не понимал сложностей местной религии. Но он почти ничего не понимал в любой религии, хотя десятки людей в «цивилизованном» мире пытались объяснить их ему.

Однако к настоящему времени он знал достаточно, чтобы понять, что все эти тайны могут быть заключены в одну мысль. Если бы Творец открыл Истину, все существующие религии исчезли бы мгновенно.

Человеку-обезьяне было любопытно узнать о «Беспричинном причиннике», и он спросил Ойабату об этом загадочном существе. К удивлению Тарзана, Ойабату ответил.

— Давным-давно было предсказано, что однажды странное существо придет с севера на нашу землю. У него не будет зла в сердце. Но богини, включая Великую Матеь Змей, постановили, что наполовину зверь был бы центром и носителем великих разрушительных сил. Его пришествие приведет к гибели нашей земли и ее народа. Тем не менее он не знал бы, что ему суждено было сделать это. Вот почему мы называем его «Беспричинный причинник», «Нежелательный даритель нежелательных даров», «Тот, кого следует избегать»....

Тарзан думал, что если эти люди действительно верят в это, они убьют каждого незнакомца, пришедшего на их землю.

— Как ты узнаешь Причинника? — спросил он.

— Только Рафмана может распознать его. Но Рафмана может сделать это, только посоветовавшись с Древом, когда Причинник касется Хи-Древа, и Рафмана также касется его. Я не знаю, почему это так. Возможно, Древо расскажет обо всем Рафмане. Но я знаю, что Причинник происходит от зверей и сам является зверем. Или так гласит древнее пророчество. Однако Рафмана говорит, что не все пророчества являются истинными пророчествами. Некоторые, возможно, были произнесены Злыми Близнецами, Сказателями Лжи. Мы узнаем правду, когда она проявится, хотя для нас может быть слишком поздно что-либо предпринимать.

В полдень, сразу после сильного, но непродолжительного дождя, река расширилась до большого озера. С обеих сторон, насколько мог видеть Тарзан, были очень высокие скалы. На них высились гигантские статуи. Ойабату сказал, что это были изображения Пенаго, четырехрукого бога времени. Некоторые говорили, что у Пенаго было только одно лицо. Но у них было два лица. Одно смотрело в будущее. Другое назад. Каждая статуя была полой, но каждая была очень тяжелой, потому что она была сделана из чистого золота.

Ойабату встал и начал трубить в рог. Длинные и жуткие ноты поднимались до небес. Облака начали рассеиваться. Яростное тропическое солнце изливало свой золотой свет в горячий воздух.

Впереди появился высокий конусообразный остров. На его черно-красных каменных скалах были нарисованы три огромных изображения. Это были скальные питоны, образующие круг, хвосты которых находились во рту друг друга. На вершине конуса была построена башня высотой не менее трехсот футов. Он была сложена из огромных черных каменных блоков.

Что-то на вершине башни блестело. Тарзан не мог разглядеть, что это было. Затем они приблизились к основанию острова, и яркий объект исчез из его поля зрения.

Каноэ вошло в большое темное отверстие тоннеля. В непроницаемую тьму. Воины зажгли факелы.

Внезапно свет засиял впереди. Они увеличили свою скорость, поскольку свет стал ярче. Затем они вынырнули на свет. Они были глубоко внутри полой горы, которая могла быть мертвым вулканом. Солнце сияло чуть выше башни. Когда солнце зашло за край жерла, далеко над ними, небо осталось ярко-синим.

Ойабату снова затрубил в свой рог. Ноты причудливо дробились о стены каменного колодца. Когда эхо прекратились, над ними протрубил другой рог. Каноэ остановилось. Большая плавучая платформа служила причалом. Оттуда Оябату повел пленников и воинов к крутой лестнице, вырезанной из черновато-красной скалы. Она закручивалась вокруг внутренней стены. Они медленно поднимались по ступенькам, их левые плечи часто царапали о камень.

На полпути Тарзан увидел первое из множества окон, вырезанных в стене конуса. Свет тускло светил сквозь них. Но он мог видеть белые глаза и зубы охранников и белые пернатые головные уборы. Эти окна были бойницами для стрел и копий, выпущенных охранниками, дежурившими глубоко в стенах.

Они подошли к деревянным платформам и лестницам, прикрепленным к стенам. Пройдя по ним, они подошли к слегка наклонным туннелям, которые были вырезаны в пло-

ти скалы. А затем они оказались на вершине круглого острова и продолжили подниматься по внутренней части башни. После этого крутого подъема они появились на самом краю вершины башни. Здесь, около внешней части обода, было то, блеск чего привлек внимание Тарзана.

Это было высокое широкое дерево с множеством веток и множеством листьев на ветвях. Но, похоже, оно было сделан из одного кристалла. И его корни были утоплены в камень, как будто они высасывали пищу из камня.

Более того, вблизи полупрозрачной поверхности кристалла плавали крупные светло-зеленые объекты. Или они, казалось, были внутри дерева, хотя трудно было убедиться, что они не были на поверхности. Объекты были такими же широкими, как его рука. Но когда они извивались, трепетали и поворачивались, чтобы представить свои края, они выглядели такими же тонкими, как лезвие бритвы.

Взгляд Тарзана переместился, хотя и неохотно, на трехэтажное здание из обработанного камня. Оно располагалось на краю стены. На его вершине высился металлический столб, на котором трепетал большой флаг, развеваемый сильным ветром.

На полотнище был изображен питон, готовый нанести удар.

Ойабату пролаял приказ. Воины выстроились и замерли. Высокий мужчина вошел через отверстие без двери. Он был одет в медный конический шлем, железную кирасу и наголенники и сандалии из кожи питона. Его треугольный деревянный щит украшало изображение питона. Его левая рука сжимала древко длинного копья с железным наконечником.

Он говорил громко, предлагая Ойабату объявить, кто он и чем занимался, хотя наверняка знал ответы на свои вопросы. Еще одна старинная церимония. Затем воинам было сказано, что они свободны, и офицер развернулся, вошел в дом.

Прошло еще какое-то время. Тарзан огляделся и решил, что он никак не сможет сбежать из этого места, по крайней мере, пока.

Офицер вышел из здания. Ойабату рявкнул что-то воинам. Рог протрубил. Тарзан посмотрел вверх. Гигантский

темнокожий мужчина на крыше протрубил в трубу. Когда он закончил, с вершины башни раздался протяжный крик.

Появилась женщина в маске.

На ней были только сандалии и килт из змеиной кожи длиной до колена, серовато-зеленого цвета с красноватыми кругами. Тем не менее ее сине-черное тело было весьма хорошо своими формами, хотя для человека запада слишком широкоплечим. Треугольная маска была разделена пополам вертикальной линией. Левая сторона являлась ликом зла, маской демона. Правая сторона изображала половину улыбающегося и нежного лица чернокожей женщины. Над маской возвышалась масса волос, завитая в форме спирального питона. Блестящее масло удерживало прическу.

Тарзан был удивлен. Ничто из того, что ему было сказано, не указывало на то, что Рафмана — женщина. И властители были мужчинами — до этого момента. Тарзан предполагал, что Рафмана был мужиной. Он был неправ, и это была его вина. В конце концов, он встречал несколько чернокожих племен, где женщина была верховным правителем.

Рафмана говорила на языке *атака*. Голос за маской был приятным контральто.

— Приведи незнакомцев, чтобы Рафмана, Другой в Маске, Держатель Времени, мог поговорить с ними!

Через минуту пленники и их охранники оказались в большой комнате на втором этаже. Женщина сидела на подушках на стуле из красного дерева на каменном помосте. Позади застыли солдаты и сидящие на табуретках старуха, женщина средних лет и молодая женщина. Они были в белых одеждах, которые оставляли одну грудь обнаженной. Каждая держала в руке железный серп.

Тарзан предположил, что они — жрицы.

На плечах Рафманы возлежал питон длиной около шести футов. Он двигал головой из стороны в сторону, в то время как его раздвоенный язык трепетал, и его желтые глаза без век уставились на трех пленников. Хотя, возможно, это было только воображение, человек-обезьяна подумал, что змея смотрит в основном на него.

Хотя Тарзан не боялся, он ак и не преодолел до конца свой ужас перед змеем — *хистой*. Он чувствовал это с тех

пор, как увидел первую змею. Он был младенцем, сидел на высокой ветке спиной к стволу дерева. И он узнал о *хисте*, великом питоне, подбиравшемся к нему.

Тогда Тарзан закричал и был парализован страхом. Но Кала услышала его крик, и она пришла вовремя, чтобы схватить питона за хвост с силой, равной силе гориллы Болгани. Она сорвала питона с ветки и азмолзжила ему голову.

С тех пор *хисту* привлекал странный интерес к Тарзану. В нем было что-то, что злобно шептало о древности его вражды с человечеством. Тарзан знал, что это чувство не рационально. Он также знал, что многие змеи не только безвредны для человека, но и действительно полезны.

Тем не менее Тарзан и *хиста* всегда будут врагами.

Глаза за маской Рафманы двигались из стороны в сторону. Это продолжалось в течение нескольких минут. Затем она нарушила тишину.

— Я знаю вас! Черный зверь, который говорит и ходит, как человек! Белый человек, который был воспитан обезьянами! Черный человек, который побоялся встретиться с Лягушкой-Призраком, чтобы спеть ей и вернуть свою любовь из Более Чем Мертвых!..

Трое пленников были предупреждены, чтобы они не говорили, пока Другой в Маске не позволит им сделать это.

Правительница молчала минуту. Далеко-далеко кричал орел. Или это кричал человек под пытками?

Прежде чем крик утих, Рафмана заговорила.

— Вы пришли на нашу землю без приглашения. Закон гласит, что вы должны умереть за это.

Три женщины на табуретках подняли свои серпы. И они сказали в унисон:

— Умрите!

— Но, — продолжила Рафмана, — никто из вас не пришел бы сюда, если бы вас не преследовали ваши враги. Поэтому я, Рафмана, Держатель Времени, Великая Матерь Змей, могу простить вас. — Она остановилась, засмеялась и добавила: — Или нет!.. Я закон! Я могу делать то, что мне нравится, потому что мои предки были существами со звезд. Они постановили, что я должна управлять этой землей почти вечно, и что должна коснуться времени и увидеть прошлое, настоящее

и будущее через Темное Сердце Времени!.. Мужчин, которые преследовали вас, возглавляют два белых человека. Я не знаю, почему они желают вам зла. Но я... Мы... выясним почему. Скоро... Тем временем вашим врагам, двум белым мужчинам, будет позволено пройти беспрепятственно и беспрепятственн через нашу землю. Когда они попадут сюда, их тоже будут судить. Никто не заставлял их приходить сюда. — Лицо за маской повернулось к обезьяне. — Или я не права, сын великих обезьян?

— Вы не ошиблись! — согласился Тарзан.

— Хорошо сказано. Те, кто говорили мне, что я неправа, если бы они смогли переиграть, сказали бы иначе. Теперь вы можете говорить, если вы того пожелаете. Мне приятно ответить на некоторые ваши вопросы.

Она поднялась с трона. Змея все еще лежала на ее плечах. Повернувшись, чтобы сказать несколько тихих слов трем женщинам, она снова вернулась к пленникам. Три женщины, высоко держа свои серпы с острыми краями, трижды обошли вокруг возвышения одной цепью. Затем старуха остановилась перед Тарзаном. Женщина средних лет остановилась перед Рэхбом. Молодая остановился перед Ваганеро.

Тарзан не знал, чего ожидать дальше. Серп был символом хорошего урожая. Он также означал несколько других вещей, включая смерть. Каждая женщина дала понять, что пленники должны протянуть руки. Они так и сделали. Но никто не схватил пленников, чтобы удержать их. Это показалось ему хорошим знаком.

Тарзан держал свои запястья параллельно полу. Они также были раздвинуты, насколько можно было растянуть путы. Но он все еще не мог быть уверен, что именно женщины собирались сделать.

Серпы сверкнули. Путы были разорваны.

Тарзан вздохнул с облегчением. Пока хорошо.

Три женщины вернулись на свои прежние места за тронами.

Рафмана сказала:

— Теперь мы празднуем! Так мы говорим! Утром мы проконсультируемся с Деревом!

ГЛАВА 29

— СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРИЗРАЧНАЯ Лягушка? — спросил Тарзан.

Рафмана не сняла маску, поэтому хотя ее слова были громкими, они звучали глухо.

— Существует Голос. Голос не может существовать без существа. Значит, должна быть Призрачная Лягушка.

— Существо, да. Но откуда вы знаете, что существо это именно Призрачная Лягушка?

— Ты слышал Голос. И ты чувствовал его в воде. Человек-медведь видел, что оно пожрало огромного крокодила.

Тарзан подумал: «Откуда она знает все это?» Но он сказал:

— Что-то пожрало его, но я не видел Призрачной Лягушки.

— Тебе действительно повезло. Было сказано, что того, кто слышал Голос, съест Призрачная Лягушка и он становится одним из Более Чем Мертвых. Теперь, из твоего опыта, мы знаем, что это не всегда верно. Но, сын обезьян, если вам разрешат пойти домой, не ходите через то болото снова. Во второй раз вы можете закончить так, как закончил крокодил. — Она сделала паузу, затем сказала: — О, чужак, я чувствую, что ты — великий сомневающийся.

— Да, — подтвердил Тарзан.

Но он думал о том, что она сказала ему может быть позволено покинуть это место. От чего зависело разрешение?

Он, Рэхб, Ваганеро, вождь, Рафмана и три жрицы перебрались под каменную крышу дома. Там они сели в круг на мехах. Рафмана расположилась на маленьком табурете вне круга. Она повернулась лицом к Тарзану. Все, кроме нее, ели руками из больших мисок красного дерева перед ними. Они пожрали стейки крокодила и гиппопотама, ребра козы, бананы, клубни ямса и много видов фруктов и орехов. Они пили пиво из больших тыкв. Дым от жарящихся на очагах блюд наполнял воздух.

Рафмана не ела и не снимала маску. Тарзан предположил, что она, возможно, поела раньше, там, где могла снять свою маску.

Он задался вопросом: казнили ли тех, кто видел ее лицо. Он знал, что в прошлом среди некоторых расположенных к югу от Сахары народов правитель никогда не ел на земле. Ковер всегда разворачивался перед ним, чтобы гарантировать, что этого не произойдет. Если это случалось, те, кого считали ответственным за этот грех, убивали.

Скорее всего, та же участь ожидала несчастного, случайно бросившего взгляд на лицо Рафманы.

Прошло десять минут. Затем Рафмана встала и взмахнула рукой. Слуги немедленно унесли миски и тыквы. Другие принесли миски, полные воды, и полотенца. Умывшись, все спустились по ступенькам и остановились возле дома.

Тарзан задался вопросом, что должно теперь произойти. Испытание? Суд? Казнь?

Вместо этого Рафмана подозвала его к кристаллическому дереву, выраставшему из каменной крыши дома. Тарзан приблизился к святыне. Дерево было по крайней мере сорок футов высотой. Его самые низкие ветви, совершенно прозрачные, начинались на уровне приблизительно семи футов от крыши. Они раскинулись на двадцать футов во все стороны от прозрачного ствола.

Утренний ветер встряхнул листья, и те зазвенели. Все же звук не совсем был похож на звон стекла. Скорее, в нем можно было услышать слабые голоса, смешанные с хрустальным звоном.

Темные бесформенные тени, которые Тарзан видел на расстоянии еще вчера, все еще плавали внутри ствола и ветвей. Теперь, когда он был ближе к дереву, он видел, что они столь же велики, как его рука. Они трепетали и плавали под поверхностью прозрачного камня, вверх и вниз по стволу и вдоль ветвей.

— Это — Глаза Сверкающего Древа, — сообщил приглушенный маской голос Рафманы.

Тарзан осмотрелся. Самыми отдаленными зрителями оказались приблизительно сорок солдат с правой стороны от него и столько же с левой. Их шлемы были из дерева, заключенного в кожух из змеиной кожи. Шлемы имели лицевую маску — в форме морды пятнистого питона. Воины держали треугольные щиты левыми руками. Каждый щит был украшен изображением

змеи с хвостом во рту. Их правые руки сжимали короткие острые копья. Верхние половины тел вождей были выкрашены в ярко-синий цвет; нижние в алый.

На крыше дежурили лучники. Они смазали жиром тела, блестящие в солнечном свете. Где-то рядом мерно рокотал большой барабан. По-бычьи проревели трубы. Барабанный бой набирал темп.

Рафмана заговорила.

— В центре Дерева Темное Сердце Времени. Оно бьется как сердце, но его кровь — само время. Пространство также течет вместе со временем в его артериях.

Тарзан внимательно созерцал Сердце. Хотя он видел его пульсацию, он не мог разобрать его точную форму. Оно продолжило изменять форму и казалось призрачным.

— Пришелец, тот, кого называют Тарзаном, также названный сыном обезьян, помести ладонь на поверхность Древа. Тебе разрешат держать руку там в течение только короткого времени. Если ты будешь касаться Дерева слишком долго, сойдешь с ума. Твоя душа улетит в пустоту и будет навсегда потеряна.

Тарзан сделал так, как ему приказали. В то же время грохот барабана и трубный рев усилились. Трещали трещотки. Завывали рога. Камень под босыми ногами стал влажен и горяч.

Как только плоть Тарзана вошла в контакт с Деревом, темные, изменяющие форму тени, плававшие в дереве, начали перемещаться быстрее. Вскоре они закрутились вихрем.

— Не спускай глаз с Сердца, — приказала Рафмана.

Тарзан так и сделал. Он также мысленно считал удары сердца. Хотя он не носил часов, у него действительно было превосходное физиологическое ощущение времени. Это был его хронометр, какого не было и не могло быть у цивилизованных людей.

Он насчитал восемьдесят ударов в минуту. И затем он понял, что предмет в центре дерева пульсирует в том же ритме, как и его сердце. Он был уверен, что это началось не раньше, чем он поместил руку на Древо.

Внезапно,темные тени замедлили свой бег. Одна скользнула ему под руку, но не прошла мимо. Хотя он не мог теперь ви-

деть ее, он знал, что его форма точно соответствовала форме его кисти.

Музыка барабанов, труб и трещеток стала громче. Сладковатые, серебристые звуки арф добавили в этот рев нотку страсти и тоски.

Из-под руки Тарзана по поверхности Древа разбежались черные нити. Некоторые из них, казалось, стремились внутрь. Они тронули Сердце Времени и затем влились в него. Они были похожи на кровеносные сосуды, связанные с пульсирующей формой. Тарзан испытал приступ головокружения. Планета, казалось, уплывала из-под ног. Тарзан мчался в пустоте, разделяющей миры, метался между галактиками. Пространство теперь стало его кожей, хотя он, не мог объяснить почему. Кожа сморщилась. И кровь времени приливала к этой коже... Пространство и время были теперь им. Или так казалось Тарзану.

Затем его разум устремился вперед. Его разум, обогнал время. Только на один шаг, хотя это был неизмеримо длинный шаг. Тарзан стоял у дверей неописуемого вида. Он знал, что если бы прошел в двери, он был бы там, где время еще не возникло. И при этом вещество пока еще не появилось.

Он был бы в неместе, где невремя и непространство сплелись в таинстве небытия. Но если ничего не было, как он мог быть там?

Из всех чувств, какие Тарзан когда-либо испытывал, это казалось самым сильным — и самым странным.

Смутно он услышал Рафману:

— Не убирай руку от Дерева!

Он и не пытался. Но ощутил, что у него есть рука. Или это говорила не Рафмана, а кто-то чужой? И теперь дверной проем был закрыт. Смесь горя и радости наполняла его ум, счастье от осознания того, что он есть, и горе от того, что так и не постиг ужасную айну .

— Видение будет тускнеть, — сказала она. Это был ее голос или чужой? И как его видение могло потускнеть, если он не мог изменять яркость света? — Но твои глаза будут видеть свет, никогда не виданный тобой! Не снимай руку с Древа!

Тарзан сделал, как она приказала.

— Теперь думай о том лице, которое ты больше всего хотел бы видеть! Мертв ли тот человек или жив — это не имеет никакого значения! Думай!

Тарзан понятия не имел, как любой мог визуализировать лицо будущего человека. Теперь, конечно, было не время для вопросов.

Он сосредоточился. Он также пытался представить место, где она была. Он надеялся, что это не будет темнота могилы или кучка костей на земле.

— Тот, кого ты ищешь, может быть в прошлом или настоящем. Везде, неважно где и когда, — гремел голос. — Но ты должен думать о времени... Хочешь ли ты увидеть этого человека в настоящем, прошлом или будущем...

Вокруг была тьма. Тогда странный свет растолкал темноту, как будто темнота твердый объект — каменные стены, которые можно раздвинуть. Свет осветил мир, как обычный свет. Но это был другой вид света, хотя Тарзан был не в состоянии описать, каким образом эти виды света различались.

Сначала, он оказался полуослеплен. В течение минуты, однако, он уже видел ясно. Он, будучи живым, двигался с течением времени. Он дрожал всем телом... Нет, его не было в этом месте. Но через чьи глаза он видел?

Окна чьих-то глаз. Несомненно. Он видел часть носа того человека, его носа. И впереди раскинулись заросли джунглей. Тарзан смотрел глазами белого человека, носящего грязную и порванную форму. Когда-то это была военная форма офицера Германской империи. Лицо человека было изможденно и утомлено, и он крайне нуждался в бритье.

Винтовка болталась на ремне через плечо, автоматический пистолет был в кобуре, свисающей с грязного пояса. Там же покоился большой нож.

Тарзан не имел никакого контроля над взглядом человека, глазами которого он видел. Что видел тот человек, то и видел Тарзан. И Тарзан не мог слышать. Он видел, что губы человека шевелятся, но не слышал звука. Это было похоже на немое кино.

Затем взгляд пошел вниз. Они видели, и также — Тарзан, выпуклость женской груди. Он также разглядел руку

женщины. Хотя рука была грязной и ногти были сломаны, он узнал ее в тот же миг.

Тарзан пробормотал:

— Джейн!

Она была все еще жива. Но где она и в какой ситуации, Тарзан не мог знать.

Человеком, чьими глазами Тарзан взщирал на мир, должен был быть лейтенант Эрих Обергац, офицер, назначенный немецким верховным командованием выкрасть жену Тарзана, леди Грейсток, и увезти её в Бельгийское Конго. С ними был отряд негров-солдат Обергаца. Но солдаты ни разу не попали в поле зрения. При оценке внешности Обергаца и по тому, что Тарзан видел грязные руки и разорванное платье, немец и его жена явно не нашли общего языка.

Внезапно сильные руки схватили запястье Тарзана, и его рука была отдернута от Древа. Все, что он видел через чужие глаза, исчезло. Он увидел, что два мускулистых воина схватили его за запястья.

Он вскрикнул:

— Джейн!

Рафмана позади него тихо проговорила:

— Ты можешь сказать мне, что видел, когда закончишь с Древом. Сегодня у тебя еще одно касание Древа. Можете подумать о ком-то еще, ком-то, кого глубоко желаешь видеть. Кого угодно из прошлого или из настоящего. Помести руку на Древо снова.

Эти два воина отпустили запястья Тарзана и отступили. Вскоре после того темная форма листа заколебалась еще раз под его рукой. Тарзан медлил.

Он хотел вызвать Джейн снова, или, скорее, посмотреть через ее глаза. Но это ничего не сказало бы ему о ее местоположении. Что относительно сына? Где он? В прошлый раз когда Тарзан услышал о нем, его сын был во Франции, в окопах.

Тарзан ощутил, как его рука прилипла к дереву. Это было так, словно тень в прозрачном дереве источала своего рода магнитное напряжение. Она держала его ладонь. Тарзан знал без слов, что нечто тянуло его разум к — кому? Он не сопротивлялся. Снова обычный свет сменило

сверхъестественное свечение. Резко Тарзан открыл глаза. Но они были его собственными глазами. Хотя он не мог сказать, почему, он знал, что они не были глазами кого-то еще. Он лежал. Сквозь переплетения листвы и ветвей сияло солнце. Потом большая рука, покрытая черной шерстью, появилась в его поле зрения. Сердце Тарзана переполнило радостью. Огромная голова, покрытая черным мехом за исключением лица... Низкий лоб, огромные надбровные дуги и выступающие челюсти... Это было внушающее страх лицо. Но он любил его. Это было лицо его приемной матери, обезьяны, взявшей его в качестве своего детеныша после того, как родители Тарзана умерли.

В течение двадцати лет она была единственным существом, которое Тарзан любил. Она выкормила его своим молоком, защитила от всех опасностей, включая собственных соплеменников. Любила его, и он любил ее.

Тарзан знал, что смотрел на нее своими младенческими глазами.

— Кала! — закричал он. Он рыдал, как он рыдал, когда нашел ее мертвой, убитой темнокожим соплеменником Кулуна. Она, которую он знал, убитая стрелой, опять была жива. Его горе и его давний гнев потрясли его теперь как тогда.

Внезапно его запястье схватили снова, и его рука была оторвана от дерева.

— Это все на сегодня, — сказала Рафмана. — Очередь арфиста и человека-зверя.

— Что относительно завтра? — спросил Тарзан.

— Это зависит не от меня, — пояснила Рафмана. Но, несмотря на просьбы Тарзана, она не сказала, от кого.

ГЛАВА 30

ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ САФАРИ расположилось лагерем в лесу в миле к востоку от берега реки. Единственная деревня, о которой знали негры, была на западном берегу на несколько миль вверх по реке отсюда.

Группа расположилась в тени земляной кучи. Хелмсон и Фицпейджель сидели на поляне. Оба сняли обувь. Вся их

роскошь, большие палатки, раскладной стол и стулья, полотенца и бутылки горячительного, все, что могло замедлять сафари и без чего можно обойтись, было оставлено.

Лишившись всего этого, белые стали раздражительными, грязными и неуклюжими. Им также было трудно спать ночью в поочередно шумных, тихих или затаившихся задумчивых джунглях. Они были очень нервными и очень усталыми.

Двое белых охотников уже умерли. Одного укусила кобра. Другой поранил руку, хотя никто не знал, чем. Его рука раздулась, и ничто, что Хелмсон делал со своими лекарствами, не помогло человеку. Он умер незадолго до рассвета предыдущего дня.

Хелмсон и Фицпейджел были теперь единственными белыми в отряде.

Кроме того, больше чем половина носильщиков, *аскари*, и следопытов покинули их. Они ушли тихо предыдущей ночью в темноте, прихватив большую часть запасов продовольствия, оружия и боеприпасов. Верные утверждали, что они не слышали дезертиров. Ни один из белых не верил им, но они знали, почему те, кто остался, хранили молчание. Они не хотели воевать с дезертирами.

Кроме того, оставшиеся, вероятно, думали о побеге в одну из ближайших ночей. Некоторые из них, без сомнений, подслушали белых, говорящих о таинственных опасностях, поджидавших их впереди. Даже гарантия, что там было много золота, намного больше, чем в статуе, не разожгла их храбрость.

Таким образом, Хелмсон и Фицпейджел становились все более и более мрачными. Если негры уйдут, придется последовать за ними назад вверх по реке. Без слуг белым не вернуться домой. Если они останутся одни здесь, им не выжить.

— Мы будем в состоянии организовать другую экспедицию, — заверил ирландец. — Мы можем собрать большой отряд, вооруженный пулеметами, ручными гранатами, возможно огнеметами. Мы можем набрать целую армию. И у нас будет достаточно мужчин и достаточно лодок для выноса золота. Достаточно, чтобы сделать нас всех богатыми, как американские нефтяные магнаты. Богаче их!

— Да, уверен, — вздохнул Хелмсон. Он смотрел на огонь. — Но что с Грейстоком? Что относительно премиальных денег?

— Грейсток? А зачем он нам? Нет, я не прочь оторвать ему голову. Не колебался бы ни секунды. Он — тот, кто загнал нас в проблемы. Из-за него мы находимся в этой идиотской ситуации. Я не собираюсь забывать это. Когда-нибудь, в конце концов, я выслежу его и убью его. Обещаю!

Хелмсон был удивлен. Лицо ирландца кривилось от дикой ненависти.

— Ты никогда не говорил, что так его ненавидишь! — изумился Хелмсон. — Мы ловили его, но это была просто работа... Это была профессиональная задача. Ты...

Фицпейджел поднялся на ноги. Он смерил американца взглядом.

— Многого ты не знаешь обо мне, — фыркнул он. — И никогда не узнаешь.

Он наклонился и взял свои ботинки. С ними в руке он пошел к палаткам. И запнулся босой ногой о камень.

— Аува! — завопил он.

Он почти упал, но чудом удержался на ногах, проскочив несколько футов. Хелмсон уставился на него. Несколько секунд спустя он поднялся и достал автоматический пистолет из кобуры. Он щелкнул предохранителем и нацелил оружие на Фицпейджела.

— Стоять! Не двигаться! Руки вверх! Я буду стрелять, если ты сдвинешься с места, чертов бош!

Ирландец повиновался. Он повернулся к Хелмсону спиной. Но пробурчал:

— Ты рехнулся, приятель? Что на тебя нашло?

— Аува! Аува! — кричал Хелмсона.

Черные вскочили и наблюдали за белыми. Они, казалось, были полностью озадачены. Некоторые *аскари*, однако, взяли винтовки в руки. Они не знали, что ожидать, но они надеялись быть готовы ко всему.

— Что ты имеешь в виду? Аува! Это к чему?

— Аува! Аува! — завывал Хелмсон. — Если англичанин или американец ушибет палец ноги, он орет, «Ай!» Но если немец делает то же самое, он орет «Аува»! Не может иначе!

Ты, немецкая свинья, выдал себя! Ты не больше ирландец, чем я — свинья Пэдди! Ты — немец! И ты — шпион!

ТАРЗАН ОТСТУПИЛ ОТ Древа, уступив место Рэхбу. Рафмана стояла позади человека-медведя, как прежде с Тарзаном. Она положила руку на шерстистое плечо, пока она полупела инструкции по использованию Древа. После каждой фразы Тарзан повторял ее на языке *шонга.*

Рэхб ничего не сказал во время процедуры, но он несколько раз ворчал. И он вскрикнул в конце. Когда он отступил от Древа, он плакал. Слезы бежали из его больших карих глаз по полумедвежьему лицу.

«Зверь плачет», — думал Тарзан. И затем он исправил себя. Никакой зверь не оплакивает горе или радость. Рэхб оплакивает. Значит, он не является зверем.

Когда Рэхб подошел, Тарзан тихо спросил:

— Что заставило тебя кричать?

Рэхб остановился. Он засопел, затем вытер слезы обеими руками.

— Я видел свою жену. Она была возле хижины, которая напоминала жилища тех темнокожих. Далеко на востоке, согласно теням, отброшенным солнцем, была огромная гора, белая на вершине. Мою жену посадили на цепь! Она ходила назад и вперед в пределах длины цепочки. Трое вооруженных мужчин, которых я никогда не видел прежде, наблюдали за нею. Один был белым. Два были черными. Я не знаю, где она. Но она жива.

Тарзан не хотел причинять товарищу боль. Но он должен был спросить.

— Где был ребенок?

— В руках темнокожей женщины. Я видел только часть ее.

— Ах! — понял Тарзан. — Ты видел ее глазами своего ребенка?

— Да.

Тарзан ожидал, что *шонг* будет перепуган. Но очевидно, он был еще более разумным, чем Тарзан предположил.

— Большая гора, белая на вершине? — уточнил Тарзан.

— Да.

Тарзан обернулся к Рафмане.

— О великая, я могу говорить?

Маска обернулась к нему. Ее голос прозвучал таинственно и глухо.

— Можешь говорить, если это очень необходимо.

— Это важно Рэхбу и мне, — заявил Тарзан. — И это может заинтересовать вас. Я хотел бы иметь возможность видеть то, что видел Рэхб.

— Поддержи его. Помести руку на его плечо. Я положу руку на твое плечо. Тогда я призову Темное Сердце Времени снова. И мы будем видеть то же, что и он.

Втроем они приступили к опыту. Теперь Тарзан видел глазами подруги Рэхба. Он знал, что ее глаза были инструментами, потому что он видел цепь, ошейник у «себя» на шее, части ее тела, темнокожую женщину, ребенка и солдат.

Он видел на расстоянии в много миль гигантские пики горы, в которой он признал Килиманджаро, расположенную в британской Восточной Африке около границы немецкой Восточной Африки. Тарзан знал эти места хорошо. Это было место воодушевления и страха, самая большая гора на континенте и священная для многих племен.

Из ее трех самых видных пиков самым высоким был Кибо, синий Кибо, который, как говорят, был более чем 19000 футов высотой. Любой в ста милях от него в любом направлении видел Кибо.

Никакой человек пока еще не поднялся на вершину Кибо или близко к ее вершине.

За исключением Тарзана.

Несколько лет назад, перед войной, Тарзан был на самой вершины Кибо. Сумасшедший по имени Айдахо Липер поместил его в клетку с леопардом-людоедом. Но Тарзан и *шита* убежали. Это было частью рассказа, о котором Тарзан думал как о приключении очень больной цирковой лошади.

Это приключение было причудливым даже для Тарзана, человека, вокруг которого причудливое, казалось, происходило само собой.

Хотя пик Килиманджаро находился в тропиках, Тарзан почти умер от арктического холода среди вечных льдов. Но он пережил это и также пищевое отравление от употребления в

пищу цирковой лошади, выжил после сражения со сворой из двадцати специально выведенных красно-белых псов Липера. И он избавился от Липера очень специфическим способом, оружием, которое он использовал только однажды в жизни.

Результатом этого приключения стало то, что Тарзан терпеть не мог вкус конины.

Иссохшая и замороженная туша леопарда должна все еще лежать на льду, в снегах вершины Килиманджаро. Однажды какой-нибудь исследователь найдет его. Тот человек и затем мир задались бы вопросом, почему леопард поднялся настолько высоко. На данный момент только Тарзан знал почему...

ТАРЗАН ОТОДВИНУЛСЯ ОТ Древа. Он теперь знал примерно, где жена и ребенок Рэхба. На запад от горы, приблизительно в пятидесяти милях от ее подножия и от того места, где умер *шита*, стояла хижина, где их держали. Он и Рэхб теперь могли отыскать их.

Настала очередь Ваганеро консультироваться с Древом. Он, однако, не провел у дерева столько времени, сколько Тарзан и человек-медведь. Только минута прошла, когда, несмотря на то что его запястье удерживалось двумя могучими воинами, Ваганеро оторвал руку от Дерева.

Его стенание разнеслось над башней и вызвало ответные визги орла, кружащегося в небе. Он дрожал и бледнел. Его глаза широко открылись и закатились.

Рафмана поддерживала его, держа правую руку на правом плече. Когда арфист оторвал руку от Дерева, она отступила от него. Ее голос дрожал из-под маски.

— Я видела его, также, — сказала она. — Место Более Чем Мертвых в животе Призрачной Лягушки. Прошло больше чем сто лет с тех пор, как в последний раз я видела это место. Я надеюсь, что никогда не увижу его снова!

Ваганеро наконец удалось взять себя в руки, хотя его лицо все еще искажал ужас.

Он сказал:

— Я видел место, где живут Более Чем Мертвые! И я видел свою любовь, Лутсу! Я говорил, что вызвал бы Лутсу из

живота Призрачной Лягушки моей арфой и моим пением? Я не знал, насколько ужасно это было бы! И при этом я действительно не полагал, что Лутсу стала призраком, что ничего я не мог сделать, ничего...

Он начал рыдать и скрыл лицо руками.

Тарзан задался вопросом, как Дерево работает. Как он мог видеть через глаза Джейн и также видеть Калу через свои глаза в детстве? Почему через глаза Джейн в первый раз и через его собственные глаза во второй раз? Почему Рэхб видел через глаза своего ребенка и почему Тарзан видел через глаза подруги Рэхба?

Возможно, Дерево действовало беспорядочно в ограниченной области?

Кто сделал — или вырастил — Дерево? Зачем?

И странное заявление Рафманы, что она не видела места Более Чем Мертвых в животе Призрачной Лягушки больше ста лет. Она имела в виду — буквально!?

Тарзан не полагал, что мог существовать другой мир в животе какого-то существа, неважно, насколько большое оно было. И при этом он не полагал, что живот вмещал Более Чем Мертвых. Но он засвидетельствовал, что другие видели. Или это было, возможно, частично субъективно? Он и его компаньоны видели то, что было реально, или то, что они хотели видеть?

Рафмана ничего не собиралась объяснять. А у него не было способа вынудить ее просветить его.

И у него, Тарзана, не было времени бездельничать. Видя Джейн, он знал, что она была жива.

— Или?.. — задался он вопросом.

Если бы она была жива, сколько времени ей осталось жить? Где она и немец находились? Независимо от того, каковы были ответы на эти вопросы, он должен бежать из этой области как можно скорее и двигаться к северу. Причем он должен будет двигаться быстро.

Тарзан осмотрелся, и его сердце наполнило отчаянье. Он был окружен воинами. Он был в месте, где единственным способом бегства, казалось, было спрыгнуть с вершины пика к воде во многих сотнях футов ниже. Тарзан посмотрел на озеро. Скалистые берега возвышались над водой. Земля вне

скал, казалось, опускалась вниз. Затем на расстоянии нескольких миль она начинала выгибаться вверх. Он видел коричневатые и зеленоватые площади сельхозугодий и темные пятна деревень. Дальше высились неприступные горы.

Из рассказов арфиста следовало, что озеро становилось узкой рекой в нескольких милях на юг от башни. Эта река, после многих миль, уходила под землю.

Он оглянулся назад на Дерево. Тени все так же скользили внутри ствола и ветвей. Темное Сердце Времени все еще пульсировало.

Рафмана приказала принести больше пива для себя и пленников. Арфист осушил свою тыкву, но Тарзан и Рэхб были к напитку равнодушны. Рафмана, опустошив кружку, склонилась к Тарзану. Она была так близко, что, несмотря на маску, он ощущал ее дыхание. Оно пахло медом, ферментированным с гвоздикой.

— Я покажу тебе Древо в третий раз. У меня возникло внезапное чувство, что ты должен снова коснуться Древа.

Тарзан уловил очень слабую дрожь в ее голосе. Он решил, что она встревожена.

Но что могло встревожить ее?

ГЛАВА 31

РАФМАНА ПУСТИЛАСЬ В объяснения, и Тарзан получил ответы на некоторые из своих вопросов.

Рафмана, по ее словам, была очень стара и очень мудра, но не всеведуща. Она и не хотела знать все. Как считал ее народ, узнавший все умирал, не выдержав бремени. Его печень разрывалась от скорби мира.

— Конечно,— усмехнулась Рафмана, — мой народ не ведает, что разум гнездится в мозгу. Зачем мне сообщать им об этом? Если они начнут думать, рано или поздно они перестанут верить в меня. Это может стать трещиной в панцире, убившей черепаху, как гласит их пословица... Но я объясню, что я могу. Я вижу будущее. Я видела твое будущее, хотя изображения были очень туманными и не продлились долго. Например, я знаю, что ты станешь богом.

Если то, что я видела, осуществится, станешь богом очень скоро, когда придет час.

— Богом? Я? — Тарзан был изумлен. — Хочешь сказать, я скоро умру?

— Все люди умирают, — ответила она. — Но ты... Для тебя я не увидела смерти вообще!

— Я не верю, что будущее предопределено, — сказал Тарзан. — Это означало бы, что все события уже предрешены, а мы ведем себя механически, без истинной воли, действуем и думаем так, как определяет какая-то внешняя сила.

— Я кое в чем признаюсь, — продолжал голос из-под маски. — То, что я вижу как грядущее время, не обязательно то, что будет. Я вижу наиболее вероятный вариант грядущих событий. Но они не всегда происходят. Однако...

Ее голос умолк. Тарзан ждал продолжения, но вместо этого Рафмана приказала ему и его спутникам потренироваться, побегать по кругу внутри башни. Тарзан был рад. Ему очень нужно было бегать, как и его товарищам по плену.

Тем не менее во время пробежки он наблюдал, что Рафмана делала с Древом, и удивлялся. Она стояла лицом к нему, уперев правую руку в бок. Ее голова была наклонениа в сторону, как будто она прислушивалась. Тем не менее, Древо не издавало звуков. По крайней мере, насколько мог сказать Тарзан.

У Тарзана было чувство, что у нее есть цель, которую Рафмана не раскрыла до сих пор. Но к худу или к добру, нравится это или нет, однажды он узнает, что это за цель.

Тарзан попробовал бежать быстрее. Вскоре он мчался на полной скорости по каменной дорожке, которая окружала стену. Его спутники и небольшой отряд солдат, идущих в ногу с ними, сильно отставали.

«Сейчас!» — подумал он. Сейчас он мог перепрыгнуть через стену и спрыгнуть в озеро. Или прыгнуть в другую сторону и упасть внутрь полой башни и полого пика в недрах мертвого вулкана. Но это будет последняя отчаянная попытка. Его шансы выжить в этой авантюре очень малы.

«Нет, рано...»

Когда пробежка закончилась, рабы обливали его водой из ведер. Рафмана долго стояла недвижно, как будто она

кристалл, как само Древо. Наконец она отступила от Тарзана, и тот задумался над тем, что она видела. Она вошла в дом. Через некоторое время пленники были вызваны в здание, чтобы разделить трапезу с ее советниками и жрицами.

Рафмана сидела на высоком стуле. Остальные присели на корточки на полу. После тридцати минут молчания, за исключением чавканья, Рафмана заговорила.

— Ты задавал мне определенные вопросы, Тарзан. Я отвечу на те, на которые я знаю ответы. Но, пока я говорю, не перебивай меня. Ты можешь задавать вопросы, когда я закончу... Все началось очень давно, когда племя *атака* только перебралось в эти земли...

Рафмана не помнила, сколько ей тогда было лет. Возможно, пятьдесят или около того. *Атака* перебили местных жителей, а тех, кого оставили в живых, изгнали в джунгли. Это были маленькие желтоватые люди. «Бушмены или готтентоты», — подумал Тарзан.

Рафмана подняла правую руку, вытянув указательный палец. Голос за маской усилился и стал громче.

— Но когда мы пришли сюда, мы нашли Близнецов, божественную пару, Арину и Ватану, брата и сестру. Они сказали, что живут здесь очень давно и приехали сюда на особой лодке из другого мира. Это было очень давно, очень давно! Тогда горы были выше, чем сейчас! Но ветер, дождь и даже свет звезд, да, и звездный свет тоже стер с лица земли многие горы за века, прошедшие с момента их прибытия...

Тарзан был поражен. Такого он не ожидал услышать.

— Они пришли к *атака*, из далекого далека, из космоса, такого же холодного, как сердце Двака, которое существовало до начала времени и пространства!..

Рафмана рассказала, что Близнецы были очень похожи на людей.

— Они были чернокожими, их волосы вились. Но носы у них были большие и длинные, а губы — тонкие. Однако их глаза были с вертикальными зрачками и бледными, глазами змеи. А их бог Свика был человеком выше пояса, но внизу у него было тело огромного питона.

Арину и Ватану обладали великой магией, силой богов. Действительно, они были детьми Творца, самой Свики. Или

так они нам сказали. Они дали мне силу снова стать молодой и оставаться молодой до тех пор, пока существует этот мир.Они также показали *атаке*, как делать материалы для Города, созданного Богом, как создать камень, который растет, и как построить Город. Затем, после того как возвели эту башню, они посадили семя Сверкающего Дерева на вершине стены. Дерево, которое вы видите сияющим на солнце, его Темное Сердце бьется пульсом самого времени... Наконец, когда все работы по выращиванию Блестящего Дерева была завершены, Близнецы объявили, что вернутся к звезде, где они вылупились из божественного яйца Свики. Но через много поколений они снова придут к нам. С ними будет много существ их вида. И к великой скорби моего народа Близнецы отправились в своей лодке к звезде, великому белому солнцу, которое является драгоценным камнем в разуме мира... Прошло еще много поколений. В эту долину пришло племя *савито*. Я позволила им жить в Городе, озданном Богом, потому что это исполнилось древнее пророчество... Затем два существа со звезд, похожие на Арину и Ватану, прибыли в другой звездной лодке. Они сказали, что они тоже близнецы, хотя и рождены от добрых яиц Свики. «Арину и Ватану солгали вам, — сказали пришельцы, — об их подлинных намерениях. На звезде, откуда они пришли, Арину и Ватану известны как Злые Близнецы. Но они потерпели поражение и теперь оказались в плену внутри звезды». Новые пришельцы, Цапа и Эквени, были Добрыми Близнецами, как они утверждали. Они пришли, чтобы отменить злую работу первых двух.

Рафмана выпила воды. Одной рукой она приподняла маску, но не настолько, чтобы кто-либо смог разглядеть ее лицо.

— Некоторые из нас поверили пришельцам. Некоторые думали, что они лжецы, что они, а не Арину и Ватану, были злыми близнецами. У нас была война, и во время этой войны близнецы были убиты. Убийцы тогда сказали, что Цапа и Эквени были действительно лжецами. Если бы они были божественными, мы не могли бы причинить им вред. Это то, во что я верила... Никто не знает, что такое истина. Мы также не знаем, что произойдет, когда звездные существа снова придут. Будем ли мы вознаграждены за то, что убили

Злых Близнецов? Или мы будем наказаны за то, что убили Добрых Близнецов?

После паузы Рафмана рассказала, что первые Звездные Близнецы объяснили ей, зачем нужен Город, созданный Богом, и почему Дерево Времени было выращено из семян, посаженных в скале башни. Сеть кристаллических корней позволила бы Близнецам общаться с их родным звездным миром и с другими мирами, где их вид основал колонии. Сеть также позволила бы им путешествовать из одного звездного мира в другой звездный мир без использования звездной лодки.

А сеть корней по всей земле позволит людям повсюду на земле видеть и разговаривать с людьми повсюду и в любом месте в других частях этого мира.

Но когда первая пара близнецов покинула этот мир, Дерево перестало расти. Таким образом, через них те, кто использует сеть, могли видеть только до конца корней. Рафмана не знала, как далеко выросли корни. Но они простирались в точки далеко-далеко.

Она же, Великая Матерь Змей, Рафмана, научилась использовать некоторые другие способности Древа. Итак, — здесь она указала пальцем на трех пленников, — через Рафману другие могли видеть людей в прошлом или настоящем. Но только она могла заглянуть в будущее.

Она смутно видела вероятное будущее. Иногда она не знала, как интерпретировать увиденное. Это показало, что она все еще не знала, как использовать все силы Древа. Но когда-нибудь она узнает.

Она указала на Тарзана.

— Ты, человек-обезьяна, я чувствую, что ты великий сомневающийся. Тебе нужно увидеть что-то, чтобы поверить, что оно существует. Но я уберу твои сомнения. Тебе будет преподнесен великий дар видеть глазами предков, возвращаться к зверю, который перестал быть зверем и стал человеком... Способность использовать Древо, как сказали Близнецы, происходит из кругового потока самого времени. Что означает этот термин, является секретом, известным только Великой Матери Змей, то есть мне...

Тарзану стало холодно, и он вздрогнул. Он ощутил себя в присутствии чего-то обширного и безличного, но в то же

время очень личного. Его разум еще не мог понять ни концепцию, ни ее последствия.

Потом чувство неизмеримых глубин исчезло. Но он понял, что это дерево и то, что оно может сделать — величайшее сокровище из всех. Золото и драгоценности ничего не значили в сравнении с ним. Он хотел бы остаться здесь на очень долгое время и изучить хотя бы часть того, что предлагает Древо. Но он не мог.

Рафмана сказала:

— Злые Близнецы, которые могут быть Добрыми Близнецами, предсказали, что *атака* и Рафмана должны остерегаться одного человека! Его зовут только Тот, Кого Следует Избегать; имя, которое дала ему мать, не было произнесено.

Она умолкла на мгновение. Потом пристально посмотрела на Тарзана диким взглядом и указала на него дрожащим пальцем. Затем она продолжила:

— Древнее пророчество гласит, что Тот, Кого Следует Избегать, придет без предупреждения и без претензий на какое-либо величие или какое-либо слово о бедствиях, которые он приносит. Действительно, он не знает, что он Тот, Кого Следует Избегать. Он не знает, что он является связующим звеном тех сил, которые принесут смерть и разрушения на эту землю. Он принесет беды только самим своим присутствием. Он принесет их без всякой злой воли или злобы на землю, которую он разрушит. Штормы, наводнения, смертельная молния, огонь из недр земли, сотрясения земли — они следуют за ним, как если бы они были гиенами! Тем не менее он невиновен!..

Казалось, вот-вот в комнате грянет гром. Рафмана опустила руку. Теперь ее палец снова указал на Тарзана.

Тарзану показалось, в воздухе пробежала дрожь. Это было похоже на эту не совсем видимую рябь, эту дрожь, которую он чувствовал, когда он стоял рядом с *тантором*, когда она разговаривала со слонами в нескольких милях от нее и эти слоны отвечали ей. Люди, даже Тарзан, не могли слышать эти сообщения. Они были ниже уровня тех звуков, которые люди могли слышать. Но вызванное Деревом атмосферное возмущение было не совсем тем, к чему привык Тарзан. Тем не менее это действительно дрожал воздух.

— Ты! — вскричала Рафмана. — Древо своими глазами сказало мне, кто ты! Я была неправа! Я думала, что это может быть человек-медведь! Но это ты! Ты не просто Тарзан, человек-обезьяна, Повелитель деревьев!

Она еще раз выдержала многозначительную паузу.

Тарзан знал, что она скажет. Откровение пришло и обожгло его ум, словно молния.

— Ты — тот, чье пришествие Близнецы пророчествовали! Ты — Беспричинный причинник! Ты также известен как Тот, Кого Следует Избегать, Нежелающий Даритель Нежелательных Даров! Теперь я чувствую их! Темные силы, нечестивые призраки, кружащие вокруг тебя!

ГЛАВА 32

Самозваный ирландец не двигался, но его взгляд метался из стороны в сторону. Наконец он остановился на Хелмсоне. Казалось, немец принял решение. Он сказал:

— Да, я полковник Германской имперской разведки. Я специализируюсь на делах, связанных с Ирландией, и моя карьера уходит далеко в прошлое, задолго до начала этой войны. Я был занят, создавая проблемы в Ирландии для англичан и доставляя туда оружие на подводных лодках. Оружие для Ирландской республиканской армии. Я также зарекомендовал себя как охотник и исследователь диких животных. Отечество хотело, чтобы я действовал в Восточной Африке и поощрял местные беспорядки. У меня есть две миссии, которые я должен выполнить для кайзера, если это будет необходимо. Но я официально здесь не для того, чтобы шпионить за тобой. У меня есть другая миссия, третья, моя собственная миссия, хотя я признаю, что моим начальникам будет приятно, если я выполню свою личную миссию. Я не знаю, поймешь ли ты то, что еще я тебе скажу.

Хелмсон отметил, что Фицпейджел — или как его там на самом деле звали — говорил по-английски как лондонский кокни.

Хелмсон хмыкнул:

— Продолжай, бош. Убеди меня.

Теперь немец говорил на стандартном американском английском, как на Среднем Западе.

— Что ты знаешь о подвигах Грейстока, сражающегося против немецких войск в Восточной Африке?

— Кое-что, — неопределенно ответил американец. — Но не очень много. Мой начальник не думал, что мне необходима детальная история военных подвигов Тарзана.

— Знаешь ли ты, что немецкий офицер привел свое подразделение в Британскую Восточную Африку до того, как известие о войне между Соединенным Королевством и Германией даже достигло этих мест? Знаешь ли ты, что этот офицер сжег ранчо Тарзана, когда Тарзан отсутствовал?

— Да.

— Знаешь ли ты, что офицер убил туземную девушку, а затем оставил ее сильно обгоревшее, почти неопознаваемое тело в руинах? Или что офицер надел обручальное кольцо леди Грейсток на палец девушки *вазири* перед тем, как сжечь ее? Или что это кольцо убедило обезьяну, что сильно обожженное тело принадлежало его жене?

— Я слышал об этом, — сказал Хелмсон. — Я также слышал, что Грейсток отомстил за предполагаемую смерть своей жены. Тем временем лейтенант Обергац, захвативший леди Джейн Грейсток, отвез ее в Бельгийское Конго. Я слышал, что Тарзан собирался отправиться в лес Итури по следам Обергаца и леди Джейн.

— Знаешь ли ты имя офицера, который сжег ранчо и похитил англичанку?

— Нет, — признал Хелмсон.

— Знаешь ли ты, что Тарзан разыскал человека, который, как он думал, убил леди Джейн? И Тарзан самым жестоким образом убил этого человека, скормив его голодным львам? Но Тарзан принял этого человека за его брата. Когда Тарзан обнаружил свою ошибку, он выследил настоящего офицера и убил его, ударил его в сердце ножом, который ты отобрал у него, охотничим ножом своего отца. Ты знал это?

Хелмсон сказал:

— Нет... — затем он добавил: — Я устал держать этот пистолет. Я собираюсь просто пристрелить тебя, если ты не доберешься до сути очень быстро.

— Человека, который, как ошибочно считал Тарзан, сжег его ранчо и распял члена племени *вазири*, убил и сжег жену Тарзана, человека, которого обезьяна скормил живым голодным львам, этого человека звали майор Болко Шнайдер. А человек, который действительно совершил все эти поступки, человек, которого Тарзан убил ножом, этим человеком был капитан Фриц Шнайдер. Их отцом был генерал Болко Шнайдер!

Хелмсон мгновение молчал. Затем он спросил:

— А твое полное имя?.. — но он уже знал ответ.

— Полковник Сигурд Шнайдер! Двое офицеров, которых убил человек-обезьяна, были моими братьями! Генерал Болко Шнайдер — мой отец! Он договорился, чтобы я приехал в Африку, выследил и убил человека-обезьяну! Но я бы сделал это, и только после того, как обезьяна... человек заплатил полностью за то, что он сделал! Испытал столько боли, сколько он может вынести перед смертью! Я бы никогда не позволил, чтобы человек-обезьяна был доставлен к американскому миллиардеру Стоункрафту, который так отчаянно хочет, чтобы человек-обезьяна был жив по той или иной причине. Нет, только через мой труп!.. Я отрежу голову человеку-обезьяне ножом его собственного отца, и я найду способ ее сохранить. И я отвезу его голову своему отцу и брошу эту голову на его стол в доме наших предков в Пруссии. И я скажу: «Отец! Я, Сигурд, твой единственный выживший сын, отомстил за твоих сыновей, братьев моих!»

Хелмсон проговорил медленно:

— Теперь я начинаю понимать.

Немец немного подумал, затем продолжал:

— Но почему я не должен просто пристрелить тебя сейчас? Ты немецкий шпион. Ты увязался со мной, чтобы убить Тарзана и таким образом лишить меня награды за то, что я привел его живым. Почему бы мне не убить тебя? Прямо сейчас!

— Мой отец очень богат всем... за исключением сыновей, — сказал Шнайдер. — Тем не менее он не мог бы заплатить столько, сколько теперь предлагает Стоункрафт. Но что, если мы захватим Тарзана и заставим Стоункрафта заплатить дважды, может быть, четыре или пять раз? Он может себе это позволить.

Когда Стоункрафт заплатит нам, мы убьем человека-обезьяну, и я отошлю его голову моему отцу. Есть много мест, где ты можешь жить под вымышленным именем как миллионер, например, в какой-нибудь нейтральной южноамериканской стране. Мы можем сказать, что схватили Тарзана, но какой-то неизвестный человек украл его. Этот человек требует выкуп...

Хелмсон задумался над этим предложением. Он также задавался вопросом, как Шнайдер узнал, что Стоункрафт был человеком, стоящим за всей этой схемой. Он спросит его об этом позже. Конечно, Шнайдер имел доступ к данным немецкой разведки.

— У тебя больше шансов выжить, если я здесь, чтобы помочь тебе, — продолжал Шнайдер. — У тебя также больше шансов найти и поймать обезьяну. — Он выдержал паузу, затем добавил: — И у тебя будет гораздо больше шансов вернуться и получить золото, статуи и Бог знает что еще. Мне хочется получить золото, но не сейчас. У меня будет голова Грейстока и выкуп Стоункрафта. Этого достаточно.

Хелмсон уставился на лисье лицо немца, его улыбку и рыжие волосы. Тот, безусловно, выглядел как стереотипный ирландец. Неудивительно, что он прекрасно изображал кельта. Но ему нельзя было доверять. Тем не менее он был бы очень полезен в этой ситуации. Как только он станет не нужен, его надо будет убрать. Крокодилы, например, могли его съесть.

— Более того, — продолжал Шнайдер, — если ты убьешь меня, мои люди дезертируют немедленно. Если ты попытаешься их остановить, они убьют тебя.

Хелмсон огляделся. Вся скотская и зловещая Африка, казалось, нахлынула на него. Внезапно перестало иметь значение, что Шнайдер, несомненно, убьет его, когда сможет обойтись без него. В настоящее время он был союзником. Любой белый человек в экваториальной Африке остро нуждался в союзнике. Одинокий белый человек в этой конкретной ситуации отчаянно нуждался в союзнике.

Хелмсон поставил на предохранитель свой пистолет и сунул его в кобуру.

— Хорошо. Мы поговорим об этом утром. А пока давайте поспим. Когда рассвет наступит, мы пойдем вглубь страны,

к утесам. Мы находимся на левой стороне реки. Пока что на этой стороне не было туземцев. И утесы на этой стороне близко. Пройдем через джунгли на этой стороне к утесам. Поднимемся на вершину и проложим маршрут.

По крайней мере, надо миновать болото. Если Призрачная Лягушка существует, мы обойдем ее.

В эту ночь им плохо спалось. Хотя охотники очень устали, когда встали, они почувствовали себя лучше, только пробежав милю до кромки воды. Около полудня сафари было на полпути к скалам. Хелмсон и Шнайдер влезли наверх первыми. Они сидели на вершине скалы, состоящей из известняка. Под ними, на разных высотах, другие люди образовали ломаную линию. Они опирались на выступы скал и цеплялись за трещины. Восхождение было тяжелым, но не таким, как подъем на отвесную скалу. И до сих пор никто не получил серьезных травм и не погиб.

Шнайдер вытер пот с лица банданой, затем сделал большой глоток воды из фляги.

— Однажды, когда мы пили виски высоко в прохладном городе Кито, высоко в Андах...

Он остановился. Его глаза расширились. Хелмсон уставился на него, затем попытался подняться на ноги. Затем он ухватился за выступ в скале под ним.

Громада утеса дрожала. Казалось камень колышется, как флаг на сильном ветру. Откуда-то донесся слабый гул, похожий на выстрелы огромной пушки, хотя и далекой.

— Землетрясение! — в ужасе закричал американец.

Дальняя пушка прогремела снова, и снова, и снова. Шум приближался. Скалы сотрясал озноб.

Далеко под ними, где прежде были джунгли, теперь бурлила вода. Бушующая, кружащаяся, бурлящая вода. Наводнение швыряло огромные деревья, как будто они были зубочистками для Бога.

Рев и тряска усилились.

Затем начался настоящий потоп. Хелмсон не мог слышать собственного крика.

Кипящее море поднималось все выше и выше. Куски утеса начали отваливаться. Он увидел, как уступ с дюжиной чернокожих рассыпался и упал в воду.

Теперь яростная поверхность вод была всего в нескольких футах от него.

Хелмсон закрыл глаза. Впервые с тех пор, как он астался сл своим детством, он молился.

Однако ему казалось, что голос воды и земли принадлежит Богу. И Бог не был доволен им.

ГЛАВА 33

ТАРЗАНА ПОДБРОСИЛО. ПОЛ ушел из-под его ног — сразу дюймов на шесть.

Хотя он, словно кошка, приземлился на ноги, пол опять покачнулся и ударил его по спине. У сына обезьян перехватило дыхание. Он был ошеломлен на несколько секунд.

Когда он пришел в себя достаточно для того, чтобы попытаться встать на четвереньки, его снова сбило с ног. Камень под ним бился и вертелся, как испуганная кошка. Широкие зигзаги трещин бежали по полу. Многие из квадратных каменных плит вставали дыбом.

Еще одна ударная волна прошла через башню. Снизу, снаружи башни и внутри нее раздавался громкий звон и грохот. Это падали вещи, каменные блоки, плиты и, возможно, люди. Этот грохот дополнялся многоголосым хором криков.

Мощные удары — один, два, три, четыре, пять и так далее — снова и снова толкали пол вверх. Тарзан перестал изо всех сил пытаться подняться на ноги. Он оказался в тисках силы, с которой даже не мог надеяться справиться. Распластавшись на полу, он попытался вцепиться пальцами в камень. Он сознательно не хотел, чтобы его пальцы держались за плитку. Подчиняясь какому-то внутреннему импульсу, он постарался не упасть при падении башни.

Хотя башня качалась как пьяная и пол шел волнами, стены не рухнули. Но части пола обваливались. Верхняя терраса рушилась, некоторые из обломков уносили с собой вопящих мужчин и женщин.

Затем толчки прекратились, хотя башня еще некоторое время дрожала. Тишина обрушилась на вершину башни. Ка-

залось, что само здание и все в нем затаили дыхание, ожидая следующего удара.

Тарзан осознал, что листья сверкающего дерева звенели. Глубоко в глубине, под озером, в земле и в каменных корнях Дерева мощные вибрации еще не замерли.

Черная тень в хрустальном стволе, Темное Сердце Времени, все еще пульсировала. Но его удары стали беспорядочными. Они замедлялись, затем ускорялись, затем снова замедлялись. Оно вело себя как сердце в состоянии стресса.

Тарзан подумал: «Если Сердце перестанет биться, умрет ли само время?»

Он вскочил на ноги. Ваганеро и Рэхб все еще лежали на сундуках. Он говорил тихо, но достаточно громко, чтобы они могли услышать.

— Быстрей! Быстрей! Следуйте за мной!

Некоторые туземцы вставали. Одной из них была Рафмана. Видя, как человек-обезьяна ведет своих товарищей к лестнице, она взвизгнула.

— Остановите их! Не дайте им сбежать!

Некоторые из воинов встали и схватили копья. Другие медлили подчиняться. Однако вскоре и они будут готовы броситься на пленников.

Тарзан зарычал и прыгнул дважды. В конце второго прыжка он протянул руку, чтобы схватить Рафману за шею. Она отступила. Его пальцы сжали края ее маски. Ревя, он сильно потянул маску на себя. И та слетела с ее лица.

Он смотрел в лицо молодой черной женщине с длинным тонким носом. Она не была ни некрасивой, ни красивой. Но ее глаза выглядели очень старыми. Они были такими древними, что могли видеть первых существ со звезд, Добрых Близнецов. Они казались такими же древними, как если бы она видела первые лучи звездного света, которые начали стирать с лица земли гору, называемую Великой Матерью Змей. То, что в ней было человеческого, превратилось во что-то неопределенное и другое. Даже глаза Рэхба выглядели гораздо человечнее, чем ее глаза.

Она снова взвизгнула и попыталась отнять маску. Тарзан швырнул священный предмет — маска полетела в озеро. Рафмана истошно закричала. Орел, парящий высоко над

ними, эхом отозвался на ее крик. Рафмана вонзила ногти в лицо. Кровь потекла из оставляемых ими борозд.

— Убейте их! Убейте их!

Тарзан ожидал, что его поразит дюжина копий. Но оружие упало на пол. Пытаясь понять, что случилось, Тарзан обернулся.

Воины и фактически все мужчины и женщины отвернулись от нее и закрыли глаза.

— Убейте их! Убейте их!

Они не слушались ее. Она подбежала к ближайшему копью и наклонилась, чтобы поднять его. И Тарзан, и Рэхб бросились на нее. Человек-обезьяна отобрал копье. Человек-медведь сильно ударил ее по челюсти огромным кулаком. Она выскользнула из их рук, но Рэхба поймал ее и высоко поднял над собой.

— Не бросай ее в озеро! — крикнул Тарзан на языке Рэхба. — Мы возьмем ее с собой. Ее люди не станут вмешиваться. Им запрещено смотреть ей в лицо. Если они это сделают, они умрут.

Тарзан не знал наверняка, так ли это. Однако по поведению туземцев он предположил, что все было именно так, как он сказал.

Они спускались по ступеням колодца внутри башни.

Когда воины, выстроившись спиной к ним, преградили путь, он оттолкнул их. Они не обернулись, чтобы посмотреть, что происходит. Спутники Тарзана следовали за ним, Рэхб позади нес вялое тело Рафманы на плече. Спуск не был легким, потому что тут и там камни резных ступеней упали в воду. Местами они должны были спускаться вися на руках, сжимая пальцами выступающие края ступеней, а затем спрыгивая на другие выступы.

Тем не менее, несмотря на кровотечение от порезов и царапин, они были всего в тридцати футах над поверхностью воды, и их еще не остановили. Но здесь лестница заканчивалась.

Тарзан посмотрел вверх. Он ожидал увидеть крошечные лица, обрамляющие открытый круг наверху, озаренный светом дня. Но все же, видимо, никто не осмелился смотреть.

Суеверие работало на него.

Тарзан присел на мгновение. Каменная плита пронеслась вниз, едва не задев его. Тарзан задался вопросом, должен ли он взять с собой Рафмана или убить ее. Но у него не было времени, чтобы принять решение.

Стены снова начали сильно трястись. Плиты и каменные блоки рушились в озеро. Вода вздымалась и бурлила, словно вулкан собирался взорваться.

Он закричал:

— Прыгайте!

Прежде чем он успел прыгнуть сам, его швырнуло наружу. Он ударился о воду и быстро всплыл, но не мог сориентироваться в бурлящем аду. Вода подхватила и помчала его вперед. Он едва избежал удара головой о перекладину арки. Затем он попал в такое сильное течение, что не мог с ним бороться. После этого его снова и снова переворачивало и снова и снова швыряло вверх и вниз.

Время от времени Тарзан сталкивался с чем-то тяжелым. Он предположил, что это бревна или упавшие деревья. Но он не пострадал ни от одного из этих столкновений.

Он продолжал сражаться, пытаясь подняться на поверхность воды — иногда он видел свет над головой. Но он ожидал, что в любое время его разбьет о дно реки, раздавит или иным способом уничтожит разбушевавшаяся стихия.

Что-то ударило его с левой стороны. Тарзан попытался оттолкуть это рукой. Его рука ощутила что-то большое и круглое. Он ухватился за это. Мгновение спустя, когда его легкие ныли от дикой боли, он увидел свет. И он смутно почувствовал, что то, что он схватил, тащит его вверх. Его голова поднялась над поверхностью. Он глубоко выдохнул, а затем глубоко вдохнул. Вновь выдохнул и вновь вдохнул, и тут ясно увидел, что тащило его за собой.

Это был *гимла* — крокодил — гигант из своего рода, гигант из гигантов. Человек-обезьяна висел на его ноге.

Казалось, крокодил не замечал Тарзан. И человек-обезьяна сомневался, что *гимла* заметит его, пока не достигнет безопасного места. Сейчас вся его воля была сосредоточена на том, чтобы оставаться над водой. Однако, несмотря на огромную силу, он мало что мог сделать, чтобы не быть утащенным на дно и размозженным о камни диким течением. Поэтому

Тарзан продолжал держаться за ногу рептилии, даже когда ярость воды понесла их в глубину. *Гимла* имел больше шансов выжить; сила *гимлы* была велика.

Наконец, настал момент, на который он надеялся, хотя и перестал верить. В скале слева Тарзан увидел огромную трещину. Какой-то катаклизм давным-давно разорвал скалу от вершины до поверхности ревущих вод. Места хватало для четырех человек.

Тарзан висел на правой стороне крокодила. Он высунулся из воды, схватившись за гребень на спине огромной рептилии. И затем, несмотря на то что тело *гимлы* сильно раскачивалось, Тарзан сумел встать. Он надеялся, что крокодил не нырнет и не окажется под водой.

Тарзан присел, оценивая расстояние между ним и щелью в скале. Она приближалась быстро, и ему пришлось бы нырнуть и войти в расселину в нужное время. В противном случае он очень сильно ударится о каменную стену утеса. Такой удар может убить или сильно покалечить.

Именно тогда *гимла*, должно быть, увидел щель в скале и решил заплыть в нее. Он резко свернул, чуть не сбросив человека-обезьяну. Но Тарзан мертвой хваткой вцепился в кожистый гребень, больший, чем у любого известного Тарзану крокодила. Он держался так, пока рептилия поворачивала под прямым углом к течению. Теперь он решил прыгать.

Тарзан встал и раскинул руки для равновесия. И тут вода внезапно поднялась. Возможно, фронт наводнения столкнулся с каменной преградой, скрытой от Тарзана. В любом случае вода рванулась вверх.

Край большой трещины в скале ударил крокодила посередине правого бока. За секунду до удара Тарзан спрыгнул, в трещину. Затем он оказался в воде и ударился о левый бок чудовища.

Столкновение с *гимлой* было болезненным и заставило занеметь правый бок, правую руку и ногу. Гимла, должно быть, был убит или сильно ранен. Он затонул. Тарзан тоже был бы серьезно ранен или убит, если бы рептилия не находилась между ним и скалой.

Своей невредимой левой рукой Тарзан схватился за ветку дерева, растущего в расщелине. Вода отступила, оставив

его болтаться. Ему удалось поднять ноги. Мгновение спустя он втиснулся в щель между скрюченным стволом дерева и каменной полкой. Здесь было чертовски тесно, но другого выбора не было.

Задолго до того, как наступил рассвет, к его правому боку и правой руке потихоньку начала возвращаться чувствительность. Способный теперь ясно видеть, он медленно и преодолевая боль поднялся на вершину утеса. Всего на сорок футов. Он находился на разрушенной земле и далеко от башни. Но он был свободен и мог начать долгое путешествие обратно туда, где он начал поиски Джейн.

Сначала он должен был поесть. Шагая вдоль края вершины утеса, он увидел тела нескольких обезьян — *ману*. Они были убиты, когда упало дерево, в котором они нашли убежище. Он содрал шкуры и выпотрошил тушки пальцами. И он ел, пока его живот не был полон.

Таким образом, поедая сырое мясо зверей, убитых землетрясением, он выжил. Он также нашел ягоды, орехи и насекомых, чтобы разнообразить свой рацион. Через день он вернулся туда, где была башня. Руины ее были все еще затоплены бушующими водами. Так было и с Блестящим Деревом.

Возможно, далеко внизу, погруженное в грязь, Темное Сердце Времени все еще пульсировало. Или, может быть, дикая сила наводнения оторвала Дерево от его корней и унесло далеко вниз по реке. Какой бы ни была ситуация, Тарзан чувствовал, что Сердце мертво. Но время все еще текло.

Тарзан сожалел, что потерял шанс видеть сквозь Дерево. Потерял возможность отправиться назад во времени, увидеть мир глазами своих предков, вернуться к... кому?.. Первым людям, у которых есть язык?.. Упустить этот шанс было большой потерей. Это была также потеря для науки. Какая потеря! Жаль.

Тарзан отвернулся от бушующих вод и отправился на север. Дерево, Рафмана, Рэхб, Ваганеро и Хелмсон навсегда остались в прошлом. Но он не знал, что случилось с Хелмсоном и его людьми. При этой мысли Тарзан зарычал. Если каким-то образом Хелмсон избежал ярости землетрясения и вызванного им наводнения, ему не избежать мести Тарзана...

В конце дня человек-обезьяна пришел в то место, где когда-то был Город, озданный Богом, ложный город, сияющий столб, с которого был сброшен царь. Теперь тут не было никаких признаков города. Вода кипела, пузырилась, шипела и парила. Судя по всему, сквозь дно озера прорвалась раскаленная лава.

Рождался новый вулкан. Он начинал образовывать вулканический конус на дне того, что было озером, но все еще было частью великой реки. Какой бы ни оказалась природа материала, из которого образовался Город, озданный Богом, это твердое блестящее вещество, вероятно, уже расплавилось.

Тарзан возобновил путешествие на север. И вскоре начал использовать то, что североамериканские индейцы называли волчьм шагом. Пятьдесят шагов он бежал, потом шел еще пятьдесят, затем снова бежал. Тарзан буквально поглощал расстояние.

К концу дня Тарзан заметил, что паводковые воды, по-видимому, схлынули. Где-то внизу по течению, подумал он, образовалась огромная дыра в земле, дыра, которая поглотила большую часть вод. Вода вышла из земли, и теперь она возвращалась в землю.

Уровень реки стал теперь намного ниже вершин утесов. О том, что вода поднималась над обрывами до того, как спала, свидетельствовало опустошение, царившее на берегах. Все деревья были сметены. Вся почва исчезла, сорванная бушующими водами. Везде, куда смотрел Тарзан, был пустошь, камни и грязь. Но река все еще несла много деревьев. Они вместе с трупами и тушами животных быстро плыли вниз по течению. Не было ни бегемотов, ни крокодилов, ни каких-либо водных существ, которые когда-то населяли берега. Также птиц не было. Деревья, которые росли вдоль реки, исчезли. Оставалась только блестящая грязь.

Пройдя несколько миль, Тарзан услышал далекий и тонкий трубный рев. Он набрал темп. Ему показалось, что звук издает слон *тантор*. Но когда он подошел ближе к источнику звука, он услышал еще один звук. Это было громовое кваканье, смешанное со многими голосами.

Трубный рев озадачил его. Что здесь делал *тантор*? *Тантор* ревел — взбешенный и в то же время испуганный. Но

кваканье и человеческие голоса не заставили его задуматься. Он знал, что издавало этот звук.

Тарзан остановился. Он наклонился над краем утеса и посмотрел вниз. Скалы здесь образовывали полукруг, своего рода естественный амфитеатр. Примерно в семидесяти футах ниже, на дне пропасти была бухта с грязным пляжем.

ГЛАВА 34

«АМФИТЕАТР» СТАЛ СЦЕНОЙ для очень странной драмы. Справа от Тарзана возвышалась груда поваленных деревьев, сваленных в чудовищную кучу. Некоторые выглядели настоящими титанами. Большинство было меньше, но все же очень большими.

Из-под этого завала торчало гигантское существо. Его блестящая и бугристая кожа была бледно-зеленой. Гигантская голова с изумленными глазами и передние конечности были свободны, но основная часть тела оказалась безнадежно завалена. Вес массы деревьев наверняка сокрушил заднюю половину ее тела и задние ноги.

Передние ноги, однако, двигались, и мягкие лапы пытались схватить существо, которое атаковало чудовище.

Атакующим был *тантор* — плененная слониха, которая говорила с Тарзаном на ее урчащем языке. Тарзан не мог догадаться, как она попала сюда не утонув и не получив тяжелых ранений. Но это была именно она.

Ее передние ноги все еще были в оковах, и она тащила цепи, которые все еще были прикованы к большим кольям. Даже сейчас, когда она трубила и атаковала Призрачную Лягушку, колья подпрыгивали на концах цепей. Это и глубина грязи, в которую она погружалась примерно на шесть дюймов с каждым шагом, замедляло ее бег. Но она двигалась достаточно быстро, чтобы избежать захвата гигантских лап. Слониха вонзила бивни в Лягушку чуть ниже ее рта.

Этот рот был открыт, а на нижней челюсти виднелись ряды острых зубов.

У лягушек не бывает зубов. Поэтому этот зверь, как бы он ни был похож на лягушку, не был лягушкой.

«То есть, — подумал Тарзан, — это, безусловно, не земная лягушка. Наверняка она была создана некими сущностями с планеты, вращающейся вокруг далекой звезды. Возможно, эти сущности были Добрыми Близнецами, о которых говорила Рафмана. Или Злыми Близнецами».

Лягушка, возможно, была естественным обитателем этой планеты, и ее или ее предков привезли сюда Близнецы. В любом случае, ее породила не Земля.

Хриплый рев лягушки донесся до Тарзана. Сама величина существа поразила человека-обезьяну, хотя и не заставляла его дрожать. А вот двое мужчин в разорванной и грязной одежде, которых он разглядел, съежились от ужаса.

Они находились на выступе скалы в двадцати пяти футах от грязи, в пятидесяти футах от края «амфитеатра» и берега реки.

Человек-обезьяна не мог разглядеть их лиц. Но он увидел нож в правой руке Хелмсона — его единственное оружие. Это был клинок, который Тарзан унаследовал от своего отца и использовал, чтобы убить Болгани, гориллу, которая потеряла рассудок, когда Тарзан был всего лишь подростком. Именно этот нож позволил ему убить Тублата, его ненавистного приемного отца. Это было оружие, которое подняло его над гораздо более могущественным *мангани* и позволило ему покорить множество *нума* и *шита*. И его острая сталь пронзила гнилые сердца многих врагов.

Увидев это, Тарзан зарычал.

Однако его внимание отвлеклось от белых людей, когда он услышал, как *тантор* закричал от ужаса. Призрачная Лягушка схватила один из бивней слонихи своей могучей лапой. Хотя *тантор* пыталась отступить, она не могла этого сделать. Она продолжала скользить в грязи.

Раздался очень громкий треск.

Призрачная лягушка вывернула левый бивень , а затем вытащила его из гнезда. *Тантора* пронзила боль, и слониха взревела.

Тантор рухнула на колени. Лягушка схватила другой бивень левой лапой и затащила все еще борющуюся слониху в свой зияющий рот. Челюсти лягушки сомкнулись на туловище *тантора*. Затем Лягушка выплюнула тушу. Слониха

скользнула назад в грязи, все еще стоя на коленях. Кровь струилась из отверстия, где находился ее хобот, и эта струя, казалось, толкала ее. Затем Лягушка открыла рот. Длинный, относительно тонкий язык высунулся наружу, а затем вернулся в пещеру рта.

Тарзан не видел, как зверь глотает, под углом зрения со скалы. Но язык ушел в глотку с хоботом несчастной слонихи.

Тантор умерла.

К этому времени Тарзан был на полпути вниз.

Его нога выбила маленький камень. Тот отскочил от нескольких выступов на пути вниз. Вздрогнув, Хелмсон и его спутник посмотрели вверх. Их рты открылись от удивления.

Тарзан бросил им вызов. Но они попытались спастись бегством. К тому времени, когда человек-обезьяна достиг верхнего ряда природного амфитеатра, они уже бежали к левой стороне утеса. Их путь уводил их как можно дальше от Лягушки. Хелмсон все еще держал нож в правой руке.

Было очевидно, что они надеялись добраться до реки.

Тарзан опоздал. Бегство привело бы их к точке в тридцати пяти футах от Призрачной Лягушки.

Они надеялись, что будут вне досягаемости длинного языка.

Хелмсон проиграл.

Когда он добежал до конца утеса, как раз перед тем, как он смог прыгнуть в реку, его поймали. Язык выскользнул, словно тень тени, мелькнул в воздухе. Конец языка обвился вокруг груди человека и дернул его вверх. Затем язык свернулся, удерживая Хелмсона в воздухе, и устремился обратно в широко открытый рот. Хелмсон закричал.

Другой белый человек продолжал бежать. Но грязь замедлила его бег. Затем он поскользнулся и растянулся на камнях. На мгновение он оказался лицом вниз в грязи.

Тарзан закричал. На этот раз его голос был полон ярости и отчаяния. Он потеряет нож своего отца, если Хелмсон не уронит его, прежде чем Лягушка успеет его проглотить. Но Хелмсон не отпустил нож. На самом деле, даже когда его втягивало в пасть, он начал рубить. Верхняя часть его рук была прижата к телу, но он мог поворачивать нижнюю часть правой руки и таким образом наносить удары по нижней

части языка. Призрачная Лягушка ревела, хотя невозможно было сказать, от боли или нет. Однако она не выпустила Хелмсона.

Тарзан не думал о возможных последствиях своих действий. Хотя он не мог достичь скорости, которую он обычно развивал, если бы грязь не мешала ему, он запрыгнул на спину мертвого слона. Он пробежал два шага, немного скользя из-за грязи на ногах, затем снова прыгнул. Он снова закричал, когда влетел в широко раскрытую пасть твари. Затем нижняя челюсть захлопнулась. Свет исчез. Человек-обезьяна очутился в темноте, держась за скользкий язык и ноги Хелмсона.

Несмотря на то что челюсти были закрыты, он слышал, как разговаривают мужчины, женщины и дети. Казалось, их голоса исходили от самой плоти амфибии, хотя на самом деле доносились из глубин зловонной утробы.

Плоть лягушки сдавила его. Он думал, что он все еще в пищеводе, хотя не был уверен. Его руки были связаны, сжаты чудовищным горлом. Но, приложив одно из величайших усилий в своей жизни, Тарзан раздвинул скользкие мышцы горла в стороны, достаточно широко для того, чтобы протянуть руку и ощупать Хелмсона.

Рука американца также была прижата к его бедру мышцами горла. Но Тарзан нашел руку и почувствовал, что клинок, все еще в руках Хелмсона. Мгновение... и нож оказался у Тарзана.

Тарзану пришлось действовать очень быстро. Он не мог дышать. Через минуту он задохнется. Обычно он мог задерживать дыхание более пяти минут. Но титанические усилия утомили его.

Мышцы пищевода лягушки, двигаясь как змеи, толкали тело Тарзана к животу размером с дом. Человек-обезьяна прижал руку к груди, а затем расчистил некоторое пространство между ним и мышцами, которые сжимали его тело, распиливая их ножом. Он почувствовал поток горячей крови, затем его руки нащупали располосованную плоть. Хотя глотательное движение прекратилось, Тарзан все еще оставался в ловушке. Он ничего не мог сделать, кроме как продолжать резать и надеяться, что сможет продержаться минуту или две.

Внезапно Лягушка снова дернулась. Тарзан не знал, куда его снова тащит, к животу или обратно в горло. Но что-то случилось, и он скользил намного быстрее, чем раньше.

Затем был свет, воздух и чувство свободы, полет без крыльев.

Тарзан открыл глаза, но кровь все еще заливала его лицо, мешая видеть. Он начал переворачиваться. Он согнул колени, чтобы подтянуть их к груди. Прежде чем он смог завершить это движение, он ударился оземь. Он приземлился на спину. Его легкие, казалось, вот-вот лопнут.

Ошеломленный, слепой, всасывая воздух, Тарзан лежал в грязи. На мгновение он забыл, где и кто он был. Он также не знал, что с ним происходит.

Но его чувства быстро пришли в порядок. Тыльной стороной ладони он вытер кровь и слизь с глаз. И, внезапно вспомнив, что он может быть уязвим для атаки, попытался подняться.

Теперь он мог видеть смутно. Он снова вытер грязь. Рядом с ним лежало тело. Это был Хелмсон. Его тоже выплюнули.

Призрачная Лягушка еще не умерла. Ее передние лапы бились в агонии. Они сжимались и вновь разжимались. Кровь текла из открытого рта. Но язык рванулся в сторону Тарзана, затем вернулся назад в рот, а затем снова ударил быстрее, чем стрела.

Его кончик взрезался в грязь в футе от Тарзана. Но этот удар языком помешал другому человеку, спутнику Хелмсона, подкрасться и ударить Тарзана толстой палкой. Пока человек-обезьяна приходил в себя, второй противник попытался обойти Тарзана, надеясь атаковать с тыла.

Человек-обезьяна успел зачерпнуть воды из близлежащей лужицы. Держа нож в зубах, он брызнул водой себе в лицо. Хотя вода была грязной, она была достаточно чистой, чтобы смыть кровь и грязь с его глаз. Он сжал нож в руке.

Мужчина остановился. Его лицо кривилось от ненависти, он говорил по-немецки, но тараторил так быстро, что понять его было невозможно. Затем он помолчал несколько секунд, пытаясь взять себя в руки. То, что человек использовал немецкий, подсказало Тарзану, что этот человек не был англи-

чанином или американцем. Человек, страдающий от сильных эмоций, автоматически возвращается к своему родному языку.

«Этот человек, — подумал Тарзан, — должно быть, немецкий шпион».

Мужчина взмахнул дубинкой и сделал шаг вперед. Тарзан зарычал и сделал два шага навстречу своему противнику, затем остановился. Он присел, его нож был готов к удару.

Глаза немца были глазами сумасшедшего. Он снова заговорил, на этот раз на английском.

— Ты меня не знаешь! — это было утверждение, а не вопрос. Тарзан не ответил. — Имя Шнайдер что-нибудь значит для тебя? — спросил незнакомец.

Человек-обезьяна несколько секунд изучал лицо мужчины. Тот был заляпан грязью, но длинные, худые черты его лица он видел у... кого? Имя, с которым он был очень хорошо знаком... Но люди, которых он вспомнил, были выше и крепче. Все же... было определенное семейное сходство.

— Единственные Шнайдеры, которых я знаю, были два брата, — наконец ответил Тарзан. — Одним из них был капитан Фриц Шнайдер. Другим был майор Шнайдер. Я не знаю его имени. Они оба были офицерами немецких восточноафриканских сил. Капитан прибыл со своими людьми на мое ранчо и был встречен моей женой, не знавшей, что война объявлена. Затем капитан предательски сжег здания ранчо, убил моих слуг и воинов *вазири*, надел обручальное кольцо моей жены на палец мертвой женщины *вазири*, а затем сжег ее... Я думал, что ее обугленный труп был моей женой. Но моя жена все еще жива. Немцы забрали ее. Еще недавно я обнаружил, что сожженный труп не принадлежал моей жене. Однако задолго до этого я по ошибке убил майора Шнайдера. Я думал, что это был Фриц Шнайдер. Но затем я убил капитана и таким образом я отомстил за мертвых *вазири*, никто из которых не заслуживал смерти.

— Я Сигурд Шнайдер! — взревел немец. — Они были моими братьями! Мой отец скорбит по ним, как и я! Я здесь, чтобы отомстить за их смерть! И я убью тебя и принесу твою голову моему отцу!

— Храбрый разговор, — заметил Тарзан. — Как ты планируешь это сделать?

Он приблизился к немцу с ножом в руке.

Шнайдер, вместо того чтобы отступить, закричал и попытался броситься навстречу. Он поскользнулся, упал и скользнул вперед по грязи. Его голова коснулась ноги Тарзана.

Человек-обезьяна вырвал дубинку из руки немца и выбросил ее. Затем он зажал нож зубами и поднял кричащего, жестикулирующего и пинающегося Шнайдера обеими руками высоко над головой. Он хотел размозжить голову немца о скалу.

Но Шнайдер перестал кричать. Теперь он рыдал, а между рыданиями он причитал:

— Подожди! Подожди!.. У меня есть кое-что... Не убивай меня... Подожди! У меня есть кое-что, чтобы обменять... на мою жизнь!

Человек-обезьяна не опустил человека на землю. Но сквозь нож в зубах он сказал:

— Что именно?

Шнайдер пролепетал:

— Я знаю, кто стоит за этим заговором, за идеей захватить тебя. Я единственный, кто знает, кроме секретаря этого человека и некоторых людей из Имперской немецкой разведки. Если ты пощадишь меня, я скажу тебе, кто он. И я скажу тебе, зачем это ему.

Тарзан опустил ноги Шнайдера в грязь. Затем он схватил его за шею одной рукой и поднес нож к его горлу. Шнайдер, задыхаясь, сказал:

— Ты пообещаешь не убивать меня, если я скажу тебе?

Тарзан задумался. Примерно через двадцать секунд он ответил:

— Я даю слово. Если ты знаешь обо мне что-то важное, я оставлю тебя в живых. Ты знаешь, мое слово — кровь моей жизни. Но... Имей это в виду... Я пощадил тебя именно в этот раз. В следующий раз, когда наши пути пересекутся, я закопаю тебя в землю рядом с твоими братьями. Даю слово.

— Хорошо... — пробормотал Шнайдер. — Хотя как я могу остаться в живых в этой разрушенной и безжизненной земле, прежде чем я доберусь до места, где...

— Это не мое дело! Скажи мне, кто этот человек, этот мой неведомый враг?

Шнайдер назвал ему имя. Тарзан слышал и читал о Стоункрафте, находясь в Лондоне и в своем имении в графстве Камберленд на севере Англии.

— Этот человек может быть самым богатым в мире, — пробормотал человек-обезьяна. — Он считается великим филантропом и меценатом. Говорят, что он очень религиозен. Почему такой человек заинтересовался мной? У меня нет ничего, что он мог бы хотеть.

— Стоункрафт — все, о чем ты говоришь, — сбивчиво продолжал Шнайдер. — Но он безжалостный старик, лицемер, негодяй, которого следовало повесить за многочисленные преступления, даже за убийство по доверенности... Так он смог получить свое начальное богатство. Он очень проницательный. Но он дурак! Дурак!

Тарзан настаивал:

— Почему он хочет схватить меня! Конкретно!

— Он хочет жить вечно! Или, по крайней мере, замедлить старение, возможно, даже вернуть себе молодость. Он начал эти экспедиции и потратил огромные средства, чтобы доставить тебя живым в тайное место в Нью-Йорке. Почему? Потому что он думает, что ты можешь оказаться бессмертным. Или, по крайней мере, у тебя в крови может быть что-то, что заставляет тебя стареть очень медленно. Он думает, что ты знаешь секретную формулу или рецепт, или что-то еще, чтобы жить долго, намного дольше естественного срока жизни. Он всегда был очень заинтересован в этом предмете... Физическое бессмертие, я имею в виду... В последнее время у него проблемы с сердцем. Он думает, что сможет заставить химиков взять образцы воей крови и проанализировать ее, а затем воссоздать формулу, необходимую для того, чтобы жить долго, возможно вечно.

— Почему он так думает? — спросил Тарзан.

— Ты забыл колдуна в Уганде, которого спас из пасти льва?

Тарзан тихо сказал:

— Ах!

Теперь он знал, почему Стоункрафт так отчаянно пытался поймать его.

Несколько лет назад благодарный знахарь утверждал, что он может даровать Тарзану искусственное долголетие, что тот сможет остаться молодым гораздо дольше, чем кто-либо имеет право ожидать.

Тарзан, любопытный, хотя и сомневаясь, позволил старику провести месячную серию процедур. Некоторые из них включали химические формулы, неизвестные никому, кроме знахаря. Или так тот утверждал.

Тарзан допросил местных аборигенов, которые знали колдуна, когда были еще маленькими детьми. Они убеждали его, что колдун знал дедушку Типпу Тиба. Типпа Тиба был известным арабским торговцем, он был другом журналиста Стэнли, знаменитого Стэнли и доктора Ливингстона. Тиба родился в 1840-х или 1830-х годах. Таким образом, дедушка Тиба жил еще в 1790 году или даже раньше.

Девяностолетние деревенские жители, которые знали колдуна с детства, клялись, что он не состарился с тех пор, как они его знают. И их прапрадеды говорили то же самое.

— Знахарь и жители деревни могли обманывать меня, — закончил рассказ Тарзан. — В любом случае мне сейчас всего тридцать. Стоункрафт был бы глуп, пытаясь похитить меня сейчас. Он должен подождать, пока мне не исполнится сорок, чтобы убедиться, что я не постарел.

Шнайдер ответил.

— Он цепляется за все, что обещает ему здоровую и долгую жизнь. Он, я полагаю, наполовину сумасшедший, хотя об этом знают только очень близкие ему люди. Он очень сдержан...

— Довольно! — оборвал немца человек-обезьяна. — Я знаю, что должен сделать. Можешь идти. Но держись подальше от меня. Увижу тебя снова, убью. — Он сделал паузу, затем сказал: — И еще... я убью Стоункрафта.

Он смотрел, как Шнайдер устало взбирается на скалу. Когда он уверился, что человек скоро достигнет своей вершины, он снова повернулся к Призрачной Лягушке. К тому времени тварь была мертва, хотя Тарзан знал, что у нее могла быть та же самая гальваническая реакция, которую меньшие лягушки демонстрировали после смерти. Он взобрался на груду бревен, подобравшись к затылку амфибии.

Шнайдер только достиг вершины утеса, когда услышал звук, заставивший волосы встать дыбом на затылке. Посреди тропической жары он ощутил, как кровь леденеет в жилах.

Это был победный крик обезьяны.

Позже, после того как Тарзан съел сырой стейк, вырезанный из большой лягушки, он снова направился на север. Однажды, после того как он спасет Джейн, он спасет подругу Рэхба и ее детеныша — если те еще будут живы. Он отвезет их в родные джунгли. Возможно, найдется другой мужчина ее вида. Рэхб, возможно, не был последним.

Это было наименьшее, что он мог сделать для *бен-гоутора.*

ГЛАВА 35

Прошло больше года, прежде чем Тарзан смог попытаться найти и спасти подругу Рэхба и его ребенка. Но он опоздал. Когда он определил, где она, ее давно там не было. Она освободилась и сбежала в джунгли.

Человек-обезьяна надеялся, что когда-нибудь встретит ее. Затем он сможет рассказать ей, что случилось с Рэхбом...

Тарзан остановился в известной гостинице Манхэттена,и позвонил. Но он позвонил из вестибюля дешевого отеля, и ответ не заставил себя долго ждать.

Беван ответил на звонок. Он попросил представиться. Человек-обезьяна сказал:

— Проект Сома.

Беван изумленно переспросил:

— Что? — хотя слышал ясно.

— Скажите Стоункрафту, что это про «Проект Сома».

Мгновение спустя секретарь ворвался в кабинет своего босса без стука. Он был бледен, и глаза его были выпучены. Он громко сказал:

— Я только что разговаривал с человеком, который хочет с вами поговорить! Он сказал, что речь идет о... ах... африканском проекте! У него английский акцент!

Магнат побледнел. Его голос был твердым, но Беван, хорошо знавший своего работодателя, понял, что тот потрясен.

— Я возьму трубку, Беван. Ты тоже послушай, но по своей линии.

Через несколько секунд Стоункрафт поднял трубку. Он начал:

— Привет! Кто это?

Глубокий голос сказал:

— Никто не живет вечно.

Стоункрафт ахнул. Затем переспросил:

— Кто это?

— Африка. Бессмертие. Месть, — ответил неизвестный.

Стоункрафт закричал:

— Ради бога! Кто это? Скажи мне, кто ты, или я тебя накажу! Я предупреждаю тебя...

— Тарзан! Тарзан из племени обезьян!

Трубка упала на стол. Наступила тишина. Тарзан в холле гостиницы услышал в трубке, как на том конце провода скрипнула дверь. Затем он услышал:

— О боже! Он мертв! Он мертв!

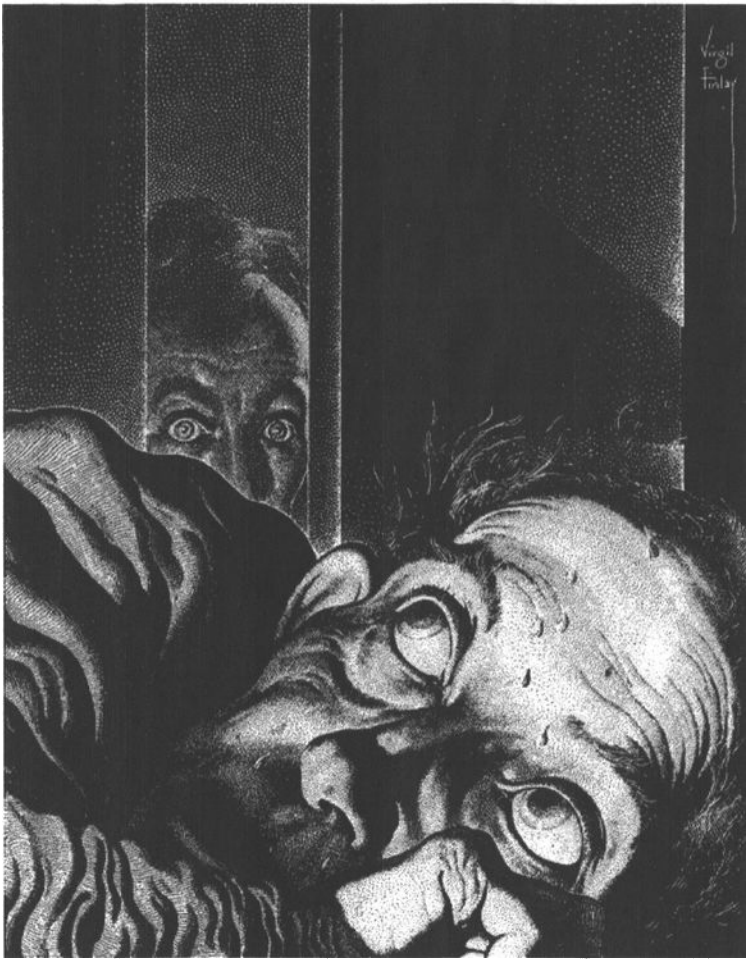
Тарзан повесил трубку. Его улыбка была мрачной. Он убил многих голыми руками, своими могучими руками, зубами, брошенным камнем, ножом, копьем, стрелой. Но это был первый раз, когда он убил врага несколькими произнесенными в телефонную трубку словами.

Возможно, он становился цивилизованным.

YEATES

ЯЗЫКИ ЛУНЫ

TONGUES OF THE MOON



СВЕТЛЯЧКИ НА ТЕМНОМ лугу Земли...

Мужчины и женщины, смотревшие вверх сквозь купол в центре кратера Эратосфен на Луне, были слишком ошеломлены, чтобы закричать, и некоторые не сразу поняли, что означают эти точки на темном лике Земли, эти огни, сперва расцветающие, а затем угасающие. Такие яркие, что их было видно сквозь облака, покрывающие основную часть Европы. Вспыхнувшие в Лондоне и Париже, в Брюсселе и Копенгагене, в Ленинграде, Риме, Рейкьявике, Афинах, Каире...

Затем огненный цветок распустился под Москвой, и вспышки стали распространяться все дальше и дальше...

Некоторые находившиеся под куполом люди пришли в себя быстрее других. Скоун и Брауэрд, два офицера Североамериканских Советов, присутствовавшие на приеме в честь офицеров Южноатлантической Оси, начали действовать достаточно быстро, чтобы защитить себя. Ровно в тот момент, когда топоры — так называли себя жители стран Оси — сняли фуражки и вытащили прикрепленные внутри маленькие автоматы и плоские бомбы, двое американцев потянулись к пистолетам в кобурах.

Они не успели бы ничего сделать, если бы ближайшие к ним аргентинцы и южноафриканцы целились в них. На лицах топоров не отразилось никакого потрясения — они, должно быть, знали, чего ожидать, и их оружие выстрелило прежде, чем самые быстрые из советских военных смогли дотянуться до прикладов своих пистолетов. Но граждане Оси, должно быть, получили приказ сначала убить самых высокопоставленных советских. Именно на них был направлен первый залп.

Маршал Косселевский вполоборота повернулся к своему гостю, маршалу Рамиресу-Армстронгу. Его рот был открыт, он собирался что-то сказать, но не произнес ни слова. Затем его глаза распахнулись еще шире — он увидел короткоствольный пистолет в руке аргентинца. Его собственная рука поднялась

в защитном, совершенно бесполезном жесте, а пистолет Рамиреса-Армстронга трижды грохнул. Пули других топоров тоже поразили русского. Косселевский схватился за живот и упал лицом вперед. Патроны двадцать второго калибра не обладали большой энергией, чтобы проникнуть глубоко в плоть. Но они взорвались при ударе, сделав свою работу достаточно хорошо.

Скоун и Брауэрд воспользовались тем, что сами они не были ближайшими мишенями. Держа оружие в руках, оба нырнули под защиту высокого, в человеческий рост, стенда с оборудованием. Пули ударили в металлические ящики и взорвались — топоры за несколько секунд выполнили свою основную задачу и теперь были готовы перейти к следующей. Боб Брауэрд почувствовал укол в щеку, когда перекатился за стенд. Он прижал руку к щеке, а когда отнял ее, то увидел, что вся его ладонь в крови. Но ему удалось нащупать пальцем лишь небольшой порез, и он тут же забыл об этом. Даже если бы рана была более серьезной, у него не было бы времени заниматься ею.

Из-за угла стенда, стреляя на ходу, выскочил южноафриканец. Боб дважды выстрелил из своего пистолета сорок пятого калибра, и темно-коричневое лицо его противника окрасилось в красный цвет и потеряло человеческий облик. Тело, практически лишившееся этого лица, изогнулось назад и упало на пол.

— Брауэрд! — крикнул Скоун, перекрывая грохот выстрелов и взрывов. — Ты что-нибудь видишь? Я не могу даже высунуть голову из-за угла — везде стрельба!

Боб посмотрел на своего товарища, который сидел на корточках с другой стороны стенда. Скоун был развернут спиной к нему, но изогнул шею, чтобы видеть его краем глаза. Даже в такой момент, когда в мыслях Брауэрда не должно было быть ничего, кроме боя, он не мог не сравнить профиль этого военного с высеченным из камня лицом. Высокий выпуклый лоб, толстые надбровные дуги, дантовский нос, тонкие губы и подбородок, выступающий вперед, как гранитный выступ, больше напоминающий естественное образование, которое случайно оказалось похожим на часть лица, чем на что-либо, что сформировалось в человеческой утробе.

Уродливый, массивный, но сильный. В его лице не было ни тени паники или страха, оно было таким же спокойным, как и его голос. Старый гибралтарский лик, подумал Брауэрд, наверное, в сотый раз, причем теперь без малейшей неприязни.

— Я вижу не больше твоего, полковник! — крикнул он.

Скоун, все еще сидя на корточках, повернулся, чтобы одним глазом полностью сфокусировать взгляд на своем коллеге. Этот глаз был светло-голубым, таким бледным, что казался пустым, нечеловеческим.

— Полковник?.. — переспросил Скоун.

— Теперь — да, — отозвался Брауэрд. — Бомба попала в генерала Мэнсфилда, в полковников Омато и Инграсса. Это дает тебе быстрое повышение, сэр.

— Мы оба возвысимся над этим стендом, если топоры бросят бомбу, — возразил его коллега. — Надо выбираться отсюда.

— Но куда именно?

Скоун нахмурился — теперь его лицо напоминало сморщившийся гранит.

— Топоры явно хотят больше, чем убить нескольких советских, — сказал он. — Они, должно быть, планируют получить контроль над костефонами. Я бы точно сделал это на их месте. Если им удастся захватить центр управления, то каждый советский человек на Луне — кроме китайцев — окажется в их власти. Так что...

— Мы побежим в рубку?

— Я не приказываю тебе идти со мной, — уточнил Скоун. — Это почти самоубийство. Но ты меня прикроешь.

— Я пойду с тобой, полковник.

Скоун взглянул на медицинские эмблемы на лацканах Брауэрда — змей, обвивающих спиралью жезлы.

— Нам понадобится твоя профессиональная помощь после того, как мы зачистим топоров, — возразил он. — Так что нет.

— Тебе сейчас нужна моя дилетантская помощь, — парировал его товарищ. — Как видишь, — он указал большим пальцем на почти безголового зулуса, — я умею обращаться с оружием. И если мы не доберемся до управления

передатчиками первыми, жизнь не будет стоить того, чтобы жить. Кроме того, я не думаю, что топоры собираются брать пленных.

— Ты прав, — сказал Скоун, по-прежнему продолжая колебаться.

— Ты удивляешься, почему я так быстро соглашаюсь с твоим планом разрушить центр управления? — спросил Брауэрд. — Думаешь, что я русский агент?

— Я не говорил, что собираюсь разрушить передатчики, — заметил Скоун. — И нет. Я знаю, кто ты такой. По крайней мере, мне так кажется. Ты не русский. Ты...

Он не закончил фразу. Как и Боб, он почувствовал, что каменный пол вздрогнул, а потом затрясся. А спустя еще мгновение до них донеслось низкое урчание: прежде, чем их уши уловили его, они почувствовали, как этот звук поднимается из-под пола.

Вместо того чтобы броситься ничком на пол — инстинктивный, но бесполезный маневр, — Скоун вскочил с корточек.

— Сейчас! Сейчас! Остальные слишком испугаются, чтобы двигаться! — крикнул он.

Брауэрд поднялся, хотя ему и хотелось прижаться к полу. Прямо под ними — или, возможно, сбоку, но все равно под лунной поверхностью — в скале пробивал узкий туннель раскаленный добела «язык». За ним, тоже скрытый в скале, прятался вооруженный корабль, «боевая птица» — в шахте, упав в которую он, должно быть, долго опускался на дно, оставаясь незамеченным. Только большое судно могло нести огромные генераторы, необходимые, чтобы привести в движение язык, который мог повредить базу. Язык, или, как его иногда называли, змею. Гибкий пучок «распрямленных» фотонов, конечный вариант развития лазера.

Когда язык достигал конца того или иного туннеля, сжатые фотоны, не встречая больше никакого сопротивления, вырывались на свободу — и вся энергия, заключенная в этих частицах, рассеивалась.

— За мной! — крикнул Скоун и бросился бежать.

Брауэрд подался было следом за ним, но потом вдруг остановился в изумлении и крикнул:

— Не туда!

Затем он снова побежал за Скоуном. Очевидно, полковника не беспокоило, что купол раскололся надвое. Его единственной мыслью было управление передатчиками. Боб ожидал, что его бег завершится под шквалом пуль, но в зале было тихо, если не считать стонов некоторых раненых. И все усиливающегося грохота из-под земли. Те, кто выжил в схватке, были слишком поглощены изучением угрозы, идущей внизу, чтобы обратить внимание на двух бегунов — если они вообще их видели.

Точнее, на них не обращали внимания до тех пор, пока Скоун не пролетел через ближайший выход из купола в большом прыжке, возможном благодаря слабой гравитации Луны. Он чуть не ударился головой о край дверного проема. А потом кто-то выстрелил в Брауэрда. Но его тело тоже летело через проход с поднятыми вверх ногами, так что три пули просвистели под ним и пробили дыры в каменной стене впереди него.

Брауэрд врезался в стену и упал обратно на пол. Несмотря на то что он был наполовину оглушен, ему все же удалось перекатиться за угол, уйти с линии огня и оказаться в коридоре. Он поднялся, тяжело дыша, и проверил, не сломал ли онемевшие запястья и руки, которые в значительной степени смягчили его удар о стену. Боб был благодарен судьбе, что языки нуждались в слишком массивных генераторах, чтобы их можно было спрессовывать в ручное оружие. Если бы топоры сумели протащить такое оружие в купол, они могли бы уничтожить всех советских солдат на базе.

Грохот становился все громче. Камень под ногами Брауэрда задрожал. Стены тоже затряслись, как желе. А затем...

Не рвущийся вверх пол под его ногами, а яростный взрыв, вскрывший скалу, набросился на него, окутав его обжигающим огнем и ударив воздушной волной, чтобы одновременно сжечь его и раздавить о потолок. Грохот этого взрыва раздался откуда-то из глубины сбоку, и скала вспучилась под его напором. А потом все стихло.

Тишина. Было слышно только его дыхание.

В течение примерно шести секунд Боб думал, что русские корабли, размещенные за пределами базы, должно

быть, обнаружили спрятанное под поверхностью Луны судно Оси и уничтожили его как раз перед тем, как оно взорвало базу.

Из купола доносился адский концерт стрельбы из пистолетов. Брауэрд снова побежал, перепрыгивая через искореженные и изломанные тела русских и топоров. Здесь атакующих офицеров встретили советские гвардейцы, и обе группы уничтожили друг друга.

Далеко по коридору в одиночестве неслось высокое тело Скоуна, делая гигантские прыжки, которые можно было безопасно позволить себе только на старушке-Луне. Он завернул за угол и побежал по разветвляющемуся коридору. Брауэрд, следуя за Скоуном, промчался еще по двум ответвлениям и остановился, услышав грохот выстрела сорок пятого калибра. Еще два взрыва. Тишина. Боб осторожно высунул голову из-за угла.

Он увидел двух русских солдат, лежащих на полу с оружием в безжизненных руках. А дальше по коридору бежал Скоун. Брауэрд ничего не понял. Он мог только предполагать, что русские были настолько удивлены появлением его коллеги, что выстрелили или попытались выстрелить в него, прежде чем узнали североамериканскую форму, а сам Скоун стрелял в них в целях самозащиты.

Но коридоры были хорошо освещены электролюминесцентными панелями. Все трое должны были сразу заметить, что ни один из них не носил серебряную форму Аргентины или ало-коричневую южноафриканцев. Значит?..

Брауэрд не знал, в чем дело. Скоун мог бы рассказать ему, что произошло, но догнать его было непросто. А потом Боб снова услышал эхо выстрела и отскочил в дальний угол зала. Когда он так же осторожно, как и в прошлый раз, обогнул поворот, то увидел еще двух мертвых русских. И Скоуна, который обшаривал карманы одного из этих офицеров.

— Скоун! — закричал его коллега, опасаясь, как бы полковник не застрелил и его в бешенстве. — Это я, Брауэрд! — Он подошел ближе. — Что ты делаешь?

Скоун выпрямился, держа в руке тонкий пластиковый цилиндр длиной около дециметра. Другой рукой он нацелил свой пистолет в солнечное сплетение Брауэрда.

— Я собираюсь взорвать приборы управления и передатчики, — сказал он. — А ты что думал?

— Ты же не работаешь на Ось? — выпалил Боб, задыхаясь.

Он не верил, что Скоун был способен на такое. Но, к его крайнему изумлению, объяснить поведение его коллеги можно было только так. Несмотря на обвинения, которые Брауэрд был готов ему выдвинуть, он на самом деле не верил, что этот человек намеревался сделать больше, чем просто не позволить, чтобы контроль за связью попал в руки Оси.

— На этих свиней?! — воскликнул Скоун. — Нет! Я просто хочу убедиться, что топоры не смогут использовать передатчики, если они захватят этот офис. Кроме того, мне никогда не нравилась идея находиться под русским контролем. Эти адские устройства...

Брауэрд указал на трупы.

— Но почему?..

— У них были свои приказы, — сказал Скоун. — Приказы никого не впускать в рубку управления без соответствующего разрешения. Я не хотел спорить и этим заставить их насторожиться. Я должен был сделать то, что было целесообразно, — он свирепо посмотрел на Боба. — В этот день мы будем руководствоваться соображениями целесообразности. И неважно, кто от этого пострадает.

— Тебе вовсе не обязательно убивать и меня тоже, — сказал Брауэрд. — Я американец. Если бы я мог думать так же хладнокровно, как ты, я бы и сам поступил так. — Он сделал паузу, глубоко вздохнул и добавил: — Возможно, ты сделал это не под влиянием момента, возможно, ты все спланировал задолго до этого. Ждал, что ситуация вроде этой даст тебе шанс.

— У нас нет времени стоять здесь и болтать, — заметил Скоун.

Он попятился назад, держа пистолет и не сводя глаз с Брауэрда, а свободной рукой ощупывая все вокруг, пока свободный конец тонкой трубки не оказался в углублении посередине двери. Полковник нажал на кнопку, и правильная последовательность радиочастот активировала схему отпирания — дверь открылась.

Скоун жестом пригласил Брауэрда следовать за ним. Тот вошел, и полковник закрыл за ними дверь.

— Я думал, что убью тебя, когда мы окажемся за стендом, — сказал Скоун. — Но ты не был, насколько я мог судить, русским агентом. Отнюдь нет. И ты был, как ты сам говоришь, таким же американцем. Но...

Боб посмотрел на дальнюю стену с множеством индикаторных ламп, переключателей, кнопок и щелей для приема кодированных карточек и кассет.

— Пора нам перестать быть застенчивыми, — повернулся он к Скоуну. — Я уже давно знаю, что ты был руководителем националистического подполья.

Впервые с тех пор, как Брауэрд познакомился со Скоуном, каменное лицо его коллеги словно бы разгладилось.

— И что?

Затем трещины в «камне» снова сомкнулись, и скала опять стала твердой.

— Почему ты не донес на меня? — спросил полковник. — А может, ты и сам?..

— Я не из вашего движения, — сказал Брауэрд. — Я афинянин. Слышал о нас?

— Слышал, — сказал Скоун. — Сумасшедшие крайние фанатики. Не русские, не китайцы, не янки. Я подозревал, что ты не очень солидный марксист. Но зачем ты мне это рассказываешь?

— Хочу отговорить тебя от уничтожения приборов управления и передатчиков, — сказал Боб.

— Но почему?

— Не взрывай их. Со временем русские смогут построить еще один комплекс, и мы снова окажемся под их контролем. Не уничтожай их. Установи бомбу, которую можно взорвать с помощью пульта дистанционного управления. В тот момент, когда они попытаются использовать передатчики, чтобы парализовать нас, взорви приборы. Это может дать нам время, чтобы удалить телефоны из черепов с помощью операции. Или изолировать их от приема. Или, может быть, нанести удар по русским. Если ты хочешь дать отпор, если именно это у тебя на уме. Я не знаю, как далеко заходит ваш национализм.

— Так и правда будет лучше, — сказал Скоун ровным голосом, не выдавая никакого энтузиазма по поводу этого плана. — Могу ли я положиться на тебя и твоих людей?

— Буду откровенен. Если ты намерен добиться полной независимости от русских, то вам будет оказано наше искреннее содействие. Пока мы не станем независимыми.

— А после этого — что тогда?

— Мы верим в насилие только после того, как все другие средства потерпели неудачу. Конечно, логикой русских не убедить. Вот американских парней — можно...

— А сколько у вас людей в Клавиусе?

Брауэрд заколебался.

— Четверо. Все они абсолютно надежны, — ответил он затем. — Подчиняются мне. А сколько вас?

— Больше, чем вас, — сказал Скоун. — Ты понимаешь, что я не могу приказывать твоим людям? И мы не можем в спорных случаях взять тайм-аут, чтобы посовещаться. Нам нужен человек, способный отдавать приказы, которые будут выполняться немедленно. Нужно, чтобы мое слово означало жизнь или смерть. Никаких возражений?

— Сейчас не время обсуждать политику. Но я это вижу. Да. Я отдаю себя и своих людей в твое распоряжение. Но как насчет других американцев? Некоторые из них — фанатичные марксисты. А о некоторых ничего не известно.

— Мы будем отсеивать не плохих, — сказал Скоун. — Я не имею в виду плохих настоящих марксистов. Я и сам такой же. Я имею в виду не националистов. Если кто-то захочет пойти к русским, мы его отпустим. А если кто-то будет сражаться с нами, он умрет.

— Разве мы не можем и дальше держать их в плену?

— На Луне? Где каждый рот нуждается в двух парах рук, чтобы продолжать дышать и есть? Где даже один паразит может означать окончательную смерть для всех остальных? Нет!

— Хорошо, — сказал Брауэрд, — они умрут. Я надеюсь...

— Надежды — это то, что нужно проверить, — сказал Скоун. — Давай приступим к работе. Здесь должно быть достаточно компонентов, чтобы соорудить систему управления для бомбы. А бомба приклеена у меня скотчем к животу.

— Тебе не придется разворачивать свою бомбу, — сказал Боб. — Передатчики заминированы. Как и генераторы.

— И как ты это сделал? И почему не сказал мне, что все уже готово?

— Русские преуспели в том, что заставили нас, американцев, не доверять друг другу, — сказал Брауэрд. — Как и все остальные, я не раскрываю информацию до тех пор, пока в этом нет крайней необходимости. Что же касается твоего первого вопроса, то я не только врач, но и физический антрополог, занимающийся лунным проектом. Я часто посещаю конференции на этой базе, останавливаюсь здесь на несколько ночей. И то, что ты так часто делал сегодня при помощи пистолета, я время от времени делал с помощью снотворного аэрозоля. Но теперь, когда мы поняли друг друга, давай уйдем отсюда.

— Нет, пока не увижу бомбы, которые ты здесь заложил.

Боб улыбнулся, а затем, быстро работая отверткой, которую он достал из ящика стола, снял несколько настенных панелей. Скоун заглянул в ниши и осмотрел монтажные платы, функциональные блоки и провода, которыми было забито внутреннее пространство.

— Я не вижу никакой взрывчатки, — сказал он.

— И хорошо, — сказал Брауэрд. — Так же, как и русские ее не увидят, если только они не измерят близость стен к оборудованию. Взрывчатка разложена по стенам тонким слоем, который окрашен таким же зеленым цветом, каким тут все было выкрашено изначально. А еще к стенам приклеиваются тонкие полоски химикатов. Это химическое вещество чувствительно к температуре. Когда передатчики заработают и достигнут максимального теплового излучения, полосы расплавятся. А высвобожденные вещества вступят в реакцию со взрывчатым веществом, детонируют его.

— Гениально, — несколько кислым тоном заметил Скоун. — У нас нет... — и он замолчал.

— Таких вещей? Неудивительно. Насколько мне известно, детонатор и взрывчатка были сделаны здесь, на Луне. В нашей лаборатории в Клавиусе.

— Если ты сумел проникнуть в эту комнату незамеченным, а также протащить контрабандой все эти вещи из Клавиуса, значит, русских можно победить, — сказал Скоун.

— А ты сомневался? — удивился Брауэрд.

— Никогда. Но все шансы были на их стороне. И ты знаешь, какую картину мира они дают нам с того самого дня, как мы приходим в детский сад.

— Да. Картину всезнающего, всесильного русского, опирающегося на силу самой Судьбы, на неизбежное движение вперед и разворачивание истории, как ее излагал великий пророк, единственный пророк Маркс. Но это неправда. Они люди.

Заговорщики вернули на место панели и отвертку и вышли из рубки. Как только они вошли в холл и дверь за ними захлопнулась, послышались топот сапог и крики. Скоун едва успел положить ключ обратно в карман мертвого офицера и выпрямиться, как из-за угла выскочили шестеро русских. Их офицер нес автоматический пистолет, остальные — автоматы.

— Не стреляйте! — заорал им Скоун. — Мы американцы! ВВС США!

Женщина-капитан, которую оба американца уже видели несколько раз, понизила голос, чтобы успокоиться.

— Какое счастье, что я вас узнала, — сказала она. — Мы только что убили трех топоров, которые были одеты в русскую форму. Они застрелили четырех моих людей, прежде чем мы их прикончили. Вы тоже могли быть замаскированными топорами, и я не стала бы рисковать. — Она указала на мертвецов. — Их тоже достали топоры?

— Да, — ответил Скоун. — Но я не знаю, есть ли топоры там, — он указал на дверь в рубку управления.

— Если бы они там были, мы бы все уже кричали от боли, — сказала капитан. — В любом случае им пришлось бы взять ключ у дежурного офицера.

Она подозрительно посмотрела на обоих американцев.

— Разумеется, я его не трогал, — сказал Скоун.

Женщина опустилась на одно колено и расстегнула внутренний карман офицерской шинели, в который полковник вернул ключ, очень вовремя отведя от себя подозрения.

— Думаю, вам двоим нужно вернуться в купол, — сказала капитан, выпрямляясь с ключом в руках.

Лицо Скоуна осталось бесстрастным, несмотря на такое явное недоверие. Брауэрд слегка улыбнулся.

— Кстати, — сказала женщина, — что вы здесь делаете?

— Мы сбежали из купола, — объяснил Боб. — Услышали стрельбу здесь, внизу, и решили, что нам следует защитить наш тыл, прежде чем возвращаться в купол. Мы нашли мертвых русских, но врага так и не увидели. Должно быть, это были те самые люди, с которыми вы столкнулись.

— Возможно, — согласилась капитан. — Но вам надо идти. Вы знаете правила. Никакого постороннего персонала рядом с рубкой.

— Во всяком случае, никаких нерусских, — решительно заявил Скоун. — Я все понимаю. Но это чрезвычайная ситуация.

— Вам надо идти, — повторила их собеседница, поднимая ствол своего пистолета. Она не стала направлять его на американцев, но они не сомневались, что, если понадобится, она это сделает.

Скоун повернулся и зашагал прочь, Брауэрд последовал за ним.

— Мы должны покинуть базу под первым же предлогом. Мы должны вернуться к Клавиусу, — сказал полковник, когда они завернули за первый угол.

— Значит, мы можем начать нашу собственную войну?

— Необязательно. Просто объявить независимость. Русские, возможно, уже набили себе брюхо смертью.

— Почему бы не подождать, пока мы не выясним, какова ситуация на Земле? Если у русских еще остались там силы, нас могут раздавить.

— Это надо сделать сейчас! — возразил Скоун. — Если мы дадим русским и китайцам время оправиться от потрясения, то потеряем наше преимущество.

— Для меня тоже все происходит слишком быстро, — сказал Брауэрд. — Сейчас у меня нет ни времени, ни возможности мыслить здраво. Но я уже думал об этом. Земля, возможно, стерта с лица земли. Если так, то мы на Луне — единственные человеческие существа, оставшиеся в живых во Вселенной. И...

— Есть еще марсианские колонии. А также ганимедская и меркурианская базы.

— Мы не знаем, что с ними случилось. Зачем начинать то, что может положить конец всему человеческому роду? Возможно, идеологией стоит пренебречь для выживания. Нам нужен каждый мужчина и каждая женщина...

— Мы должны рискнуть тем, что русские и китайцы не захотят рисковать тем, что человек разумный исчезнет. Им придется сотрудничать, отпустить нас на свободу.

— У нас нет времени на разговоры. Действовать надо сейчас, а говорить после того, как все закончится.

Но Скоун не перестал говорить. Пока они шли по коридорам, он сделал еще одно заявление:

— Ключ к миру на Луне и к контролю над этой ситуацией — корабль «Земля».

Брауэрд посмотрел на него с озадаченным видом. Скоун имел в виду построенный недавно межзвездный исследовательский корабль, который был оснащен оборудованием и теперь вращался вокруг голубой планеты и назывался русским словом «Земля». Через несколько дней он должен был отправиться в десятилетнее путешествие к Альфе Центавра и, возможно, к еще более дальним звездам вроде Тау Кита. Какое отношение «Земля» могла иметь к установлению мира на Луне, Боб не знал, а Скоун, похоже, не собирался ничего объяснять.

Как раз в этот момент они проходили мимо большого зеркала, и Брауэрд увидел их отражения. Его спутник походил на ходячую каменную гору, а сам он, как ему показалось, был похож на человека, сшитого из кожи. Его низкая фигура была темно-коричневой там, где виднелась кожа, его голова была выбрита так, что голый череп казался обтянутым кожей, его карие глаза контрастировали с каменно-бледными глазами Скоуна, а его губы были слишком толстыми по сравнению с губами его коллеги, которые были похожи на тонкую бороздку, вырезанную в граните. Кожа против камня. Камень мог бы носить и верхнюю одежду из кожи. Но кожа была более гибкой.

Была ли эта аналогия, как и многие другие, ложной? Или правдивой лишь отчасти?

Брауэрд склонен был мыслить аналогиями, а его спутник — прямолинейно. В данный момент такой человек, как

Скоун, был просто необходим. Практичный, быстро на все реагирующий. Но, как и многие практичные люди, он был непрактичен, когда дело касалось дальновидности и философского мышления. Не так уж много при экстраполяции за пределы непосредственного. Боб решил следовать за ним до определенного момента. А затем...

ДВОЕ АМЕРИКАНЦЕВ ПОДОШЛИ к входу в купол, из которого доносились только звуки голосов. Одновременно высунув головы из-за угла, они увидели много убитых, нескольких раненых и еще нескольких мужчин и женщин, стоящих вместе в центре зала. Все, кроме одного, были одеты в разноцветную и разукрашенную форму советских республик. Исключением был высокий мужчина в серебристой парадной форме аргентинца. Его правая рука безвольно свисала, окровавленная, а кожа была серой.

— Полковник Лоренц, — сказал Скоун. — По крайней мере, у нас есть один пленник.

Крикнув тем, кто находился внутри купола, чтобы они не стреляли, два американца вошли внутрь. Майор Панчурин, самый высокопоставленный из оставшихся в живых русский офицер, поднял им руку в знак приветствия. Он был слишком занят разговором по вживленному в череп телефону, или, как обычно называли это устройство, костефону, чтобы говорить с ними, и они вдвоем стали осматривать купол. Все члены прибывшей на Луну делегации офицеров стран Оси были мертвы, за исключением Лоренца. Русских осталось шестеро, китайцев — четверо, европейцев — один, арабов — двое, и из индийцев-восточноазиатцев не выжил никто. Американцев осталось четверо: Брауэрд, Скоун, женщина-капитан по фамилии Нашдой и еще одна тяжело раненная женщина, майор Хебель, над которой склонился русский врач Титиев.

Боб подошел к ней, чтобы осмотреть эту женщину, и прежде чем он успел что-либо предпринять, Титиев отодвинулся от нее.

— Мне очень жаль, капитан, — сказал он. — У нее нет шансов.

Брауэрд оглядел купол и сделал замечание, которое в тот момент, должно быть, показалось русскому медику неуместным.

— Осталось только три женщины, — сказал он. — Если на остальной части Луны соотношение такое же, то у нас есть реальная проблема.

Скоун последовал за Брауэрдом. После того, как Титиев ушел и они убедились, что их костефоны не включены, Скоун тихо сказал:

— Здесь было семьдесят пять русских. Я сомневаюсь, что на всей базе осталось больше сорока человек. Интересно, сколько их в Пушкине?

Пушкин был базой на другой стороне Луны. Американцы вернулись к группе, столпившейся вокруг Панчурина, и включили свои телефоны, чтобы можно было подслушать разговор.

Майор побледнел, глаза его расширились, а руки протестующе поднялись.

— Нет, нет! — простонал он вслух.

— Что там? — спросил Скоун, который услышал только последние три слова, доносившиеся через устройство, вживленное в его череп.

Панчурин повернул к нему свое внезапно постаревшее лицо.

— Командир «Земли» сказал, что аргентинцы взорвали неизвестное количество кобальтовых бомб. По крайней мере, больше двадцати. «Земля» покидает свою орбиту. Она станет новым спутником Луны и не уйдет, пока мы не оценим нашу ситуацию. Если оценим.

Все советские, находившиеся в комнате, посмотрели на Лоренца.

Устало ссутулившийся аргентинец выпрямился и собрал все силы, оставшиеся в его истекающем кровью теле.

— Мы же говорили вам, свиньи, что возьмем с собой весь мир, прежде чем свернем себе шею под коммунистическим игом! — крикнул он по-русски, чтобы все его поняли.

В этот момент его изможденное лицо с высокими скулами, длинной верхней губой, тонкими усами и фанатичными голубыми глазами сделало его похожим на диктатора его

страны Фелипе Говардса Эль Мачо по прозвищу Кувалда. Панчурин приказал двум солдатам и врачу отвести его в тюрьму.

— Я хотел бы убить этого зверя прямо сейчас, — сказал он. — Но у него может быть ценная информация. Проследите, чтобы он оставался жив... пока.

Затем майор снова посмотрел вверх, на Землю, висевшую лишь немного выше горизонта. Остальные тоже уставились в ту сторону. Теперь она была темной, если не считать постоянных вспышек здесь и там — пожаров в лесах и городах, которые, вероятно, будут гореть в течение нескольких дней. А может быть, и нескольких недель. Потом же, когда эти гигантские костры погаснут, а угли остынут, никакого огня больше не возникнет. Больше не будет никакой растительности, никаких животных, никаких людей. Ничего на протяжении веков.

Внезапно лицо Панчурина сморщилось, из глаз у него потекли слезы, и он громко, надрывно зарыдал. Остальные не выдержали этого зрелища горя. Теперь они все поняли. Шок прошел достаточно быстро, чтобы позволить печали взять свое. Горе пробежало по присутствующим, как огонь по лесам их родных мест.

Брауэрд, тоже плача, смотрел на Скоуна и ничего не понимал. Полковник, одинокий среди мужчин и женщин под куполом и Землей, не плакал. Его лицо было бесстрастно, как склон лунной горы. Он не стал дожидаться, пока Панчурин овладеет собой, чтобы мыслить трезво.

— Я прошу разрешения вернуться на «Клавиус», сэр, — сказал он.

Майор не мог говорить и только кивнул головой.

— Вы знаете, как обстоят дела в Клавиусе? — безжалостно спросил Скоун.

Панчурин выдавил из себя несколько слов:

— Несколько ракет... База Оси... приблизились... но никаких повреждений... не известно.

Скоун отдал честь, повернулся и поманил за собой Брауэрда и Нашдой. Они последовали за ним к выходу на поле. Здесь Скоун убедился, что удерживающее воздух, излучающее гамма-лучи и отклоняющее солнечную радиацию силовое

поле снаружи купола включено, после чего североамериканцы вышли на поле без скафандров. Они проделывали это так много раз, что уже не чувствовали страха и беспомощности, впервые испытанных при выходе из защитных стен в то, что казалось пустым пространством. Все трое вошли на свой корабль, и Скоун взял управление на себя.

Представившись диспетчеру, он поднял тарелку в воздух и подлетел к самому краю силового поля, после чего переключил управление на автоматический режим. Поле исчезло на две секунды, необходимые для того, чтобы корабль пересек границу, и тарелка, движимая своими собственными двигателями и толчком уходящего воздуха, рванулась вперед. Позади нее снова появилось слабое мерцание, указывающее на присутствие поля. Вырвавшийся наружу воздух образовывал короткие и яркие ленты, которые таяли под воздействием солнца.

— Это то, что должно быть исправлено в будущем, — сказал Скоун. — Это неэффективный, расточительный метод. У нас не так много энергии, чтобы использовать ее для создания большего количества воздуха каждый раз, когда тарелка входит в поле или покидает его.

Он снова включил ручное управление, связался с Клавиусом и сообщил им, что они прибывают.

— Пей, как идут дела? — спросил он оператора.

— Мы все еще на боевых постах, сэр, — ответил тот. — Хотя сомневаемся, что будут еще нападения. Обе аргентинские и южноафриканские базы были разрушены. Они не обладают никакими карательными способностями, но глубоко под землей могли остаться выжившие. Мы не получили никакого приказа от Эратосфена отправить поисковиков на поиски выживших, и база в Пушкине тоже не отвечает. Так и должно быть...

Треск и рев перекрыли его слова, а когда шум стих, раздался голос, говорящий по-русски:

— Это Эратосфен. Вы будете воздерживаться от дальнейшей радиосвязи до получения разрешения на ее возобновление. Как поняли?

— Полковник Скоун на эсминце Объединенных советских американских сил «Броун». Приказ принят, — ответил

американец и щелкнул выключателем, после чего обратился к Брауэрду: — Проклятые русские уже начинают сдаваться. Но они очень напуганы. Заметил, что я разговаривал с Пеем по-английски, а они никак на это не отреагировали? Я не думаю, что они предпримут какие-то эффективные действия или начнут охоту на ведьм, пока полностью не оправятся от шока и не получат возможность оценить ситуацию. А теперь скажи мне, Нашдой — одна из вас, афинян?

Брауэрд посмотрел на Ингрид Нашдой, которая сидела на скамье на другом конце мостика. Оттуда ей не были слышны их низкие голоса.

— Нет, — сказал Боб. — Я не думаю, что она является кем-то еще, кроме вялой марксистки, хотя она, конечно, член партии. А кто на Луне не такой? Но, как и многие другие ученые здесь, она проявляет минимальный интерес к идеологии — просто достаточный, чтобы не быть отвергнутой, когда она подала заявку на психологические исследования здесь. Она была замужем, как ты знаешь. Ее мужа вызвали на Землю совсем недавно. Никто не знал, почему. Были ли официальные причины настоящими или он сделал что-то такое, что вызвало неудовольствие или подозрения русских. Сам знаешь, как это бывает. Тебя отзывают обратно, и, возможно, о тебе больше никогда не услышат.

— А разве есть другой путь? — спросил Скоун. — Хотя мне не нравится, что русский решает судьбу любого американца.

— Да? — отозвался Брауэрд, с любопытством глядя на коллегу и думая о том, какая масса противоречий, с его точки зрения, существовала в этой массивной голове. Скоун полностью верил в советскую систему, за исключением одной особенности. Он был националистом и хотел создать абсолютно независимую североамериканскую республику, которая вновь заняла бы место самого сильного государства в мире.

И это делало его опасным для русских и китайцев.

Америка пала жертвой скорее собственной мягкости и растерянности, чем происков Советов. Тогда, в бурные и кровавые голодные годы, последовавшие за падением с их чистками, восстаниями, дикими репрессиями, массовыми перевозками в Сибирь и другие дальние районы, ввозом

других национальностей для создания раскола и оглушительной пропаганды и перевоспитания, выжили только сильные и интеллигентные. Скоун, Брауэрд и Нашдой принадлежали ко второму поколению, родившемуся после падения Канады и Соединенных Штатов. Они родились и выжили потому, что их родители были гибкими, выносливыми и быстрыми. И потому, что дети унаследовали и улучшили эти качества.

Американцы стали проблемой для русских. А еще для китайцев. Те американцы, которых перевезли в Сибирь, вместе с людьми других национальностей, тоже отправленными в эту область, творили чудеса с суровым климатом и почвой, создавали там сад. Но они стали сибиряками, не слишком дружными с русскими. Китай, находившийся на юге, искал место, куда можно было бы выгнать излишки своего населения, и протестовал против привлечения к освоению Сибири других народов. Отказ России разрешить въезд туда китайцам был еще одним дополнением к длинному списку обид, которые Китай испытывал по отношению к своему старшему брату в семье Маркса. А американские коммунисты, живущие на Североамериканском континенте, стали еще одним испытанием для Москвы. Россия, богатая награбленным в США, растолстела. Тощие недоедающие голодные американцы, используя партию для работы внутри нее, встревожили русских своей растущей властью и влиянием. Более того, Америка восстановилась, снова стала великой индустриальной империей. Якобы находясь под русским контролем, американцы тонко подталкивали и продавливали свою линию, хотя и не настолько тонко, чтобы добиться своего во всем. И Москве приходилось сопротивляться, чтобы не «одядисэмиться».

Еще больше усложняло картину мира то, что тысячи североамериканцев нашли убежище во время падения своей страны в Аргентине. И там энергичные и упрямые янки — мягкотелые и глупые погибли по дороге или после того, как добрались до Аргентины — следовали путями бежавших туда давным-давно тысяч итальянцев и немцев. Они стали богатыми и могущественными. Фелипе Говардс Эль Мачо был частично аргентинцем — точнее, испанцем, — частично немцем и частично американцем.

Недавно Южноафриканская Конфедерация заключила с Аргентиной союз, и Ось предупредила Советы, что они должны прекратить всякую подпольную деятельность во входящих в ее состав странах, а также немедленно остановить ужасное экономическое давление и дискриминацию против них и относиться к ним, как к полноправным партнерам в странах мира. Она пригрозила, что если этого не будет сделано, если начнется война и аргентинцы увидят, что их страна вот-вот будет раздавлена, они взорвут кобальтовые бомбы.

Советы знали характер гордых и высокомерных аргентинцев. Казалось, они капитулировали. Было совещание руководителей Советов и топоров. Речь на нем шла о мирном сосуществовании, но, очевидно, Ось не проглотила эти обещания, как их когда-то проглотили другие, и решилась на отчаянный шаг.

Имея дешевые литиевые бомбы и фотонные компрессоры, а также средства доставки их с помощью гравитомагнитных двигателей, Ось была вооружена не хуже своих противников. Возможно, — так думали страны Оси, — если Советы нанесут первый удар, их противоракеты смогут перехватить достаточное количество советских ракет, так что те немногие, которые пробьются сквозь этот щит, нанесут минимальный ущерб. Возможно. Никто на самом деле не знал, что заставило Ось начать войну.

Каким бы ни было решение Оси, это было хорошее шоу. Одной из его особенностей был визит их лунных офицеров на базу в кратере Эратосфен, первый, по-видимому, в серии взаимных визитов и вечеринок, чтобы поднять тост за новые дружеские отношения.

Результат: умирающая Земля и разорванная Луна.

Брауэрд принадлежал к тому небольшому подполью, которое не верило ни в старый советский, ни в старый капиталистический строй. Она хотела иметь форму правления, основанную на древнем афинском методе демократии на местном уровне и свободной конфедерации на мировом уровне. С отменой всех национальных границ.

Такие соображения, думал теперь Боб, следовало пока отложить в сторону. Получить независимость от русских, из-

бавиться от адских вживленных в череп телефонов — вот что нужно было сейчас сделать. По крайней мере, ему так казалось. Но не приведет ли это неизбежно к войне и к уничтожению всего человечества? Не лучше ли было бы работать вместе с другими советскими и надеяться, что в конце концов коммунистический идеал будет разрушен и афиняне утвердят свой порядок? С такими малочисленными общинами видоизмененная афинская форма правления была бы вполне осуществима. Позже, когда лунные колонии увеличатся в размерах и их население вырастет, можно будет найти средства для решения межколониальных проблем.

А может быть, размышлял Брауэрд, глядя на своего монолитного коллегу, на самом деле Скоун не собирается принуждать других советских к сотрудничеству? Возможно, он надеялся, что они будут сражаться насмерть, и только североамериканская база сможет вновь заселить мир.

— Брауэрд, — сказал Скоун, — поговори с Нашдой. Только ненавязчиво.

— Буду мудрым, как змеи, и кротким, как голуби, — сказал Боб. — Или наоборот?

Его собеседник удивленно поднял брови.

— Никогда раньше такого не слышал. Из какой это книги?

Его коллега ушел, ничего не ответив. Показательно, что Скоун не знал источника этой цитаты. Ветхий и Новый Заветы разрешалось читать только избранным ученым. Сам Брауэрд прочитал нелегальный экземпляр и, делая это, поставил под угрозу свою свободу и жизнь.

Но дело было не в этом. Ему пришла в голову мысль, что, если отбросить национальность и расу, то люди, живущие на Луне, были довольно однородной группой. Три четверти из них были инженерами или учеными высокого ранга, и следовательно, имели высокий IQ. Их предки, жившие в течение последних ста лет, доказали свою выносливость и имели хорошие гены. Все они были либо агностиками, либо атеистами, либо считались таковыми. Не существовало никаких религиозных различий, которые могли бы разделить их. И все они обладали прекрасным здоровьем, иначе их бы здесь не было. Никто из них ничем не болел, даже обычной простудой. Из них получился бы хороший племенной скот.

Более того, благодаря последним достижениям в области генетических манипуляций, дефектные гены можно было бы устранить электрохимическим путем. Такая манипуляция была невозможна на Земле с ее огромным населением, где дети рождались быстрее, чем дефектные гены могли быть уничтожены. Но здесь людей было так мало...

Пожалуй, лучше было бы пока оставить советскую систему в покое. А позже использовать тонкие средства, чтобы склонить ее к желаемой цели. Но нет! Эта система была основана на слишком многих ложных представлениях, главным среди которых был диалектический материализм. Пока существует искаженная база, вся созданная на ней структура тоже будет искаженной.

Брауэрд сел рядом с Ингрид Нашдой. Это была невысокая, темнокожая, тонкокостная и слегка полноватая женщина. У нее были светло-карие, очень большие глаза, очень длинные ресницы и прямые, коротко подстриженные темно-каштановые волосы. Лицо ее было слишком широким и отличалось высокими скулами. И хотя она не была хорошенькой, ее считали привлекательной из-за ее живости, ума и остроумия. Теперь же она уставилась в пол, и лицо ее окаменело. «Как деревянный индеец», — подумал Брауэрд, и это было вполне естественным сравнением. Ингрид была наполовину шведкой, наполовину индианкой навахо, что в те дни не было редкостью. За последние пятьдесят лет русские вывезли целые народы с их родных земель и поселили их в качестве колонистов в бесплодных странах для «искупительных» экспериментов. Одной из областей, где произошло массовое смешение таких национальностей и рас, как шведы, новозеландцы, турки, перуанцы, тайцы и так далее, была бывшая резервация Навахо-Хопи в Аризоне и Нью-Мексико. Когда-то это была пустыня, которая теперь превратилась в сад, состоящий из ферм и обязанный своим зеленым состоянием переработке отходов в почву и обильному потоку деионизированной океанской воды. Точнее, эти земли были садом до последних событий.

Брауэрд и Нашдой выросли в одном районе и посещали одни и те же начальную и среднюю школы. Потом они разошлись каждый своей дорогой, в разные концы земли,

а много лет спустя снова встретились на Луне. Боб отточил свое заржавевшее знание языка навахо, практикуясь в нем с Ингрид и ее мужем всякий раз, когда у него появлялась такая возможность.

— Мне очень жаль Джима, — сказал он. — Но сейчас у нас нет времени горевать. Возможно, позже.

Женщина не взглянула на него, но ответила низким прерывающимся голосом:

— Возможно, он умер еще до начала войны. Я даже не успела с ним попрощаться. Ты же знаешь, что это значит. Что это, вероятно, значило.

— Я не думаю, что они что-то из него вытянули. Иначе нас с тобой тоже арестовали бы, — заметил Брауэрд и кивнул в сторону Скоуна. — Он не знает, что ты одна из нас. Я хочу, чтобы он думал, что ты кандидат в националисты. После того как эта борьба с русскими закончится, нам может понадобиться кто-то, кто сможет доложить о нем. Как думаешь, ты сможешь это сделать?

Ингрид кивнула, и Боб вернулся к Скоуну.

— Она ненавидит русских, — сказал он. — Как ты знаешь, они забрали ее мужа. Она сама не знает, почему. Но она ненавидит иванов до глубины души.

— Хорошо. А, вот мы и прилетели.

После того как эсминец причалил к Клавиусу и все трое вошли на базу, события развивались быстро, но нельзя сказать, что гладко. Скоун поговорил со всем персоналом через костефоны, рассказав им, что произошло. Затем он отправился в свой кабинет и отдал приказ очистить арсенал от всего переносного оружия. Оно было перенесено на четыре эсминца, которые русские приписали к Клавиусу в качестве символической демонстрации силы.

После этого Брауэрд собрал вместе своих четырех афинян и пятерых националистов Скоуна. Им объяснили ситуацию и проинформировали о том, что от них ожидалось. Даже Боб был напуган, но не протестовал.

После того как оружие было помещено в эсминцы, Скоун приказал военным заходить по одному в его кабинет. Затем их по очереди разоружали, провожали через другую дверь в арсенал и запирали там. Трое солдат попросили разрешения

присоединиться к полковнику, и он принял двоих из них. Некоторые яростно протестовали и обвиняли Скоуна в предательстве.

Гражданских лиц Скоун собрал в большой аудитории — технически весь персонал был военным, но ученые использовались в этом качестве только во время чрезвычайных ситуаций. Там он рассказал им о том, что сделал и что планирует сделать — за исключением одной вещи — и спросил их, хотят ли они записаться в армию. И снова он получил жестокий отпор от одних и угрюмое молчание от других. Всех отказавшихся тоже заперли в арсенале.

Остальные были приведены к присяге, кроме одного человека по фамилии Уайтсайд. Брауэрд указал на него как на агента и информатора, работающего как на русских, так и на китайцев. Скоун признался, что ничего не знал об этом тройном агенте, но поверил Бобу на слово и велел запереть Уайтсайда с прочими недовольными новым режимом. Затем рации двух разведывательных кораблей были разбиты вдребезги, и в эти корабли втиснули всех заключенных. Скоун сказал им, что они могут свободно лететь на русскую базу, и через несколько минут корабли уже мчались из Клавиуса на север.

— Но, полковник, — сказал Брауэрд, — они ведь не смогут дать русским идентификационный код. Их собьют.

— Они предатели, они предпочли русских нам, — возразил Скоун. — Для нас будет лучше, если они будут сбиты. Они не будут сражаться против нас на стороне иванов.

У Боба не было особого аппетита, когда он сел за стол, чтобы поесть и выслушать подробный план полковника.

— На «Земле», — сказал тот, — есть все, что нам нужно, чтобы прокормиться здесь. А также снова одеть планету Земля растительностью и возродить там животную жизнь в далеком будущем, когда радиация станет достаточно низкой, чтобы мы могли вернуться. На «Земле» есть резервуары для глубокой заморозки, которые содержат семена тысяч различных видов растений. А еще там хранятся в состоянии анабиоза тела крупного рогатого скота, овец, лошадей, кроликов, собак, кошек, птиц, полезных насекомых и червей. Изначально это было сделано, чтобы оживить их и использовать на любой планете земного типа, которую «Земля» могла

бы найти. Наши лунные базы сейчас способны самоподдерживаться. Но когда придет время возвращаться на Землю, нам понадобится растительность и животные. Иначе что толку от нашего возвращения? Итак, тот, кто владеет «Землей», владеет ключом к будущему. Мы должны быть теми, кто держит в руках этот ключ. С ним мы сможем торговаться: русские и китайцы должны будут согласиться на нашу независимость, если они хотят, чтобы с ними поделились семенами и скотом.

— А что, если командир «Земли» предпочтет уничтожить свой корабль, но не сдаться? — спросил Брауэрд. — Тогда все человечество будет ограблено. У нас не будет никакого будущего.

— У меня есть план, как доставить нас на борт «Земли» без насилия.

Часом позже четыре эсминца ВВС США ускорили движение в сторону планеты Земля. Их радар засек «Землю», а также пять других неопознанных космических объектов. Они были размером с их собственный корабль.

Внезапно «Земля» передала по радио, что ее атакуют. А потом — тишина. На запросы Эратосфена о дополнительной информации ответа не последовало. Скоун не сомневался в личности нападавших.

— Лидеры стран Оси не остались бы на Земле умирать, — сказал он. — Они, возможно, уже на пути к своей большой базе на Марсе. Или, что более вероятно, у них та же идея, что и у нас. Захватить корабль «Земля».

— И что, если они это сделают? — спросил Брауэрд.

— Мы отберем его у них.

Четыре корабля продолжали разгоняться по большой кривой, которая должна была увести их от «Земли», а затем снова привести к Луне. Их траектория была рассчитана так, чтобы они могли обогнуть межзвездный корабль и обогнать его. И хотя огромный титановый шар межзвездного корабля был способен в конечном счете, достичь гораздо более высоких скоростей, чем эсминцы, он двигался сравнительно медленно. Его низкая скорость определялась орбитой вокруг Луны, на которую «Земля» намеревалась соскользнуть.

За десять часов экипаж ВВС США развернулся и теперь находился примерно в десяти тысячах километров от «Земли». Их скорость в тот момент была примерно двадцать тысяч километров в час, но они замедлялись. Луна становилась все больше, и впереди, уже видимые глазу, виднелись два ровных отблеска — «Земля» и единственный корабль Оси, который не был разбит или разрезан на куски. По данным «Земли», которая снова находилась в контакте с русской базой, остальные корабли Оси были разрезаны надвое языком с «Земли».

Но теперь межзвездный корабль был беззащитен. Он выпустил все ракеты и противоракеты из своего арсенала, и топливо для генераторов языка тоже было исчерпано.

— Кроме того, — сказал командир «Земли» Шапошников, — на радаре обнаружены новые объекты. Их четыре, и они прилетели с Земли. Если это тоже Ось, то у нас есть только два варианта. Сдаться или уничтожить самих себя.

— Мы ничего не можем сделать, — ответил Эратосфен. — Но мы не думаем, что эти объекты принадлежат Оси. Мы обнаружили четыре объекта размером с эсминец, покидающие окрестности базы ВВС США, и попросили их назвать себя. Они не ответили, но у нас есть основания полагать, что это североамериканцы.

— Может быть, они идут нам на выручку, — предположил Шапошников.

— Они ушли до того, как кто-то узнал, что на вас напали. Кроме того, у них не было никаких приказов от нас.

— Что же мне делать? — спросил капитан звездолета.

Скоун, который подключился к плотному передающему лазерному лучу, разбил его, посылая в него случайные импульсы. «Земля» отключила свой луч, и тогда полковник послал им сообщение через пульсирующий луч, к которому русская база могла подключиться только по дикой случайности.

— Не возобновляйте контакт с Эратосфеном, — сказал Скоун, передав Шапошникову соответствующий код идентификации. — Эта база удерживается Осью. Они пытаются заманить вас достаточно близко, чтобы схватить. Мы избежали уничтожения нашей базы. Позвольте мне подняться на

борт, где мы сможем обсудить наш следующий шаг. Возможно, нам придется отправиться на Альфу Центавра вместе с вами.

В течение нескольких минут «Земля» не отвечала. Шапошников, должно быть, нервничал. Несомненно, он был в затруднительном положении. Во всяком случае, он не мог помешать чужакам приблизиться. Если это были корабли Оси, он был в их власти.

Таковы, должно быть, были его рассуждения.

— Идите вперед, — ответил он, наконец.

К тому времени тарелки ВВС США сравнялись по скорости с «Землей». С расстояния всего в километр шар выглядел, как маленькая планета Земля. На его поверхности даже были нарисованы континенты, хотя этот эффект был испорчен большими русскими буквами, написанными на Тихом океане. Скоун повел свой корабль вбок, и тот мягко вошел в огромный посадочный люк сферы. Через пять минут его команда из десяти человек уже была в рубке управления.

Там Скоун не терял времени даром. Полковник выхватил пистолет, а остальные его люди последовали его примеру, после чего он сообщил Шапошникову, что собирается делать. Русский капитан, высокий худой мужчина лет пятидесяти, казалось, оцепенел. Возможно, для него за слишком короткое время произошло слишком много катастроф. Гибель Земли, нападение кораблей Оси, а теперь, совершенно неожиданно, еще и это. Мир приближался к концу в слишком разных формах и слишком быстро.

Скоун очистил рубку управления от всего персонала «Земли», кроме командира. Остальные были заперты вместе с еще сорока с лишним мужчинами и женщинами, которых американцы застали врасплох на их постах. Полковник приказал Шапошникову настроить навигационный компьютер на новый курс. Эта новая программа должна была направить «Землю» с максимальным ускорением к точке в районе Южного полюса Луны близ Клавиуса. Когда «Земля» достигнет нужного расстояния, она начнет замедляться и остановится примерно в полукилометре над поверхностью в намеченном месте.

Шапошников заплетающимся языком, как человек, вынырнувший из кошмара, возразил, что «Земля» не создана для такого напряжения. И более того, если Скоун преуспеет в своем плане спрятать огромный шар на дне пропасти под навесом... Что ж, капитан мог только предсказать, что нижняя половина «Земли» будет раздавлена ее же весом — даже при слабой лунной гравитации.

— Это не повредит резервуарам для животных, — возразил Скоун. — Они находятся на верхних уровнях. Делай, как я говорю. Если ты этого не сделаешь, я застрелю тебя и сам установлю программу.

— Вы с ума сошли, — сказал Шапошников. — Но я сделаю все возможное, чтобы мы благополучно спустились. Если бы это была обычная война, если бы мы не были последней надеждой человечества — Земли, я бы сказал вам: «Давайте, стреляйте!» Но...

— Он просто сумасшедший, — прошептала дрожащим голосом стоявшая рядом с Брауэрдом Ингрид Нашдой. — Это слишком большая авантюра. Если мы проиграем, то проиграют все.

— Именно на это он и делает ставку, — пробормотал ее друг. — Он знает русских, и китайцы понимают это. Я боюсь, как и ты. Если бы я мог предвидеть, что он собирается сделать, я думаю, что всадил бы ему пулю в спину в Эратосфене. Но теперь уже слишком поздно отступать. Мы идем вместе с ним, несмотря ни на что.

Путешествие с Луны и захват «Земли» заняли двенадцать часов. Теперь же, когда был задействован мощный двигатель звездолета и четыре эсминца стояли в его посадочном порту, обратный путь занял три часа. За это время российская база отправила на корабль несколько сообщений, но Скоун отказался отвечать на них. Он собирался рассказать всей Луне о своих планах, но не раньше, чем «Земля» приблизится к концу своего пути. Когда гигантский шар был в тысяче километров от поверхности и его ускорение снизилось до трех «g», Скоун и его люди вернулись к эсминцам. Все, кроме троих, которые остались с Шапошниковым.

Эсминцы неслись впереди «Земли» к входу в узкий каньон. Этот каньон вел вниз, к пропасти, где Скоун намеревался

разместить «Землю» под гигантским навесом. Но когда все четыре маленьких корабля устремились в открывшееся между двумя скалами пространство, их радары засекли четыре объекта, приближавшихся к горам на севере. Это былb большой боевой корабль и три эсминца, которые, как было известно Скоуну, имелись у русских. Вероятно, они не хотели посылать в бой еще и их, оставляя базу достаточно беззащитной.

Скоун немедленно связался по рации с командиром «Лермонтова» и сообщил ему, что происходит.

— Мы провозглашаем независимость и возвращение к национализму, — заключил он. — И мы призываем другие базы сделать то же самое.

— Если вы сейчас же не сдадитесь, мы активируем костефоны! — проревел командир. — И ты будешь корчиться от боли, пока не умрешь, американская свинья!

— Сделай это маленькое дело, — сказал Скоун и рассмеялся.

А затем включил коммуникационные лучи, связывающие четыре корабля, и сказал:

— Подождите минуту-другую, ребята, — и все будет кончено. Для нас и для них.

Через две минуты началась боль. Это был удар жара, похожего на свет, который, казалось, опалил мозг у них в черепах. Люди закричали — все, кроме Скоуна, который побледнел и схватился за край панели управления. Но тарелки в течение следующих двух минут работали автоматически, не обращая внимания на состояние пилотов.

А потом, так же внезапно, как и началась, боль утихла. Всех трясло и тошнило, но они знали, что больше не испытают этих невыносимых мучений.

— Сделайте так, чтобы ваши корабли задрожали, как будто они выходят из-под контроля, — приказал Скоун. — Так, чтобы казалось, будто мы врезаемся во вход в каньон.

Сам полковник проделал все это с головным эсминцем — со стороны казалось, что корабль летит с обезумевшим от боли пилотом за штурвалом. Остальные провели тот же маневр, и все корабли скользнули в каньон. С вершины утеса слева от них поднимался яркий свет, который был бы невыносим, если бы пластик над иллюминаторами автоматически не поляризовался, чтобы приглушить яркость.

Брауэрд, глядя через экран, который показывал вид сзади, вскрикнул. Но не из-за света атомной бомбы, взорвавшейся на другой стороне утеса. Он закричал, потому что верхушка «Земли» тоже вспыхнула огнем. И в ту же секунду он понял, что произошло. Свет исходил не от боеголовки, потому что между огромным шаром и взрывом находилась чрезвычайно высокая гора, и если верхняя часть «Земли» светилась, то только потому, что ее коснулся язык русского корабля.

Должно быть, это был несчастный случай, потому что русские, конечно же, не хотели разрушать «Землю». Если бы они победили ВВС США, то смогли бы без проблем вернуть себе весь шарообразный звездолет.

— Боже мой, она падает! — завопил Брауэрд. — Она вышла из-под контроля!

Скоун бросил на «Землю» быстрый взгляд и тут же отвернулся.

— Всем кораблям немедленно приземлиться, — скомандовал он. — Весь персонал перебрасывается на мой корабль.

Этот маневр занял три минуты, так как люди, летевшие в других тарелках, должны были подсоединить к своим скафандрам баллоны с воздухом, а затем перебежать со своих кораблей к Скоуну. Кроме того, один человек на каждом эсминце проделал это позже своих товарищей, так как он должен был установить на своем корабле автоматическое управление. Скоун не стал объяснять, что он собирается делать, пока весь персонал не собрался на его судне. В это время они были во власти русских — если бы враг решил атаковать с вершины утеса. Но полковник делал ставку на то, что русские будут слишком напуганы тем, что происходит с «Землей». Его собственные люди оцепенели бы, если бы он не вынудил их действовать: планета Земля умирала дважды в течение двадцати четырех часов, и это почти превышало то, что они могли вынести.

Только американский командир, человек из камня, казалось, ничего не чувствовал. Он повел свой корабль вверх по склону утеса, пока тот не оказался чуть ниже вершины. Здесь скала была тонкой из-за склона с другой стороны. И здесь, скрытый от глаз русских, Скоун вогнал в эту скалу язык шириной в два дециметра.

И в тот момент, когда три русских эсминца пронеслись над обрывом и их языки сжатого света хлестали со всех сторон классическим молниеносным движением, луч Скоуна прорвался сквозь скалу.

Три пустых корабля ВВС США на автомате рванули вверх с такой скоростью, что если бы на них остались пассажиры, их тела превратились бы в желе. Из них тоже выскакивали языки — корабли размахивали ими, ловили лазерные лучи русских.

Затем американские корабли врезались в русские, толкнули их вверх и перевернули. После этого все шесть кораблей упали вдоль скалы, русские смешались с американскими, они еще несколько раз врезались друг в друга, отскочили от отвесного склона и взорвались, а их осколки столкнулись и разбились о дно каньона. Скоун этого не видел: он уже закончил движение языка по туннелю, выключил его на несколько секунд и послал в том направлении видеолуч. Он сделал это как раз вовремя, чтобы увидеть, как большой боевой корабль русских начал подниматься с лунной поверхности, где он до этого находился в ожидании. Возможно, он не сопровождал эсминцы из-за презрения русских к американским способностям. Или, может быть, потому, что его командир получил приказ не рисковать большим кораблем без крайней необходимости. Даже теперь «Лермонтов» поднимался медленно, как будто шел двумя путями: по обрыву или к «Земле». Но когда он поднялся, Скоун включил полную мощность.

Кто-то из экипажа или какая-то аппаратура обнаружения на «Лермонтове», должно быть, заметила язык, когда он скользил в пространстве, чтобы перехватить боевой корабль. В сторону американского луча тоже высунулся язык. Но затем язык Скоуна соприкоснулся с корпусом русского корабля, и в облученном пластике появилась дыра.

«Лермонтов» продолжал величественно подниматься — и таким образом разрезал себя почти пополам, после чего величественно рухнул. Но это случилось не раньше, чем русский командир в последней отчаянной обороне запустил все ракеты, какие были на борту его корабля, и они разлетелись во все стороны. Две из них ударились о склон и сорвались

с него со стороны «Лермонтова», после чего струя атомной энергии вырвалась наружу через туннель, созданный Скоуном. Но сам Скоун к тому времени бросил свой корабль вниз, как лифт. Он был уже на полпути вниз по склону, когда взрывы заставили задрожать склон горы с его стороны.

Через полчаса база Эратосфен подала предложение заключить мир. Во имя человеческой преемственности, говорил Панчурин, всякая борьба на Луне должна прекратиться навсегда. Китайцы, которые до сих пор молчали, несмотря на мольбы своих товарищей о помощи, тоже согласились принять политику националистов. Теперь Брауэрд ожидал, что Скоун сломается, что его отпустит напряжение. Он был бы человеком только в том случае, если бы сделал это.

Но он этого не сделал. По крайней мере, никто этого не увидел.

БОБ ПРОСНУЛСЯ РАНО, когда период сна еще не закончился. Будучи не в силах забыть только что увиденный сон, он отправился на поиски Ингрид Нашдой. Ее ассистент сказал ему, что она отправилась в купол вместе со Скоуном.

Ревнивый Брауэрд поспешил туда и увидел, что эти двое стоят там и смотрят на половину Земли, висящую над горизонтом. Ингрид держала на руках щенка. Это было одно из немногих животных, которые были взяты невредимыми из разбитых резервуаров искалеченной «Земли».

Глядя на них, Боб подумал о проблемах, с которыми столкнулся лунный народ. Был еще вопрос о правительстве, хотя на данный момент он казался решенным. Но он знал, что между базами возникнет еще больший конфликт и что его собственная пропаганда афинской идеологии вызовет серьезные проблемы.

Существовала также проблема женщин. На троих мужчин приходилась одна женщина. Как это можно было бы решить? Был ли на это какой-то другой ответ, кроме сердечной боли, разочарования, ненависти и даже убийств?

— Мне приснился сон, — сказал Брауэрд Скоуну и Ингрид. — Мне снилось, что мы на Луне строим огромную башню, которая достанет до Земли, и что это наш единственный

способ вернуться на Землю. Но все говорили на разных языках, и мы не могли понять друг друга. Поэтому мы продолжали класть кирпичи не в те места или вступать в яростные, но непонятные споры о строительстве.

Он замолчал, но увидел, что они ожидают большего, и добавил:

— Вот и все, что там было. Но мораль очевидна.

— Да, — сказала Ингрид, поглаживая по голове извивающегося щенка. Она посмотрела вверх, на прижавшуюся к горизонту Землю. — Физики говорят, что пройдет двести лет, прежде чем мы сможем вернуться назад. Ты хоть понимаешь, что, если не произойдет несчастного случая или войны, мы трое можем дожить до этого дня? Что мы можем вернуться с нашими пра-пра-пра-пра-пра-пра-правнуками? И мы можем рассказать им о Земле, какой она была, чтобы они знали, как возродить Землю, какой она должна быть.

— Двести лет? — переспросил Брауэрд. — Тогда мы уже не будем прежними людьми.

Но он сомневался, что даже столетия могут изменить Скоуна. Этот человек был сделан из камня. Он не будет ни сгибаться, ни течь. Бобу вдруг стало его жалко. Он был ископаемым, истинным каменным человеком, окаменевшим героем.

— Мы никогда не вернемся, если не будем делать каждый день нужную в этот день работу, — сказал Скоун. — Я буду беспокоиться о Земле, когда придет время беспокоиться. Пойдемте, у нас еще много дел.

Брауэрд шел по коридору, когда почувствовал, что камень под его ногами задрожал. Далеко-далеко под ним батарея лазеров сверлила лунные глубины. Во-первых, бурильщики искали воду: они были уверены, что направляются к огромному карману жидкости в той или иной форме. Во-вторых, выгрызание тоннелей позволило бы увеличить жизненное пространство для жителей Клавиуса. Когда-нибудь население базы станет достаточно большим, и ему понадобятся дополнительные помещения.

Точнее, подумал Брауэрд, так будет, если уцелевшие представители человечества смогут договориться о средствах поддержания мира. Но в данный момент это казалось маловероятным.

Он остановился перед дверью и заговорил в очертания квадрата, расположенного над пустым экраном. Экран ожил, и на нем появилось лицо Ингрид Нашдой. Увидев Боба, она улыбнулась и откинула со лба прядь светло-каштановых волос.

Как и у всех на базе Клавиус, на правой стороне головы у нее была небольшая круглая область со сбритыми волосами — место, откуда был удален костефон.

— Где Миллер? — спросил Брауэрд, входя и оглядываясь.

— Скоун созвал совещание, — ответила Нашдой. — Собственно говоря, он пришел сюда, чтобы сказать Миллеру, что его разыскивают. Не знаю, почему он не воспользовался коммуникатором.

Боб кисло усмехнулся.

— Я ненавижу себя, — добавила Ингрид. — Я не совсем честна. И я тебя не обманываю. Скоун интересуется мной. Думаю, это всем известно. Примешь мои извинения?

— Это одна из причин, почему я люблю тебя, — сказал Брауэрд. — Ты очень честная.

— Вот это да! Какой популярной я вдруг стала! Ты уже второй человек, который сказал мне это сегодня.

— А первый — Скоун?

Ингрид рассмеялась:

— Неужели ты думаешь, что Скоун поставил бы себя в такое положение, чтобы его отвергли? Нет, если он... попросит меня выйти за него замуж, он сделает это, когда будет абсолютно уверен, что я не откажусь или не смогу отказаться.

— Интересно, почему он не предупредил меня о предстоящем совещании? — сменил тему Брауэрд.

— Ты не слышал ни слова из того, что я говорила. На самом деле ты меня не любишь.

— Хотел бы я думать, что тебе действительно не все равно, — сказал Боб. — Но...

— Скоун созвал совещание ученых, которые отвечают за наши запасы продовольствия. И он на самом деле сказал Миллеру что-то о том, что ему надо присутствовать на политическом совещании, позже. Я думаю, что и ты не останешься в стороне от этого.

Брауэрд вздохнул с облегчением и улыбнулся:

— Но все-таки, кто был тот другой мужчина, Ингрид?

— Что другой мужчина? О... Ты имеешь в виду..? Ну, это уже личное дело каждого. Впрочем, скоро я ожидаю и других. И это будет не так уж лестно. Это просто так... ну, а когда коров мало, то цена на них высока.

— Что?

— На каждую женщину на Луне приходится три с половиной мужчины, — ответила Ингрид. — Только не спрашивай меня, как статистики объясняют всех этих полулюдей, разгуливающих без голов и рук. Неужели ты просто не видишь их?

Она рассмеялась, а Брауэрд слегка усмехнулся.

— Это очень серьезно, — сказал он. — Мы должны увеличить население и использовать для этого все доступные гены. Ты же знаешь, что инбридинг невозможен.

— Я психолог, — сказала Нащдой, — но для того, чтобы предсказывать неприятности заранее, психологи не нужны. Вчера я подслушала разговор доктора Абарбанель. Ты ведь знаешь эту высокую, толстогубую и отвратительно знойную биохимичку с кучей черных кудряшек? Она сказала, что женщинам на базе просто придется привыкать к групповым бракам. Похоже, эта идея ей понравилась.

— Она говорила серьезно?

— А почему бы и нет? У тебя есть идеи получше?

— Пока нет, — ответил Брауэрд. — Но мне эта идея не нравится. А как насчет Скоуна? Он никогда этого не одобрит. Он строгий моралист, по крайней мере, в сексуальных вопросах — когда дело доходит до пролития крови, дело обстоит иначе.

— Ну, не знаю. Я знаю кое-что, о чем Абарбанель даже не подумала. То есть независимо от того, есть ли у нас полигамия или нет, женщина не всегда будет рожать детей от того, кого она выберет. Придется использовать генетический потенциал. Итак, это означает, что если у женщины трое детей — а я сомневаюсь, что они позволят нам ограничивать себя в количестве детей, — то у каждого будет свой отец. Конечно, есть искусственное оплодотворение, так что... В чем дело? Ты выглядишь расстроенным.

— Я не смог бы вынести даже мысли о том, что ты... то есть...

Ингрид подошла к своему другу, положила руки ему на плечи и внимательно посмотрела на него.

— Если минуту назад ты говорил серьезно, то почему бы тебе не сказать об этом прямо?

Брауэрд обнял Нашдой, и они долго целовались. Затем, отпустив ее, он сказал:

— Я уже почти неделю знаю, что люблю тебя, Ингрид. Но я не думал, что сейчас самое подходящее время для ухаживаний. Сейчас слишком многое нужно сделать, все слишком неопределенно.

— Если бы все люди были такими же, как ты, в трудные времена, человеческая раса давно бы вымерла. Люди не ждут, пока они не будут уверены, что бомбы перестанут взрываться. Почему, как ты думаешь, несмотря на миллионы убитых, в конце Второй мировой войны на Земле было больше людей, чем когда она началась?

— Я не люблю что-то начинать, если не уверен, что смогу это закончить.

— В каком-то смысле ты даже хуже Скоуна, — заявила Ингрид. — Но я люблю тебя.

— Я не хочу делить тебя ни с кем другим! — яростно прошипел Боб.

— Мне бы не понравилось, если бы ты сказал, что это нормально и что это делается во славу государства и человечества. Но...

— Но что? — спросил Брауэрд.

Ингрид открыла было рот, но тут же закрыла его, услышав его имя по громкой связи.

— Это то, чего я так долго ждала, — сказала она, выслушав сообщение. — Скоун собирается проинформировать нас о встрече с представителями других баз.

— Они идут сюда? Как ему это удалось?

— У него есть ключ к будущему человечества. «Земля». Русские и китайцы должны ему подыгрывать. Но я не думаю, что Скоун получит то, чего хочет, без долгой и упорной борьбы.

Клавиусом назывался кратер, расположенный вблизи южного полюса Луны. Он был так широк в диаметре, что человек, стоящий в его центре, даже не видел его высоких

стен: они были скрыты за горизонтом. А Земля всегда висела чуть выше горизонта. Те, кто пришел на конференцию раньше всех, смотрели именно на Землю. Они ничего не могли с этим поделать, потому что Скоун сделал потолок и одну стену деполяризованными для прозрачности, так что все, кто находился в комнате, могли видеть большой земной шар. Их первая мысль была именно такой, как хотел полковник, и в этом ему помогала мертвая Земля. Мысль о том, что вся жизнь на их родной планете исчезла и только они остались в живых. Что именно они должны позаботиться о том, чтобы жизнь в Солнечной системе не умерла полностью.

Сама комната, где проходили собрания, была высечена в скале и обычно использовалась для отдыха. Теперь игровые автоматы и столы были придвинуты к стене, и перед платформой стояли рядами около сотни алюминиевых складных стульев. На платформе возвышался большой прямоугольный стол с одиннадцатью стульями, обращенными к зрителям. Скоун сидел за ней в центре, а справа рядом с ним находился шведский лингвист Далквист, представитель западноевропейцев — все они укрылись в Клавиусе после того, как их база была разрушена. Дальше справа от Скоуна сидели четверо русских делегатов, а слева — китайский.

Какое-то время все вокруг суетились и тихо переговаривались, а потом поднялся старик Далквист, прозванный так потому, что он был на много лет старше всех остальных на Луне.

Он стукнул по столу молотком, а затем заговорил на безупречном английском языке Среднего Запада:

— Леди и джентльмены, я представляю вам председателя этого собрания, полковника Скоуна.

Скоун встал и огляделся. Аплодисментов не последовало. Он открыл рот, но не успел ничего сказать, как Джон Инг, китайский делегат, вскочил на ноги и возбужденно заговорил по-китайски:

— Я протестую! Под каким руководством это делается?..

— Сядьте! — рявкнул на него Скоун. — Вы приняли мое приглашение присутствовать на этой встрече, и вам сказали, почему вы здесь! Я — председатель, и я не стану тратить время на то, чтобы оспаривать ни свое право быть таковым,

ни причину этой конференции! Более того, во время конференции никому из тех, кто говорит на любом языке, кроме английского, не будет дано слово. Сядьте и заткнитесь, пока я не разрешу вам говорить!

Брауэрд, сидевший в первом ряду зала, подумал, что Скоун действительно ведет себя очень высокомерно. И все же он не мог не радоваться. Североамериканцы сильно пострадали после войны, когда китайцы оккупировали западное побережье их материка. Позже русские принудили к отступлению всех китайцев, кроме нескольких символических гарнизонов. Русские были ничуть не лучше, но жители Запада не забыли, как жестоко обращались с ними жители Востока.

Лицо Инга было красным, и он дрожал, сжимая кулаки. Китаец впился в Скоуна взглядом, но тот смотрел на него с каменным выражением лица, таким же неподвижным, как гора Эверест. Чуть помедлив, Инг сел.

— Итак, — сказал Скоун. — Всем присутствующим в этой комнате выдали документы. Это очерчивает причины нашего пребывания здесь. А также правила, по которым мы будем действовать. Если вы не хотите присутствовать или подчиняться парламентским правилам, уходите прямо сейчас.

Он замолчал, обвел взглядом комнату и, видя, что никто не собирается предпринимать никаких действий, продолжил:

— Первое, что мы должны принять во внимание — это военный аспект. То есть какие действия нужно предпринять против колоний Оси на Марсе, если они еще остались, и как мы организуем нашу работу. К сожалению, есть и другие вопросы, которые необходимо прояснить, прежде чем мы сможем это обсудить. Главный: какая база будет лидером? Я говорю лидером, а не равным партнером, потому что знаю, что произойдет, если у нас будет совместный военный руководитель. С тремя главнокомандующими, обладающими равными полномочиями, у нас не будет ничего, кроме споров по вопросам политики и путей осуществления этой политики. Чтобы выжить, у нас должен быть один неоспоримый лидер, человек, который может сразу решить, какие действия предпринять. И которому будут повиноваться без

колебаний. Поскольку мы, жители Клавиуса, держим в руках кнут, я, командир Клавиуса, буду главнокомандующим.

Он снова сделал паузу, чтобы посмотреть на потрясенных людей, сидевших рядом с ним за столом.

Брауэрд, хотя и чувствовал себя неловко от грубой прямоты Скоуна и от его высокомерия, тоже был доволен. То, что теперь ситуация изменилась на противоположную — американцы отдают приказы, а русские и китайцы ничего не могут с этим поделать, — согревало его.

— Полковник Скоун, — снова подал голос Джон Инг.

— Вы будете обращаться ко мне, как к господину председателю.

Китаец сглотнул.

— Господин председатель...

— Можете говорить, генерал Инг.

— Вы, жители Клавиуса, нуждаетесь в нас не меньше, чем мы в вас. Следовательно...

— Вы ошибаетесь, генерал. Мы нуждаемся в вас, но не так сильно, как вы в нас. Даже близко не так сильно. И вы это прекрасно знаете. Давайте больше не будем спорить по этому поводу.

Джон закрыл глаза, и его губы беззвучно зашевелились.

Скоун слегка улыбнулся.

— Средством связи между базами был русский язык. Теперь это будет английский, — объявил он. — И тут возникает еще один вопрос. Язык — это не только средство общения. Он также может быть препятствием для общения. Я предвижу, что в будущем мы все станем одним народом, задолго до того, как мы или наши потомки сможем вернуться на Землю. Использование трех или более языков будет держать нас разделенными, поддерживать вражду и недопонимание. Поэтому я предлагаю сделать один язык главным. Наши дети будут обучаться этому языку, будут расти, думая о нем, как о своем родном языке.

Боб поднялся.

— Господин председатель!

— Да, капитан Брауэрд.

— Я считаю, что все лунные базы должны согласиться принять один язык в качестве основного. На нем будут

говорить везде, за исключением жилых комнат, где каждый сможет пользоваться любым языком, который ему нравится.

Зоолог Миллер встал и поддержал это предложение. Затем Скоун объявил, что представители других баз и делегаты могут высказаться за свой выбор основного языка. Каждый оратор был ограничен двумя минутами, и тот или иной язык нельзя было предлагать более одного раза.

Панчурин, бывший русский командир, был первым, кому дали выступить. Это был невысокий широкоплечий тридцатипятилетний мужчина с каштаново-желтыми волосами и с широким высоким скуластым лицом.

— Я не понимаю, как английский язык может быть сделан языком базового общения, но какой-то другой язык также может быть универсальной речью. Здесь есть противоречие, — заявил он.

— Во время нынешнего чрезвычайного положения будет использоваться английский язык, — ответил Скоун. — После этого мы примем тот язык, который будет выбран на этом заседании. Позвольте мне напомнить вам, что написано в отправленном вам документе. То есть что голосование по различным вопросам не будет фарсом. Я еще не собрал вещи, как говорят по-английски. На каждого американца или западноевропейца на этой встрече приходится один русский или китаец.

Брауэрд улыбнулся. На русской и китайской базах действительно было немало делегатов, равных тем, что были на Клавиусе. Но они прислали только тех, кого специально пригласил Скоун. Он же включил в число российских подданных разных тюркоязычных делегатов, армян, грузин, литовцев и эстонцев, а среди китайских делегатов выбрал нескольких японцев, индонезийцев, индийцев, тайцев и филиппинцев, ни у кого из которых не было никаких причин любить китайцев.

— Значит, я правильно понимаю, что всеобщий язык будет выбран всенародным голосованием? Что именно этот язык не будет вбит нам в глотку? — уточнил Панчурин.

— Разумеется, нет. Я только требую, чтобы мы проголосовали по одному из них сейчас, потому что после того, как

с Осью будет покончено, мы не сможем так легко и быстро договориться по такому вопросу, как этот.

— Я мог бы многое сказать о русском языке, — сказал Панчурин, — о его славе, красоте, легкости изучения, о его древности, универсальности, о том, что на нем писали два величайших романиста всех веков, Толстой и Достоевский, и что бессмертный Ленин использовал его для изложения марксизма. Но я уверен, что другие ораторы будут использовать почти те же аргументы для своих собственных языков, поэтому я воздержусь. Вы можете быть уверены, однако, что мы, русские, будем отстаивать нашу собственную славную речь. И мы уверены, что многие из вас, нерусских, тоже ценят ее превосходство.

Затем Скоун дал слово геохимику Эмилю Лорилле, и тот страстно и поэтично говорил в течение двух минут о красоте, лаконичности и точности, великой приспособляемости и давно признанном отличии французского языка, как дипломатического инструмента, и о величии написанной на нем литературы, не имеющей себе равных.

Были и другие выступающие. Креусон, единственный грек на Луне, еще красноречивее говорил о неразрывной преемственности своей родной речи, о богатстве и красоте языка Гомера, Еврипида, Платона, Аристотеля и Казандзакиса, о том огромном вкладе, который он внес и продолжает вносить в научный и поэтический дискурс. Ближе к концу он начал выглядеть отчаявшимся, и на его глазах появились слезы.

Именно тогда попросил слова старик Далквист. Когда он поднялся, воцарилось почтительное молчание и сосредоточенное внимание. Арне Далквист был легендой, которую многие любили и которую почитали даже китайцы. Ему было девяносто лет, хотя на вид можно было дать не больше шестидесяти. Этот человек слыл величайшим лингвистом, когда-либо жившим на Земле, он мог свободно говорить на всех основных индоевропейских и урало-алтайских языках, а также на многих менее известных. Арне был хорошо знаком с кадай-малайско-полинезийскими языками, хорошо говорил по-японски, по-мандарински, по-кантонски, по-малаяламски, по-бирмански и мог

свободно разговаривать с любым говорящим на языках индейских племен навахо, апачей, дакоты, оджибвея, чероки, науатля, майя или кечуа.

— Как вам известно, — сказал он, улыбаясь остальным, — я уже шесть лет нахожусь на Луне. Мой проект был связан с Землей, а не с этим спутником, и его цель состояла в том, чтобы продемонстрировать единственный источник большинства языков американских индейцев и проиллюстрировать связь индейского языка урспрахе с айну. Возможно, даже и с другими языками Старого Света. Я приехал сюда, потому что мой проект должен был занять много времени, и у меня было больше шансов продлить свою жизнь, если бы я жил при менее сильной лунной гравитации. Я привез несколько тысяч микрофильмов своего исследовательского материала. Это было удачно для будущих лунных исследований. Без этих записей наши потомки могли бы ничего не узнать о великом разнообразии языков, используемых на Земле, поскольку большинство их носителей уже умерли. И вполне вероятно, что сам взрыв бомбы, а также хаос, неизбежно созданный природой в течение следующих двухсот лет, уничтожат основную часть книг и записей человечества. Впрочем, сейчас речь о том, что будет здесь, а не там, верно?

Старик сделал паузу, чтобы улыбнуться своей маленькой шутке, а затем продолжил:

— У вас есть более важные вещи, чем лингвистическая наука, и большинство из вас мало заботится о таких вещах, как структура языка науатля или красота его литературы. Точно так же ваши сыновья, дочери и их дети будут мало заботиться о том, что речь их родителей не та, которую они используют. Все присутствующие здесь русские, англичане, китайцы и представители других национальностей будут говорить на одном языке. Но и в нем появятся диалекты. А после того, как лунный человек вернется на Землю и создаст там различные колонии, эти диалекты превратятся в отдельные языки. Это неизбежно, но не имеет никакого отношения к ближайшему будущему. Я пытаюсь объяснить вам — простите бредни старика, говорящего о самом дорогом для его сердца предмете, — что в настоящее время нет необходимости

голосовать за то, какой язык будет всеобщим после того, как наступит мир, если он вообще наступит. Если мы вступим в схватку с испаноязычными жителями Марса или их союзниками-банту, нас могут уничтожить или поработить. Тогда в любом случае наши языки больше не будут предметом выбора. Наши хозяева будут навязывать нам свою речь. Но мы можем победить. Кто знает, как оно будет? Только Бог — я использую этот термин в сознательном мифологическом или литературном смысле, конечно, — только Бог может это знать. Но что, если марсиане и луняне не станут взаимодействовать друг с другом, что, если и те, и другие останутся наедине с их собственной судьбой, таким образом гарантируя, что мы не уничтожим друг друга и не положим конец человечеству навсегда? Это вполне возможное решение. Что же тогда будет, если сохранится это состояние бездеятельной войны, вечного чрезвычайного положения? Тогда, поскольку английский язык является средством общения, так как это язык с наибольшим престижем, он будет использоваться все больше и больше. Другие языки умрут от неупотребления. И умрут быстро. Не забывайте, что здесь все не так, как было на Земле. Там даже второстепенный язык не исчезал, потому что находилось много говорящих на нем, чтобы передать его детям. Бретонский и баскский языки долго умирали, хотя их судьба была так же несомненна, как судьба языков атину, венда или юмы. Но на Луне очень мало людей. По последним подсчетам, их было триста. Если состояние войны будет продолжаться в течение целого поколения, многие из вас в старости едва ли вспомнят язык, на котором вы сейчас так бойко говорите. Поэтому я предлагаю полностью забыть о голосовании. Вы уже решили этот вопрос. Или, я бы сказал, что это сделал полковник Скоун.

Лингвист сел, и наступило молчание.

Скоун не стал дожидаться, пока слова Далквиста возымеют действие, а сразу же взял слово:

— Предложение, что после окончания войны с Осью мы примем один язык в качестве основного языка для лунных баз, было сделано и поддержано. Так вот, у нас нет машин для голосования, так что нам придется поднять руки. Чтобы гарантировать отсутствие жалоб на возможный просчет,

каждая из баз может выбрать по одному члену в комиссию по подсчету рук.

Комиссию выбрали быстро, и все трое ее членов поднялись на платформу, откуда им было лучше видно.

— Все те, кто голосует за это предложение, поднимите руки, — скомандовал затем Скоун.

Брауэрд огляделся и увидел, что практически единственными, кто поднял руки, были носители английского языка с Клавиуса, а также несколько западноевропейцев, армянин из российской делегации и таец из китайской группы. Внезапно ему пришло в голову, что он думал так же, как и те другие, кто умолял сделать всеобщим их собственный язык. Он считал само собой разумеющимся, что его предложение будет принято — из-за решительных действий Скоуна по подавлению Инга, — и думал, что вопрос будет заключаться только в том, какой язык будет выбран. Теперь же Брауэрд понял, что полковник, попросив его выдвинуть это предложение, сказал ему далеко не все. Скоун мог быть сильным и бесстрастным, но он не был неразумным. Он, конечно же, договорился с Далквистом перед встречей, чтобы тот произнес свою речь. И слова старого лингвиста произвели желаемый эффект. Они напугали всех и заставили отложить вопрос о едином языке на как можно более долгое время. Поэтому, хотя Далквист и сказал им правду, когда говорил, что голосовать не обязательно, он также напугал их, чтобы в дальнейшем они избегали этого вопроса. Они думали, что если подождут, пока наступит мир, то смогут справиться со Скоуном, отказаться принять один и только один язык, сохранить свою любимую речь для своих детей и внуков. Только они либо забыли, либо не совсем поняли, либо не захотели верить Далквисту, когда тот сказал, что голосовать не надо.

Скоун постучал по столу молотком.

— Очевидно, нам не придется пересчитывать тех, кто голосует против, — сказал он. — Ну что ж, очень хорошо. Мы будем ждать, пока не наступит мир.

Позже остальные начнут думать о том, что произошло, и поймут то, что понял Брауэрд. Но тогда они уже ничего не смогут поделать. И действительно, если бы Скоун держал людей достаточно занятыми, у них не было бы времени

размышлять об отвлеченных вещах и таким образом прийти к истине.

— Следующий важный вопрос должен быть решен немедленно, — продолжил тем временем полковник. — Откладывая его, вы создадите себе массу неприятностей. Возможно, их будет достаточно много, чтобы разрушить нас, сделать слабыми для конфликта с Осью. Эта проблема заключается в нехватке женщин.

Он сделал паузу, как будто снова вспоминая то, что, должно быть, много раз прокручивал в уме. Именно в этот момент на столе перед ним загорелась лампочка связи. Он щелкнул выключателем и наклонился к ней поближе, произнес несколько слов, а затем выпрямился.

— Вы должны извинить меня, я вас покину на несколько минут, — сказал он. — Заседание откладывается до моего возвращения. А пока подумайте о решении следующего вопроса.

Полковник сошел с платформы и зашагал по центральному проходу к дверям. Дойдя до первого ряда, он поманил за собой Брауэрда, и тот последовал за ним, размышляя, что же может быть настолько важным, чтобы вызвать главу базы с совещания. Или это был очередной трюк Скоуна? Именно тогда Боб увидел Ингрид Нашдой на стуле в заднем ряду. Он поднял брови и улыбнулся, когда убедился, что она его видит. Она тоже улыбнулась в ответ и пожала плечами.

— Я только что получил сообщение от начальника радара, — сказал Скоун, выйдя из конференц-зала. — Пойдем со мной в мой кабинет.

Брауэрд последовал за ним.

— Наконец-то прибыл разведывательный корабль, один из наших роботов, — рассказал полковник, когда они пришли к нему. — Это был один из трех вариантов. Я послал одного из них, и там были также русский и китайский корабль. Все трое должны были выяснить, какова ситуация на Марсе. Все, кроме нашего корабля, должно быть, были пойманы — во всяком случае, русский и китайский запаздывают со своими отчетами. А «Серебряная рыба» смогла сделать несколько довольно хороших снимков.

Он сложил руки в виде колокольчика и посмотрел прямо перед собой, сквозь собеседника. Брауэрд некоторое время ерзал на стуле, а потом, наконец, подал голос:

— Все настолько плохо?

— Что? Плохо? Достаточно плохо. Наши марсианские базы действительно были разгромлены, хотя и не обошлось без боя. Одна из южноафриканских баз была уничтожена — по крайней мере, на поверхности, и есть доказательства того, что Деймос был поражен. Да так сильно, что его гарнизон даже не отреагировал на присутствие разведчика. Он не пытался стрелять, не испускал лазерных или других лучей, ничего такого, что разведчик мог бы обнаружить.

— Значит, марсианские топоры — явная угроза?

— Более того, разведчик также обнаружил огромный флот, движущийся к Марсу, примерно в десяти миллионах миль от него.

— Он не может быть нашим, — сказал Брауэрд. — Наш сначала должен был бы прийти сюда.

— Несомненно, это главный флот Аргентины, на борту которого находится Фелипе Говардс. И вероятно, там же партийная аристократия топоров и их семьи. Понимаешь, что это значит?

Боб покачал головой, и Скоун продолжил:

— Это значит, что Говардс планировал взорвать эти кобальтовые бомбы. Он намеревался уничтожить все живое на Земле, а затем заново построить новое общество, мир, в котором все было бы хорошо. Этот мир будет начат на Марсе и, когда Земля будет готова к переселению, завершен на Земле. Совершенно фашистский испаноязычный мир.

— Для этого он должен быть буйным маньяком! — воскликнул Брауэрд.

— Да, он настоящий маньяк, но он знает, что делает и как это делается, — сказал Скоун. — Дело в том, что он еще не закончил свою работу. Он должен уже знать, что его войска потерпели неудачу на Луне, и он захочет убедиться в том, что советские базы на Ганимеде и Меркурии не работают. Таким образом, мы можем ожидать каких-то действий в ближайшем будущем. Черт возьми, если этот флот так велик, как доложил разведчик, у Говардса хватит мускулов, чтобы

победить нас. Он может потерять половину своего флота и все еще иметь вдвое больше кораблей и ракет, чем можем собрать мы. Плюс тот факт, что его силы едины. Им не нужно защищаться друг от друга, когда они сражаются с врагом.

— Ты позвал меня сюда не только для того, чтобы сказать мне это, — заметил Брауэрд.

— Конечно же, нет. Боб, я хочу, чтобы ты сделал кое-что особенное.

В этот момент Брауэрд понял, что Скоун задумал нечто чрезвычайно важное и крайне опасное. Это был первый раз, когда полковник назвал его по имени. Должно было быть что-то еще большее, чем опасность Оси, чтобы заставить его сделать это. Может быть, то, что Скоун хотел ему поручить, было настолько опасным, что даже он не решался заговорить об этом? Или было в его мотивах что-то другое, что-то зловещее?

— Дело вот в чем, — сказал Скоун. — Мы сильно превосходим их числом и вооружением. У марсиан есть все преимущества перед нами, кроме, конечно, того, что они действуют на основе неправильной идеологии. Но я никогда не замечал, чтобы идеологическое извращение мешало какой-либо нации быть отличными бойцами. Я могу сказать это в уединении моего кабинета, потому что знаю, что тебе и в голову не придет повторить это.

— Ты сказал, что дело в том, что?..

— Если марсиане обрушат на нас всю свою мощь, а я не вижу причин, почему бы им этого не сделать, мы будем уничтожены. Итак, мы можем лишить базы всего, что могут унести корабли, и найти тайное место, новую колонию. Мы могли бы даже все вместе подняться на борт «Земли» и улететь к звездам, оставив Ось полностью распоряжаться в Солнечной системе.

— Мне это не нравится, да и не буду я этого делать.

— Другой вариант: мы можем опередить марсиан в последнем ударе. Но есть только один способ сделать это. Кто-то должен отправиться на Землю и раздобыть средства, которые позволят нам разгромить марсиан. Более того. Разгромить весь Марс!

— Не понимаю тебя, — сказал Брауэрд.

— «Бич планет», — сказал Скоун. — Слышал о нем когда-нибудь?

— Нет.

— Это... было... совершенно секретно, но это, конечно, не значит, что это название каким-то образом не распространилось. Его строили русские. Это было, если мой интеллект не ошибается, устройство, на сто процентов эффективное в преобразовании материи в энергию. И в нем должен был присутствовать усилитель. Можно сказать, что он был эффективен на пятьсот процентов. Да, я знаю, это невозможно. Но, по сути, именно так должно было быть. Не спрашивай меня о том, что за этим кроется. Это изобретение — назовем его бомбой — не предназначалось для использования в качестве оружия на Земле. Оно уничтожило бы всех, включая и русских, даже если бы сработало на Южном полюсе. Но русские хотели построить и испытать его. Они планировали взорвать его на Юноне и предсказали, что астероид, несмотря на его диаметр в двести десять километров, будет разбит на миллион крошечных осколков.

Брауэрд словно окаменел.

— Ты же не думаешь о том, чтобы послать кого-то туда?.. — пробормотал он.

— Почему бы и нет? — ответил Скоун. — Я бы и сам туда полетел, но совершенно очевидно, что я должен остаться здесь. Я знаю, где находится бомба. И у нас есть небольшой экспериментальный корабль, который достаточно хорошо экранирован, чтобы выдержать двадцатикратную радиацию, которая будет там, внизу. Более того, я уже отдал приказ оборудовать специальные скафандры для любой работы, которую тебе придется выполнять вне корабля. Поверь мне, это можно сделать. Я поговорил с теми, кто знает, и они сказали мне, что это возможно.

— Но даже если бомбу найдут, откуда ты знаешь, что она сработает? Кто знает, как ею управлять? — Брауэрд вдруг почувствовал, что тяжело дышит, и сжал кулаки. — И почему именно я? Я же антрополог и врач! Что я знаю о том, как доставить туда корабль или как управлять устройством такого рода?

— Ты врач, и у тебя была большая подготовка в области радиации. Ты не будешь пилотировать корабль, это сделает другой человек. А что касается бомбы, то это сравнительно

небольшое устройство, и оно совершенно безопасно. Кроме того, я выбрал тебя по другой причине, о которой еще не упомянул.

— И что же это за причина? — ехидно поинтересовался Брауэрд, но вовремя спохватился и прикусил язык. Еще немного гнева — и он обвинил бы Скоуна в том, что тот посылает его на Землю, чтобы развязать себе руки в отношении Ингрид.

— Ты ведь провел год в Восточной Сибири, занимаясь антропологическим изучением потомков колонистов? — напомнил ему Скоун.

— Да, — сказал Боб. — И что с того?

— Бомба находится в подводной установке у берегов Восточной Сибири.

Брауэрд вздохнул. Он доверял человеку, который проверил биографические файлы жителей базы, чтобы найти данные, которые он мог бы использовать. Скоун выбрал его. И во многих отношениях его выбор был вполне логичен.

— Мне что, приказано лететь туда? Или ты предлагаешь мне стать добровольцем? — уточнил Боб.

— Выживание всех людей на Луне требует, чтобы кто-то достал эту бомбу. Тебе следовало бы гордиться, потому что я думаю о твоей квалификации достаточно, чтобы приказать тебе это сделать.

Брауэрд знал, что лучше не спрашивать Скоуна, что будет, если он откажется. На мгновение он задумался, не хочет ли полковник, чтобы он взбунтовался. Это дало бы главе базы легкий и законный способ избавиться от него, а так у Боба был шанс вернуться с задания. Но насколько велика была вероятность такого мотива, Брауэрд мог узнать, только как следует оценив ситуацию.

— Кто полетит со мной? — спросил он.

— Капитан Яманучи будет твоим пилотом и штурманом.

— Ты все продумал, — заметил Брауэрд.

На какой-то мимолетный миг на лице Скоуна промелькнуло удивление. Но если он и догадался, что имел в виду его собеседник, то не стал вдаваться в подробности.

— Пройдет еще некоторое время, прежде чем корабль будет готов, — сказал Скоун. — Зайди к доктору Уэллерсу в секцию Т. И мы еще увидимся перед твоим отлетом.

— Да, сэр, — ответил Брауэрд, после чего отдал честь, развернулся и чопорно вышел из кабинета. Его единственной мыслью было поговорить с Ингрид перед отъездом. И ему было все равно, какие препятствия поставит на его пути Скоун, чтобы предотвратить это.

Доктор Уэллерс и Яманучи уже ждали его. Уэллерс оказался высоким худощавым англичанином с большими карими глазами и впалыми щеками. У него было две докторские степени, одна по лунной физике, другая по пространственной навигации. Вообще-то его считали психом. Его откровенность постоянно приносила ему проблемы, но он был настолько гениален, что земные власти игнорировали его взгляды, насколько это было возможно. В итоге его отправили на Луну, где у него была лишь небольшая аудитория и за ним можно было наблюдать более пристально. Однако в его случае не было ничего необычного. Луна была наполовину населена людьми сомнительных взглядов, но очень полезными.

Вторым дожидающимся Боба человеком был Мойше Яманучи. Это был коренастый мужчина лет тридцати со светло-каштановыми вьющимися волосами и фиолетово-голубыми глазами с длинными ресницами. Кроме фамилии, в нем не было ничего, что указывало бы на его японское происхождение. По-своему он был даже более интересен, чем Уэллерс. Его дед, один из многих японцев, принявших иудаизм вскоре после Второй мировой войны, эмигрировал в Израиль. Он женился на местной жительнице датско-польско-шотландского происхождения, а их второй сын взял в жены женщину с голландско-чешско-алжирскими корнями. Мойше, их младший ребенок, родился на севере Аляски — его родители были среди жертв Третьей диаспоры, перемещенной туда Советами в их стремлении навсегда уничтожить израильское государство и иудаизм.

Мойше Яманучи был единственным «евреем» на Луне. Говорили, что его назначили туда по ошибке. Он не был зарегистрирован как религиозный человек и подал заявление о вступлении в коммунистическую партию. Но чиновники, пославшие его на Луну, были введены в заблуждение его фамилией и так далее. Когда об этом наконец стало известно и

Скоуну сообщили, что под его командованием находится человек еврейской «крови», он ничего не предпринял. Яманучи был приятным и ценным человеком, и людям было трудно поверить, что он действительно еврей. Он не вписывался в общую картину.

Сам Мойше, хотя и утверждал, что он атеист, шутил о своей божественности. Он был одновременно сыном Давида и богини Солнца. Кровь Соломона, Авраама и Микадо текла в его жилах, как герцогская смесь, хотя и несколько вяло, поскольку это была еще и холодная кровь жителя Аляски.

Теперь, глядя на Яманучи, Брауэрд думал о мотивах, побудивших Скоуна послать этого человека с ним. Для такой работы Мойше годился ничуть не хуже других — он был даже лучше многих. Но если он не вернется, то станет жертвой политики Скоуна «убить двух зайцев одним выстрелом» — полковник наверняка хотел бы избавиться от «японского еврея».

Двое мужчин поздоровались с Брауэрдом, и Уэллерс сразу же начал давать им с Мойше информацию с помощью лекций и изображений в оптическом прицеле на консоли. На большом экране появились фотографии, диаграммы, математические уравнения и строки текста. Уэллерс объяснял, что они означают, высоким монотонным голосом, и через два часа оба солдата уже знали все досконально, до мельчайших подробностей. Жизненно важные математические факты, связанные с навигационными проблемами, были записаны на пленку и проверены по пути на корабль.

— И корабль, и ваши мобильные скафандры будут дополнительно защищены от высокой радиации так называемыми антиполями, хотя это название и не верно, — сказал Уэллерс. — Вы будете в безопасности — пока работают генераторы поля. Известно, что они могут выйти из строя в критических случаях.

— Это все равно что выслушать ободряющую речь от самого отца смерти, — сказал Яманучи.

— Жаль, что я не могу полететь с вами, — ответил Уэллерс. — Вы сможете своими глазами наблюдать за тем, что произошло на Земле.

— Будь моя воля, вы могли бы занять мое место, — вздрогнул Боб.

Неожиданно пронзительно заверещала громкая связь:

— Капитан Брауэрд! Немедленно ответьте секции G!

Боб подошел к прибору:

— Говорит Брауэрд. Есть идеи, почему меня разыскивают в G?

— Это Эйлерс, банк спермы. Нам нужен ваш вклад, капитан. Это приказ Скоуна.

— Принято, — сказал Боб. — Буду там через минуту. А как насчет капитана Яманучи? — спросил он, немного подумав.

— У меня нет никаких распоряжений насчет него.

— Он уже внес свой вклад?

— В файле Y — только молодые и здоровые. А что?

— Ничего, — ответил Боб.

Яманучи был чем-то болен. Этому красивому, умному и крепкому человеку, было отказано в шансе внести свой вклад в улучшение человеческого рода. Скоуну не нужны были «испорченные» гены.

— Не смотрите так испуганно, — сказал Мойше с улыбкой. — Я точно знаю, почему меня не просят совершить грех Онана. Но Скоун имеет дело с очень хитрым евреем. Я уже предпринял необходимые шаги — если можно назвать шагами то, что делалось в горизонтальном положении, — чтобы у меня было по крайней мере двое детей. А может, и больше, потому что в моей семье случались близнецы.

— Я правильно понял? — ухмыльнулся Брауэрд. — Вот же вы развратный петушок!

— Если и есть одна черта, которую я унаследовал от своего далекого предка, царя Давида, то это сильная жажда красивых женщин и способность, извините за выражение, притягивать их, как мух на мед. Есть две прекрасные женщины — благоразумие и старомодное чувство чести запечатлевают мои уста по части их имен, — которые в этот момент питают плоды нашей любви в своих утробах. Во время смерти фантазия молодого человека обращается к мыслям о любви. Другими словами, когда я думал, что мой род, моя порода может вымереть, если я не выполню свой долг, я понимал этот долг, и я его выполнил, без всякого каламбура. Хотя, должен признаться, мне это понравилось, и это не каламбур.

— Если Скоун узнает об этом, — сказал Брауэрд, — он вас пристрелит. Вы же знаете, какой он упрямый моралист, когда речь заходит о сексе.

— Пока другие бездельничают, я копаю, — ответил Мойше. — А он и слышать об этом не хочет. Если только...

— Я ничего не слышал, — сказал Уэллерс. — Я бы не хотел начинать расследование такого рода. Охотники могут начать обнюхивать мое логово и обнаружить тот факт, что я иногда смешиваю возвышенный интерес к математике с интересом к вещам, которые они могут считать низменными.

Оба солдата рассмеялись и вышли из лаборатории.

— Меня кое-что озадачивает, — сказал Брауэрд, выйдя на улицу. — Вы говорили, что не совершите грех Онана, даже если вам прикажут. Но почему бы вам этого не сделать? Ортодоксальный еврей мог бы возразить против передачи своей спермы в банк, но вы?..

— Мы поговорим об этом позже, — ответил Мойше. — Во время нашего путешествия.

Внезапно он утратил свою веселость, и его лицо стало серьезным.

Они молча шли по коридорам, высеченным из базальта, и перед тем, как расстаться на перекрестке, Яманучи потер подбородок. Тихим голосом, словно разговаривая с самим собой или с кем-то еще, он сказал:

— Хорошо. Я отращу бороду.

— Что? — воскликнул Брауэрд, но Мойше уже уходил.

Мгновение спустя Боб снова услышал свое имя по громкой связи. За этим последовало объявление, что взлет задерживается. В генераторе антирадиационного поля произошел сбой. Брауэрд почувствовал, как его охватил холод: он вспомнил комментарий Уэллерса о такой возможности.

Пообещав себе время от времени заглядывать к нему, Брауэрд направился в конференц-зал. Он проходил один безмолвный зал за другим, и его путь освещался яркими люминесцентными панелями, которые вспыхивали перед ним, когда он к ним приближался. Впереди была тьма, за ним — чернота, а его окутывал движущийся ореол света. Может быть, подумал он, именно так выглядит бедственное положение человека? Неспособный видеть прошлое и будущее, он

может видеть только свое непосредственное время и место. Правда, Боб знал, где он был, и думал, что знает, куда идет. Но если свет погаснет, сможет ли он добраться до места назначения, не свернув не туда?

Скала под его ногами вновь задрожала, когда бурильщики далеко внизу устремились на поиски воды. А что, если их целью окажется хранение какой-то комбинации взрывчатых веществ? Взрыв вполне мог разрушить базу и убить всех, кто на ней находился. И что потом? Некоторое количество мужчин и женщин остались бы на русских и китайских базах, а еще сколько-то — на ганимедской и меркурианской, если они еще существовали. Люди Марса — враги — определили бы будущее человечества, если только марсиан не уничтожат. Ведь большой флот топоров действительно летел к Марсу. Но на этих кораблях могло быть очень мало женщин.

А что, если природа, Бог или кто-то еще решил, что человечество настолько малочисленно, что теперь оно находится ниже уровня выживания? И на столь непостижимых путях Вселенной оставшиеся женщины просто перестанут рожать? Рассмотрим те виды, которые в прошлом были сведены к почти полному вымиранию на Земле. Несколько самок все еще жили, теоретически способные размножаться и возродить свой вид, но по какой-то причине они не могли иметь потомство. Природа приказала им остановиться: она повернулась спиной к этому виду.

Если такое случится с нами, подумалось Брауэрду, мы это заслужили. Человек, безумный мыслитель, иррациональный рационалист, нелогичный логик теперь считал себя забытым.

— Не успеешь оглянуться, — пробормотал Боб себе под нос, — как я уже начну верить в Бога.

И он подумал о том, как же быстро одиночество и темнота привели его в душевное состояние испуганного дикаря. Затем он очутился в хорошо освещенном холле, ведущем в конференц-зал, и ему навстречу вышла Ингрид Нашдой. Она выглядела разъяренной и пошла мимо него, но он протянул руку и схватил ее за локоть.

— В чем дело?

— Убери от меня свои руки! — воскликнула она. — Ты... ты, мужик!

— Хорошо, — мягко сказал Боб. — И что мой пол сделал твоему?

По щекам Ингрид текли слезы.

— Они просто решили, что это будет справедливо... для мужчин, конечно, это не имеет значения... Ох уж эти мужчины...

— У тебя язык заплетается, — сказал он. — А я все это время думал, что ты Ингрид.

— Шутки! Шутки в такое время! Разве ты не видишь, что я плачу?

— Я просто пытаюсь тебя успокоить.

Нашдой положила голову ему на плечо. Он обнял свою подругу, и ее плечи задрожали, когда ее слезы намочили его униформу.

— Они уже все решили... — всхлипнула она. — Чтобы каждая женщина стала женой двух или более мужчин... или каково бы ни было соотношение мужчин и женщин! Это для блага человечества... они говорят. И были женщины, которые голосовали за него вместе с мужчинами! Женщины!

— Неужели Скоун проглотил это? — изумился Брауэрд.— Что...

Ингрид высвободилась из его объятий и посмотрела на него снизу вверх.

— О нет, надо отдать ему должное. Он боролся против этого. Сказал, что мы ничего не должны делать с соотношением мужчин и женщин, пока не рассчитаемся с Марсом. Но на этот раз он не смог добиться своего. Его переспорили. Эти люди были похожи на стаю воющих волков.

— Конечно, он был против этого. Он хочет заполучить тебя для себя.

Ингрид достала из кармана комбинезона носовой платок и промокнула им глаза.

— Ну, он не сможет меня заполучить. По крайней мере, я смогу выбрать тех мужчин, которых захочу. И можешь поставить свой последний рубль, что он не будет одним из них. Если только он не будет одним из тех, кто остался после того, как весь этот выбор будет сделан. Тогда, черт возьми, распределением займется комиссия. И бедной женщине, которая его получит, будет нечего сказать по этому поводу.

— Я полагаю, — сказал Брауэрд, — что в сложившейся ситуации ничего другого сделать нельзя. Это...

— Что же ты за человек такой?! — взвыла Нашдой и снова заплакала.

— Я пытаюсь быть логичным. Цель. Эмоциональное возбуждение здесь ни к чему не приведет.

— Ну а я намерена быть эмоциональной. Все мы эмоциональны. У меня нет ни капли логики по этому поводу, и я не собираюсь ее иметь! Ты действительно хочешь сказать, что будешь стоять рядом, пока какой-то другой мужчина уводит меня в постель?

— Если есть выход, я подумаю об этом, — пообещал Брауэрд. — Но для этого нужна сила мозга, а не слезы.

Ингрид отвернулась от него и убежала. Он смотрел, как она мчится по коридору, и свет потолочных панелей не отстает от нее. «Светлячок, — подумал Боб. — Только наоборот. Не она летит на пламя, а пламя ее преследует.

И он засмеялся, хотя и слабо, над самим собой. Всегда романтический поэт, независимо от ситуации.

Брауэрд решил, что в данный момент бесполезно бежать за Ингрид и пытаться утешить ее. Он вошел в конференц-зал как раз вовремя, чтобы услышать, как Скоун назначает комиссию из девяти человек. Это было сделано для того, чтобы рассмотреть методы осуществления нового правила, уже названного «политикой сексуальных группировок». После разработки свода принципов и правил их применения комиссия должна была вынести их на общее голосование.

Некоторые женщины были рассержены, а некоторые — бледны от потрясения. Но было очевидно, что ничто так не радовало прекрасную Соню Абарбанель, биохимика, как этот новый закон. Увидев ее, Брауэрд рассердился еще больше. На секунду Боб подумал о том, чтобы предложить решить эту проблему, сделав ее официальной шлюхой для Эратосфена и Клавиуса, но затем, взяв себя в руки, он понял, как нелепо будет выглядеть и какой резкий публичный упрек получит.

Тем не менее Брауэрд не мог не испытывать к ней отвращения. Это не умаляло его чувств, когда он напоминал себе, что когда-то у него был с ней роман. Безбрачная жизнь

Боба на Луне сделала его легкой добычей для нее — если это слово подходит для такого добровольного участника романа, каким он был. Затем, обнаружив, что она спит по меньшей мере с десятью другими мужчинами одновременно, он бросил ее с отвращением и стыдом.

Мгновение спустя Брауэрд, как обычно, пожалел о своем отвращении. Бедняжка, она ничего не могла с собой поделать. Кто знает, что за странные и сильные желания двигали ею, какие у нее были навязчивые мысли? И ведь она послужила — и продолжала служить — глубокой человеческой потребности. Многие мужчины вели здесь монашескую жизнь. Поскольку им предстояло пробыть на Луне всего год или два, можно было предположить, что они выдержат вынужденное воздержание или же их нельзя будет винить, если они воспользуются любым шансом нарушить его.

Но ни от одного мужчины теперь нельзя было ожидать, что он будет жить подобно святому отшельнику всю оставшуюся жизнь, тем более что, в отличие от древнего отшельника, он ежедневно общался с женщинами. Поэтому, несмотря на свой гнев и на горе Ингрид, Боб вынужден был признать, что это решение было единственным, которое он мог принять. Но это вовсе не означало, что ему должно это нравиться.

Это был полный бардак, и одному Богу известно, сколько сердец — включая и его сердце — могли теперь быть разбиты.

Его внимание привлек человек, что-то выкрикивавший в тот момент из зала. Это был Пьер Шварц, единственный швейцарец на Луне, и он выступал за то, чтобы осудить национализм. Он предложил, чтобы каждая база перевела треть своего персонала на другую. Это также проложило бы путь к тому, чтобы люди считали себя просто советскими, а не американскими, русскими или китайскими советскими. Это был бы надежный способ убедиться, что их сыновья и дочери будут думать о себе, как о членах одной группы.

Несколько дюжин человек вскочили, потрясая кулаками и крича на Пьера. Порядок был восстановлен только молотком Скоуна и его ревом:

— Шварц! Я отказываю вам в праве делать такое предложение! Вы сами являетесь живым доказательством того,

что люди разных национальностей и говорящие на разных языках, могут жить гармонично! Вы являетесь — раньше являлись — гражданином Швейцарии! Сядьте, или я выгоню вас с собрания!

Пожав плечами, швейцарец повиновался. И сразу же после этого Скоун дал слово канадцу Джеку Кэмпбеллу.

— Господин председатель, должны ли мы понимать, что принцип национализма — хотя в целом он не является одним из постулатов Маркса — теперь стал общепризнанным правилом на Луне? — спросил Джек. — А что будет, когда мы вернемся на Землю?

— Так оно и есть, мистер Кэмпбелл, — ответил Скоун.

— Я только что разговаривал с мистером Гомесом, мексиканцем, и мистером Лорилле, французом. Мы согласны с тем, что, следуя вашему правилу, каждый из нас имеет законное право на базу, где мы можем создавать и сохранять свои собственные национальности. Вопреки тому, что вы, кажется, считаете само собой разумеющимся, те из нас, кто не является янки, не радуются перспективе стать янки. Мы так же гордимся своей национальностью, как и вы своей.

Впервые с тех пор, как Брауэрд познакомился со Скоуном, его лицо побагровело.

— Любому, кроме идиота, очевидно, что этому правилу можно следовать только на практике! — рявкнул председатель в ответ. — У нас нет средств, чтобы каждый ничтожный маленький гражданин шел своим путем. Что бы вы сделали, если бы мы выкопали вам две камеры в скале за тысячу миль отсюда, установили над ними купол и подняли над ним канадский флаг? И сделали бы то же самое для швейцарца, и француза, и мексиканца, и шведа? Как бы вы размножились? Может быть, каждый из вас возьмет с собой женщину, которая, вероятно, не захочет отказаться от своей национальности ради вашей? Нет, мистер Кэмпбелл, вы ведете себя совершенно нелепо. И вы знаете это. Вы пытаетесь разрушить работу этой конференции и выставить меня дураком.

— Если я смешон, — сказал Джек, — то и все остальные здесь тоже, включая вас. На Луне не больше трехсот человек, а вы говорите о сохранении национальностей и отдельных баз. Мы нужны друг другу. Мы должны разрушить

все барьеры. Я думаю, что предложение Шварца — очень разумное, фактически единственное. Если только мы все не переедем на одну базу.

Брауэрд уже собирался вскочить на ноги, чтобы поддержать Кэмпбелла, когда вдруг заметил стоящего рядом мужчину. Он поднял глаза и увидел сержанта Росса.

— Вам пора явиться на «Дорланд», сэр, — сказал тот.

Боб начал было спрашивать, почему за ним послали эскорт, но затем закрыл рот. Все и так было ясно: Скоун не хотел, чтобы он разговаривал с Ингрид перед отъездом.

— Я хочу кое-кого повидать на минутку, — сказал он, вставая.

Сержант посмотрел на часы и покачал головой.

— Нет времени, сэр. Ваш взлет происходит автоматически, и ваш полет тоже будет автоматическим, пока вы не достигнете пункта назначения. Вы не можете опоздать ни на секунду.

Брауэрд знал, что это неправда. Новейшее навигационное оборудование обладало возможностями самонастройки и изменений. Но Скоун, должно быть, дал Россу строгий приказ. Вздохнув, Боб кивнул и вышел из зала.

Возле корабля его уже ждали Мойше, Уэллерс и несколько инженеров и техников. Уэллерс дал им с Яманучи последние указания, а затем, когда оба уже были готовы подняться на борт «Дорланда», они увидели входящего сержанта. В руке он держал картонный блок сигарет.

— От полковника Скоуна, сэр, — сказал он, подойдя к Брауэрду и отдав честь.

— Это очень мило со стороны полковника, сержант. Скажите ему спасибо за меня, — ответил Боб, взяв коробку.

— Это последние сигареты в Клавиусе, сэр, — ответил сержант. — Может быть, последние на всей Луне.

— И он отдал их мне, — пробормотал Брауэрд.

— В старые времена осужденным всегда давали много еды и сигареты прямо перед казнью, — сказал Яманучи.

«Да, — подумал Брауэрд, — но такого подарка от Скоуна никак нельзя было ожидать». Полковник был совершенно несентиментален. Более того, он курил, и передача этого блока другому человеку означала для него жертву. До тех пор, пока

табачные растения не будут взяты из резервуаров «Земли» и помещены в сад на Луне, для лунного персонала больше не будет дыма. И наверняка это будет еще очень не скоро. Строгая экономика Луны не могла позволить себе роскошь табачных полей.

«Может быть, — подумал Брауэрд, — будет лучше, если это растение никогда не покинет резервуары». Большинство людей прекрасно обходились без никотина до Колумба, и теперь им будет гораздо лучше без него. Но как бы то ни было, поступок Скоуна был совершенно неожиданным.

— Вы курите? — спросил Боб сержанта.

— Пока курю, но это ненадолго, — ответил тот. — У меня осталось полпачки, и я нянчусь с ней.

— Вот, — сказал Брауэрд, протягивая ему блок, — возьмите пару пачек. А остальное передайте своим людям. — Он поднял руку, чтобы остановить протесты сержанта. — Когда-нибудь мне придется бросить курить, иначе я не проживу достаточно долго, чтобы справиться со всей коробкой. Нет смысла тратить их впустую. — Он повернулся к своему спутнику. — Пойдем, Мойше.

Они вошли в корабль через воздушный шлюз и уселись в два кресла, расположенных прямо перед панелью управления и обзорным экраном. Сержант нажал кнопку на панели, и длинные тонкие стержни, увенчанные изогнутыми металлическими пластинами, поднялись из отверстий в креслах и сомкнулись вокруг голов, груди, рук и ног двух сидящих мужчин. Затем сержант нажал еще одну кнопку. Казалось, ничего не произошло, но сержант, проверяя, обнаружил, что не может просунуть руку сквозь «стазисное» поле, которое теперь окружало их обоих. Он сделал им знак, и они надавили на пластины в правых подлокотниках кресел. После этого сержант смог протянуть руку так близко к ним, как только хотел.

— Стазис в порядке, — сказал он. — Активируйте его сейчас же.

Брауэрд и Яманучи откинулись назад. Пластины на стержнях были не удерживающими устройствами, а напоминаниями о том, что они должны оставаться в кресле. Одна из особенностей не вполне понятного стазиса состояла

в том, что материальный объект, находящийся за пределами поля, не мог пройти сквозь него, если только он не был брошен с гораздо большей энергией, чем могли бы израсходовать мышцы человека. Свет и звук могли проходить через стазис в обоих направлениях, и человек, находящийся внутри, мог легко из него выйти. Однако если бы во время состояния чудовищного ускорения, которое испытывал бы корабль на протяжении большей части своего путешествия к Земле, человек, находящийся в стазисе, просунул хотя бы палец сквозь это поле, его бы засосало в «нормальные» поля и он испытал бы на себе их действие. То есть был бы насмерть раздавлен перегрузкой.

Сержант еще раз проверил снаряжение, отдал Мойше и Бобу честь и вышел. Они смотрели на заряженный энергией экран и видели только кажущуюся плоской равнину дна Клавиуса, очищенную от лунной пыли, близкий горизонт, Землю, висящую прямо над ним, и жесткий блеск звезд. Затем, так быстро, что они не смогли сразу понять этого, хотя и ожидали взлета, и уже испытывали это ощущение, путешественники оказались далеко от Луны и в сиянии Солнца. Перед ними, на панели управления, пополз вверх красный огонек в колонке G. Ускорение уже перевалило за пятьдесят земных сил тяжести.

Круг Земли, темный слева от них и светящийся справа, заметно раздувался. На нем не было видно ни очертаний материков, ни солнечных бликов от океанов и больших озер. С того рокового дня Земля была покрыта облаками. Даже ледяные шапки полюсов выглядели смазанными.

Двое мужчин долго молчали. Брауэрд поймал себя на том, что тянется к карману за сигаретой. Он улыбнулся, но засомневался, не был ли он слишком импульсивен, отдавая весь свой табак. Во всяком случае, сейчас он все равно не мог курить. Свет, звук и воздух могли проходить сквозь барьер, и теоретически курить было безопасно, но правила это запрещали.

Брауэрд повернул голову и посмотрел на сидящего слева Мойше. Его глаза были закрыты, и он слегка улыбался.

— Опять думаешь о женщинах? — поинтересовался его спутник.

— О бублике и лососе, — сказал Мойше. — То есть о Саре Бублик и о Джудит Лососевой. — Он рассмеялся, а потом добавил: — Я думал о своих матери и отце.

— И ты умеешь смеяться?

— Смех и слезы — это средства снять напряжение. Иногда я смеюсь, когда другие плачут, и наоборот. Может быть, это потому, что мне всю жизнь приходилось притворяться. Быть евреем не так-то просто.

— Ты не еврей, — сказал Брауэрд.

— Скажи это остальным. Скажи им, что быть евреем — это вопрос религии, а не генов или какой бы то ни было веры, в которую верили их родители.

— Это все в прошлом, — сказал Брауэрд. — Через некоторое время люди все забудут. Даже если в их отношениях с тобой осталось какое-то легкое чувство, оно не коснется твоих детей.

— Мои родители приложили немало усилий, чтобы обучить меня своей религии. Тайно, конечно. Номинально они были атеистами, но праздновали все наши старые праздники: Песах, Рош ха-Шана и так далее. Они даже устроили мне бар-мицву — тогда там было еще двенадцать человек, все в масках, конечно, чтобы никто не узнал, кто они такие. Хотя я был единственным, кто этого не знал. Может быть, они боялись, что я их выдам. И это правильно. Не то чтобы я это сделал или хотя бы подумал об этом на мгновение. Я имею в виду, что они были правы, не рискуя, что я это сделаю. Но я прошел через эту церемонию только для того, чтобы угодить им, у меня не было никакого интереса или веры в увековечение их религии. Я просто хотел забыть обо всей этой нелепой и трагической истории.

Он помолчал с минуту, а потом сказал, как бы продолжая вслух свою мысль и словно бы обращаясь не к Брауэрду:

— Но я не смог забыть. Дело не в том, что кто-то заговорил со мной из огня в кустах. Но мне был голос. Или разумная запись голоса.

— Ты позволяешь событиям последних двух недель взять над тобой верх, — сказал Боб. — Старый мир разрушен, и ты ничего не можешь с этим поделать. Но нам предстоит создать новый мир, и если мы воспользуемся ошибками старого, ну...

— У тебя столько же шансов убедить всех в том, каким должен быть дивный новый мир, сколько у Скоуна будет шансов убедить всех сделать Луну новой Америкой, — возразил его спутник.

Брауэрд ничего не ответил. Правда, Мойше был членом его афинской партии, но Боб всегда считал, что он присоединился к нему только в знак протеста против коммунистов. У Яманучи не было искренней или глубокой веры в принципы, которые излагал Боб. Во всяком случае, не в способности людей следовать этим принципам. Когда Мойше потерял веру в Бога своих отцов — если он вообще когда-либо имел ее, — он потерял также и веру в людей.

Оставшуюся часть пути они говорили о пустяках, о тех, кого знали на Луне, о друзьях и врагах, которых знали на Земле, о своем детстве и о разных шутках. Ровно через полтора часа после того, как они оторвались от поверхности Луны, по всему кораблю прозвенел сигнал тревоги. Это, как подтвердил соответствующий мигающий огонек на панели, был сигнал о том, что корабль начал замедляться. В этом предупреждении не было необходимости, так как судно с самого начала работало на автомате. Так должно было продолжаться до тех пор, пока они не войдут в атмосферу Земли и не приблизятся к тому месту, где им предстояло совершить посадку. А потом Мойше должен был взять управление на себя.

Они молча ждали, пока корабль погрузится в облака, окутавшие планету. Брауэрд выказал свою нервозность быстрым постукиванием пальцев по подлокотнику кресла, а его напарник тихонько напевал. Снаружи все было погружено во мрак, если не считать далеких вспышек молний. Внезапно они оказались под проливным дождем.

— Мы на темной стороне, — сказал Мойше. — Вне контакта с Луной. Ничто не удержит нас от того, чтобы снова взлететь, удерживая Землю между нами и Луной, пока мы не окажемся вне зоны обнаружения.

— Но куда мы полетим? — сказал Брауэрд. — И зачем нам это?

— На Ганимед. Или на Меркурий. На Ганимед было бы лучше. Ты когда-нибудь читал отчет о комплексе пещер в

нем? Там может спрятаться целый город, и его никогда не найдут. А насчет второго твоего вопроса — ну зачем возвращаться к людям, которые тебя ненавидят или по крайней мере презирают? Или к лидеру, который хочет использовать тебя, как орудие своей извращенной идеологии, а не как человека с собственными правами и желаниями? И...

— Мы должны держаться вместе, чтобы выжить, — сказал Брауэрд. — Центростремительная сила — вот что нам нужно, а не центробежные желания, которые разнесут нас в разные стороны.

— Забудь об этом. Я просто разговариваю. Во-первых, давай найдем то, за чем мы прилетели...

Их цель находилась в десяти километрах от побережья Восточно-Сибирского моря, недалеко от города Якан, и в четверти километра под поверхностью воды. Корабль доставил их точно в нужное место — по крайней мере, так показывали приборы — а затем завис в десяти метрах над волнами. Смесь дыма и тумана была такой густой, что путешественники ничего не могли разглядеть. Во время спуска к земной поверхности они ни разу ее не видели. Брауэрду хотелось увидеть хоть что-нибудь среди опустошения, но в то же время он не желал ничего видеть. Он не был уверен, что сможет вынести это зрелище. Просто знать об этом уже было чересчур, а чтобы увидеть превращенные в оплавленное стекло города, которые пострадали от прямых попаданий, разрушенные остатки районов, которые были на окраинах, тысячи, миллионы тел тех, кто умер от радиации, людей, животных, птиц... Это было больше, чем Боб мог вынести и даже вообразить. Нет, он был рад, что дым от горящих городов и лесов скрывает мертвую Землю.

Он нажал кнопку, которая вывела их из стазиса, встал и подошел к пульту управления. Мощные прожекторы вонзались в серо-коричневый туман. Внизу мчались вверх и вниз огромные морские волны. Затем они приблизились, набрасываясь на корабль, но вскоре исчезли, и их окружила темнота моря, пронзенная лучами света. Здесь не было ни одной рыбы, которую можно было бы испугать видом ярких огней.

Внезапно один из лучей ударил в выступ, явно не являющийся естественным образованием. Он возвышался на

двести метров над черной тиной морского дна. Мойше направил корабль над плоской вершиной башни, остановил его точно над ее центром и нажал другую кнопку.

— Согласно тому, что Циольски сказал Скоуну, порт настроен на активацию только по определенному коду гидролокатора, — сказал Боб. — Циольски не был уверен, что шифр не окажется изменен. Но если код не сработает, мы сможем войти через другой порт, рядом с базой, в наших скафандрах.

— Он сработает, — возразил Яманучи, указывая на дверь, уходящую в плоскую поверхность вершины башни, и провел корабль вниз мимо входа. Тяжеловесная дверь перестала отступать прямо перед ними и начала скользить в сторону — внутрь стены огромной трубы. Корабль опустился ниже нее, и Брауэрд, глядя на экран, открывавший вид сверху, увидел, как дверь тяжело, но быстро отодвинулась от стены, а затем начала подниматься вверх, чтобы снова закрыть проем.

Кораблю не дал спускаться дальше металлический пол, но вокруг него находилось четыре отверстия, пронзающих стены, каждое из которых было достаточно большим, чтобы пропустить судно вдвое больше их собственного. Мойше выбрал то, что было прямо перед ним — передние лучи показывали, что туннель резко уходит вниз. Они проследовали туда, опустившись примерно на триста пятьдесят метров, а затем проплыли на поверхности воды в ярком свете огней.

— Вот тут мы и выберемся, — сказал Яманучи.

Он поднял корабль из воды и поставил его по другую сторону одного из дюжины причалов. Все они были заняты другими кораблями. Брауэрд проверил показания радиометра и обнаружил то, что и ожидал увидеть. Радиационный фон был нормальным для этого уровня.

— Как ты думаешь, может быть, здесь все еще живут люди? — спросил он.

— Почему бы и нет? — ответил Мойше. — Если то, что ты мне сказал, правда, то в этом месте было довольно много персонала. Вопрос в том, остались ли они здесь?

Через несколько минут напарники покинули корабль. Они были одеты в комбинезоны и несли автоматы в качестве оружия и небольшой гравитационный бластер для сверления

на случай, если столкнутся с какими-либо дверями, которые откажутся открываться обычным способом. У входа в туннель, ведущий внутрь, стояла маленькая машина — сибирский «Волюто». Машина была готова к полету, и они вдвоем сели в нее — Мойше устроился за штурвалом. Он обнаружил, что она не может взлететь выше, чем на семь сантиметров от пола — очевидно, у нее на двигателе был регулятор. Ямануччи начал передвигаться на ней по туннелю, который был обозначен арабскими цифрами и кириллическими буквами. Брауэрд, сравнив их с картой, которую дал ему Скоун, быстро определил, где они находятся и куда направляются. На первом же перекрестке, к которому они подлетели, он велел Мойше свернуть в туннель, а там повернуть налево. Водитель повиновался, и они пролетели по коридору на максимальной скорости — двадцать километров в час. По обе стороны туннеля были двери, причем все они оказались закрытыми.

— Я бы сказал, что все уже ушли, если бы не эти корабли в доке, — заметил Ямануччи. — Но тогда — где же все?

— Массовое самоубийство? — предположил Брауэрд.

— Вряд ли. Некоторые из них будут жить до тех пор, пока смогут дышать, — воскликнул Мойше, ткнув пальцем в кнопку. Маленькая машина остановилась, и перед ними, полностью перекрыв туннель, упал пластиковый щит, а зеркало заднего вида показало, что то же самое произошло и позади них.

— Хорошо, что мы взяли бурильщика, — сказал водитель. Он начал было вылезать из машины, но остановился, услышав громкий голос, обращенный к ним:

— Бросьте оружие на пол. Подойдите к ближайшему щиту, повернитесь к нему лицом, поднимите руки вверх. Оставайтесь неподвижными, пока вам не разрешат двигаться!

Голос, доносившийся из громкоговорителя, расположенного где-то в стене, говорил на восточно-сибирском русском диалекте. Напарники ослабили ремни, опустили их, а затем продолжили выполнять указания. Не успели они повернуться лицом к пластиковой стене, как она поднялась, и на другой стороне показались четверо мужчин. Они держали оружие, направленное на двоих незваных гостей.

— Борис Вогет! — крикнул Мойше. — Не помнишь меня, Яманучи?

Вогет, высокий долговязый мужчина с линкольнским лицом, улыбнулся:

— Конечно же, это не может быть японский еврей? Мойше Яманучи! Но я думал, что ты...

— Я был на Луне, — сказал Мойше.

— Тогда что ты здесь делаешь? — спросил Борис, и его улыбка исчезла.

— Меня послал командующий уцелевшими советскими войсками на Луне, — ответил Яманучи. — Он... — Мойше заколебался.

Брауэрд догадался, почему его спутник не знает, что сказать дальше. Должен ли он сообщить уцелевшим русским, что его единственная цель здесь — заполучить «бич планет», что он думал, что все живое на Земле мертво? А что, если эти люди здесь не захотят отдавать себя в распоряжение Скоуна? Сибиряки славились своим стремлением к независимости, своими подпольными движениями. Эксперимент, проведенный русскими по транспортировке огромного количества людей со всех концов света, чтобы поселить их здесь, оказался успешным в том смысле, что колонистам удалось сделать эту местность плодородной. Но они принесли с собой антирусские настроения, которые не угасли в их потомках.

«Возможно, — подумал Боб, — если бы сибиряки знали, что на Луне сейчас находятся североамериканцы, они были бы настроены дружелюбно. Но что они подумают, когда обнаружат, что их якобы секретная зона известна? И что они будут делать?» Многое из того, что могло тогда произойти, зависело от того, что скажут им Яманучи и Брауэрд.

После обыска двух лунян отвели в большую машину и усадили на задние сиденья, пока двое сибиряков держали их на мушке. Третий в это время что-то тихо говорил в наручную рацию, а еще один человек сел за руль «Волюто» и последовал за ними через разные туннели, пока они не достигли большой комнаты — ее площадь была по меньшей мере километровой, а высота потолка достигала сорока метров. Это помещение было высечено в скале под морским дном.

— Они находятся в том же положении, что и мы на Луне, — сказал Мойше Брауэрду. — За исключением того, что никто не знает, что это место занято живыми людьми.

Боб сразу понял, что подумает Скоун, когда — и если — узнает об этом месте. Оно могло бы служить убежищем в случае нападения марсиан.

Возле высокого входа в туннель, увенчанного надписью: «Начальник оперативного отдела», машина остановилась. Все вышли, и двух лунян повели в туннель, а оттуда через ряд других комнат, пока они не оказались в большом кабинете. По пути они миновали по меньшей мере дюжину мужчин и женщин, которые либо работали за столами, либо несли караульную службу. Целью же их оказалась просторная комната с большим письменным столом. За ним сидел плотный мужчина с очень широкими плечами и с большой костлявой головой. Кожа у него была темной, глаза — черными, нос — орлиным. Он был одет в комбинезон и оказался единственным человеком из всех, кого луняне до сих пор видели, на ком не было формы.

Вогет, знакомый Мойше, за время поездки успел достаточно наговориться, чтобы дать им с Бобом кое-какую информацию о сидящем за столом человеке. Это был доктор Петр, физик и бывший начальник отдела научных операций. Его отец был индейцем племени сиу, а мать происходила из Саудовской Аравии. На следующий день после войны Петр вместе с группой своих научных работников и некоторыми военными арестовал командира проекта, расстрелял нескольких солдат и гражданских лиц, оказавших сопротивление, и взял на себя руководство единственными — насколько им было известно — живыми людьми в мире.

Брауэрд, взглянув на Петра, увидел человека, напоминавшего ему Скоуна. У него была та же аура силы и уверенности, и он производил такое же впечатление человека, способного сбить с ног и раздавить любого, кто встанет между ним и его целью.

Голос Петра был таким же твердым, как и его тело.

— Я знаю, кто вы или за кого вы себя выдаете. Давайте послушаем вашу историю, — сказал он.

Брауэрд, как номинальный начальник, чувствовал, что должен ответить. И он заговорил, ничего не утаивая, потому что ожидал, что Петр все равно рано или поздно узнает правду. Да и не был доктор похож на человека, который терпит, когда ему лгут.

Выслушав рассказ Боба, который он часто прерывал вопросами, Петр некоторое время молчал.

— Если я задержу вас здесь, Скоун может послать еще одну партию, — произнес он наконец. — Ему очень нужна эта бомба, и я понимаю, почему. А если мы захватим и вторую экспедицию, то?..

— Он прилетит сюда с полным составом бойцов, — ответил Брауэрд. — Бомба — его единственный шанс победить топоров.

— Мы не можем с ним бороться, — сказал Петр. — Если мы запечатаем башню, он просто ворвется внутрь и утопит нас, сколько бы своих он при этом ни потерял. Я не прав?

— Правы.

— С другой стороны, если бы я уничтожил бомбу, у него не было бы причин беспокоиться о нас. Так ведь?

— Нет, не так. Если вы это сделаете, то станете его врагом. Он просто сбросит водородную бомбу рядом с башней. Вы не сможете защитить себя.

— Марс для нас — такая же угроза, как и Луна, — сказал Петр. — Марсиане не знают о нас сейчас, но если они нападут на Луну, что, возможно, они уже делают в этот момент, и сокрушат лунные силы... Ну, если от баз что-то останется, топоры смогут найти информацию о нас в файлах.

— Сомневаюсь, что Скоун где-то записал информацию об этой экспедиции, — заметил Брауэрд.

— И топоры, должно быть, не слышали о нас, иначе мы бы уже давно услышали от них. Они бы не хуже Скоуна знали, что означает эта бомба.

Петр немного помолчал, сложив свои огромные смуглые руки лодочкой и закатив глаза вверх, словно в молитве. Боб задумался, как этот человек справился с ситуацией. Независимо от того, в какую сторону он двинется, он окажется в очень плохом положении. Если только у него не было другого места на Земле, где он мог бы спрятаться.

— Уведите их, — резко сказал Петр охранникам, и Боба с Мойше вывели обратно в огромную центральную комнату, провели через нее и заставили спуститься вниз по другой лестнице. Комната, в которой их заперли, была маленькой, с двумя двухъярусными кроватями вдоль одной стены, химическим туалетом, небольшим умывальником, мылом и полотенцами. Освещалась она люминесцентными панелями.

— Мы создаем ужас, — рассмеялся Яманучи. — Боже, вот что самое прекрасное в жизни! Никогда нельзя предсказать, что произойдет! Кто бы мог подумать, кто мог предсказать, когда мы покидали Луну, что мы станем пленниками? А Петр еще два часа назад думал, что он в безопасности, что он правитель всех людей в мире, маленький отец, Моисей подводного мира. А теперь посмотри на него. Он должен спасти свой народ. Сейчас же. Немедленно.

Брауэрд расхаживал по комнате взад-вперед, как тигр в узкой клетке.

— Интересно, стоит ли спасать человечество, — сказал он. — Ему самому почти удалось уничтожить себя. Но, несмотря ни на что, ему дали еще один шанс. Можно подумать, что все оставшиеся в живых мужчины и женщины думают только об одном — об увековечении рода человеческого. Можно подумать, что все забудут о своих национальных и идеологических различиях, скажут друг другу: «Давайте сложим оружие, будем работать вместе, сделаем так, чтобы мы жили, чтобы наши сыновья и дочери жили, чтобы их дети жили, чтобы у них был достойный мир, чтобы это не повторилось снова». Но они этого не делают, они все дерутся друг с другом, как будто ничего не случилось. Получается, что человек логичен, но иррационален? Логично ли эффективно осуществлять свою иррациональность? Стоит ли его спасать?

— Если человечество выживет, значит, оно того стоило, — сказал Мойше. — Если умрет, то не стоило: доказательством этого будет то, что оно вымерло. Зачем беспокоиться о чем-то абстрактном вроде этого? Давай лучше подумаем, как нам из всего этого выбраться.

— Хорошо. Давай подумаем о Петре. Что он может сделать? Он мог бы обойти Скоуна стороной. Пойти к русским или к китайцам. Но какую сделку он мог бы заключить с

ними? Ничего, что было бы лучше, чем сделка со Скоуном, ведь он не мог бы им доверять. Нет, единственное, что ему остается — это покинуть свое некогда безопасное уютное гнездышко и спрятаться в другом месте. Вот только где такое место может быть?

Дверь распахнулась настежь, и Боб замолчал. Вошла молодая женщина с подносом, уставленным едой. Позади нее стояли двое мужчин с пистолетами. Это была высокая, хорошо сложенная женщина с широкими плечами, красивыми, но довольно резкими чертами лица, зелеными глазами и каштановыми волосами.

— Ешьте, граждане, пока я буду расспрашивать вас о некоторых вещах, — сказала она, поставив поднос на нижнюю койку.

Брауэрд посмотрел на эмблему на ее униформе.

— Психологическая война? — спросил он.

Прежде чем женщина успела ответить, Мойше сказал ей что-то на иностранном языке, который Боб определил как иврит, хотя он и не был достаточно знаком с этим языком, чтобы понять его.

Дама удивленно посмотрела на Яманучи и быстро ответила на том же языке. Лица обоих охранников стали встревоженными.

— Что ты делаешь, Каташкина? — подал голос один из них.

— Он думает, что я похожа на девушку, которую он когда-то знал. Израильтянку, — ответила женщина по-русски.

— Так ты что, еврейка? — расхохотался этот охранник.

— Как ты вообще можешь говорить на иврите? Это ведь был иврит, не так ли? — мрачно спросил его напарник.

— Я знаю много языков, — ответила Каташкина.

Мойше снова заговорил на иврите, и она что-то коротко ответила ему. После этого разговор шел по-русски или по-английски, но Брауэрд заметил, что его товарищ был в приподнятом настроении. Женщина задавала им вопросы об их жизни на Луне и о событиях, произошедших после войны. Несколько раз она требовала, чтобы они назвали работающих на Луне людей, выслушав их подробные описания.

— Что вы пытаетесь сделать? — спросил Брауэрд. — Установить, что мы не шпионы топоров? Если бы мы были топорами, то все, что нам нужно было бы сделать, чтобы избавиться от вас — это сбросить бомбу на башню.

Каташкина не ответила ему — вместо этого она продолжила свой допрос. Наконец, закончив, она взяла поднос и направилась к выходу. В дверях женщина на секунду остановилась и сказала Мойше несколько слов, опять же на иврите. Затем дверь за ней и охранниками закрылась.

Брауэрд не стал просить Яманучи перевести ему слова Каташкиной. Он знал, что если их камера прослушивалась, а так оно, вероятно, и было, то дежурный уже запросил кого-то из группы Петра, кто тоже знал иврит.

Мойше, догадавшись, о чем думает его спутник, положил руку ему на запястье и настучал пальцевым шифром то, что не решался произнести вслух: «Я правильно понял, что знал ее. Она была ребенком очень хороших друзей моих родителей, когда мы жили в Уголяке. Я всегда подозревал, что они евреи, и знал, что если бы ее родители попытались воспитать ее так же, как мои пытались воспитать меня, то она знала бы иврит».

«Ну и что?» — отстучал в ответ Брауэрд.

«Это значит... Что я был прав, когда думал, что я не единственный еврей, оставшийся в живых в этом мире».

«Она и не должна быть...»

«Нет, она и не является, но я сказал ей начальные фразы Хатиквы, национального гимна Израиля. Петь его уже давно считается уголовным преступлением, так что если бы она его знала... Ну, и она ответила со второй строчки».

— Колод балевав пенимах, — тихо напел Мойше и продолжил при помощи пальцев: «Вот что я сказал. А она ответила: «Нефеш Иегуди, хомиах». В переводе: «О, пока в еврейской груди бьется истинное еврейское сердце».

«Я все еще ничего не понимаю...»

«Ты еще увидишь».

«Но когда они переведут то, что вы оба сказали, у нее будут неприятности. Если ты рассчитываешь на ее помощь, то можешь просто забыть о ней».

«Она не дура. Помни, что у нее есть прекрасный повод поговорить со мной на иврите. И я не просил ее открыто

помочь мне. Просто сделал несколько любезностей, похвалил ее за красивую внешность. Я даже не напомнил ей, что мы когда-то были знакомы. Но она-то знает».

«И на что же ты рассчитываешь?»

«Что она подумает, что я еврей, и поможет мне».

«Так еврей ты или нет?»

Мойше пожал плечами и улыбнулся, а затем выстучал: «Я никогда не хотел им быть. Но все настаивают, что это так. Неужели весь мир ошибается?»

Через полчаса дверь распахнулась. На этот раз в камеру вошли четверо вооруженных солдат, и Каташкиной с ними не было. Обоих лунян вывели из комнаты и отвели обратно в кабинет Петра. Огромный смуглый мужчина все еще сидел за столом, но теперь перед ним стояла уже знакомая заключенным женщина.

— Вы представляли собой большую проблему, — сказал Петр. — Но лейтенант Каташкина предложила план с высокой вероятностью успеха. К сожалению, это связано с вашей смертью и со смертью всех людей на Луне. Я бы предпочел этого не делать, но у меня нет другого выхода.

Доктор пристально посмотрел на лунян, как бы ожидая бурной реакции, но они оба просто смотрели на него в ответ с застывшими лицами. Петр улыбнулся, а затем продолжил:

— Мне нет нужды сообщать вам, что мы собираемся делать, поскольку ваше сотрудничество будет полным, но от вас не зависящим. Однако план лейтенанта настолько хитер, что я не могу удержаться и не рассказать его вам. Вам будет о чем подумать на обратном пути.

Этот план оказался очень прост и, с точки зрения Петра, восхитителен тем, что он решал все проблемы. И не важно, что это означало гибель трехсот человек, а может быть, и уничтожение половины оставшегося человечества. Брауэрд и Яманучи должны были вернуться на свой корабль, сесть в кресла и окружить себя стазисом. Только на этот раз у них не будет возможности освободиться: они будут пленниками поля до тех пор, пока корабль не врежется в поверхность Луны со скоростью пятьдесят тысяч километров в час.

И они полетят не одни: бомба «бич планет», которая не поместилась бы внутри корабля из-за своих размеров, будет

прикреплена к нему снаружи. У нее будет свой собственный двигатель, и в нужный момент она оторвется от судна и врежется в Луну. Непостижимо сильный взрыв породит кратер шириной по меньшей мере в двести километров и глубиной в пятьдесят. А ударные волны не только разрушат все базы на Луне, но и мгновенно убьют всех живых существ.

— Цитируя старую американскую пословицу, — сказал Петр, — мы убиваем одним камнем двух птиц. Мы не только уберем опасность нападения со стороны Луны, но и лишим топоров любого шанса узнать о нас от лунного персонала.

Брауэрд был ошеломлен, но сумел возразить:

— Вы чудовище! Вы так же ужасны, как Говард!

— Нисколько, — ответил Петр. — Я просто делаю то, что должен сделать, чтобы быть уверенным, что я и мой народ выживем. Я делаю это неохотно, но...

— Разве вы не можете просто присоединиться к Луне, стать ее частью, помочь нам в нашей борьбе за выживание против сил природы и Марса?

— Ваши люди — коммунисты, — сказал Петр. — Мы отвергли эту ложную доктрину и полны решимости построить новое общество. И мы можем это сделать, потому что у нас есть небольшая группа, которую можно тщательно контролировать. Мы можем воспитывать наших детей в петризме без каких-либо шансов на то, что их введут в заблуждение чужие и противоречивые идеи. Более того, у нас есть шанс избавиться от наших врагов раз и навсегда.

— Но на Луне есть люди, которые не являются коммунистами! — воскликнул Брауэрд. — Я один из них. Долгое время я был членом подпольной организации, известной как афиняне. Возможно, вы слышали о нас. Более того, Мойше тоже не коммунист, он их презирает. А я...

— Вы не петрист, — ответил Петр и указал охране на лунян. — Уведите их.

Брауэрд и Мойше в отчаянии посмотрели на него, а потом на Каташкину. Она глядела на них холодно и непоколебимо.

— Никогда в жизни я так не ошибался в женщинах, — сказал Мойше, когда их с Бобом увели из кабинета.

Их не сразу доставили на корабль. Петристы должны были рассчитать новый курс на Луну и записать его в корабельный компьютер, а также внести отдельный курс в двигатель бомбы — ее движение после того, как она отделится от корабля. Процесс занял три часа, и в это время луняне сидели вдвоем в маленькой комнатке рядом с подводным портом. Брауэрд попытался заговорить с тремя охранниками, но те лишь велели ему заткнуться. Странно, но в этот момент он не чувствовал ничего, кроме желания закурить. Теперь, когда ему предстояло скоро умереть, он не видел никаких причин для того, чтобы оставаться верным своему решению бросить эту привычку.

— Дайте мне хотя бы сигарету, — попросил он.

— У нас их нет, — сказал один из охранников. — Мы их уже выбросили. И все спиртное тоже. Мы избавились от всего, что ослабляет человеческое тело. А теперь заткнись!

Брауэрд вздохнул. Он действительно был среди фанатиков.

— Мы можем напасть на них и заставить убить нас, — тихо сказал он Мойше. — По крайней мере, мы не умрем, как цыплята, которых связали и отправили на бойню.

— Если бы у меня был шанс убежать от них, — ответил Ямануччи, — я бы так и сделал. Нет, мы еще не умерли, и может быть, мы сможем что-то сделать, когда окажемся на корабле.

— Вырваться из стазиса? Тебе лучше знать.

— Я не знаю ничего лучшего. Все, что мне известно — это то, что все происходит неожиданно, непредсказуемо. Это похоже на невообразимо огромное колесо рулетки. Никогда не знаешь, куда летит шарик. Правда, вероятность фулл хауса невелика, но у тебя все же есть шанс выиграть.

— Как жаль, что такой человек, как ты, должен умереть, — пробормотал Брауэрд.

«Мойше прав, — подумал он про себя. — И пока есть такие люди, как Мойше, у человечества есть шанс выжить. Должно быть, есть и другие, подобные ему, не только на Луне, Марсе, Ганимеде и Меркурии, но и в этом месте под морем на Земле, и только Бог знает, сколько еще на Земле таких мест».

Это знал только Бог... Как часто эта фраза употреблялась в якобы безбожном обществе безбожными людьми! Конечно, ее популярность объяснялась тем, что ее считали архаичным клише, фигурой речи, которая ничего не значит.

В комнату вошла лейтенант Каташкина.

— Пошли, — сказала она. — Все уже готово.

Оба арестанта встали и вышли из комнаты. За ними следовали двое мужчин, а в нескольких шагах от них — Каташкина и еще один охранник. Их ждала машина с задним сиденьем, над которым был установлен прозрачный пузырь. Этот прозрачный верх был поднят, и оба лунянина были вынуждены сесть под него. После этого пузырь опустился и прижался к сиденью магнитами. Каташкина и шедший вместе с ней охранник сели на переднее сиденье, а двое других конвоиров последовали за ними в другой машине.

После этого события развивались так быстро, что Яманучи и Брауэрд были сбиты с толку. Две машины промчались по туннелю и въехали в порт. Там их встретила группа из шести человек: полковник, капитан и четверо рядовых. Машина остановилась, и пузырь поднялся. Каташкина с двумя охранниками доставили заключенных на корабль. Полковник и капитан двинулись было за ними, но женщина остановила их:

— Вы двое здесь не нужны.

Полковник запротестовал, но лейтенант заговорила с ним еще более резко:

— Если вы мне не верите, свяжитесь с Петром. То есть если вы хотите рискнуть разозлить его. Он не любит, когда его приказы подвергают сомнению.

— Мне сказали, что я здесь главный, — возразил полковник.

— Тогда нужно будет расследовать нарушение связи, — ответила Каташкина. — Где-то на пути приказов есть неэффективность и некомпетентность.

Полковник нахмурился, но отступил назад. Он все еще выглядел озадаченным, когда лейтенант закрыла люк корабля.

Оба охранника были поражены этим, но ничего не сказали. Они молчали, и когда Каташкина вытащила из кобуры

свой автоматический пистолет и приказала им бросить оружие. Конвоиры уставились на нее с ошеломленным видом — как и пленники.

— Сейчас нет времени объяснять, — сказала женщина Мойше. — Возьми управление на себя. Делай, как я говорю.

Яманучи улыбнулся, словно не мог поверить в происходящее, но подчинился. Затем лейтенант положила палец на кнопку, которая приводила в действие люк, и повернулась к охранникам:

— Я открываю его ровно настолько, чтобы вы могли протиснуться по одному. Вперед!

Первому, кто полез в люк, крупному краснолицему мужчине, пришлось повернуться боком, чтобы выбраться. Секунду он дергался, застряв в узкой щели, и Каташкина приоткрыла люк еще немного. Прежде чем он успел воспользоваться увеличившимся пространством, снаружи раздались выстрелы, и он перевалился через край люка под ударами пуль. Его ноги, однако, остались торчать из щели внутри корабля.

— Уберите его, — сказала женщина.

В этот момент Мойше дотронулся до рычагов управления, и корабль поднялся и помчался через порт, а затем вверх. Каташкина взглянула на свои наручные часы.

— Порты настроены так, чтобы позволить нам вылететь, — сказала она. — Если настройки не успеют отменить, мы уйдем. А если нет... Брауэрд, вытолкни это тело. Мы должны закрыть люк.

Боб вскочил, чтобы сделать то, что она сказала. Одним движением он поднял мертвеца и швырнул его наружу. Тот упал вперед, и люк начал закрываться.

— Ныряй! — крикнула Каташкина.

Мойше так резко изменил курс, что все остальные, включая второго рядового, оставшегося на корабле, упали на палубу. Но женщина держала пистолет на предохранителе, и он не сделал ни малейшего движения, чтобы броситься на нее. Затем судно ударилось о поверхность, и внутрь хлынула вода. Она поднялась до лодыжек, прежде чем люк полностью закрылся, и залила все внутри кабины.

— Мы пройдем через туннель и поднимемся наверх, — сказал Яманучи.

На экране, который показывал пространство над ними, был изображен огромный порт, сдвинувшийся в сторону — он тускло и тяжело блестел в свете лучей.

— Петр уже наверняка получил мою записку, — сказала Каташкина. — Я написала ему, что если он нас не выпустит, то у меня не будет другого выбора, кроме как взорвать бомбу. Мы умрем, но и все остальные тоже. Он поймет, что я не блефую. Я также пообещала ему, что мы не расскажем Луне о том, что здесь произошло, и что мы вообще не собираемся туда лететь.

— Что? — изумился Брауэрд. — А куда, черт возьми, мы можем полететь?

— Я уже давно планирую убраться отсюда, — ответила женщина. — Я не люблю Петра, и мне не нравятся его идеи о нашем дивном новом мире. Я делала вид, что полностью с ним согласна, но меня от него тошнило. Тем более что я знала его гораздо ближе, чем кто-либо другой. Должна была знать, ведь я была его любовницей. Я ношу его ребенка.

Мойше издал какой-то сдавленный звук, но не оторвал глаз от обзорных панелей. К тому времени они уже выплыли из башни и поднимались на поверхность.

— У нас четыре места, — сказал Брауэрд. — Это значит, что если мы хотим достичь хоть какой-то скорости, то должны войти в стазис. Хорошо, что мы избавились от второго охранника. Если бы мы этого не сделали, куда бы мы его поместили?

— Я знаю, — кивнула лейтенант. — Я планировала избавиться от обоих, но знала, что полковник и его люди могут потерять голову и выстрелить в первого, кто выйдет. Так...

— Ты клевый парень, — сказал Боб второму охраннику. — Что же нам делать с... — он посмотрел на имя мужчины, написанное на бирке в правой части груди охранника. — ...со Шварцем?

— У тебя есть два варианта, и только два, — сказала Шварцу Каташкина. — Ты можешь полностью разделить с нами свой жребий, навсегда забыть о Петре. Или же мы выпустим тебя на поверхность. Мы не можем вернуть тебя в башню. И даже если тебе удастся одолеть нас и самому забрать корабль, ты не сможешь вернуться. Петр считает этот

корабль врагом, и он всегда сначала стреляет, а потом уже разбирается.

— У меня нет выбора, если я хочу жить, — отозвался Шварц, красивый юноша с вьющимися каштановыми волосами и большими карими глазами. — Ты же знаешь, что я умру ужасной смертью, если ты выпустишь меня на поверхность снаружи.

— Ты пока еще жив, — сказал Мойше. — Ладно, Каташкина, у тебя должно быть что-то на уме.

— Я думала, что именно ты скажешь, куда мы пойдем, — ответила лейтенант.

Яманучи улыбнулся, как будто заранее знал, что она скажет.

— Когда я впервые увидел тебя, то подумал, что Бог указал мне путь. Он выбрал меня не потому, что я был лучшим, а потому, что я был единственным. Скорее, он выбрал меня в качестве половины своего инструмента. А вторая половина пропала, и я не знал, где она находится. И вот меня послали сюда, и я нашел тебя. И обрадовался. Ведь я тоже был несчастен. Несмотря на все мои усилия, я был вынужден принять роль, которую не хотел играть. Во-первых, люди настаивали на том, что я еврей. С ними я мог бы бороться, но когда сам Бог, Бог, в которого я никогда не верил, начал настаивать на этом — тогда я сдался. И встретил здесь еврейку. Возможно, такую же, как я, женщину, которая не хотела играть эту роль так же, как и я, но которую кто-то более великий, чем она, повернул на путь, который она сама не выбирала.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала Каташкина, — даже если остальные этого не понимают.

— Нет никакого голоса из горящего куста, — продолжал Мойше. — Да и не должно этого быть. Мне показывали вещи, которые безошибочно указывали путь и говорили мне, что я должен делать. Я не хотел этого, я бунтовал, я насмехался над собой и над Богом. И тем не менее... тихий голос... называй это как хочешь, сказал мне.

— Я знаю. Точно так же, как знала, что ты придешь, и точно так же, как знала, что мне придется делать, когда ты придешь.

— Я даже не уверен во всех церемониях и традициях, — сказал Мойше. — Я многое забыл. И у нас нет Книги.

— Она есть на корабле, — ответила Каташкина. — Как офицер по психологии, я имела доступ ко многим вещам, запрещенным для публики. Так что я поместила Книгу в хранилище, когда поднялась на борт, чтобы провести официальное расследование. Меня не спрашивали о том, что я здесь делаю.

— А еды у нас хватит на двоих на несколько месяцев, — заметил Ямануччи.

— Что вы можете сделать? — спросил их с Каташкиной Брауэрд.

— Мы не летим ни на Меркурий, ни на Ганимед, — ответил Мойше. — Рано или поздно Скоун вступит с ними в контакт. Если он найдет меня там... Правда, на Ганимеде есть пещеры, но для того, чтобы в них жить, потребуется много оборудования. И всегда есть шанс, что остальные нас там найдут. Так вот, на Земле должно быть много мест, которые не были разрушены — я имею в виду подземелья. И на Земле достаточно оборудования, разбросанного тут и там, но все еще пригодного для извлечения. Даже если оборудование радиоактивно, мы можем его обеззаразить. Так что...

Через десять часов они оказались в месте, сделанном на заказ — точнее, как сказал Мойше, Сделанном-на-Заказ, с заглавных букв — и подготовленном для них. Это была одна из тысяч подводных станций, созданных США для маленьких колоний морских фермеров, занятых сбором урожая и добычей пищи для миллиардов ртов некогда перенаселенного мира. Эта станция находилась в нескольких милях от побережья Израиля и все еще функционировала, несмотря даже на то, что ее обитатели по какой-то причине покинули резервуары, в которых содержалось много разных видов рыб и водных млекопитающих. Эти резервуары были полны живыми существами, которые погибли бы через день или два, но появление людей спасло их.

— Мы можем сделать это прямо сейчас, — сказал Ямануччи. — И наши сыновья и дочери смогут это сделать. Когда-нибудь мы... они... смогут вернуться на поверхность и, может быть, возобновить жизнь на Земле Обетованной. Вы

когда-нибудь видели такую удачу? Или это просто везение? Можешь смеяться, Брауэрд, но в этом есть своя доля правды.

— Я не буду смеяться, — ответил Боб. — Мне не смешно. Но как насчет меня? Я не хочу здесь оставаться. Моя жизнь — на Луне. И что насчет Шварца? Если вы с Каташкиной позволите мне вернуться, зная, что можете мне доверять, то как быть со Шварцем?

— Беспокойся только о себе, — сказал Мойше. — О Шварце мы с Каташкиной позаботимся. Мы должны найти для него женщину, и мы можем это сделать, потому что в мире должно быть больше одной морской фермы с выжившими. Как тебе это нравится? Когда-нибудь человек выйдет из моря, как и миллионы лет назад, только на этот раз ему не придется эволюционировать. А у берегов Палестины появится еврейская подводная лодка. Как тебе это нравится? — Тут он рассмеялся.

— Побудь какое-то время серьезным, — попросил его Брауэрд. — Я хочу поговорить о себе.

— Я и говорю серьезно. Я очень серьезен, когда смеюсь. Хорошо, мы поговорим о тебе. Подожди, пока я не узнаю, что делает Шварц. Я не хочу гадать, чем он занимается, пока мы тут совещаемся.

ТРИ ЧАСА СПУСТЯ Брауэрд покинул морскую ферму на разведывательном судне. Он поднялся сквозь заполненную дымом атмосферу и, оказавшись над ней, полетел, ориентируясь визуально и с ручным управлением, пока не остиг расстояния в миллион километров между собой и Землей. Затем он установил коды, которые должны были помочь автоматическому навигационному оборудованию определить текущие параметры корабля и Луны и записать на пленку план полета, чтобы доставить его обратно на Клавиус. Не забыл он и составить аварийный план на случай непредвиденных, но возможных неожиданных обстоятельств во время возвращения.

Однако ничего не произошло. Ему был послан запрос, а он ответил правильным кодом и приземлился на нужном причале, после чего покинул корабль и вошел в кабинет

дежурного сержанта. Там ему стало ясно, что с момента его отъезда ситуация сильно изменилась.

— Вас вызывает Скоун, — сказал ему сержант. — Это частный звонок.

Боб взял трубку:

— Брауэрд слушает, сэр.

— Ты достал бомбу? — спросил полковник. Он говорил так торопливо, словно каждая секунда была на счету.

— Да, сэр. Только вот Яманучи со мной нет.

Последовала пауза, затем Скоун спросил:

— Что случилось?

— Мы попали в аварию, когда вытаскивали бомбу.

— Очень хорошо. Подробности можешь сообщить мне позже. Когда у нас будет время. Сейчас самое главное, что ты действительно вернулся с бомбой... даже если ты опоздаешь. Еще полчаса — и ты бы не выжил. Иначе они уничтожили бы тебя и бомбу прежде, чем узнали бы, какой ценный у тебя приз.

— Они уже летят сюда?

— Да. Один из наших автоскаутов высветил предупреждение. Большой флот. Слишком большой для нас. Итак, мы эвакуируемся.

— И куда мы идем, сэр?

— Сержант даст тебе соответствующие инструкции. Спасибо, что вернулся с бомбой, Брауэрд. Я знал, что если кто-то и может это сделать, то только ты.

Воцарилось молчание. Боб был отрезан от мира. Он подумал, не был ли Скоун разочарован тем, что несчастный случай произошел с Яманучи, а не с ним. Это было более чем вероятно. Но было очевидно, что человек из камня примет это как свершившийся факт и будет строить свои планы в соответствии с ним.

— У нас есть пятнадцать минут, чтобы уйти, — сказал сержант. — Вполне достаточно времени, чтобы добраться до другой стороны Луны.

— А что там?

— Большой подземный «пузырь», в котором достаточно места, чтобы спрятаться всем лунным кораблям, включая «Землю». Есть только одна проблема, связанная с жизнью

там. Что мы будем делать, если топоры останутся здесь, а не вернутся на Марс? Мы будем вне связи с остальными, сами по себе.

Брауэрд остановился у входа в трубу, ведущую к кораблю.

— А где будут... остальные?

— Сразу после того, как вы улетели, бурильщики в поисках воды ворвались в огромную пещеру. Там был не только большой пласт замерзшей воды, но и достаточно места, чтобы спрятаться всем трем базам. Поэтому когда Скоун услышал о топорах, он приказал всем спрятаться там. Мы были заняты тем, что заметали следы, доставляя туда все оборудование, перемещая лабораторный материал и все остальное — все, что можно было переместить и что не было слишком большим, чтобы пройти через туннель. Как только все будет готово или даже до этого, если мы не успеем, базы будут взорваны. Некоторая часть туннеля будет обрушена, так что топоры не будут знать, что он был прорыт. Мы надеемся, что они подумают, что базы были уничтожены их агентами или ракетами. Или что они подумают, будто мы решили, что не сможем их удержать, и взорвали их, прежде чем отправиться на Меркурий, Ганимед или еще куда-нибудь в неизвестном направлении.

— А что, если флот топоров оставит здесь свой гарнизон?

— Скоун говорит, что мы должны будем беспокоиться об этом, когда это случится. Пожалуйста, сэр, давайте уйдем. Я получил приказ.

— Подожди!

Брауэрд обернулся на крик знакомого голоса и увидел бегущую к нему Ингрид Нашдой. Он заключил ее в объятия и поцеловал, а у нее из глаз потекли слезы, и она крепко прижалась к нему.

Наконец, Нашдой перестала плакать и заговорила:

— Я не подчинилась приказу. Я ждала тебя здесь, надеялась, что ты вернешься вовремя. Если бы ты не вернулся, я не знаю, что бы я сделала. Может быть, просто позволила бы себе взорваться вместе с базой.

Боб посмотрел на нервничающего сержанта.

— Все в порядке, — сказал он. — Она поедет с нами.

— Не знаю, сэр...

— А я знаю. В любом случае у нас нет времени ни на что другое. Не беспокойтесь. Я возьму всю ответственность на себя.

Через три минуты они уже были на корабле и находились в стазисе. Сержант, стоявший у пульта управления, поднял судно и рывком отправил его за изгиб горизонта оставшейся внизу огромной Луны. Через десять минут они уже были под огромным выступом вулканической породы, а еще через несколько секунд прошли через гигантское отверстие и оказались внутри пещеры. Лучи света, идущие от корабля, указали ему путь в сторону «Земли», где сержант маневрировал до тех пор, пока входной люк их корабля не уперся в один из люков гигантского звездолета.

Маленький корабль скользнул внутрь большого. Раздался свист воздуха — давление между двумя входами выравнивалось.

— Идите и доложите, сержант, — сказал Брауэрд. — А мне надо кое-что здесь проверить.

— Да, сэр, — сказал сержант и ушел, хотя на его лице при этом промелькнуло странное выражение.

Глядя ему вслед, Боб пожалел, что Каташкина устроила ему получасовой сеанс гипноза. Если бы все его воспоминания о местонахождении подводной станции не были вытеснены, он мог бы теперь воспользоваться моментом, чтобы улететь с Ингрид и вернуться к Мойше и остальным. Но теперь Брауэрд не знал, где они находятся. Он помнил лишь то, что произошло во время путешествия вниз и обратно, помнил, как был на фермерской станции. Через десять минут после того, как он покинул это место на корабле, постгипнотическая команда погрузила глубоко в его подсознание все, связанное с местонахождением Мойше, Каташкиной и Шварца. Они были где-то под водой, но где?

Что же касается отчета о его полете для Скоуна, то об этом они с Каташкиной тоже позаботились во время сеанса. У Боба был очень подробный и, как он надеялся, убедительный рассказ о находке бомбы, о так называемом «несчастном случае», о его возвращении и о причинах задержки. У Скоуна не должно было возникнуть причин для расследования. В

конце концов, Яманучи был уже мертв, а цель поездки — бомба — достигнута.

— Ингрид, — сказал Брауэрд. — Давай поженимся. Прямо сейчас!

Глаза его подруги расширились.

— Но как мы сможем это сделать? — изумилась она.

— Ты ведь этого хочешь, правда?

— Тебе не нужно об этом спрашивать.

— Тогда мы попросим разрешения у капитана «Земли». Это все, что нам нужно. Мы получаем его разрешение, записываем брак в судовой журнал — и все.

— Но ведь командир корабля — Скоун. И...

— А с ним нельзя связаться. Ситуация такая же, как если бы мы были одни в космосе.

— Рэдман, новый капитан «Земли»... Он слишком осторожен. Он не сделает этого, пока не получит хоть слово от Скоуна. И он будет слишком подозрителен, потому что мы так спешим. Наверняка захочет подождать.

— Может быть, ты и права. Очень хорошо. Оставайся здесь. Я вернусь через несколько минут.

Ингрид нетерпеливо ждала Боба. Она обошла узкую кабину, заглянула в трюм, проверила поток воздуха и закурила одну из шести сигарет, которые у нее остались — из последних шести сигарет на Луне, насколько ей было известно. Покончив с этим, она увидела, как на корабль вернулся Брауэрд. Позади него стояли два солдата.

— Нам нужны два свидетеля, — сказал он, — и один из них должен быть офицером. Позволь представить тебе моих друзей лейтенанта Филдинга и капрала Гарбона. Они готовы расписаться в судовом журнале на моем корабле в качестве свидетелей. Как командир корабля, я имею честь жениться на любой женщине, на которой пожелаю.

Ингрид рассмеялась и поцеловала его, а потом чмокнула в щеки Филдинга и Гарбона.

— Давай отпразднуем это позже, — сказал Боб. — А прямо сейчас продолжим церемонию.

Он подошел к приборной доске, нажал кнопку и начал излагать на официальном языке свое желание жениться, дату, место и все остальные необходимые детали. Затем то

же самое проделала Ингрид, а после этого оба солдата записали свои имена, звания, порядковые номера и тот факт, что они были свидетелями этого брака.

— Мы можем снять отпечатки пальцев позже, — сказал Брауэрд.

Гарбон достал из-под мундира тонкую фляжку и открыл ее. Остальные протянули ему три чашечки размером с наперсток, и он наполнил каждую из них виски. Потом он налил еще одну для себя, и все посмотрели на жениха.

Тот поднял свою чашку и провозгласил:

— Тост за новобрачную. Пусть у нее будет долгая и счастливая жизнь и пусть она родит много прекрасных и счастливых детей.

— Подождите минутку, — сказал Филдинг. — Вы забыли поднять тост за Союз.

— Союз Советских Мировых Республик? — уточнил Брауэрд. — Я поднимаю тост за Союз. Союз людей. Пусть у него будет долгая и счастливая жизнь.

После этого были шутки, в том числе весьма раблезианские — все о молодоженах. Ингрид краснела, слыша некоторых из них, и это радовало Боба, хотя он и затруднился бы сказать почему. Затем Филдинг вдруг отдал ему фляжку, и оба солдата ушли. Брауэрд быстро закрыл люк, повернулся к своей молодой жене и обнял ее.

— Это не то время и не то место, которые я выбрал бы для медового месяца, — сказал он. — Но ты должна признать, что они уникальны.

— Давай хоть ненадолго представим, что мы одни во Вселенной, — пробормотала женщина.

Им повезло, потому что никто их не потревожил — не было никаких звонков. Возможно, все корабли, собравшиеся в огромной пещере, молчали и оставались неподвижными, затаившись, как кролики в норе, и надеясь, что волки, рыскающие снаружи, не заметят вход в нее. Возможно, были на них и другие влюбленные пары, которые нашли свою нишу и занимались любовью, думая, что это может быть их последний в жизни шанс побыть вместе.

Но в конце концов наступил момент, когда Ингрид и Брауэрд уже не могли притворяться, что никакого внешнего

мира не существует. Они неохотно открыли люк и вошли в более обширные помещения «Земли». Боб отправился в капитанскую каюту, чтобы сделать запоздалый доклад, а его жена — в биологическую лабораторию, чтобы выяснить, не беременна ли она. Рэдман, высокий худой человек с непослушными волосами пшеничного цвета, либо не знал, что сделал Брауэрд, либо намеренно игнорировал это. Он официально поприветствовал Боба и сказал, что все командиры кораблей должны собраться в течение часа для совещания. Нет, никаких новостей о топорах не поступало. В настоящее время маленький робот-разведчик, замаскированный под валун, находился на вершине горы, которая образовывала часть кратера вокруг основания Клавиуса. Но он не вернется с докладом, пока не будет уверен, что может двигаться дальше. И этого не произойдет до тех пор, пока топоры не уйдут — если они вообще это сделают.

Брауэрд поспешил к биолаборатории и встретил Ингрид, когда она уже уходила оттуда. По ее подавленному выражению лица он понял, каковы были результаты теста.

— Не волнуйся, — сказал Боб. — В следующий раз мы постараемся еще больше, если это возможно.

— Если будет следующий раз. У меня такое чувство, что сейчас произойдет что-то плохое, и очень скоро, — ответила женщина.

— Посмотрим, как сработает твоя так называемая женская интуиция. Увидимся позже. Я должен присутствовать на собрании. Но не жди многого. Я очень устал. За последние тридцать часов я проспал всего лишь около трех, и это были очень тяжелые часы.

— Включая наш медовый месяц? — спросила Ингрид, но тут же улыбнулась. — В такое время мужчина должен быть свежим и сильным, дорогой. Я немного посплю — надеюсь, — и потом мы снова увидимся.

Боб коротко поцеловал ее в губы и ушел. Однако ему не суждено было вернуться так быстро, как он надеялся. Рэдман созвал своих офицеров, чтобы обсудить их действия на случай, если флот топоров останется в полном составе. Брауэрд не видел в этом особого смысла. Было бы лучше сначала выяснить, не пришел ли на Луну враг, чтобы основать

свои базы. Иначе зачем тратить время впустую? Вероятно, капитан «Земли» делал это, чтобы дать своим подчиненным возможность чем-то занять свои мысли и не дать им нервничать. В любом случае...

...Следующим, что Брауэрд запомнил, был тот момент, когда его разбудил сидевший рядом капитан. Рэдман сердито посмотрел на него, но прежде чем командир «Земли» успел что-то сказать, Боб извинился. После этого ему пришлось изо всех сил стараться держать глаза открытыми во время этой, казалось бы, бесконечной дискуссии. Он справился, хотя и не внес в нее ничего своего.

Выслушав всех, кто изъявил желание стать добровольцем, а также множество несогласных мнений, особенно со стороны китайцев, Рэдман принял решение. Если разведчик сообщит, что советские войска должны эвакуироваться, то флот направится к Ганимеду. По пути корабль с бомбой, которую Брауэрд привез с Земли, должен был подойти достаточно близко к Марсу, чтобы запустить ее. Флот топоров рано или поздно узнает об уничтожении их родной базы, и когда это произойдет, он сможет либо сдаться советским войскам, либо погибнуть, когда его запасы будут исчерпаны. Или он может начать выкапывать себе убежище в каком-нибудь месте, на Луне или на Меркурии. В любом случае топоры будут уязвимы для нападения.

Брауэрд не понимал, почему никто не видит, что было бы намного лучше послать один корабль с бомбой против Марса, в то время как остальной советский флот оставался бы в засаде. Зачем давать противнику знать обо всех кораблях? Почему бы не спрятаться, пока флот топоров не узнает, что марсианские колонии уничтожены? Если бы аргентинцы решили после этого заново отстроить лунные базы или углубиться внутрь Луны, их можно было бы одновременно атаковать советскими кораблями, уже спрятанными в лунных пещерах.

Может быть, у Рэдмана были собственные амбиции стать верховным вождем выживших? Неужели он надеялся, что топоры найдут группу Скоуна и уничтожат ее?

Брауэрд этого не знал. Но сейчас он слишком устал и чувствовал себя отвратительно, чтобы обращать на это внимание. Когда его, наконец, отпустили с совещания, он поки-

нул конференц-зал и вернулся на корабль-разведчик. Там его уже ждала Ингрид, при виде которой он снова ощутил желание быть с ней. Так что заснул Боб не так быстро, как планировал.

— А знаешь, — сонно сказал он перед тем, как отключиться, — именно этим и должны заниматься люди повсюду. Они должны заниматься любовью ночью, а днем работать на своих близких. Не думая о том, как убивать и не дать убить себя. Разве не было бы здорово, если бы все делали именно это?

— Если бы это было так, нас бы здесь не было, — сказала его жена. — Ничего этого не случилось бы, Земля все еще была бы населена, на ней был бы воздух, которым приятно дышать, и...

— Но это не самый прекрасный мир. Вернее, иногда так оно и есть, но основную часть времени...

Боба разбудил голос из коммуникатора:

— Капитан Брауэрд! Капитан Брауэрд! Немедленно пройдите к командиру Рэдману на мостик! Лейтенант Нашдой! Лейтенант Нашдой! Немедленно пройдите к командиру Рэдману на мостик!

Брауэрд вскочил с надувного матраса. Он тряс Ингрид, пока она не проснулась, после чего начал одеваться. Поняв, что происходит, женщина надела мундир, торопливо причесалась и последовала за ним на «Землю». На борту гигантского корабля было очень оживленно, все были заняты работой или старались выглядеть так, будто у них есть какое-то важное дело.

— Что случилось? — спросила Ингрид Брауэрда, когда они вошли в огромный навигационный зал, где проходили офицерские совещания. А потом она вдруг остановилась — так внезапно, что муж налетел на нее, и она ахнула.

Бобу не нужно было спрашивать, что ее так напугало. Там, за командирским столом, стоял Скоун, который был выше и крупнее любого мужчины в комнате.

— Как... как?.. — пробормотала Ингрид, но муж слегка подтолкнул ее локтем.

— Что он может сделать? — отозвался Брауэрд.

Скоун окинул их долгим взглядом с бесстрастным выражением лица, а затем что-то сказал Рэдману.

— Займите свои места! — громко сказал тот. — Полковник Скоун обратится к вам!

Брауэрд подвел Ингрид к креслу, потому что она все еще казалась ошеломленной, и сел рядом с ней. Не заботясь о том, что это была не военная акция, он взял ее за руку, не сводя при этом глаз со Скоуна. Лицо здоровяка было перепачкано грязью, один рукав форменного пиджака разорван, а глаза обведены синими кругами усталости.

Однако голос его был таким же громким и подавляющим, как всегда — казалось, он не утратил ни капли уверенности или властности.

— Вы, должно быть, удивлены, почему я здесь, — начал он. — Вы думали, что я был с другими лунянами в убежище. Так оно и было. И не важно, как я сюда попал, потому что перед тем, как мы запечатали главные входы в нашу пещеру, я убедился, что там будет хотя бы один выход. Его местонахождение является военной тайной и будет оставаться таковой до тех пор, пока обстоятельства не потребуют иного.

К этому моменту вся аудитория пребывала в состоянии безумных размышлений, хотя и молчала, и многие были почти ошеломлены. Казалось очевидным, что случилось что-то ужасное и что полковник был единственным выжившим.

Он одарил всех одной из своих редких улыбок и продолжил:

— Я знаю, о чем вы думаете. Но вы правы только наполовину. Остальные не потеряны — во всяком случае, не все. А случилось вот что...

Скоун рассказал, что луняне вошли в титанический «пузырь» под лунной поверхностью и запустили химические реакции, которые должны были расплавить лед на скалистых полах. Они не осмелились уничтожить базы с помощью небольших атомных бомб, потому что флот топоров был так близко, что мог бы обнаружить взрывы и, конечно же, заметил бы слишком высокий радиоактивный фон. Затем лучи расплавили скалу, которая образовывала входной туннель. Это было сделано для того, чтобы топоры не обнаружили туннель по показаниям магнитометра. Поскольку Клавиус находился в тени, раскаленный камень на поверхности должен был быстро остыть — достаточно быстро, чтобы топоры

не заметили жара. Во всяком случае, на это можно было надеяться.

Затем луняне стали ждать. Однако они не бездействовали, так как все руки были заняты перемещением оборудования в подходящие места и его установкой. Поскольку этот «пузырь» должен был стать постоянным местом обитания большинства из них, кислородным генераторам пришлось работать на полную мощность. Кроме того, нужно было растопить лед, чтобы получить воду. Было начато строительство зданий. Специальные механизмы жевали камни и вдували получившуюся массу в другие машины, которые превращали содержащиеся в ней минералы в съедобную, хотя и безвкусную пищу. Другие камни были разбиты на мелкие частицы и смешаны с измельченным мусором, чтобы создать почву, в которой могли бы закрепить свои корни растения. Это почву полили водой, а затем над ней были установлены солнечные фонари — так, чтобы они освещали растения.

Все это время Скоун продолжал наблюдать. Над ним, на поверхности, лежал большой валун. Внутри валуна была установлена телевизионная трубка, внешняя поверхность которой выглядела точно так же, как лунная горная порода. Проволока тянулась от валуна под скалой и спускалась в укрытие полковника. Он настороженно наблюдал, как приближается флот топоров. Их автоматические разведчики уже проверили обороноспособность баз и обнаружили, что те очень слабы. Они также передали информацию о том, что все базы на Луне, похоже, находятся в руинах. Тем не менее первая волна состояла только из небольших канонерских кораблей, которые несли нескольких человек и много различных приборов обнаружения. Разведчики целый час рылись в разбитых и оплавленных обломках, а потом, должно быть, дали своим соратникам понять, что все в порядке, потому что начали прибывать большие суда.

Тем не менее, если число кораблей топоров на Клавиусе указывало на число кораблей, приземлившихся на других лунных базах, то половина марсианского флота все еще должна была находиться где-то далеко над Луной. У Скоуна не было времени продолжать наблюдение — его в тот момент отозвали. По этому заявлению Брауэрд догадался, что почта

полковника находилась не внутри большого «пузыря». Если, конечно, он говорил правду. Остальная часть его рассказа заставила Боба задуматься, соответствовала ли первая часть действительности.

Офицер, связавшийся со Скоуном, сообщил, что китайская лунная база напала на остальных лунян. Они использовали лазеры, пулеметы, гранатометы и пистолеты. Атака была совершенно неожиданной — со стороны русских, поскольку Скоун не доверял никому из неамериканцев даже в этот критический момент. Поэтому американцы, стоявшие на страже, немедленно предупредили остальных, и русские получили всю мощь атаки. Почти половина из них была потеряна в первые две минуты. Хотя какими бы злобными ни были китайцы, они, должно быть, старались сохранить для себя женщин. Треть из них бежала к американским рядам — если можно было сказать, что в этой рукопашной были хоть какие-то ряды.

Скоун, услышав эту новость, не колебался ни секунды. Он нажал кнопку, посылающую импульсы к механизмам активации трех нейтронных бомб, погребенных под поверхностью в каждом кратере — в Клавиусе, в Эратосфене и во Фракасториусе. Во второй раз за последние три недели основная часть человечества погибла. Солдаты и матросы Оси упали там, где стояли. Вся прелесть этого устройства, как ясно дал понять Скоун, заключалась в том, что корабли и оборудование оставались невредимыми, доступными для использования лунными людьми.

Затем Скоун поспешил к «пузырю» с отрядом солдат — Брауэрд снова подумал, что он был не один в тот момент, так как хорошо подготовился. Все были хорошо экипированы и быстро заняли свои позиции. Это был выход в верхней части пещеры, и там был установлен мощный лазер. Используя его, а также то преимущество, что они могли видеть все и всех при свете фонарей, люди Скоуна сначала вывели из строя большие китайские лазеры, а потом уничтожили пулеметы, гранатометы и их экипажи. Большинство китайцев, хотя и понимали, что потерпели поражение, сражались до конца.

Когда все закончилось, все восточные люди были мертвы или слишком тяжело ранены, чтобы продолжать сражаться.

Однако десять китаянок были захвачены в плен. Их враги также хотели иметь половых партнеров и племенное поголовье.

В этот момент Брауэрд осознал то, что раньше ощущал лишь как неопределенный недостаток. То, что ни один китаец не был вызван на совещание. Это означало, что следующим шагом Скоуна будет арест выживших китайцев и заключение их в тюрьму. Возможно, уже сейчас они находятся под стражей, хотя это и маловероятно, потому что для того, чтобы осуществить этот шаг, полковнику понадобятся его офицеры.

К этому времени, несмотря на то что собрание формально было военным, в зале поднялся шум. Многие из присутствующих русских плакали или выкрикивали вопросы Скоуну. Некоторые, однако, сидели в своих креслах и сохраняли бесстрастное выражение лица. Брауэрд задумался, не испытывают ли они тех же сомнений, что и он — что это Скоун был агрессором и первым нанес китайцам удар, чтобы избавиться от своего противника. Но какими бы ни были их мысли, они держали их при себе. Они хотели продолжать жить — возможно, чтобы отомстить, если их подозрения впоследствии подтвердятся.

Бобу стало жаль погибших, потому что они были людьми. Но как американец, чья страна была ослаблена предательством и коварной холодной войной, а затем беспощадно завоевана, после чего с ней многие годы жестоко обращались, он чувствовал, что они получают то, что заслужили. Если Скоун был коварен и смертоносен, то этому он научился у мастеров.

Не то чтобы Брауэрд одобрял его поступок. Теперь, когда в живых осталось так мало мужчин и женщин и каждый из них был так необходим, удар по любому человеку был ударом по всему виду. И все же Боб понимал, почему полковник так поступил — если, конечно, тот действительно был виновен.

Скоун тем временем продолжал говорить, перекрикивая шум, пока ему не удалось утихомирить присутствующих:

— Это случилось, и как бы мы ни сожалели, мы не можем ничего исправить. А еще мы не можем отдыхать. Внутренний враг был побежден. Но другой враг все еще жив, хотя тоже сильно пострадал. Однако он может позволить

себе пострадать сильнее, чем мы, так как он многочисленнее. И теперь, когда он знает, что мы еще не вышли из боя, он начнет обыскивать Луну, хотя и будет делать это очень осторожно. Он не может поджать хвост и убежать обратно на Марс. Конечно, он должен учитывать возможность того, что наши базы были почти уничтожены, но что те немногие, кто выжил, оставили для него мины-ловушки. Он подумает об этом, но для него это не будет иметь никакого значения. Если он думает, что на Луне остался в живых только один советский человек, то не успокоится, пока этот единственный выживший не будет мертв или закован в цепи. Если топоры будут искать очень тщательно, они обязательно обнаружат эту пещеру. Но это займет много времени. Время — это то, что нам нужно, и то, что мы получим. Пора отправить бомбу «бич планет» на Марс и уничтожить всех наших врагов, кроме тех, кто сейчас находится в космосе. Как только это будет сделано, мы сообщим об этом флоту топоров и дадим им выбор: сдаться или сражаться. Если они решат сражаться, им придется иметь дело не только с нами, но еще и с ганимедцами и меркурианцами. Через несколько часов после того, как я получил сообщение о приближении флота топоров, я послал эмиссаров на каждую из этих баз, чтобы попросить помощи. Я уверен, что, как только они поймут, каковы ставки, они пошлют все корабли, какие только смогут.

«Если только, — подумал Брауэрд, — они не поймут, что то, что случилось здесь с врагами Скоуна, может в конце концов случиться и с ними. Но нет, они этого не узнают, потому что битва на Луне произошла уже после их ухода». И все же Боб понимал, что если бы они относились к Скоуну с таким же подозрением, как он ко всем остальным, они могли бы отказаться. А может быть, на спутнике Юпитера или на ближайшей к Солнцу планете вообще уже не было никого живого. Топоры могли позаботиться об этом еще до того, как они слетелись на Луну.

— Ты, вероломный пес! — внезапно вскочил и закричал русский, сидевший через четыре кресла от Брауэрда. — Ты все это спланировал! Вы хотите убить всех тех, кто не янки! Умри! Умри! Умри!

Он вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в Скоуна. Здоровяк рухнул за свой стол, а Боб толкнул Ингрид на пол

и прыгнул на стрелявшего. Этот человек явно сошел с ума, его разум сломался, потому что он снова выстрелил в распростертую фигуру Скоуна, а затем начал палить в тех, кто был ближе к нему.

Другие русские, возможно, опасаясь, что эти выстрелы из пистолета означают, что они умрут, как китайцы, вытащили свое оружие. Те, кто находился поблизости, не слишком ошеломленные, чтобы двигаться, ответили. Комната наполнилась грохотом выстрелов, криками раненых и хриплыми голосами людей, кричащих в истерике и страхе. Началась потасовка, когда американцы и европейцы схватили русских и попытались стащить их вниз. Некоторые из них упали, сраженные пулями своих же товарищей, которые в бешенстве стреляли во всех подряд.

А потом все внезапно закончилось. Большинство русских лежали молча и неподвижно, но остальным рукопашная схватка обошлась еще дороже. Русские потеряли пятнадцать человек, а среди американцев и европейцев были убиты или тяжело ранены двадцать.

Брауэрд, не тронутый пулями, пробирался сквозь толпу кричащих людей, пока не нашел Ингрид. Она сидела на полу, побледнев, и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— С тобой все в порядке? — бросился он к ней.

Она покачала головой, показывая, что не пострадала. Бобу пришлось сесть рядом с ней, так сильно его трясло. Прошло некоторое время, прежде чем он смог взять себя в руки.

— Господи, — простонал он, глядя на жену, — если так пойдет и дальше, мы сами себя уничтожим!

Ингрид начала было отвечать, но тут же закрыла рот, показывая на что-то пальцем. Брауэрд, посмотрев в указанном направлении, увидел Скоуна, стоящего на платформе позади своего стола. Его лицо было бледным, но он не казался раненым. А энергия и властность, которые полковник проявил в следующие несколько мгновений, позволили всем убедиться, что он не пострадал.

— Ну что, вы уже достаточно насмотрелись! — закричал он. — Или вам нужно еще что-нибудь убедительное? Наши

враги с самого начала сговорились убить нас, чтобы они могли унаследовать мир. Они потерпели неудачу. Но наша работа еще не завершена. Вы, Рэдман, отправите людей арестовать всех китайцев, мужчин и женщин. И всех русских тоже сажайте под арест. Поместите их в заморозку!

Он имел в виду камеры анабиоза, в которые первоначально планировалось поместить персонал «Земли» на долгие годы, необходимые для достижения Альфы Центавра. Этот поступок, подумал Брауэрд, был, по крайней мере, гуманным. Он ожидал, что полковник прикажет казнить всех русских и китайцев мужского пола.

— Не волнуйтесь, — ответил Скоун на невысказанные вопросы многих присутствующих. — Позже, когда мы победим топоров, мы заберем женщин из заморозки. И мужчины тоже будут освобождены, но гораздо позже и по одному, чтобы мы могли оценить их надежность, их способность интегрироваться в наше общество после того, как они будут должным образом декондиционированы. — Затем он посмотрел на Брауэрда. — Ты! Иди в мой кабинет и жди меня там.

— Позволь мне разобраться с этим, — тихо сказал Боб Ингрид. — Я уверен, он не знает, что мы женаты. Я сообщу ему эту новость.

Он отошел от жены и отправился в кабинет Скоуна. Не желая давать полковнику ни малейшего повода для беспокойства, он не сел, а встал перед его столом, готовый вытянуться по стойке смирно, когда тот войдет. Это было долгое ожидание, всего десять минут, если верить его наручным часам, но бесконечное по другим меркам. Наконец, когда Брауэрд уже начал сомневаться во всем, даже в том, не был ли Скоун достаточно зол, чтобы обвинить его в предательстве, полковник вошел в кабинет. Он подошел к своему столу, сел, положил на него свои большие руки и мрачно посмотрел на Боба.

— Итак, — сказал он, — мы сделали еще один шаг к разгрому наших врагов. А теперь расскажи мне о своем путешествии на Землю. Впрочем, пусть он будет краток. Я знаю, что ты вернулся с бомбой.

Брауэрд рассказал свою историю — ложные и истинные подробности легко выплескивались наружу. Скоун не сводил своих бледно-голубых глаз с его лица, словно пытался прочесть

что-то сквозь плоть в его мыслях. Затем, когда Боб закончил рассказ о посадке своего корабля в порту Клавиуса, полковник, казалось, немного расслабился.

— Лучше и быть не могло, — сказал он, откидываясь назад.

Из чего Брауэрд понял, что Скоун доволен не только возвращением бомбы, но и решением проблемы «еврея». В тот момент Боб ненавидел его, как никогда прежде. Он даже подумал о том, чтобы убить его, но не стал приводить эту мысль в действие. Если он это сделает, то станет таким же чудовищем, как и Скоун. Более того, сам он, несомненно, будет казнен через несколько минут. Нет, он хотел жить, наслаждаться жизнью с Ингрид и обеспечить выживание человечества — хотя и сомневался, что человечество действительно стоит спасать.

А еще он испытывал горькое удовлетворение от сознания того, что Мойше был в безопасности и что Скоун, хотя он никогда этого не узнает, был обманут.

— У нас есть бомба, — сказал полковник. — И как мы ее используем? — Он говорил вслух сам с собой, потому что никогда бы не попросил совета у Брауэрда. — Эта миссия по доставке бомбы не должна провалиться. Это наш самый большой, я бы даже сказал, наш единственный шанс победить топоров. — Скоун сердито посмотрел на собеседника. — Ты же понимаешь, что я не могу отправиться в эту экспедицию. Я не могу доверять этим людям. Некоторые из них могут попытаться захватить власть, пока меня не будет.

— Я знаю, — пробормотал Боб.

— Мне нужен кто-то, кто хорошо зарекомендовал себя.

— Это я?

— Ты не можешь не признать, что, по логике вещей, именно ты являешься лучшим кандидатом.

Брауэрд кивнул. «Если я выполню задание, но при этом умру, Скоун снова убьет двух зайцев одним выстрелом, — подумал он. — И я буду орудием убийства, которое я ненавижу, инструментом уничтожения, которое я ненавижу».

— Нравится тебе это или нет, — продолжал полковник, — но мне придется оставить один корабль. Тот, к которому уже прикреплена бомба. Хмм. Я совершил ошибку. Я должен был

приказать тебе, чтобы, как только ты получишь бомбу, ты отправился с ней на Марс. Тогда все было бы кончено. Хотя нет, это не было ошибкой. Я должен был знать наверняка, что ты ее получил.

— Я не профессиональный штурман, — заметил Брауэрд.

— Это не имеет значения. Ты знаешь достаточно, чтобы добраться туда. В наши дни автоматических устройств человеку не обязательно быть высококвалифицированным пилотом космического корабля. Если он знает достаточно, чтобы ввести нужные данные в компьютер... Мы запрограммируем основную часть полета. Я не могу выделить больше одного человека.

— От успеха этого дела зависит так много, — сказал Брауэрд. — Ты не можешь позволить себе рисковать. Мы не можем себе этого позволить...

— Один человек, один корабль, — твердо ответил Скоун. — Двое людей не сделают лучше. Даже если я пошлю с тобой весь свой флот, это не поможет. На самом деле, чем меньше кораблей в космосе, тем меньше шансов быть обнаруженным.

— Сэр, — сказал Боб, — я прошу разрешения взять с собой мою жену!

— Твою... жену? А я и не знал, что ты женат.

— Ингрид Нашдой и я поженились незадолго до того, как ты появился, сэр.

— А кто вам разрешил? Я специально... — Голос Скоуна затих, но Брауэрд знал, что он хотел сказать.

— Я разрешил, — сказал Брауэрд. — Это законно.

— А почему ты хочешь взять ее с собой? Это очень опасная миссия.

— Если один из нас умрет, другой не захочет жить. И если нам суждено умереть, то пусть мы при этом будем вместе.

Боб надеялся, что Ингрид согласится с ним — он был уверен, что она согласится.

Губы Скоуна скривились.

— Все это очень сентиментально, я уверен. Я мог бы сказать, что это буржуазные чувства.

— Именно так мы и чувствуем, сэр.

— Брауэрд, ты же знаешь, что жизнь каждой женщины драгоценна. От них зависит будущее всей расы. Если бы я

санкционировал этот глупый бессмысленный шаг, я бы предал свое доверие, предал выживание человечества.

— Очень благородные чувства, сэр. Те, что принадлежат истинному лидеру, который предан своему виду.

— Оставь свой сарказм. То, что я сделал, я сделал для того, чтобы обеспечить мир в будущем и достойную жизнь. Нет, Брауэрд, твоя просьба не удовлетворена. Нет! Не хочешь присесть? Ты выглядишь слабым.

— Я постою. Как мы поступим, сэр?

— Ты, должно быть, устал. Иди отдохни. Я хочу, чтобы ты был в максимально хорошей форме, поскольку тебе предстоит чрезвычайно изнурительная работа. Мы организуем полет, подготовим корабль и после этого разбудим тебя.

Брауэрд отдал честь и повернулся, чтобы уйти.

— Тебя нельзя беспокоить, — сказал ему вслед Скоун. — Я поставлю охрану, чтобы тебе не мешали посетители.

— Я понимаю, — кивнул Боб.

Разъяренный, но беспомощный, он пошел прочь. Пройдя через конференц-зал, он, вместо того чтобы подчиниться приказу, отправился в биолабораторию искать Ингрид, которая была занята «замораживанием» русских и китайских пленных. Брауэрд нашел ее за пультом управления большой консолью, где она устанавливала какие-то настройки, необходимые для предварительной «обработки» тех, кто должен был быть заморожен. Самих пленных не было видно — они находились в другой комнате, и Боб был достаточно хорошо знаком с процедурой погружения в анабиоз, чтобы знать, что их усыпили обезболивающим газом. Он наклонился к жене, словно спрашивая о ее делах.

— Продолжай работать, Ингрид, — сказал он тихо. — И не надо выглядеть удивленной или встревоженной. Мне приказано доставить бомбу на Марс. Я не должен тебя видеть, я должен отдыхать.

Его супруга продолжила смотреть на индикаторы и счетчики на панели.

— Марс! — сказала она. — Почему ты не спросил у Скоуна, могу ли я полететь с тобой? Ты же знаешь...

— Я знал и действительно попросил об этом. Но он отказался.

— А ты не можешь сказать «нет»? Сказать ему, что не полетишь?

— Ты прекрасно знаешь, что это не сработает. Он либо прикажет меня расстрелять, либо заморозит вместе с остальными.

— Могу я спрятаться на твоем корабле?

— Ни малейшего шанса. Скоун позаботится об этом.

— Неужели мы ничего не можем сделать?

— Мы можем надеяться. Во-первых, топоры должны быть уничтожены. А потом, кто знает, что будет дальше? Я видел, что дело принимает слишком необычный оборот, чтобы думать, что Скоун всегда будет действовать по-своему.

— По крайней мере, я хочу пойти с тобой в твою комнату.

— Что ты и сделаешь, если я хоть как-то могу этому поспособствовать. Пусть кто-нибудь займет твое место. Я подожду тебя снаружи.

Боб вышел и с минуту постоял у входа.

— Я сказала Миллеру, что мне приказано быть с тобой в течение того короткого времени, которое осталось до твоего отлета, — сообщала ему вышедшая из лаборатории жена.

— Теперь нужно найти охранника, прежде чем он явится к Скоуну. Я собираюсь быть с ним очень наглым. Он не может быть настолько жестокосердным, чтобы не позволить тебе побыть со мной.

Так оно и было. Охранник так обрадовался, что не потерял Брауэрда, что с пониманием отнесся ко всему остальному. Ему было приказано отвести Боба в определенную комнату, а затем встать у двери, чтобы никого не впускать после того, как тот войдет. Однако в приказе ничего не говорилось о тех, кто мог войти одновременно с ним или кто вошел раньше него. Поэтому Брауэрд на секунду задержался, чтобы дать Ингрид преимущество, и последовал за ней. Охранник закрыл за ними люк, и они остались одни.

Через четыре часа люк открылся.

— Полковник хочет видеть вас в комнате для совещаний, — сообщил охранник.

Брауэрд поцеловал Ингрид.

— Теперь мы прощаемся. Или, как говорят топоры, hasta la vista. Подари мне еще один поцелуй.

— Hasta la vista, милый. Я сделаю то, что ты сказал, пока тебя не будет, — пообещала женщина.

Боб оглянулся на ответвление коридора и помахал рукой. Жена улыбнулась и помахала ему в ответ, но Брауэрд был уверен, что, как только он скроется из виду, она с плачем убежит обратно в комнату. Он почувствовал, как на его собственные глаза наворачиваются слезы.

В комнате для совещаний Скоун и несколько офицеров, занятых в подготовке его полета на Марс, изучали карту, спроецированную на стену маленькой коробочкой размером с наручные часы. Когда Боб вошел, полковник отвернулся от этого изображения.

— Ты выглядишь не очень отдохнувшим, — заметил он.

— Мне не хотелось спать, — ответил Брауэрд, отдавая честь.

— Твой инструктаж будет не очень кратким. Около полутора часов.

Скоун казался торжествующим — он даже улыбался. Неужели он так радуется возможности избавиться от соперника? Нет, чтобы расколоть этого человека-ледник, требовалось нечто большее, чем просто шанс завоевать женщину.

— Пока ты должен был отдыхать, — сказал Скоун, — я работал. И тебе будет приятно узнать, что, когда ты взлетишь, кое-что привлечет внимание топоров, чтобы отвлечь их мысли от погони за тобой.

Теперь Брауэрд выглядел озадаченным.

— Когда в Клавиусе взорвалась нейтронная бомба, — торжествующе ухмыльнулся Скоун, — люки судов, которые там приземлились, все еще оставались открытыми после того, как из них вышли инспекционные группы. Я обратил внимание на это, а также на то, что высадка других частей флота в Эратосфене и во Фракасториусе была синхронизирована с высадкой в Клавиусе. Так что люки других кораблей тоже должны были быть открыты. После того как мы усмирили китайцев, я договорился со своими людьми, прежде чем отправить их в эти места. И я только что получил от них отчет. Они получили доступ к кораблям в Клавиусе, уже ознакомились с управлением ими и готовы выступить против кораблей, находящихся сейчас на лунной орбите. Небольшие

корабли доставят несколько человек к Эратосфену и Фракасториусу — они попытаются войти в корабли, севшие там.

— Ну и как вам это нравится? — спросил один из капитанов. — Использовать против них их собственные корабли? Это будет для них полной неожиданностью!

— Значит, мы не собираемся прятаться, как крысы в норе, и ждать вестей от вас, прежде чем решимся сбежать, — самоуверенно сказал Скоун. — Мы летим сражаться с топорами. И у вас будет гораздо больше шансов уйти незамеченными во время боя. Даже если какой-то их корабль заметит тебя, он будет слишком занят нашими боевыми судами, чтобы связываться с незначительным разведчиком. — Он встряхнулся и продолжил с более трезвым видом: — К сожалению, враг обнаружил разведчика, который доложил мне об этом. Он вызвал еще три корабля, и сейчас они курсируют в этом районе. Несомненно, они используют магнитометры и найдут этот пузырь. Но при той скорости, с которой они движутся, они будут здесь только через два с половиной часа. Достаточно времени, чтобы подготовить тебя, а также подготовить боевые корабли к битве. Все наши корабли, кроме «Земли», конечно, находятся здесь.

— Итак, мы отправляемся в путь, — пробормотал Брауэрд. — Мы можем вернуться за наши щиты, но если проиграем, то нести нас обратно на наших щитах будет некому.

— Что? — повернулся к нему Скоун. — Что ты сказал? Иногда, Брауэрд...

— Неважно, — не стал объяснять свою цитату Боб. — Какой у нас план?

Два часа спустя он уже сидел за штурвалом своего корабля, занявшего позицию позади трех боевых птиц. За ним в строгом порядке выстроились остальные корабли флота. Снаружи была темнота и сверкающие разноцветные глаза неба, почти полностью заслоненные возвышающейся громадой крейсера перед кораблем Брауэрда. Дно «пузыря» уходило вниз от его устья, так что носы стоящих на полу космических кораблей были направлены вверх. Но вход был расположен на полпути вверх по склону огромной горы, и на выступе снаружи находилась телевизионная камера, скрытая внутри псевдовалуна, которая передавала изображение

трех вражеских кораблей. Все они летели на расстоянии в два километра между собой и двигались параллельно друг другу по направлению к «пузырю» в очень медленном темпе.

— Осталась одна минута, — послышался голос Скоуна из передатчика, установленного на подлокотнике кресла Брауэрда. — Когда зуммер будет активирован, «Вашингтон», «Джефферсон» и «Рузвельт» будут действовать в соответствии с указаниями. Брауэрд, через пять секунд после запуска «Рузвельта» ты стартуешь с начальной скоростью тысяча километров в час и будешь удерживать кнопку полного ускорения, пока не решишь, что ты в безопасности. Второй звонок зуммера будет сигналом к началу действия.

«Ингрид, увижу ли я тебя когда-нибудь снова?» — подумал Боб, и тут раздался первый гудок. Три огромных громады перед ним внезапно исчезли.

Брауэрд считал так медленно, что звонок раздался снова, прежде чем он успел произнести «четыре». По команде его пальцев, которые работали с пультом управления на небольшой качающейся панели, находившейся на уровне его груди, корабль-разведчик поднялся. Боб толкнул рычаг скорости вперед, к обозначенной отметке. Не было никакого ощущения скользящих мимо каменных стен пещеры или летящей на него «пасти» выхода. Просто он внезапно оказался над лунной поверхностью — или, по крайней мере, ему так показалось, потому что он не мог ее видеть. Не думая о полете, все еще слегка сбитый с толку переменами вокруг, он нажал следующую кнопку — и вылетел из тени на солнечный свет так же быстро, как до этого покинул «пузырь». На панелях, показывающих ему вид сзади и снизу, Луна быстро уменьшалась, удаляясь от него. И на радаре не было ничего, что указывало бы на то, что какие-то объекты его преследуют.

Брауэрд начал приводить в действие разные элементы управления, необходимые для запуска программы, которая отправила бы его корабль на Марс. Оборудование судна уже определяло его приблизительное местоположение с помощью радара и света: относительные положения и углы по отношению к Луне, Земле, Солнцу и нескольким звездам. И хотя Боб не знал об этом, за исключением наблюдения за индикаторами панели, корабль уже изменил

курс и находился на пути, который должен был привести его к месту назначения.

Брауэрд остался сидеть в кресле. Он не мог покинуть его, пока не выключит стазисное поле, а сделать это, пока он не замедлит разведчика до ускорения, которое может выдержать человек, было бы самоубийством. Но сейчас в этом не было никакой необходимости — лучше всего было позволить кораблю двигаться с максимальной скоростью, пока не придет время отключить стазис. Принимать пищу и отправлять естественные потребности можно было, не вставая с кресла: в разных его отделениях имелись все условия для этого. Так же там все было устроено и для сна. Боб хотел бы оказаться на более крупном судне, так как оно было полностью оборудовано для нормальной жизни: некоторые высшие офицеры на больших кораблях даже имели небольшие каюты, заключенные в стазис во время опасных скоростей. Единственным недостатком было то, что чем большее пространство окружал стазис, тем больше энергии требовалось для его создания, а кроме того, все объекты внутри поля находились в свободном падении. Поэтому разведывательные корабли, чтобы сэкономить топливо, ограничили стазис как можно меньшим пространством.

Боб сидел в кресле, ел понемногу, когда чувствовал голод, спал и делал некоторые упражнения, следя за тем, чтобы во время них его тело не соприкасалось с полем. На обзорной панели росло в размерах Солнце — сама панель была поляризована, чтобы затмить все его великолепие. Оно бушевало и кипело огнем: языки плазмы взметались вверх, пылающие шары размером с американский континент отбрасывались в сторону, а затем падали обратно. Зачарованный и испуганный, Брауэрд часами смотрел на Солнце, хотя и знал, что скорость корабля была больше, чем требовалось для побега. Светило было таким непостижимо огромным и сильным, что он чувствовал благоговейный трепет, приближающийся к тому, что, должно быть, испытывали первобытные солнцепоклонники. Может быть, Боб даже превзошел их в своем восторге, потому что был ближе к его пугающему величию.

Позже Солнце начало уменьшаться и дрейфовать вправо от обзорной панели. А потом оно и вовсе исчезло. Впереди у Брауэрда было еще семьдесят восемь часов полета.

Пять раз за это время пилот замедлял корабль до такой степени, что мог отключить стазис. При ускорении в 1,2 «же» он обошел свою темную каюту и даже заполз в складской отсек, чтобы дать себе необходимую физическую нагрузку. Он отжимался и приседал до тех пор, пока не начал задыхаться, и так устал от этого, что без труда заснул. А еще он разговаривал сам с собой и слушал музыку, пьесы и стихи в карманном плеере. Временами ему казалось, что он сойдет с ума, если не получит сигарету, но он сумел пережить это.

Бесконечность. Одиночество. Незначительность.

Все это кончилось, когда шар Марса превратился из яркой звезды в крошечный диск. Перед этим корабль Боба снова начал замедляться — сам пилот не хотел этого, но такой маневр входил в изначальный план. Предполагалось, что он приблизится к темной стороне Марса по большой кривой и войдет в его атмосферу по касательной. Хотя у топоров, несомненно, были космические станции обнаружения на той стороне, они не ожидали, что нападающие придут с этого направления. На самом деле, марсиане вообще не должны были ожидать ничего подобного: скорее всего, они были уверены, что если кто-то из советских и выживет после разгрома лунных баз, то приближение к Марсу будет последним, о чем уцелевшие будут думать. Разве что топоры уничтожили базу на Ганимеде — тогда они могли подумать, что на прилетевшем на Марс объекте находятся советские войска, которые перед этим ушли с Ганимеда в экспедицию. Вернувшись и обнаружив, что их база исчезла, они могли прилететь на Марс, чтобы сдаться. Или же, возможно, хотя и не вполне вероятно, такой советский корабль совершал камикадзе-рейд в надежде уничтожить хотя бы одну марсианскую колонию.

Какова бы ни была реакция топоров, Брауэрд заворачивал на темную сторону Марса. Но он обнаружил, что ему не хочется заменять разведчика, как того требовала заложенная в него программа. Хотя он и понимал, что чем дольше будет ждать, тем больше у марсиан появится шансов найти его и послать против него корабли, или ракеты, или и то, и другое вместе. Боб знал, что должен запустить бомбу и что

чем скорее он это сделает, тем лучше для него и для успеха его миссии. И все же он не мог заставить себя начать.

Раздался сигнал, и на приборной панели замигала красная лампочка. Пораженный, Брауэрд посмотрел на разные радары и увидел на одном из них вспышку. Кусок космического мусора? Корабль с топорами? Боб нажал одну из кнопок на панели, и из узкой щели выскользнул листок бумаги. На нем были напечатаны расстояние до замеченного объекта, его направление по отношению к кораблю, скорость и приблизительный размер. Этот объект находился примерно в четырехстах восьмидесяти километрах от Брауэрда, двигался по параллельной траектории и в том же направлении со скоростью сорок пять тысяч километров в час и был примерно в три раза больше его разведчика.

Первым побуждением Боба было бросить свой корабль на полной скорости сначала вперед, а затем под углом в девяносто градусов от незнакомца. Но его руки остались неподвижно сложенными на груди. Почему он ждал? Он не знал этого. Было что-то, исходящее — если он мог использовать это слово в таком ненаучном значении — от обнаруженного объекта. Что? Это можно было определить, несмотря на все доказательства обратного, только как призыв о помощи. Брауэрд никогда не считал себя хоть сколько-нибудь восприимчивым к психическому феномену — если таковой действительно существовал, — но сейчас он испытывал нечто сродни этому. Что бы это ни было, оно пришло к нему не по обычным каналам связи.

Третьим его побуждением было продолжить начатое — долгое одиночество и напряжение нервировали его, а может быть, даже вызывали галлюцинации. Если Боб сдастся, то умрет не только он сам, но и Ингрид, и все его товарищи. Нет. Он не должен был обращать никакого внимания на этот безмолвный крик.

Лунянин потянулся вниз и вместо того, чтобы нажать на рычаг скорости, повернул на два рычага управления. Они активировали частотные датчики для радио- и лазерных приемников. Несколько секунд пилот следил в прицел, не изменит ли объект курс, не увеличит ли скорость и

не выпустит ли против него второй неизвестный объект. Ничего из этого не произошло, а потом радиоприемник, обнаружив и зафиксировав определенную непрерывную частоту, ожил. Чей-то мужской голос говорил по-испански, но Брауэрд уже давно не общался на этом языке, так что сначала он ничего не понял. Но мужчина явно повторял одни и те же фразы, снова и снова, и через минуту Боб начал его понимать. Он действительно звал на помощь. Его звали лейтенант Пабло Куирога, и он служил в секции связи того, что осталось от крейсера «Хуан Мануэль де Росас». Этот крейсер с двумя эсминцами обнаружил и затем преследовал остатки бегущего южноафриканского флота. И хотя Куирога этого не говорил, его слова подразумевали, что Фелипе Говардс, аргентинский диктатор, сделал со своими союзниками то же, что Скоун — с русскими и китайцами. За исключением того, что в данном случае в предательстве Говардса не было никаких сомнений.

Южноафриканцы развернулись, чтобы сражаться, а возможно, аргентинцы перехватили их. Как бы то ни было, результатом битвы стало уничтожение южноафриканских кораблей. Но за это пришлось заплатить немалую цену. Оба эсминца были разрушены ракетами. «Де Росас» прикончил африканский дредноут, но был в нескольких местах прорезан лазерами. Куироге удалось выжить в изолированном отсеке, и он не знал, есть ли еще кто-нибудь живой в таких же отрезанных от всего корабля местах. Он не мог долго продержаться и отправлял сообщения на Марс или на любой другой корабль, который мог оказаться поблизости. У него закончились еда и вода, а воздух должен был подойти к концу через три часа или даже раньше.

Брауэрд, настроив передатчик на полученную частоту, заговорил по-испански:

— Лейтенант Куирога. Лейтенант Куирога. Как долго вы уже вещаете?

Последовала пауза, а затем Пабло ответил таким потоком слов, что Боб смог разобрать лишь отдельные слова и фразы.

— Говорите медленнее, — попросил он, дождавшись окончания речи.

— Вы не аргентинец, — ответил Куирога. — Я слышу это по вашему произношению. Кто вы? Выживший южноафриканец? Господи, помоги нам, неужели вы в таком же положении, как и я?

— Не совсем так, — сказал Брауэрд. Он не решался назвать себя, потому что было вполне возможно, что корабли топоров уже были в пути в ответ на призыв Куироги. — Ваши лазеры работают? — спросил он. — Если да, то включите один из них. Я сориентируюсь на него.

— Давайте, — ответил Пабло.

— А теперь, — сказал Боб, — мы можем поговорить так, чтобы нас никто не подслушивал. Я — капитан Брауэрд с лунной базы Клавиус.

Снова наступило молчание, на этот раз такое долгое, что американец решил, что его собеседник боится отвечать.

— Я не собираюсь причинять вам вред, — добавил он. — На самом деле, я возьму вас на борт. Но только как пленного.

— Пленного Советов? — отозвался Куирога и начал неудержимо смеяться. Брауэрд молчал, пока аргентинец не начал всхлипывать.

— Я уверен, что мы сможем найти для вас место в нашем обществе, довольно приятное место. Конечно, если вы готовы сотрудничать, — пообещал Боб.

Он ничего не сказал ни о необходимом периоде анабиоза, в который будет помещен Куирога, если сдастся, ни о том, что пройдут годы, прежде чем он будет «размерожен».

— Я не понимаю, — сказал Пабло. — Что вы здесь делаете? И куда вы меня заберете? Я думал... Думал, что...

— Что флот уничтожил тех, кто был на Луне и Ганимеде?

— Ганимед остался нетронутым. Эль Мачо намеревается взять ганимедян в плен позже — у них нет защиты, достойной рассмотрения. Они уже созрели...

— ...для ощипывания. Ну, спасибо за информацию. Что же касается Луны, то чем меньше вы знаете, тем лучше для всех. Не хотите ли подняться ко мне на борт?

— Если я останусь здесь, то наверняка умру. А если стану вашим пленником?.. Зачем я вам понадобился?

У Брауэрда не было удовлетворительного ответа на этот вопрос. Он намеревался выпустить оружие, которое

мгновенно убьет от пятисот до нескольких тысяч мужчин, женщин и детей. И все же он рисковал всем, чтобы спасти одного-единственного врага от смерти.

— Я не могу лететь позади вас, — сказал он. — Вам придется добровольно и без оружия войти в мой корабль. Если вы сейчас же не ответите, я буду вынужден немедленно уйти.

— Я сдаюсь. И я даю вам честное слово аргентинца и христианина, что не возьму с собой оружие и не буду применять силу.

Услышав это, Боб мрачно улыбнулся и занялся подготовкой своего судна к его автоматическому размещению рядом с местом крушения. После этого он должен был взять управление кораблем на себя. Подготовка требовала больше времени, чем пилот мог себе позволить, но он не мог бросить Куирогу. Каким-то образом, спасая этого человека, он компенсировал то, что сделает с его товарищами. Эта идея не была ни логичной, ни даже рациональной. Одна жизнь по сравнению с тысячами — это было просто смешно. Но Брауэрд чувствовал, что дает хоть какую-то незначительную плату, и это было лучше, чем совсем ничего.

К счастью или к несчастью, в зависимости от того, с какой стороны он смотрел на происходящее, в той секции, где был заперт Пабло, имелся люк. Было нетрудно сопоставить курс и скорость корабля Боба с этой секцией. Обломки корабля Куироги выглядели как огромный барабан, потому что лазеры южноафриканцев аккуратно обрезали его с обеих сторон, как будто вырезали кусок из середины колбасы. Этот кусок в форме барабана не вращался, и именно по этой причине Пабло смог установить плотный контакт своего лазерного луча с Брауэрдом. Отсутствие вращения позволяло достаточно легко присоединить корабль-разведчик рядом с гигантским люком, который был рассчитан на прием даже более крупных кораблей, чем этот.

На мгновение, глядя, как закрывается большая дверь, лунянин забеспокоился. Но он знал, что его лазерные лучи могут расплавить дыру в стене, чтобы найти путь к спасению, и что вряд ли Куирога захочет что-то предпринять против

него. Во всяком случае, аргентинец не стал бы нападать в данный момент.

Внутренний люк аргентинского корабля открылся, и в него вошел человек в скафандре. Таким образом, Брауэрду стало ясно, что техника, предназначенная для заполнения шлюза воздухом, не работала. Он открыл свой собственный люк, дал Пабло достаточно времени и закрыл его после того, как наполнил маленькую камеру воздухом.

— А теперь входите, держа руки над головой, — сказал он через громкоговоритель.

Не дожидаясь, пока пленный закончит снимать скафандр, Брауэрд вывел разведчик из люка большого судна и повел его к Марсу. Он медленно разогнался до одного «g», чтобы маневрирование не повредило пленнику, а затем, переведя управление в автоматический режим, взял пистолет и открыл внутренний люк. Лейтенант Пабло Куирога вошел в рубку управления. Он был одет в серебристый комбинезон с алыми перекрещенными топорами на правой груди и с серебряными полосками на плечах. Аргентинцу было лет тридцать, он был высок и хорошо сложен, у него была бронзово-красноватая кожа, красивое лицо, зеленовато-карие глаза и волнистые темно-каштановые волосы.

— Куда вы собираетесь меня отвезти? — спросил он на сносном американском английском.

— В данный момент вы просто едете кататься, — ответил Боб. — Садитесь в кресло слева от меня. Вот вам немного стиктита. Оберните его вокруг лодыжек, чтобы они были связаны вместе. А потом заведите руки за спину, и я свяжу вам запястья.

Пленник сделал, как ему было велено, и вскоре, к удовлетворению Брауэрда, он уже сидел рядом с ним связанный. Затем американец достал фляжку с водой, которую Куирога жадно выпил. Напившись, он съел то, что Боб зачерпнул ложкой из банки и дал ему.

— Никто не кормил меня так с самого детства, — заметил Пабло. — Сейчас я чувствую себя просто беспомощным, как ребенок.

— Но вы не ребенок, — ответил Брауэрд. — И я это запомню. Но ладно. Через секунду я тоже сяду в кресло и

установлю стазисное поле вокруг нас обоих. Вы знаете, что такое «стазис» по-английски?

Пабло кивнул.

— О'кей, будьте осторожны, — предупредил его Боб.

Корабль полетел дальше. Куирога некоторое время смотрел на переднюю визуальную пластину, а потом, словно не веря в происходящее, повернулся к пилоту:

— Вы летите на Марс?

— Я не собираюсь там приземляться, — ответил лунянин.

— Тогда что же?.. Вы планируете запустить ракету в одну из баз? Это будет самоубийство! Или это вы тоже планируете?

— Неужели вы думаете, что в этом случае я стал бы утруждать себя вашим спасением?

— Нет, если только вы не садист, — сказал Куирога, — но вы не ведете себя как садист.

Брауэрд задумался, стоит ли ему говорить аргентинцу, какую бомбу он несет. Немного подумав, он решил не делать этого. Этот парень может сойти с ума и совершить что-нибудь дикое, нарушить плавное движение корабля. Если он коснется поля, то его засосет наружу и красной пленкой размажет по всему салону.

— С таким же успехом вы могли бы оставить меня там, — сказал Пабло после некоторого молчания. — Но я счастлив, что вы этого не сделали. По крайней мере, я выпил воды и поел. И хоть с кем-то поговорил, пусть даже с советским человеком. Когда смерть придет за мной, я буду не один.

— Я думаю, что если бы мы встретились при других обстоятельствах, в другом мире, то могли бы понравиться друг другу, — заметил Боб.

— Кто знает? Это вполне возможно. Я не ненавижу американцев. Моя мать была наполовину американкой. Но вот Советы!..

— Я советский гражданин. По крайней мере, формально. Послушайте! Я хочу вам кое-что рассказать, кое-какую правду.

И Брауэрд начал рассказывать. Много раз Куирога открывал рот, чтобы возразить, но каждый раз Боб резко приказывал ему заткнуться и ждать, пока рассказ не будет

закончен. Если он не подчинится, пригрозил пилот, ему заклеят рот скотчем.

Через полчаса лунянин замолчал, полностью уверенный, что сейчас услышит яростные отрицания. Но Пабло, как ни странно, сначала некоторое время сидел молча, а когда он, наконец, заговорил, его голос звучал задумчиво и очень неуверенно:

— Говардс сказал нам, что кобальтовые бомбы взорвали южноафриканцы. Сначала он сказал, что на самом деле их нельзя винить, что Ось слишком мала и слишком слаба, чтобы сражаться со всем миром. Что единственная причина, по которой мы не были захвачены раньше, была угроза использовать К-бомбу, если война будет вестись против нас. Но после того, как южноафриканцы взорвали их, мы ничего не могли сделать, кроме как извлечь максимум пользы из очень плохой ситуации. У нас еще оставалась надежда. Хотя Земля и мертва, но так будет не всегда. А пока мы могли бы избавить Солнечную систему от тех злых сил, которые все это затеяли, уничтожить тех, кто несет ответственность за это чудовищное зло, за этот грех против человека и Бога. И мы могли бы основать на Марсе новое общество, которому не мешали бы ни внутренние, ни внешние враги.

Брауэрд поморщился, услышав последнее предложение. Это звучало так похоже на его собственные слова.

— Но были какие-то очень тщательно охраняемые разговоры, намеки, что Говардс сам отдал приказ использовать бомбы, — продолжил его пленник. — Кроме того, здесь и там были разные странности, на которые стоило обратить внимание. Каждая из них не имела большого значения сама по себе, однако если собрать их вместе, начинает складываться некрасивая картина. Я понимал это, но отверг эту идею. Затем мы, офицеры, а позже и сержанты были вызваны на совещание. Нам сказали, что есть доказательства того, что африканцы замышляют предательство. Если бы они избавились от нас, то получили бы всю Солнечную систему в свое полное распоряжение. Она стала бы черным миром или, по крайней мере, коричневым. Африканцы, конечно, будут щадить женщин и заводить с ними детей. Эти лекции, естественно, должны были подготовить нас к нападению на наших союзников.

Говардс рассудил, что мы должны напасть первыми, и мы напали. А еще он открыл нам то, о чем вы только что рассказали. То есть что он решил первым ударить по Советам. Почему? Потому что он точно знал от своих шпионов и от советских предателей, что Советы собираются нас разгромить. Он не мог позволить себе ждать, ведь не его вина, что африканцы использовали К-бомбу.

— Я никогда не думал об этом с такой точки зрения, — медленно произнес Брауэрд. — Возможно, наши вожди планировали, что вас раздавят топоры. Но я сомневаюсь, что они знали об угрозе Говардса уничтожить всех вместе с ними. В любом случае, разве вы не видите, что не имеет значения, кто напал первым? И мои лидеры, и ваши хотели полного господства. В конце концов, несмотря на угрозу кобальтовых бомб, советские войска попытались бы нанести внезапный удар.

— Понятно, — ответил Куирога. — Но что мы можем с этим поделать? Мы — маленькие человечки, пешки, беспомощные фигуры в большой игре.

— Вы должны знать людей, обладающих властью, людей, которые хотели бы остановить эту бессмысленную бойню. Есть у вас такие?

— Комендант гарнизона Деймоса, — ответил Пабло. — Он мой хороший друг и двоюродный брат по материнской линии. Однако он так ясно выражал свои чувства, что я боюсь, его арестуют в любой момент.

— Как вы думаете, он меня послушает?

Аргентинец повернул к Бобу широко раскрытые глаза:

— Вы, должно быть, сошли с ума? Неужели вы действительно думаете, что мой кузен так поступит?.. Это правда, что он не верит в эту войну на уничтожение. Но он же патриот, храбрый аргентинец!

— Нет, я не сумасшедший. При обычных обстоятельствах я счел бы безнадежным приближаться к нему. Но у меня есть кое-что, с чем можно поторговаться. Выслушайте меня внимательно, Куирога. Осознайте все последствия того, что я вам сейчас скажу.

И Брауэрд снова стал рассказывать. Сперва Пабло слушал его спокойно, но потом побледнел, и на его лице отразился ужас.

— Боже! Вы действительно сделаете это?! — воскликнул он, когда Боб закончил.

— Пока что у меня нет выбора. Я не хочу этого делать, но я должен сделать так, чтобы ваши люди не сделали то же самое с моими. Что вы предлагаете в качестве выхода?

— Я не знаю кода распознавания Деймоса. Несомненно, он изменился с тех пор, как я был там в последний раз. Но если я буду умолять, мой кузен, возможно, выслушает меня и позволит нам приземлиться. Однако он, вероятно, решит, что это уловка Советов.

— Даже если он примет вас и вашу историю, все будет не так просто, — сказал Брауэрд. — Я тоже должен остерегаться подвоха. Я не могу подвергать свою миссию опасности. Но мы дадим вашему кузену попробовать... сейчас...

Все было не так просто. Правда, в то же время и не так уж сложно, но для воплощения задуманного требовалось время. Боб изменил курс, чтобы увести корабль подальше, а затем снова ввести его в радарную тень спутника Марса, где марсианские детекторы не смогли бы его засечь. Тем не менее в течение долгого времени корабль с легкостью могли обнаружить. В любой момент пилот ожидал, что его аппаратура сообщит о наличии радаров или лазерных лучей, наведенных на корабль, или засечет вспышки, которые, должно быть, были ракетами или кораблями, поднимающимися с поверхности Марса. Брауэрд не ожидал увидеть ничего исходящего от самого Деймоса, потому что Куирога сказал ему, что спутник сильно пострадал от нападения. Во-первых, на нем взорвались советские ракеты, когда топоры начали свою атаку на Марс, и база на Деймосе израсходовала все собственные ракеты во время отражения этой атаки. Кроме того, его внешнее радиолокационное и лазерное оборудование было разрушено.

С планеты было привезено и установлено новое оборудование, но Говардс не дал Деймосу никаких ракет из-за нехватки. Затем южноафриканцы, оказавшиеся в ловушке вблизи этого сектора, предприняли попытку высадки и штурма — первую в истории Марса атаку вооруженных людей за пределами кораблей. И хотя южноафриканцы были убиты, им удалось проникнуть внутрь. Цена победы с помощью топоров была высока. Куирога не знал точно, но догадывался,

что маленькая луна теперь используется скорее как аванпост, чем как что-либо другое. Он знал, что его двоюродный брат, Патрисио Салливан-и-Сааведра, пережил нападение и оставался комендантом — с того самого момента, как корабль, на котором служил Пабло, отправился в путь.

Выяснив у аргентинца, что на базе Деймоса все еще есть какое-то оборудование связи, Брауэрд приблизился к спутнику на расстояние двухсот километров. Было легко получить и поддерживать плотный контакт луча с Деймосом. Спутник всегда был обращен одной стороной к Марсу.

Никакого вызова с базы не последовало. Очевидно, топоры не хотели напрашиваться на атаку и притворялись мертвыми. Но на противоположной стороне Деймоса находился луч, посылающий сообщения на главную базу, Осорно, в районе Эос.

— Говорит Пабло Куирога, — начал передавать пленник Боба. — Комендант Сааведра! Патрисио Сааведра! Ради всего святого, ответь! Это Пабло Куирога, твой двоюродный брат!

Ответа не последовало, но Куирога продолжал слать сообщение. Прошло несколько минут, а затем чей-то голос произнес:

— Пабло? В чем дело? Что ты там делаешь? Что происходит?

— Я нахожусь в спасательной шлюпке, — сказал Куирога. — Я единственный выживший в битве с южноафриканским флотом. Мне нужно разрешение на посадку.

— Спасибо Деве Марии, что у нас больше нет оружия! — с явным облегчением произнес голос Сааведры. — Иначе мне пришлось бы выполнять приказ и стрелять в прилетевших, даже в своего кузена. То есть я должен стрелять в тех, кто не дал правильный код, а ты не мог этого сделать. Код был изменен.

— О'кей, — сказал Брауэрд. — Надевай свой скафандр.

Куирога оделся, и Боб опустил разведчика на посадочный круг. Этот круг был выложен камнем, но аргентинцы разгладили его и засыпали землей. Вокруг него возвышались разрушенные, изломанные острые руины, покрывавшие всю поверхность крошечного спутника. В основании одного

из выступов находился металлический порт для входа персонала.

Внутренний люк разведчика открылся.

— Я буду ждать от тебя вестей, — сказал лунянин. — Но недолго.

Внутренний люк закрылся, внешний открылся. Боб задержался на несколько секунд, чтобы дать Куироге время уйти, прежде чем он взлетит. На обзорных пластинах он видел, как фигура человека в скафандре уменьшилась, а затем исчезла. Вскоре даже посадочный круг стал неразличим. Зубчатая и остроконечная поверхность стала гладкой, и Деймос превратился в маленькое веретено на фоне круглой сферы материнской планеты, окрашенной красный, серым и сине-зеленым оттенками.

Брауэрд напряженно ждал, не сводя глаз с прицелов, готовый увидеть первые признаки вражеских действий, направленных с поверхности Марса. Время от времени он бросал взгляд на диск Деймоса, хотя и знал, что любое сообщение с него будет не визуальным. Что могло происходить сейчас под его скалистым покровом, в многочисленных полых комнатах и туннелях? История Куироги могла показаться его брату странной и неубедительной. И насколько было известно коменданту, поблизости могла находиться целая флотилия советских кораблей, хотя он вряд ли долго в это верил. Но поскольку Пабло знал истинное состояние обороны Деймоса и поскольку его могло высадить туда советское войско, из этого можно было сделать вывод, что Советы также должны были знать, что Деймос беззащитен.

На самом деле история Куироги выглядела настолько необычной, что у Сааведры не было иного выбора, кроме как считать ее правдой. Вопрос был в том, воспользуется ли он тогда последним шансом, который был у Марса и, возможно, у всего человечества? Или же он попытается схватить Брауэрда?

Прошло полчаса. Час. Деймос и корабль-разведчик не отставали друг от друга в своем стремительном беге вокруг Марса. Каждые несколько секунд Боб поглядывал на хронометр на панели. Осталось еще пятнадцать минут. Если Куирога к этому времени не убедит Патрисио, ни один из них не

сможет остановить гибель всего живого на Марсе. Он, Брауэард, не даст им ни секунды больше указанного времени.

Он и так поставил свою миссию в очень опасное положение. Но у него был маленький крючок, на который можно было повесить маленькую надежду. Именно поэтому Сааведра еще не связался с Осорно по поводу советского судна. Если бы он это сделал, на радарах появились бы марсианские корабли.

Осталось десять минут. Брауэрд взглянул на кнопку, которая должна была послать «бич планет» к цели. Он выбрал бы самый короткий маршрут, и ему было все равно, в какую часть Марса попадет бомба. Любое место было для этого одинаково подходящим. «Бич» будет двигаться слишком быстро, и крайне маловероятно, что ракета-перехватчик сможет его уничтожить. Его скорость была бы так велика, что если бы это была обычная ракета или корабль, то они сгорели бы даже в очень разреженном воздухе Марса. Но «бич планет» был заключен в оболочку из интертрона — материала, который мог бы растаять, только если бы долго находился в плотной атмосфере Юпитера.

Осталось пять минут. Брауэрд бушевал и ругался. Неужели ему придется сделать это из-за глупости одного человека или из-за его преданности безумцу или флагу? Три минуты. Стоит ли ждать? Куирога, вероятно, был арестован. Или напрасно спорил с кузеном, и их спор мог бы длиться до Судного дня.

Но внезапно приемник в корабле-разведчике ожил:

— Капитан Брауэрд! Комендант согласен поговорить с вами!

— Хорошо, — сказал Боб, чувствуя, что он весь вспотел и дрожит. — Мы сделаем так, как я сказал. Теперь никаких фокусов. Я буду начеку!

— Даю вам честное слово, пусть Христос поразит меня насмерть, если мы замышляем какое-нибудь предательство.

Американец послал своего разведчика на Деймос, но не обратно в посадочный круг. Он приземлился на выступ скалы, который нависал над портом — если бы аргентинцы напали на него с мобильным лазером, они были бы уничтожены его собственными лучами. Или он смог бы метнуться в

этом случае в сторону, прежде чем они успели бы привести свое оружие в действие, и нырнуть за вершину.

Из ведущего вглубь спутника люка вышли двое мужчин в скафандрах. Они огляделись, заметили корабль Боба, помахали ему рукой и прыгнули в космос. Не сдерживаемые слабой гравитацией Деймоса, они взмыли ввысь, и еще не успев улететь далеко от поверхности, начали управлять гравитационными ранцами, которые были у них на спине и понесли их прямо к разведчику. Брауэрд поднял корабль вверх и снова перевалил через вершину, чтобы убрать его из поля зрения и из пределов досягаемости порта. Секундой позже люди поднялись над этой узкой зубчатой вершиной и приземлились рядом с кораблем.

После осмотра, чтобы убедиться, что у них нет оружия, Боб открыл люк. Более того, он заставил их бросить гравиранцы за пределами корабля, и после того, как они вошли в люк разведчика и лунянин закрыл его, он не сразу открыл внутренний люк. Вместо этого он повел корабль за другую каменную глыбу. Вполне возможно, что в ранцах, помимо гравитационных блоков, содержались и небольшие атомные заряды. Вновь прибывшие могли взорвать себя вместе с кораблем или по крайней мере попытаться это сделать. Взрыв снаружи, вероятно, не повредил бы прочный металл судна, но он мог повредить или разрушить его сенсорное оборудование.

Брауэрд закрыл внешний люк и открыл внутренний ровно настолько, чтобы увидеть двух мужчин внутри.

— Снимите ваши скафандры, — велел он.

— У нас под ними ничего не спрятано, — громко сказал Патрисио Сааведра.

Тем не менее они с Куирогой подчинились. Сааведра оказался высоким, крепко сложенным мужчиной, чье красивое лицо имело фамильное сходство с его двоюродным братом. Волосы у него были гораздо темнее, но глаза оказались голубыми, а нос гораздо более широким.

— Рядом со мной на этом сиденье лежит пистолет, — сказал Брауэрд. — Надеюсь, мне не придется им пользоваться. Мне бы очень хотелось, чтобы мне вообще никогда больше не пришлось пользоваться оружием.

— В истории человечества никогда не было случая, чтобы кто-то где-то его не использовал, — ответил Патрисио. — Но это не повод думать, что будущее должно быть похоже на прошлое. Мы находимся в новой для всего мира ситуации.

— Вы говорите так, как мне хотелось бы, — сказал Боб. — Скажите, какова ситуация на Марсе?

— Я не знаю, какую пользу принесут вам эти сведения, — сказал комендант. — Но я сделаю почти все, чтобы эта бомба — если она вообще существует — не была сброшена. Я...

— Такая бомба существует. Поверьте мне.

— Я не могу позволить себе вам не верить. А как обстоят дела на Марсе? Это совсем не то, чего можно было бы ожидать. — Сааведра вдруг замолчал.

— Что вы имеете в виду? — нетерпеливо спросил Брауэрд.

Патрисио глубоко вздохнул, а потом вдруг выпалил:

— Крысы!

Боб уставился на него непонимающим взглядом.

— Кто такие крысы?

— Крысы. В прямом смысле. Крысы на Марсе.

Лунянин по-прежнему ничего не понимал.

— На Марсе есть крысы, — медленно проговорил Сааведра. — Крысы с Земли. Они находятся на наших базах во всех мыслимых тайниках. И они процветают в том комплексе пещер, который существует под основанием Осорно. Возможно, вы этого не знаете, но Осорно был построен вокруг лабиринта пещер, которые, должно быть, простираются на сотни миль под поверхностью земли. Они были обнаружены, когда база еще только была создана, около двадцати лет назад. Там была атмосфера, хотя и не такая плотная, как на Земле, конечно.

— Вы, аргентинцы, молчали об этом, — сказал Брауэрд, — но до нас доходила кое-какая информация. Вы ведь накачали туда побольше воздуха, не так ли?

— Да. Мы нашли первую коренную жизнь на Марсе. Несколько видов растений, которые процветали без солнечного света. И некоторых очень маленьких существ, не похожих ни на что на Земле. Слепых и безмозглых. А крысы, которые прятались на кораблях, хотя я не представляю, как они это

делали, приспособились жить там и массово размножились. Мы уже давно знаем о них — иногда встречали одну-двух в Осорно. И не только там, но и на других базах, хотя как они туда попали — это еще одна загадка.

— На китайской базе было несколько крыс, — сказал лунянин, — но они были уничтожены. Я верю, что крысы путешествовали в космосе вместе с нами, потому что они во многом похожи на нас. Умные, очень легко приспосабливающиеся, всеядные, любопытные... и порочные.

— Может быть, и так, — сказал Сааведра. — Во всяком случае, они не представляли прямой угрозы. Но с ними что-то случилось — в пещерах под Осорно. Они, должно быть, поймали и съели маленьких существ, которые там процветают. И при этом, должно быть, время от времени эти существа их кусали и заражали своими болезнями. У марсианских животных эта болезнь проявлялась слабо, но в кровотоке крыс микробы мутировали. Такова теория наших ученых. Прежде всего мы обнаружили несколько умирающих крыс в наших кладовых и в некоторых коридорах. Затем один человек заболел неизлечимой болезнью. У него были сильные головные боли и боли в спине, почки горели, его рвало, он попеременно страдал от высокой температуры и от сильного озноба. Его слезные протоки воспалились, и он плакал. А когда заболел второй человек, мы назвали эту болезнь «el fuego de lagrimas» — «пламя слез». Поскольку крысы были под подозрением, мы предприняли кампанию по их уничтожению. Мы убили тысячи грызунов, но я сомневаюсь, что нам удалось уничтожить всех. Это такие хитрые создания, они так страстно хотят жить. К тому времени болезнь уже распространялась от одного человека к другому. Она появилась на всех базах. Я думаю, что она развивается медленно, что многие, должно быть, были заражены до того, как появились серьезные симптомы.

— Это смертельно?

— Один человек из двадцати уже умер, — ответил Сааведра. — А остальные обездвижены. Те, кто выздоровел, очень слабы. Правда, два человека из десяти, похоже, не пострадали. Но они очень заняты и перегружены заботой о больных.

— Значит, Марс повержен?

— Как будто его ударила рука Божия, — сказал Куирога.

— А почему он должен был ударить нас? — сердито отозвался его кузен. — Мы не атеисты. Если бы он хотел кого-нибудь наказать, то это были бы безбожные Советы.

— Я бы сказал, что он — если он и правда это сделал — ударил в основном по Земле, — ответил Брауэрд. — И он не пощадил советские войска на Луне, хотя им он нанес ущерб, заставив их убивать друг друга. То есть если он посчитал необходимым вмешаться.

— До сих пор болезнь не появилась на Деймосе, — сказал Патрисио и перекрестился. — Да сохранит нас здесь Господь!

— Сколько у вас здесь людей? — спросил Боб.

— Десять. Советские и южноафриканские атаки заняли много времени. А после болезни всех, кроме десяти, перевели обратно на Марс.

— Куирога рассказал вам о моем предложении?

— Да. Я думал, что он сошел с ума, но он убедил меня. То есть, скорее, меня убедил тот факт, что вы спасли ему жизнь, когда в этом не было необходимости, и что вам не нужно было просить о помощи, чтобы выполнить свою миссию. Вы должны ненавидеть своего вождя и идеологию Советов так же, как я ненавижу этого сумасшедшего Говардса и его антихристианскую политику.

Брови Брауэрда поползли вверх.

— Да, Говардс всегда выдавал себя за христианина, — пояснил Сааведра. — Но он сотрудничал с Церковью, только когда это его устраивало. Там, где Церковь сопротивлялась, Говардсу всегда удавалось избавиться от оппозиции. Конечно, всегда в тонкой или скрытой манере. Но мой брат, священник, был одним из тех, кто был убит — случайно, — когда он высказался против того, чтобы Говардс запер папу римского в его доме.

— Вы готовы сотрудничать со мной? — спросил Брауэрд.

— Похоже, это наше единственное спасение. Но какая у меня гарантия, что ваш командир не поработит и не убьет нас?

— У меня тоже нет никаких гарантий, что вы не предадите меня, — сказал Боб. — Но я планирую избавиться от своего шефа точно так же, как вы планируете ликвидировать

своего. Для этого мне может понадобиться ваша помощь. Во-первых, поклянетесь ли вы своей честью и своим Богом?

— Я готов поклясться. И действительно клянусь.

— Тогда вот что мы должны сделать.

Через несколько часов корабль-разведчик вернул обоих аргентинцев в порт. Затем Брауэрд поднял свое маленькое судно с марсианского спутника и на предельной скорости швырнул его в ту область, куда его направил навигационный компьютер. Это заняло полтора часа. Затем его радио автоматически передало заранее записанный кодовый вызов.

Несколько минут, которые потребовались радиоволнам, чтобы добраться до места, где должен был находиться корабль с автоматическим ретранслятором, заставили Брауэрда понервничать. Затем он стал еще более нетерпеливым, считая минуты, которые понадобятся волнам, чтобы вернуться на его корабль с сообщением, что код был обнаружен, усилен и отправлен на корабль, предположительно ожидающий вблизи Луны.

С тех пор как американец прибыл в окрестности Марса, Земля оказалась по другую сторону солнца и была лишена прямой связи с красной планетой. Корабль с ретранслятором следовал за Бобом — лунянин надеялся, что это судно заняло позицию, где оно могло принимать и передавать сообщения как с корабля-разведчика, так и с Луны. Точно по расписанию приемник Брауэрда ожил. Его сигнал был принят и отправлен в путь. Боб, не желая больше ждать, изложил свой рапорт в кодовой форме, которую он подготовил еще во время полета. Этот рапорт должен был быть передан дальше, и Скоун смог бы переварить услышанное, а затем задать свои вопросы.

Медленные мучительные мгновения заставили американца сжаться. Что, если кто-нибудь на Луне мог принять его сигнал? Что, если топоры одержали победу и теперь пытаются расшифровать код?

— Брауэрд! — послышался вдруг голос Скоуна, говорившего по-английски, и Боб чуть не вскрикнул от радости. Тот факт, что Скоун не использовал код, указывал на то, что угрозы флота топоров больше не существовало. — Брауэрд!

Мы получили твой отчет. Итак, Марс мертв! Отлично сработано. Но ты уверен, что бомба нанесла именно тот ущерб, который должна была нанести? Ты сказал, что доставил бомбу, что она вызвала ожидаемый хаос в земной коре Марса и что базы на поверхности, по-видимому, разрушены. Но как быть с любыми кораблями топоров, которые могли находиться в полете в момент взрыва бомбы? И как насчет Деймоса и Фобоса? Неужели они все еще заняты врагом? Сначала ты их исследуешь. Затем совершишь посадку на Марс и осмотришь базу Осорно. После этого вернешься в точку, где сможешь связаться с ретранслятором, и отправишь нам отчет. Мы должны быть уверены. А пока сообщаю тебе, что мы полностью разгромили армаду топоров. Все корабли были выведены из строя, за исключением двух эсминцев. Они ускользнули от нас и, вероятно, находятся на обратном пути к Марсу. Следи за ними. Избегай их, если увидишь. Обрати внимание, в каком направлении они движутся — пока они существуют, мы не можем дышать легко. Мы понесли тяжелые потери, одержав победу. Ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил Брауэрд. — Но прежде чем я вернусь на Марс, я хотел бы поговорить с моей женой. С ней ведь все в порядке, правда?

Снова потянулись почти невыносимые секунды ожидания.

— Брауэрд! — снова раздался голос Скоуна. — Брауэрд! Мне не нравится, что ты не подчиняешься моим приказам. Но в такой великий момент триумфа я склонен не обращать на это внимания. Тем более что ты действительно выполнил миссию, от которой так много зависело. Но к сожалению, ты не можешь поговорить со своей женой. Или с моей, что одно и то же. Что я хочу этим сказать? Только это. Может, ты знаешь, а может, и не знаешь, но теперь закон гласит, что каждый мужчина должен иметь пару, даже если это означает, что для этого одна женщина должна иметь двух или более мужей. Так что я сказал Ингрид Нашдой, что она должна стать женой нам обоим. Она отказалась и поэтому сейчас находится под арестом. Я уверен, что позже она передумает. Она просто с трудом приспосабливается к новым путям, неизбежным из-за сложившихся условий. Как только она преодолеет свою иррациональность и увидит логику

закона, она согласится. Может быть, ты хотел бы поговорить с ней и попытаться заставить ее образумиться?

По меньшей мере с минуту Брауэрд молчал, не сводя глаз с приемника, словно не мог поверить своим ушам. Затем, с ярко-красным лицом, он стал выкрикивать ругательства и угрозы. Вены на его шее превратились в пурпурные столбики. Он потряс кулаком, выудил из памяти все грязные обзывательства, какие только мог придумать, и рассказал Скоуну о своих истинных чувствах по поводу его методов и философии, хотя и не сказал, что собирается делать на Марсе. Наконец, тяжело дыша, со слезами на глазах, Боб прекратил свою тираду. Он не стал дожидаться ответа от полковника, потому что почти не сомневался в том, что услышит. Отныне, по его мнению, у Скоуна на руках была еще одна война. Позже, когда Брауэрд немного остыл, он понял, что отреагировал именно так, как хотел лунный правитель. Опять же, этот хитрый тигр убил двух птиц одним камнем — смешанная метафора, которая оказалась правдой. Скоун уговорил Брауэрда выполнить для него задание, а потом избавился от него. Он поставил Ингрид в такое положение, что, отвергнув его, она нарушила жизненно важный закон. И именно этим фактом он воспользовался, чтобы подтолкнуть Боба к открытому восстанию. Он явно рассчитывал, что, когда Ингрид потеряет надежду снова увидеть Брауэрда, она решит принять Скоуна.

В конце концов, разве полковник был сейчас не на равных с величайшими завоевателями и императорами прошлого? Он был лидером по крайней мере девяноста процентов человечества и управлял всеми ими прямым и мощным кулаком.

Это не совсем так, сказал себе Брауэрд. Во-первых, Скоун несколько раз убивал только одну птицу, даже если думал, что убьет обеих. Да, Боб вернулся с Земли с бомбой, но Мойше Яманучи был жив и имел прекрасное будущее. Более того, вопрос о Марсе так и не был решен, так что полковник, возможно, был далеко не так умен, как ему казалось.

Так Брауэрд утешал себя, но такие минуты чередовались с беспокойством о том, что будет с Ингрид и с гневом на Скоуна. А потом в поле его зрения появился Деймос, и с тех

пор он был слишком занят, чтобы думать о Скоуне или о своей жене.

Как Боб и планировал, он повел разведчика на дно очень узкой расщелины на той стороне спутника, которая была обращена к Марсу. Пока шар Деймоса угрожающе висел над ним и, казалось, падал прямо на него, лунянин вводил в систему управления судном новую программу. Наконец, сверившись с инструкциями, он надел скафандр и покинул корабль. Люк закрылся за ним, и он проверил эффективность своих команд, направив на него излучатель размером с карандаш — кодированные частоты были приняты, и люк распахнулся.

Затем Брауэрд с помощью своего гравиранца поднялся из расщелины и помчался над поверхностью спутника, похожей на видение из ночных кошмаров, к месту назначения. Он не беспокоился о том, как снова обнаружит корабль. Чтобы вернуться назад, ему нужно было облететь диск спутника на достаточно большом расстоянии от него и послать радиосигнал с помощью карандашного передатчика — Боб был уверен, что он покроет весь район. Корабль, уловив сигнал, поднялся бы из расщелины и двигался бы вверх, пока не окажется в пределах видимости пилота.

Недалеко от порта, где он оставил двух аргентинцев, Брауэрд нажал кнопку активации. Люк открылся, и он шагнул внутрь. Куирога и Сааведра, одетые в военную форму, уже ждали его.

— Я счастлив, что вы вернулись, — сказал Патрисио. — Честно говоря, у меня были сомнения...

— Все ли готово к тому, чтобы мы могли взлететь? — спросил Боб.

Они зашагали по коридору, и Сааведра стал рассказывать:

— События развиваются даже лучше, чем я надеялся. Как будто кто-то помогает нам. Вскоре после вашего отлета мы получили сообщение из Осорно. Нам сказали, что приближается шлюпка с припасами — этого мы и ожидали. Но также оказалось, что мы должны отправить половину нашего персонала обратно на Марс, чтобы помочь ухаживать за больными или заменить тех, кто заболел. Так что нам не придется придумывать предлог, чтобы спуститься на Марс.

— Сработала ли моя идея заменить меня одним из ваших людей? — спросил Брауэрд.

Патрисио рассмеялся:

— Я послал своего двоюродного брата и специалиста по электронному обслуживанию в отдаленный сектор с приказом починить там кое-какое оборудование. Пабло вырубил своего напарника и запер его в комнате с едой и водой. А перед этим снял с бедняги униформу, идентификационные жетоны и карточки. Сейчас Пабло ждет в другой комнате. Но обмотает вам лицо бинтами.

Они прошли по нескольким коридорам, после чего Куирога и Брауэрд вошли в пустую казарму, а Патрисио продолжил свой путь. Здесь лунянин заменил свою одежду формой Хуана Педро Мэлори. Комендант был достаточно предусмотрителен, чтобы выбрать жертву таких же размеров, как у Боба, так что форма сидела на нем почти идеально.

— Тесновато в груди, — сказал Боб. — Но сойдет и так.

Куирога взял несколько бинтов. Брауэрд сел в кресло и позволил молодому человеку наложить ему повязку. Когда работа была закончена, лицо Боба было полностью закрыто, за исключением глаз.

— Предполагается, что вы попали в аварию во время ремонта оборудования, — объяснил Пабло.

— Вообще-то это была моя идея, — хмыкнул американец.

— Простите. Я так говорю от волнения. Это помогает. Но послушайте. Люди, которые пойдут с нами, будут заранее предупреждены о вас — то есть о Мэлори. Во время полета ложитесь и притворяйтесь больным. Если кто-нибудь спросит вас о чем-нибудь, просто стоните. Или можете что-нибудь пробормотать. Вы говорите по-испански понятно и бегло, но акцент выдаст в вас иностранца.

— А что будет, когда мы доберемся до Осорно? У нас не будет никаких проблем связаться с этим генералом Миером, о котором вы говорили?

— Надеюсь, что нет.

— На что ты надеешься? — поинтересовался вошедший в комнату Сааведра.

Куирога объяснил, о чем шла речь, и полковник кивнул:

— Это единственный человек, обладающий достаточной властью, чтобы помочь нам.

— Я тоже на это надеюсь, — сказал Брауэрд по-испански. — И могу также сказать вам, что у нас есть, — он взглянул на свои наручные часы, — двадцать четыре часа. Если мы не вернемся сюда к тому времени, то все мы будем мертвы в течение короткого времени после этого.

Сааведра подошел к Бобу и схватил его за запястье.

— Что вы делаете? — удивился тот и начал подниматься.

— Я не нападаю на вас, — ответил Патрисио. — Дайте мне свои часы. У нас тут нет ничего подобного. Вы же не хотите, чтобы кто-нибудь расспрашивал вас об этом, не так ли?

— Спасибо, что обратили на это внимание. Нет, я бы точно этого не хотел. Но разве вы не слышали, что я сказал?

— Да. Что вы имеете в виду? — ответил Сааведра.

— По истечении этого времени корабль автоматически покинет свое укрытие и приступит к выполнению своей миссии по доставке бомбы.

— Dios mio! Зачем вы это устроили?!

Брауэрд мрачно улыбнулся.

— Я многим обязан своим людям. Кроме того, мне нужна была страховка, чтобы вы выполнили свою часть сделки. Кстати, не посылайте людей искать мой корабль, пока нас не будет. Его приемники активны. Если кто-нибудь, кроме меня, приблизится к нему, он взлетит сам. И даже я тогда не смогу его найти.

— Я дал вам слово, — сухо произнес Патрисио.

Боб пожал плечами:

— В обычное время этого было бы достаточно, уверяю вас. Но на карту поставлено слишком многое. Ну что, пойдем?

Полковник кивнул, и они направились в его кабинет. Здесь лунянина уже ждала спортивная сумка Мэлори. Брауэрд поднял ее, заметив любопытные взгляды сопровождавшего их сержанта, но тот, однако, ничего не сказал. Сааведра так рассчитал время их прибытия в порт, чтобы оно совпало с высадкой корабля снабжения. Он не хотел, чтобы другие люди, которые должны были сопровождать их, слишком близко подходили к Бобу. В конце концов, некоторые

из тех, кто хорошо знал Мэлори, могли заметить, что у Брауэрда не такая, как у Хуана, походка и жесты. Такие моменты помогали распознать человека так же хорошо, как и все остальное.

Их ждала неизбежная задержка. Офицер, командовавший кораблем снабжения, должен был доложить об этом полковнику. Нужно было выгрузить груз, и Патрисио должен был подписать разные отчеты о том, что он получил все перечисленные товары. Он сделал это быстро — так быстро, что офицер снабжения даже пошутил о прежней тщательной и трудоемкой проверке Сааведрой поступающих материалов:

— Возможно, вы хотите поскорее избавиться от нас, чтобы не подхватить «пламя слез».

— Это маловероятно, — холодно ответил полковник. — Я возвращаюсь вместе с вами к источнику инфекции.

У офицера отвисла челюсть.

— Возвращаетесь назад? — переспросил он. — Я не знал, что у вас есть приказ вернуться. А кто вас сменит?

— Это вас не касается, но я вам отвечу. Я назначил лейтенанта, который возьмет все на себя. А сам я нужен в Осорно. Этого вам должно быть достаточно.

Офицер покраснел, но больше ничего не говорил, разве что по долгу службы.

На корабле снабжения Брауэрд последовал за Куирогой и Сааведрой в маленькую каюту, расположенную в центре корабля. Если кому-то и показалось странным, что рядовой сидит рядом с офицерами, никто об этом не сказал. Теперь почти не было шансов, что кто-нибудь что-то заметит. Летный офицер подошел проверить, все ли пассажиры находятся в стазисных зонах. Через несколько минут раздался сигнал взлета. Пилот дал несколько указаний и предупреждений, и они направились к Марсу, а через двадцать минут уже были в порту Осорно.

— Следуйте за мной, — сказал Сааведра. — Я сам со всем разберусь. — Он посмотрел на свои наручные часы и покачал головой. Как и Боб с Пабло, полковник не мог отвлечься от мыслей о корабле, ожидающем автоматических инструкций в определенное время. Каждая секунда на шаг приближала их к Судному дню.

Сердце Брауэрда бешено колотилось от такой близости со столь многими врагами. И в то же время ему было любопытно. Ему всегда хотелось узнать, как выглядит великая база Осорно. Этот порт, например, был огромен. В нем было по меньшей мере пятьдесят отдельных входов для кораблей. После того, как один из них сел, в отдельный порт был закачан воздух, который затем нагрелся до нужной температуры. Люди покинули судно и поднялись по широкому трапу в длинный каменный коридор. Он вел в комнату шириной не менее пятисот метров и высотой не менее пятидесяти. Вокруг него были расставлены столы, но только несколько из них были заняты людьми.

В самое ближайшее время прибывшие с Деймоса прошли в эту комнату. Дежурный сержант, выглядевший так, словно он совсем недавно был очень болен, встретил их вопросами:

— Это лейтенант Куирога? Тот человек, кто единственный выжил на «Де Росас»? Он должен немедленно явиться в военную разведку.

— Мой кузен прислал отчет, — пробормотал Пабло, обращаясь к Брауэрду. — Очевидно, они хотят поговорить со мной лично.

Сержант сурово посмотрел на Боба и на его забинтованное лицо, но Сааведра предупредил его новые вопросы:

— Он обжег лицо — несчастный случай.

— Тогда на его месте я был бы осторожен, — ответил сержант. — Люди с ожогами очень восприимчивы к болезни слез. Он должен немедленно явиться в отделение госпиталя номер десять.

— Я прослежу, чтобы Куирога и Мэлори выполнили приказы, — сказал полковник.

Он жестом позвал своих спутников за собой, и они встали в очередь. Сааведра очень быстро вышел из большой комнаты и двинулся по длинному коридору с высоким потолком, пока не добрался до лифта. Брауэрд нес и свою сумку, и чемодан Патрисио, но в условиях слабой гравитации Марса это был не тяжелый груз. Войдя в лифт, полковник приказал двум рядовым, которые только что подошли к нему, удалиться:

— Садись в следующий лифт. У нас очень важное дело.

Оба солдата ушли без возражений. Сааведра нажал на кнопку, и двери закрылись.

— Снимите эти бинты, пока мы будем спускаться, — сказал он. — Пабло, помоги ему. Очень жаль, что вам пришлось пообщаться с разведкой, потому что они могут задаться вопросом, где вы находитесь, и начать расследование. С другой стороны, они могут не получить известий о том, что вы здесь уже давно или что вы вообще никогда тут не были. Это зависит от нашей удачи и от намерений Бога.

Брауэрд сунул бинты в сумку как раз в тот момент, когда лифт остановился. Он вышел вслед за остальными в огромную квадратную комнату, вырубленную в камне — слишком большую, чтобы ее можно было так назвать. Это была почти пещера. Освещение в ней обеспечивали люминесцентные панели, как и на Луне. Вдоль дальней стены стояло несколько построек, сложенных из блоков какого-то красного материала.

— Школа и резиденция учителей, — сказал Сааведра, указывая на маленьких детей, играющих рядом с этими домиками на качелях. — Блоки сделаны из пьедрас-де-каре.

— То, что мы называем пенным камнем, — сказал лунянин. — У нас тоже есть такие на Луне.

Полковник снова взглянул на часы.

— Обычно мы можем пройти по залам и площадям незамеченными. Но сейчас здесь так много больных, что любой, кто путешествует на своих собственных ногах, бросается в глаза. Тем не менее нам придется подойти к кабинету генерала Миера так, словно у нас там дела.

Брауэрд удивился, что единственным способом куда-то добраться здесь было путешествие на своих двоих. В этот момент из коридора в большой зал — или на площадь — выкатилась маленькая машина. Она состояла из одной лишь легкой рамы, на которой были установлены электрический двигатель на топливных элементах и четыре ковшеобразных сиденья. Мотор приводил в движение два передних колеса, а также действовал как тормозная сила.

Сааведра окликнул водителя, который оказался оператором общественного такси. И, как он сам рассказал им, болтая на таком провинциальном испанском, что оба аргентинца, не говоря уже о Бобе, с трудом понимали его, он был единственным таксистом, оставшимся в Осорно. Остальные

либо были призваны в госпиталь, либо сами слишком тяжело болели, чтобы работать.

Полковник дал ему адрес — не совсем правильный, но недалеко от нужного им места. Проехав несколько разных коридоров и один раз спустившись по извилистому пандусу на нижний уровень, такси остановилось. Патрисио подписал кредитный чек, и машина бесшумно покатила прочь. Все трое прошли мимо нескольких казарм — все они казались пустыми, — а затем остановились перед трехэтажным зданием из пенного камня, на фасаде которого висел флаг Аргентины.

— Если разведка ищет трех человек, — сказал Сааведра, — то лучше, чтобы только один из нас отправился туда и навел справки. Естественно, говорить с генералом придется мне, поскольку я единственный, кто может претендовать на то, чтобы быть его другом. Если все пойдет хорошо, я пошлю за вами.

Он ушел всего на минуту и вернулся с озабоченным видом.

— Внутри был только один дежурный, капрал, — рассказал Патрисио. — Он сказал мне, что Миер болен и лежит в своем жилище. Жена Миера умерла, да примет Господь ее душу. Она была нежной женщиной, прекрасной леди, матерью трех сильных сыновей и одной красивой дочери.

Брауэрд предположил, что вместо того, чтобы идти пешком или ждать, пока такси вернется в это место, они захватят один из военных джипов, припаркованных неподалеку. Не успел он сказать об этом — и все было сделано. Проблемы с ключами от зажигания не возникло, поскольку этим машинам ключи не требовались. Очевидно, властям и в голову не приходило, что кто-то может угнать их в этом маленьком и сплоченном сообществе. Или, может быть, наказание за кражу здесь было настолько суровым, что такие преступления случались редко.

Через две минуты они свернули на самую большую «площадь» и припарковались перед одним из вездесущих кубов из пенного камня. Полковник постучал в дверь квартиры на первом этаже. Никто не ответил, и он толкнул дверь. Первая комната была обставлена по лунным меркам роскошно:

ее заполняла мебель конца девятнадцатого века, которую, должно быть, привезли из поместья Миера в Аргентине.

— Генерал! Вы дома? — позвал Патрисио. — Это полковник Сааведра.

Слабый голос пригласил их войти в спальню. Они прошли через большую столовую и двинулись дальше по коридору, в комнату, из которой доносился этот голос.

Миер лежал в постели. Это был темнокожий мужчина лет пятидесяти пяти, лысый, с грубым лицом и орлиным носом. В другое время он производил бы сильное впечатление, но теперь его трясло, и его зубы стучали. По щекам у него текли слезы.

— Генерал Миер! — обратился к нему Сааведра. — Неужели о вас никто не заботится? Где ваша дочь, ваши сыновья?

— Двое моих сыновей мертвы, — сказал генерал. — А куда отправилась дочь, знают только Бог и дьявол. Вернее, только дьявол, потому что я думаю, что она стала одной из секретарш Говарда.

— Nombre de Dios! Вы имеете в виду?..

Миер кивнул, а потом его голова затряслась — он не мог перестать кивать. Наконец, совладав с собой, он сказал:

— Когда Карлоте было приказано отчитаться этому злодею, я понял, что все дело было в ней. Я позвонил Говардсу и попросил, чтобы ей позволили остаться дома и ухаживать за мной. Но он отказался. Он сказал, что она нужна государству. Государству! L'Etat, c'est Howards! Карлота — красивая девушка, и этот зверь увидел ее и возжелал. Он осмелился взять ее только потому, что я болен и он думает, что я скоро умру. О, если бы только мой сын, единственный оставшийся в живых, мой храбрый сильный Улисс, был здесь! Он сделает то, для чего я слишком слаб. Он отомстит за нашу честь.

— Мы отомстим за вас! — воскликнул Сааведра. — Но было бы бессмысленно пытаться штурмовать дом Говардса только втроем. Мы не добьемся ничего, кроме собственной смерти.

— Если бы я мог ходить, если бы я мог держать оружие, — сказал Миер, — я бы вошел в это здание один. Я стрелял бы, пока они не убили бы меня. По крайней мере, я бы показал им, что отец Карлоты Миер не трус и не тот человек, к которому можно относиться легкомысленно.

— Никто не сомневается в вашей храбрости, — сказал полковник. — Но мы здесь для того, чтобы сделать нечто еще более важное — если вы позволите мне так выразиться — чем убрать пятно с вашей семейной чести. Мы здесь для того, чтобы спасти Марс. Спасти человечество.

— Я не понимаю, — ответил Миер, стуча зубами.

Патрисио рассказал ему все так быстро, как только мог, коснувшись лишь самых важных событий, которые привели его с Пабло и Бобом сюда.

— Пресвятая Матерь Христова! — воскликнул генерал. — Мой Улисс был с флотом, посланным на Луну! Молодой человек, вы янки, вы говорите, что два наших корабля спаслись? Это эсминцы?

— Совершенно верно, — подтвердил лунянин.

Миер немного приподнялся с подушек, но тут же упал обратно.

— Тогда есть еще шанс, что мой Улисс жив. Он был на эсминце.

— Будем надеяться, — ответил Брауэрд. — И если наши планы сработают, ваш сын может дожить до ста лет или даже больше. И у вас может быть много прекрасных внуков.

— Есть только один выход, — сказал больной. — Мои друзья, те, кто был обижен Говардом, те, кто ненавидит его только за то, что он есть, — они должны помочь нам.

Сааведра предложил несколько имен, но на каждое из них генерал отрицательно качал головой. Нет. Этот был мертв. Нет. Тот был на Фобосе. Нет. Этот был болен еще тяжелее, чем он, Миер. А этого вообще нельзя назвать человеком — его сильно обидели, но он любил свою никчемную жизнь больше, чем самоуважение.

Патрисио снова взглянул на свои наручные часы.

— Разве нет никого, чтобы помочь нам? Конечно...

— Есть его святейшество, — сказал Миер.

— Но он же священник, — возразил Сааведра. — Что он может сделать?

— Подождите минутку, — сказал Брауэрд. — Папа римский сбежал с Земли? Он теперь здесь?

— Да, только это не святой Пелагий Третий, — сказал Куирога. — Он был в Буэнос-Айресе, когда взорвались бомбы.

Нынешним папой стал отец Вонхейдер, епископ Марса. Он принял понтификат, на что имел право, и имя Сириций Второй. Святой Сириций, его тезка, был тридцать восьмым папой.

— У нас нет времени на церковную историю, — сказал полковник. — Я признаю, что у Папы Римского есть причины желать, чтобы его светским правителем был не Говардс, а кто-то другой. Теперь уже всем ясно, что Говардс хотел бы, чтобы все оставшиеся в мире священники умерли. А их осталось всего тридцать. Но он не посмеет открыто выступить против них — тогда он получит бунт.

— Так вот же вам и ответ! — неожиданно воскликнул Брауэрд.

Пораженные, трое аргентинцев уставились на него.

— Что вы имеете в виду?

— Послушайте, я знаю, что вам не понравится то, что я собираюсь предложить, — сказал Боб. — Но отчаянная ситуация требует быстрых и отчаянных мер. Вы не можете позволить себе быть щепетильными. А что, если кто-то из вас анонимно позвонит Говардсу? Скажет ему, что папа замышляет возглавить восстание против него, так как боится, что Церковь находится в смертельной опасности, может погибнуть навсегда? Тогда Говардс будет вынужден арестовать Сириция. И когда это произойдет, вы сможете получить некоторые быстрые действия и поддержку от тех, кто до сих пор сдерживался. Они не посмеют не сражаться — их души будут в опасности, если они это сделают.

— Ты сумасшедший, советский атеист! — взорвался Сааведра. — Мы, по-твоему, должны предать святого отца, чтобы спасти свою жизнь? И потерять наши души?

— Я бы и не подумал об этом, — сказал Куирога. Лицо его было совершенно белым.

Слабеющий голос Миера, казалось, зародился где-то в глубине его легких и затих, не долетев до губ. Брауэрд склонился над ним.

— Не пытайтесь втянуть святого отца в подобную ситуацию, — прошептал генерал. — Он не будет вашим орудием. Но идите к нему, поговорите с ним. Может быть, он сможет что-нибудь предложить. Он очень мудрый и очень сильный

человек. И здесь много набожных католиков. Первоначально Говардс послал сюда высокопоставленных потенциальных нарушителей спокойствия, многие из которых были католиками, чтобы избавиться от них. Но это было еще до того, как он сам решил сюда приехать. Святой отец был одним из тех, кого он перевел на Марс. Поговорите с ним. Возможно...

— С ним все в порядке? — спросил Сааведра, кивая на Миера.

— Я думаю, он умирает, — ответил Боб и отодвинулся, чтобы позволить полковнику приблизиться к генералу. Но больной вдруг заговорил достаточно громко, чтобы его услышали все:

— Ау de mi! Спасите мою дочь! Спасите...

А потом раздался хрип, у генерала отвисла челюсть, и он вытаращил глаза.

Патрисио прикрыл его лицо простыней и заплакал.

— Он был моим другом! — всхлипнул он. — Он был храбрым человеком!

Куирога уже снял трубку и пытался дозвониться до священника, но Брауэрд нажал на кнопку, которая выключила телефон.

— Мы пойдем в дом папы римского, — сказал он. — Нельзя терять время впустую.

— Но мы будем под наблюдением, — заметил Сааведра. — Как только мы войдем, разведка все узнает. Им будет нетрудно опознать Пабло и меня. И небольшая проверка покажет им, что мы вышли из порта с третьим человеком, чье лицо было забинтовано. Этого им будет достаточно для расследования. Они не теряют времени даром.

— И что же вы предлагаете? У нас тоже нет времени, мы не можем позволить себе проиграть, — возразил Боб.

Оба аргентинца выглядели теперь совершенно беспомощными.

— Я пойду туда, — сказал Брауэрд. — Не останавливайте меня. Вы знаете, что произойдет, если вы это сделаете.

Патрисио достал из кармана носовой платок и вытер глаза.

— Очень хорошо, — сказал он. — Мы пойдем с вами. Да поможет нам Бог, больше мы ничего не можем сделать.

По дороге Сааведра сказал:

— Пока нам повезло, что нас не остановил бродячий ангел. Эти «ангелы» — личная армия Говардса и его секретная служба. У них есть много привилегий, которыми они злоупотребляют. Одна из них — право останавливать и допрашивать любого гражданина, которого они посчитают подозрительным. Они делают это довольно часто и используют это, чтобы получать взятки.

Они ехали по большим и маленьким коридорам. На пересечениях туннелей были подвешены к потолку таблички, указывающие названия и расположение уровней с востока на запад или с севера на юг. Сааведра был знаком с этим участком, так что ему не пришлось пользоваться имеющимися в джипе картами, но он признался, что в Осорно есть много мест, где он мог бы заблудиться без их помощи.

— Когда этот город — если можно назвать его городом — расширится за счет остальной части комплекса пещер, плюс будут еще проделаны дополнительные углубления, его население составит два миллиона человек, — сказал Патрисио. — Но еще один комплекс пещер, даже более крупный, чем этот, был обнаружен всего в сотне километров отсюда. Когда их полностью колонизуют и соединят, население будет больше, чем было в Буэнос-Айресе.

Джип остановился перед рядом дверей лифтов. Полковник нажал кнопку на панели автомобиля, и дверь прямо перед ними открылась. Джип въехал внутрь, после чего Куирога вышел из машины и нажал на кнопку «вниз».

— Если Осорно станет великим городом, — сказал Брауэрд, — его будет преследовать мысль, что когда-нибудь на эту планету может быть сброшена еще одна бомба, подобная той, что сейчас находится над Марсом. Если мы добьемся успеха здесь, я намерен уничтожить бомбу, которая сейчас существует. Но люди, которые ее создали, все еще живы, и они смогут сделать другие. Если они выживут на Земле под водой и когда-нибудь выберутся оттуда, они станут угрозой для всего человечества.

Лифт остановился, дверь открылась, и джип выехал на третий этаж.

— Уничтожьте бомбу, сбросив ее на Землю, — сказал Сааведра. — Тогда вы убьете сразу двух зайцев. Бомба и

знание того, как ее сделать, перестанут существовать в одном взрыве.

— Я не могу этого сделать, — покачал головой Боб. — Как я могу быть уверен, что там будет создана еще одна бомба или что она будет использована? Кроме того, я уверен, что на Земле есть и другие места под поверхностью и под морями, где живут другие, можно сказать, ни в чем не виновные люди. Они тоже погибнут.

— Человек всегда жил под угрозой уничтожения в той или иной форме, — сказал Куирога. — В древние времена это был гнев Божий или чума, а потом атомные бомбы, но каким-то образом ему удалось выжить.

— Его удача может иссякнуть в любую минуту, — ответил Брауэрд и вдруг воскликнул: — Ох, кто это?

Они покинули лифтовую кабину и въехали по длинному туннелю на огромную площадь. Теперь к ним приближался джип с тремя мужчинами и с завывающей сиреной. Двое из этих трех человек были вооружены автоматами.

— Ангелы, — сказал полковник Сааведра. — Вы заметили, что здесь очень мало машин? Так всегда бывает. Вон то неоготическое здание — резиденция Говардса. Для любого человека выйти на эту площадь — значит бросить вызов Эль Мачо. А сам он ничем не рискует.

— Если они попытаются взять нас под стражу, стреляйте, — сказал Брауэрд и кивнул в сторону другого здания на другой стороне площади от особняка Говардса. Судя по описанию полковника, это был дом папы римского. — Мы попытаемся убежать вон туда.

— И что тогда? — пробормотал Куирога.

Боб остановил автомобиль. Машина ангелов развернулась боком и остановилась прямо перед его джипом. Ехавшие в ней люди, одетые в белую униформу с большим количеством золотых плетеных шнурков, вышли, и один из стрелков обошел джип сзади, чтобы прикрыть его. Офицер подошел к джипу со стороны водителя, то есть Брауэрда, а второй стрелок остался возле своей машины.

— Давайте посмотрим ваши документы и разрешение на поездку, — сказал офицер. Это был невысокий и очень мускулистый человек с жестким лицом.

— Мы только что прибыли с Деймоса, — ответил Патрисио. — Мне ничего не говорили о местных разрешениях на поездки.

— Ваши документы, — резко сказал офицер.

Боб сунул руку в карман комбинезона.

— У меня есть разрешение, капитан, — сказал он. — Я не считал нужным обременять полковника знанием об этом.

В его словах не было логики, но он говорил, чтобы отвлечь ангела. Капитан протянул руку, чтобы взять у него бумаги, и Брауэрд нажал на маленький рычажок на предмете размером со спичечный коробок, который он держал в руке. Проверяющий, у которого судорожно сжалось сердце, упал на землю.

Боб резко развернулся и поймал двух других ангелов одним взмахом луча. Человек, стоявший у джипа, сразу же упал, а его коллега, оставшийся позади, вскинул автомат к плечу, чтобы выстрелить, но затем тоже рухнул лицом вперед на свое оружие.

— Вырубите их, — громко приказал американец. — Быстро. Они почти сразу очнутся.

Он выпрыгнул из джипа и ударил ребром ладони по толстой шее капитана, который как раз поднимался с земли. Действуя так, словно это было заранее спланировано, полковник потащил ближайшего к нему ангела к служебной машине. Он поднял колено вверх, чтобы ударить им приходящего в себя человека под подбородок. Ангел упал навзничь и ударился затылком о колесо. Куирога же пнул пулеметчика, упавшего позади джипа, в живот.

Брауэрд посмотрел через площадь в сторону дома Говардса. Площадь была пуста, и из особняка никто не выходил. Казалось невероятным, что никто не заметил драки. Но так оно и было.

Под руководством Боба ангелов затащили на заднее сиденье джипа.

— Куирога, отгоните их джип в коридор, — скомандовал лунянин. — А я отвезу туда нашу машину.

В коридоре, вне поля зрения всех на площади, Боб начал раздевать капитана. Остальные последовали его примеру и стащили форму с каждого из ангелов.

— Что будем с ними делать? — спросил полковник и посмотрел в сторону туннеля, ведущего к лифтовой камере.

— Почему я об этом не подумал? — простонал Брауэрд. — Давайте выйдем отсюда и сядем в лифт. Там и проведем обмен униформой.

Они загнали джипы в туннель, а оттуда в соседнюю комнату, а затем затащили потерявших сознание людей в лифт в самом конце этого помещения. Куирога отправил кабину вниз, а затем снова принялся снимать с себя одежду. Несколько раз он останавливался, чтобы повернуть лифт в обратном направлении.

— Это ваше маленькое оружие — удивительное устройство, — сказал Патрисио, тяжело дыша. — Насколько мне известно, ничего подобного у нас нет.

— Оно сравнительно новое, — ответил Брауэрд. — Но оно эффективно только на близком расстоянии, и атака длится лишь до тех пор, пока луч направлен на жертву. Кроме того, это отнимает много энергии. Мне кажется, в нем осталось не больше одного заряда.

Наконец, они переоделись. Один ангел застонал, и Боб сильно ударил его ногой по голове.

— Остановите лифт на том уровне, где мы вошли, — сказал он лейтенанту. — Нам нужно найти что-нибудь, чтобы держать дверь открытой, пока мы отправим этот лифт обратно наверх. Ну и бросьте потом этих людей в шахту.

Кабина остановилась, и ее дверь скользнула в сторону. Держа одного из рядовых ангелов наготове, Брауэрд шагнул в комнату и увидел еще пятерых людей в ангельской форме, выходящих из джипа — один из них шел к другому входу в лифт.

Боб не мог допустить, чтобы они остановили его для разговоров. Он вырубил всю группу одним выстрелом своего приборчика.

Комната наполнилась шумом, громким, как рок, а затем наступила тишина.

— Ну вот, вы доигрались, — сказал полковник. — Они сейчас отовсюду сбегутся.

— Может быть, шум до них и не долетел, — предположил американец. — В любом случае у меня не было выбора. Давайте избавимся от них.

Он вынул нож из ножен под комбинезоном и ударил каждого из трех первых ангелов в солнечное сплетение. Затем, снова открыв дверь лифта, лунянин сунул туда одно из тел, чтобы дверь не закрылась, пока кабина будет подниматься. Куирога открыл дверь еще шире, и Боб с Сааведрой положили еще одно тело рядом с первым, чтобы расширить проем. К счастью, механизм не имел предохранительного устройства, которое удерживало бы лифт от движения, пока дверь не была закрыта. К кабинам не было прикреплено никаких кабелей, которые работали бы от автономных двигателей.

Тела, просунутые в отверстие поверх трупов, используемых в качестве дверных косяков, беспрепятственно упали на дно шахты. Когда все они были уничтожены, Брауэрд и Патрисио воспользовались куртками, снятыми с убитых, чтобы вытереть как можно больше крови. К сожалению, они ничего не могли поделать с царапинами на дверях и с осколками в каменных стенах, оставленными рикошетящими пулями. Куирога положил оружие убитых на пол их джипа.

Боб сел за руль этой машины, а две другие повели полковник и лейтенант. Они проехали обратно по коридору и свернули на ту сторону площади, где находилась резиденция папы римского. Американец с облегчением отметил, что вокруг не было видно ни души. Но он знал, что их легко можно было увидеть изнутри зданий. Сделав вид, что у него было какое-то официальное дело, он направил джип к дому понтифика, а затем объехал его сзади.

Ему пришлось раз двадцать громко постучать в заднюю дверь, прежде чем она открылась. На пороге возник молодой человек в черной мантии и с бесстрастным лицом.

— Мы должны немедленно увидеться с его святейшеством, — сказал полковник.

— Вы можете подождать его внутри, — твердо ответил священник. — Святой отец сейчас проводит закрытое совещание. Его нельзя беспокоить.

Брауэрд подумал, не сказать ли ему, что они вовсе не ангелы. Но существовала вероятность, что Говардсу удалось внедрить шпиона в дом папы римского. И может быть, именно такой шпион и стоял сейчас перед ними.

— Нас послал Эль Мачо, — сказал Боб. — Нам приказано немедленно встретиться с его святейшеством.

Священник ничего не ответил — казалось, он не знал, что делать. Или же он был потрясен страхом, что Говардс, наконец, решил выступить против Церкви.

Брауэрд оттолкнул его плечом, и Сааведра с Куирогой последовали за ним.

Священник схватил лунянина за руку.

— Вы не должны этого делать, — сказал он. — Это смертный грех, ваши души будут в опасности.

Ни один шпион не стал бы действовать подобным образом.

— Мы не те, кем кажемся, — признался американец. — Мы не ангелы, несмотря на эти мундиры. Ну, теперь понимаете? Мы должны немедленно увидеть его святейшество. От этого зависит судьба всей жизни на Марсе.

— Идите за мной.

Вновь прибывших провели через несколько небольших комнат, обставленных по-спартански, в холл. В конце коридора, рядом с фасадом здания, была лестница. Как и в большинстве домов на Марсе, ее ступени находились гораздо дальше друг от друга, чем земные. Человек, привыкший действовать при меньшей гравитации, мог легко перепрыгнуть с одной на другую. На самом деле, тот, кто спешил, мог бы одним прыжком попасть на верхнюю ступеньку лестницы.

Все четверо поднялись по лестнице, а затем прошли по коридору до самого конца. Там проводник фальшивых ангелов постучал в дверь.

— Кто там? — откликнулся изнутри чей-то голос.

— Чрезвычайная ситуация, ваше святейшество, — тихо сказал священник. — Здесь три человека, которые говорят, что судьба Марса зависит от того, увидитесь ли вы с ними прямо сейчас.

Послышалось невнятное восклицание, и дверь открылась. Папа оказался высоким худым человеком лет пятидесяти, одетым в обычное церковное облачение. Его лицо было бы красивым, если бы не было таким изможденным. Он был очень смуглым и походил на индейца, несмотря на то что его род происходил от прусского барона, эмигрировавшего

в Аргентину в начале двадцатого века. Позади него стояла женщина, лицо которой было скрыто вуалью. Она шагнула вперед, а потом опустилась на колени и поцеловала ему руку. Понтифик благословил ее, после чего она встала и молча вышла из комнаты в коридор. Все трое с любопытством посмотрели ей вслед. У нее была красивая фигура.

При виде их униформы глаза папы расширились.

— Три ангела, да? — сказал он. — Я надеюсь, что это хорошее предзнаменование.

Он отступил в сторону. Первым в комнату шагнул Брауэрд. Двое его спутников вошли следом и поцеловали руку понтифика.

— Если вы не ангел Говардса и не настоящий ангел, — сказал папа Бобу, — то вы вообще не человек Говардса. Но вы и не католик. Так кто же вы?

Он закрыл дверь и жестом показал молодому священнику, что тот свободен.

— Ваше святейшество, — сказал лунянин, — к сожалению, на объяснения потребуется некоторое время. Но я прошу вас выслушать нас до конца.

Папа кивком пригласил его вглубь маленькой комнаты. Он стал расхаживать по ней взад-вперед, а Куирога и Сааведра в это время стояли у двери. Время от времени понтифик задавал вопросы, чтобы прояснить ситуацию, а услышав, что Боб — советский человек, отреагировал только тем, что поднял брови. Когда рассказчик замялся, потому что ему было трудно сформулировать конкретное утверждение, хозяин дома пришел ему на помощь.

— Можете говорить по-английски, если хотите, — сказал он. — Я свободно владею всеми основными языками.

Через двадцать минут Брауэрд изложил свою историю.

— Вы бы не пришли сюда, если бы могли получить помощь в другом месте, — сказал Сириций. — А теперь скажите, чего вы ждете или надеетесь получить от меня?

— Ваше святейшество, — ответил Боб, — если бы существовал какой-нибудь другой способ добиться мира, я бы им воспользовался. Но насилие — это единственный путь. И...

— А почему вы прилетели на Марс лично? — спросил папа римский. — Почему не послали этих двух людей вниз с со-

общением, что вы запустите бомбу, если Марс не сдастся? — Он ненадолго замолчал, а потом добавил: — Простите мою глупость. Говардс, конечно, не поверил бы вам — он послал бы за вами корабли, и вы были бы вынуждены запустить это дьявольское устройство. Только свергнув нынешнее правительство, вы сможете спасти Марс.

— Совершенно верно, — подтвердил Брауэрд. — А Говардс теперь не будет слушать ничего, кроме пули.

— Слуга должен повиноваться своему господину, так сказал святой Павел. И сказал Господь наш воздать кесарю кесарево.

— Вы хотите сказать, что будете повиноваться своему политическому лидеру, даже если он злой и намерен растереть вашу Церковь в щепки под своей пятой? Разве Христос не выгнал менял из храма? И разве в истории Церкви не было епископов и священников, которые шли в бой на стороне своих светских владык и убивали язычников?

— Верно, — согласился понтифик. — Однако...

В дверь постучали, и вошел молодой священник.

— Ваше святейшество, из дома Говардса выходят вооруженные ангелы. Они идут к нам через площадь. Я боюсь...

— Это случилось позже, чем я предполагал, — сказал папа. — Должно быть, вас видели, когда вы шли вокруг дома. Вероятно, те, кто наблюдал за вами, думали, что вы здесь по делу, из-за вашей униформы, даже если они не были уведомлены о том, что ангелы должны были прийти сюда. Но у них также есть очень чувствительные звуковые рецепторы, настроенные на это здание. Ничто из сказанного здесь не остается без контроля, за исключением моей комнаты, которая была особенно звукоизолирована. И я получил эту уступку только потому, что угрожал вызвать неприятности — точно так же мне пришлось приостановить исповеди, пока я не изолировал кабинки исповедальни. Говардс не испытывал никаких угрызений совести по поводу использования в них шпионской прослушки.

Брауэрд бросился по коридору к окну, расположенному в самом его конце. На полпути через площадь медленно двигались около двадцати человек. Все они держали наготове автоматические пистолеты или винтовки, за исключением

офицеров, которые носили оружие на боку. Они выстроились двумя рядами в виде полумесяца, рога которого окружали территорию по обе стороны от резиденции понтифика.

Боб приоткрыл окно, чтобы между ним и стеной образовалась щель, высунул в нее дуло своего «Томми» и начал стрелять. Через несколько секунд послышались и другие выстрелы — из комнат, расположенных по обе стороны коридора. Куирога и Сааведра, не дожидаясь его приказов, вступили в бой.

Ангелы, стоявшие в центре полумесяца, которых не задело первым залпом, начали обстреливать фасад дома ответным огнем из своих автоматов. Но Брауэрд, подстрелив первой обоймой по меньшей мере шестерых, отступил от окна. Он увидел, как люди на левом краю полумесяца побежали в сторону зданий. Трое из них оказались в безопасности, но двое упали, когда он снова выстрелил из окна.

Затем лунянин пробежал по коридору до самого верха ведущей вниз лестницы, приготовился перепрыгнуть через ступеньки на первый этаж, но остановился, услышав сзади громкую стрельбу. Он подскочил к окну в задней части зала, едва не сбив с ног папу римского, и осторожно выглянул наружу.

Молодой священник стоял позади одного из джипов и держал в руках автоматический пистолет. Очевидно, до этого он прятался за машиной. Брауэрд решил, что теперь можно спокойно высунуть голову из окна. Пять трупов лежали на земле у стены дома.

— Значит, отец Игнасио приложил руку к этому делу, не посоветовавшись со мной? — спросил папа, глядя мимо него.

— Я уверен, он сделал это импульсивно, — ответил Боб. — Он не присоединился ко мне, он не знал, почему я здесь. Он всего лишь защищал вас.

— Как Петр, когда он выхватил свой меч и отсек служителю ухо, — сказал Сириций II. — Я не собираюсь упрекать Игнасио или приказывать ему опустить оружие.

— Вы будете сражаться вместе с нами?

— Я буду сражаться на своем пути, — ответил понтифик. — Я не стану проливать кровь, но пойду вместе с вами. Кстати, что бы вы ни собирались делать, вам лучше сделать

это немедленно. Я уверен, что Говардс призвал солдат прийти к нему на помощь. На соседней площади есть казарма. Однако я сомневаюсь, что на его призыв смогут ответить больше четверти солдат. Остальные слишком больны.

Брауэрд вернулся к переднему окну. Куирога и Сааведра присоединились к нему. Один из ангелов, чей белый мундир был заляпан красным, слабо отползал прочь.

Из здания напротив не доносилось никаких признаков движения. Но Боб был уверен, что там, за окнами, стоят вооруженные люди.

— Жаль, что у меня нет гравиранца, — сказал он.

— У нас есть несколько в кладовой, — отозвался папа.

— Четырех будет вполне достаточно. Давайте возьмем их.

Через несколько минут один из таких ранцев был привязан к левому боку джипа. Манипулируя пультом управления ранцем, Брауэрд заставил машину подняться на несколько футов в воздух. Затем он направил ее так, чтобы она лежала на боку под прямым углом к джипу, стоящему впереди. Отец Игнасио вручил им с Пабло и Патрисио полоски, оторванные от простыней, которые прикрепили почти невесомую раму к передней части машины Боба.

— Из этого получится щит, — сказал лунянин. — Если их пули не разнесут ранец или не разорвут полосы, все будет в порядке.

Вместе с двумя офицерами он затянул прикрепленные к ранцам полоски ткани, и они попробовали управлять гравидвигателями. А затем сели в один из джипов.

— Отец Игнасио сядет в другой джип и помчится к лифтам, — сказал папа. — Он разнесет по верхним этажам слух, что Говардс пытается меня убить. Это не будет ложью, потому что я уверен, что Говардс предпримет такие действия, когда увидит, что я собираюсь сделать.

— Что же это, святой отец? — воскликнул Сааведра.

— То, что я должен был сделать давным-давно, но не сделал из-за политики или, скорее, из-за боязни вмешаться в политику. Кроме того, мне вообще было страшно. Я боялся, что Церковь может быть сокрушена, и грешил, думая об этом, ибо Церковь будет жить так долго, как повелит Бог, а мы знаем, как долго это будет. Хуже того, я боялся за своих

овец. Если я донесу на Говардса и меня посадят в тюрьму, кто тогда защитит их от волков? Мне следовало бы знать, кто это будет.

Брауэрд заколебался. А что, если ангелы захватят папу в заложники? Ну, или они захватят еще кого-нибудь? То, что должно быть сделано, будет сделано, кто бы ни при этом пострадал.

— Святой отец, он убьет вас! — запротестовал отец Игнасио. — Это мерзкий и злой человек!

Папа поднял руку, прерывая его:

— Не пытайся меня остановить. Я и так слишком долго медлил. Делай, как я сказал.

Игнасио упал на колени:

— Отец, благословите меня!

— А ты, молодой человек, благослови меня. И не забудь сказать остальным, что если я не вернусь, то отец Мендоса станет моим преемником.

Молодой священник заплакал.

— Успокойся и пойдем со мной, — сказал Сириций. — Ты должен выслушать мою исповедь.

Брауэрд не обратил внимания на их диалог, так как в это время тщательно инструктировал офицеров, объясняя им план нападения. Несколько раз они возражали, и он отвечал им. Оба предложили несколько дельных вещей, которые он принял и таким образом изменил изначально задуманный ход штурма.

К тому времени отец Игнасио уже вернулся на улицу. С ним был еще один священник, на вид примерно ровесник понтифика. Американец удивился, увидев его, потому что, пока он был в доме, ему больше никто не попадался на глаза.

— Отец Гомес был на молитве, — сказал Игнасио, как будто это объясняло его отсутствие. — Мы с ним поедем в противоположных направлениях, и он попытается перехватить стоящие поблизости войска.

Брауэрд недоумевал, почему войска не появились, если они были так близко.

— Я и сам ничего не понимаю, — ответил ему на это молодой священник. — Но его святейшество желает видеть вас.

Боб вошел в дом как раз вовремя, чтобы увидеть, как понтифик выходит из комнаты рядом с парадной дверью. На шее у него висела на шнурке маленькая пластиковая коробочка.

— Я хочу, чтобы все на площади услышали мой голос, — сказал он и улыбнулся лунянину. — Скажи мне, сын мой, почему ты, советский человек и атеист, рисковал своей жизнью, чтобы спасти своего врага?

— Я не верю в советскую идеологию, — сказал Боб. — А что касается моего так называемого атеизма, то теперь я уже не так в нем уверен. В последнее время я видел несколько странных вещей. Я упомянул сейчас того человека, Мойше Яманучи. Но у меня не было времени сказать вам, что он чувствовал, будто бы что-то, какой-то голос, побуждает его действовать.

— Ах да, тот самый еврей. Бог не допустит, чтобы избранная раса вымерла. Пока еще не время.

— Я уверен, что Мойше не согласится с вашей точкой зрения. Но он согласен с вами, что Бог существует. Однако не обязательно нужно быть христианином, мусульманином или индусом, чтобы любить человечество, чтобы хотеть видеть его счастливым. Я не хотел быть массовым убийцей. Убив людей Марса, я вбил бы еще один гвоздь в гроб человества. А в него в последнее время было вбито и так слишком много гвоздей. Еще несколько — и человек будет похоронен навсегда.

— Вы не могли бы любить человека, если бы не любили также и Бога, — ответил Сириций. — Вы можете это отрицать, но я уверен, что где-то в глубине своего существа вы все же веруете.

— Возможно, — ответил Брауэрд. — Но давайте продолжим то, что нам предстоит сделать. Вы ведь хотели сначала поговорить с Говардсом и его людьми, верно? Я могу дать вам на это пару минут. То есть если войска не появятся. Когда они это делают, мне приходится уехать.

— Прощайте, сын мой, — сказал папа. — Надеюсь, мы еще увидимся в таком месте, которое понравится нам обоим.

— Сомневаюсь, — сказал Брауэрд. — Но никто никогда не опровергал, что такое место существует.

— Я бы не поверил тому, кто опроверг бы это.

Понтифик благословил Боба и вышел из комнаты. Американец проследил, как он пересекает большую площадь, обходя трупы и один раз остановившись, чтобы осмотреть лежащего человека, очевидно, чтобы проверить, жив ли он. Затем Боб бросил взгляд на два входа на площадь. Оба были по-прежнему пусты.

Прямая и одинокая фигура священника становилась все меньше по мере того, как он приближался к неоготическому фасаду здания напротив. Задняя стена этого особняка была плотно прижата к каменной стене огромной пещеры, и он выступал наружу примерно на двадцать метров. Передняя же его стена возвышалась прямо, как утес, украшенный головами людей, горгулий и животных и разными религиозными и светскими символами. Это был единственный в своем роде дом, который Брауэрд видел здесь, хотя на Земле таких зданий было множество. Перед его главным входом, который находился на одном уровне с площадью, не было никаких ступенек, а сам вход был достаточно широким, чтобы шестеро мужчин могли войти плечом к плечу, и достаточно высоким, чтобы человек, стоящий на плечах другого человека, не мог дотянуться до верха. А еще там были две пластиковые створки ворот с открывающейся решетчатой дверцей.

За воротами стоял человек в белой форме, а позади него собралась толпа мужчин. На таком расстоянии лицо этого человека, стоявшего впереди, нельзя было рассмотреть, но Брауэрд подумал, что это, должно быть, Фелипе Говардс. У него была репутация человека, который не любит, чтобы рядом с ним одновременно находилось больше одного человека.

Папа остановился всего в нескольких метрах от ворот. И внезапно раздался громкий голос — он эхом отразился от фасада дома и от стен площади позади него и громом отозвался в ушах Боба:

— Говардс! И те, кто служит Говардсу! Марс обречен!

Голос рассказал о корабле, который ждал где-то над Красной планетой, и об оружии полного уничтожения и смерти, которое он нес. Рассказал о том, что произойдет, если Эль Мачо не будет немедленно свергнут и не сформируется но-

вое правительство. Папа в красках описал, что случится в результате.

Брауэрд посмотрел на туннели. Пока там никого не было. А затем он увидел джип — машина проехала вдоль фасада здания, на полной скорости пролетела мимо него и въехала в туннель, ведущий к лифтам. За рулем сидел отец Игнасио.

Пока все шло хорошо. Из окон президентского дома никто не смотрел на молодого священника.

— Вы злой человек, — гремел голос понтифика. — Вы, Говардс, виновны в том, что пролили кровь бесчисленных мужчин, женщин и детей. Я говорю не об убийствах, которые вы совершили на Земле в своих гнусных политических целях. Я обвиняю вас в том, что вы взорвали кобальтовые бомбы на Земле, чтобы там погибла вся жизнь. Я обвиняю вас в том, что вы планировали истребить ее полностью, чтобы затем прибыть на Марс и стать единственным правителем всего человечества. Я обвиняю вас в убийстве восьми миллиардов человек и всей той жизни, которую Бог создал, чтобы процветать на его зеленой Земле, теперь уже не зеленой. Я мог бы обвинить вас во многих других злых и чудовищных деяниях, таких как прелюбодеяние, которое вы теперь собираетесь навязать добродетельной жене, и блуд, который вы навязываете дочери генерала Миера. Но эти дела, какими бы злыми они ни были, ничто по сравнению с убийством Земли!

Человек у ворот закричал, и его крик был слышен даже на другой стороне площади. Белая фигура указала на папу, повернув голову к тем, кто стоял позади нее. Очевидно, Говардс приказывал им стрелять. Но никто не повиновался. Даже эти люди заколебались.

Затем белая фигура вытащила оружие из белой кобуры, висевшей у нее на белом поясе. Последовала вспышка пламени — Брауэрд увидел ее, потому что его взгляд был направлен между двумя мужчинами, стоявшими по разные стороны ворот. За первым выстрелом последовал еще один, а потом еще. Сириций II упал навзничь и остался лежать на каменном полу, раскинув руки.

Боб бросил еще один взгляд на туннель, но никого не увидел. Затем он повернулся, побежал по коридору и ворвался в дверь.

— Идем! — закричал он.

Куирога и Сааведра сидели в джипе, который был поставлен на капот другого автомобиля.

— Мы слышали его, — сказал бледный и дрожащий Пабло. — И мы слышали выстрелы. Это был святой отец?..

Брауэрд кивнул и забрался в джип позади Куироги, который сидел за рулем.

— Говардс убил его, — сообщил американец.

— Пресвятая Дева Мария! — охнул Сааведра, и оба аргентинца перекрестились.

— Люди Говарда ошеломлены, — сказал Боб. — Они ничего не могут с этим поделать. Уходим отсюда!

Пабло сидел неподвижно, только губы его беззвучно шевелились. Его руки крепко сжимали маленький штурвал на конце длинного гибкого рулевого стержня. Он смотрел прямо перед собой.

Лунянин с силой ударил его по спине.

— Ты собираешься сидеть здесь и быть убитым, как святой отец? — закричал он. — Давай же! Или убирайся и дай мне занять твое место! Я сделаю это один, если ты потерял свою храбрость!

— Со мной все в порядке, — резко ответил Куирога. — Следи за своим языком. Ни один человек не назовет меня трусом.

Джип медленно выехал из-за задней стены дома. Затем, завернув за угол, он поехал прямо. Пабло повернул диск ускорения, и автомобиль рванулся вперед так быстро, что все трое сидящих в нем людей были отброшены назад на сиденья. Брауэрд поднял с пола один из пистолетов и посмотрел на верхний ряд окон здания. Именно оттуда огонь ангелов будет наиболее опасен. Чем ближе джип подъезжал к зданию, тем под более широким углом те, кто находился на верхнем этаже, должны были стрелять поверх поставленной набок машины, которая была щитом для сидящих под ней троих людей.

— Это займет много времени, — сказал Боб Сааведре, который держал в руке нож. — Когда я дам вам слово...

Площадь заполнил адский шум. Казалось, весь фасад здания был теперь охвачен пламенем. Но лунянин уже опустил

голову, когда по верхнему автомобилю словно заколотил град и нижний джип затрясло. Пули засвистели — вз-з-з-з! — мимо них, разрывные пули ударили в корпус щита и прогнули его внутрь.

Куирога заблокировал рычаги управления и соскользнул с сиденья на капот — ему ничто не помешало это сделать, потому что там не было лобового стекла. Сааведра и Брауэрд, пригнувшись, последовали за ним под прикрытием обожженного пластика, из которого был сделан корпус верхней машины.

Боб заглянул в щель между щитом и капотом.

— Притормози! — крикнул он Пабло, который держал в руках рычаг управления. Этот стержень, способный раздвигаться и становиться длиннее, и очень гибкий, был наклонен вперед над капотом.

Джип остановился, и ехавшие в нем люди скользнули к раме машины-щита. Брауэрд ударился головой о покрышку, и на секунду у него потемнело в глазах.

Затем всех троих прижало к раме: джип врезался в здание. Сааведра разрезал полоску простыни, которая удерживала щит с одной стороны, и бросил нож Бобу. Тот попытался схватить его, но нож ударил его по руке и соскользнул с капота на землю. Не раздумывая, американец спрыгнул с капота, подобрал нож и вскочил обратно. Разрывные пули, ударяясь о каменный пол, отбрасывали каменные осколки, острые, как острие ножа, которые отскакивали от капота.

Лунянин почувствовал, как что-то острое ударило его по лицу, прижал к нему руку, а потом отнял ее и увидел на ладони кровь. Другой рукой он в это время разрезал полоски ткани, удерживающие его конец автомобиля-щита. Тем временем остальные, невесомые из-за своих гравиранцев, цеплялись за нижнюю сторону щита. Поставленная набок машина поднялась, подтягиваемая кверху силой прикрепленных к ней ранцев. Брауэрд выпрямился, схватился за руль джипа, и его инерция послала машину вверх еще быстрее.

Они взлетели вдоль фасада здания, в то время как пули сыпались в джип со стороны здания. Затем огонь прекратился. Очевидно — по крайней мере, так показалось американцу, — из-за того, что обычные пули рикошетили обратно

в окна, а разрывные пролетали слишком близко от стреляющих.

Вцепившись в нижнюю часть щита, как маленький марсианский паук в свою мать, Боб посмотрел вниз. Они находились как раз над верхним рядом окон. Теперь люди Говардса должны были выбежать на площадь, чтобы выстрелить в них с открытой стороны. А людям, выглядывавшим из окон внизу, нужно было высунуться и снова начать стрелять в них.

— Используйте ранцы! — закричал лунянин. — Вверх и выше!

Они взмыли над поднимающимся джипом, поправили управление и оказались на крыше.

Брауэрд боялся, что там, наверху, будут люди. Если был он оказался прав, все трое летящих мужчин стали бы беспомощными мишенями. Но там никого не было. Пока еще не было. Боб приземлился на крышу, выключил двигатель ранца и повернулся к своим товарищам.

С Куирогой все было в порядке. А вот Сааведры не было.

Американец проследил, куда направлен указательный палец молодого офицера, и увидел Патрисио. Тот все еще поднимался к потолку пещеры. Голова его поникла, а из дыры на ноге, образовавшейся после того, как ему оторвало колено, хлестала кровь.

Пабло перекрестился и вместе с Бобом принялся искать проходы с крыши в нижнюю часть здания. Но они не видели ничего подобного.

Лунянин в сердцах выругался.

— Говардс не хотел, чтобы убийца использовал тот же подход, что и мы сейчас, — проворчал он.

— И что нам делать? — спросил Куирога. — Через минуту они наденут ранцы и полетят за нами.

Брауэрд посмотрел на тело Сааведры, прижатое к потолку пещеры, и на джип, который все еще поднимался туда же.

— Я бы сказал, что с нас хватит. Но мы все еще живы. Может быть...

Пабло, стоявший лицом к каменной стене в задней части здания, вдруг закричал и выстрелил из своего пистолета. Боб резко обернулся и увидел, что часть скалы, как раз над тем местом, где к ней примыкало здание, выдвинулась наружу.

Он отпрыгнул в сторону, чтобы никто не увидел его с другой стороны полуоткрытой двери. Куирога выстрелил еще раз, а затем перелетел через Брауэрда. Лунянин остановился у двери, упал на крышу, просунул пистолет под дверь и вставил дуло в расположенное за ней отверстие. Он нажал на спусковой крючок и не отпускал его до тех пор, пока не выпустил по меньшей мере тридцать разрывных пуль, о чем свидетельствовал крошечный счетчик на стволе.

Как только стрельба прекратилась, Куирога прыгнул в проем. Брауэрд встал, немного поколебался, а потом, ничего не услышав, обошел каменную дверь. Лейтенант стоял в открытой клетке, которая, в свою очередь, находилась в шахте, выдолбленной в скале, и единственным источником света там была лампа, установленной на тонком шесте возле одной из стен клетки.

Вся клетка и стены шахты вокруг нее, однако, были забрызганы кровью и покрыты кусками плоти. Поток разрывных пуль, выпущенных Брауэрдом, буквально разнес находившихся там ангелов в клочья. У одного из них не хватало головы — она либо выкатилась из клетки и упала в шахту, либо развалилась на куски.

— Давай уберем отсюда то, что от них осталось, — сказал американец. — К счастью для нас, мы не разрушили систему управления.

Часть пластиковых перил вокруг клетки была разбита, а на полу виднелись вмятины, но это было единственное ее повреждение. Прежде чем приступить к расчистке останков, Боб посмотрел поверх них и заглянул за край, потому что между клеткой и шахтой было небольшое пространство. И наверху, и внизу была видна одна темнота.

— Я думаю, Говардс, возможно, подготовил это для тайного побега, — сказал лунянин. — Он, вероятно, послал этих людей, чтобы добраться до нас с тыла. Может быть, больше никто не знает об этой лазейке.

Они сбросили в шахту ноги, руки и туловища, а потом пинками отправили следом остальные куски плоти и костей. Затем Брауэрд потянул за ручки, прикрепленные к задней части двери, и закрыл ее.

— Если люди, которые будут преследовать нас снаружи,

не знают об этой шахте, они будут сильно озадачены, — сказал он.

— Да, но когда они доложат Говардсу, — заметил Куирога, — тот очень скоро узнает, что произошло.

Брауэрд заколебался. Куда ехать? Вверх? Или вниз? Если бы они спустились, то могли застать Фелипе Говардса врасплох и убить его или захватить в плен. Но это казалось не очень вероятным. Хотя Говардс не любил, когда рядом с ним было много людей, он, уж наверное, позаботился о том, чтобы его телохранители находились не слишком далеко. И все же, возможно, стоило рискнуть. Единственным недостатком было то, что даже если бы Боб с Пабло добрались до Говардса, их наверняка убили бы потом. А после этого на Марс упала бы бомба.

Кроме того, лунянину было очень любопытно, куда ведет верхняя часть шахты.

В любом случае он должен был быстро принять решение. Говардс вполне мог отключить питание клетки с помощью пульта дистанционного управления.

Брауэрд попробовал нажать кнопку, помеченную стрелкой, направленной вверх, и клетка начала двигаться вверх. Рядом с двумя кнопками было маленькое колесико: он повернул его вправо, и клетка набрала скорость. Поворот колеса влево замедлил ее движение, пока она не начала ползти с совсем черепашьей скоростью, а кнопка с пометкой А — Боб предположил, что имеется в виду слово «alto», то есть «стоп» — действительно остановила клетку.

Разобравшись с управлением, он возобновил движение вверх на полной скорости.

Куирога повернул лампу, стоявшую на шесте, так, чтобы она светила на них сверху.

— Думаю, мы проехали второй уровень, — сказал он через минуту. — Еще несколько секунд — и мы будем примерно на одном уровне с потолком первого. Как думаешь, эта шахта выходит на поверхность?

— Скоро мы это выясним. Вот и конец шахты.

Они и правда поднимались к отверстию, которым оканчивалась шахта. Еще не дойдя до него, клетка начала замедлять ход без помощи рычагов управления. Потом она остановилась, и двое мужчин вышли.

Они оказались в хорошо освещенном помещении, достаточно просторном, чтобы вместить несколько четырехместных космических кораблей — и один такой корабль как раз находился в нем. Помещение было выдолблено в граните, а рядом с кораблем стояло несколько коек, бак с водой и большой ящик с провизией, консервами, медикаментами и спиртным. Освещалось все несколькими подвижными люминесцентными панелями, прислоненными к стенам.

Люк корабля был открыт. Брауэрд шагнул внутрь, и Куирога последовал за ним.

— Ты знаешь, как им управлять? — спросил лунянин, кивая на панель с кнопками. — Мне это незнакомо.

Лейтенант осмотрел пульт управления и покачал головой:

— Его нельзя активировать без ключа. Догадайся, у кого этот ключ.

— А ты не можешь его перепрограммировать? Или на это нет времени?

— Даже если бы было, я бы не стал и пытаться, — сказал Пабло. — Полагаю, что Говардс установил эту штуковину так, чтобы она взорвалась, если кто-нибудь сильно в нее вмешается.

— Ну, не знаю. Он не думал, что у кого-то будет доступ к кораблю. И как иначе нам отсюда выбраться?

Они внимательно осмотрели стены. Несомненно, какая-то часть помещения должна была соединяться с воздушным шлюзом, который вел на поверхность. Скала вокруг них наверняка была частью холма или утеса, и она должна была находиться вне поля зрения куполов Осорно. Но внутри не было ничего, что указывало бы на выход. Ни малейшей трещинки.

— Вполне вероятно, — сказал Куирога, — что здесь надо активировать механизмы, которые открывают это с помощью радио- или лазерной частоты. Говардс мог бы иметь излучатель при себе, а может быть, он является частью корабля. Скорее всего, верно последнее — в этом случае открыть выход было бы легче.

— Значит, — сказал Брауэрд, — мы снова там, где были раньше. То есть он, Говардс, должно быть, уже узнал, что произошло на крыше. Мы можем ожидать какого-то движения против нас в любой момент.

Он вышел из кабины управления и направился в заднюю часть салона. Там была крошечная уборная, в коридоре находились места для коек, а за ним располагалась кладовка. Боб открыл дверь у задней стены и заглянул в отсек, где находились двигатель, генератор, топливный бак и электронное оборудование. А еще там была какая-то коробка, похожая на ящик для инструментов.

Осторожно, опасаясь мин-ловушек, американец шагнул в этот отсек и щелкнул замком, удерживающим крышку коробки. Через минуту он вернулся в рубку управления с молотком, несколькими отвертками, плоскогубцами, скотчем и двумя зубилами.

— Ты же знаешь, что мы, скорее всего, включим сигнализацию или какую-нибудь ловушку, — сказал Куирога.

Брауэрд пожал плечами.

— Все слишком плохо. Нам не остается ничего другого.

— Тогда выйди из корабля, — велел ему аргентинец. — Я — расходный материал. Но если умрешь ты, то умрут все.

— В одиночку ты потратишь слишком много времени. Давай вместе. И никаких больше споров!

— Нет, — твердо сказал Пабло. — Кто-то должен охранять шахту. С гравиранцами они будут подниматься очень быстро.

— Хорошо, — согласился Брауэрд, после чего повернулся и вышел из корабля к лифту. Он взобрался на клетку и начал спускать ее вниз. На полпути вниз по шахте, в точке над входом на крышу, он остановил клетку, а затем взлетел обратно с помощью ранца.

Куирога был поражен, когда он вернулся.

— Может быть, они смогут собрать достаточно людей с гравиранцами под клеткой, чтобы загнать ее обратно наверх, — объяснил Брауэрд. — Есть много «может быть», но есть и работа, которую нужно сделать, и я способствую этому.

Потом они яростно забарабанили по панели управления молотками, а затем с помощью отверток и маленького ломика вытащили запирающий механизм. Каждый из них ожидал, что произойдет что-то радикальное, и оба вспотели гораздо сильнее, чем можно было бы ожидать только от этой работы.

Они сняли замок и увидели подсоединенные к нему обнаженные провода. Куирога начал устанавливать необходимые связи, но Боб не стал дожидаться, пока он закончит. Лунянин больше беспокоился о нападении из шахты, чем показывал.

Он посмотрел вниз на каменные стены. Свет падал на клетку — и она медленно двигалась вверх. Мрачно улыбаясь, Боб взлетел над шахтой и нырнул вниз. Подлетев к клетке, он повернул рычаги управления гравиранцем, чтобы стать только наполовину легче, и направил ствол пистолета за край клеточного потолка под таким углом, чтобы пули попали под клетку. Он нажал на спусковой крючок, и шахта превратилась в оглушительный ад. Впрочем, не настолько оглушительный, чтобы лунянин не услышал криков людей внизу. Несмотря на то что пули не попадали них напрямую, они, несомненно, были ранены осколками камня, отколовшимися от стен и разлетевшимися в разные стороны.

Американец перестал стрелять и посмотрел через край в пространство между клеткой и шахтой. Сквозь открытую дверь клетки на крышу дома Говардса хлынул свет. Люди пролетели через нее, вышли из шахты и оказались на крыше. Некоторые из них все еще кричали.

Боб выстрелил в ангела, находившегося на полпути к двери клетки, и увидел, как его тело разлетелось на куски. Потом он выстрелил еще в одного человека, находившегося возле двери. Тот камнем упал вниз, потому что пули уничтожили его гравиранец.

Следующим шагом ангелов будет принести мобильный лазер и сжечь клетку, понял американец. Прежде чем это произойдет, нужно было активировать корабль. Брауэрд поднялся, оставив клетку на прежнем месте, и вернулся к Куироге.

— Я очень волновался, — сказал лейтенант. — Я слышал выстрелы.

— Просто небольшое удерживающее действие. Но надолго их задержать не удастся. Ну как, нам повезло?

— Это не ловушка. Говардс, должно быть, и не думал, что кто-нибудь его найдет. Мы уже готовы лететь. Видишь вон ту кнопку? Я думаю, это управление излучателем. Во всяком

случае, это единственное устройство, функции которого я не знаю.

— Нажми ее.

Куирога закрыл внешний люк корабля, а затем нажал на кнопку. Часть стены перед кораблем медленно отодвинулась в сторону, и за ней обнаружился лист пластика. Пабло продолжал держать палец на кнопке, и лист скользнул за каменную секцию, открывая туннель, в конце которого был еще один пластиковый лист.

Аргентинец медленно поднял судно и ввел его в расчищенный проход, после чего пластиковый лист выскользнул из стены обратно. Они с Бобом подождали, пока внешний сенсор корабля не показал, что воздух из туннеля выкачан. После этого Куирога снова нажал на кнопку. Лист, находившийся перед ними, исчез в стене, а затем скользнул в сторону и расположенный за ним камень.

И Брауэрд с Пабло увидели раннее марсианское утро.

До самого горизонта простиралась желтовато-красная равнина. Но ней ничто не двигалось, так как на поверхности Марса не было никакой жизни — ни животной, ни растительной. Далеко слева виднелось тонкое облако желтоватой пыли, и хотя был день, небо было черно-синим, и слабый свет маленького солнца не мог затмить яркие звезды.

Боб и Пабло знали, что за холмом должны были находиться три больших купола города Осорно.

— Уведи корабль достаточно далеко, чтобы он смог развернуться, — сказал Брауэрд. — А потом используй излучатель, чтобы открыть внешние люки.

— Dios mio! Ты что, с ума сошел?!

— Я знаю, что делаю, — ответил американец. Куирога пожал плечами, закатил глаза и повиновался. Через несколько секунд фальшивый участок холма и пластиковые ворота, оставшиеся позади корабля, скрылись в скале.

— Отведи его в туннель, — продолжил командовать Боб. — Но только наполовину. Я не хочу, чтобы внешние люки закрывались.

Аргентинец что-то пробормотал себе под нос, но все же направил корабль в указанное место.

— На этом судне есть горелочный лазер, — сказал Брауэрд. — Используй его.

— Но это же глупо! — простонал Куирога, закрыв лицо рукой. — Теперь я понимаю, что ты собираешься сделать. Но...

— У тебя есть идея получше? — отозвался лунянин. — Да поможет мне Бог — нет.

Пабло активировал лазер, и тонкий, как карандаш, белый луч вырвался из носа корабля и пробил пластик. Затем Куирога описал лучом большой круг. Пластик сопротивлялся совсем недолго — он покрылся пузырями, а потом и вовсе расплавился. Аргентинец выключил луч, быстро двинул корабль вперед и врезался в центр описанного круга. Пока корабль возвращался в исходное положение, вырезанный лазером большой пластиковый диск выпал из листа и упал на каменный пол.

Лазер ударил снова. Толстая гранитная секция продержалась дольше, но с другой стороны на нее давил воздух. И внезапно каменная глыба, отмеченная тонкой темной линией там, где ее прорезал лазер, начала выдвигаться наружу.

— Назад! Назад! — громко сказал Брауэрд, но Куирога и сам уже коснулся рычагов управления. Корабль вылетел из туннеля с ускорением, которое раздавило бы их обоих, если бы они не находились в стазисе.

Они проделали долгий путь назад, и теперь им нужно было снова как можно быстрее преодолеть это расстояние, потому что гранитный диск вылетел из устья туннеля, как пуля из дула пистолета. После этого диск улетел не слишком далеко — ударившись о поверхность Марса на краю холма, он перевернулся, а затем, вместо того чтобы упасть плашмя, приземлился на противоположный край и покатился вниз по склону, как обруч гигантского ребенка.

Двое мужчин не стали смотреть, как он катится. Они были слишком ошеломлены и потрясены тем, что последовало за диском, хотя и ожидали этого. Из туннеля вниз головой вылетел человек. За ним последовал еще один, после чего в небо взмыла цистерна с водой и сундук с провизией. Потом вылетели еще двое мужчин, держащихся друг за друга. И еще один. А потом — клетка лифта.

Брауэрд и Куирога не могли видеть, что происходило внутри, но могли представить себе рев густого воздуха,

вырывающегося из Осорно через пещеру и шахту, которая вела вниз к дому Говардса и к площади на третьем подземном уровне. С холма взметнулась пыль — желто-красное облако, скрывшее туннель. А потом из туннеля внезапно вылетела дверь, шлепнувшаяся на равнину. Была ли это дверь, ведущая в дом на дне шахты?

— Должно быть, там, внизу, сущий ад, — заговорил Пабло сдавленным голосом. — Люди борются за то, чтобы выбраться с площади до того, как на каждом конце туннелей опустятся барьеры и запечатают их внутри. Но они ничего не смогут сделать, страшный ветер будет нести их вперед, пока не разобьет их о стены и не прижмет к ним. Или они будут скользить вперед, пока ветер не унесет их через двери и разбитые окна в дом, а потом, возможно, даже в шахту. — Он закрыл лицо руками. — Я не оплакиваю Говардса и его людей, потому что они заслуживают смерти. Но на площади были и невинные люди. Женщины и дети, дочь Миера...

Брауэрд положил руку на плечо лейтенанта.

— Мне очень, очень жаль. Что еще я могу сказать? А теперь не мог бы ты вернуть корабль обратно? Мы закроем внешние люки, они должны быть достаточно прочными, чтобы выдержать ветер. Как только они закроются, ваши люди смогут начать снова закачивать воздух на площадь. И прошу тебя, встряхнись. Тебе еще предстоит многое объяснить и многое организовать. Ты почти не будешь спать. А мне нужно на Деймос. Но я обязательно вернусь потом сюда.

Куирога встал. По его лицу текли слезы.

— Я надену скафандр, — сказал он.

Боб ничего не ответил. Он так устал, что ему ничего не хотелось делать, кроме как спать.

ЧЕТЫРЕ МАРСИАНСКИХ ДНЯ спустя он снова покинул Красную планету, на этот раз направляясь к Луне. Куирога, бывший теперь представителем марсиан, сидел рядом с ним. Внизу, на уменьшающемся красноватом шаре, вновь сформированное правительство пыталось определить курс своего общества. После восстания против наиболее преданных последователей Говардса, большинство из которых были убиты

теми, кто жаждал мести, как только стало известно о смерти Эль Мачо, было создано временное правительство.

Адмирал Лабастида и бывший мэр Осорно Лирмонт были освобождены из тюрьмы, куда их незадолго до восстания поместил Говардс. Выслушав рассказ Брауэрда, они решили, что он должен вернуться на Луну и попытаться договориться о перемирии. Они надеялись, что в конце концов мирный договор будет заключен. Можно было бы установить мир, и тогда оставшиеся в живых люди могли бы приступить к серьезному и суровому делу борьбы за существование и к вырезанию под поверхностью Марса и Луны жилых помещений для себя и своих потомков.

Бомбу Брауэрд отправил к Солнцу. Она неслась на предельной скорости к своей огненной могиле, и ничто не могло сбить ее с этого пути или вернуть назад.

И вот теперь Боб летел на Луну, а Пабло был с ним в качестве посла. Лейтенант получил эту должность, поскольку из всех марсиан он один был близко знаком с лунянином и имел несколько важных родственников.

Во время полета Брауэрд с Куирогой занимались тем, что помогло бы им не сойти с ума во время долгого путешествия в тесной каюте. Однако для Боба возвращение на Луну было не таким уж тяжелым, как полет на Марс до этого. Ведь теперь ему было с кем поговорить.

— Эта афинская идеология или философия, о которой ты упоминал... — спросил его Пабло. — Что это такое?

Брауэрд улыбнулся:

— Когда-то я был бы очень рад объяснить тебе это. Я бы говорил часами напролет и очень неохотно оставил бы эту тему. Но только не сейчас.

— Но все-таки, что это?

— Если вкратце, то это была идея создания человеческого правительства и общества таким образом, чтобы все было децентрализовано. Точнее, не совсем так. При огромном и многолюдном населении Земли было много вещей, с которыми могло справиться только земное правительство. Но мы хотели, чтобы общество было разделено на минимально возможные сегменты. Каждый сегмент будет состоять, скажем, из пятисот мужчин и женщин. Они будут управлять всеми

местными делами, и управление будет осуществляться на основе, подобной той, что была в древних Афинах. Для этого, конечно, потребуется политически образованный и ревностный электорат. Я, естественно, не был настолько наивен, чтобы думать, что современные люди будут такими же. Однако идея состояла в том, что детей будут воспитывать так, чтобы они выросли политически активными.

— И кто же будет насаждать эту активность, это образование?

— Да, вот оно. Слабое место. Одно из них. Только могущественное центральное правительство могло бы добиться этого, и такое правительство вряд ли намеренно приведет общество к своей собственной гибели. В некотором смысле у меня была та же идея, что и у самого Маркса. То есть он думал, что государство зачахнет после того, как будет создано мировое правительство и начнет править пролетариат. Но эта идея, хотя наши лидеры все еще поддерживали ее на словах и преподавали ее в школе, на практике была отвергнута. Только самые несгибаемые марксисты подписывались под ней. Должно быть, на меня бессознательно подействовало то, что предлагали мне мои учителя, хотя мало кто из них в это верил. Еще долго после того, как я постиг афинскую идеологию, я не осознавал свою ошибку. Однако к тому времени я уже создал свое афинское подполье. Было бы абсурдно думать, что власти не знали об этом, но они позволили мне уйти невредимым и даже получить доверенное место на Луне. Почему? Я точно не знаю. Возможно, они использовали меня для обнаружения других потенциальных подрывников. В любой момент они могли бы как минимум поставить все наше движение, которое было довольно небольшим, на колени, используя костефоны. Позже я и сам это понял. Но было уже слишком поздно, чтобы отступить. Поэтому я пошел вперед, как будто меня никто не заметил. Если власти готовы были позволить мне сыграть в мою маленькую игру, я тоже был готов к этому. Хотя я уже почти потерял свой энтузиазм. А потом, когда почти все на Земле было уничтожено, а человеческое общество внезапно оказалось ограниченным, я снова начал думать. Теперь афинская теория могла бы сработать. Детей будет так мало, что их легко можно будет обучить. Они вырастут, думая, что

афинская система демократии — это лучший способ для людей управлять собой. Все они будут свободны, разумеется, в необходимых пределах. Старое будет изгнано, а новое, основанное на рациональности и логике, войдет в него.

Боб на некоторое время замолчал. Куирога нервно ерзал на своем стуле.

— И что же теперь? — спросил аргентинец.

Брауэрд пожал плечами:

— Человек логичен только тогда, когда он работает с машинами, с математикой или в лаборатории. Да и то не всегда. В противном случае он ведет себя так, как того требует обычай. О, есть люди, которые этого не делают, и достаточное их число в свое время влияют на общество, чтобы изменить его обычаи, хотя происходит это медленно. Или технологические изменения заставляют их принимать новые обычаи. Но эти изменения не делаются систематически или после долгих размышлений, они просто происходят. Прирожденный консерватор сопротивляется им, прирожденный либерал принимает их. Никто из них не знает точно, почему он сопротивляется или принимает, хотя они приводят рациональные причины своего поведения. А потом они умирают, и тот же процесс продолжается с их сыновьями и сыновьями их сыновей. Так оно и выходит.

— То есть ты уже сдался?

— Нет. Я не могу... даже осознавая правду, не могу... Кроме того, теперь, когда человечество так малочисленно, чувства и идеи одного человека могут обладать огромной силой. Но я не собираюсь пытаться изменить общество в одночасье. Я сделаю все возможное, чтобы распространить то, что считаю хорошими идеями. Если они будут отвергнуты, я не буду убивать или сажать людей за это в тюрьму.

— Но как же Скоун? — спросил Куирога. — Он-то будет убивать. Он убьет тебя, потому что ты ослушался его и упустил свой шанс на победу.

— Скоун — такой же человек, как Чингисхан, Наполеон или Гитлер. Ему нет никакого дела до этого мира. Он хотел бы сохранить старый порядок — разумеется, с самим собой в качестве главного пса. Он реакционер до мозга костей, но все же это великий боец, солдат, который не остановится,

пока его враг не будет мертв или пока сам он не погибнет. Так что... Я обдумывал план, как сообщить людям на Луне о том, что произошло — так, чтобы Скоун не смог скрыть эту новость. Я также хочу сообщить им об избытке женщин на Марсе и о предложении вашего народа послать женщин-добровольцев на Луну, чтобы компенсировать их недостаток у нас. Это очень сильный аргумент. И если ты не против, я займусь этим прямо сейчас.

Брауэрд потратил несколько часов на запись: он то стирал неудачные варианты, то делал новые. Наконец, он был удовлетворен, и затем, поскольку незадолго до этого они связались с ретрансляционным спутником, начал передавать свое сообщение на Луну. Снова и снова.

— И чего ты теперь ожидаешь? — поинтересовался Пабло. Пока Боб говорил в микрофон, он слушал его речь спокойно, но с некоторым недоумением.

— Это сообщение будет записано на приемной станции Луны, — ответил американец. — Оператор тоже его услышит. Он, конечно, не поймет ни слова, потому что это язык навахо. Он даже не будет знать, что это за язык. Там поднимется шум, и он позовет Скоуна. А Скоун вызовет Далквиста, потому что именно он, скорее всего, поймет этот экзотический язык. Далквист начнет слушать запись, и первое, что он услышит, будет моя просьба не говорить Скоуну правду. Это одна из слабых сторон моего плана. Если Далквист не встанет на нашу сторону, то нам конец. Но я его знаю, я на него рассчитываю. Если он сделает так, как я попросил, то скажет Скоуну, что я потерял кодовую книгу и использую навахо для связи. Этот язык так же хорош, как и любой код. Я надеюсь, он не скажет Скоуну, что Марс не бомбят и что он требует мира. Он расскажет правду тем, кому может доверять, и Ингрид тоже. По крайней мере, она будет знать, что я возвращаюсь и что она может надеяться. А после этого — ну что ж...

— Очень умно, — сказал марсианин. — Но этот Скоун еще и очень умен, хитер, как волк, и обладает огромной силой. Он может не поверить тому, что говорит ему этот Далквист.

— Он, вероятно, и не поверит. Но он, конечно, не осмелится применить силу к старому шведу. Далквист — очень уважаемый и всеми любимый человек.

— А что, если Скоун решит не рисковать и пошлет корабль, чтобы перехватить и уничтожить нас до того, как мы туда доберемся? Его самые верные приспешники сделали бы это для него, не так ли? И если бы об этом ничего не было сказано, все на Луне подумали бы, что с тобой произошел несчастный случай. Корабли все время исчезают, и больше о них ничего не слышно.

— Нам придется воспользоваться этим шансом, — сказал Брауэрд. — Сомневаюсь, что Скоун так поступит. Да и зачем ему это? Он думает, что все, чего он хотел, уже произошло, и что он легко справится со мной, как только я приземлюсь.

Тем не менее чувствовал себя Боб крайне неспокойно. Каждую минуту лунянин ожидал, что на корабле прозвучит сигнал тревоги, означающий, что радар засек неопознанный объект. Он произвел кое-какие расчеты, и получилось, что если Скоун послал за ним корабль через несколько часов после получения сообщения, то примерно через пять часов этот корабль должен оказаться в зоне действия радаров.

Брауэрд напряженно сидел в своем кресле, пока эти пять часов не закончились. Но и после этого он все равно не мог расслабиться, ведь перехватчики могли уйти и позже. Прошло шесть часов, семь, восемь... Наконец, Боб вздохнул с облегчением. Хотя вероятность появления корабля все еще сохранялась, она уменьшалась по мере приближения корабля-разведчика к Луне. Скоун не хотел бы, чтобы лунные детекторы засвидетельствовали взрыв, который произойдет, если перехватчик взорвет разведчика маленькой атомной бомбой.

Но была очень большая вероятность, что на Луне больше не осталось ракет. Все они могли быть потрачены во время последней битвы с флотом топоров — их и так было немного, когда эта битва началась. У Марса тоже осталось не больше трех ракет.

Если бы это было так, то перехватчик использовал бы лазерные лучи. Что ж, если Брауэрд обнаружит приближающийся к нему неизвестный объект, он уклонится и сделает это до того, как тот окажется в радиусе полумиллиона миль. Это было бы совсем не похоже на маневр уклонения, предпринятый самолетами во времена старых войн на Земле. Несмотря

на то что на людей, находящихся на борту космических кораблей, не действовали внезапные резкие повороты, замедления или ускорения, у кораблей были свои пределы. Нет, Боб просто вывел бы корабль на новую орбиту незадолго до того, как тот оказался бы в зоне действия лазеров. При той скорости, с которой будет двигаться перехватчик, он не успеет развернуться и догнать Брауэрда до того, как тот достигнет Луны. Если, конечно, перехватчикам не повезет и они не поймают его диким взмахом лучей наудачу.

Шли часы, а впереди все не появлялось ни одного странного корабля. Получалось, что Скоун не собирался уничтожать корабль-разведчик до того, как тот доберется до родной базы. Наверное, полковник был настолько эгоистичным, что не считал нужным делать это. Он использовал Брауэрда в своих целях, несмотря на его чувства к афинянину, и теперь был готов избавиться от него, когда и как пожелает.

Теперь Боб начал беспокоиться о другом. Почему Скоун не ответил на его сообщение? Он поделился этой своей последней мыслью с Куирогой.

— А зачем ему отвечать? — пожал плечами марсианин.

По корабельному хронометру было отсчитано еще два часа. А потом пришло сообщение. Но это было всего лишь обычное подтверждение приближения Брауэрда и указания, где ему приземлиться.

До посадки оставалось еще шесть часов. Поскольку теперь он был достаточно близко, чтобы запереться и использовать лазерные каналы для связи, а необходимость в коде отпала, Боб спросил оператора о новостях.

— Извините, капитан, — ответил оператор. — Просто выполняйте приказы.

Рассерженный и расстроенный, Брауэрд не сделал больше ни одной попытки что-либо узнать. Даже открывавшийся ему теперь вид на огромный земной шар и более маленький земной спутник, непрерывно растущий перед его глазами, не помог ему почувствовать себя лучше. Что же там происходило?

В назначенное время разведчик приземлился перед входным шлюзом в порт Клавиус. Это была новая труба, построенная из руин старой базы. Рядом с ней маячила гигантская

обтекаемая «Земля». Несколько человек в скафандрах работали на корме судна. Время от времени кто-нибудь из них выходил из тени на залитые солнцем участки, чтобы немного поработать там, прежде чем снова отступить в тень. Даже сейчас проблема сохранения костюма в прохладном состоянии под палящим солнцем не была решена. Но ремонт на «Земле», похоже, был почти закончен. Как только Брауэрд и Куирога покинули свое судно, рабочие спрыгнули с лесов и медленно спустились на поверхность. Затем они подошли к люку на корме и скрылись внутри.

Боб и Пабло тоже были в скафандрах, поскольку шлюз не был приспособлен для прямого соединения с кораблем, а силовое поле нельзя было создать из-за недостатка энергии.

— Я чувствую себя очень странно, — сказал Куирога по рации. — И хотя я не должен этого признавать, я боюсь. Это все равно что войти в пещеру с волками.

— Некоторые из этих волков — мои друзья, — отозвался Брауэрд. — И они хотят мира так же сильно, как и ты, я уверен. Не беспокойся. Что бы ни случилось, я тебя не брошу. Даю тебе слово.

Он нажал кнопку, открывающую замок снаружи, предварительно посмотрев сквозь прозрачный экран, чтобы убедиться, что внутри никого нет. Как правило, замки имели встроенные функции, чтобы гарантировать, что их нельзя будет открыть, если это не безопасно для тех, кто находится внутри. Но сейчас материалов было так мало, а замок был сооружен так быстро, что Брауэрд не был уверен, что были приняты все необходимые меры предосторожности.

Шлюз был пуст. Люк распахнулся, двое людей вошли внутрь, и он закрылся за ними. Вскоре воздух наполнил маленькую камеру, и они вдвоем открыли внутренний люк и спустились в узкую шахту. Лестницы не было, и им пришлось прыгнуть вниз примерно на 3,1 метра — при лунной силе тяжести это было несложно.

Под шахтой находились большая комната и туннель, который вел в еще более просторное помещение. В обеих комнатах были стойки, на которых стояли скафандры и сопутствующее оборудование, а также несколько столов. По-видимому, ими должны были пользоваться чиновники,

проверявшие входящих и выходящих людей. Но теперь помещения были совершенно безлюдны.

— Это странно, — сказал Брауэрд и тут же напрягся.

До них донеслась целая серия пистолетных выстрелов.

— Это может означать только одно, — сказал Боб. — Но я не знаю, кто будет спускаться по этому туннелю через минуту.

— У нас нет оружия, — заметил Куирога. — Давай вернемся на корабль.

Ничего не ответив, его спутник повернулся, пробежал через другую комнату и прыгнул в шахту. У входа в шлюз он быстро сменил и заново закрепил свой шлем, после чего Пабло сделал то же самое. Они вошли в шлюз и, не дожидаясь откачки воздуха, вышли на лунную равнину. Позади них наружу рванулась волна уходящего из шлюза воздуха, и они, подпрыгнув, позволили ей подтолкнуть их к кораблю.

В корабле Боб схватил один из пистолетов и протянул другой Куироге.

— Назад в шахту, — сказал он.

Они вернулись туда как раз вовремя. Из глубины шахты донесся лай крупнокалиберных орудий и хлопки пушек меньшего калибра. Затем наступила тишина. Брауэрд догадался, что стрелявшие, кем бы они там ни были, надевают скафандры, а их противники по какой-то причине прекратили огонь.

— Если это Далквист и его люди, — сказал он Пабло, — мы просто поможем им добраться до «Земли». Если же это Скоун, мы его остановим. Он тоже будет стараться попасть на «Землю».

Перед ними появился человек. Он поднял голову, прежде чем прыгнуть, и Боб узнал в нем Рэдмана, командира «Земли». В тот же миг Рэдман тоже увидел его. Он вскрикнул и поднял свой пистолет двадцатого калибра. Брауэрд бросился назад и упал на пол, спасаясь от потока разрывных руль. Потолок над шахтой раскололся на тысячу осколков, и они полетели вниз.

Когда грохот маленьких разрывных пуль прекратился, Боб завертелся возле шахты.

— Рэдман! — крикнул он. — Я хочу поговорить со Скоуном!

Воцарилось молчание. Прошли секунды, минута... А затем из шахты донесся глухой голос Скоуна:

— Брауэрд! Ты негодяй! Я недооценил тебя, но ты еще не победил!

— Почему же? — крикнул в ответ Боб.

— Потому что у меня есть Ингрид Нашдой! — торжествующе воскликнул Скоун.

Брауэрд стиснул зубы.

— Откуда мне знать, что она у тебя?

— Я подобрал ее, когда мы пробивались сюда с боем. Знал, что она будет очень кстати в качестве заложницы. Кроме того, я хочу ее!

— Я думаю, ты блефуешь.

Скоун не ответил, и Брауэрд задумался, что ему делать дальше. Может быть, им с Куирогой стоит вернуться на корабль? Они могли бы поставить его у шлюза и срезать лазером любого, кто попытается выйти.

Внезапно из шахты донесся пронзительный вопль. Боб напрягся и выругался. А потом снова выругался, услышав голос Ингрид, кричавшей в агонии.

— Теперь веришь? — крикнул Скоун сразу же после этого.

— Хорошо, — ответил Брауэрд. — И что дальше?

— Я просто хочу попасть на «Землю», — сказал полковник. — И я знаю, что ты загнал меня в угол. Так что я заключу с тобой сделку. Ингрид в обмен на «Землю».

Бобу не нужно было спрашивать, что сделает его противник, если ему откажут. Этот человек попытается пробиться наружу, даже если будет знать, что это безнадежно. Но сначала он убьет Ингрид.

— Слишком много крови уже пролилось, — сказал Брауэрд. — И основная часть — совершенно бесполезно. Хорошо, ты можешь взять себе «Землю». Но сначала отпусти Ингрид.

— Что я за дурак, по-твоему? — отозвался Скоун.

— Слушай, «Земля» будет небольшой платой за то, чтобы избавиться от тебя и тебе подобных. Поверь мне, я хочу, чтобы вы ушли, и честное слово, я не сделаю ничего, чтобы помешать вам сбежать. Больше того, я сделаю все возможное, чтобы никто на Луне вас не преследовал.

И снова воцарилась тишина. Несмотря на то что в скафандре работало охлаждение, Брауэрд вспотел. Он повернулся к Куироге:

— Возьми корабль и расплавь все разрушительное оборудование, которое сможешь найти на внешней стороне «Земли». Я сомневаюсь, что те, кто сейчас на ней, узнают об этом — у них вряд ли есть сенсоры. Возвращайся, как только закончишь, и припаркуй корабль в стороне. Пусть он будет готов к полету, если я дам команду или если я не выйду вместе с остальными.

Пабло кивнул и вышел.

— Ну так что, Скоун? — громко сказал Брауэрд в шахту. — У тебя нет особого выбора. Ты должен мне доверять.

Раздалось несколько выстрелов — Боб надеялся, что это был обмен репликами между группой Скоуна и остальными. А потом послышался голос полковника:

— Ну и везучий же ты ублюдок! Появился в нужное время для тебя, а не для меня!

— Конечно! — ответил Брауэрд. Но сам он думал, что дело может быть не только в удаче. Слишком много всего произошло. Находка подводной колонии у Якана, а затем и израильской подводной станции, где Мойше и Каташкина начали новую жизнь и новую нацию. Потом он нашел и спас Куирогу, и случились все те события, к которым привело это спасение, включая открытие шахты Говардса и последовавшее за этим поражение марсианского диктатора. И вот теперь, почти так, как они со Скоуном и уговорились, он прибыл в шлюз как раз перед тем, как Скоуну удалось сбежать.

— Бросьте оружие на пол шахты, — велел Боб. — Поднимайтесь один за другим. Я пропущу вас через шлюз группами по три человека.

Раздался грохот, когда о каменный пол ударились пистолеты. А затем появился Скоун. Он поднял свое огромное каменное лицо вверх, слегка ухмыльнулся и прыгнул. Брауэрд, который уже стоял на краю шахты, отступил назад, держа пистолет наготове.

— Значит, ты победил, — сказал полковник. — По крайней мере, на какое-то время. Я не вернусь, но мои потомки когда-нибудь вернутся.

— Возможно, у них будут не такие взгляды, как у тебя, — ответил Боб. — Скажи своим людям, пусть пришлют сюда Ингрид. Я хочу убедиться, что с ней все в порядке.

Скоун крикнул в шахту, чтобы привели Нашдой, и через несколько секунд Ингрид оказалась рядом с Брауэрдом. Она была бледна и дрожала, но все же сумела улыбнуться ему. В одной руке она держала пистолет Скоуна.

За ней последовал еще один мужчина, а потом женщина.

— Ольга — пленница, — сказала Ингрид. — Они взяли ее с собой, когда наткнулись на нее в коридорах. Она не хочет улетать.

Брауэрд жестом велел этой пленнице встать позади них с Нашдой.

— Подождите минуту, — запротестовал Скоун. — Мы не можем обойтись без женщин.

— В анабиозных камерах «Земли» есть женщины, — возразил Боб. — Ты можешь их разморозить.

Полковник облизнул губы, и на секунду Брауэрду показалось, что он собирается прыгнуть на него. Но, увидев выражение лица Боба, Скоун отступил назад.

Подошел еще один человек. Он присоединился к первым двум, и они вошли в шлюз. Брауэрд, глядя мимо них через прозрачные иллюминаторы, увидел, что корабль-разведчик все еще занят сжиганием лучевого аппарата «Земли». Скоун, конечно же, понял, что он делает. Несомненно, он был в ярости. Но он знал также, что его последний шанс для нападения был упущен. Ему ничего не оставалось, кроме как лететь к звездам.

Из шахты вышли еще три группы, последняя из которых состояла из четырех человек — с тремя мужчинами шла женщина. Брауэрд проследил взглядом, как все они направляются к «Земле». Скоун к тому времени уже исчез внутри огромного корабля.

Через несколько минут после того, как последняя группа вошла на борт звездолета и его люк закрылся, «Земля» поднялась в воздух. Никто из людей, работавших на корабле, не вышел. Либо Скоун заставил их полететь вместе с ним, либо они вызвались сами. Последнее было более вероятным, так как полковник не доверял никому, кроме самых верных своих последователей.

Ингрид разрыдалась и долго не могла успокоиться.

— Я думала, что все кончено, — сказала она, придя в себя. — Что я больше никогда тебя не увижу. Далквист и несколько его друзей пришли арестовать Скоуна. Он был на совещании со своими заместителями. Они сразу сдались, но Скоун — нет. Он застрелил двух человек вместе с Далквистом и повел своих помощников к арсеналу. Он знал, что у него слишком много врагов, чтобы сражаться с целой колонией, и поэтому решил бежать на «Землю», найти новый мир среди звезд. И он вытащил меня из моей камеры, сказал, что собирается меня заморозить, а разморозит, когда найдет подходящую планету. Но он бы не получил меня. Я бы убила себя при первой же возможности...

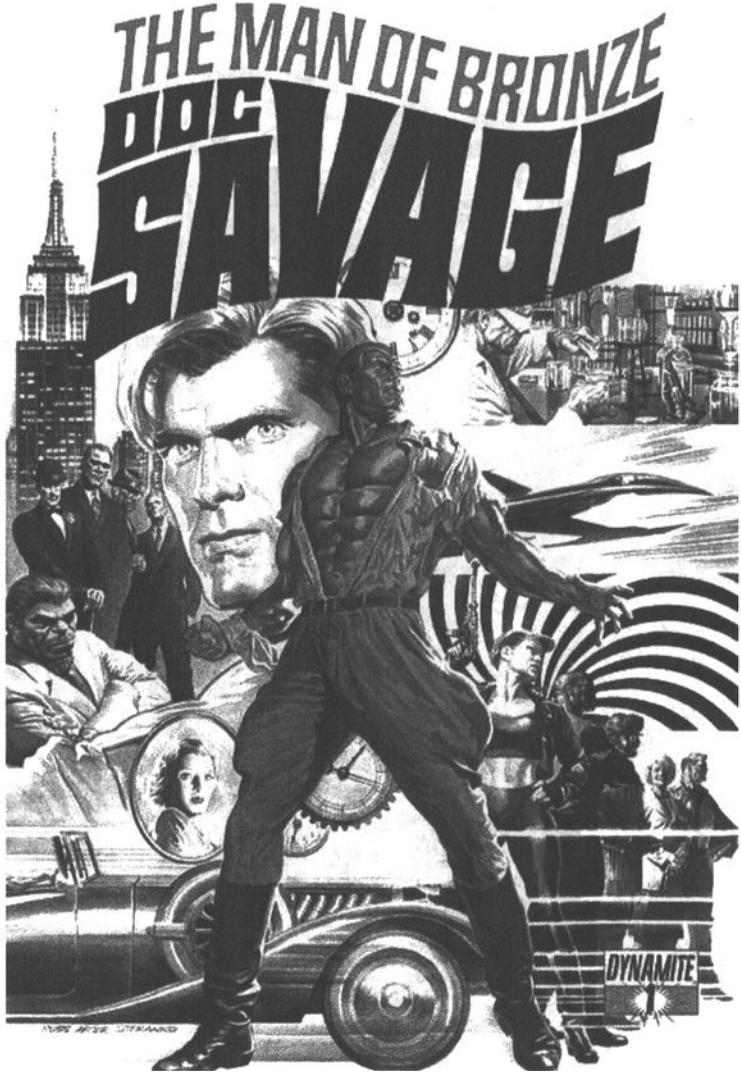
Брауэрд похлопал ее по спине.

— Постарайся забыть то, что случилось, думай об этом, как о ночном кошмаре. Теперь мы проснулись и живем в мире, который нужно превратить в сад. И который нуждается в любви, как никогда раньше.

Говоря это, Боб смотрел в иллюминатор — на улетающую «Землю», которая теперь была только искрой в ярком солнечном свете. «Внутри этой искры горит искра, — думал он. — Скоун. Искра, способная зажечь звезды. Да поможет Бог людям того мира, который он когда-нибудь найдет!»

ПОБЕГ ОТ ЛОКИ

ESCAPE FROM LOKI



ГЛАВА I

ПАУКИ, ЛЮДИ И мать-природа умеют создавать лазейки. Эта лазейка принадлежала именно природе. Она была сделана из воздуха и воды. Но их сопротивление пугало, вызывало смятение в сознании человека, который отважился проникнуть в лазейку. То, что казалось «верхом», на самом деле могло быть «низом».

Подобно юному богу, воспользовавшемуся такой лазейкой, лейтенант Кларк Сэвидж упал с небес в ад. Он и не подозревал, что ведет свой самолет перевернутым. Окутанный облаками и неспособный разглядеть даже приборную панель перед собой, он не имел ни малейшего понятия о грозящей ему опасности. Так не знает об опасности свинья, отправленная на бойню.

Его биплан-истребитель нырнул носом вниз и вырвался из темного тумана. Было 31 марта 1918 года. Яркое французское послеполуденное солнце ослепило молодого человека, и только тогда он понял, что чувства обманули его. Сколько времени он летел вверх ногами, пилот не знал. Его «Ньюпорт-28» шел вертикально к Земле со скоростью двести миль в час и продолжал ускоряться — слишком быстро ускоряться. Кларк должен был выйти из пике. Но не слишком резко. Ткань, которой «Ньюпорт» был обшит сверху, сбрасывалась, если напор ветра натягивал ее чересчур сильно, и как только один кусок ткани отделялся от остальных, поток воздуха, нагнетаемого пропеллером, проникал под покрытие и срывал всю остальную материю.

Парашютов у Сэвиджа не было. Командующий армией союзников издал указ, гласивший, что парашюты предназначены для неженок. Так что если бы ткань, натянутая на крыльях самолета, все-таки смялась, летчику оставалось бы только кричать: «Mon Dieu! Pese! Sacre bleu! Merde! A mon secours!» и другие подобные фразы еще на десяти языках,

на которых он свободно говорил, хотя ему было всего шестнадцать лет. В данный момент он думал по-французски, потому что уже несколько месяцев говорил только на этом языке.

То, что крылья могут отвалиться, его не беспокоило. Он был очень молод и полон юной крови, взрывающихся гормонов и безудержного оптимизма. Однако, в отличие от большинства своих ровесников, Кларк жил не только настоящим моментом. У него были планы на всю оставшуюся жизнь. Вот только боевой летчик союзников — независимо от возраста — должен был каждую секунду остро осознавать, что происходит вокруг него. Если бы он грезил наяву, то отправился бы в «страну вечной охоты».

В тот день была Пасха. Юноша надеялся, что отметит этот праздник Воскресения из мертвых, когда в Америке кролики прячут яйца, еще, по крайней мере, восемьдесят четыре раза. Но он знал статистику воздушных боев. Сегодня он здесь... и, возможно, сегодня же он исчезнет!

Как только пилот вывел «Ньюпорт» из пике, то заметил, что находится на высоте в пять тысяч футов. Он также посмотрел назад... вверх... и вниз, себе под ноги, направо и налево.

Других самолетов нигде видно не было. До этого момента Сэвидж пытался ускользнуть от двух немецких истребителей, преследовавших его, пока он не укрылся в облаке. Но теперь внизу простиралась пустошь поля боя. Земля выглядела так, словно обезумевший лепрекон копался в ней несколько дней, пытаясь найти украденный у него горшок с золотом. Осколочно-фугасные снаряды, начиненные шрапнелью и горчичным газом, проделали в ней тысячи дыр, а затем еще несколько снарядов пробили отверстия в этих дырах и в промежутках между ними. И позже к этим рытвинам добавлялись все новые и новые. Если бы в дырах жили призраки, поле было бы покрыто густой серой эктоплазмой. Фантомы толкались бы, словно автомобили в дорожной пробке.

На юге виднелись полуразрушенные траншеи Шестой французской армии. Они были заняты едва живыми людьми, которые каким-то образом пережили апокалиптические

бомбардировки, или низкопробными резервами, устремившимися к ним с тыла. На севере виднелись немецкие окопы. Позади них, в нескольких милях или около того, галльское солнце Пикардии блестело на рядах тевтонских пушек, в данный момент молчавших.

В тот момент у Сэвиджа возникло странное чувство. Это было похоже на то, как если бы у него было плохое зрение и он сначала смотрел на мир без очков, а потом надел их. Там, где, как ему сперва показалось, в пяти милях позади артиллерии бошей не было ничего особо значимого, теперь находился немецкий наблюдательный аэростат. Драхебаллон — «воздушный шар дракона» — казался крошечным на таком расстоянии, но его желтые очертания, похожие по форме на половину сосиски с тремя надутыми стабилизаторами, напоминающими толстые короткие крылья, на одном конце, а также раздутый другой конец и корзина под ним были безошибочно узнаваемы. Веревки, на которых была подвешена корзина, были невидимы, как и якорный трос, а также телеграфная линия, идущая от корзины до земли. А вот бортовой грузовик с лебедкой, к которой крепился трос, был не настолько маленьким, и его можно было разглядеть. Как и стоящие кругами зенитные орудия — «Арчи» или «Ак-Ак» — и мешки с песком для огневых точек тяжелых пулеметов.

Сэвидж снова огляделся по сторонам. Постоянная бдительность помогает сохранить жизнь. Но она же приносит боль в затекшей шее. Ветер, как обычно, дул с запада. Чтобы долететь до дома, Кларк должен был направить биплан так, чтобы ветер толкал его вбок, а не прямо. Его топливный манометр сказал ему: «У нас достаточно бензина, если ты скоро переключишься на резерв, чтобы добраться до нашего аэродрома. Но только не вздумай ходить вокруг да около! Ну же, вперед!!!»

Позже, вспоминая этот момент, летчик понял, что ему не нужно было решать, что делать дальше. Не думая об этом, он повернул на север. И увидел, что впереди справа привязаны еще две желтые сосиски — фигуры, отмеченные черными крестами. Они находились на расстоянии примерно в три мили друг от друга. Кларк должен был заметить их в то же самое время, что и первый аэростат. И к этому времени

защитники, находившиеся вокруг ближайшего воздушного шара, уже должны были тоже увидеть его самолет. Они нацелили бы свое оружие на этот одинокий биплан, хотя и не ожидали, что перед ними враг. Какой пилот будет настолько глуп, чтобы атаковать теперь, когда он знает, что его засекли на таком расстоянии?

Существовало два рекомендованных способа уничтожить воздушные шары. Либо подлететь к ним низко и быстро, пока враг не успел заметить самолет, либо скрыться в облаках или под ослепительным блеском солнца, а потом круто спикировать с выключенным двигателем, чтобы обратить на себя как можно меньше внимания. Но у Кларка не было времени ни на то, ни на другое. Атаковать наблюдательный шар было гораздо опаснее, чем боевой самолет, независимо от того, высоко или низко он летел. На многие мили вокруг не было ни одного дерева. Все они были разорваны на куски снарядами, а их корни давным-давно вырвали из земли. Если бы Сэвидж полетел к аэростату на уровне земли, то между ним и воздушным шаром оказалась бы сконцентрированная сила ярости и пулеметного огня. С другой стороны, стволы 77-миллиметровых пушек «Арчи» не могли быть опущены достаточно низко, чтобы стрелять в него, пока он не наберет высоту. Именно в этот момент он мог подняться, чтобы подобраться достаточно близко к «сосиске» и выстрелить в нее своими зажигательными пулями.

К этому времени немцы уже знали — или думали, что знают, — что он француз. Таким образом, он был в их глазах достаточно «сумасшедшим», чтобы атаковать. Вверху, внизу и впереди него возникали, как джинны из бутылок, черные клубы дыма с алым огнем в центре. А затем чернота, казалось, стала более плотной. «Ньюпорт» слегка завибрировал. Но что бы ни ударило в него, это не помешало самолету продолжить свое ступенчатое пикирование. Он выровнялся, его двигатель ревел, а колеса были в футе от того, чтобы коснуться взбаламученной грязи. Сильно помятый пейзаж проносился мимо.

Время от времени биплан приближался к земляной насыпи. Брошенная пушка, опаленный огнем танк, заграждения из колючей проволоки, все еще не разрушенные

разрывными снарядами, или опрокинутый лафет — когда они преграждали ему путь, он слегка приподнимался над ними, а кроме того, делал зигзаги, и порой кончик крыла самолета почти царапал грязь всякий раз, когда летчик наклонялся, чтобы изменить курс. Он видел впереди раскаленные добела языки пламени, вырывающиеся из жерл пулемета.

Затем Кларк миновал первую линию траншей... вторую линию... Пролетев над лабиринтом третьей линии, он резко поднял самолет вверх.

Шар быстро втягивался внутрь лебедкой. Черный дым валил из бензинового двигателя, окутывая кузов грузовика, пока тот с трудом спускал своего подопечного с неба. Внешнее кольцо пулеметов было занято. Они плевали в самолет огнем, покачивая стволами, чтобы предугадать его путь.

А потом Сэвидж оказался над ними — положение, которое ему совсем не нравилось. Но это было неизбежно, если он хотел попасть в «сосиску». Теперь он находился примерно в пятистах футах от грузовика. Самолет дважды вздрогнул, когда что-то сильно ударило его по раме. Кларк был уверен, что пули вонзаются в «Ньюпорт», превращая его в дуршлаг, но чувствовал их удары, только когда они попадали в ту часть фюзеляжа, что была рядом с ним. Он резко рванул самолет вверх, и правая половина приборной доски разлетелась на осколки, которые попали в его закрытое очками лицо. На левой линзе расползлась «звезда» из трещин, хотя молодой человек все еще мог видеть сквозь нее. Если его лицо и кровоточило, то боли он совсем не чувствовал.

Внезапно, когда аэростат стал больше, перед бипланом появились маленькие черные облака, быстро расширяющиеся. Через секунду вокруг него, словно ослепительные зеленовато-малиновые бусинки на нитке, лопнули «пылающие луковицы». Это были ракеты столь же страшные, как и «Ак-Ак». «Ньюпорт» сотрясался каждый раз, когда они взрывались. А спустя еще мгновение прекрасный, но зловещий калейдоскоп дыма и огня исчез. Сэвидж был слишком близко к воздушному шару, и защитники перестали стрелять, боясь попасть в «сосиску».

Биплан трижды содрогнулся, как кулик, ступающий в арктическое море. Если самолет и был смертельно поражен, то

не выказал никаких признаков этого. Не дрогнув, с ревом вращающегося на полном газу двигателя и направленный почти вертикально от земли, «Ньюпорт» устремился вверх, к воздушному шару. Он был близок к тому, чтобы зависнуть в воздухе на своем пропеллере.

Кларк видел наверху и впереди двух наблюдателей, высунувшихся из гондолы аэростата, и пылающее дуло винтовки в руках одного из них. Но длилось это ненадолго. Вскоре их головы исчезли, а затем один наблюдатель взобрался на край гондолы и выпрыгнул наружу. Открылся ли его парашют вовремя и что случилось со вторым сидевшим в гондоле человеком, Сэвидж не знал.

Сдвоенные пулеметы Виккерса, один из которых был установлен перед кабиной пилота, а другой — слева, шумно дрожали, как две голодные кошки, только что увидевшие жирную мышь. Льющиеся из них потоки пуль — трассирующих, горящих, показывающих Кларку свой путь свинцовых ракет и зажигательных снарядов — ударили в корзину. Она разлетелась, как птичье гнездо, пораженное торнадо! Две раскаленные добела линии выпущенных Сэвиджем пуль вонзились в нижнюю часть «сосиски». Ее водородное содержимое ярко вспыхнуло, и взрывная волна ударила в «Ньюпорт» так сильно, что биплан, казалось, замер в воздухе...

Но этого не произошло. А горящий шар сразу же начал падать. Левое крыло самолета едва не разорвало внезапно ослабевшим воздушным тросом. Сэвидж почувствовал жар пламени, когда пролетел прямо над аэростатом. В то же время «Ньюпорт» завалился набок. Пилот выровнял его, но не смог замедлить падение. Только благодаря тому, что другая сторона наблюдательной площадки была круто наклонена, он смог удержаться, чтобы не врезаться в землю. Несмотря на это, шасси самолета сильно ударились о землю, когда он высоко подпрыгнул и почти вышел из-под контроля.

Кларку показалось, что он потерял шасси, но он пока не мог это проверить. Он был слишком занят борьбой, чтобы удерживать самолет на прямом курсе. Держать его ровно над землей было второй задачей.

Самолет нырнул вниз. Теперь он был так близко к поверхности земли, все еще казавшейся наклоненной по отношению

к нему, что Сэвидж больше не сомневался: шасси были оторваны. Он ждал, что кончик вращающейся лопасти пропеллера вот-вот вонзится в грязь на дюйм или около того...

...А затем он снова поднялся выше, и снаряды «Арчи» пролетели совсем близко от биплана. Впереди показался черный дым, а в левой части лобового стекла внезапно появилась большая рваная дыра. В то же время волосы Кларка тлели с правой стороны. Оглядевшись, он увидел, что находится к западу от второго шара, но приближается к нему по наклонной траектории. Из его защитных сооружений вырывались огненные черные клубы дыма, окружающие аэростат и похожие на стаю разваливающихся на части рыб.

Сэвидж слегка нажал на рычаг. Снаряды «Ак-Ак» уже не могли долететь до него, а вот ружейные и пулеметные пули вполне могли. Хуже всего было то, что в нескольких сотнях ярдов от него и в пятидесяти футах ниже справа виднелась толпа солдат, стрелявших из винтовок «Маузер» и пулеметов «Максим». Маслянистый дым, идущий от огня под капотом двигателя, окутал голову пилота. Юноша был наполовину ослеплен, и у него щипало в ноздрях! Он начал кашлять — сейчас это была самая опасная реакция. В то же самое время он почувствовал, как прохладный ветерок пробежал по правой стороне его лица. То жжение на голове, которое он ощутил чуть раньше, должно быть, было вызвано осколком шрапнели, пробившим подбитый мехом шлем летчика и разорвавшим кожу на его виске. Теперь по его лицу текла кровь — сначала ее впитывал мех, но потом она стала вытекать из шлема и быстро испаряться на ветру.

Кларк посмотрел вниз. Языки пламени извивались, как окровавленные щупальца раненого осьминога в задней части фюзеляжа. «Ньюпорт» мог взорваться в любую секунду. И вот теперь — несмотря на дым от двигателя и масляную пленку на очках — он увидел новую опасность.

Сзади на него пикировали два «Пфальца». Через десять секунд они должны были начать стрелять в него. Он сдвинул очки на лоб: маслянистый осадок от дыма двигателя полностью затуманил их. Ему пришлось прищуриться. Его глаза горели!

Что-то выбило его правую ногу из положения, направляющего самолет вверх. А потом еще и его правое плечо внезапно обожгло! Край кабины был разорван в клочья.

То, что произошло после этого, с трудом просочилось в его сознание сквозь сумеречный экран. Он смутно сознавал, что левая сторона приборной панели взорвалась от пуль, выпущенных сзади. Сколько времени после этого он видел реку примерно в сорока футах под собой, летчик тоже запомнил плохо. Позже он все так же смутно припоминал, что возился с пряжкой своего аварийного ремня. А потом время перестало существовать для него...

ГЛАВА II

КОГДА СЭВИДЖ ЧАСТИЧНО пришел в себя, он обнаружил, что ползет по грязной земле. Его лицо находилось всего в нескольких дюймах над ней. Грязь воняла давно протухшей рыбой и растворялась в пропитанной водой почве.

Внезапно в нескольких дюймах перед ним в грязи появился крошечный кратер. Кларк не очень хорошо слышал, но смутно понимал, что в него стреляют. Он продолжал ползти, чувствуя холодную влажную землю на своем правом колене там, где она пробивалась сквозь дыру в летном костюме. Его правая нога немного волочилась. Каким-то образом он выжил во время крушения самолета и доплыл в своей тяжелой одежде до берега реки.

Этот берег слегка поднимался вверх. Если бы Сэвиджу удалось добраться до его вершины и спуститься на другую сторону, он мог бы оказаться вне линии огня. Казалось, это длилось целую вечность. Тем временем впереди на грязи появлялись все новые кратеры. К тому моменту, когда летчик вскарабкался на вершину насыпи и откатился от нее, к нему почти полностью вернулась способность слышать. В него и в самом деле стреляли из винтовок!

Юноша повернулся и пополз — вернее, соскользнул — к куче спутанной бурой травы и грязи. Он видел ее только сбоку и одним глазом. Река в этом месте была около двухсот футов шириной. Это должна была быть Верзе — приток Ойзе.

Он, по-видимому, спустился около Нойона, который теперь удерживали немцы.

Треск выстрелов доносился с противоположного берега, где находились немецкие солдаты. Но потом он вдруг прекратился. На середине реки стояло три судна. Одним из них был буксир, который толкал дюжину открытых барж, груженных углем. У его лоцманской рубки не было крыши. Второе судно находилось выше по течению от буксира. Высокое и яростное пламя охватило его от носа до кормы, а его разбитый корпус выглядел так, словно это был патрульный катер. Когда взгляд Сэвиджа задержался на нем, в середине корабля что-то взорвалось, и его передняя секция погрузилась в воду. Через мгновение за ней последовала и кормовая секция. Третье судно было паровым патрульным катером под флагом кайзеровской империи. Его пулеметы были направлены в ту сторону, где Кларк перебрался через берег. Но теперь они молчали, хотя катер направлялся в его сторону.

Патрульный катер должен был вскоре высадить на берег людей, чтобы те смогли поймать летчика на суше. А машины, груженные солдатами, жаждущими застрелить беглеца, должны были проехать по этой дороге, если только они не застрянут в грязи.

Двух «Пфальцев», которые следовали за Кларком, пока он не разбился, словно и не было — он не слышал шума их моторов и не видел никаких признаков их присутствия. Их пилоты должны были удовлетвориться тем, что они разделят еще одну победу — или свою первую победу — с другими немцами.

Сэвидж повернулся и пополз к дороге. Пошатываясь и чувствуя слабость в правой ноге, он поднялся и пересек ее. Его ступни глубоко погрузились в грязь и издавали чмокающие звуки, когда он вытаскивал их. Добравшись на четвереньках до противоположной стороны дороги, летчик выпрямился. Теперь он был вне поля зрения врага — во всяком случае, на данный момент.

Лес — теперь это была просто разбросанная повсюду куча полусгоревших деревьев — не был хорошим укрытием. Но пилот начал пробираться через него, обходя те места, где ему преграждали путь обугленные пни или груды обгорев-

ших стволов. Делая это, молодой человек размышлял о том, что же произошло после того, как он потерял сознание. Он должен был умереть.

Что сорвало крышу с его кабины? Проблема была в самом самолете, конечно же. Должно быть, верхушка рубки ударилась обо что-то, когда биплан наклонился и отскочил от этого препятствия. В конце его изогнутого пути находился патрульный катер. Вероятно, «Ньюпорт» врезался в него и взорвался. Кларк должен был превратиться в студень от удара, а потом сгореть дотла от взрывающегося бензина.

Значит, за тот очень короткий миг, пока «Ньюпорт» рикошетом отскакивал от крыши баржи и врезался в патрульный катер, он успел катапультироваться из кабины пилота. Это само по себе было чудом, поскольку он был крупным мужчиной и с трудом втиснулся в эту кабину. Она сжала его так, словно он попал в гроб, построенный для безрукой женщины. Может быть, самолет «выплюнул» его, когда отскакивал от рулевой рубки баржи. А может быть, Сэвидж просто выпал из него, потому что фюзеляж развалился при первом же ударе. Когда он врезался в воду, то несся со скоростью не меньше ста миль в час. Он должен был быть расплющен, как будто ударился о бетонную стену. Может ли человек пережить такое? Доказательством того, что это все-таки было возможно — если бы он вошел в воду под правильным углом — было то, что теперь Кларк находился на суше и мог ходить. Конечно, падение в воду на такой скорости, после которого он остался невредимым, было лишь вопросом удачи.

К тому времени летчик уже углубился в лес, который больше не был лесом. Пробираясь через груды полуразвалившихся и почерневших от пламени стволов деревьев, переступая через одни и перепрыгивая на другие, он во многих местах оставлял за собой следы. Вскоре этот выкошенный лес остался позади. Перед юношей была такая же грязная дорога, как и первая, а за ней — еще один лес. Это место война не тронула, хотя многие деревья были срублены. Топлива во Франции не хватало, и деревья, которые остались бы расти в мирное время, теперь должны были погибнуть.

Тучи сгущались, полностью закрывая небо. Они были тем-

ными и сердитыми, а вдалеке из них вырывались молнии. Хлынул дождь — сразу стеной, без редких предупредительных капель. В то же самое время западный ветер ударил так, словно вырвался из мешка!

Сэвидж пересек дорогу, слегка наклонившись влево, чтобы не упасть под напором ветра. Если так будет продолжаться долго, дождь смоет его следы. Углубившись в лес, молодой человек укрылся под навесом песчаникового гребня у неуклонно поднимающегося ручья. Он снял перчатки, защитные очки, шлем и летный костюм, а потом стер носовым платком пленку с очков. После этого Кларк достал из кармана две плитки шоколада. Он был голоден, но эти плитки могли понадобиться ему позже. Лучше было пока не трогать их.

Положив шоколадки обратно в карман, он осмотрел свои раны, для чего ему пришлось раздеться. На голове у него были два неглубоких, но болезненных пореза, а лицо было изрыто крошечными ранками. Да еще наружную часть правого бедра слегка задело пулей. Кроме того, на правой икре у него виднелся смутный синяк в форме лезвия длиной около пяти дюймов, направленный вниз. Этот ушиб ослабил его ногу и заставил его слегка прихрамывать. Внутренняя часть его левого бедра около паха была разорвана — хотя и не глубоко — осколком или пулей. Правая рука оказалась сильно растянута и болела сильнее всего. Впрочем, шея болела почти так же сильно. Кроме того, у него были небольшие раны на спине и несколько на ногах. Его правый локоть был обожжен снаружи, как будто он с силой провел им по бетону, а тыльные стороны его ладоней покрывала засохшая кровь. Осколки снарядов пробили его тяжелые кожаные перчатки, и их крошечные раскаленные частицы обжигали кожу, остывая. Чуть выше левого колена Сэвидж выдернул осколок гильзы — треугольный, размером с десятицентовик. Вокруг никого не было, поэтому он позволил себе охнуть от боли, когда удалил этот осколок.

Несмотря на многочисленные раны, он потерял не так уж много крови. Его шлем и костюм были исправны, хотя он обнаружил в них четыре больших и дюжину маленьких отверстий. Он уже начал мерзнуть и задрожал еще сильнее, когда снова надел нижнее белье и носки. Речная вода про-

никла ему под одежду, и юноша промок насквозь. Только когда он полностью оделся и под толстой кожаной и меховой внутренней подкладкой летного костюма появилось тепло, он снова почувствовал себя немного согревшимся. Его ноги, обутые в подбитые мехом кожаные сапоги, все еще были ледяными. Несмотря на то что он перевернул сапоги и подержал их некоторое время вверх ногами, чтобы слить воду, в них оставалось еще много влаги.

Кларк снял кобуру, вынул из нее свой новый служебный револьвер — «Кольт» сорок пятого калибра — и вытер его одним из двух носовых платков, которые он носил с собой. Затем он осмотрел охотничий нож в ножнах, пришитых к правой ноге летного костюма. На лезвии, примерно в середине, было углубление — пуля или осколок попали туда и отскочили. Теперь Сэвидж знал, что послужило причиной синяка в форме лезвия на его правой икре. Если бы не нож, рана, возможно, была бы очень тяжелой. Но и синяк причинял ему довольно сильную боль.

Дождь лил как водопад: струи воды падали с кроны дерева над летчиком и били в землю рядом с его ногами. Он сомневался, что кто-нибудь, стоящий на другой стороне ручья, мог видеть его сквозь эту водяную стену. Тем более что небо теперь было сплошь затянуто очень темными тучами. Однако было ясно, что вскоре ему придется переместиться. Уровень воды в ручье поднимался так быстро, что примерно через двадцать минут у его ног должны были плескаться волны.

Там, между ним и французскими войсками, находилось несколько сотен тысяч немецких солдат. А сто или даже больше немцев, несомненно, искали его прямо сейчас. Он мог бы отправиться на северо-запад, к Голландии, нейтральной стране, но до нее было очень далеко. Кроме того, ему пришлось бы ускользать от немецких военных, а также искать помощи у французских, а затем у бельгийских гражданских лиц, пробираясь через всю эту территорию. А после всего этого — еще и обходить множество часовых и тройной барьер, воздвигнутый бошами вдоль голландской границы.

Наступление Людендорфа, начатое 21 марта, поставило французов и англичан на колени. Они уже бывали таком положении раньше. Но на этот раз они сильно сомневались,

что смогут снова подняться. Британцам, возможно, придется теперь эвакуироваться через Дюнкерк и отправиться в Англию. Французы же подумывали о том, чтобы начать переговоры об условиях мира, хотя в газетах об этом и не писали.

К тому времени во Францию прибыли первые американские войска, но они были пока еще не очень хорошо организованы. Кларк Сэвидж знал, что первая группа преследования американских ВВС находится в Тулоне, но эти авиаторы ждали, когда на их самолеты установят пулеметы. Пройдет некоторое время, прежде чем они вместе с американскими сухопутными войсками начнут действовать эффективно. А если союзники каким-то образом не удержат линию фронта, а затем не оттеснят немцев назад, они проиграют войну. США объявили войну центральным державам слишком поздно.

Сэвидж надеялся попасть в 94-ю или 95-ю эскадрильи преследования в Тулоне, но полковник Билли Митчелл назначил юношу — по его словам, временно — во французскую воздушную боевую часть. Митчелл хотел, чтобы Кларк получил опыт как можно раньше. Кроме того, молодой американец должен был тщательно усвоить французские боевые и технические методы.

— Ты еще молод, — сказал Митчелл, а затем добавил, улыбаясь: — Восемнадцать, я полагаю.

Знал ли он истинный возраст Сэвиджа?

— Я под большим впечатлением от твоего послужного списка летчика, офицера и от твоего безупречного французского языка, — продолжил он. — Ты, наверное, разочарован, потому что будешь не со своими соотечественниками-американцами. Но это назначение в конце концов вознаградит тебя. Несмотря ни на что, по какой-то непостижимой причине штаб-квартира приказала отправить тебя туда. Удачи. Она тебе еще понадобится.

И все. Через два часа Кларк Сэвидж отбыл на свою новую должность. Как и все молодые люди, он мечтал стать летающим асом. Или, если война продлится достаточно долго, возможно, сравняться или превысить рекорд побед барона Манфреда фон Рихтгофена, чей самолет, полностью выкрашенный в красный цвет, возглавлял немецкий летающий цирк, ужас западного фронта.

Кларк не должен был сразу же бросаться в бой. Его непосредственный командир — капитан Анри Жозеф де Слад из эскадрильи охотников «Спад 159» — лично сражался так, словно ему было все равно, каковы шансы на победу. Но он не собирался отправлять находящихся под его опекой недолеток в бой до тех пор, пока они не получат некоторую подготовку. Сегодня Сэвидж отправился на свой шестой рейс — утренний патруль — искать кровь. И он был разочарован. Может быть, потому, что Эфир и фурии войны прекратили дождь на один день, чтобы отпраздновать воскрешение из мертвых Принца Мира. А может быть, потому, что гунны так много потеряли во время наступления. Единственными видимыми врагами в небе были несколько самолетов-наблюдателей, находившихся слишком далеко, чтобы их можно было атаковать.

Послеобеденный же полет был совсем другим. После того как Сэвидж вернулся с утренней вылазки и посадил свою машину, в нее врезался другой «Спад», тоже вернувшийся из рейса, с раненым пилотом на борту. Сразу после приземления этот летчик потерял сознание, и его самолет столкнулся с бипланом Сэвиджа. Оба самолета были разбиты, но пилот выжил. Единственными самолетами, имевшимися под рукой, были недавно выпущенные «Ньюпорты», спешно доставленные на замену потерянным в бою или в результате несчастного случая «Спадам». Заказанные же новые «Спады» еще не прибыли.

Сэвиджу это не понравилось. Юноша сам держал свой биплан в первоклассном порядке — лучше, чем это мог бы сделать любой механик. Кроме того, он вел подсчет каждой пуле, выпущенной из его пулеметов. Все, что не соответствовало точным спецификациям, отклонялось. Кларк не хотел, чтобы его оружие заклинило в критический момент — или в любое другое время, если уж на то пошло. И все же он не хотел пропустить эту миссию. А де Слад, который и сам был безрассудным человеком, все равно не понял бы, если бы он отказался от этого задания.

— Лейтенант Сэвидж, ты можешь быть готов, а можешь и не быть, — сказал Анри Жозеф, когда они уже садились в свои самолеты. — Мы это еще выясним. Но тебе уже пора понюхать пороху. В атаку, малыш! Потесним варваров!

Независимо от того, мог ли он доверять своей машине или нет, Сэвидж должен был присоединиться к этому вылету. Абстрактное понятие чести превозмогло конкретное понятие практичности. Во время набора высоты и после выравнивания на высоте в шестнадцать тысяч футов он познакомился с летными характеристиками «Ньюпорта». Это была хорошая машина, хотя он все еще предпочитал свой «Спад С. XIII». Кроме того, его лицо замерзло, а ноги и нижняя часть туловища сильно вспотели. Вращающийся двигатель Лерхона излучал очень много тепла, которое проникало в кабину пилота. Кроме того, смазкой для двигателя служило касторовое масло. Вдыхание его паров часто приводило к крайне неприятным, очень неудобным и чрезвычайно неловким результатам.

Далеко на западе поднимались огромные черные грозовые тучи, однако небо над этим ближайшим районом представляло собой лоскутное одеяло из снующих тонких или тяжелых облаков с редкими разрывами между ними. Кларк летел выше большинства остальных летчиков. Он был настороже, высматривая вражеские истребители наверху, сзади и — когда в облаках попадались просветы — внизу. Затем, когда они пролетели над особенно большим разрывом в облаках, де Слад взмахнул крыльями своего самолета, чтобы привлечь внимание группы. Он указал вперед и вниз, и Сэвиджу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, на что показывает их предводитель.

Из-под прикрытия облака только что вышли двенадцать больших двухместных бипланов, летевших в V-образном строю. Они были похожи на разведывательный самолет дальнего действия «Румпель С. IV» и находились на высоте примерно в двенадцать тысяч футов. Над ними на высоте в пятнадцать тысяч футов из того же облака почти сразу появился их эскорт — двадцать истребителей «Пфальц Д. III-а». Поскольку французы были освещены солнцем, немцы, вероятно, их не видели. Де Слад подал сигнал к атаке и сразу же резко нырнул вниз. Сэвидж, чье сердце билось все быстрее, бросился в атаку следом за ним вместе с остальными двенадцатью самолетами.

Наконец-то... действие!

ГЛАВА III

ФРАНЦУЗЫ БЫЛИ В значительном меньшинстве. Но это было неважно. Их капитан приказал им атаковать врага. Фразы, которые он часто произносил, гудели в голове Сэвиджа:

— Дерзость! Всегда дерзость! Осторожность — для трусов!

Де Слад рассчитывал, что они быстро подлетят к вражеским самолетам, выпустят несколько очередей по любому бомбардировщику, попавшему в поле их зрения, а затем продолжат движение. Скорость, полученная при крутом пикировании, позволит им обогнать сопровождающие истребители. Кларк с трудом сглотнул и зевнул, когда от перепадов давления воздуха у него заложило уши.

Затем «Румпели» — еще мгновение назад совсем маленькие — превратились в такие большие самолеты, что он мог видеть детали их конструкции и лица пилотов и сидящих за спинами стрелков. Они расплывались по мере того, как его поле зрения сужалось, и только один вражеский самолет был впереди него, немного ниже.

Вместо того чтобы идти прямо на этот аэроплан, Сэвидж стал приближаться к нему под углом. Это было не так уж важно. Несмотря на то что у него было очень мало времени для стрельбы, он все же выпустил одну длинную очередь в двигатель и в переднюю кабину. Ему показалось, что прямо перед тем, как он пролетел мимо того самолета, в боку у него появились крестики-нолики дыр. Но юноша не был в этом уверен. Все происходило слишком быстро.

Кларк заметил, что «Румпель» несет бомбы, а пулеметчик в его задней кабине целится в него из «Шпандау» — пылающее дуло было направлено на Сэвиджа. Затем вражеский самолет упал на бок — его пилот был убит или ранен, а может, притворялся убитым. Кларк оглянулся назад. Из-под капота двигателя «Румпеля» валил дым, и самолет начал вращаться. Артиллерист — бедняга! — скорее всего, сгорит заживо еще до того, как самолет разобьется. Как и пилот, если он всего лишь ранен.

У Сэвиджа не было времени останавливаться на таких похвальных, но морально ослабляющих мыслях. Три «Пфальца» были у него на хвосте, но они все еще находились слишком далеко, чтобы стрелять в него. Еще один быстрый взгляд

показал ему общую ситуацию. Горящие куски разнесенного вдребезги «Румпеля» падали вниз. Кто-то — вероятно, де Слад — всадил зажигательные пули в его бензобак. Остальные вражеские самолеты все еще находились в строю и направлялись к месту своего назначения. Большинство немецких летчиков-истребителей, покинувших строй, решили, что им не догнать французские машины, и возвращались на свои посты. Но три гунна все еще были у Кларка на хвосте.

Все французские самолеты летели на юг...

...хотя нет. Не все! Один из них уже повернул назад и шел курсом, который мог бы перехватить «Румпель», двигаясь достаточно быстро. Только де Слад мог справиться с врагом в одиночку.

Трое бошей, должно быть, оглянулись, увидели преследующего их капитана и стали разворачиваться, чтобы напасть на него. Так как они были выше его на несколько тысяч футов, то могли пикировать на него один за другим и делать свои пассы.

Сэвидж надеялся, что у Анри Жозефа хватит ума развернуться, нырнуть, чтобы набрать скорость, и помчаться к французским позициям. Молодой американец мельком увидел широко разбросанные на земле горящие обломки «Румпелей». Их бомбы взорвались от удара обрушившихся машин. А «Спад» его капитана все еще поднимался вверх, указывая на троицу бошей, которые жаждали вступить с ним в бой. Этот проклятый дурак собирался напасть на них!

— Ну вот, — пробормотал Кларк, — вот и еще один.

Он всегда уважал изречение шекспировского остроумного шута Фальстафа: «Благоразумие — лучшая часть доблести». Другими словами, было бы лучше убежать, если бы шансы немцев на победу были слишком велики. Всегда можно подраться в другой день. Но сейчас юноша просто не мог убежать. Только не теперь, когда сумасшедший француз был готов сразиться с врагом, превосходящим его численностью в три раза.

Де Слад, вероятно, уже кричал с вызовом: «Свиньи! Ублюдки! Вперед, на любителей кислой капусты!» Сэвидж вывел «Ньюпорт» из пике... развернул его... и начал подниматься. Оглядевшись, он увидел, что четверо его товарищей

тоже перестали убегать. Они повернули назад и начали подниматься.

— Мы все сумасшедшие! — закричал американец.

Теперь три «Пфальца» выстроились в ряд и собирались стрелять в него один за другим. Если бы они промахнулись или только покалечили бы самолет, то развернулись бы и снова набросились на него. Кларк держал свою машину на встречном курсе. Немец в головном «Пфальце» был почти так же упрям, как и Сэвидж, но в самую последнюю секунду его биплан поднялся вверх и оказался слева от противника. Дула его пулеметов «Шпандау» уже пылали, прежде чем Сэвидж успел выстрелить из «Виккерса». Он сделал это лишь после того, как оценил общую скорость двух самолетов, летящих прямо друг на друга. Затем он промчался мимо первого врага и направился прямо ко второму. Тот поднял крыло и отпрянул в сторону от Кларка. Американец дал по нему короткую очередь, но не успел проверить, попал ли в него.

Тем временем выстрелил третий самолет. Юноша увидел прямо перед собой красные языки «Шпандау». Его собственные пушки ответили, и немец нырнул вниз. Все три вражеских пилота были, вероятно, так же бледны, как и он сам, и так же сильно вспотели.

«Ньюпорт» снова направился к ним. Двое из них повернулись и полетели в его сторону. Сэвидж при этом кричал, как команч, который считает удачные удары! Один «Пфальц» под крутым углом устремился к земле — его пропеллер был отстрелен. Таким образом, разбираться с американцем, которого они приняли за француза, остались двое. Один из них находился неподалеку и был на одном уровне с самолетом Кларка. Он нацелил свою машину на него. Другой стал подниматься по кривой, чтобы оказаться позади «Ньюпорта». Вверху, справа от Сэвиджа, на фоне голубого неба вспыхнул яркий красно-оранжевый свет. Де Слад одержал победу, но на хвосте у него крутился еще один «Пфальц».

Четверо французов, спешивших на помощь своему капитану, были еще далеко. «Румпели» и сопровождающие их самолеты быстро уменьшались и вскоре превратились в точки размером с комара. Кларк охватил все это мимолетным взглядом. Теперь у него оставалось время только на то, чтобы обдумать

сложившуюся ситуацию. Он должен был вот-вот столкнуться лоб в лоб с «Пфальцем», если только у него или у немецкого пилота не сдадут нервы. Или если кто-то из них не подключит здравый смысл.

В самую последнюю долю секунды струсил именно американец. Что-то подсказывало ему, что немец, не сумевший в первый раз перехитрить своего врага, намерен сделать это сейчас. Сэвидж повел свой самолет вверх и вправо, «Пфальц» пронесся мимо и пролетел под ним. Догадка Кларка оказалась верной. Противник был готов врезаться в него, если бы он не убрался с дороги!

Затем Сэвиджу пришлось подгонять свой «Ньюпорт», словно нахлестывая его хлыстом, чтобы избежать столкновения с другой машиной. Она нырнула вниз справа, пролетела, стреляя из своих пулеметов, над ним, но затем быстро повернулась. Пилот этого самолета увидел хороший шанс сесть Кларку на хвост. Кларк, однако, устремился вверх по дуге с вращающимся двигателем на полной скорости. Он слегка накренился — как раз вовремя, чтобы дать по «Пфальцу» очень короткую очередь. Но немец тоже ответил ему стрельбой, прежде чем Сэвидж промелькнул мимо него.

Американец оглянулся назад и увидел две дыры в обшивке фюзеляжа всего в нескольких дюймах позади своей кабины. Вероятно, имелись и другие отверстия, которые не были видны с его места. В течение следующих нескольких минут шла дикая схватка: боши старались сесть ему на хвост, а он пытался убежать от них, в то же время оказавшись прямо позади одного из них. Затем, во время одного из маневров, Сэвидж обнаружил, что «Пфальцы» мертвы — во всех смыслах этого слова. Но оба его пулемета одновременно заклинило. Такое случалось очень редко, и этого вообще не случилось бы, если бы он успел перед взлетом проверить свои боеприпасы.

Сэвидж был не из тех, кто легко ругается — его учили выражать свои мысли иначе. На этот раз, однако, он выплеснул свое разочарование и гнев с помощью нескольких крепких выражений — правда, на французском и итальянском языках, а закончил одним-единственным арабским словом. Времени на то, чтобы попытаться вытащить пистолет, у него не было. Враги были слишком близко.

Он сбежал от них, стараясь добраться до далекого облака. Если бы он мог оторваться там от немцев, ему бы удалось решить эту проблему. Он не знал, что будет делать после этого. Скорее всего, полетит домой. У него действительно не было достаточно топлива, чтобы терять время зря.

Юноша нырнул в облако, но преследователи отстали от него всего на полмили. Его самолет дернулся и завертелся в воздухе от смертоносных порывов ветра внутри тучи. Он ничего не видел дальше своего носа, но, несмотря на это, высунулся из кабины, включив автопилот, нащупал в темноте казенники пулеметов и стал колотить по их рычагам крошечным деревянным молотком.

Кларк вернулся на сиденье, когда рычаги, как ему показалось, снова стали нормально двигаться. Короткая вспышка сообщила ему, что они работают — по крайней мере, пока. Но теперь у Сэвиджа была другая проблема: он потерялся. Он не знал, где находится и в каком направлении идет.

Именно тогда последовали события, которые привели его в этот лес.

СИДЯ ПОД ДЕРЕВОМ за завесой воды, Кларк гадал, что же заставило его напасть на воздушные шары. Конечно, это нельзя было назвать благоразумием. Как обычно, он не стал хладнокровно оценивать ситуацию, прежде чем действовать. Что-то сделало его более чем слегка иррациональным. Возможно, он был эмоционально заражен безумным стремлением де Слада сблизиться с врагом. А может быть, его подгоняло само безумие боя.

Какова бы ни была причина этого, в будущем ему стоило бы научиться держать себя в руках на все сто процентов. Его необычное и интенсивное образование дало ему в шестнадцать лет, как он думал, больше самодисциплины и здравого смысла, чем большинство людей приобретали за всю жизнь. Но, очевидно, это было не так. Ему повезло, что он остался жив и понимал, как ему повезло. Человек не может полагаться на удачу. Что бы сказал и почувствовал его отец, доктор Кларк Сэвидж-старший, если бы увидел его сегодня?

Доктор Сэвидж недавно отправился исследовать глубины Бразилии и не знал, что его единственный ребенок поступил на службу в авиацию. Хотя он и не запретил бы сыну идти в армию добровольцем. После того, как Сэвиджу-младшему исполнилось четырнадцать лет, отец только советовал ему что-либо делать, но никогда не «приказывал». Наверное, он гордился бы тем, что его сын, его единственный ребенок, записался в армию. Но, несомненно, он бы волновался. Однако, хотя старший Кларк очень любил своего сына, он был — в некотором смысле — довольно отстраненным и вполне «задвинутым» на науке человеком. Кроме того, ему было бы очень интересно узнать, как его сын поведет себя в качестве солдата, застрявшего на вражеской территории. Частью обучения Сэвиджа-младшего с самого детства была подготовка именно к такой ситуации. А еще отец был бы рад подвигу своего сына, уничтожившего четыре немецких самолета за один день. Хотя он и сожалел бы о том, что при этом погибли люди, даже те, кто пытался убить его ребенка.

Кларк-младший тоже кое о чем сожалел. Но не сильно.

Дождь закончился, и тонкий водопад перед ним превратился в вереницы капель. Ветер при этом не ослабевал, и раскаты грома становились все громче. Прихрамывая, Сэвидж спустился к ручью... встал на четвереньки у самой кромки воды... и зачерпнул ее перчатками. Вода не имела запаха нечистот и казалась достаточно свежей, хотя на вкус все-таки была грязной. Оставалось только надеяться, что она не переносила тиф.

Утолив жажду, молодой человек поднялся по склону и опустился на колени, чтобы заглянуть за его край. В небе сверкали молнии, напоминающие гигантских черных кенгуру, скачущих к нему на ярких изогнутых ногах. Облака были очень темными и почти превращали день в ночь. В шестидесяти футах от холма лес заканчивался. Дальше было широкое поле, покрытое мертвыми сорняками. А с другой стороны поля, по-видимому, стояли одно-два здания.

Кларк направился к этим строениям, не покидая леса. Сделав полукруг вдоль опушки, то оказался достаточно близко, чтобы разглядеть, что это были двухэтажный каменный фермерский дом и большой деревянный амбар. Оба были

темными, и не было никаких признаков — или звуков, — говорящих о том, что там есть кто-нибудь живой, человек или животное. К тому времени молнии уже создавали десятки ярких и шумных мостов между землей и небом. Из-за них и из-за сопровождающего их грома юношу невозможно было услышать. Но если в доме были люди, они могли увидеть Сэвиджа во время вспышек.

Он побежал через заросший сорняками двор. Правая нога теперь слушалась его лучше, хотя синяк все еще причинял ему боль. Юноша остановился у окна. Оно было разбито, и струи дождя заливали дом. И хотя это еще больше усиливало впечатление, что внутри никого нет, Кларк оставался настороже. Он обошел постройку кругом и заглянул в каждое окно, а также проверил землю на наличие следов. Их там не было, но кто-то мог войти в дом совсем недавно по щебеночной дорожке, ведущей к парадной двери. Дождь наверняка смыл бы грязь, прилипшую к покрывавшим ее камешкам.

После осмотра дома Сэвидж открыл незапертую входную дверь. Ее петли заскрипели, и он медленно двинулся дальше. Если бы кто-то был внутри, он вряд ли услышал бы, как открывается дверь. Гроза грохотала слишком сильно. Прерывистые вспышки молний показали Кларку комнату без мебели, но и без мусора. На боку у самой стены лежала детская игрушка — модель туристического автомобиля «Де Дион Бутон» 1913 года выпуска с отсутствующим передним колесом. Рядом валялись старые газеты и несколько книг. В комнате пахло сыростью и плесенью. Юноша медленно направился к двери в соседнее помещение...

...А потом остановиться. Теперь он уловил очень слабый запах, похожий на запах сигаретного дыма. Американец осторожно выглянул из-за двери. Бледный дневной свет, а также молнии показали ему, что эта вторая комната тоже была пуста. Но запах дыма теперь ощущался еще сильнее, а в промежутках между раскатами грома Кларк едва различал голоса. Чем ближе он подходил к следующей двери, тем гуще становился сигаретный дым.

Остановившись у двери, летчик услышал сквозь грохот бури два мужских голоса. Хотя, конечно, в комнате могло быть и больше двух человек. К этому моменту гром и молнии

уже ушли на юго-восток — впрочем, прошло некоторое время, прежде чем шум грозы полностью затих. Внимательно прислушавшись, Сэвидж, наконец, определил, что эти двое говорят на стандартном американском английском. Хотя и не на том, который используется в вежливых кругах.

Подслушивая, он все время оглядывался назад. Существовала вероятность — пусть и незначительная, — что в дом может войти кто-то еще. Не забывал пилот и о том, что немцы, возможно, ищут его, несмотря на суровую погоду. У одного из говоривших мужчин был пискляво-дребезжащий голос, похожий на писк мыши, попавшей в консервную банку. Услышав такой голосок однажды, подумал Сэвидж, его уже никогда не забудешь. Владелец этого голоса жаловался на голод. Живот этого человека, по его словам, поднимался вверх по позвоночнику в поисках пищи.

— Неужели ты никогда ни о чем не думаешь, кроме как о том, чтобы набить рот и погоняться за юбками? — сказал ему другой мужчина. Его баритон был властным и очень презрительным.

— В этом сарае, наверное, полно крыс, — отозвался скрипучий голос. — Мы легко могли бы их поймать. Ты будешь большим куском сыра. Просто сядь в центре сарая в качестве приманки, а я буду бить их дубинкой, когда они пойдут за тобой.

— Кусок сыра! — фыркнул баритон. — Сыра! Неужели ты не в состоянии не болтать все время, как шимпанзе, выпрашивающий бананы? Сыр! Перестань говорить о еде!

— Крысы не так уж и плохи, — возразил писклявый голос. — Держу пари, что на вкус они мало чем отличаются от белок. А беличье мясо — это вкусно! Что ты скажешь насчет того, чтобы пойти в сарай и наловить их?

— Сыр!

— Было бы неплохо, если бы мы взяли с собой немного ветчины.

— Ветчина! Никогда больше не смей упоминать это слово! Я вышвырну тебя отсюда в Берлин!

Любитель поесть разразился хохотом.

— Ты деградируешь в состояние Пилтдаунского человека! — заявил баритон. — Или мне лучше сказать «Пелтдаунского»,

волосатый ты парень. Я чертовски хорошо знаю, что ты меня тогда подставил!

— О, ха-ха-ха!

— Когда-нибудь я с удовольствием брошу тебя в свинарник, а потом съем свиней, которые тебя сожрут. Если только не окажется, что у них тонкий вкус, и они не побрезгуют тобой.

Сэвидж слушал этих двоих, обдумывая, что же делать дальше. Либо эти люди были сбежавшими военнопленными, либо они отстали от своего подразделения, когда немцы захватили этот район. Во всяком случае, они прятались от бошей. Но поблизости не было никаких американских войск. Их вообще не было во Франции. Что же делали здесь два янки?

Впрочем, если уж на то пошло, он тоже был американцем и находился здесь. Возможно, это были авиаторы, завербовавшиеся к французам. Члены эскадрильи Лафайета? Кларк мог бы заявить о себе, и они втроем попытались бы вместе прорваться через немецкие линии фронта. Однако «быстрее всех путешествует тот, кто путешествует один». Сэвидж не знал, что это за люди. Из них троих могла бы получиться отличная команда. Или эти двое могли помешать ему. Их голоса определенно звучали сварливо. И если они были так голодны, то почему не сидели сейчас в сарае и не охотились на крыс? Идея человека с писклявым голосом была вполне практичной, и он был прав насчет вкуса крыс. Сэвидж съел их достаточно, чтобы понять это. Иногда они были всем, что он мог найти, если не считать насекомых, когда отец посылал его на курсы выживания.

Правда, им пришлось бы есть их сырыми. Было опасно разводить огонь и тем самым привлекать внимание немцев, которые их искали. Кларк предположил, что эти двое мужчин не были обучены, как он, есть сырое мясо, еще теплое и окровавленное, и что им не приходилось этого делать. Но если они достаточно сильно проголодаются, то съедят и такое «блюдо».

К этому моменту летчик уже решил, что было бы нехорошо оставлять двух своих товарищей в беде. По крайней мере, он мог бы поговорить с ними и выяснить, не нужна ли им его помощь.

ГЛАВА IV

СЭВИДЖ СУНУЛ РЕВОЛЬВЕР в кобуру, освободив ремень, и вошел в комнату. Воздух там был густым и вонял дешевым французским табаком. Двое незнакомцев сидели на полу и курили. Их шинели лежали рядом, а сами они устроились спиной к стене, по одному с каждой стороны окна.

Кларк никогда еще не видел, чтобы кто-то, застигнутый врасплох, двигался так быстро! Они не замерли даже на долю секунды, а вскочили на ноги и пригнулись, готовые к действию. Однако у них не было никакого оружия. Они заметили револьвер молодого человека и рукоятку ножа, торчащую из ножен, пришитых к штанине его брюк.

— Спокойно, — сказал он. — Я американец. И по моему следу тоже идут немцы.

Их сигареты упали на пол. Оба медленно наклонились и подняли их.

— Вы меня напугали, — сказал баритон. — Если бы мои кишки не были пусты, они стали бы пустыми сейчас.

Писклявый голос фыркнул, а потом спросил:

— Что это значит?

Баритон улыбнулся и ткнул большим пальцем в сторону своего спутника:

— А это тот, у кого пустая голова.

— Зато мое сердце чисто, — возразил обладатель тонкого голоска. — Но он никогда не сможет утверждать, что это так. Он же юрист!

Баритон был одет в форму офицера французского Иностранного легиона. Он был примерно в пять футов и десять дюймов ростом, худощавый, с прямыми черными волосами, темными глазами и длинными тонкими губами. Несмотря на ястребиный нос — а может быть, именно из-за него, — этот мужчина был красив. Ему могло быть лет тридцать, но — как у всех фронтовиков — у него были темные круги от усталости вокруг глаз и те черты лица, которые могла нарисовать только война.

Сэвидж понял, что перед ним, должно быть, выдающийся полководец, имеющий не менее выдающиеся боевые за-

слуги. Очень немногие иностранцы достигали такого высокого ранга в Легионе. Что же касается его спутника, то он, должно быть, вызывал удивление у большинства людей, которые видели его впервые. Этот человек был одет в военную форму США, которая, должно быть, была специально сшита портным, так как никакая одежда общего образца не подошла бы ему. У него был серебряный знак орла, указывающий на звание подполковника. Скрещенные винтовки на его лацканах свидетельствовали о том, что он служил в пехоте. Как его приняли в армию, Сэвидж не знал. Ростом он был всего лишь пять футов и два дюйма, а его плечи выглядели так, словно могли бы сравниться с размахом рогов бизона. Его приземистое тело должно было весить не меньше двухсот шестидесяти фунтов — или Кларк совсем не умел определять вес по внешности.

Ноги у писклявого были кривыми и явно слишком короткими по сравнению с такой длиной туловища. Руки же, наоборот, были невероятно длинными. Тыльные стороны его кистей, торчащих из рукавов, были покрыты длинными густыми ржаво-рыжими волосками, а отросшая за несколько дней борода была очень густой и чуть более рыжей, чем волосы на руках.

А лицо! Сэвидж сразу же вспомнил о реконструкции головы ископаемого человека, найденной в 1856 году в долине Неандера в Германии. Хотя череп у писклявого был меньше, а его лоб был сильно скошен назад. Над глазами виднелись огромные гребни — правда, они не сходились, как у той ископаемой находки. Нос у него был длинным, но широким. Челюсти, впрочем, оказались прямыми, подбородок хорошо развитым, а скулы более высокими, чем у американских индейцев.

Глаза у него были светлыми. Вероятно, бледно-голубыми, хотя Кларк не мог быть в этом уверен в полумраке этой комнаты. В целом же этот человек выглядел так, словно был ровесником своего спутника. В общем, непрофессионал подумал бы, что этот мужчина похож на обезьяну. Даже Сэвидж, получивший в раннем возрасте высшее образование в области антропологии, заметил такое сходство. Но на самом деле оно было довольно поверхностными.

Должно быть, его дразнили и мучили, когда он был ребенком, подумал Кларк. Хотя странный человек выглядел так, словно всегда мог сам о себе позаботиться.

— А ты большой, малыш, — сказал этот человек-обезьяна Сэвиджу. — И очень симпатичный. Держу пари, что ты — сердцеед, верно? Даже если у тебя действительно странные глаза.

— Ты всегда ищешь драки, не так ли? Особенно с мужчинами, которые выглядят лучше тебя. Что, вероятно, означает вообще всех мужчин, — сказал баритон, а потом обратился к Кларку: — Кто ты такой — имя, звание и порядковый номер? И как, черт возьми, ты сюда попал? Ты ведь летун, верно?

Сэвидж открыл было рот, чтобы представиться... Но тут же закрыл его — юноша увидел в окно, как к дому подошли люди с винтовками в серых шлемах, похожих на ведерки для угля, и длинных серых шинелях. Они вышли из леса в пятидесяти ярдах к востоку.

— Охотничий отряд здесь, — указал летчик на окно.

Двое его собеседников резко обернулись.

— Скотт великий! — охнул баритон.

— Да не «Скотт»! Скут... убирайся!!! — воскликнул обезьяноподобный человек. — Исчезни! Raus mitem! Тащи свою задницу! Ноги, вперед! Вите! Шнелы! Рапидо! Исчезни! В бой!

— Ты забыл «двадцать три раза тикай», — сказал баритон.

— Это было в прошлом, когда я был ребенком, — ответил его товарищ. — Ты очень стар, папаша Уильям.

Во время этого обмена репликами они подобрали и надели свои шинели. Оба выглядели усталыми, но не испуганными. «Классная парочка клиентов», — подумал Сэвидж.

Он пробежал по дому быстрее, чем час назад. Боль от ушиба на икре все еще заставляла его хромать, хотя и не так сильно. Кларк выглянул в окна каждой комнаты. С севера тоже шли войска, а вот с запада и юга никого не было — пока. Но это вовсе не означало, что в ближайшее время оттуда тоже кто-нибудь не явится.

— Ближайшая и лучшая дорога — на запад, — сказал он, вернувшись.

— Мы это уже выяснили, — сказал обезьяноподобный человек. — Пошли отсюда! Дьявол схватит отстающего!

Не было никакого рутинного «После тебя, Гастон» — «Нет. После тебя, Альфонс». Оба новых знакомых пробежали мимо Сэвиджа к выходящей на запад комнате и вылезли через окно, которое он открыл перед тем, как вернуться к ним. Сам он тоже быстро проскочил через эту комнату и, несмотря на то что пострадавшая икра мешала ему быстро двигаться, вскоре догнал их — они не успели пройти и сорока футов.

— Удачи. Она вам еще понадобится, — бросил юноша, пробегая мимо парочки друзей.

— Что мне надо, так это пулемет! — ответил человек-обезьяна. Несмотря на свои короткие ноги, он опередил легионера.

— Ты только посмотри, как этот мальчишка уходит! — сказал баритон, наблюдая за Сэвиджем. — В летном костюме, и он летит! Барни Олдфилд на ножках!

— Побереги дыхание! — проворчал его спутник. — Разве это не типичный адвокат? Вечно болтает и никогда не знает, когда надо держать рот на замке!

Затем Кларк перестал слышать их голоса. Как только юноша оказался в лесу — и пожалел, что там нет листвы — он остановился и стал наблюдать за происходящим из-за дерева. Двое американцев шли примерно в ста футах от него. Затем легионер поскользнулся в грязи и упал ничком.

— Ты готов! — взревел его товарищ. — Это душ для тебя!

В первый момент Сэвидж не понял, что он имеет в виду, но потом до него дошло: «Конечно же! Это бейсбольный жаргон».

Человек-обезьяна остановился и помог своему спутнику подняться на ноги. Потом он сам поскользнулся и шлепнулся лицом в грязь, и легионер повернулся к нему и помог ему встать. К этому времени солдаты с севера уже заметили беглецов. Офицер крикнул им, чтобы они остановились и сдались. Через несколько секунд он отдал приказ, и его люди начали стрелять. Двое американцев продолжали бежать и нырнули в лес, когда добрались до первых деревьев. Пули врезались в стволы деревьев и с визгом пронеслись мимо уха Сэвиджа.

Теперь уже и солдаты с востока обогнули дом и бежали к его укрытию — точнее, временному убежищу. Оба американца,

покрытые грязью, вскочили на ноги и, пригнувшись, помчались к Кларку. Они очень тяжело дышали.

— Давайте устроим им такую драку, о которой они никогда не забудут! — проревел человек-обезьяна.

Его глубокий голос резко контрастировал с тем писклявым голоском, каким он говорил раньше. Как будто его горло переключилось с одной передачи на другую.

— Только потому, что ты запыхался? — отозвался баритон. — Нет, ты просто старый испуганный олень. Мы же не воюем! Чем нам воевать? Скорее, мы бежим, как полосатая обезьяна, которой ты и являешься!

— Я не единственный, кто пыхтит, как динозавр в жару, — возразил его друг. — Я могу обогнать тебя в любой день и в любую ночь, и еще успею выпить три пива и немного поспать, прежде чем ты меня догонишь!

— Тогда тебе лучше бежать со всех ног. И если ты доберешься туда первым, скажи дьяволу, что я дам тебе характеристику!

Согнувшись, все трое побежали, то и дело спотыкаясь и скользя по пересеченной местности. Там были холмы и впадины, порой высокие и глубокие, ручьи, внезапные обрывы, упавшие деревья и выступающие скалы, так что им приходилось бежать вверх, вниз, поперек, вокруг, или над всеми этими препятствиями.

Кларк Сэвидж остановился, когда пули перестали попадать в древесные стволы вокруг него. Пот лил с него градом. Он снял свою летную одежду и свернул ее в узел. Его спутники тоже остановились, прислонившись к деревьям. Они хрипели, пыхтели и задыхались, а когда к ним вернулось дыхание и силы, сняли свои шинели.

— Я заметил, что ты немного хромаешь, — сказал баритон. — Наверное, это единственное, что тебя сдерживает.

— Нет, — ответил Сэвидж. — Я не брошу вас двоих.

— Что скажешь на это, подполковник? — усмехнулся легионер. — Этот мальчишка — этот неопытный юнец — взял нас, стариков, под свое крылышко.

— Ну, я не знаю, подполковник, — ответил обладатель скрипучего голоса. — Это правда, что он всего лишь лейтенант. И к тому же «птичник». И у него действительно очень

забавные глаза. Никогда не видел ничего подобного. Но он большой парень. И у него есть пистолет и нож. Я думаю, что мы могли бы воспользоваться его помощью.

Кларк уже собирался представиться и спросить, как их зовут, когда с востока донеслись крики. Через секунду раздался треск винтовки, и над их головами просвистела пуля. А потом винтовки начали палить хором!

Юноше и его спутникам пришлось прижаться к земле.

— Нам лучше поторопиться, пока они нас не окружили, — сказал Сэвидж.

— Бабушку свою учи яйца высасывать! — огрызнулся американец с писклявым голосом. — Уж конечно, мы это знаем! Вот... дай мне свой пистолет. Может быть, я смогу кого-нибудь застрелить. Пусть они не так быстро гонятся за нами.

— Лучше приберечь пистолет на будущее, пусть он станет для них неожиданностью, — сказал Сэвидж. — Стрелять из него сейчас — пустая трата боеприпасов. Кроме того, если я выстрелю в них, они убьют нас, если поймают.

— Эй! Я подполковник! — возмутился человек-обезьяна. — Я отдал тебе прямой приказ!

Но Кларк не ответил и не отдал ему револьвер.

— Требую подчинения! Я мог бы тебя пристрелить! — продолжил возмущаться обезьяноподобный. Впрочем, он при этом улыбался, показывая зубы, похожие на слегка пожелтевшие белые кирпичи.

— У парня есть здравый смысл, — сказал баритон. — Я не знаю, как это сделать. Но он знает, что ты не сможешь попасть из пистолета даже в здание Вулворта.

— Я ухожу, — сказал Сэвидж. — Вы пойдете со мной? Или останетесь здесь подкалывать друг друга?

Он пополз к ручью у подножия склона, а потом, добравшись до густой поросли деревьев, поднялся и побежал к воде. Не оглядываясь, летчик вошел по колено в ручей и зашагал против его ледяного течения. Мгновение спустя он услышал позади себя плеск воды и лишь после этого оглянулся назад. Двое его товарищей по несчастью шли за ним с перекошенными лицами. Очевидно, у них перехватило дыхание от холодной-прехолодной воды.

В нескольких ярдах выше по течению ручей изгибался. Миновав эту точку, все трое должны были исчезнуть из виду к тому времени, когда немцы добрались бы до берега ручья. А это должно было произойти уже очень скоро. Преследователи не смогли бы узнать, куда ушли беглецы, на восток или на запад. Они были бы вынуждены разделить свою партию, чтобы отслеживать их в двух направлениях.

Но беглецам надо было снова уйти в лес, пока из-за поворота не появились солдаты. Сэвидж выбрал северный берег, потому что вдали над голыми деревьями вырисовывались скалы из песчаника. Возможно, там были отверстия, а в них — пещеры, где можно было спрятаться. Кларк отошел за дерево, чтобы дождаться остальных, и в тот же миг раздались крики людей, а затем треск винтовочных выстрелов.

Баритон упал лицом в воду.

— Ветчина! О боже мой! — закричал его обезьяноподобный товарищ. — Они тебя застрелили!

ГЛАВА V

ОДЕТЫЕ В СЕРОЕ солдаты, появившиеся из-за поворота, стояли по щиколотку в грязи северного берега. Они прекратили стрелять, но теперь кричали, чтобы двое спутников Кларка сдались. Тот, кого назвали Ветчиной, был поднят из воды своим товарищем. Несмотря на пререкания и оскорбления между ними, они казались хорошими друзьями. В крике человека-обезьяны слышалась агония.

Сэвидж мельком увидел, как из обмякшего тела Ветчины течет кровь, смешиваясь с мутной водой. Затем молодой летун скрылся — он быстро пополз вперед, пока не добрался до кучи поваленных деревьев. Теперь он уже ничего не мог сделать для подполковников. Теперь каждый был сам за себя.

И Кларк стал спасать себя самого. До наступления сумерек он держался впереди — и даже вне пределов слышимости — преследователей. Он был вынужден идти зигзагами и, в основном, придерживаться северо-западного направления. Это уводило его от линии фронта вглубь захваченной врагом территории. И он знал, что если продолжит двигаться

в эту сторону, то в конце концов снова окажется рядом с траншеями. Они изгибались на север, образуя там настоящий западный фронт.

Перед мысленным взором Сэвиджа, как полки по время смотра, промелькнули различные идеи о средствах и путях бегства. Но ни один из способов не прошел проверку. Больше всего ему нравилась мысль о том, чтобы угнать самолет с немецкой базы и быстро вернуться домой. Но об этом было гораздо легче сказать, чем сделать!

Юноша не испытывал недостатка в уверенности в себе. Если кто-то и мог это сделать, то только он. Но он также был реалистом во всем, что планировал. Ему пришлось бы пройти через множество охранников, добраться до летающей машины, которая была разогрета и готова взлететь, справиться с сидящим в ней пилотом и выбросить его из кабины, уйти с посадочной площадки до того, как его застрелят, улететь, не будучи сбитым оборонительными пулеметами, обогнать преследователей в воздухе и так далее, и так далее. Но, по крайней мере, он мог добраться до аэродрома, понаблюдать за ним и оценить свои шансы. Если бы у него появился хоть один!..

В этом районе не было ни одного постоянного аэродрома. Они двигались по кругу, когда фронт расширялся или сжимался. Кларк выучил наизусть общие черты всей этой местности по аэрофотоснимкам и по донесениям французской разведки, к которым имел доступ. По последним сведениям, ближайшая немецкая база истребителей располагалась к северу от Нойона, недалеко от Северного канала. Вероятно, она все еще была там, потому что измученные и уставшие от войны немцы были остановлены измученными и уставшими от войны французами. На мгновение в этих местах воцарилась апатия.

Сэвидж достал из кармана мундира маленький карманный компас и при последних лучах солнца еще раз проверил направление своего пути. Надев летный костюм из-за усиливающегося холода, молодой американец поплелся через лес. Он шел очень медленно, потому что опасался попасться кому-нибудь на глаза — хотя сделать это было сложно, так как у него не было никакого света.

Правда, он мог бы воспользоваться своими спичками, но они скоро должны были закончиться.

Несколько часов назад его правая нога снова разболелась, как в начале пути, и хромота усилилась. Наконец, молодой человек решил, что лучше бы ему отдохнуть несколько часов. Он нашел неглубокую впадину в выступавшем из земли песчанике, сел в нее и позволил себе краткий экстаз, впившись зубами в шоколадный батончик. Его живот заурчал, как лев, сидящий в клетке и разозлившийся, потому что ему бросили гамбургер, в то время как ему требовалась целая корова.

Сэвидж проснулся в 2:12 ночи — если, конечно, его наручные часы со светящимся циферблатом шли верно. Снова шел дождь, и было темно, как внутри ночного облака. Лучше всего было поспать до рассвета. Что он и сделал.

К полудню, когда шоколадных батончиков уже не осталось, он оказался на опушке леса, выходящего на широкий луг. Единственными живыми существами в поле его зрения были коровы и несколько птиц. За лугом виднелся крутой холм, на вершине которого виднелись развалины нескольких больших каменных или кирпичных зданий. Однако разрушило их время, а не война — во всяком случае, не эта война, уничтожившая часть других строений.

Кларк увидел обсаженную тополями дорогу в нескольких сотнях ярдов от западной границы луга. Юноша снял свою тяжелую летную одежду, свернул ее в узел и обвязал веревкой, которую носил в одном из оттопыренных карманов своего костюма. Он повесил получившийся длинный сверток за спину на веревке, которую обмотал вокруг шеи. Час спустя летчик осторожно обошел луг и поднялся на почти прямой U-образный и сильно изъеденный дождями и ветром песчаный склон на востоке. Он прошел через ворота в каменной стене и оказался в каком-то подобии внутреннего двора. До сих пор вокруг не было никаких признаков жизни, кроме уханья совы в ближайшем здании. «Должно быть, это заброшенный замок или монастырь», — подумал Сэвидж.

Затем ретрансляторы его памяти замкнулись, и карты, которые он изучал, потекли к телетайпу в его сознании. Он вспомнил, что это обитель какого-то малоизвестного ордена

католических монахов. Братья жалкой бедности? Монахи из тех, у кого нет ни гроша за душой?

Нет. Но все же что-то вроде этого.

Место, где стоял Кларк, должно быть, представляло собой неотремонтированное отделение монастыря. Потребовавший у него много сил подъем по восточному склону не позволил ему увидеть северную сторону этих строений. Должно быть, именно там жили монахи, если только их не прогнала оккупация. И там должна была находиться дорога, ведущая вверх по склону от обсаженной тополями дороги.

Двигаясь бесшумно и медленно, пилот вошел в здание. Тонкая струйка воды вытекала из дверного проема справа от него. Этот проем был совсем узким, в него не пролезали плечи Сэвиджа. Юноша протиснулся через него и с хлюпаньем поднялся по плотно закрученной спиральной и тоже очень узкой каменной лестнице. Когда он поднялся наверх, то оказался в самой верхней комнате башни. Ее крыша и часть стен исчезли, а на полу валялось множество каменных блоков и разбитых листов сланца.

Из-за темного неба и сильного дождя видимость была совсем плохой. Сэвидж медленно поднял голову, пока северный вал не оказался на уровне его глаз. Внизу виднелось несколько зданий, которые были кое-как отремонтированы. По крышам двух из них ходили немецкие часовые. А частичный обзор внутреннего двора позволил американцу увидеть десять припаркованных там автомобилей, еще несколько часовых и группу офицеров в шипастых шлемах. Машины въехали через арку без ворот с извилистой дороги, покрытой белой щебенкой, на которой отпечатались грязные следы шин и пятна масла. Это место, должно быть, было захвачено немецкой армией в качестве штаба. По дороге проехали два длинных туристических автомобиля. Они въехали во двор, и часовые застыли по стойке смирно. Солдат-шофер вышел из головной машины и открыл левую заднюю дверцу.

Первым из машины выбрался высокий офицер в шипастом шлеме и шинели. Если обычные сигары можно назвать маленькими дирижаблями, то та, что была у него во рту, принадлежала к классу цеппелинов. У него был большой орлиный нос, под которым виднелись густые черные усы,

закрученные на обоих концах, а в его левый глаз был вставлен монокль. Он протянул руку в перчатке и помог выйти из лимузина женщине с пепельными волосами. На ней была белая шуба по щиколотку, белые кожаные сапоги и белая меховая шапка, какие носят в России. Она курила малиновую сигарету, вставленную в невероятно длинный мундштук. Ее губы были ярко-алыми, а глаза густо подведены макияжем. Настоящая роковая женщина, подумал Сэвидж.

Из второй машины выскочили двое слуг. Один из них — ростом не меньше шести футов и восьми дюймов — был похож на кадьякского медведя или на бородатого бегемота. Там же были и две женщины — очевидно, служанки блондинки. Мужчины были в русской крестьянской одежде. Все они начали выгружать из машины многочисленные предметы багажа — вероятно, гардероб женщины в белом. Офицеры, ожидавшие во дворе, проводили вновь прибывшего офицера и его даму в здание. Слуги — с помощью троих солдат — перенесли сундуки и чемоданы в другую дверь.

Большое совещание, подумал Кларк. Этот приехавший офицер должен был быть действительно высокопоставленным, если ему было позволено взять свою жену (или любовницу, или кем там еще она ему приходилась) в зону боевых действий. Летчик решил, что попробует подслушать, о чем пойдет речь на совещании...

Затем юноша напомнил себе, что только вчера упрекал себя за слишком большую дерзость. Он также пообещал себе, что не позволит чрезмерному энтузиазму взять верх над здравым смыслом. Но несмотря на это, Кларк знал, что сделает все возможное, чтобы подслушать разговоры на этой встрече, каким бы опасным или трудным ни оказалось это дело. Это был его долг. Хотя при этом он будет воздерживаться от слишком уж рискованного поведения. По крайней мере, он надеялся, что будет. После вчерашнего летчик уже не был уверен, что знает себя так хорошо, как ему казалось.

А вчера он, должно быть, истратил всю свою удачу. Не то чтобы Кларк был суеверен и верил в подобные вещи. Удача была случайным непредсказуемым элементом, который лучше было бы называть шансом. Если в какой-то конкретной ситуации шанс сработает в вашу пользу, во второй раз вы

уже не сможете на это рассчитывать. Удача была одной из сук-богинь. Но, будучи человеком, Сэвидж не мог не очеловечивать абстракции. Или наоборот.

Летчик изучил расположение зданий и часовых. После этого он снова спустился по лестнице и остановился внизу, чтобы прислушаться, а затем огляделся по сторонам, прежде чем войти в комнату. Он обошел несколько коридоров и комнат, прежде чем почувствовал запах еды.

Следуя за этим пикантным ароматом и чувствуя, как у него текут слюнки, а живот сжимается от голода, Кларк вышел в коридор, из которого доносились голоса. Вскоре он уже выглядывал из темного коридора в комнату, полную света, тепла, болтовни и чудесного запаха овощного супа и жареных сосисок. В огромной кухне работали четверо монахов в длинных серых рясах с капюшонами, быстро переговариваясь по-французски. Немецкий солдат — судя по форме, рядовой — сидел за столом в дальнем углу и пил вино из бутылки, которая уже была наполовину пуста. Рядом с ним стояла еще одна, полностью опустошенная бутылка, а его винтовка лежала на столе рядом с ним.

Сэвидж понимал, что ему придется пересечь огромную комнату, прежде чем он сможет добраться до этого солдата. Но зачем ему было нападать на него? Каким бы голодным американец ни был, он не мог ничем выдать своего присутствия здесь. Значит, ему просто придется голодать, мучаясь от вида и запаха всей этой еды!

Один из котелков с супом стоял на подставке над горящими дровами в огромном камине. Занятый готовкой монах, помешивая это варево, с опаской посмотрел на немца. А затем, заметив, что внимание солдата приковано к вину, повар сплюнул в суп! Именно в этом котле варился суп для немцев, решил Сэвидж. Если он и съест здесь что-нибудь, то не из него. А может, он поест и из этой посудины. В конце концов, что такое немного слюны?

Этот плевок также сказал Кларку, что монахи не были на стороне врага. По крайней мере, этот повар точно не был.

Внезапно солдат завалился набок и упал со стула. Его шлем звякнул о каменный пол. Он был пьян, конечно. Монахи подбежали к нему. Вероятно, не потому, что они о нем

беспокоились — просто эти люди не хотели, чтобы их обвинили в том, что они игнорируют его проблемы. А может быть, они были полны сострадания ко всему человечеству. Даже к презренному бошу.

Сэвидж не стал терять время даром. Он побежал на кухню, схватил со стола большую миску и ложку и наполнил эту миску поварешкой. Затем он схватил еще и целую буханку хлеба и выбежал обратно в коридор. Во время всей этой вылазки он старался по возможности не спускать глаз с монахов. Солдата с остекленевшими глазами и отвисшим ртом подняли и усадили обратно на стул, и никто даже не взглянул в сторону Кларка.

Пилот прошел по коридору и оказался в пустой комнате. Ел он медленно, хотя ему и хотелось проглотить сразу всю еду целиком. В конце концов он опустошил миску и съел хлеб. Это было похоже на обычную еду, которую он ел раньше. В супе было совсем немного говядины, но тем не менее он почувствовал себя сытым и теперь был готов сразиться со всей германской армией! Именно в тот момент, конечно.

И все же, сказал юноша себе, он не был осторожен. А что, если солдат его видел? Или кто-то из монахов заметил его и решил не скрывать этого? Он позволил голоду сделать себя безрассудным.

«Это просто смешно, — подумал молодой человек. — Мне нужно было рискнуть. Иначе я мог бы слишком ослабеть от недостатка пищи и не смог бы ни сражаться, ни бежать». Однажды отец сказал ему: «Ты унаследовал мою склонность к самоанализу. Назовем это размышлением о себе. Ты должен победить это. Самоанализ и размышления хороши, если тебе больше нечего делать. Но я учу тебя быть одновременно человеком науки и человеком действия. Ни один из них не размышляет о себе слишком много. Или, во всяком случае, ни один из них не должен был бы этого делать».

— Правильно! — пробормотал теперь Сэвидж, словно отвечая отцу.

Хотя его знания и опыт намного превосходили опыт большинства мужчин в возрасте тридцати лет, ему все еще было

шестнадцать. Можно было ожидать, что он совершит некоторые ошибки молодости.

Одной из них, как он узнал через десять минут, была кража еды. Должно быть, один остроглазый монах заметил это и пожаловался немцам. Или, возможно, его мельком заметил пьяный солдат. Во всяком случае, солдаты с эльзасскими овчарками ворвались в коридор в тот самый момент, когда Кларк услышал их через толстую деревянную дверь комнаты, в которой он обедал. В этом помещении без окон был только один выход. Прежде чем он успеет выйти из нее и пройти по коридору, он будет по меньшей мере на шесть секунд открыт перед немцами — они смогут стрелять по нему почти в упор.

Он не мог убежать. Во всяком случае, не сейчас.

В следующий миг собаки с лаем и визгом набросились на дверь. И над всем этим бедламом парил голос, требовавший по-немецки, чтобы тот, кто был в комнате, сдался — или он будет убит.

Сэвидж решил, что лучше не пытаться стрелять. Возможно, он сейчас на западном фронте. Но он не в западном фильме.

Летчик медленно открыл дверь и остановился, высоко подняв руки.

После этого события стали развиваться очень быстро. Престо! Его обезоружили, обыскали, а затем повели по коридорам, вверх по лестнице, потом еще по одному коридору и, наконец, по широкой каменной лестнице и по третьему коридору. Ближе к концу этого последнего коридора его втолкнули в мрачную комнату, тускло освещенную лишь из маленького зарешеченного окна. Там была койка, накрытая одеялами, и маленький столик, на котором стояли большая свеча в каменном подсвечнике, кувшин с водой, пустой грязный умывальник, кусок мыла и очень грязное полотенце. Под кроватью обнаружился ночной горшок, а на крючке в стене висели монашеская ряса и пара сандалий.

Тяжелая деревянная дверь захлопнулась. Щелкнул большой железный замок...

ГЛАВА VI

ВСЯ ПРОЦЕДУРА ЗАНЯЛА шестьдесят секунд. Кларк знал это, потому что сам считал их. Очень эффективно, подумал он. Хотя от немцев можно было ожидать чего-то подобного.

Свернутый в рулон узел с летной одеждой остался у его противников. Без сомнения, они проверят их на предмет спрятанного оружия и других приспособлений. Кларк лишь надеялся, что они не разорвут швы и не сожмут пальцами определенные участки костюма. У него были планы по части предметов, спрятанных внутри внешней и внутренней кожаных подкладок.

Комната, где его заперли, была маленькой и, несомненно, служила монашеской кельей, которую захватчики сделали временным пристанищем для своего пленника. В двери было круглое зарешеченное отверстие, через которое он мог видеть лицо часового и стену позади него. Несмотря на то что воздух был тяжелым от влаги, он был еще и холодным. Так же как и стены из песчаника.

Прошел час, прежде чем летчик услышал какой-то шум из коридора. Затем кто-то что-то рявкнул приказным тоном. Дверь отперли, и она со скрипом отворилась. Вошедший солдат с винтовкой жестом велел Кларку отойти в угол. За ним в камеру прошел пехотный капитан, и еще один солдат, оставшийся в коридоре, закрыл за ним дверь.

Сэвидж вытянулся по стойке смирно и отдал честь офицеру. Тот устало ответил на приветствие.

— Vous etes francais, n'est-ce pas? — спросил капитан.

— Non. Je suis americain, — ответил юноша, решив, что лучше не показывать своего беглого владения немецким языком.

Капитан был невысок, худощав и светловолос. На его в целом красивом лице был длинный широкий шрам, который начинался чуть выше правой скулы и заканчивался на подбородке. Услышав откровенный ответ Кларка, он поднял соломенные брови и заговорил по-английски с тяжелым немецким произношением:

— Вы носите французскую форму.

Вместо ответа Кларк назвал свое имя, звание и порядковый номер.

— Вы, должно быть, пилот истребителя «Ньюпорта», который вчера разбился в реке Версе, — предположил капитан и протянул пленнику руку. — Ваш идентификационный жетон, пожалуйста.

Сэвидж снял с шеи цепочку и протянул ее офицеру. Тот быстро изучил жетон и вернул его лейтенанту.

— Можете сесть, — указал он на койку.

— Предпочитаю стоять, — ответил Кларк.

— Как вам будет угодно.

Капитан вытащил из внутреннего кармана пиджака картонную пачку сигарет «Грюн Генрих».

— Хотите? — предложил он.

Сэвидж отрицательно покачал головой.

Офицер стал расспрашивать пленника о его подразделении — о его расположении, о численности людей в нем и об их моральном состоянии. Лейтенант в ответ лишь повторял свое имя, звание и порядковый номер — и длилось это до тех пор, пока он не задумался о том, кто из них больше устал от такого допроса, он сам или немец.

Через час капитан прорычал ругательство, развернулся и приказал открыть дверь. Дверь заскрипела... а потом с лязгом захлопнулась у него за спиной.

Прошло еще шестьдесят минут — время, казалось, шло с ледяной медлительностью. Затем капитан внезапно вернулся. На этот раз он велел Сэвиджу идти с ним. Они прошли по коридору и поднялись по лестнице, такой узкой, что пленнику и его эскорту из четырех рядовых и офицера пришлось идти гуськом.

Затем они двинулись по другому коридору с каменными стенами и пришли в комнату, которая отличалась от предыдущей тем, что была больше и в ней было зеркало на стене, железная ванна, наполненная горячей водой, два огромных кувшина, тоже полные воды, чистые полотенца и новый кусок мыла. Освещали ее четыре большие свечи в настенных подсвечниках.

— Барон полковник фон Гессель пригласил вас сегодня вечером на ужин в восемь часов, — сказал капитан. — Если

вы согласитесь, все это будет вашим. После того, как вы вымоетесь, вас побреют, а ваша форма будет починена и вычищена.

«Ее также проверят на наличие спрятанного оружия и других приспособлений», — подумал Сэвидж. Но немцы в любом случае могли заставить его раздеться. И, вероятно, рано или поздно это все равно произошло бы.

— Двое из гостей — это пилоты, которые сбили вас, — добавил капитан. — Они горят желанием встретиться с вами и поздравить вас с сегодняшними подвигами.

Это означало, что немецкий аэродром находился не слишком далеко от монастыря. Примерно час пути, подумал Кларк. А может, и меньше. Это была информация, которую нужно было иметь в виду.

— Также здесь будет присутствовать графиня Идивзад — член семьи международного банкира Бугова. Она двоюродная сестра царя и нашего кайзера, — продолжал капитан. — Хоть она и русская, это одна из самых твердых сторонниц имперской Германии. Особенно после большевистской революции. И она тоже выразила желание встретиться с вами.

Сэвидж удивленно вскинул брови.

Капитан улыбнулся:

— Мы много знаем о вас. Графиня заинтересована в разговоре с вами.

«Конечно, чтобы получить информацию, полезную для Центральных держав», — подумал Кларк.

Но как они узнали о нем так много? Если, конечно, действительно узнали... С чего бы им интересоваться малоизвестным и очень молодым лейтенантом военно-воздушных сил США? Если бы у немецкой разведки по какой-то причине имелось досье на него, графиня могла бы передавать информацию о нем из Берлина на фронт. Но не так быстро, если только они не передали ее по радио. Но зачем им это? Кларк Сэвидж не был важной персоной.

Юноша пожал плечами. Он все равно это узнает.

— Могу ли я считать это движение плеч согласием на приглашение? — поинтересовался капитан.

— Да.

Фон Гессель? Это имя, казалось, парило, наполовину приподнявшись над горизонтом памяти молодого американца. Через три секунды — обычно это было максимальное время, которое ему требовалось, чтобы вспомнить что-то из того пятьдесятиунциевого комплекса протоплазмы, который был его мозгом, — он вспомнил, что знает об этом человеке.

Знал Кларк не так уж много: ему просто кое-что рассказывали о бароне-полковнике, который был еще и ученым. У этого барона было две докторских степени, одна — по физике, другая — по медицине. Он родился в родовом поместье в Бранденбурге в 1888 году, а это значило, что ему было уже тридцать лет. Несмотря на свою относительную молодость, он имел международную известность. Его монография о мутациях бактерий Treponema pallidum после бомбардировки рентгеновскими лучами во время взвешивания в разбавленном Cannabis sativa вызвала широкий резонанс в научных кругах. Но во многом реакция на это была неблагоприятной, и с тех пор о фон Гесселе ничего не было слышно. Однако отец Кларка Сэвиджа как-то раз упомянул о бароне в разговоре с несколькими приятелями, а Кларк подслушал тот разговор.

— Этот человек — полковник Германской императорской армии, — сказал Сэвидж-старший. — Но никто, кажется, не знает, в каком именно роде войск он служит. Это довольно зловещий персонаж, если верить моим информаторам. Можно ожидать, что он придумает что-то одновременно разрушительное и бесчеловечное, если Германия вступит в войну.

Вот и все, что знал о нем молодой Кларк. Так что же здесь делает барон-полковник с докторскими степенями? И почему его хоть немного интересует простой американский лейтенант?

Капитан повернулся и выкрикнул приказ через узкое окошко в распахнувшейся двери. Вошел сержант, двое солдат с винтовками наготове и русский левиафан, которого Сэвидж видел во дворе. Комната вдруг как будто бы стала гораздо меньше и наполнилась запахом дешевых духов, исходящих от русских.

Капитан обратился к Кларку по-немецки:

— Вам больше не нужно притворяться, что вы не понимаете нашего языка. Мы знаем, что вы свободно владеете высоким немецким. Это одна из многих вещей, которые мы знаем о вас. А теперь, пожалуйста, разденьтесь и примите ванну. Зэд поможет вам помыться и побриться.

С этими словами он указал на огромного русского.

— Мне не нужна помощь, — сказал Кларк и начал расстегивать куртку.

Когда Зэд схватил его сзади и понес, словно ребенка к детской кроватке, Сэвидж не сопротивлялся. Ему показалось, что обхватившие его руки давят на него гораздо сильнее, чем это было необходимо. Еще немного — и гигант сломал бы ему ребра. У нормального человека они бы уже треснули, но у Кларка ребра были необычайно толстыми.

Затем русский перехватил пленника поудобнее и с легкостью удержал все его сто девяносто фунтов перед собой в своих огромных руках. Он рассмеялся и одним вращательным движением подбросил американца вверх. Сэвидж приземлился на ноги и повернулся лицом к русскому. Затем его толкнули назад так, что ему пришлось сесть.

Ухмыляясь и хихикая — смех звучал где-то глубоко в его горле, — Зэд опустился перед ним на колени и снял с него сапоги. Кларк чуть не задохнулся от его чересчур сладких духов и слабого запаха давно немытого тела.

Затем, когда лейтенант встал, Зэд расстегнул его ремень.

— Я действительно не хочу этого, — сказал Сэвидж капитану.

Тот в ответ широко улыбнулся:

— Этот сервис — любезность графини.

Чтобы унизить его? Или у нее — и, вероятно, у барона тоже — были какие-то другие мотивы?

— Он не раздевает меня, — сказал лейтенант, — а просто издевается надо мной. Предупреждаю вас. Если он будет упорствовать в своем хамском поведении, я сделаю из него хорошую закуску. Погасите его и без того тусклый пыл. Кроме того, от его вони меня тошнит. Я могу расстаться со съеденным в любой момент.

К этому времени он уже вылезал из своих кальсон. Русский дал ему это сделать и отступил назад. Он закатил свои

маленькие темно-карие глазки, словно в экстазе, и послал воздушные поцелуи с кончиков своих огромных пальцев.

— Какое прекрасное тело! — зарычал он на русском языке. — Второй князь Игорь Святославович. Милый герой, сияющий покоритель Куманских орд и спаситель Святой Руси!

Кларк Сэвидж-младший понял намек на средневекового воина, чьи подвиги положили начало Первой русской эпической поэме. Прежде чем он успел сообразить, что еще вдохновило Зэда на эти слова, его снова схватили медвежьей хваткой, на этот раз спереди.

Некоторое время Зэд танцевал, крепко прижимая к себе американца и кружа его по комнате. Руки Кларка были скрещены, а лицо утопало в густой черной бороде. От вони у него вновь подступила к горлу тошнота, и он все больше злился.

Уклоняясь от них с Зэдом в сторону, немцы смеялись над ним. Более того, одетый только в висящие на нем кальсоны — Сэвидж не успел снять их полностью — он чувствовал себя смущенным и униженным.

— Мой дорогой! Сладость моей души! Ты прекрасен, пусть ты даже и не русский! — слуга графини шумно и влажно поцеловал дикаря в макушку. Немцы завизжали от смеха! А потом русский резко остановился, разжал руки, схватил Сэвиджа за плечи и поднял его высоко вверх.

— Пора папе положить ребенка в ванну! — проревел он, слегка опустив руки. Он уже приготовился подбросить пленника в воздух, над открытым под ним «бычьим глазом» — огромной железной ванной, наполненной горячей водой. Даже если Зэд метко целился, Сэвидж знал, что его ноги, руки и, возможно, голова ударятся о металл.

Русский держал его прямо у себя над головой. Его тело вытянулось горизонтально, руки протянулись вперед, а спина была напряжена. Кларк старался держать свой характер под контролем. Немцам не следовало знать, насколько велика его сила.

Но «Красное море», которое он сдерживал против своей воли, как Моисей, внезапно прорвалось наружу. Алый поток ярости с ревом вырвался из него и смел все его благие намерения. Он больше не собирался мириться с этой ситуацией. Его разум, возможно, желал, чтобы он так сделал,

но древняя обезьяна, живущая в нем — существо, которое увидело красный цвет и сошло с ума — прорвалась сквозь клетку, которую его разум построил для нее!

Юноша опустил свои открытые ладони вниз и ударил ими по ушам гиганта. Зэд закричал и выпустил его, а летчик тут же сгруппировался, падая вниз. Прежде чем его запутавшиеся в кальсонах ноги коснулись каменного пола, Сэвидж схватил левой рукой бороду гиганта и дернул ее. Вскрикнув от боли и прижав руки к ушам, русский рванулся вперед и упал на колени. Кларк же изогнулся всем телом, чтобы упасть на бок. После этого он схватил бороду обеими руками и швырнул великана вперед. Лицо Зэда ударилось о каменный пол. Затем американец откатился в сторону... остановился... и сбросил кальсоны с лодыжек.

Капитан крикнул своим людям, чтобы они не стреляли, после чего отпрыгнул в сторону, а Кларк снова перекатился и вскочил на ноги. Все солдаты отступили к стенам. Они были напуганы — или, по крайней мере, потрясены — яростью на лице пленника. Красный туман, клубившийся в голове Сэвиджа, так и не рассеялся. Разум потихоньку начал давать о себе знать, но был еще слишком слаб.

Американец остановился. Он поднял русского за пояс брюк и за ворот рубашки и бросил его в ванну. Лежа лицом вниз, Зэд погрузился в воду, основная часть которой выплеснулась на пол. Затем Кларк сорвал с него одежду, разорвав ткань с такой легкостью, словно она сгнила уже сто лет назад. Пока он делал это, Зэд успел перевернуться. Но он не сопротивлялся. Боль в барабанных перепонках и шок от того, что с ним обращались так, словно он был набитой перьями наволочкой, сделали его беспомощным. Вверх полетели обрывки одежды, за которыми последовали два сапога. Голова гиганта ушла под воду, когда Сэвидж толкнул его вниз. Он вынырнул, отплевываясь, и отнял руки от ушей, чтобы попытаться схватить своего противника.

Юноша отбросил его руки назад и снова толкнул его под воду, после чего начал его намыливать. Затем он ухватился за один конец ванны и перевернул ее на бок. Железо с громким лязгом ударилось о камень! А рыдающий и брызжущий слюной русский выкатился из ванны вместе с оставшейся в ней водой.

— Mein Gott! — воскликнул капитан.

— Er ist ein Siegfried, — пробормотал один из солдат.

— Ein Gorilla, — сказал еще один.

Кларк свирепо взглянул на этого второго солдата. Теперь юный летчик стоял прямо, с его светло-бронзовой кожи и темно-бронзовых волос капала вода, а руки были сжаты в кулаки.

— Я офицер американской воздушной службы Соединенных Штатов и требую уважения! — крикнул молодой человек. — Я — военнопленный. Но я не потерплю плохого обращения — ни на йоту больше, чем мне причитается! А теперь уберите отсюда эту громадину. Принесите свежую горячую воду, и я приму ванну, которую мне заказало ваше начальство!

Эти требования выполнили. И мало того, Кларк еще и отказался поднять опрокинутую ванну, заявив капитану, что он не обязан заниматься физическим трудом, потому что он офицер.

Капитану это не понравилось, но он был вынужден согласиться с ним. Он приказал двум мужчинам поставить ванну на ножки, но им не удалось сдвинуть ее ни на дюйм. Потом это попытались сделать три человека — тоже безуспешно. Наконец, четверо мужчин — краснолицые, пыхтящие, задыхающиеся и стонущие — вернули ванну в исходное положение.

Теперь немцы смотрели на Кларка Сэвиджа-младшего с большим благоговением. Он не сказал им, что в одиночку тоже не смог бы справиться с ванной. Это адреналин, закачавшийся в его мышцы от ярости, придал ему — временно — силу четырех человек, позволив опрокинуть ванну на бок, но сейчас он не мог этого сделать.

ГЛАВА VII

ПОСЛЕ ВАННЫ СЭВИДЖА отвели в другую комнату. Одетый только в тонкое и мокрое полотенце, он замерз, когда шел по темному и неотапливаемому каменному коридору. Новая комната удивила его. Там был камин, в

котором горели небольшие поленья. Правда, вскоре они погасли, но через час ему выдали его форму — чистую и залатанную. Только летные ботинки ему не вернули — у него были только носки, чтобы защититься от холодного каменного пола. Однако они были из толстой шерсти.

С того момента, как Кларк вошел в комнату, на него через круглое зарешеченное окошко в двери смотрел часовой. Сэвидж подумал, что это делается для того, чтобы смутить его и понизить его моральный дух, однако он провел так много времени среди людей джунглей, которые почти не носили одежды, что нагота его не беспокоила. Во всяком случае, не в таких обстоятельствах.

Он предпочел бы, чтобы ему было теплее, но холод был вполне терпим. За последние несколько лет он не раз проходил закалку в снежно-ледяных условиях высоких гор. В последний раз юного Кларка наставлял йог, который утверждал, что может контролировать температуру своего тела с помощью ментальных средств. До сих пор ученик не успел «освоиться» с этим делом, но учитель сказал ему, что когда-нибудь он овладеет этим искусством. То есть что он смог бы овладеть им, если бы потратил годы на разработку этой техники.

Сэвидж не думал, что у него когда-нибудь будет на это время. Но он мог бы придумать короткий метод, чтобы найти психологические и биологические механизмы, действующие как термостат тела. Надевая брюки, он нащупал их ремень. Его забрали вместе с остальной формой, почистили и отполировали. Область около пряжки все еще была немного жесткой, и не было никаких признаков того, что швы на ремне были распороты, а потом его заново зашили.

Часом позже юноше принесли очки, шлем, ботинки и летный костюм — все это было свернуто в узел. Он развернул сверток и, заслонив его спиной от часового, ощупал подкладку своего костюма в разных местах. Предметы, спрятанные внутри подкладки, были маленькими, и некоторые из них трудно было найти. Это можно было сделать без особых сложностей, если ищущий знал, что ищет, или был необычайно подозрителен. И пока еще все вещицы были на месте.

Кларк надел сапоги. Несмотря на то, что они были порваны и проколоты во многих местах, их скрепили клейкой лентой поверх отверстий. Юноша пожалел, что у него нет каких-нибудь туфель — его ноги должны были вспотеть в слишком теплых сапогах. Но он не мог жаловаться. Ему еще повезло, что его не оставили вообще без обуви. А так с ним обращались лучше, чем он имел право ожидать.

Почему???

Немцы очень тщательно привели в порядок его вещи. Даже маленькое круглое зеркальце в кармане его пиджака было вычищено. На нем оставался отпечаток большого пальца с маслом для волос, когда Кларк убрал его в карман, заглянув в него перед самым вылетом самолета, а теперь этого пятна уже не было. Он поднес зеркало к свету трех больших свечей в настенных канделябрах. Его глаза — золотисто-коричневые в ярком свете — казались темными. Такими же темными, как и его неопределенное будущее. Но будущее всегда неизвестно. И человек строит его сам. В определенной степени.

Неужели у него действительно такие странные глаза? Пестрые, да. Странные, да. Но не такие, чтобы вызвать у тех, кто их видит, хихиканье или насмешку. Если только хихикающий не был чувствителен к своим собственным недостаткам и особенностям и из-за этого склонен насмехаться над другими. Должно быть, именно поэтому тот обезьяноподобный американский подполковник так недобро отозвался о его глазах.

Кларк пожал плечами и положил зеркальце обратно в карман. Отец говорил ему, что большинство молодых людей слишком болезненно относятся к своей внешности. Это было частью юности, и он должен был вырасти из нее. Поскольку от него ожидали большего, чем от других его ровесников, ему требовалось повзрослеть быстрее. Физически Сэвидж определенно сделал это, хотя его воля не имела к этому никакого отношения. Виной тому были его удачные гены плюс хорошо сбалансированное питание и упражнения, основанные на современных знаниях и древней мудрости. А вот эмоционально?.. До сих пор можно было только форсировать эмоциональное развитие. Время и опыт должны были сделать основную часть работы.

Его позолоченные наручные часы с черным кожаным ремешком были возвращены ему вместе с одеждой. Он надел их, думая о том, как все изменилось из-за войны. До того, как она началась, наручные часы считались слишком женственными для мужчин. Но их практичность в вооруженных силах изменила это отношение. Сколько еще взглядов, обычаев и нравов изменится из-за этой войны, чтобы положить конец всем войнам?

Часы все еще работали, несмотря на все удары и падения, которым они подверглись. Было 6:23 вечера, а на ужин Кларк был приглашен в 8:00. Несмотря на украденную еду, он был голоден. Но если заняться упражнениями, это поможет ему отвлечься от мыслей о своем желудке.

С тех пор как ему исполнилось пять лет, Сэвидж проводил от одного до двух часов, выполняя умственные и физические упражнения, разработанные его отцом и различными консультантами. Он старался выполнять их каждый день и обычно успешно проделывал весь комплекс. Но вчерашний и сегодняшний день были слишком насыщены событиями.

Часовой у окна удивится, почему заключенный, который только что надел свою одежду, теперь снимает ее. И хорошо! Чем больше пленник озадачивал своих тюремщиков, тем больше ему это нравилось.

Одетый только в кальсоны, он провел серию разминок, прежде чем начать растягивать мышцы с помощью методов, изобретенных его отцом. Одновременно с этим он решал в уме математические задачи — геометрические и алгебраические, а затем вычислил число «пи» до двадцати пяти знаков после запятой и визуализировал работу роторного двигателя «LeRhone» в мельчайших деталях, включая компрессионные клапаны в цилиндрах.

Проделал он и много других мозговых упражнений. Они включали в себя философско-теологическую проблему свободы воли против детерминизма и кажущуюся неразрешимой математическую проблему последней теоремы Ферма. У молодого Кларка было личное убеждение, что эти две вещи каким-то образом связаны. Однако сегодня он не мог сосредоточиться так сильно, как обычно. Сейчас — да и раньше, хотя он и не хотел этого — перед его мысленным взором

вспыхивало видение белокурой роковой женщины, которую он видел во дворе.

Наблюдавший за ним часовой, разумеется, ничего об этом не знал. Все, что он видел — это позы, которые принимал Сэвидж, и движения, которые юноша делал. Должно быть, охранник часто задавался вопросом, что делает этот американец. Видеть его с поднятыми и согнутыми руками, сжатыми в кулаки, трясущимся телом, хотя он и не двигался, и капающим со лба потом — все это выглядело загадочно.

Только когда юноша начал ходить кругами на руках, а затем, присев на корточки, сделал серию прыжков вверх и коснулся пальцами потолка, часовой смог понять, что он видит очень энергичные упражнения. Он мог бы удивиться, почему этот сумасшедший заключенный сразу же после купания напрягается до седьмого пота, однако эта последовательность была продиктована обстоятельствами.

Без пятнадцати восемь Кларк услышал топот марширующих людей. Дверь открылась, и тот же самый капитан велел ему встать между четырьмя солдатами. Вооруженный эскорт провел его по длинному коридору, слабо освещенному свечами, к широкой лестнице. Затем они спустились по этой лестнице на два этажа и двинулись по другому коридору, который был хорошо освещен керосиновыми лампами, стоящими у стен.

Перед одной полуоткрытой дверью стоял солдат, отдавший честь капитану. Проходя мимо этой двери, Сэвидж заглянул внутрь. Там сидел стучащий по кодовой клавиатуре радист.

В конце коридора они остановились перед высокой и широкой дубовой дверью, возле которой стояли двое часовых. Капитан приказал открыть дверь. Она качнулась наружу...

Яркий свет, звуки голосов, граммофон, играющий симфонию Моцарта «Юпитер», и запах еды, исходящий от двери.

— Лейтенант Сэвидж! — громко объявил капитан.

Кларк шагнул внутрь, удивленный тем, что увидел. Но не люди застали его врасплох. Скорее, это была белоснежная кружевная скатерть, массивные серебряные подсвечники и канделябры, очень дорогие на вид тарелки и посуда, гране-

ные кварцевые кубки для вина, изобилие бутылок вина и еда.

Особенно еда!

Огромная миска с салатом, тарелки с морковью, сельдереем, луком, маринованными огурцами, яблоками, апельсинами, вишнями и некоторыми другими фруктами и овощами. А также блюда с мясом и дичью: жаркое из говядины, свиные отбивные, баранина и королевская курица по-киевски. Блюда из картофеля — запеченного и протертого. Чаши с густым, сочным, дымящимся соусом. Блюда с маслом и хлебом, булочками и круассанами. Джемы, желе и мед.

И пальмовая сердцевина!

У Кларка потекли слюнки и заурчало в животе. В то же самое время его разум прорычал предупреждение — хотя его голос был слабее, чем голос живота.

Летчик понимал, что его пригласили на обед не только ради удовольствия побыть в его обществе. Соблазнение или обман в той или иной форме — вот чего он ожидал. Но он никогда не думал о пиршестве гурманов как о сирене, суккубе или Елене Троянской. Барон фон Гессель был очень умен, чтобы создать такое искушение. Он знал, что Сэвидж — как и большинство людей в воюющей Европе — уже давно не ел полноценно и что его еда была простой и однообразной. Конечно, он не ожидал, что американец «выплеснет свои кишки» в благодарность за то, что он напичкал их богатой едой. Но ученый мог бы подумать, что пленник будет рад, спокоен и, возможно, даже благодарен хозяину дома.

Барон был либо гением, либо очень жестоким человеком. Или и тем, и другим вместе. Как мог кто-либо, кроме кайзера или фельдмаршала фон Гинденбурга, обладать властью и влиянием, чтобы обеспечить стол таким фантастическим изобилием изысканной еды?

Впрочем, к слову о «Елене Троянской» — была ведь еще Лили Бугова, графиня Идивзад. Она шла, заметно пошатываясь, к банкетному столу, и глядя на ее бедра, Сэвидж вспомнил вращающийся двигатель своего «Ньюпорта». За этим образом последовал образ маятника, а за ним — видение двухтактного двигателя.

Вечернее платье Буговой из алого шелка было длиной до

пола. Оно не было полностью обтягивающим, но выглядело так, словно это был красивый красный зрачок над слоем роговицы. Ее узкие бедра плавно переходили в необычайно тонкую талию, которая поддерживала широкую грудную клетку. Над ней сияли груди, белые, как кожа исландского младенца. Голые плечи были прекрасны, хотя и довольно широки. Они, как и большая грудная клетка, были необходимы, чтобы поддерживать более чем полные груди этой женщины. Словно две Венеры, рожденные морскими волнами, они поднимались над низким вырезом ее платья.

Кларку Сэвиджу было шестнадцать лет, и поэтому он был очень восприимчив к женской красоте. Она действовала на него только так, как может действовать на мальчика-подростка. Он не сопротивлялся ей и мгновенно реагировал на нее, как железные опилки реагируют на магнит. Так что теперь ему на мгновение показалось, что он слышит бушующие в нем гормоны и рев крови, спешащей к назначенному месту.

Такую реакцию не одобряли американские нравы 1918 года. Кларк стыдился этого, хотя и понимал, что у него нет для этого никаких логических оснований. Его опыт общения с некоторыми примитивными обществами и недавнее пребывание в Париже с французскими летчиками, также находившимися в отпуске, несколько изменили его отношение к жизни. Более того, его пожизненная свобода от религиозности — в отличие от религиозного образования — несколько смягчила тот стыд, который он мог бы испытывать. Тем не менее в этот момент он чувствовал — нелогично, но бесспорно — что все в комнате точно знали, что он ощущает, глядя на графиню. Его щеки горели.

Хозяин — барон фон Гессель — возможно, тоже знал об этом. На самом деле он выглядел несколько удивленным, хотя, возможно, его обычная поза просто казалась веселой от одного лишь присутствия других представителей вида «человек разумный». Необходимо было, чтобы эти низшие существа занимали одну и ту же с ним землю и, возможно, одну и ту же комнату — ведь кто-то должен был выполнять там работу. Так что Гессель вполне мог бы принимать их иногда сводящее с ума и часто раздражающее присутствие

с кривой радостью и снисходительностью.

Такая оценка поведения барона пришла к Кларку Сэвиджу не сразу. Это должно было произойти гораздо позже — медленно накопиться во время более близкого и длительного контакта с ним. Однако юноша с самого начала чувствовал, что ученый смотрит на него сверху вниз. Впрочем, почему бы и нет? Ему было всего шестнадцать лет, и он был военнопленным. Очевидно, никакой угрозы в нем для барона не было.

Фон Гессель был высокого роста — на дюйм выше Сэвиджа. У него были широкие плечи и тонкая талия, хотя небольшая выпуклость живота свидетельствовала о том, что он ел больше того, что было для него полезно. Более пристальное изучение барона подтвердило, что этот человек был красив, как может быть красив мужчина. Римский нос придавал его правильным чертам аристократический вид, а его большие зеленые глаза, казалось, светились каким-то внутренним светом.

Для американца Сэвиджа монокль казался глупостью, притворством. Но теперь эта вещица, казалось, придавала барону вид превосходства. Его монокль был похож на микроскоп, через который фон Гессель изучал более мелких существ этого мира. Тем не менее он был достаточно вежлив. Он щелкнул каблуками и поклонился, говоря на оксфордском английском глубоким басом:

— Не надо отдавать честь, лейтенант Сэвидж. Это же светская вечеринка. Во всяком случае, настолько, насколько это возможно при данных обстоятельствах.

Затем он представил юноше графиню. Она протянула Кларку маленькую руку с исключительно длинными пальцами, затянутую в черную перчатку длиной до локтя. Ее духи были слабыми, но очень приятными, а большие темно-синие глаза были так же ослепительны, как и ее улыбка.

— Лейтенант Сэвидж. Как мило с вашей стороны принять наше приглашение, — сказала она.

ГЛАВА VIII

ЕЕ ГОЛОС БЫЛ очень приятным контральто. Эта женщина говорила по-английски с едва заметным русским произношением и интонацией. Она снова улыбнулась и рассмеялась.

— Можно сказать, что вы просто заглянули к нам. Но нужно ли было устраивать такую истерику по поводу купания? Разве американцы не привыкли принимать ванну?

Сэвиджу удалось оторвать взгляд от ложбинки между ее грудей, и в тот же миг перед его мысленным взором возникла карта Великого разлома в Восточной Африке. Ни жемчуга, ни бриллиантовые ожерелья не украшали эту снежную панораму. У Лили был хороший вкус, чтобы не лишать свою грудь великолепия с помощью одних только украшений.

Кларк указал на Зэда, который стоял в углу неподвижно, как чучело Голиафа.

— Мы привыкли сами принимать ванну. И мы не любим, когда с нами грубо обращаются, — сказал юноша.

— Вы, должно быть, очень сильный, — снова засмеялась его собеседница. — Я не думала, что кто-то сможет победить этого медведя. И перевернуть эту невероятно тяжелую ванну! Это вызвало много разговоров, поверьте мне. А ведь вы еще так молоды! Вы, должно быть, очень энергичны.

— Он, должно быть, тоже умирает с голоду, — сказал барон. — Позвольте мне познакомить его с остальными гостями, а потом мы пообедаем.

За столом должны были сидеть тринадцать человек, включая Сэвиджа. Это говорил о том, что хозяин дома вовсе не был суеверен. А может быть, он как раз был суеверным и любил искушать судьбу.

Пятеро гостей были офицерами из свиты барона. Один из них был аббатом. Это был высокий, мертвенно-бледный и причудливо длиннолицый человек, одетый в грубую шерстяную монашескую рясу. Он говорил мало, но ел много и быстро, время от времени кряхтя и сопя. Аббат вел себя так, словно это была первая — и возможно, последняя — хорошая еда за долгое время. Кларк понятия не имел, зачем его пригласили. Еще три гостя — комендант полковник Шрейдер и

два очень молодых пилота, лейтенанта — были летчиками с соседнего аэродрома, какого именно, никто не сказал. Это они летали на тех самых «Пфальцах», которые сбили Сэвиджа. Они сказали ему, что попросили фон Гесселя прислать пилота «Ньюпорта» в их кают-компанию, так как хотели отпраздновать с ним знакомство, прежде чем он отправится в лагерь для военнопленных. Эти летчики восхищались его мужеством и умением сбить два самолета и два воздушных шара за один день. Когда они узнали, что он американец, им еще больше захотелось встретиться с ним.

Сэвидж сидел справа от барона, а графиня занимала место на другом конце стола, как и подобало хозяйке дома. Юноше показалось, что она тихо поспорила с Гесселем об этом месте, хотя длились их пререкания не очень долго. Кларк почувствовал себя неловко из-за этого. Несмотря на то что он мог расслышать лишь несколько слов из разговора хозяев по-немецки, у него сложилось впечатление, что графиня хочет, чтобы он сел рядом с ней.

Когда Лили отошла от барона, покачивая бедрами и размахивая сигаретой в длинном мундштуке — магнитом для всех глаз, — она казалась рассерженной. Фон Гессель улыбнулся, словно вспомнил какую-то шутку.

— Вы совершили настоящее завоевание, — сказал он Сэвиджу. — Я велел ей сегодня вечером вывесить волосы из окна своей комнаты и поиграть в Рапунцель. Может быть, вы подниметесь туда этим вечером. Если сможете сбежать. Я уверен, что вы думаете об этом. О побеге, я имею в виду.

Он рассмеялся... а потом швырнул недокуренную сигару в угол. Слуга поспешил поднять сигару, и вместо того, чтобы положить ее в мусорный контейнер, он загасил ее и сунул в карман куртки.

Кларк Сэвидж был слишком смущен, чтобы ответить. Но барон, по-видимому, не ожидал этого. Через несколько секунд он предложил всем сесть. Было разлито вино, хотя большинство сидевших за столом сразу же принялись за еду. Сервировка была довольно странной. Вместо того, чтобы подавать по одному блюду за раз, все, кроме десерта, было сразу выставлено на стол. Горничные графини,

два телохранителя и два рядовых солдата передавали посуду тем, кто не мог дотянуться до того, что хотел.

Сэвидж решил, что барон либо не склонен к общепринятым обычаям, либо ему нравится расстраивать своих гостей, избегая привычных форм поведения. Если кого-то и интересовало, почему Гессель не соблюдает обычный способ подачи блюд, то он был слишком вежлив, чтобы спросить об этом. Кларк медленно потягивал вино, твердо решив не пить слишком много. Он ожидал вопросов, составленных таким образом, чтобы они могли раскрыть военную информацию барону и полковнику Шрейдеру. Могло ли быть так, чтобы его, Сэвиджа, вкладом в разговор стало только имя, звание и порядковый номер? Нет. Он будет говорить. Но он обдумает каждое слово, прежде чем произнести его.

Кроме того, он мог бы и сам узнать что-нибудь стоящее о враге.

Два пилота «Пфальцев» — восемнадцатилетние Мейлен и Брантвейлер — хотели поговорить о полетах вообще и о подвигах Кларка в частности. В то же время по их взглядам, устремленным на другой конец стола, было видно, что они тоже хотели бы сидеть рядом с графиней. И оба их желания были не осуществимы. Барон разрешал им разговаривать с американцем только время от времени и довольно часто прерывал их своими собственными комментариями на другие темы. Он сразу же перешел к вопросу о тех немецких военных заводах, которые избежали бомбардировок самолетами союзников.

— Они находятся достаточно близко к базам бомбардировщиков, чтобы ваши самолеты могли легко добраться до них, — сказал фон Гессель и понимающе улыбнулся. — Фабрики вокруг них были взорваны. И все же ни одна бомба, сброшенная вашими самолетами, не приземлилась рядом с ними. А знаете, почему?

— Я уверен, что вы мне скажете, почему, — ответил Сэвидж.

— Их не бомбят, потому что вашим командирам было приказано командовать своим пилотам, чтобы те избегали этих заводов по производству боеприпасов. Командующему отдавали приказы генералы, которые получили приказ

от некоторых политиков пощадить эти заводы. А некоторые очень влиятельные промышленники — англичане, французы и американцы — приказали политикам издать эти приказы. Эти промышленники вложили большие средства в эти немецкие военные заводы. Они не хотят терять деньги из-за того, что заводы уничтожат. И они с нетерпением ожидают продолжения производства — а следовательно, будущих прибылей — на этих заводах после окончания войны. Что вы об этом думаете?

Сэвидж закусил губу.

— Не важно, что вы ответите, — продолжал барон. — Я думаю, вы будете полны ярости и негодования на этих промышленников. Они предатели, хотя, несомненно, считают себя патриотами высшего порядка. Пули, снаряды и бомбы, выпущенные этими немецкими фабриками, убили и искалечили сотни тысяч французов и англичан и когда-нибудь убьют десятки тысяч ваших соотечественников-американцев. И еще больше британских и французских военных.

— У меня нет доказательств, что то, что вы утверждаете, правда, — сказал Кларк.

— Если бы у вас были мои знания и опыт общения с людьми, вы бы знали, что некоторые люди вполне способны убить миллионы своих собственных людей, если это принесет деньги в их карман.

— Это вовсе не значит, что некоторые люди так поступают.

Ученый рассмеялся:

— У вас красное лицо. И вы выглядите угрюмым. Конечно, вы возмущены тем, что я сказал о ваших «бизнес-магнатах», как вы, американцы, их называете. Возможно, когда-нибудь вы будете в состоянии проверить обоснованность моих заявлений. Но это будет опасно для вас. Эти промышленники контролируют прессу и полицию. Они будут использовать свою огромную власть, чтобы подавить любые разоблачения своих преступлений. И без колебаний убьют вас, если вы станете слишком большой угрозой для них. Ваш президент сказал, что это война, которая положит конец всем войнам. Он очень наивен. Неужели он действительно верит, что если Гер-

мания проиграет войну, то она не начнет другую, когда восстановится? А как же большевики? Их идеология для них — догма. Слова Маркса и Ленина идут «сверху». С горы Синай социализма. Их безбожный Бог постановил, что они должны экспортировать свою революцию по всему миру любыми необходимыми средствами. А как насчет всех эксплуатируемых и несчастных масс Азии, Африки и Южной Америки? Неужели вы думаете, что когда-нибудь они не поднимут оружие против своих европейских правителей? Конечно, после этого их начнут угнетать тираны их собственного народа. Но сейчас это не имеет никакого значения.

— Похоже, вы неплохо изучили политику и экономику, — заметил Сэвидж.

— Я изучил жажду власти и средства, используемые для того, чтобы получить эту власть и сохранить ее, — сказал Гессель. — В основе человеческого поведения лежит вовсе не атом. Это стремление к власти.

Он сделал глоток вина и продолжил:

— Америка также борется за то, чтобы сделать мир безопасным для демократии. Спросите вашего афроамериканского гражданина и вашего индейца из резервации о «демократии».

— Я понимаю, что великое зло и несправедливость пятнают сияющий щит мира, — сказал Кларк Сэвидж. — Но я верю, что когда-нибудь все это будет исправлено.

Барон удивленно поднял брови.

— «Пятнают сияющий щит мира»? Я и не подозревал, что вы тоже в некотором роде поэт.

Сэвидж ожидал, что фон Гессель продолжит разговор на подобные темы. Они были предназначены для того, чтобы вызвать у него сомнения в правоте и нравственности дела союзников. Но если ученый полагал, что его пленник настолько слаб, что поддастся на подобную уловку, то он сильно ошибался.

Как ни странно, внезапно барон указал на стол:

— Посмотрите на этих людей. Пускают слюни, принюхиваются, как гончие вокруг суки в жару. Не то чтобы они настолько сбились с пути в своем пылу. Она считает себя еще

одной Екатериной Великой, Клеопатрой, Нинон де Ленкло. К сожалению, она не обладает их высоким интеллектом. Но кого это волнует в таких делах?

Кларка Сэвиджа это возмутило. Джентльмен никогда не говорит так о женщине. Даже если это его собственная любовница. И даже если это замечание верно.

— У вас красное лицо. Опять, — сказал фон Гессель, усмехаясь над своим бокалом вина.

Прежде чем заговорить, Сэвидж подождал, пока тот проглотит большой кусок восхитительной говядины.

— Ваши намеки на нее не очень меня задевают, — сухо сказал молодой человек.

— Вы считаете, что я не должен пренебрежительно отзываться о любой женщине? — спросил ученый. — Но это означает, что женщины как группа находятся либо на более высоком уровне, чем мужчины, либо на более низком. Такова общемировая мужская позиция. Ошибочная, конечно. Средний интеллект женщин так же высок, как и средний интеллект мужчин. Хотя это вовсе не комплимент женщинам. В большинстве областей деятельности они обладают такими же умственными и, как правило, физическими способностями, как и мужчины. Любой человек, не ослепленный предрассудками, должен был бы это видеть. Так почему же я — или кто-либо другой, если уж на то пошло — должен избавлять их от критики и обвинений? Что требуется от мужчин, то должно требоваться и от женщин. Это включает в себя похвалу или порицание, награду или наказание.

— Но ведь с ними не обращаются как с равными!

— Именно. И не будут до тех пор, пока они не начнут войну за равноправие. А может быть, и тогда не будут. Мужчины не откажутся от своей власти над женщинами, пока их к этому не вынудят. Они будут сражаться долго и упорно. — Барон выпил половину вина из своего бокала. — А, хорошо! Эти монахи, возможно, мало знают о прелестях жизни. Но они делают очень хорошее вино. Так вот, мой юный американец, то есть мой очень наивный и юный гость, почти все в человеческой жизни проистекает из борьбы за власть. Власть! Власть!! Власть!!!

— Вы очень циничны, — сказал Кларк Сэвидж.

— Другими словами, я веду себя как собака? Если так, то я вожак стаи. Объективный, трезвомыслящий, ясно видящий без шор. Что делает меня тем, кого вы называете «циничным». Видите ту женщину? Конечно же, видите. Я просто капризничаю. Вы разрывались между своим увлечением едой и ее красотой. То есть ее сильным сексуальным влечением. У нее была власть. Как дочь русского графа, владевшего огромной собственностью и тысячами крестьян, она могла — если бы захотела — предать любого из них смерти или пыткам. У нее их было много, и она избивала их до крови хлыстом. Конечно, для этого ей нужно было получить разрешение отца. Но большевистская революция все это смела. Внезапно ее родителей забивают до смерти крестьяне, которые теперь сами имеют над ними власть. Она находится в смертельной опасности и вынуждена бежать из своей страны. Ее единственная собственность — это драгоценности, одежда и четверо слуг, незаконнорожденных и заблудших созданий, которые цепляются за нее из-за ошибочной преданности. Вместо того чтобы убить ее, они ее защищают и служат ей. Но она не потеряла всю свою силу. У нее все еще есть ее красота, ее сексуальная привлекательность. Она использует их так, как должна использовать женщина, если хочет выжить и вернуть себе некоторую власть. К счастью для нее, она встретила меня. Но что она будет делать, если я потеряю к ней интерес и отдам предпочтение какой-нибудь другой женщине? Она найдет себе другого мужчину, обладающего властью. Но что будет, когда она станет старой и уродливой?

Фон Гессель пожал плечами.

— Но все это не имеет значения, лейтенант, — заявил он. — Давайте обсудим другие вопросы, если вы не против. Например, тема, которая меня очень интригует. То есть усилия вашего отца превратить вас в сверхчеловека. В то, что Ницше называл «der Ubermensch».

Сэвидж только что откусил кусочек салата из пальмовой сердцевины. Вкус этого деликатеса внезапно стал неприятным, и он чуть было не выплюнул его. Его сердце, казалось, было поражено ударом, а его желудок, казалось, делал петлю за петлей.

Фон Гессель улыбнулся.

— Да, я много знаю об этом. У нашей разведки есть досье на вас и на доктора Кларка Сэвиджа-старшего. Довольно длинная штука. Я буду с вами откровенен. Я бы не пригласил вас на ужин, если бы вы были просто каким-нибудь летчиком-янки, у которого больше смелости, чем мозгов. Мы можем поговорить о вашем необычном образовании и о мотивах, побудивших вашего отца дать его вам. Это не поставит под угрозу безопасность союзных держав.

Сэвидж отодвинул тарелку. Глядя прямо перед собой с напряженной спиной, он повторил свое имя, звание и порядковый номер.

— Ну же, — сказал барон. — Нет никакой необходимости в этой чепухе. Вы не можете рассказать мне ничего о ваших передвижениях и о вашей роли в воздушном сообщении, чего бы я уже не знал.

Кларк снова назвал свое имя, звание и порядковый номер. Его собеседник вздохнул.

— Вы очень упрямый молодой человек, — сказал он, хмурясь. — И боюсь, не такой умный, как мне внушили.

Резко и энергично, так что все даже вздрогнули, фон ученый отодвинул свой стул и встал во весь рост. Громкий разговор прекратился, и единственным звуком на мгновение стала музыка из граммофона. Он играл «Похоронный марш Зигфрида» из вагнеровского «Кольца Нибелунгов».

— Отведите пленника обратно в камеру! — проревел фон Гессель по-немецки.

Графиня Идивзад пристально смотрела на барона и лейтенанта широко раскрытыми глазами. Ее губы были приоткрыты, как будто она собиралась задать своему любовнику вопрос. Но она вновь сомкнула их, не сказав ни слова.

— Вот именно! — закричал барон. — Не смей произносить ни единого слова протеста! Забудь на ночь о своей игрушке! Он не для тебя!

А потом он заорал на только что вошедшего капитана:

— Кунц! Отведите этого человека обратно в камеру! Под двойным конвоем!

Даже когда его быстро вывели из комнаты — двое солдат сзади, еще двое и капитан Кунц впереди, — Сэвидж поду-

мал, не было ли это событие инсценировано специально для него. Возможно, барон все спланировал заранее, и это еще не конец. Иначе зачем бы фон Гессель говорил о том, что графиня должна забыть о своей «игрушке»? Это более чем подразумевало, что она — а следовательно, и барон тоже — имела в виду какое-то обольщение их пленника. Кларк понятия не имел, как все это будет происходить, но ученый управлял этим монастырем. Более того, он казался достаточно циничным и деградировавшим в моральном плане, чтобы использовать свою любовницу для чего угодно.

А сама его любовница в данной ситуации так повлияла бы на их пленника, что он открыл бы ей то, о чем ему следовало бы умолчать. Или он, Кларк Сэвидж, слишком подозрителен? Был ли он тоже — в своей скромной манере — циником?

Юноша был рад, что не съел и не выпил слишком много. Внезапно он решил, что будет действовать. Он сделает то, чего барон в данный момент не ожидал.

Кларк терпеливо ждал возможность сделать перерыв для этого. Но его терпение было на исходе. Он был не в восторге от того, что набил себе брюхо. И он дрожал внутри себя, как борзая, ожидая, когда откроются ворота и начнется гонка!

ГЛАВА IX

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, когда его привели к камере, в которую его поместили в первый раз, Сэвидж закончил составлять свой план. Капитан, командовавший четырьмя солдатами, шел первым. Двое из его подчиненных следовали за ним, а двое шли позади Кларка. На плечах у них висели винтовки. Сам же капитан был вооружен только автоматическим пистолетом «Люгер Парабеллум П08». Когда они добрались до коридора, ведущего к камере Сэвиджа, лейтенант увидел, что за дверью нет часового. Отлично! Это означало, что ему придется иметь дело с пятью, а не с шестью. То, что он собирался сделать, должно было быть сделано очень быстро и гладко.

Одолеть пять человек было возможно. Но только с первой попытки. Еще одна попытка сделала бы это почти нереальным, хотя Кларк все равно попытался бы.

— Halt! — крикнул капитан, как только они подошли к двери, и начал оборачиваться. Сэвидж и его эскорт остановились. Американец согнул колени и прыгнул вверх!

Оказавшись напротив солдат позади него, он наклонился в их сторону и одновременно отскочил назад и ударил этих двоих кулаками в грудь. В следующий миг его ботинки врезались им в солнечное сплетение, в верхнюю часть живота. Поскольку эта область содержит целую сеть нервов, Кларк решил, что двое шедших позади него будут парализованы таким сильным ударом на те несколько секунд, которые ему понадобятся. А конвоиры, стоявшие перед ним, сраженные ударами по почкам, тоже на какое-то время выйдут из строя.

Когда его противники завопили или задохнулись от боли и удивления, а их выроненные винтовки с грохотом упали на пол, юноша оттолкнулся от каменного пола обеими ногами. Один из людей, стоявших впереди него — изогнувшийся назад и схватившийся рукой за то место, куда Сэвидж его ударил, — шатаясь, шагнул к своему командиру. Капитан — его рот был открыт, но он не издавал ни звука — потянулся за пистолетом в кобуре, но пострадавший от Кларка солдат навалился на него и отпихнул его назад. Командир с проклятием крикнул ему, чтобы он убирался с дороги. Это дало пленнику время догнать капитана, прежде чем тот успел оттолкнуть подчиненного в сторону.

Сэвидж рубанул капитана по шее ребром ладони, а затем, резко повернувшись, ловко выхватил «Люгер» из его кобуры. Офицер растянулся на полу без сознания. Несмотря на мучительную боль, солдаты наклонились, чтобы поднять свои винтовки.

Кларк снял пистолет с предохранителя... отодвинул затвор назад, а затем выстрелил... и направил его на солдат.

— Не двигаться! — сказал он по-немецки.

Свет факелов освещал пятерых скрюченных от боли и шока немцев. Никто ничего не пытался сделать. Через десять секунд под яростным напором лейтенанта один из солдат забрал у офицера связку ключей и придвинул их по полу к американцу. Затем он помог остальным отнести обмякшего капитана в камеру.

Один из них выбросил в коридор сверток с летным костюмом. Сэвидж запер дверь камеры и сунул «Люгер» в карман. Он вынул три коробчатых магазина на пять патронов из всех винтовок, кроме одной, и засунул их себе в карманы, после чего взял винтовку и пошел по коридору к выходу. Еще не дойдя до конца, он услышал, как солдаты в камере зовут на помощь. Вряд ли это принесет им много пользы, пока кто-нибудь не отправится на их поиски.

Твердо запомнив маршрут к входу, Кларк осторожно — хотя и быстро — двинулся обратно. Он предположил, что там теперь стоит стража, и не ошибся. Прямо в дверном проеме, прячась от дождя, стоял спиной к Сэвиджу одинокий солдат. Его винтовка висела на плече, вопреки всем правилам караульной службы. Затем этот солдат повернулся в профиль к беглецу, и тот увидел, что во рту у него горит сигарета.

До этого момента лейтенант не знал, что снаружи идет дождь и что на западе продолжается гроза. Толстые каменные стены не пропускали никаких звуков. Он подождал, пока охранник снова не повернулся к нему спиной, а потом быстро двинулся вперед, надеясь, что легкий шум, производимый его сапогами, будет заглушен грохотом и треском стихии в небе.

Подойдя к солдату, который уже собирался выбросить сигарету под дождь, Сэвидж ударил его по затылку прикладом «Маузера», который он подобрал с пола у входа в камеру. Он старался не бить достаточно сильно, чтобы не нанести непоправимый вред позвоночнику этого человека.

Затем Кларк вынул магазин из его винтовки и забросил оружие далеко в ночь, после чего снял с охранника шинель и надел ее на себя. Подойдя к отверстию в стене, через которое он впервые вошел на территорию монастыря, он заколебался...

Следует ли ему как можно скорее убраться отсюда? Или же стоит вернуться туда, пусть и другим путем, и заняться шпионажем?

Ему потребовалось три секунды, чтобы принять решение.

Опасность быть пойманным снова перевешивала любую информацию, которую он мог получить. Ему казалось, что фон Гессель может обладать очень ценными сведениями. Но

как он доберется до них? И как будет добывать эти сведения?

Он пришел в монастырь, как вор в ночи, хотя тогда было еще светло, а теперь покинул его, тоже как вор в ночи.

Спуск вниз по крутому песчанику и грязи склона занял больше времени, чем подъем наверх. Кларк несколько раз поскользнулся, но ухватился за выступающий камень прежде, чем успел уйти далеко. Он ожидал в любой момент услышать шум позади и над собой, но ему удалось добраться до леса за широким лугом, не слыша и не видя никаких признаков погони.

Два молодых немецких летчика, с которыми он разговаривал за ужином, упомянули, что их аэродром находится на севере. Они не сказали, как далеко он был от монастыря, а Сэвидж не заметил его, когда поднялся на вершину башни вскоре после того, как вошел в здание. Возможно, аэродром находится за грядой холмов на северо-востоке. К нему, вероятно, вела обсаженная тополями дорога, идущая с севера.

В любом случае беглец собирался выяснить, так ли это. Север был хорош в качестве направления движения, насколько ему было известно. Время от времени спотыкаясь и быстро шагая под дождем, намочившим его голову и пальто, Кларк обогнул луг. Отойдя от монастыря примерно на милю, он отважился выйти на другое поле. В ста ярдах от него стоял фермерский дом, видимый только при вспышке молнии. Его окна были темными.

Сэвиджу пришлось перелезать через канаву, чтобы добраться до дороги. К тому времени гром уже грохотал особенно громко, а молнии сверкали особенно яростно. Юноша все время вертел головой, пробираясь сквозь густеющую грязь. Он решил, что если увидит позади себя огни машин, то есть своих преследователей, то побежит обратно. Если в тот момент, как это уже не раз случалось во время его бегства, поблизости не будет ни одной рощи, он нырнет в канаву. Это означало бы, что он промокнет в холодной воде, но оно того стоило. По крайней мере, летчик надеялся, что так будет.

Однако автомобилям было нелегко пробираться через эту грязь. К тому времени, как Кларк преодолел три мили, хищные стихии, бушевавшие над его головой, уже ушли на вос-

ток. Ни впереди, ни позади него так и не появилось никаких автомобильных огней.

В одном месте дорога разветвлялась, и молодой человек выбрал правый путь. Эта дорога постепенно изгибалась... доходила до гряды невысоких холмов... и шла вдоль нее в восточном направлении. Число фермерских домов увеличилось, но во всех по-прежнему были темные окна. Вскоре Сэвидж пришел в деревню — или в то, что от нее осталось. Большинство домов были разрушены, а в земле зияли глубокие ямы, но в окнах двух сравнительно неповрежденных зданий горел свет. Перелезая через обломки, юноша обходил их стороной, пока внезапно не оказался на окраине деревни.

Там Кларк увидел впереди тусклый свет. По мере того как он приближался по извилистой дороге, огни становились все ярче. Вскоре он увидел колючую проволоку, натянутую поперек канав с левой стороны дороги на высоте в шесть футов. За ней был еще один ряд такой же проволоки — оба они растянулись в ночи перед ним.

На довольно большом расстоянии, которое сложно было точно оценить из-за темноты, в нескольких дюймах над землей находились две параллельные линии электрических огней, тянущиеся куда-то вдаль. На земле между этими линиями лежало нечто широкое, белесое и испещренное черными прожилками. А в конце линий смутно виднелись громады больших низких строений. Перед одним из них плясал фонарик, освещая темные человеческие фигуры.

Загадочный узор внезапно принял знакомые очертания, как только дождь прекратился.

Это был аэродром. Колючая проволока окружала его со всех сторон. Огни должны были направлять ночные самолеты, а белесая субстанция представляла собой цементную взлетно-посадочную полосу, забрызганную грязью — вероятно, более широкую, чем Сэвиджу показалось с первого взгляда. Специально изготовленная полоса была абсолютно необходима для взлета и посадки самолетов, особенно если это были тяжелые бомбардировщики. Иначе они застряли бы в глубокой грязи. Однако немцы построили только одну полосу, а это означало, что самолеты должны были иногда взлетать с попутным или

встречным ветром. Например, сегодня вечером ветер будет дуть им в спину. Впрочем, полоса была очень длинной.

Большие строения должны были быть ангарами. У одного из людей, собравшихся впереди в ожидании возвращающихся самолетов, был фонарик.

В этот момент Кларк услышал приглушенный рев воздушных машин. Он съехал в канаву на пятой точке и по пояс погрузился в леденящую холодную воду, а потом ухитрился выбраться из нее, держась за голый корень дерева, и побежал вдоль колючей проволоки туда, откуда пришел. Когда юноша добрался до угла площадки, которую проволока образовывала вокруг аэродрома, он обошел ее и двинулся вдоль проволочной баррикады, идущей на север. Дойдя до конца полосы, он остановился.

Прошло несколько минут, и гул множества мощных моторов стал громче. Затем в поле его зрения появился первый самолет, летевший очень низко. Огни сказали ему о том, что это была огромная машина. И это действительно оказался «Grossflugzeug — a Gotha G.V», бомбардировщик, биплан с двумя двигатели «Мерседес-Бенц» в крыльях, в котором летел экипаж из трех человек. Ночной рейдер. Он не должен был взлетать в воздух в такую безлунную и ненастную погоду, но в том месте, которое он разбомбил, вероятно, не было бури.

Некоторое время Сэвидж наблюдал, как вслед за этим самолетом приземлились еще три. А потом еще один — но его ходовая часть развалилась вскоре после приземления, а все остальное с громким визгом заскользило по полосе, после чего сорвалось с нее и полетело в грязь, разбив крылья.

Вокруг обломков тут же сбежалась взволнованная толпа. Осторожность в поддержании затемнения была забыта. Были включены горячие дуговые лампы, по полосе с ревом сирены помчалась машина «скорой помощи», а за ней последовали мотоциклисты и просто бегущие люди.

Сэвидж с минуту ждал появления истребителей сопровождения. Но больше никто так и не прилетел. Тогда он схватился за колючую проволоку руками в перчатках и одним плавным и легким движением перепрыгнул через нее. Точно так же молодой человек преодолел и второй ряд проволоки,

но все-таки зацепился за нее ногой и разорвал штанину, тут же пропитавшуюся кровью.

Не обращая на это внимания, Кларк побежал по грязи под углом, удаляясь от полосы. Он был уже далеко в темноте, хотя и не мог подойти к ангарам спереди из-за яркого дугового освещения. Пробежав по кривой, чтобы оставаться в темноте, он добрался до неосвещенной стороны ближайшего ангара. К тому времени благополучно приземлившиеся бомбардировщики были вытянуты наземными экипажами наружу и выстроились в ряд перед ангаром. Экипажи самолетов стояли неподалеку, очевидно, наблюдая за спасением летчиков потерпевшего крушение биплана. Вокруг него плясали огоньки и кричали люди, а «скорая помощь» все еще ждала на полосе.

Сэвидж развязал сверток и надел летный костюм, включая шлем и защитные очки. Его продрогшее от дождя тело начало согреваться. Затем он глубоко вздохнул и с винтовкой в руке вышел из-за угла. Стараясь держаться поближе к темному фасаду ангара, он пересек пространство между этим ангаром и следующим, а затем направился к ближайшему бомбардировщику.

Нырнув туда, летчик на четвереньках пролез под остальными самолетами, пока не добрался до четвертого бомбардировщика. Это было самое близкое место к посадочной полосе. Кларк выпрямился и прошел в среднюю кабину, где находилось место пилота. Впереди в носовой части располагалась кабина для наблюдателя-наводчика, а позади — кабина для кормового стрелка.

Сэвидж прислонил винтовку к стенке кабины, пригнулся пониже и приблизил голову к пульту управления и приборам. Он плохо видел в полумраке, но света было как раз достаточно, чтобы разглядеть приборы и рычаги управления. Функциональные метки были просто черными пятнами.

Юноша изучил рычаги управления так хорошо, насколько это было возможно в данных обстоятельствах. В принципе, органы управления всеми самолетами были одинаковы по своим функциям, но их форма менялась в зависимости от типа машины, а приборная панель и другие устройства кабины меняли свое расположение. Более

того, пилот, собирающийся управлять незнакомым ему кораблем, должен был пройти интенсивное наземное обучение, прежде чем взяться за него.

Сэвидж не нашел манометр подачи топлива. А баки для горючего могли быть почти пусты. Но это не имело значения. Он собирался использовать все, что осталось. Если бы только ему удалось заставить двух механиков вращать для него пропеллеры!

Еще один глубокий вдох...

Дерзать! Всегда дерзать!

Кларк вылез из самолета и зашагал к краю толпы, как будто был немцем по рождению и вдобавок ревностным патриотом. При свете фонаря он вгляделся в лица приближающихся к нему механиков, а затем выбрал двух самых сонных из них.

Как и все «жирные обезьяны» в воздушном корпусе — германском, британском, американском, итальянском и так далее, — эти люди были перегружены работой и лишены отдыха. Они потели и напрягались, чтобы спасти бесконечный поток разбитых, поврежденных и неисправных машин. Невоспетые герои-механики. Сэвидж подошел к ним вплотную и заговорил по-немецки тихим, но властным голосом. Его командный тон был таким же повелительным, как если бы он был двоюродным братом кайзера.

— Вы двое пойдете со мной, — велел молодой человек и, развернувшись, пошел прочь, как будто не было никаких сомнений в том, что они должны ему подчиниться. Он даже не оглянулся.

Два механика, должно быть, задавались вопросом, кто он такой, поскольку они, несомненно, знали каждого офицера на базе. Но он слышал их шаги за спиной. И ему было все равно, какими озадаченными взглядами они обменивались.

Пистолет «Люгер», который он взял у капитана в монастыре, лежал в боковом кармане его форменной куртки со снятым предохранителем, готовый стрелять. Верхняя часть этой куртки была частично расстегнута, чтобы он мог быстрее добраться до оружия. Это был не самый лучший способ носить заряженный автоматический пистолет, однако Кларка не беспокоило, как это рекомендуется делать.

Перед ним было четыре бомбардировщика с двухкхвостыми элеронами у руля и пулеметами, торчащими над передней и задней кабинами. Казалось, прошло много времени, пока он добрался до последней машины...

...И вот молодой человек уже вскарабкался на защитную полосу на крыле у средней кабины пилотов, забрался в эту среднюю кабину и положил пистолет на пол. Винтовка у него тоже была готова к стрельбе.

Механики подошли к самолету и посмотрели на него снизу вверх.

— Я хочу завести мотор, — сказал Кларк.

Офицер — во всяком случае, надменный — не стал бы объяснять капралам, почему он хочет что-то сделать. Так что Сэвидж тоже не стал ничего объяснять.

— Выполняйте! — скомандовал он, а затем, чтобы успокоить их подозрения, добавил: — Особый приказ! Снять колодки!

Пока механики снимали колодки с колес самолета, Кларк включил свет в кабине пилотов и огляделся по сторонам. Каждый механик стоял перед пропеллером.

По его команде они запустили пропеллеры. Ему пришлось трижды повторить: «Контакт!», прежде чем моторы завелись и лопасти закрутились. Механики отступили в сторону.

Между тем, посмотрев еще раз вокруг, Сэвидж увидел, что к нему приближаются какие-то любопытные офицеры. Единственное, чего он сейчас не хотел, так это чтобы его допрашивали. К счастью, моторы были еще теплыми. Хотя даже если бы это было не так, он мог бы подождать.

Он пустил бомбардировщик вперед, а затем начал направлять его в сторону конца полосы. Когда он вырулил на нее, то нажал на дроссельную заслонку. Быстро набирая скорость, огромный самолет покатился к взлетной полосе.

К тому времени два механика уже бежали за ним. Толпа рассеивалась. Некоторые неслись к нему вприпрыжку, другие спешили убраться с дороги. Впереди всех шел офицер с автоматом в руке.

Сэвидж не слышал его из-за грохота моторов. Однако он мог читать по губам выкрикнутые слова:

— Стой! Останови машину, или я буду стрелять!

Самолет уже вот-вот должен был поравняться с этим офицером, у которого была хорошая возможность разрядить свой пистолет в человека, укравшего бомбардировщик. Сэвидж поднял «Люгер» с пола правой рукой, передвинул его влево и прицелился в бетон перед офицером. А потом дважды выстрелил.

Рядом с сапогами офицера взлетели в воздух бетонные крошки. Немец упал — пуля попала ему в ногу, вероятно, срикошетив от посадочной полосы. Самолет пронесся мимо корчащегося человека.

И тут внезапно один из механиков схватился за стойку левого крыла, и его ноги взлетели над землей. Потом он вскарабкался на крыло и стал пробираться к фанерному фюзеляжу. Крылья были покрыты тканью, и в какой-то момент его нога прорвала ее, но затем он вытащил ногу и принялся продвигаться от одной проволочной стойки до другой.

Большая дыра в ткани крыла должна была вызвать неприятности, когда самолет войдет в полный полет и наберет максимальную скорость. Если это вообще когда-нибудь случится. Приблизившись к началу взлетной полосы, Сэвидж сбавил скорость бомбардировщика. Ему не хотелось делать поворот так быстро — из-за этого машина накренилась бы и задела кончиком крыла бетон. «Наземный люк», как называли посадочную полосу, мог оторвать конец нижнего левого крыла.

Правый мотор замедлил ход, и когда левый выключился, а руль повернулся вправо, самолет качнулся. Дождавшись момента, когда он будет нацелен прямо на взлетную полосу, Кларк сравнял мощность левого мотора с мощностью правого, а через несколько секунд перевел дроссели на полную скорость.

Механик с побледневшим и искаженным лицом безрассудно пополз к фюзеляжу. Он был уже достаточно близко к кабине, чтобы протянуть руку и дотронуться до лейтенанта, но вместо этого достал из заднего кармана комбинезона гаечный ключ. Сэвидж отпустил рычаги управления — теперь он лишь слегка придерживал один из них правой рукой, а левой поднял с колен «Люгер». Механик попятился назад.

Кларк махнул пистолетом, указывая ему, чтобы он спрыгивал. Бедняга! Если он не подчинится приказу, его расстреляют, но если он спрыгнет, то, вероятно, погибнет или серьезно пострадает. Сэвидж надеялся, что этот человек, что бы он ни решил сделать, не додумается бросить гаечный ключ в пропеллер ближайшего мотора. Лучше бы он принял решение до того, как его осенила бы эта мерзкая идея.

Высунувшись из кабины, пилот прицелился и выстрелил. Возможно, пуля попала механику в ногу и сломала кость, а возможно, он просто испугался, но эффект от выстрела не заставил себя ждать. Человек рухнул на крыло и скатился с него на землю.

У Сэвиджа не было времени оглянуться и посмотреть, что произошло с ним дальше. Впереди на узкую взлетную полосу выехала «скорая помощь», преградившая самолету путь. Рядом с ней, сияя лицами в свете ее фар, виднелась целая стая людей, стрелявших по бомбардировщику.

Пришедшее к лейтенанту понимание, что он попал в адскую передрягу, было острым, как нож. Если «скорая» не уберется с дороги, бомбардировщик может столкнуться с ней. Кларк не был уверен, что успеет взлететь, прежде чем врежется в машину.

Но юноша лишь рассмеялся, а потом завопил, как индеец-команч:

— Дерзость! Всегда дерзость!

Он был полон безрассудства, воодушевлен духом юности, в восторге от опасности. Кража бомбардировщика была высшей точкой его жизни — во всяком случае, пока — даже если смерть скоро заберет его. Он сделал то, о чем мечтал. Сделал то, чего никто другой — насколько ему было известно — никогда не делал.

Голос его командира, де Слада, казалось, разносится над ревом моторов, похожим на шум Ниагарского водопада:

— Дерзость! Всегда дерзость! Bougez les boches!

Если бы Сэвидж был лампочкой, он осветил бы сейчас весь мир. Марсиане наверняка заметили бы это свечение. И не только они. Этот свет был бы виден гораздо дальше! Обитатели Плутона, самой дальней планеты Солнечной системы, непременно увидели бы его!

Фары «скорой помощи» ярко светились, и рядом с ними вспыхивали светлячки, рожденные из дул немецких орудий. Откладывать взлет было больше нельзя.

Сейчас!!!

Кларк снова потянул ручку управления на себя. Бомбардировщик медленно поднялся. Сумеет ли он это сделать?

Самолет накренился и слегка наклонился носом вниз. Летчик вернул его обратно, зная, что на данный момент он выжил. Оглянувшись, он увидел, что фары «скорой помощи» погасли. Шасси ударилось о машину и, возможно, было оторвано. Если так, то ему придется сажать самолет на брюхо. Пустяковое соображение в данный момент.

Индикатор уровня топлива показывал, что баки почти пусты. Это тоже не беспокоило Кларка в те напряженные минуты. Но скоро это станет главным делом, которое его займет. И ему лучше убраться отсюда ко всем чертям! Отбросить мысль о том, что он может повернуть назад и жужжать на аэродроме. Может быть, стоит попытаться сбить любой из истребителей, как только те взлетят с взлетно-посадочной полосы в погоне за ним?

Сэвидж был слишком возбужден. Пришло время для холодного сердца и реалистичного настроя ума. Он повернул направо, чтобы получше рассмотреть аэродром. Там должны были размещаться истребители для сопровождения бомбардировщиков, хотя они и не были задействованы в этом ночном рейде. До сих пор он их не видел — они были в ангарах. Теперь же многие из них стояли в очереди на взлет, и их моторы прогревались. Через минуту эти самолеты уже будут лететь за Кларком, и если они смогут найти его, то смогут и поймать.

Он решил подождать немного, прежде чем выключить свет в кабине, и пока идти прямо на юг по компасу. Темнота ослепила его. Не было никаких видимых ориентиров. В городах в это время тоже должно было наступить полное затемнение, так что было ясно: ему придется время от времени включать свет, чтобы свериться с компасом и проверить запас топлива. Этого краткого освещения было бы достаточно для пилотов истребителей, если бы они находились в его районе.

Но пока все шло очень неплохо.

Сэвидж находился над восточной половиной Пикардии, которую делила пополам река Ойзе. Она текла с северо-востока на юго-запад через Нойон, Компьень и Крей вдоль лесистой долины. Если бы в тот момент было достаточно светло, чтобы река отражала хотя бы бледный свет, Кларк мог бы ее увидеть. И если бы у него хватило топлива, чтобы он смог до нее добраться. Ему пришлось бы совершить аварийную посадку в реке — если бы он до нее долетел, — если только он не нашел бы достаточно длинного участка луга. Но он сомневался, что у него есть время искать луг.

К сожалению, пилот, управлявший этим самолетом до Кларка, не оставил свой парашют в кабине для американского гостя. Чертовски неосмотрительно. Сэвидж сунул автоматический пистолет в карман куртки — возможно, он пригодится ему позже — и бросил винтовку за борт. Он не хотел, чтобы она подпрыгивала во время аварийной посадки.

Через двадцать минут полета индикатор уровня топлива показал, что оно закончилось. Летчик переключился на аварийные баки. Еще десять минут спустя, когда юноша уже собирался снова включить свет, он увидел вдали яркие вспышки. Какой-то огонек быстро мигал прямо перед самолетом, и длилось это довольно долго. Это должна была быть стрельба из артиллерийских орудий. Впереди был фронт. Кларк все еще летел в правильном направлении.

Вот если бы только ему хватило топлива!

Он не думал, что бензина хватит. Он вообще был удивлен, что продержался в воздухе так долго. Но тут моторы самолета, как будто настроившегося на его мысли и посмеивавшегося над ним, начали кашлять. Сэвидж опустил нос самолета вниз — пора было спускаться, хотел он того или нет.

После некоторого шипения двигатели полностью остановились. Пилот резко увеличил угол скольжения. Ветер свистел в распорках и проводах, и если бы не грохот далеких пушечных молний, Кларк почувствовал бы, что остался единственным живым человеком в огромной, жуткой темноте.

В чреве смерти, из которого вот-вот должен был родиться еще один труп.

— Чтоб тебя! — подумал молодой человек. — Я еще жив. И я буду жить дальше!

Затем он увидел огни, движущиеся вдоль дороги. Или это были лодки на реке. Они дали юноше ориентир, хотя он все еще был так высоко над ними, что не знал своей высоты. Свет в кабине перестал работать, когда моторы остановились, и поэтому он не мог видеть индикатор высоты.

Бомбардировщик спускался слишком быстро и слишком круто. Но Кларк увидел, что внезапно возникший впереди слабый отблеск был отблеском реки. Огни же оказались ходовыми огнями двух пароходов. В их дымовых трубах горело слабое пламя.

Сэвидж приподнял нос самолета, чтобы сбросить скорость при подъеме, хотя и не желал замедляться слишком сильно. Он был примерно в трехстах футах над кораблями. Продолжая подниматься, летчик накренился, чтобы вернуться к реке. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как приземлиться на воду. У него не было времени на маневры. Корабли были впереди него и быстро приближались. Но он не должен был столкнуться с ними.

Кларк выровнял самолет в нескольких дюймах над рекой. Он сделал ставку на то, что шасси были сорваны при столкновении с машиной «скорой помощи». Если бы это было не так, они могли бы ударить в воду и заставить самолет перевернуться носом вперед. Такая резкая и насильственная остановка биплана не пошла бы на пользу пилоту, даже если бы он был скован аварийным поясом. С другой стороны, если бы шасси оставалось прикрепленным к фюзеляжу и теперь было срезано, удар мог бы просто заставить самолет немного замедлиться, прежде чем удариться о воду. Это было бы Кларку на руку.

Что бы ни случилось, его судьба была теперь не в его руках. Но и не в тех, что принадлежат богам. А в тех, что являются волей случая.

У него было около трех секунд, чтобы обдумать, что может произойти. Самолет ударился о речную поверхность с мощным толчком, взмыл вверх на несколько футов и упал с сотрясающим мышцы и кости ударом. После этого он заскользил, медленно поворачиваясь боком и перекатываясь

влево — его нижнее левое крыло начало отрываться от нижней части конструкции самолета. Большой мотор погрузился в воду. Верхнее крыло, единое и простирающееся в обе стороны, треснуло пополам и обрушилось на Сэвиджа, но он избежал удара, пригнувшись. Затем фюзеляж откатился вправо, и оба нижних правых крыла и верхнее крыло оторвало вместе с мотором.

Фюзеляж перестал двигаться. Он поплыл вниз по реке.

Кларк расстегнул аварийный ремень. Вода в кабине была ему по щиколотку и быстро поднималась. Если бы он собирался снять летный костюм, то сделал бы это в реке.

ГЛАВА X

ВСПЫХНУЛ ПРОЖЕКТОР. ЕГО луч шарил по поверхности реки, пока его яркий глаз не ослепил Сэвиджа. К тому времени фюзеляж уже почти затонул. Летчик перевалился через борт и поплыл, прожектор последовал за ним.

Какой-то человек крикнул ему по-немецки, чтобы он схватился за веревку. Лодка плавно приблизилась к нему — ее вращающиеся назад винты вспенивали воду, чтобы не пройти мимо беглеца. Огни в лодке говорили о том, что в ней стоит пулемет. Дуло его было направлено на Кларка.

План молодого человека был таким: притвориться сбитым летчиком, выполнявшим задание во имя «фатерлянда». Должно быть, на борту лодки был установлен коротковолновый радиоприемник, и управлявший ею человек получил сообщение о краже бомбардировщика.

Как оказалось, именно это и произошло.

С Сэвиджем обращались не так уж плохо. Ему дали чашку кофе — точнее, цикория, так как настоящий кофе был доступен только на черном рынке, — а его одежду высушили, пока он сидел в пальто с вооруженным охранником, наблюдающим за ним. Через час он уже был в комнате для допросов в старом полуразрушенном особняке в Нойоне. Ему дали тарелку жидкого супа с несколькими маленькими кусочками баранины и маленький ломоть черного хлеба, который казался тяжелым, как платина. Ему повезло, что он получил хотя бы это.

Кларк провел в Нойоне три дня, в течение которых его посетили и допросили шесть разных офицеров. Несмотря на то что они угрожали расстрелять его, как шпиона, если он не ответит на их вопросы, он отказался сообщить им что-либо, кроме своего имени, звания и порядкового номера. Последним офицером, допрашивавшим его, был комендант поля, с которого он угнал самолет. Этот комендант, который уже через час был почти готов отказаться от своих бесплодных попыток разговорить пленника, в конце концов сказал:

— Полковник фон Гессель передает вам привет.

Сэвидж удивленно поднял брови, но ничего не сказал и только кивнул.

Комендант выглядел так, словно ожидал, что американец откроет рот. Он подождал несколько секунд...

— Полковник говорит, что вам суждено стать слабее, чтобы дослужиться до генерала, или быть казненным при попытке к бегству, — снова заговорил комендант.

Кларк опять промолчал. Его собеседник улыбнулся:

— Графиня Идивзад тоже шлет вам привет и поздравления. Она говорит, что ей суждено встретиться с вами снова, и с большим удовольствием ожидает этого.

Лейтенант вздохнул, но ничего не ответил. Комендант отрицательно покачал головой.

— Я не понимаю, почему она должна интересоваться вами. Хотя я слышал кое-какие истории, — он сделал паузу, ожидая словесной реакции, но, не дождавшись ее, продолжил: — Я думаю, что когда она заговорила о новой встрече с вами, то подумала, что вы, вероятно, окажетесь в лагере Локи.

Сэвидж нахмурился.

— Ах, вы озадачены этим именем. Я не стану вас просвещать. Но скажу вам — это обещание, что вы отправитесь в лагерь военнопленных Хольцминден. Может быть, вы слышали о нем?

Кларк не произнес ни слова, и выражение его лица не изменилось — он по-прежнему проявлял безразличие.

— Я не уверен, что это так. Но вам будет лучше иметь это в виду, — продолжал комендант. — Этот лагерь, как вы,

американцы, говорите, — «адская дыра». В соответствии с немецким уважением к международному праву, он не является бесчеловечным. Но офицеры там очень строги. И от этого никуда не деться. А если вам удастся сбежать по дороге или — каким-то чудом — из самого Хольцминдена, вас отправят в Локи. Это недавно открытый лагерь для военнопленных, местонахождение которого я вам, конечно, не открою. Но я могу сказать, что его комендантом будет ваш недавний хозяин — полковник фон Гессель. Он гарантирует, что ни один военнопленный никогда не вырвется из лагеря Локи! Тем более что он, кажется, проявляет к вам особый интерес. Любой военнопленный, который трижды сбегает, а потом его ловят, автоматически попадает в Локи. Вы спаслись после того, как разбились в реке Ойзе, затем вы сбежали из монастыря, а после этого украли тот бомбардировщик. Но мы не будет несправедливы. Угон бомбардировщика следует объединить с побегом из монастыря. Мы считаем эти два дела за одно. По правде говоря, мы не можем не восхищаться той наглостью, с которой вы прошли мимо нас и увели бомбардировщик прямо у нас из-под носа. Вы, должно быть, частично немец или по крайней мере тевтонского происхождения. Итак, у вас есть две попытки к бегству. Но не три. Однако в следующий раз, если вы попробуете сбежать, а полковник фон Гессель говорит, что вы это сделаете, вас отправят в Локи.

«Почему полковник фон Гессель, который в первую очередь был офицером медицинской службы, стал командиром лагеря для военнопленных?» — удивился про себя Кларк. Спрашивать об этом коменданта было бессмысленно. Однако, сказал себе лейтенант, он может получить ответ на другой вопрос.

— Локи — это место для неисправимых беглецов? — уточнил он.

— Я думал, из моих слов это очевидно, — ответил комендант.

— Мне нравится все перепроверять, — сказал Сэвидж. — Иногда очевидное только кажется таковым. Прыжки в умозаключениях могут столкнуть вас прямо с края утеса.

— А попытка сбежать может привести к тому, что вас пристрелят! — сказал комендант, после чего резко развернулся и вышел из комнаты.

Хольцминден! Сэвидж слышал об этом печально известном месте. Предполагалось, что это будет самый суровый и строже всего охраняемый лагерь военнопленных на территории Центральных держав.

А лагерь под названием Локи? Он должен быть спроектирован так, чтобы быть супер-Хольцминденом.

Через полчаса в камеру вошли офицер и трое солдат. Кларку велели собрать вещи и поторопиться. Как только он связал в узел свой летный костюм, на него надели наручники. Он громко запротестовал против этих ограничений, и офицер велел ему заткнуться. Его провели через полуразрушенный город к железнодорожной станции. Рельсы, которые сперва обстреляли, а затем еще и разбомбили, теперь были отремонтированы. Шипя паром и пыхтя черным дымом, на станции ждал паровоз. Он был соединен с длинной вереницей грузовых и пассажирских вагонов.

Сэвиджа проводили в предпоследний вагон, который использовался для перевозки крупного рогатого скота. От деревянных стен исходило зловоние толпы перепуганных зверей, а на полу валялись кучи навоза. Что ж, подумал Кларк, по крайней мере, пространство между горизонтальными секциями по бокам пропускает свежий воздух. С другой стороны, воздух снаружи был холодным.

После того как его отвели в угол и велели сесть, он увидел, что в вагон забираются еще шесть военнопленных. Их приковали к противоположному углу в другом конце вагона. Сержант и четыре солдата были там единственными немцами. Очевидно, это были деревенские парни. Они шутили по поводу запаха и навоза: один сказал, что он чувствует себя здесь как дома и что скучает по своим свиньям.

Сержант — седой мужчина лет пятидесяти, без левого уха и с глубоким шрамом на подбородке — заговорил с Сэвиджем по-немецки. Очевидно, ему сказали, что американец знает его язык.

— Ты и близко не подойдешь к другим пленникам, — сказал он. — Ты не будешь с ними разговаривать. И не будешь обращаться к нам, кроме тех случаев, когда тебе понадобится отлить или сделать что-то еще необходимое. Понимаешь?

Сэвидж кивнул.

— Я должен все время сидеть? — спросил он. — Я бы хотел немного потренироваться.

— Здесь ты можешь ходить взад-вперед, — захохотал сержант. — Ступай в коровьи лепешки, если хочешь. Нам все равно.

Его хохот был похож на рев осла. Кларк слегка улыбнулся.

Затем поезд рывком тронулся с места. Когда зазвенел паровозный колокол и раздался пронзительный свисток, он начал набирать скорость. Через некоторое время летчик попросил разрешения надеть свой летный костюм. Воздух, дувший между планками сбоку вместе с едким дымом и пеплом, был холодным. Сержант не возражал против таких разговоров американца, потому что тому и правда было необходимо одеться потеплее.

Сэвидж протянул к нему свои руки в наручниках.

— Я не могу надеть костюм, пока вы их не снимете.

— Я не возражаю, если вы наденете костюм, — ухмыльнулся охранник, — но у меня нет ключа от наручников. Он есть у офицера в другом вагоне. И он не отдаст его мне, пока мы не доберемся до места назначения. Вы, должно быть, чертовски опасный пленник.

Кларк ничего не ответил.

Он изо всех сил старался выполнять ежедневные упражнения, пусть и со скованными наручниками запястьями. Из-за того, что теперь он значительно меньше ел, юноша сократил напряженные занятия спортом до тридцати минут.

Сержант некоторое время внимательно и озадаченно наблюдал за ним, а потом, наконец, усмехнулся. Он ткнул указательным пальцем себе в висок и несколько раз повертел им. Остальные немцы тоже ухмыльнулись.

— Чокнутый! — сказал один из них.

Сэвидж получил свою вторую еду за день — это был ужин — незадолго до наступления сумерек. Его рацион состоял из еще одного маленького ломтика черного хлеба, маленькой и твердой сырой картофелины и крошечного ломтика лука. Он также съел сваренное вкрутую яйцо, которое сержант продал ему за высокую цену. Яйцо предназначалось не для заключенных, но когда Кларк увидел яйца в одном из двух пакетов с едой, он заключил с конвоиром сделку.

Сержант — подчиненные называли его Миксенхаймером — сунул руку в карман куртки Сэвиджа и вытащил оттуда пачку денег во франках, фунтах, марках и долларах.

— Ты считаешь, что нужно быть ко всему готовым, — сказал Миксенхаймер. — Должно быть, ожидал, что тебя схватят. Или ты мошенник с черного рынка? Я возьму свою плату в долларах.

Это означало, что сержант имел дело с контрабандной валютой.

«Ты даже не представляешь, как хорошо я ко всему готов», — подумал пленник. Охранник взял у него шесть долларов. Лейтенант же с удовольствием съел сваренное вкрутую яйцо, хотя и без соли. Несмотря на этот недостаток, это была первая вкусная еда, которую он получил после обеда, устроенного фон Гесселем. Потом ему дали воды в кофейной кружке. Он попросил еще, но ему сказали, что это его рацион до самого времени сна.

— Два доллара за еще две кружки, — предложил Сэвидж.

— Пусть будет четыре, и ты их получишь, — сказал сержант.

Миксенхаймер вынул из пачки Кларка еще несколько американских долларов.

— То, что ты покупаешь, происходит из моих личных запасов, — сказал он. — Я заплатил за эту еду. И я могу продать ее тому, у кого есть деньги, чтобы заплатить. Так что не жалуйся никому из офицеров, что я продаю армейские припасы. — Он широко улыбнулся. — Кроме того, возможно, офицеры получают свою долю от меня.

Снова начался дождь. Поскольку поезд шел в основном в северном направлении, западный ветер приносил с той стороны холодные капли воды через щели между планками. Несчастные обитатели вагона для скота переместились на восточную сторону. Через несколько часов поезд остановился, и заключенным разрешили выйти. Все остальные тоже высыпали наружу.

Станция была очень маленькой. Так же как и тускло освещенная деревня, которую Сэвидж заметил за ней. Его вытолкнули на луг позади этого строения и велели исполнить «свой долг» — если понадобится — в канаве. Очевидно, она была вырыта именно с этой целью для пассажиров поезда.

Офицер, у которого был ключ от наручников — лейтенант — подошел к сержанту и велел ему расковать пленнику руки. В свете керосиновых ламп, принесенных из поезда, было хорошо заметно его раздражение. Он стоял, постукивая носком сапога, пока Сэвидж расстегивал наручники, а потом стягивал штаны и расстегивал клапан на задней части своих кальсон.

— Поторопись, парень! — сказал офицер. — Я должен вернуться к игре в бридж!

— У меня нет туалетной бумаги, — ответил Кларк, поднимая голову.

Сержант сунул руку в карман своего плаща и вытащил оттуда тонкий листок газеты.

— Эта бумага плохого качества, и чернила потекут по всей твоей заднице, — сказал он. — Но это лучше, чем ничего. Или вам, янки, все равно? Хо-хо!

— И сколько же мне это будет стоить? — поинтересовался Сэвидж.

— Два доллара. Один для меня и один для лейтенанта. И еще один доллар, если захочешь прочитать газетку после того, как используешь.

Сэвиджа уже тошнило от рева Миксенхаймера. Но благоразумие подсказывало ему не раскрывать этого.

— Я приму ваше любезное предложение, — сказал он.

Через минуту все было кончено. Офицер передал ключ сержанту, который снова застегнул на Кларке наручники, а затем вернул его своему начальнику. И хотя офицер очень спешил, он все же задержался на обратном пути, чтобы переговорить с Миксенхаймером.

При этом что-то — деньги, разумеется — перешло от сержанта к офицеру.

«Ну что ж, — подумал Сэвидж, — такие люди есть во всех вооруженных силах мира. Точно так же, как бедняки всегда будут с нами, так и шулер, мошенник и дилер, делающий деньги так, как может».

Через три часа поезд снова остановился. Большая деревянная вывеска указывала, что город, куда они приехали, называется Мезьер. Он находился достаточно близко к бельгийской границе. Именно здесь заключенных должны были

перевести на другой поезд, хотя они узнали об этом только через четыре часа. Все это время Кларка и других военнопленных держали в маленькой комнате.

Тем временем Сэвидж, чьи бакенбарды не были подстрижены с тех пор, как он сбежал из монастыря, дал Миксенхаймеру пять долларов, чтобы тот побрил его. Пока один из солдат стоял рядом с ними с винтовкой наготове, сержант умело использовал свою безопасную бритву.

— Жаль, что я не могу быть вашим охранником до конца войны, — сказал Миксенхаймер. — Я стал бы богатым человеком.

Через четыре часа военнопленных вывели со станции и повели через железнодорожные пути к длинному поезду, стоящему на путях вместе с несколькими другими. Миксенхаймер передал пленников капралу. Тот был седовлас, сутуловат и носил круглые очки без оправы. Сержант встревожился, когда узнал, что сопровождающий этого капрала отряд состоит всего из одного солдата, которому к тому же, было пятьдесят лет и который страдал от сильной простуды.

— К чему идет Имперская германская армия? — громко сказал охранник. — Вы оба должны быть дома, лежать в постели и утром составить завещание.

Капрал вынул изо рта обмякшую сигарету и яростно закашлялся.

— Вы же знаете, как это бывает, сержант, — сказал он, немного придя в себя. — Все очень плохо. В основном это мальчики и старики, оставшиеся на фронте. Предполагалось, что с нами будут еще четыре солдата. Но они заболели тифом. Здесь настоящая эпидемия!

— Вам не следовало бы говорить такие вещи в присутствии заключенных, капрал Шукхайдер, — сказал сержант. — Это поднимет их боевой дух.

— У них есть глаза, — прохрипел капрал. — Кроме того, судя по тому, что я слышал, враг тоже не в лучшей форме.

— Ну и черт с ним! — проворчал Миксенхаймер. — Это очень хороший беспорядок. Вот этот человек — американский авиатор, служащий у французов! — ткнул он большим пальцем в сторону Сэвиджа. — И он уже несколько раз сбегал. Украл

бомбардировщик «Гота» с одного из наших аэродромов. Мне говорили, что он очень опасен. Хотя он, кажется, не в состоянии удержать свои деньги. Ты будешь в полной заднице, если позволишь ему снова сбежать.

— Он большой парень, — сказал Шукхайдер. — И у него действительно очень опасные глаза. Я никогда раньше не видел ничего подобного.

— Вы бы видели их при ярком свете, — сказал Миксенхаймер. — Это глаза убийцы, рыжеватые, как львиная шкура, и с золотыми искорками в них. Я думаю, что он сумасшедший. Кстати, он тоже говорит по-немецки. Лучше, чем вы или я. Как прусский барон. Так что следите за ним. Если он сделает хоть одно подозрительное движение, стреляйте в него! Таков мой приказ. А теперь они ваши.

С этими словами сержант достал из бокового кармана ключ от наручников.

— Я должен был передать это старшему офицеру, — сказал он. — Но тут никого из них нет. Приказы, должно быть, задержались или перепутались по всему пути. Так что же нового? Во всяком случае, хоть вы и не офицер, вы унтер-офицер, и в моем приказе не было указано, какому именно офицеру я должен отдать ключи. У меня все чисто. А это больше, чем я могу сказать о вашем сопящем приятеле. Вот...

Капрал взял ключ, хотя и неохотно.

— И да, — добавил сержант. — Держите американца подальше от других заключенных. Не позволяйте ему говорить с ними.

— Может быть, лучше пристрелить его сейчас и покончить с этим делом, — предложил капрал, а затем посмотрел на Сэвиджа и хихикнул. — Не беспокойтесь, сержант. Он меня нисколько не пугает.

— Я слышал о нем разные истории, — сказал Миксенхаймер. — Поверьте мне на слово: следите за ним каждую секунду.

— Не волнуйтесь. Ни один глупый американский ублюдок ничего на меня не повесит.

Шукхайдер приказал своим подопечным сесть в вагон, и они начали гуськом подниматься наверх. Сэвидж был

последним в очереди. Как только он добрался до Миксенхаймера, то споткнулся и схватился за сержанта, чтобы не упасть.

— Что ты делаешь? — огрызнулся тот. — Убери от меня свои лапы!

Он оттолкнул лейтенанта от себя. Сэвидж отшатнулся и тяжело опустился на камни и золу.

— Вставай! — резко приказал сержант.

— Извините, — ответил Кларк, с трудом поднимаясь на ноги. — Я слаб от голода. Я споткнулся о камень. Я ничего не мог с собой поделать.

— Погоди, ты еще пробудешь месяц в Хольцминдене, — сказал сержант, а потом подозрительно прищурился. — Ты притворяешься слабым?

— Нет, — сказал лейтенант, неуверенно поднимаясь на ноги. — Я был ранен, кроме всего прочего.

Подталкиваемый винтовкой Шукхайдера, он поднялся по ступенькам в вагон. Пыхтящий, хрипящий и шипящий локомотив был соединен с четырнадцатью вагонами. В первом был уголь, а еще одиннадцать заняли солдаты, которые, по-видимому, возвращались домой в отпуск. У многих из них не было ни ног, ни рук, а на голове или на глазах были плотные повязки.

Вагон для заключенных был третьим с конца. Деревянный, с деревянными стенами и ржавыми колесами, он выглядел так, словно многие годы гнил на боковом пути. Только крайняя срочность, вызванная долгой и пожирающей все материальное войной, могла оправдать его возвращение на службу. Это был вагон четвертого класса в самом «лучшем» виде. Его сиденья были деревянными, окна покрывали пыль и сажа, грязный пол был завален мусором, а единственным источником света служила керосиновая лампа, свисавшая с середины потолка. Вся эта грязь свидетельствовала об усталости немцев от войны и о нехватке людей. При обычных обстоятельствах они ревностно соблюдали чистоту.

Сэвиджу велели сесть на переднее сиденье слева. Ожидая отправления поезда, он выглянул в окно. Запачканное стекло давало ему тусклый обзор, но он увидел, что сержант Миксенхаймер все еще стоит возле поезда. Он разговаривал

с другим сержантом, который только что прибыл с пятью пленными в сопровождении отряда стрелков.

Один из военнопленных привлек внимание лейтенанта. На нем была офицерская фуражка, но Кларк не мог разглядеть, к какой армии она относилась. Это был высокий мужчина — возможно, шести футов и четырех дюймов ростом. Его плечи угрожали разорвать плащ, а руки были самыми большими из тех, что Сэвидж когда-либо видел. Кадьякский медведь не постыдился бы иметь лапы такого размера.

Лицо у этого человека было длинным и узким. Толстая челюсть изгибалась наружу, образуя круглый подбородок, похожий на боксерскую грушу. Выражение его лица было очень мрачным. Оно напомнило Кларку карикатуры на первых пуритан Новой Англии. Что ж, в его положении ничто не могло заставить его улыбнуться.

Сержант, который привел новую группу военнопленных, о чем-то серьезно разговаривал с Миксенхаймером. Сэвидж плюнул на стекло и протер его перчаткой. Теперь он мог немного читать по губам. Вновь прибывший сержант, похоже, рассказывал Миксенхаймеру, что высокий заключенный дважды пытался сбежать и был настоящим нарушителем спокойствия. По крайней мере, так думал Кларк, глядя на его губы. Из-за темноты трудно было понять его наверняка.

Вскоре в вагон вошла новая группа пленных. Как и первая группа, за исключением Сэвиджа, они устроились в задних рядах. Кроме того, в вагон забрались три солдата, так что всего там теперь было двенадцать пленных и четверо охранников. Но трое заключенных были слишком больны, чтобы делать что-либо, кроме как стонать, охать и время от времени просить воды. Причем безуспешно: они ничего не получили до следующей остановки.

Прошло несколько минут. Вагон наполнился дымом, когда состав тронулся, унося солдат и военнопленных прочь. Тронулся поезд рывком! Миксенхаймер в тот момент все еще стоял на том же месте. Он курил сигарету и разговаривал с другим сержантом, вышедшим из вагона. Сэвидж встал и начал поднимать окно.

— Что ты там делаешь? — подал голос Шукхайдер.

Он поднялся со своего места через проход и щелкнул затвором винтовки.

— Дым. Он меня беспокоит, — ответил летчик. — Просто хочу подышать свежим воздухом. Не беспокойтесь. Прямо за окном войска.

Окно резко поднялось. Сэвидж сунул скованные руки в карманы куртки и что-то оттуда выбросил, а затем наклонился вперед и указал на землю — на то место, где упал этот предмет.

— Миксенхаймер! Твой бумажник! — проревел его голос. — Спасибо, что хоть на минутку мне его отдал!

Несмотря на звон колокольчика и скрип колес по рельсам, юношу услышали. Миксенхаймер вздрогнул... а потом ощупал свой плащ и побежал туда, куда указывал Кларк, энергично шевеля губами — очевидно, ругаясь.

Лейтенант закрыл окно и, улыбаясь, сел.

Шукхайдер наклонился над Сэвиджем и, выдувая ему в лицо дешевый табачный дым, спросил:

— Что там такое с бумажником?

— Миксенхаймер не знал, что он его уронил, — ответил молодой американец. — Он бы узнал об этом слишком поздно, если бы я не сказал ему и не показал, где бумажник теперь.

Капрал закашлялся. Сэвидж отвернулся. Одними из немногих вещей, которые его пугали, были болезни. Хотя, возможно, на самом деле и они его не пугали. Просто ему было очень неприятно находиться под воздействием смертельно опасных бактерий. Это была странная позиция для будущего врача, но дело обстояло именно так.

Молодой человек знал, что победит этот страх. Во всяком случае, эта фобия была легкой. Но охранник мог быть болен туберкулезом, и это привело бы к гибели миллионов людей. Кларк мог бы сражаться с людьми, зверями и штормами, и у него был бы хороший шанс выжить. Но «белой чуме» было все равно, насколько он велик, силен, ловок и умен. Она забирала и слабых, и крепких, без разницы. Проносилась сквозь них, как огонь сквозь бумажный домик.

Сэвидж надеялся, что когда-нибудь сможет справиться с туберкулезом и найти лекарство от него. Но пока шел 1918

год, и победа над этой болезнью казалась очень далекой. Если это вообще когда-нибудь случится!

Шукхайдер, наконец, прекратил кашлять. Он сплюнул длинную зеленую нить и сказал:

— Это было очень мило с твоей стороны. Миксенхаймер, конечно, не стал бы делать это для тебя. Только не он!

Он посмотрел на Кларка, почти как на святого. Хотя тот нарочно наткнулся на сержанта, чтобы порыться у него в кармане. И хотя пленник был в наручниках, ему удалось вытащить бумажник так, что сержант даже не заметил этого. Отец Сэвиджа в свое время нанял трех лучших в мире карманников, чтобы научить молодого Кларка их искусству. Доктор Сэвидж сказал сыну, что когда-нибудь это может пригодиться.

Юноша вынул из бумажника половину денег, которые он заплатил Миксенхаймеру. Другая половина была справедливой ценой за еду и воду, которые он купил. Он сомневался, что сержант станет жаловаться начальству на украденные деньги — ему вряд ли хотелось расследования этого дела.

Шукхайдер вернулся через проход на свое место и закурил еще одну сигарету, кашляя между затяжками.

— Ты не кажешься мне плохим парнем, — сказал он. — Прости меня за то, что я сказал. О том, что ты тупой американский ублюдок. Это было сделано ради сержанта. Во всяком случае, в основном. Мне не следовало этого говорить. В конце концов, один из моих сыновей уехал в Сан-Франциско и стал американским гражданином.

Он закашлялся, сплюнул еще немного и закурил новую сигарету, после чего продолжил разговор:

— Ты действительно опасен?

— А если бы это было так, я бы тебе сказал? — отозвался Сэвидж, улыбаясь.

— Нет, пожалуй, нет. В любом случае, когда я вернусь домой, меня спишут. Несомненно, спишут, если у докторов есть хоть капля здравого смысла. А у большинства из них его нет, ты же знаешь.

Он разразился тирадой о врачебной профессии. Лейтенант не стал говорить, что он сам мечтает стать хирургом. Затем Шукхайдер задремал, но его все время будил кашель.

И это было очень хорошо для него, подумал Кларк. Если бы его застукали спящим на дежурстве, его бы расстреляли.

Сам Сэвидж даже не пытался уснуть. Если бы он это сделал, то кашель капрала и больных пленных в задней части вагона, вероятно, тоже не дал бы ему поспать. Пока колеса тихо стучали, он мысленно рассматривал карту. Следующим городом, где поезд мог остановиться, был Седан. Именно здесь пруссаки в 1870 году одержали великую победу, приведшую к падению Франции, которой тогда правил Наполеон III. Основными отраслями промышленности в этом городе были текстильная, химическая и пищевая, а также производство медицинской техники. А в девяти милях за ним проходила бельгийская граница.

Бельгия была оккупирована немцами, но за ней была нейтральная Голландия. Нелегко будет пробраться через Бельгию или через тройной контроль на голландско-бельгийской границе, а также через хорошо охраняемый и заминированный район вокруг нее. Однако Кларк не хотел откладывать еще одну попытку вырваться на свободу. С каждым поворотом колес поезда он приближался к Германии!

Молодой человек пытался составить разумно осуществимый план, когда его испугали громкие голоса в задней части вагона. Обернувшись, он увидел того самого крупного мужчину с кулаками размером с окорок и с суровым выражением лица, стоящего лицом к лицу с другим заключенным. Теперь летчик еще и услышал голос этого огромного человека. Услышал весьма ясно. От такого голоса не убежишь, его никогда не забудешь. Он был так же глубок, как голос Бога, сходящий с горы Синай. Впрочем, это было преувеличение. Но это был, несомненно, самый тяжелый basso profundo, с которым Сэвидж когда-либо сталкивался. Теперь, когда этот высокий человек был без пальто, его знаки отличия показывали, что он был капитаном Инженерного корпуса США.

Этот здоровяк яростно спорил с другим пленным — он вроде как плюнул на сапог своего оппонента, невысокого, очень худого и бледного парня. «Похоже, он страдает анемией», — подумал про него Кларк. Но при этом худой заключенный определенно был достаточно энергичен: он кричал

на капитана и грозил ему кулаком. На нем была эмблема лейтенанта корпуса связи США.

Плевок, попавший на башмак этого человека из корпуса связи, возможно, оказался там не случайно, решил Сэвидж. Этот аргумент мог быть уловкой, прелюдией к попытке прорыва. Так это было или нет, но происходящее давало ему возможность сделать то, о чем он так яростно думал. Солдаты вокруг были очень удивлены и смотрели только на ссорящихся. Шукхайдер тоже стоял и наблюдал за ними, держа винтовку одной рукой. Внезапно инженер оттолкнул своего противника, повернулся и ударил кулаком по стене.

Глаза Сэвиджа расширились. Этот огромный кулак пробил дыру в боку вагона! Дерево там было гнилое, но все же довольно толстое. Кларк не думал, что сам сможет повторить этот подвиг. Да еще так, чтобы не разбить себе костяшки пальцев или даже, возможно, не сломать сами пальцы.

Шукхайдер отскочил назад и выругался. В тот же миг обескровленный мужчина вскочил на спину здоровяка и принялся колотить его кулаками. Взревев, инженер выдернул кулак из дыры в стене и, развернувшись вместе со своим противником, двинулся к проходу. Солдаты засмеялись, а остальные заключенные зааплодировали.

Следующий шаг дерущихся был неожиданностью для всех, кроме Сэвиджа. Большой человек наклонился, и ноги его маленького противника обвились вокруг его туловища. Здоровяк схватил с сиденья шинели — свою и бледного заключенного, после чего анемичный человечек выхватил одну из его огромного кулака...

...И они оба, маленький человечек верхом на огромной «свинье», вылетели в окно! Оба при этом держали шинели перед своими лицами.

Стекло разбилось вдребезги. Все, кроме Кларка, замерли. Летчик вырвал у Шукхайдера винтовку и швырнул ее в окно рядом со своим сиденьем, а потом схватил свернутый летный костюм и нырнул в образовавшееся отверстие, держа сверток перед лицом руками в перчатках.

Он предпочел бы сам выбрать место для прыжка. Желательно было бы делать это на свету и, по возможности, над водой. Но сейчас у него не было времени ждать. Охранники

стали бы очень бдительными после побега двух американцев.

Кларк полетел в темноту под пронзительный свист паровоза и крики солдат позади него. Сам он при этом торжествующе взвыл!

А затем он ударился о землю так сильно, что потерял сознание...

ГЛАВА XI

КОГДА ОН ПРИШЕЛ в себя, то обнаружил, что лежит на правом боку. Темнота и тишина окутали его, но ему казалось, что внутри него самого светится своим собственным светом боль. Этот свет вспыхивал в его голове, лице, левом плече, левых ребрах и правом колене.

Стиснув зубы и поморщившись, беглец сел. Поезд шел слишком быстро, чтобы сразу же замедлить ход. Ему требовалось некоторое время, чтобы остановиться, а затем вернуться назад — если он вообще станет это делать. Возможно, он все еще беспрепятственно движется к следующей станции. Там охранники оповестят о побеге заключенных местных армейских офицеров, и они пошлют сюда поисковую группу. Однако если бы поезд все-таки дал задний ход, он вскоре оказался бы здесь. Так что Кларку нужно было уходить.

Он вздрогнул, когда где-то поблизости ухнула сова, задавая другим совам так и не получивший ответа вопрос об их личности: «Кто? Кто? Кто?»

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул юноша по-английски. — Эй! Я лейтенант Кларк Сэвидж-младший! Я тоже только что сбежал! Есть тут кто-нибудь?

— Кто? Кто? Кто? — отозвалась сова, и это был единственный ответ на его вопрос.

Летчик не думал, что двое других сбежавших американцев заподозрят ловушку. Если бы они услышали его, то непременно ответили бы. Должно быть, они уже ушли. А может быть, они все еще были без сознания или даже мертвы. Выпрыгнуть из вагона, идущего со скоростью

пятьдесят миль в час, означало пригласить старуху-смерть прийти пораньше.

Сэвиджу нужно было как можно скорее уйти в лес. Но ему нужен был его сверток, чтобы выжить. Морщась и постанывая, он встал на четвереньки и принялся искать его. Поскольку в темноте ничего нельзя было разглядеть, кроме чуть более темной массы леса вдоль путей, ему пришлось исследовать землю руками. Юноша ощупал деревянные, пропитанные креозотом шпалы, образующие приподнятое дорожное полотно, и через несколько секунд понял, что находится между железными рельсами. Он не знал, по какому из двух путей ушел поезд, из которого он выпрыгнул.

Тогда он начал кружить: сперва сделал узкий круг на том месте, где упал, а потом начал постепенно расширять спираль. Однако Кларк не был уверен, что эта спираль покроет весь участок земли, который надо было проверить. Он мог бы идти по более-менее прямой линии.

Молодой человек не слышал шума поезда и надеялся, что скоро найдет сверток. Но поезд мог сперва остановиться, а потом повернуть вспять. Кроме того, Сэвидж надеялся, что если он наткнется на что-то, то это будет его сверток, а не кое-что другое. То есть не труп одного из американцев, сбежавших через окно.

Его правая рука нащупала рельс. Он уже собирался убрать ее, когда почувствовал слабую вибрацию железа. Либо по внутренним путям шел еще один поезд, либо поезд, с которого Кларк сбежал, шел задним ходом по внешним рельсам.

Пилот не мог оставаться здесь слишком долго, чтобы выяснить это. Он даже не мог спрятаться на опушке леса, чтобы определить, какой это будет поезд. Если это был тот самый состав, с которого он спрыгнул, он должен был остановиться где-то здесь, рядом с беглецом. Тогда солдаты с электрическими фонарями откроют стрельбу по лесу, надеясь выманить его оттуда.

Сэвидж должен был уйти как можно дальше отсюда. Но он не хотел этого делать, пока не узнает, в каком направлении находится север. Он подполз к другому ряду рельсов и приложил ухо к холодному железу. Никакой вибрации в этом рельсе не было, но молодой человек по-прежнему не знал,

внешние это были рельсы или внутренние. В такой темноте это невозможно было определить. Отчаянно заставляя свое измученное тело двигаться быстрее, Кларк на четвереньках спустился вниз по склону. Он намеревался продолжать поиски, пока не появятся огни поезда.

А потом он вдруг сказал: «Ах! Слава богу!»

Его пальцы коснулись чего-то мягкого. Это был тот самый сверток, который он искал. Его рука ухватилась за обвязывающую сверток веревку, и он поднялся на ноги. Это движение заставило его застонать еще громче и глубоко вздохнуть от резкой боли. Его правое второе ребро — из тех, что врачи называют «необычными ребрами» — могло быть сломано.

Прихрамывая, Сэвидж медленно спустился по склону и углубился в лес. Нравилось ему это или нет, но он должен был держаться довольно близко к рельсам, пока не увидит приближающийся поезд. Иначе он не знал бы, в какую сторону идти, чтобы добраться до реки Семой. Когда — или если — он доберется до нее, ему будет ясно, что он находится в Бельгии.

Теперь же он находился в районе Арденн. Это было малонаселенное лесистое плато с множеством холмов. Даже если бы Кларк знал верное направление движения, он мог бы сделать круг, находясь в лишенном света лесу. Там не было звезд, которые могли бы провести его сквозь деревья к месту назначения.

Вскоре справа от него зажглась фара локомотива. Он подождал, пока она не стала ярче. Затем раздался пронзительный, но печальный свист, и юноша снова улыбнулся. Казалось маловероятным, что поезд, из которого он сбежал, сообщит о своем присутствии паровым гудком. Но летчик все же немного подождал, прежде чем уйти.

Он еще раз улыбнулся, увидев, что паровоз тянет за собой вагоны. Если бы локомотив толкал их перед собой, это был бы тот самый поезд, из которого Кларк выпрыгнул. Тем не менее тот поезд мог дать задний ход и вскоре тоже оказаться здесь, даже если бы он двигался медленно. Солдаты, ехавшие на нем, не знали, где именно Сэвидж спрыгнул, но они все еще могли определить это приблизительно.

Кларк повернулся и пошел через лес. Он шел слишком медленно, так как постоянно натыкался на стволы деревьев и кусты, а кроме того, должен был следить за тем, чтобы не свалиться в ямы. Более того, он то и дело плескался в болотах, порой проваливаясь из них по колено. Когда он добрался до первого высокого холма, то стал продвигаться еще медленнее. Иногда подъем становился слишком трудным, и юноша принимался нащупывать более легкие пути. Время от времени он устраивал себе отдых на несколько минут.

Затем он спустился со склона и, переправившись через болото, добрался до другого холма. Во многих местах этот холм был слишком крут, чтобы идти по прямой. Проходили часы, и периоды отдыха Кларка становились все длиннее. Здравый смысл подсказывал ему лечь и постараться заснуть до рассвета. Тогда он смог бы точно определить нужное ему направление. Глупо было продолжать путь, когда он мог заблудиться и пойти на юг вместо севера. Тем не менее он не остановился. Молодой человек был уверен, что направляется к реке Семой. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что он на правильном пути. Хотя то же самое внутреннее чувство уже предавало его в прошлом.

Он сделал более длинную остановку, чем прежде, чтобы надеть свой летный костюм. Это еще больше замедлило бы его ходьбу и подъем, но ночной воздух стал еще холоднее. Пока юноша мучительно натягивал летную одежду, его окружил туман. Он коснулся беглеца своими холодными влажными пальцами и помешал ему увидеть собственные сапоги. И все же Кларк пошел вперед, пока не добрался до выступа скалы, под которым была выемка. Он забрался в нее и провел оставшиеся часы темноты в беспокойном сне.

Проснулся Сэвидж, когда дождь хлестал по каменистому выступу над неглубокой лощиной. Он был утомлен, очень голоден и совершенно несчастен. Но, по крайней мере, у него теперь не было недостатка в питьевой воде. Через полтора часа, когда юноша добрался до вершины высокого холма, он увидел реку Семой, и хотя небо все еще было затянуто тучами, а низину покрывал туман, он смог разглядеть далеко слева деревню. А справа от него на гребне следующего холма стоял большой замок. Даже с

такого расстояния летчик видел, что многие его окна были разбиты. Он спустился с холма и пошел вверх по склону, пока не добрался до вершины и не начал высматривать из-за дерева в роще какие-нибудь признаки жизни.

Ни из одной из десяти труб замка не шел дым. Не было видно никаких огней и не слышно никаких голосов. В маленьких коттеджах за замком — вероятно, это были помещения для прислуги — тоже были выбиты окна, и над их трубами тоже не было дыма. Это место казалось давно покинутым. Несмотря на это, Сэвидж осторожно приблизился к замку, прячась за одним из домиков, внимательно наблюдая и прислушиваясь. Затем он быстро направился к центральному строению, но на полпути к нему услышал рычание у себя за спиной. Молодой человек резко обернулся, и мучительная боль в ребрах заставила его задохнуться. Но в этот момент он услышал какие-то визги и новое, еще более громкое рычание.

К нему бежали семь больших собак. Их шерсть была спутанной и грязной, а сами они выглядели изможденными. Возможно, эти псы принадлежали ныне отсутствующему хозяину замка, но уже какое-то время жили сами по себе. Они были голодны и, вероятно, нападали на других людей. И даже если они этого не делали, то теперь точно преодолели всю свою застенчивость.

Все это промелькнуло в голове Сэвиджа, пока он поворачивался обратно лицом к замку. Затем он побежал так быстро, как только мог, и каждый удар ногой по земле причинял боль и его ногам, и сломанным — или треснувшим — ребрам. Он добрался до разбитых французских окон одной из комнат как раз в тот момент, когда бежавшая впереди всех собака вцепилась зубами в его левую икру. Молодой человек растянулся в проеме и упал лицом вниз на разбитое стекло на паркетном полу вместе с повисшей на нем собакой. К счастью, тяжелые кожаные штаны не давали зубам сделать ничего больше, кроме как просто порвать кожу на его ноге. По крайней мере, он так думал. У него не было времени оценить степень повреждения.

Как и большинство членов стаи, эта собака была эльзасской овчаркой, широко известной в Штатах как немецкая

овчарка. Этот пес был выше двух футов ростом и весил около восьмидесяти пяти фунтов. Он рычал и пускал слюни, продолжая сжимать челюстями икру человека, которого надеялся съесть. Остальные собаки еще не догнали их. Но они были всего в десяти футах позади своего предводителя.

Сэвидж резко повернулся и сильно ударил ребром ладони по шее собаки. Ее хватка ослабла, и она упала на пол наполовину оглушенная. Кларк вскочил, ощутив такую острую боль, пронзившую его насквозь, что ему показалось, будто он вот-вот потеряет сознание. Но он, шатаясь, подошел к ближайшей двери гостиной и, захлопнув ее за собой, нырнул в соседнюю комнату. Затем он снова закружился на месте и — ценой огромной боли! — приоткрыл дверь на несколько дюймов.

Рыча от капающей на пол слюны и сверкая большими зубами, в проеме показалась собачья голова. Сэвидж ударил кулаком между глаз эльзасца и завопил от боли в кулаке, словно в агонии. Но глаза собаки остекленели. Схватив ее за ухо, юноша протащил ее внутрь. В то же время он упирался плечом в дверь, чтобы не дать другим собакам ворваться внутрь. А затем он закрыл эту дверь.

Стая, оставшаяся в гостиной, выла, лаяла и визжала. Собачьи тела снова и снова ударялись о дверь! Лейтенант опустился на колени как раз в тот момент, когда собака, которую он схватил, поднялась на ноги, низко опустив голову. Он сомкнул руки вокруг ее горла... прижал ее к полу, когда она попыталась укусить его... и продолжал давить на ее шею, пока она не перестала дышать. Ее язык вывалился далеко вперед, и часть его лежала на полу. Крайне сильный собачий запах распространился по всей комнате.

Из этого помещения было еще три входа, но, к сожалению, две двери отсутствовали. Кто-то сломал петли и увез их с собой. Кларк мог только догадываться, почему не убрали все двери — возможно, мародерам или мусорщикам, которые этим занимались, кто-то помешал. Но это уже не имело значения. Тот факт, что одна дверь была на месте, был спасением летчика. Правда, временным спасением.

Бледные пятна на стенах свидетельствовали о том, что там очень долго висели картины. Все портьеры, мебель и

ковры исчезли. Кроме того, в стенах было много дыр. Некоторые из них были выдолблены, другие сделаны пулями. Замок явно злонамеренно разрушали.

Комната, в которую Сэвидж вошел вначале — предполагаемая гостиная, — тоже была лишена всего, кроме остатков рояля. А в комнате, расположенной за тем помещением, где беглец теперь стоял, было несколько высохших куч человеческих экскрементов. Лейтенант очень сожалел, что мародеры прошли через это место. Это уменьшало его шансы найти хоть какую-нибудь еду. Но он все равно собирался осмотреть замок.

То есть он сделает это после того, как убедится, что стая собак не войдет в эту комнату. Псы, должно быть, бывали в замке с тех пор, как открытые французские двери стали для них приглашением. Они должны были знать планировку.

Внезапно удары бросающихся на закрытую дверь собачьих тел прекратились. Кларк приложил ухо к дереву. Тишина не означала, что собаки прекратили борьбу. Он отправился в комнату, расположенную слева, прошел через несколько дверных проемов, в которых тоже не было дверей, и затем услышал рычание и скрежет когтей по голому полу. Юноша побежал назад — его боль все это время не прекращалась... Он схватил убитого пса за заднюю ногу... и протащил его через тот вход, у которого все еще была дверь, которую он после этого закрыл.

Таща за собой мертвую собаку, Сэвидж прошел через несколько комнат, пока не оказался на кухне. Это было огромное помещение с несколькими газовыми плитами и огромным камином с большим железным вертелом в зияющей пасти. Несколько кухонных принадлежностей грабители оставили, но на открытых ящиках и полках не было никаких припасов. Впрочем, сейчас Кларку нужен был нож. Он сомневался, что мародеры хоть что-то упустили из виду.

Опустив голову и стиснув зубы от боли, молодой человек потащил труп собаки вверх по узкой и извилистой железной лестнице на второй этаж. Как он и ожидал, эта лестница вела в холл. Выходившие в него проемы без дверей указывали на маленькие комнаты, которые, должно быть, предназначались для слуг.

Внизу послышался визг и лай — собаки последовали за запахами вверх по лестнице. Пилот пошел по коридору в поисках двери, которую можно было бы закрыть. Ничего не найдя и понимая, что у него мало времени, он вернулся в комнату, где остались обломки кровати. Матрас, простыни и подушки исчезли, но столбы и куски рамы валялись на полу. Кларк схватил один из столбов и встал у двери.

Когда первый пес ворвался внутрь, летчик ударил его по голове. С размозженным черепом животное рухнуло на землю. Потом Сэвидж воткнул конец столба в открытую пасть второй собаки, когда та прыгнула к нему. Сильно надавив, он, несмотря на боль, вытолкнул собаку наружу концом столба, после чего вытащил его из горла животного... пнул третью собаку под челюсть, сломав ее... и ударил четвертую по голове. Та упала замертво.

В течение следующей минуты на Кларка никто не нападал. Собаки все еще стремились добраться до него, но понесенные потери заставляли их колебаться. Он опустил столб... наклонился и поднял бесчувственное животное, пока оно хрюкало от боли... и швырнул его в коридор. Собаки мгновенно набросились на неподвижное и беззащитное тело своего сородича. Их рычание, ворчание и клацанье зубами были оглушительно громкими, когда они разрывали его на части.

Пока они боролись за тушу, Сэвидж подтащил к окну собаку, которую он убил первой. Стекло было разбито, но из рамы все еще торчали зазубренные осколки. Пилот выбил их руками в перчатках, поднял тяжелое собачье тело и просунул его в отверстие. Крыша здесь была очень крутой, но у него не было другого выбора, кроме как отступить к ней. Он последовал за мертвой собакой на крышу, и там ему пришлось схватить ее за хвост, потому что она начала сползать вниз по скользким плитам. Молодой человек сел, подняв колени, и стал таким образом передвигаться по крыше, пока не достиг ее соединения с крышей другого замкового крыла. Путь до вершины крыши дался ему с немалым трудом, и он некоторое время сидел на гребне, отдыхая. До него едва доносился вой голодных собак.

Во время этой передышки Кларк смотрел на гравийную дорогу, ведущую от передней части замка и петляющую вниз

через лес. Нигде не было ни одного живого существа, кроме ястреба, скользящего к реке. То тут, то там он видел грязную дорогу вдоль Семоя. Слева эта дорога вела в деревню, а куда она уходила вправо, юноша не знал.

В конце концов, немного восстановив силы, хотя боль так и не уменьшилась, он положил собачью тушу так, чтобы она растянулась по обе стороны гребня, а затем скользящим шагом спустился к окну, через которое только что вошел. Он увидел, как одна собака в коридоре отрывает куски плоти от своего мертвого товарища и еще два пса делают то же самое в комнате. Один из них увидел лицо Сэвиджа, но не перестал есть. Очевидно, стая убила пса со сломанной челюстью и теперь наедалась досыта. Летчик надеялся, что их животы будут набиты до отказа.

В течение тридцати минут трое выживших псов сожрали основную часть плоти и органов своих собратьев и стали грызть куски костей. Но хотя они не обращали на Кларка никакого внимания, разве что время от времени бросали на него взгляды и обнажали окровавленные зубы в рычании, направленном в его сторону, позже они стали бы снова представлять собой угрозу. Молодой человек мог выйти из дома, но он сомневался, что сможет взять с собой спрятанную на крыше мертвую собаку. Это могло заставить живых псов пойти за ним. Они не должны были видеть, как он уходит с большой едой.

У него были планы съесть свою добычу, и это означало, что он должен был избавиться от еще живых собак. Летчик поднял осколок стекла, узкий и достаточно длинный, чтобы сделать из него кинжал. Он пролез в оконное отверстие, пока две собаки в комнате поднимались на ноги. Рычащие, с негнущимися лапами, они охраняли свою еду, и когда он подошел ближе, одна из них прыгнула. Сэвидж воткнул конец осколка ей в горло. Сам он от удара этого большого животного отшатнулся назад к стене.

Собака с воем убежала — стекло глубоко застряло у нее в горле. Кларк направился было к двери, но тут же наткнулся на другую собаку. Думая, что на нее напали, она сцепилась с раненой собакой. Лейтенант поднял с каркаса кровати сломанную доску и начал бить ею обоих хищников! Визжа и

скуля, они вывалились в коридор. Крича и размахивая доской, Сэвидж выгнал всех собак из дома. Стая скрылась в лесу — но было ясно, что она вернется, как только снова проголодается.

Отдохнув, юноша вылез на крышу и принес собачью тушу обратно. Затем он осмотрел множество комнат замка сверху донизу и нашел несколько полотенец, не замеченных грабителями. Он снял с себя одежду, разорвал полотенца на полосы и обвязал ими свои ребра. Это было нелегко сделать в одиночку — перевязка причинила ему много боли. Затем, надев всю свою одежду, кроме летного костюма, Кларк продолжил блуждать по дому.

Он отметил количество комнат и их размеры, сосчитал выходы и окна. Теперь, на тот случай, если бы ему понадобилось быстро выбраться оттуда, он был хорошо знаком с планировкой. В тот момент, когда юноша был на третьем этаже, он заметил несоответствие. В огромной библиотеке царил беспорядок из-за разбросанных по полу томов, отсутствующих полок, разбитых окон и разбитых статуэток. Большая бронзовая табличка с именем и баронским гербом старинной семьи, владевшей этим замком — де Мюзар — была сорвана со стены. Однако Сэвиджа поразило то, что между задней стеной огромного библиотечного зала и помещением, расположенным за ним, не было ни одного свободного места. Он немного поразмыслил над этим, а потом стал проверять заднюю стену.

Его прощупывающие пальцы, наконец, нашли выступ — колоколообразную ручку в причудливом декоративном свитке XIX века на уровне его глаз. На выпуклости образовалась глубокая впадина. Другие такие же ручки были лишены этого.

Кларк нажал на нее. И провалился внутрь на четверть дюйма.

Часть стены начала раскачиваться на невидимой центральной перекладине. Юноша попятился назад.

Когда секция повернулась под прямым углом к остальной части стены, она перестала вращаться. Из темноты донесся запах плесени, мертвого воздуха и чего-то гнилого.

ГЛАВА XII

СВЕТ ИЗ БОЛЬШИХ окон библиотеки тускло освещал только часть потайной комнаты. Сэвидж чиркнул одной из немногих оставшихся у него спичек, медленно вошел в похожую на пещеру каморку и крякнул в изумлении от того, что увидел.

Пламя погасло, и хотя Кларку было очень любопытно увидеть больше, он не хотел использовать все свои спички. Но ему показалось, что он заметил несколько очень больших свечей на столе у дальней стены слева от себя. Юноша стал ощупью пробираться сквозь темноту, замечая, что его глаза постепенно привыкают к ней. Он подошел к столу, нащупал свечу в большом металлическом подсвечнике и, пожертвовав еще одной спичкой, зажег фитиль.

Перед ним были человеческие и собачьи скелеты, прибитые гвоздями к кроваво-красным обоям. Многие из них были соединены в непристойных позах или сгруппированы в причудливые композиции. В промежутках между скелетами на темно-красной бумаге были нарисованы какие-то фигуры. Черные кошки, ведьминские котлы, демоны и получеловеческие твари. Один мужской скелет — все его кости были соединены проволокой — висел в центре потолка на петле, прикрепленной к его шейным позвонкам. Грудину этого скелета покрывала красная краска, а под ней находился огромный деревянный фаллос, прикрепленный проволокой к костям и направленный вверх. Из макушки ухмыляющегося черепа торчали козлиные рога.

В задней части комнаты стояли стулья, которые выглядели так, словно они были сделаны во время правления короля Франции Людовика XIV: три ряда по три стула в каждом. А прямо перед Сэвиджем стоял стол высотой в десять и длиной в четыре фута, сделанный из какого-то блестящего и залитого засохшей кровью дерева. Вокруг его согнутых ножек извивались змеи, головы которых были наполовину змеиными и наполовину женскими. На каждом углу стола стояла черная восковая свеча в бронзовом подсвечнике в форме дьявола с далеко запрокинутой головой — они сжимали свечи в зубах. А в центре стола

стояла вытянутая чаша, вырезанная из цельного куска черного мрамора.

В пяти футах от стола находилась стена, к которой была прикреплена бронзовая плита с рельефным изображением ухмыляющегося бородатого мужчины с козлиными ногами, бараньими рогами и бычьим фаллосом. Между его острыми зубами была зажата крошечная извивающаяся обнаженная женщина. Кларк наклонился над каменной чашей, чтобы лучше разглядеть, что находится внутри. Ее внутренняя поверхность была забрызгана старыми засохшими пятнами крови, а в центре лежали кости младенца, возможно, месяцев шести от роду. Рядом с ними лежал большой острый нож.

Сэвидж пришел в ужас.

И что еще больше ужаснуло и одновременно озадачило его, так это длинный белесый червь, медленно ползущий по костям позвоночника. Пилот полагал, что хорошо разбирается в беспозвоночных животных, но он никак не мог классифицировать это существо. Это был — насколько молодой человек мог судить — червь, неизвестный науке. Правда, он пока еще не знал всего о животных...

Летчик вынес свечу в библиотеку, задул пламя и сел. Он был потрясен. В потайной комнате явно проводились «черные мессы». По крайней мере, ему так казалось. Младенца — и, вероятно, тех людей, чьи скелеты были прибиты к стене — принесли в жертву во время безумных ритуалов, практикуемых здесь. Ритуалов, которые не могли бы состояться без ведома и помощи владельца замка. Вероятно, барон де Мюзар — или кто-то другой, кто жил здесь — был главным жрецом этой ужасной религии, корни которой уходили в древний каменный век и которая в своей современной форме — то есть в виде «поклонения дьяволу» — стала еще более страшным извращением. На нее повлияла, исказив ее, христианская вера, которая была ее злейшим врагом: древний культ стал левосторонним зеркальным отражением религии, которая пыталась искоренить его.

Это отвратительное зрелище напомнило Кларку о том, что говорил ему отец, когда они были в глубине Австралии. Сэвиджу-младшему было тогда четырнадцать лет — неужели

это было всего два года назад? — и они с отцом отправились в глубь страны учиться выслеживанию добычи у величайших специалистов в мире — у аборигенов. Североамериканский индеец или конголезский пигмей были новичками в выслеживании по сравнению с их собратьями, обитающими «под ними».

Итак, доктор Сэвидж отдал своего сына под опеку Вритьитанделя из племени Вантелла. Молодой Кларк жил в этом племени, носил простую одежду местных жителей, ел пищу, которую они ели, охотился на животных, которых они убивали, и учился выживать в одном из самых пустынных и суровых климатов в мире. В то же время он занимался по учебнику, который привез с собой. Это очень позабавило Вритьитанделя, который не видел в изучении печатной продукции ничего, кроме пустой траты времени.

Доктор Сэвидж тогда искал золото в пятидесяти милях от поселения аборигенов. Каждые четырнадцать дней или около того Кларк-младший пробегал эти пятьдесят миль, лишь изредка ненадолго останавливаясь, чтобы навестить своего отца. Именно во время одного из таких визитов старший Кларк заговорил о зле в этом мире и о необходимости бороться с ним.

Юный сын знал, что его отец был одержим этим, но не был уверен в причинах такой одержимости. Время от времени доктор Сэвидж говорил об этом, однако он был довольно расплывчат — никогда не указывал имен, мест или действий.

Все, что знал Кларк-младший — это то, что в молодости его отец совершил нечто преступное и серьезное. Но ученый сожалел о содеянном — раскаялся, если использовать религиозный термин. Из-за своего поступка — или нескольких поступков — он поклялся бороться с преступностью, а это означало, что ему придется сражаться с бандитами.

Младший Кларк вспомнил, как он сидел возле отцовской хижины, рядом с которой тот вел раскопки, пока в пустыне разворачивался великолепный закат, похожий на павлина, стоящего на краю света.

— Когда я говорю «зло», — сказал доктор Сэвидж, — я, конечно, говорю абстрактно. С философской и практической

точек зрения такого понятия, как «зло», не существует. Это не человек, не животное и не дерево. Это концепция, которую люди — будучи людьми — персонифицировали. Очеловечили. Повторяю, что нет такой силы, элемента или вещи, как «зло». Но есть люди, которые творят зло. И мы — я говорю от имени вида «человек разумный», к которому я отношусь, хотя и часто сожалею об этом, а иногда радуюсь — также считаем некоторых других людей злом. Точно так же, как мы считаем им некоторые разрушительные и убивающие природные силы, такие как бури, наводнения, извержения вулканов, болезни, и разных животных, таких как тигры-людоеды, малярийные комары и так далее. Но все они — зло только потому, что люди называют их «злом». Называют их так потому, что они вредны для тех людей, на которых они негативно влияют. Ты уже усвоил основную мысль моей маленькой лекции, ее суть и направление. Так?

— Более чем, — ответил юный Кларк.

Его отец говорил высоким тоном с английским произношением — на стандартном оксфордском английском. Хотя время от времени он произносил — с юмористическим намерением — фразы на диалекте, который его сын, вечно любопытный и неутомимо усердный в исследованиях, определил как йоркширский. Но старший Сэвидж никогда не предлагал раскрыть свое происхождение или историю того, как он сбежал из Англии и принял американское гражданство, а сын никогда его об этом не спрашивал. Юноша уважал скрытность своего отца и был благодарен ему за те немногие намеки, которые он получал о его прошлом.

Однако позже Кларк-младший решил заняться какой-нибудь детективной работой. В конце концов, настоящее и будущее — это все, что имеет значение.

— Трудно определить преступный ум, — говорил доктор Сэвидж. — Но почему? Потому что у каждого есть потенциал стать преступником. Но ты и сам это знаешь. Я надеюсь, что ты будешь бороться только с крупными преступниками. Карманники, воры, грабители — это не для тебя. Если, конечно, ты не столкнешься с ними во время своей борьбы.

Отец Кларка говорил о борьбе с преступностью так, словно это была война между нациями, борьба между империями. Границы были четко обозначены и давно установлены, причины войны и проблемы были четко определены. Одна сторона была черной, другая — белой. Доктор не хотел признавать это в философском смысле, но он говорил об этом так, словно не было никаких теней, никаких серых зон.

Но его сын не был в этом так уверен.

— Преступление? — переспросил он. — Преступники? А как насчет богатых и влиятельных людей, которые действуют в рамках закона и все же — как говорят журналисты — лишают вдов и сирот их жизненных сбережений? Лишают бедных и бесправных их домов, пищи, средств к существованию? Или безжалостно эксплуатируют их? А как насчет юристов, которые работают на самой грани законности или переходят эту грань? Врачей, которые оказываются шарлатанами и мошенниками? И других подобных?

Его отец вскинул руки вверх.

— Их миллионы! — воскликнул он. — Ты не можешь изменить общество в одиночку. Хотя можешь попробовать. Невозможно изменить природу человека, но ты можешь сделать свое маленькое дело, сын мой. И если ты победишь большого преступника, этот маленький кусочек станет больше.

Вопрос был только в том, как Сэвидж-младший найдет время для борьбы с таким количеством преступников, если станет хирургом. Его отец, конечно, надеялся, что медицинская профессия будет лишь одной из нескольких специальностей его сына.

Это были довольно туманные цели, которые доктор Сэвидж выбрал для него. Опыт старшего Кларка, возможно, немного сбил с пути младшего. Конечно, сын доктора не был нормальным, что бы это ни значило. И был фанатиком.

С другой стороны, отец не настаивал на том, чтобы сын преследовал его, отцовские, личные цели, если тот этого не хотел. Юноше надо было отдать должное своему отцу за это. Доктор Сэвидж предоставил единственному сыну выбор. Но неужели мальчик пошел за отцом только для того, чтобы доставить ему удовольствие?

На самом деле младший Кларк этого не знал. Однако он подозревал, что во многом похож на своего отца. Жизненный план, которому Сэвидж-старший хотел следовать, ему нравился. Он вовсе не был против того, чтобы принять его.

Независимо от того, существовало или не существовало такое понятие, как абстрактное «зло», люди действовали и думали так, как если бы оно существовало. Кларк знал, что в некоторых аспектах он отличается от других людей. Но по сути своей он был тем же самым человеком. Тем не менее он никогда не смог бы сделать того, что сделали де Мюзар и его банда. Это было чудовищное зрелище, находящееся за пределами его понимания. Оно вообще было выше понимания большинства людей. Де Мюзар явно был психопатом и, возможно, не мог контролировать свои действия.

Но если ему, Кларку Сэвиджу-младшему, когда-нибудь представится шанс посадить убийц, а возможно, и палачей, за решетку, он непременно это сделает! Хотя шансов для этого действительно было не много. На мгновение юноша почувствовал себя беспомощным перед силами зла. Только что это огромное зло распространяло свою дьявольщину. Первая мировая война. И это меньшее по масштабу, но не ничтожное зло, сотворенное де Мюзаром и ему подобными.

Что он, одинокий человек, может сделать с такими вещами?

Как однажды сказал его отец, у него, вероятно, будет много возможностей. Злые люди обнаружат, что он разрушает их планы, и попытаются убрать его со своего пути. И он будет натыкаться на злые дела.

Но сейчас он на какое-то время должен был забыть обо всем этом. Он должен был выжить и найти — каким-то образом! — свой путь в нейтральную Голландию.

ГЛАВА XIII

СЭВИДЖ ЕЩЕ НЕКОТОРОЕ время поизучал потайную комнату. Ему показалось, что в ней может быть еще один скрытый ход. И после часа экспериментов он обнаружил, что был прав...

Огромная бронзовая пластина рогатого бога распахнулась, когда юноша надавил ему на левый глаз. Кларк закрыл дверь, ведущую в библиотеку — кто-нибудь мог войти через нее и застать его врасплох, хотя это было маловероятно. Сунув нож за пояс, он снова зажег свечу и в ее мерцающем свете стал спускаться по очень узкой лестнице в шахту с кирпичными стенами. Он спустился на три этажа вниз и пришел в подвал, но спуск продолжался и привел молодого человека на еще более глубокий уровень...

...Во второй подвал, расположенный под первым. Это была очень большая затхлая комната с сырыми каменными стенами. В потолке было отверстие — воздушная шахта, уходящая вертикально вверх.

Эта комната была не просто убежищем. Многочисленные полки вдоль стен барон заставил основными продуктами и деликатесами. В одном из углов стояли бочки с водой, переносной химический туалет, мыло и бритвенные принадлежности, в другом был ящик с оружием, а под ним — ящик с патронами. Кларк выбрал револьвер «Смит-энд-Вессон» без молотка и наполнил карман пальто патронами тридцать восьмого калибра.

А потом — у него потекли слюнки! — он открыл банки с ветчиной, печеньем, маслом, лимонным соком и артишоками. В конце концов ему не придется готовить и есть ту собаку! Во время еды летчик снова задумался о том, что случилось с бароном и другими жившими здесь людьми. Очевидно, хозяин замка был застигнут врасплох, иначе он нашел бы убежище именно в этой комнате.

То ли немецкие солдаты, то ли мародеры нагрянули в замок неожиданно. Или, возможно, местные жители подозревали барона в том, что он похищает и убивает людей. Они могли бы взять правосудие в свои руки. Но что бы здесь ни случилось, это место было разграблено. Сэвидж подозревал, что он никогда не узнает, как это произошло. Но это был его счастливый день. Он обнаружил чудесное убежище и мог хорошо поесть, пока заживали его раны.

Когда он покинет свой замок — а он сделает это, как только поправится, — то заберет с собой достаточно еды, и ему не понадобится воровать ее. Многие военнопленные были пойманы именно в такие моменты.

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ДНЯ, выждав два часа после захода солнца, Сэвидж спустился с холма по гравийной аллее к грязной дороге, идущей вдоль реки Семой. Небо было затянуто тучами. Кларк забрал из кладовой барона электрический фонарик, но не осмеливался им воспользоваться. Часом позже он украл маленькую лодку, привязанную к причалу возле одинокого коттеджа. Добравшись до другой стороны реки, пилот привязал ее к пню и пошел через лес, прежде чем вый-ти на другую дорогу.

Он пересек эту дорогу и скрылся за деревьями. Поскольку он плохо видел в темноте и отказывался пользоваться фонарем без крайней необходимости, то продвигался очень медленно. На рассвете путник забрался на дерево, чтобы разведать местность. В нескольких милях от него находилась маленькая деревушка, через которую проходила дорога. Кларк решил, что будет избегать этого места и срезать путь через фермы, которые окружали деревню. А днем поспит в больших зарослях кустарника неподалеку.

Через несколько минут он забрался в эти кусты со своим мешком с припасами и почти сразу же заснул, уютно устроившись в своем летном костюме и укрывшись ветками. А потом голоса и лай собак заставили его открыть глаза. Он подполз на животе к проломленному в кустах проходу и выглянул наружу. Солнечный свет был очень ярким — по прикидке Сэвиджа, уже близится полдень.

В просветах между деревьями он увидел быстро бегущего человека. Его шинель хлопала на ветру, а длинные тонкие ноги подгибались под ним. Примерно в двухстах футах позади него вприпрыжку неслись собаки, а за ними виднелась дюжина одетых в серое солдат в угольно-черных шлемах. Некоторые из них остановились и прицелились.

Грохнули выстрелы!

Беглец вскинул руки, тяжело упал лицом вниз и больше не двигался. «Бедняга! — подумал Сэвидж. — Еще один сбежавший военнопленный».

Он снова нырнул в свою «нору» и через десять минут услышал голоса совсем рядом. Это было уже совсем нехорошо. Но хуже всего был внезапный лай собак. Сначала они просто скулили, а затем разразились громким и неистовым лаем!

Они нашли что-то, вызвавшее у них бурные эмоции, и лейтенант испугался, что этим «чем-то» был он сам.

И он оказался прав!

Собаки не могли добраться до него, потому что их тянули назад на поводках. Но один немецкий солдат, осторожно выглядывая из-за куста, закричал, что тот, кто прятался в яме, должен был выйти! Сейчас же! Иначе он будет застрелен!

С болью в сердце Сэвидж крикнул в ответ, что он американский солдат. Что он выползет наружу и сдастся.

Пережить столько опасностей, столько сражений и ранений, столько раз спасаться бегством, быть так близко к свободе от врага, так близко к своей цели...

...чтобы потом быть пойманным из-за собак!

Кларк всегда любил этих животных. Но в данный момент он ненавидел весь собачий род!

Он выбрался из кустов и медленно поднялся на ноги под прицелом дюжины винтовок. Его обыскали и отобрали нож, пистолет и патроны. Один из солдат сунулся в его убежище и вылез оттуда с мешком провизии. Эта группа немцев была самой отвратительной из всех, с которыми летчик до сих пор сталкивался. Их офицер — капитан — не стал возражать, когда с пленника сняли летный костюм, и Сэвидж больше никогда этот костюм не видел.

Капитан также ничего не сказал, когда один из рядовых ткнул американца прикладом винтовки в плечо. Он даже не открыл рта — разве что ухмыльнулся, — когда еще несколько солдат ударили его кулаками, сбили с ног и начали пинать ногами. Лейтенант сжался в комок. К счастью, никто не ударил его сапогом по сломанным ребрам. Хотя, вероятно, в конце концов, дошло бы и до этого, если бы офицер не решил, что с пленника хватит. Он рявкнул, приказывая солдатам прекратить, и они попятились от Кларка.

Дальше было долгое и полное лишений путешествие до лагеря Локи. Сэвиджа пять раз допрашивали в разных местах, но он отказался отвечать на какие-либо вопросы. Почти все время его держали в наручниках, за исключением тех случаев, когда он был заперт в камере на разных станциях. Его жалобы различным офицерам по поводу обращения с

ним — включая кражу его летного костюма и провизии — были встречены заявлениями о том, что это будет расследовано. Кларк этому не поверил.

На полпути в вагон посадили пленного неясного звания, кишащего насекомыми — вшами, так хорошо знакомыми солдатам в окопах. Эти паразитические насекомые быстро перекинулись на остальных, и вскоре их жертвы уже вовсю чесались, царапались, ругались и становились очень раздражительными. Сэвидж тоже подцепил их. Укусы вшей были довольно болезненными, но его больше беспокоили болезни, которые они переносили, особенно тиф. Ему совсем не помогали знания о том, как педикулус гуманус заражает хомо саписенс тифом через ссадины на коже, появляющиеся от чесания. Это не развеяло его страхов, особенно когда переносчик вшей внезапно начал страдать от головной боли, потери аппетита и апатии.

Вскоре после этого у него неизбежно должна была начаться лихорадка — постоянные ознобы и заметная слабость, а потом еще и появиться сыпь почти на всем его теле. Дальше он либо умер бы, либо в конце концов выздоровел — если бы с ним не случилось других неприятностей. Но организм этого солдата, как и у всех остальных в вагоне, был ослаблен и плохо сопротивлялся болезни из-за скудного и нездорового питания.

Немецкий офицер, стоявший во главе отряда, был в ужасе от этой вспышки болезни. Он хотел остановиться на ближайшей станции и полностью обработать пленников. Это означало бритье волос на теле, душ с горячей водой и мылом, ванна в химическом растворе, смертельном для вшей, и окуривание всей одежды страдающих от них. Но его просьбу отклонили, и вагон поехал дальше. После этого капитан и его люди держались как можно дальше от военнопленных, а больного мужчину сняли с поезда в Мюнхене.

Там Сэвидж увидел несколько автомобилей, колеса которых были снабжены железными двойными колесами вместо резиновых шин. Британская морская блокада Германии вызвала многочисленные перебои в снабжении. Однако кормили здесь несколько лучше, а заключенных наконец-то вылечили от «вшей». Качество жизни у них улучшилось, хотя и не намного.

В Мюнхене большинство военнопленных были сняты с поезда, а вместо них в вагон загрузили другую группу, гораздо менее многочисленную. Эти люди, как и Сэвидж, были закованы в кандалы. К охранникам добавили еще четверых человек. Один из вновь прибывших пленников встретился глазами с Кларком. Его рост был шесть футов семь дюймов, и он был таким худым, что, казалось, сквозь него должен был просвечивать дневной свет. В отличие от остальных, этот человек был в штатском. Все его лицо было в синяках и царапинах, а одна рука висела на перевязи.

Сэвидж не узнал его имени до приезда в лагерь. Самого Кларка по-прежнему держали отдельно от группы, и ему не разрешалось разговаривать ни с кем, кроме своих охранников. Он подумал, что немцы, должно быть, считают его особенно опасным. Из разговоров между охранниками он понял, что все пассажиры их вагона должны были отправиться в Локи, но почему туда послали гражданское лицо, было для него загадкой.

Позже вагон отцепили и присоединили к другому составу, после чего поезд постепенно двинулся на юго-восток. Было очевидно, что он направлялся в германскую провинцию Обербайерн, восточная часть которой представляла собой острие ножа в брюхе Австрии, самого верного союзника Германии. Это было относительно недалеко от прекрасного города Зальцбурга. Родины Моцарта. Заключенные ехали по горной местности, которая становилась все более суровой и высокой.

А потом Сэвидж увидел в окна знакомую деревню. Когда ему было десять лет, он, его отец и их немецкий инструктор пробыли там некоторое время.

В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ пути поезд свернул на единственные рельсы, которые выглядели так, словно были построены совсем недавно. Проехав с четверть мили, он остановился: его ждал еще один поезд-локомотив и два вагона. Охранников заменили на тех, кто должен был отправиться вместе с заключенными в их следующий пункт назначения. «Наверное, в лагерь Локи», — подумал Сэвидж. Это были мужчины

средних лет, и все они, за исключением одного, были крепкого сложения.

Единственного не слишком сильного на вид рядового охранника — высокого, худого, лысого и печального, как ищейка, звали Ганс Кордтц. Ему было поручено держаться поближе к Кларку и внимательно следить за ним. Эту информацию он шепотом сообщил Сэвиджу после того, как оказался в вагоне и поезд тронулся. Лейтенант все еще был изолирован от остальных заключенных, но все же находился не слишком далеко от них: между ним и сидящими позади него военнопленными был всего один ряд пустых сидений.

Говоря на каком-то странном пиджин-английском, искаженном местным немецким произношением, Кордтц сказал:

— Рано или поздно ты начнешь получать посылки из дома. В основном с едой, если ты такой же, как другие заключенные. Я люблю шоколад. Вообще люблю все виды пищи, кроме овощей. Если тебе нужно что-нибудь, что я могу сделать для тебя — любые мелкие услуги, которые я могу сделать, не высовываясь слишком далеко, — я твой человек. Особенно если у тебя будет шоколад. — С этими словами он откинулся назад и долго молчал, а затем тихо, шевеля одним уголком рта, добавил: — Моя жена тоже без ума от шоколада.

— Я буду иметь это в виду, — прошептал Сэвидж.

Прошло несколько минут.

Затем Ганс снова подал голос:

— Настоящий кофе тоже был бы очень кстати.

— Я все понял, — сказал Кларк. — Но ваш фельдфебель смотрит в нашу сторону. Он начинает что-то подозревать.

Кордтц взглянул на своего сержанта. Это был человек с бычьей шеей и квадратным лицом, с длинными, торчащими вверх усами, как у кайзера Вильгельма. Всю оставшуюся часть пути Ганс молчал.

Поезд шел по рельсам, проложенным через незнакомую лейтенанту местность. Но он уже бывал здесь вместе с отцом и учителем немецкого языка, и когда состав повернул на юг и приблизился к горному склону, расположенному к востоку от большого и ярко-синего озера, юноша понял, где находится. Недалеко от этих мест, к северу, находился город Берхтесгаден. Он располагался в глубокой долине, окруженной с трех

сторон австрийской территорией. Кларк провел там три дня, в течение которых он поднялся на гору Оберзальцберг над городом.

Это озеро называлось Кенигсзее — Королевское. Было у него и другое имя — Бартомомаусзее, озеро Святого Варфоломея. Оно находилось на высоте 1 975 футов над уровнем моря и представляло собой глубокий разлом, окруженный отвесными известняковыми горами высотой 8 200 футов. Его длина составляла около пяти миль, а ширина варьировалась от пятисот ярдов до более чем мили. Этот водоем был полон альпийской форелью, а территория вокруг него считалась природным заповедником, хотя поблизости было несколько деревень.

Рельсовое полотно с восточной стороны было недавно проложено по известняковому склону. Слева были очень крутые скалы, а справа, ближе к путям, виднелся край утесов, спускавшихся прямо к озеру. Через некоторое время паровоз, пыхтевший и тяжело дышавший на крутом подъеме, выровнялся и набрал скорость. Но длилось это недолго. Скалы слева внезапно резко ушли вниз — сразу же после того, как поезд миновал выдолбленную в скале площадку, на которой находилась сторожевая будка. Перед этой постройкой стояли шесть стрелков, а рядом с ними находились три большие эльзасские овчарки.

Вдоль путей к дому тянулся двойной ряд колючей проволоки. Створки ворот из этой же проволоки были раздвинуты перед путями, чтобы поезд мог проехать. При закрытых воротах проволочная ограда простиралась до столба, вбитого в скалу в футе от края утеса. Из внешнего столба ворот торчали две длинные горизонтальные трубы, а пространство между ними было заполнено колючей проволокой, чтобы никто не мог обойти ворота по узкому карнизу.

Поезд начал замедлять ход. Открытая площадка, высеченная в скале, расширилась. Лейтенант запомнил все до мельчайших подробностей. Если он снова сбежит, ему нужно будет знать все об этой местности и об искусственных препятствиях.

Зашипев и звякнув колоколом, паровоз остановился.

— Все наружу! — закричал сержант. — Заключенные, гуськом! Молчать, или я заткну вам рот, это верно так же, как то, что моя фамилия Шлейфштейн!

Пленники подобрали свои пожитки. У Сэвиджа не было с собой вообще ничего, так что он купил у одного немецкого солдата засаленную и потрепанную фуражку и шинель с несколькими пулевыми отверстиями и прорехами. Почти все время Кларк носил кепку, чтобы прикрыть свою бритую голову — хотя юноша никому бы в этом не признался, он был несколько чрезмерно гордился своими рыжевато-бронзовыми волосами.

Он вышел с правой стороны поезда. Пленников загнали в строй, обращенный к лагерю, а поезд, тем временем, дал задний ход. Кларк обвел взглядом окрестности. Если бы это было возможно в буквальном смысле слова, его сердце упало бы.

— Я буду сверхсоединен! — тихо сказал стоящий рядом с ним человек.

Это был тот самый парень в штатском. Тот, о ком Сэвидж слышал от еще одного заключенного следующее описание: «Передовой агента по борьбе с голодом. Аист на соломенных ножках. Два человека в высоту и полчеловека в ширину. Тень, обретшая плоть».

— Если хоть один отпрыск наших антропоидных предков Адама и Евы сможет вырваться из этой каменной ловушки, я поцелую его большие ягодичные мышцы. И маленькие тоже, — объявил этот мужчина. — Пусть любитель кислой капусты, придумавший это место, будет подвергнут танталовым и сизифовым мучениям до конца Рагнарёка и сумерек богов. И до конца реального времени, псевдовремени и энтропийной Вселенной. А потом... Аминь!

Сэвидж продолжал осматривать окрестности, пока несколько капралов снимали с пленников наручники. Земля в этом месте была каменной, в ней невозможно было бы прорыть подкопы. И даже если бы реально было высечь проход в известняке, куда бы по нему можно было выйти? С трех сторон лагеря виднелись отвесные и гладкие скалы, а открытая сторона, находившаяся позади летчика, вела к краю утеса, который поднимался от озера на тысячу футов. Эта

сторона не была огорожена колючей проволокой, однако ни один человек в здравом уме не стал бы пытаться спуститься с такой крутой скалы. Ветер, дувший с озера, мог смести с лица земли любого альпиниста, у которого не было ни альпинистского снаряжения, ни веревок, ни крючьев.

Единственным выходом был тот, через который пленники вошли в лагерь.

КОГДА НАЧАЛАСЬ ПЕРЕКЛИЧКА, Кларк мысленно набросал план лагеря. Тот занимал гораздо более обширную площадь, чем Сэвиджу показалось вначале. На самом деле это был не один лагерь, а целых два. Их разделял высокий двойной ряд колючей проволоки, которая тянулась от восточного утеса до открытого края обрыва вдоль озера. Дальше были такие же ворота, как те, что открылись перед поездом, когда он въезжал в Локи. Рельсы уходили во вторую часть лагеря на сто футов... а затем обрывались. Дальше был участок каменного пола, который заканчивался у самого утеса. Там стена подходила к самому краю горы.

Трудно было воспринимать все это сразу. В лагере были также двухэтажные сторожевые вышки, укомплектованные солдатами и снабженные пулеметами и прожекторами, и много зданий, назначение которых Сэвидж еще не знал. Вдалеке виднелось нечто похожее на отверстие в горе, в котором находилось несколько шахтерских повозок. Рельсы, на которых они стояли, заканчивались у железнодорожных путей, где стоял бездействующий паровой кран.

Кларк не мог видеть все справа от себя, потому что должен был смотреть прямо перед собой, но он мог сказать, что лагерь за проволочной стеной был очень похож на тот, в котором он находился, включая и вход в шахту. Однако второй лагерь был гораздо шире, и в нем было гораздо больше людей. Даже на таком расстоянии молодой человек определил, что они были одеты в форму русских солдат.

Летчик мог бы удивиться, что русские военнопленные не были отправлены домой: большевики, захватившие Россию после революции 1917 года, 3 марта следующего года вышли из так называемой «капиталистическо-империалистической»

войны, и Брест-Литовский договор подтвердил, что Германия и Россия больше не находятся в состоянии войны. Но Кларк знал, как медленно осуществляется репатриация. Лагерь Локи был не только тюрьмой для неисправимых беглецов. Это был также лагерь для русских военнопленных.

Сержант Шлейфштейн доложил о прибытии поезда лейтенанту, тот — капитану, а тот — майору, человеку с брюхом гориллы, густыми усами и очень красным лицом, по имени Генрих Шизштаубе. Этот майор был адъютантом лагеря, представлявшим коменданта, полковника фон Гесселя, который представлял кайзера Германской империи. Он разразился длинной речью, расхаживая взад-вперед и хлопая себя по бедру хлыстом для верховой езды.

Затем Шизштаубе громовым голосом произнес лагерные правила и правила поведения — его голос был подобен голосу Бога на горе Синай. После этого он заговорил о работе в соляных шахтах. Сэвиджа не удивило, что два отверстия в восточном утесе вели в шахты. Этот район был знаменит именно добычей соли.

Ни одного пленного из союзных армий, сказал Генрих, не будут заставлять работать в шахте, однако те, кто согласится на эту работу, получат дополнительные пайки и привилегии. Позже Сэвиджу предстояло узнать, что большинство военнопленных пошли в шахту добровольцами именно из-за этого. А еще потому, что это давало им нечто, чем можно было заполнить время. Другая причина желания добывать соль заключалась в том, что в шахте пленные надеялись каким-то образом тайно вырыть спасательный туннель.

Этим осознанием добровольцы успокоили свою совесть за то, что помогали врагу в его военных усилиях. Адъютант лагеря для заключенных — полковник Ангус Дантрит из Шотландии — одобрил их добровольное участие, понимая при этом, что они думают о побеге.

В то же время у русских пленных выбора не было. Если они не были офицерами, то работали и при этом не получали никаких дополнительных пайков и привилегий. Пленным союзникам было приказано не вступать в контакт с русскими. Если они приблизятся на расстояние

тридцать футов к колючей проволоке, разделяющей два лагеря, то будут жестоко наказаны и, возможно, расстреляны, предупредили их.

Наконец, Шизштаубе закончил излагать свои требования, обещания и угрозы, и новых заключенных повели в барак. Сэвиджу была отведена койка в большой комнате, которую он должен был делить с тридцатью другими людьми. Он больше не скрывался от своих товарищей — все они считались неисправимыми. В тот же вечер их отвели в большое здание, где располагались кухня и столовая для военнопленных. Еда состояла из обычного черного хлеба, о который можно было сломать зубы, водянистого супа из репы или картошки, подслащенного свекольной водой, твердого полусырого картофеля и чашки слабого отвара цикория. Сэвидж съел все это, оглядываясь по сторонам и разговаривая со своими соседями. Больше всего его внимание привлекли два офицера, сидевшие напротив него через стол от его стола. Это были те двое, с которыми он сбежал из французского фермерского дома. Человек, похожий на неандертальца, и человек, которого подстрелили, когда он переправлялся через ручей. Писклявый голос и баритон, которого человек-обезьяна называл Ветчиной.

Они были пойманы и отправлены сюда. Красивый обладатель баритона с ястребиным лицом, должно быть, был ранен не сильно. Он выглядел и вел себя так, словно был здоров, хотя, возможно, и потерял несколько фунтов. Его темные глаза, постоянно испытующе поглядывающие вокруг, остановились на Сэвидже. Он подтолкнул локтем своего обезьяноподобного спутника и указал на молодого летуна. Маленькие глазки писклявого человека расширились, и он ухмыльнулся. Его зубы казались достаточно большими, чтобы перекусить кость!

После того как военнопленные вышли из столовой, они некоторое время были свободны делать все, что им не запрещали их начальники. Сэвидж подошел к тем двоим офицерам, которые курили, наблюдая, как несколько британцев спорят о возможности сыграть в футбол на поле из цельного камня, и представился им.

— Подполковник Теодор Марли Брукс, французский Иностранный легион, на данный момент, — сказал баритон. —

Надеюсь перевестись в американские войска, если я когда-нибудь выберусь отсюда и снова вернусь на фронт. А этот человекоподобный индивидуум — подполковник Эндрю Блоджетт Мэйфэйр, пехотинец. Его присутствие здесь объясняется экспериментом, проводимым американским правительством. Оно забрало из зоопарка целую стаю шимпанзе и завербовало их в армию. Они стали хорошим офицерским материалом. Но правительство разоряется, покупая для них бананы. Теперь понимаешь, почему его прозвали Обезьяном.

Мэйфэйр, он же Обезьян, ухмыльнулся.

— Ветчина — адвокат, — сказал он, — поэтому нельзя верить ни одному его слову. Копни глубже — спроси его, почему его прозвали Ветчиной.

— Ты всего лишь лейтенант, — немного натянуто произнес Брукс, прекратив улыбаться, — поэтому советую тебе не называть меня этим прозвищем. Мне это не нравится. Главным образом потому, что это напоминает мне об очень неприятной ситуации, в которую меня поставило это вечное дитя джунглей, этот Питер Пэн. Это было совершенно незаслуженное и в высшей степени несправедливое положение, уверяю тебя. Мой отвратительный коллега когда-нибудь получит то, что ему причитается. Можешь поставить на это свое состояние! А пока не произноси этого отвратительного эпитета в моем присутствии.

Эндрю явно ликовал, слушая эту речь.

— Не волнуйся, малыш. Позже я тебя всего измотаю, — пообещал он.

— Он химик, — добавил Теодор. — Его мозг — а мозга там было не так уж много с самого начала — сгнил от вдыхания всех этих ядовитых испарений. Он путает реальность с фантазией. Не верь ни единому его слову.

— Смотрите-ка, кто говорит о лжи! — фыркнул Мэйфэйр. — Адвокат. Пишется м-о-ш-е-н-н-и-к!

Лейтенант снова удивился, что два высокопоставленных офицера так разговаривают в его присутствии. Они определенно были странными. Но также и демократичными. Однако Кларка это не только не успокаивало, но даже смущало. Должно было пройти какое-то время, прежде чем он смог бы принять их бесконечную перебранку и обмен оскорблениями как нормальное — для них — явление.

Подполковник Брукс повернулся к Сэвиджу:

— Мы слышали о тебе. Подслушали, как двое охранников обсуждали твои подвиги за день до вашего приезда. По-видимому, твоя репутация опередила вас.

— Я несколько раз сбегал, — ответил летчик. — Именно поэтому я здесь.

Обезьян-Мэйфэйр снова фыркнул.

— Не будь таким скромным, малыш! — сказал он громким скрипучим голосом. — Мы знаем о том, как ты угнал готский бомбардировщик с авиабазы фрицев прямо у них под носом! И все остальное тоже! На самом деле, как я понимаю, комендант лагеря — сам фон Гессель — держал тебя взаперти. И ты все равно сбежал!

Кларк Сэвидж не любил говорить о себе. Особенно когда это могло звучать так, будто он хвастается.

— Барона тогда сопровождала красивая русская блондинка, графиня Идивзад, — сказал он. — Она здесь?

— Здесь ли она! — воскликнул Эндрю. — Можешь держать пари на свою милую картошечку, что так оно и есть! Ну и кукла! Восхитительная! Она приехала сюда вчера. И слышал бы ты, какой тут стоял свист и волчий вой! Фрицы загнали нас в барак и целый день не выпускали оттуда! Но оно того стоило. Увидеть такую женщину после того, как ты умирал от голода, увидеть настоящую Клеопатру! Это настоящая женщина-вамп! Расскажи о твоих французских малышках. Дай мне «сухарик» в голодный день!

— Не позволяй своему отсутствию энтузиазма сломить тебя, Обезьян, — сказал Брукс. — Я не знаю, зачем фон Гессель привез свою любовницу в это богом забытое место. Но...

— Ты не знаешь? — отозвался Эндрю. — Давай я тебе расскажу про «птиц и пчел» или про «аиста и капусту»!

— Он просто помешан на юбках, — сказал Ветчина. — И это очень плохо. С таким лицом он пугает женщин и детей. Собаки рычат на него.

— Ах так? — огрызнулся Мэйфэйр. — А кто завоевал Фифи? Барменшу в том городе, название которого звучит как чихание? А-чу!..

— Французская кормушка под названием Ашо, — пояснил Теодор.

В этот момент к ним подошел очень высокий и худой штатский. Он представился как доктор Уильям Харпер Литтлджон.

— Зовите меня Джонни, — сказал он, улыбаясь. — Я не доктор медицины, у меня ученая степень по геологии, а еще я работал над докторской диссертацией по археологии, когда началась война. Я помогал раскопать древнюю германскую стоянку близ Мюнхена, когда Америка объявила войну. Мне следовало бы знать, что лучше не торчать здесь так долго, но... в любом случае я был интернирован в лагерь для гражданских. То, что я здесь, говорит вам, что я был ложкой дегтя в их бочке меда. Всем, чем угодно, только не бальзамом в Галааде. И я был — как вы можете убедиться собственными глазами, — наконец, пойман нашими тевтонскими противниками.

— Это военный лагерь для военнопленных, — сказал Брукс. — Я не думаю, что это законно — помещать вас сюда.

— Напишите завтра заявление об увольнении, — сказал Обезьян и рассмеялся. — Я уверен, что фон Гессель отнесется к вам с сочувствием. Если он вас не пристрелит.

Джонни огляделся по сторонам, а затем тихо проговорил:

— Здесь находится самая большая коллекция мастеров побега в мире. Меня не волнует, насколько устрашающе это место. Мы можем выбраться отсюда.

— Вы гражданский человек и пробыли здесь совсем недолго, — возразил Теодор. — Так что, возможно, вы не знаете правил. Я имею в виду наши собственные правила пленников. Все планы побега должны пройти через полковника Дантрита и получить его одобрение. Побег — это групповой проект здесь. Все работают над этим, даже если это принесет пользу только немногим. Предлагаю вам передать ваш план — если он у вас есть — половнику.

Теперь Литтлджон выглядел смущенным.

— Пока у меня нет плана снова испытать судьбу. Но я его составлю и расскажу о нем нашему Каледонскому императору.

— Когда будете ему объяснять, используйте простые слова, — посоветовал Мэйфэйр. — У некоторых из нас не так уж много образования. Тем более, не такого, как у вас.

— Мне кажется, мы не можем строить никаких планов, пока не узнаем в деталях все об этом месте, — сказал Сэвидж. — Это относится и к шахте. И поправьте меня, если я ошибаюсь, но никто из нас не пробыл здесь достаточно долго, чтобы узнать все о жизни здешних немцев. Мы должны как следует ко всему приспособиться.

— Бабушку свою учи яйца высасывать, — сказал Эндрю. Впрочем, при этом он улыбался.

— Хорошая мысль, лейтенант, — сказал Брукс. — Я уважаю твое мнение из-за твоего послужного списка.

— А между тем, — вернулся к прежней теме Обезьян, — как насчет этой графини?

Двое подполковников пустились в нелепое обсуждение кампании, предназначенной для того, чтобы заполучить русскую блондинку, после чего они могли бы посоревноваться за нее друг с другом и позволить лучшему из них победить. Это казалось пустой тратой времени, так что Сэвидж ушел от них вместе с геологом Джонни. Но потом он оглянулся, услышав их пение. Эти двое обнимали друг друга и громко пели популярную в Штатах песню. Ту, которую посчитали подходящей к случаю.

— Дикие, дикие женщины делают из меня дикого мужчину!

Позже они прошли — все еще напевая — в барак. На этот раз они орали другую песню: «Синдбаду все время было плохо». Это, как оказалось, тоже было для них уместно. Находиться рядом с ними — все равно что присутствовать на безумном чаепитии, подумал Сэвидж. Это были Мартовский Заяц и Безумный Шляпник. Хотя кто из них кто, юноша не знал.

Структура лагеря Локи, названного в честь древнескандинавского злого бога-обманщика, удивила его. Ему сказали, что это была в основном небольшая крепость, построенная над входом в ряд небольших пещер, вырытых в соляном куполе. В этих пещерах содержались военнопленные. Все было устроено так, чтобы сделать его на сто процентов защищенным от побега. Кроме того, жизнь в пещере должна была понизить моральный дух заключенных, потому что они редко видели солнце и небо.

Но кто-то или что-то заставило немцев изменить первоначальный план. Теперь от крепости остались только две каменные башни — по одной с каждой стороны от входа в шахту для военнопленных союзников. Это были сторожевые башни. Даже позже Кларк так и не узнал, почему первый план был отложен в долгий ящик.

Летчик, посмотревший на лагерь сверху вниз, увидел бы узор, похожий на крест внутри подковы. Подкова была образована полукругом скалы, окружавшей каменную площадку, а крест состоял из заграждений, сделанных из колючей проволоки, которые разделили лагерь на четыре части. Две из них, расположенные у края утеса над озером, были немецкими частями. Северо-восточный сектор занимали военнопленные союзников, а юго-восточный — русские военнопленные. Каждая из внутренних секций имела свой собственный вход в соляные шахты. В них союзники и русские тоже были разделены.

ГЛАВА XIV

СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ Сэвидж провел, изучая и запоминая план этого места и процедуры, которым следовали немцы. Кроме того, он приручал рядового Ганса Кордтца, хотя это можно было делать только в те моменты, когда за ними не следили ни охранники, ни офицеры. Кордтц с нетерпением ждал подходящего случая сделать все возможное для Кларка в обмен на долю еды и лакомств, которые тот когда-нибудь получит. Он рассказал, что немецкие власти сообщили имена заключенных и адреса военных почтовых отделений союзным властям и Международному Красному Кресту. Правительство США должно было передать эту информацию родственникам на родине. Посылки с продовольствием и припасами, которые они стали бы отправлять заключенным, теоретически должны были попасть к предполагаемым адресатам. Хотя и не очень быстро.

— Если тебе будут приходить письма, — сказал Кордтц, — проси шоколад, когда будешь писать ответ.

Этот баварец жил в деревне Кенигсзее, где он родился и вырос. Он возвращался домой каждые две недели по трехдневному пропуску, если его сержант был в хорошем настроении. Дела там, как Ганс сам признался, не всегда были приятными. Он не вдавался в мрачные подробности, но создавалось впечатление, что его семейное положение было очень похоже на положение Рипа ван Винкля. Но шоколад — как и музыка — обладал очарованием, успокаивающим дикарскую грудь.

Все это время Сэвидж не видел коменданта фон Гесселя, но однажды ему попалась на глаза Лили Бугова, графиня Идивзад. Красавица вышла из парадной двери комендантского дома во время утренней переклички. Она была в утреннем платье персикового цвета с глубоким вырезом, а ее пепельно-светлые волосы были уложены на макушке в самом очаровательном порядке. За ней следовал Зэд, ее огромный телохранитель, которого Кларк бросил в чугунную ванну в монастыре.

Несмотря на яростные вопли Генриха Шизштаубе и его громкие приказы замолчать, заключенные поприветствовали «восхитительную русскую», как они ее называли, на свой лад. Англичане были наиболее сдержанными, они ограничились тихим одобрительным бормотанием, французы закатывали глаза, ругались и посылали ей воздушные поцелуи, а американцы дали волю громкому свисту и крикам: «Ах ты, красавица!» или другим подобным. Кларк Сэвидж промолчал. Но выглядел он при этом поистине напряженным. Графиня же, казалось, ничуть не обиделась. Она лучезарно улыбнулась, помахала узникам рукой и послала им ответный поцелуй.

— Вы все варвары! — взревел Шизштаубе. — А вы, янки, хуже всех! Мразь! Ублюдки! Чистильщики сточных канав! Ублюдочные отпрыски дерьма гиены! Заткнитесь, или вы все окажетесь в одиночке!

— Для всех там места не хватит! — закричал кто-то. — А еще это незаконно!

Это, должно быть, был Ветчина Брукс.

Генрих с такой силой ударил адвоката хлыстом по бедру, что тот взвизгнул от боли и, пританцовывая, отступил на не-

сколько шагов. Это вызвало у всех смех. Когда майор пришел в себя — лицо у него было таким красным, словно его вскипятили, — он погрозил хлыстом остальным пленникам.

— Я вам всем дам это попробовать! — прокричал он.

Кто-то завопил, изображая осла. Это, как понял Сэвидж, был Эндрю Мэйфэйр.

Затем отчетливо прозвучал его скрипучий голос:

— Это хлыст для верховой езды! Возьми лошадь, гунн!

За его словами последовала реплика Джонни Литтлджона. На этот раз он не употреблял громких слов.

— Возьмите хотя бы переднюю половину лошади! А заднюю вы будете сами! — крикнул ученый.

На этом все закончилось. Заключенные были заперты в бараках, им не дали ужина и велели лечь спать сразу же после наступления сумерек.

— Он, должно быть, думает, что мы маленькие дети, — сказал Обезьян.

— Надеюсь, нам хоть завтрак дадут, — вздохнул Джонни.

Он не просто выглядел все время полуголодным. Он действительно таким был!

Постепенно лейтенанту удалось узнать, для чего предназначалось каждое здание в лагере. Особенно его заинтересовала лаборатория фон Гесселя. Она находилась рядом с его домом и соединялась с ним крытой дорожкой. Попытки Кларка выудить у охранников информацию о том, что в ней скрывалось и с какой целью она была создана, ни к чему не привели. Его самый разговорчивый информатор — Ганс Кордтц — только пожал плечами и сказал, что там было много оборудования и химикатов, а также множество крыс и обезьян в клетках. Фон Гессель проводил в лаборатории много времени — слишком много времени, как все думали. Он редко появлялся на людях, разве что порой прогуливался по парку, иногда с графиней, опирающейся на его руку. Он позволил этому негодяю Шизштаубе управлять лагерем.

— Иногда, — рассказал Кордтц, — барон приходит в русский лагерь, чтобы посетить их госпиталь. Очень многие из русских больны. Каждый день умирают несколько человек. Они казались вполне здоровыми, когда их впервые привезли сюда — задолго до того, как привезли пленных союзников.

На самом деле лагерь был не достроен. Конечно, они в основном крестьяне. Не очень чистые, если не сказать больше.

— Хммм... — задумчиво произнес Сэвидж. — Я хотел спросить об этом раньше. Где они хоронят мертвых?

Ганс указал на вход в шахту.

— Там, в глубине, есть большое помещение. Они роют в нем могилы и засыпают трупы солью. Кроме тех, кого комендант препарирует. Мне сказали, что у него там есть еще и коллекция мертвых тканей. — Его передернуло. — Довольно отвратительно, если хочешь знать мое мнение.

Американцу эта дискуссия ничего нового не дала — он был скорее озадачен ею. Фон Гессель, казалось, был вовлечен во многие сферы деятельности. Вполне вероятно, что он был связан с немецкой разведкой или работал непосредственно на нее. В то же время он занимался какими-то экспериментальными биологическими исследованиями. А еще он был комендантом лагеря для военнопленных. Это был парень «с множеством горячих утюгов». Держащий пальцы в нескольких пирогах.

Несмотря на жгучее любопытство в отношении фон Гесселя, Кларк должен был сосредоточиться прежде всего на том, чтобы вырваться из лагеря Локи. До сих пор он так и не придумал, как ему выбраться оттуда тайком. Высокие меры безопасности, казалось, делали это невозможным. Кроме того, в отличие от других лагерей, в этом все было устроено так, что военнопленные не могли изготовить поддельную немецкую форму и поддельные проездные и удостоверения личности. Некоторых охранников можно было бы подкупить, чтобы они приносили пленным какие-либо вещи, но эти предметы должны были быть совершенно безобидными. Охранников обыскивали с раздеванием, когда они уходили в свои нечастые отпуска, а также после того, как они возвращались.

Единственно возможным быстрым инструментом квазимгновенного выхода — как сказал бы Джонни Литтлджон — были железные трубы, которые качали воду из озера. Их было четыре: две в русской части лагеря и две в союзной. Их диаметр составлял примерно два фута. Сильный человек мог бы спуститься к озеру, держась за них, но их невозможно было обхватить руками.

Однажды Сэвидж высунул голову из-за края утеса, чтобы понаблюдать за этими трубами. В лицо ему ударил дневной ветер. Прищурившись от этого сильного потока воздуха, юноша увидел, что в скале прорезаны канавки и в них вставлены трубы. На трубы были надеты железные ленты, которые прикрепляли их к известняку. Даже если бы Кларку удалось спуститься по трубе, он все равно оказался бы в холодной воде, и ему пришлось бы проплыть несколько миль вдоль скалы, прежде чем он добрался бы до пляжа. И если бы он попытался спуститься с другой стороны, то обнаружил бы подобную ситуацию.

Охранники не приказывали ему отойти от края, пока он смотрел на трубы. Если он хочет прыгнуть, то удачи ему, посчитали они. А если бы они увидели, что он пытается спуститься вниз, то развлеклись бы стрельбой по живой мишени.

На краю утеса, в том месте, где трубы подходили к каменному полу лагеря, их окружала только колючая проволока. Она образовывала круглые двойные заборы, и трубы находились в центре этих кругов. Более того, примерно за двадцать футов до того места, где трубы достигали вершины, они изгибались и уходили в скалу, выходя затем на поверхность внутри ограждения из колючей проволоки. Чтобы добраться до трубы, человек должен был бы спрыгнуть с края обрыва и надеяться, что он сможет схватиться за трубу, а затем повиснуть на ней. Решиться на такой маневр можно было бы только в полном отчаянии.

Каждая пара труб вела к насосной станции. Если бы военнопленные смогли однажды ночью пройти мимо блуждающих прожекторов, собак и часовых, а затем ворваться на эту станцию и победить ее персонал, они смогли бы проникнуть в трубы. Правда, сначала нужно было отключить насосы, чтобы слить из труб воду. А кроме того, Кларку казалось совершенно очевидным, что к входному концу трубы будет приварена решетка. Он спросил об этом Ганса Кордтца, и тот в ответ только улыбнулся.

Надзиратель прекрасно понимал, что у Сэвиджа на уме, но не собирался сообщать об этом своему начальству. Он ненавидел Шизштаубе и не испытывал особой симпатии к фон Гесселю. Кроме того, если бы он настучал на американца, то лишил бы себя всякой возможности получить шоколад!

Сэвидж не отказался от идеи воспользоваться трубами, но решил, что надо изучить и другие способы и средства побега. Он еще не рассматривал для этой цели соляную шахту.

Своими планами побега Кларк поделился с Ветчиной, Обезьяном и Джонни.

— Мы все должны начать добровольно копать соль, — сказал он.

— Ты имеешь в виду работу? — одновременно выпалили Теодор и Эндрю. У обоих был такой вид, словно они только что попробовали на вкус какую-то гадость.

— Я имею в виду, что мы получим дополнительный паек и некоторые небольшие привилегии, — сказал лейтенант. — Я разговаривал с некоторыми из тех, кто работает в шахте, и они говорят, что их не слишком сильно притесняют. Кроме того, шахта может быть нашим единственным шансом выбраться отсюда.

— Ну, я не знаю... — протянул Ветчина Брукс. — Я там всю свою форму перепачкаю... а может, и порву. А мои руки... они станут мозолистыми. Ногти переломаются.

Его друг оглушительно расхохотался, а потом крикнул:

— Послушайте этого щеголя! Сам Бо Бруммель! Модная табличка на Парк-авеню! Он никогда в своей жизни не занимался честной работой. И он не собирается этого делать, если ему придется остаться здесь навсегда! Именно этого я и ожидал от выпускника Гарварда!

Лицо Теодора покраснело, а губы сжались.

— Я же не из деревенской глуши, как некий недалекий ум, чье имя я не стану упоминать, — не остался он в долгу. — И я, по крайней мере, правильно говорю по-английски. Я не говорил, что не буду работать в шахте. И я уверяю вас, что могу в любой день не отставать от дрессированной обезьяны. А что касается «честного труда», то когда это ты им занимался? Если только ты не называешь так погоню за дешевыми женщинами!

Сэвидж более или менее терпеливо ждал, пока они закончат свои оскорбления. Возможно, он был не прав, присоединившись к этим двоим. Юноша был уверен, что они достаточно храбры и на многое способны, но он сомневался, не помешают ли им их навязчивые ссоры эффективно готовить побег.

Однако, несмотря на это, они очень ему нравились, и он чувствовал, что может доверять им в любой опасной ситуации. Хотя он и не понимал, как два таких предположительно умных человека могли вести себя так же, как Том Сойер и Гекльберри Финн.

— Если ты не перестанешь меня унижать, — пригрозил Обезьян, — я расскажу Кларку и Джонни, как ты получил прозвище «Ветчина».

Литтлджон вздохнул и вернулся к первоначальной теме:

— Пожалуй, я пойду в шахту добровольцем. Хотя бы для того, чтобы отвлечься от этого дуэта раздоров.

— Э-э? — повернулся к нему Мэйфэйр.

Все четверо отправились к полковнику Дантриту и сказали ему, что готовы добывать соль, и тот сообщил Шизштаубе, что к завтрашнему дню у него готовы дополнительные рабочие.

В ТОТ ВЕЧЕР, когда Сэвидж разговаривал с Литтлджоном возле их барака, он увидел, как подъехал поезд. Вскоре из товарного вагона вышли четверо военнопленных, и он узнал двоих из них. Это были здоровяк с огромными кулаками и маленький бледный человечек, которые сломя голову выскочили из окна вагона в другом поезде и отвлекли таким образом охрану на достаточно долгое время, чтобы Кларк тоже успел нырнуть в окно. Хотя они и не собирались помогать ему, он все равно был им благодарен. Их обоих отвели в кабинет Шизштаубе.

Через час эту парочку сопроводили в каморку для дезинсекции, а еще через полчаса после этого сержант привел их, воняющих фумигатором, в барак Сэвиджа. Капитан Джонсон — адъютант лагеря для военнопленных — отвел их в крошечную каморку, отведенную Дантриту под кабинет. Когда они вышли из него, их окружили другие военнопленные, среди которых был и Кларк.

Внезапно пронзительный и скрипучий голос Мэйфэйра вознесся над остальными.

— Эй! Джон Ренвик! Помнишь меня, Ренни? — закричал он, проталкиваясь сквозь толпу. — Завод «Акме, химическая

корпорация», мы там работали в Бразилии! Ты был главным инженером, а я — химическим консультантом! Эндрю Блоджетт Мэйфэйр! Обезьян!

Он обхватил здоровяка Ренвика своими длинными руками и попытался закружить его в танце. Но Голиаф не сдвинулся ни на миллиметр — с таким же успехом можно было бы закружить валун. Выражение его лице не изменилось, но Сэвиджу еще предстояло узнать, что чем больше Джон Ренвик был внутренне доволен, тем мрачнее он становился внешне. Обезьян оставил попытки развернуть его и встал на расстоянии вытянутой руки, глядя на него снизу вверх.

— Мальчики! Это была адская работа! — воскликнул он. — Жара, дождь и грязь! Но ведь нам было весело, правда? Помнишь ту драку в таверне? Мы начистили им морды, верно? Начистили все вокруг, а потом со всех ног бросились бежать от полиции! Ох уж эти женщины! Это были настоящие черноглазые милашки! А виски, которое мы уничтожали!

Голос Ренвика был подобен грому над холмами:

— Я завязал.

— С чем именно? — уточнил Эндрю. — С женщинами или с виски?

— С пьянками. Я потерял целое состояние, оплачивая штрафы за все стены, которые я пробивал кулаками.

— Ну, если бы мне пришлось выбирать, от какой из этих радостей отказаться, это тоже была бы выпивка. Слава богу, мне не нужно ни от чего отказываться. Эй! Позвольте мне вас познакомить. Ребята, это майор Джон Ренвик. Ренни — для друзей. Инженер от бога, один из лучших. Ничего и никого не боится. Он построил больше плотин, мостов и железных дорог, чем бородавок на свинье!

Затем Ренни представил своего бледного спутника — капитана Томаса Дж. Робертса из корпуса связи. Этот человек был невысок, тощ и имел очень большие уши, которые торчали в разные стороны, как крылья птицы, готовящейся к полету. Это были самые тонкие уши из всех, какие Сэвидж когда-либо видел. При ярком свете они сияли, как шелковые паруса на закате. Волосы у Томаса были желтыми, а глаза очень бледного голубого оттенка.

Лоб Робертса выпячивался, как будто избыток мозгов пытался прорваться сквозь кость. И это впечатление не было ложным. Как сказал Ренвик в своем предисловии, его приятель был волшебником «электрического сока». А это означало, что он был очень талантливым магом по части электричества, который работал и учился у еще более известных волшебников в этой области. Среди них были Томас Альва Эдисон, обладатель патентов на тысячу изобретений, включая электрическую лампу накаливания, фонограф и кинопроектор, а также Чарльз Протеус Штейнмец, создавший прочную математическую основу для переменного тока и ставший преемником великого Николы Теслы.

Но, как выяснил Сэвидж, хотя Робертс и был очень ценен для корпуса связи, он хотел летать на истребителях. У него были планы подать заявление на перевод в авиационную службу, если он когда-нибудь вернется в свое подразделение.

— Я называю его «Длинный Том», — сказал Ренвик. — И вот почему. Немцы прорвались через сектор около деревни, которую мы называли Мердвилль, по причинам, в которые я не буду вдаваться. Робертса поймали в деревне, когда он ремонтировал телефонные линии. Он захватил группу людей из корпуса связи, поваров, водителей грузовиков и тому подобных и организовал жесткое сопротивление. Зарядил железным ломом пушку семнадцатого века на деревенской площади и взорвал дом, занятый вражескими войсками. Это была пушка того типа, что называется «Длинным Томом». Так что с тех пор он и носит это прозвище.

— Иногда приходится использовать подручные материалы, — кисло сказал Робертс.

Кларк Сэвидж очень хотел, чтобы эти смелые люди с соответствующими навыками осуществили его план побега. Когда этот план у него появится. Вновь прибывшие выглядели очень хорошими людьми, способными помочь в этом деле. Один из них был очень опытным инженером-строителем, другой — превосходным электриком. Вместе с Джонни Литтлджоном, Ветчиной Бруксом и Обезьяном Мэйфэйром они могли бы сформировать дерзкую основную команду, нацеленную на то, чтобы выбраться из лагеря. Однако Кларку нужно было сперва изу-

чить этих двух новых знакомых, чтобы убедиться, что он не ошибся в них.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ рано утром Обезьян, Джонни, Ветчина и Кларк отправились на работу в соляную шахту. Им выдали рабочую одежду и шахтерские шлемы с электрическими фонарями, но не дали рабочую обувь. Сэвидж решил, что может написать еще одно письмо доктору Джерому Кофферну в Нью-Йорк. Этот человек был его учителем по химии, а также хорошим другом его отца. Док Сэвидж назначил Кофферна опекуном своего сына, пока сам он находился в Южной Америке. Кларк еще не получил ни ответа на свое первое письмо, ни еды, ни припасов, которые он просил Джерома прислать ему, но из-за работы в шахте его сапоги изнашивались, и ему требовалась замена.

Получит ли он их — это уже другой вопрос. Подводные лодки — немецкие, само собой — топили торговые суда союзников, а кроме того, существовало множество препятствий, мешающих продвижению сухопутной почты: нарушение нормальной службы в военное время, неэффективность, бюрократическая волокита и — неизбежно — воры.

Туннель, в который вошли четверо новых работников шахты, был прорублен в известняке. Через двести или около того шагов он привел их под соляной купол. В ядре этого купола, как сообщил Кларку Уильям Литтлджон, содержались галит, сильвит и другие калийные минералы. Ученый вообще рассказал Сэвиджу много о соляных куполах...

...И все это юноша уже знал. Но он не стал говорить об этом. Летчик позволил археологу-геологу проявить свои знания и таким образом получить то удовлетворение, которое получает учитель, обучая невежд. Позже он был рад, что не рискнул обидеть Литтлджона и, возможно, заткнуть ему рот. Джонни рассказал ему нечто такое, чего он не знал и что было известно лишь очень немногим геологам. У него была великолепная память.

Дело было в том, что немцы тоже разрабатывали этот купол на другой стороне горы.

— Разработка на этой стороне — там, где находится лагерь — очень мелкая, — сказал Уильям. — Она не особо помогает германским военным усилиям. Но я думаю, что она создана в основном для того, чтобы держать заключенных занятыми и не давать им время на нарушение правил.

Этот худой, как жердь, человек не употреблял неудобоваримых слов, когда говорил только с Сэвиджем. Он быстро понял, что молодой лейтенант не был ими озадачен, и это лишило его всего удовольствия.

— А вы не знаете, встречались ли шахты той стороны с нашими? — спросил Кларк.

— На тот момент, когда я слышал о тех шахтах, — нет, не встречались. Но теперь между этими двумя разработками может быть относительно тонкая стена.

— Насколько тонкая?

— Ну, может быть, несколько сотен футов. А может, и больше. Но немцы позаботятся о том, чтобы они не столкнулись друг с другом, — сказал Джонни и улыбнулся. — Ты обдумываешь возможность докопаться до другой разработки.

— Нет, если только не выяснится, что конец нашего туннеля находится достаточно близко к концу их туннеля, чтобы оправдать подкоп, — сказал Кларк. — Мы не можем просто прокладывать туннели вслепую в отчаянной надежде, что доберемся до одного из их туннелей.

— Если бы нам удалось раздобыть материалы для сейсмографа, — задумался Литтлджон, — и что-нибудь такое, что могло бы вызвать ударную волну, скажем, динамит, мы могли бы найти ближайшую к нашей шахте пустую область. И если — а это еще большее «если» — мы сможем сделать это незаметно для охранников. Это будет нелегко. Что же касается динамита или любого другого взрывчатого вещества, то даже если нам удастся его раздобыть, как мы сможем использовать его, не привлекая внимания охранников? И так далее, и тому подобное. Во веки веков, аминь.

— Есть вещи, которые невозможно сделать, — сказал Кларк. — Но это не одна из них.

ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ военнопленными и несколькими солдатами они проследовали по туннелям, освещенным висящими над головой лампочками. Они шли по одному узкоколейному пути, по которому работники толкали четырехколесные тележки, и вскоре добрались до своего рабочего места. Это было огромное помещение, выдолбленное из твердой соли. В отличие от угольной шахты, здесь не использовались ни опорные столбы по бокам, ни верхние балки. Для поддержания потолка были вырезаны соляные столбы.

Это место выглядело как внутреннее помещение собора или большой комнаты в средневековом замке. Из него, как предполагалось, выкапывались туннели, ведущие в те места, где должны были быть сделаны другие большие углубления. А может быть, они вели к пустотам, уже вырытым в твердой соли. Но Сэвидж и его спутники были настроены отламывать куски соли кирками и лопатами в этом помещении.

Когда-то, как рассказывал ему Ганс Кордтц, там были тачки, которые нужно было наполнить и подтолкнуть к телегам, в которые потом сваливался груз из тачек. Но их реквизировали, чтобы отправить на мельницы для переплавки — к этому привела отчаянная потребность в стали и других металлах. На самом деле даже кухни всех граждан Германии были почти полностью лишены кастрюль и сковородок. Владельцы пожертвовали их на военные нужды.

Сэвидж прошел мимо больших воздуходувок в туннелях, которые выталкивали воздух наружу. В огромном зале было еще больше шумных вентиляторов, а наверху виднелись отверстия шахт. Они, должно быть, были прорезаны в кэпроке, окружающем соляной купол, и над ним, чтобы впустить свежий воздух. Кларк не видел никаких отверстий в горе над входом в шахту и решил, что когда он выйдет из нее, то обязательно будет их искать.

Устья шахт, в которых были установлены вентиляторы, были достаточно широки, чтобы в них мог пролезть человек. Но как беглец доберется до них? Они были в сорока футах над полом! А в вентиляционных шахтах мог быть один или несколько вентиляторов, которые помогали всасывать воздух снизу. Через них было бы невозможно пройти.

Может быть...

Заключенные-шахтеры работали, не покладая рук, наполняя мешковины разбитой на мелкие куски солью. Затем они взваливали мешки на плечи, относили их к телегам и вытряхивали в них соль. Когда им хотелось пить — а находясь в окружении соли, они испытывали еще более сильную жажду, чем обычно — им разрешалось выпить столько воды, сколько они хотели, из фляг и бутылок. Тем временем охранники обычно держались вместе, курили и разговаривали. Они только кричали своим подопечным, чтобы те возвращались к работе, если узники слишком явно отвлекались от дела. Обед был подан в час дня. Это был кусок плотного черного хлеба размером с кулак, жидкий картофельный суп с кусочками мяса и свекольное пюре.

— Я мог бы съесть в четыре раза больше только на завтрак, — сказал Джонни. — Сколько времени займет доставка посылок из дома сюда?

Ему ответил охранник, который понимал по-английски и подслушал его разговор:

— Ходят слухи, что скоро ты будешь получать только две порции еды в день. Так что заткнись и будь благодарен за то, что имеешь.

Сэвидж старался как можно больше подслушивать разговор охранников. Особенно он заинтересовался, когда двое из них заговорили о высокой смертности в русской части лагеря. Капрал Зинзенмайер получил эту информацию от охранника по фамилии Штерн, который сопровождал фон Гесселя всякий раз, когда тот посещал госпиталь для военнопленных славян.

— Вчера было пять, — сказал Зинзенмайер своему приятелю капралу Ротштайну. — За день до этого — шесть. Еще трое, как все ожидают, умрут завтра, если не раньше. И двадцать пять новых больных. Если это будет продолжаться, то через шесть месяцев там никого не останется. Из тысячи пришедших сюда живых осталось только четыреста. Возможно, пройдет совсем немного времени, и все иваны будут похоронены в соляной камере.

— Это меня не беспокоит, — сказал Ротштайн. — Но это значит, что мы сами можем подцепить то, что их убивает. А что это, кстати, такое?

— Одному Богу известно! — ответил его приятель. — Как бы там ни было, наш Собиратель бацилл, — так охранники называли между собой фон Гесселя, — ничем не рискует. Он и остальные носят хирургические маски, пока находятся там. Перед самым отъездом они принимают душ с горячей водой и крепким мылом, а затем моют руки в карболовой кислоте и окуривают одежду. Штерн говорит, что это чертовски неприятно. Но все же лучше, чем спускаться вниз с тем, чем заразились русские.

Сэвидж хотел расспросить Зинзенмайера о симптомах этой болезни, однако боялся, что не только не получит ответа, но и что охранники уйдут туда, где он не сможет их подслушать.

— Это очень страшно. Что мешает этой болезни распространиться на наш лагерь? — спросил Ротштайн.

— Именно этой болезни? Я не знаю, — пожал плечами его коллега. — Но, может быть, все дело в прививках, которые мы получили, когда только приехали сюда. Хотя это еще не все, как ты знаешь. У русских были холера, тиф и бог знает какие еще грязные болезни. Но инфекции исчезли, когда больных поместили в карантин.

Сэвидж почувствовал себя неловко — не из-за последнего замечания, а потому что он и его товарищи по заключению не получили тех прививок, о которых упоминал Зинзенмайер. Кроме того, оставалось загадкой, почему фон Гессель — бактериолог, известный или, лучше сказать, печально известный своими необычными экспериментами — был назначен комендантом лагеря для военнопленных. А еще был вопрос, связанный с его лабораторией.

Внезапно Кларк вздрогнул. Но холод, пробежавший по его коже и, казалось, заставивший волосы встать дыбом, не был вызван ничем физическим. Холод и — да, это был ужас — проистекали из неожиданно озарившей его догадки, что барон использовал русских военнопленных в качестве испытуемых для своих научных или псевдонаучных опытов. Это было не только крайне безнравственно, неэтично и варварски. Это было также опасно для всех живущих в этом месте, включая фон Гесселя. Контролировать болезнь, особенно неизвестную или новую, не так-то просто.

Летчик обдумал замечание Зинзенмайера о том, что все немецкие солдаты были привиты по прибытии в лагерь. Невысказанным — но подразумеваемым — был тот факт, что солдаты, находившиеся в русском лагере, не были заражены болезнью, поразившей столь многих славян. Несмотря на это, фон Гессель всегда принимал санитарные меры предосторожности, прежде чем вернуться в эту часть лагеря. Однако барон не хуже других знал, что война с участием бактерий была столь же опасна для распространителя, как и для врага. Это было оружие, которое неизбежно убивало и жертву, и ее владельца. Немцы обнаружили это, когда начали использовать газообразный хлор против союзников. Ветер внезапно менял свое направление и окутывал немцев их собственным ядом.

А болезнь убьет гораздо больше людей, чем ядовитые газы. И ей не нужен был паспорт, чтобы путешествовать из одной страны в другую. Фон Гессель прекрасно это понимал. Таким образом, если бы у него было такое оружие, он не представил бы его на рассмотрение высшим имперским властям Германии до тех пор, пока не создал бы прививку, чтобы уберечь население центральных держав от заражения.

Сэвидж сомневался, что консервативный германский Генеральный штаб и кайзер — все они считали себя высоконравственными — одобрили бы это. Отравляющий газ — это одно, но смертоносные бактерии — совсем другое. Однако, если положение Центральных держав станет особенно отчаянным, они, подобно Самсону, могут обрушить колонны храма на свои собственные головы вместе с головами своих врагов.

Почему французским, британским и американским заключенным не сделали прививок? Потому что, думал Кларк, у каждого биологического эксперимента должна быть своя контрольная группа. Он и другие заключенные второй части лагеря были оставлены совершенно не защищенными от болезни, потому что были такой группой.

Насколько он знал, никто из них не был заражен неизвестной чумой — если таковая действительно существовала. В госпитале на этой половине лагеря были свои больные военнопленные, но они страдали от легко диагностируемых бо-

лезней. Кто-то из русских тоже мог оказаться в контрольной группе. Не все в их лагере заболели той странной болезнью — во всяком случае, пока. Но вполне возможно, что фон Гессель работал в своей лаборатории над более опасной формой вируса.

Знала ли графиня, что ее возлюбленный так поступает с ее соотечественниками? А если знала, было ли ей все равно?

На фоне охватившего его страха и отвращения Сэвидж мысленно увидел потайную комнату сатанистов с ее ужасной мебелью и костями в том особняке в Бельгии. То зрелище было для него величайшим злом. А также символом зла, которое обитало повсюду в мире. Он никогда этого не забудет. Но не было ли зло, сотворенное бароном де Мюзаром, очень маленьким и незначительным по сравнению с тем, что намеревался сделать фон Гессель?

Да. Было. Точно так же, как мировая война была великим злом.

«Остынь, Кларк, — сказал себе юноша. — Будь объективным. Твои страсти и воображение могут превзойти реальность. У тебя нет никаких реальных доказательств того, что фон Гессель делает то, о чем ты думаешь. Исследуй. Собери факты. Убедись во всем!»

Тем не менее лейтенант был расстроен и не мог перестать думать об этом. А кроме того, именно теперь он мог еще больше оценить яростное и, возможно, фанатичное желание своего отца бороться со злом и сделать так, чтобы его сын продолжал эту борьбу. Но Сэвидж не представлял себе зло как нечто абстрактное. Зло его отца было не более реальным, чем сатана — падший ангел с рогами, копытами, хвостом и вилами в руках. А вот конкретное зло — зло более низкого ранга — действительно существовало в том смысле, что оно относилось к людям, совершавшим злые деяния. И даже это «зло» во многих случаях не могло быть четко определено логически. Иногда все зависело от того, кто давал этому слову определение.

Однако в этой ситуации у Сэвиджа не было никаких сомнений в злодействе человека, который, по его мнению, совершал это преступление. Здесь не было никакой серой зоны философии, семантики или морали, если этот человек действительно совершал такое деяние. Хотя, возможно, было и

другое объяснение тому, что, как подозревал молодой человек, происходило в лагере.

Слишком многочисленные размышления привели его к бездействию. Он не был Гамлетом — или, по крайней мере, не хотел им быть. Уже на выходе из шахты, после того как прозвучал свисток о прекращении работы, юноша задумался, что произошло с Обезьяном Мэйфэйром и Ветчиной Бруксом. Он видел, как Ренвик и Робертс трудились в другом конце огромной комнаты, но дикая парочка подполковников, как предполагалось, тоже была в их «банде», хотя ее нигде не было видно. И только вернувшись в барак, Кларк узнал о них все — ему сказал Ганс Кордтц.

Они опоздали на смену, потому что Брукс обвинил Мэйфэйра в том, что тот засунул ему под одеяло таракана. В последовавшей за этим ссоре — Обезьян отрицал свою вину — было разбито окно. Старший сержант вызвал к себе Шизштаубе, и тот рассердился, услышав о насекомом, указывавшем на антисанитарные условия, в которых комендант мог бы обвинить его. А еще он был в ярости из-за разбитого окна.

Оказавшись в кабинете адъютанта, парочка друзей разразилась песней: «Мы собираемся повесить кайзера под липой». Генрих кричал, чтобы они перестали петь, иначе он отправит их в одиночные камеры — он и так уже думал об этом из-за их предыдущих нарушений дисциплины. Теодор и Эндрю оборвали эту песню...

...но через минуту разразились другой: «Мы уберем "Терм" из Германии».

Они покинули кабинет, чтобы провести пять дней в лишенных света камерах, ни с кем не общаясь. Одиночные камеры находились в маленьком изолированном домике в северо-восточном углу лагеря. Несмотря на то что обоим друзьям было приказано ни с кем не разговаривать, они выкрикивали друг другу оскорбления через стены. Любой, кто находился в радиусе пятидесяти футов от этой тонкостенной постройки, мог их услышать. Через некоторое время они начали петь дуэтом, хотя и находились в разных концах дома. В их репертуаре было всего две популярные американские песни: «У Александра есть джаз-группа» и «Блюз скотного

двора». Они исполняли их с удовольствием, хотя и не очень гармонично, и в результате Шизштаубе добавил им наказание в виде хлеба и воды в качестве единственной диеты.

Кларк Сэвидж, услышав эту историю, с отвращением покачал головой. Эти два клоуна не будут надежны в выполнении плана побега, если они будут продолжать вести себя подобным образом. Молодой человек надеялся, что они поймут это, пока будут сидеть взаперти. И ему стало ясно, что хотя он — всего лишь лейтенант и намного моложе их, ему придется разговаривать с ними, как с голландским дядюшкой. Или попросить полковника Дантрита «вправить им мозги». Это была лучшая идея.

Во время ужина Сэвидж был несколько подавлен. Отец говорил ему, что самое большое препятствие в осуществлении какого-либо плана — это люди, вовлеченные в его осуществление. Один из его многочисленных наставников — персидский суфий Хаджи Абду эль-Йезди, сын Абду, сына Абду — тоже делал акцент на этой трудности. Но Кларк должен был испытать это на собственном опыте, прежде чем полностью осознать.

После скудной вечерней трапезы он поднялся из-за стола с неудовлетворенным брюхом — а следовательно, и всем телом.

ЧЕРЕЗ ДВЕ МИНУТЫ после ужина в барак вошел сержант Шизштаубе с двумя охранниками. Он приблизился к Сэвиджу.

— Полковник фон Гессель приглашает тебя на обед в девять часов, — сказал он. — Именно эти слова мне велели тебе передать. Но на самом деле это приказ. На твоем месте я бы не стал отказываться от приглашения. Комендант не любит разочаровываться, и он велел мне сказать тебе об этом. Я буду здесь без четверти девять, чтобы проводить тебя в его апартаменты.

— Ух ты! — изумился стоявший рядом Джонни Литтлджон.

Первой реакцией лейтенанта было удивление. Следующей — прилив радости. Его живот — та часть организма, которая обычно преобладает у большинства людей — забурчал в предвкушении превосходного и обильного запаса пищи,

который он наверняка получит. Третьей реакцией Кларка была тревога из-за восклицания Уильяма и из-за подозрительных выражений лиц других окружающих его людей. «С какой стати он, простой лейтенант и вдобавок такой молодой, должен быть гостем за обеденным столом фон Гесселя?» — явно думали его товарищи по несчастью. В их головах крутились мысли об измене. Сэвидж бы и сам удивился, если бы кто-то другой получил такое приглашение.

Он поспешил к адъютанту военнопленных — полковнику Ангусу Дантриту. Шотландец знал о его опыте общения с фон Гесселем.

— Это выставляет меня в дурном свете, сэр, — сказал ему Кларк. — Как вы думаете, мне следует отказаться от приглашения?

— Успокойся, сынок, — улыбаясь, сказал полковник густым ворчливым голосом жителя Пертшира. — Ты можешь выдержать большую еду. Как и все мы — верно?! И если фон Гессель хочет вытянуть из тебя какую-то информацию — а он, конечно, этого хочет, — я в тебя верю. Твой послужной список говорит сам за себя. — На мгновение Ангус нахмурился. — Если то, что ты сказал, правда, конечно.

Но потом под его густыми усами цвета корицы снова расцвела улыбка.

— Я проверю это, если смогу, — продолжил он. — А пока иди и хорошо проведи время. Но будь начеку. Я сообщу нашим, что ты не подозреваешься в предательстве. И что у тебя, кажется, есть сильный характер, необходимый, чтобы противостоять искушениям гуннов. Когда вернешься, дашь мне полный отчет о том, что произошло. У тебя есть мое разрешение отобедать с бароном, а также мое благословение. Не говоря уже о моей зависти. И я имею в виду не только обед. Эта русская графиня... ну, я не против сказать тебе, сынок. Мне пятьдесят пять лет. Но когда я вижу ее — а это случается слишком редко, — у меня на душе становится теплее.

Лейтенант покраснел. Увидев это, полковник громко рассмеялся и отпустил его.

В ТОТ ЖЕ вечер Кларк Сэвидж в сопровождении сержанта и четырех вооруженных охранников направился к дому барона. По дороге он заметил в свете дуговых фонарей на краю обрыва, что в лагерь въехал поезд. Еще не дойдя до комендатуры, он увидел, как из товарного вагона вышли трое военнопленных.

Внезапно один из них напал на охранника. Его оттолкнули и избили прикладами винтовок, прежде чем оттащить в сторону.

Позже Сэвидж узнал, что этого упрямого — и глупого, по его мнению — человека заключили в одиночную камеру. Удары их винтовок были достаточно сильны, подумал Кларк. Но выслушивать подшучивания Мэйфэйра и Брукса, а также их споры и особенно пение было по-настоящему бесчеловечным наказанием!

ГЛАВА XV

ЛЕЙТЕНАНТА СЭВИДЖА ПРЕПРОВОДИЛИ обратно в барак в четыре часа утра. Он очень устал и боролся со своей совестью. Как Иаков с ангелом у подножия лестницы в истории из Ветхого Завета, подумалось ему. Или как в одной из сказок «Тысячи и одна ночи», где речь шла о морском старике, сидящем верхом на спине Синдбада-морехода и железной хваткой сжимающем его шею. Его совесть была ангелом и морским стариком, а сам он был Иаковом и Синдбадом. Синдбад был плохим грешником. Или грешным плохим парнем. Существует ли такая вещь, как хороший грешник?

На самом деле Кларка лишь немного беспокоило то, что он сделал. К счастью — или к несчастью, в зависимости от точки зрения, — в детстве он не подвергался внушению какой-либо определенной религии. Его отец был бывшим англиканцем, ставшим «деистом». То есть тем, кто верит, что Бог существует, но считает, что он (или она, или оно) ушел «на обед» после сотворения Вселенной и с тех пор не возвращался. Сэвидж-младший познакомился со многими религиями во время своих путешествий по миру вместе с отцом и во время учебы у разных наставников в городах и в джунглях,

в пустынях и в горах. В результате он был широко знаком со всеми верованиями — от греческого православия до вудуизма.

Он избежал большей части пуританской сексуальной морали Соединенных Штатов Америки начала XX века, но с другой стороны, у него была личная мораль. Своего рода разношерстный кодекс, свойственный ему самому. То есть он выбирал и отбирал для себя те аспекты всех моральных норм, с которыми сталкивался. И он собрал их вместе, чтобы сформировать то, что считал хорошим. И вот теперь его одолевали сомнения. Причинил ли он какой-нибудь вред графине? Или барону? Или самому себе?

Ветчину Брукса и Обезьяна Мэйфэйра подобные мысли не смутили бы. Как и «золотые пылинки похоти», как называл это Длинный Том Робертс. Но Сэвидж отличался от них. Несмотря на то что у него был некоторый опыт общения с женщинами на пяти континентах, его нельзя было назвать знатоком прекрасного пола. За исключением нескольких нянек разных рас, заботившихся о нем, когда он был младенцем, и некоторых любовниц его отца, у него было относительно мало близости или даже продолжительного тесного контакта с женским полом. Он был знаком с самыми разнообразными женщинами, но никакой искренней дружбы или глубокой теплоты у него ни с кем не было.

Женщины были для него загадкой. И потом, все мужчины, которых он знал — а многие из них всю свою жизнь были окружены женщинами, — говорили одно и то же: вечное женское начало было непостижимо и непредсказуемо. Причем чаще второе, чем первое.

В определенный момент его отец, наконец, понял, что странное воспитание сына не смогло обогатить его в одной очень важной области. Оно сделало Кларка-младшего — в глубоком смысле — обездоленным ребенком. И исправлять это было слишком поздно. Если только сам подросток ничего не предпримет.

«Возможно, — думал Сэвидж-младший, входя в барак, — я слишком уж беспокоюсь. То, что я делал, доставляло мне такое же удовольствие, как и все, что я когда-либо делал, несмотря на некоторые небольшие опасения из-за того, было

ли это правильно. И из-за того, что меня поймают». Как он сам сказал себе — не очень, правда, решительно, — когда пытался принять или отклонить предложение Буговой: «Ну что ж... почему бы и нет!»

Сержант Шлейфштейн оставил его у дверей барака и зашагал прочь, очень утомленный и раздраженный. Ему пришлось стоять у дверей дома барона и ждать, пока графиня не позовет его, чтобы он проводил американского летуна на место. Конвоир ничего не сказал Сэвиджу, но он был явно недоволен и глубоко подозрителен. Он знал, что барон вырубился, выпив слишком много, и его отнесли в постель, и ожидал, что к этому времени вечеринка закончится. Но нет! Ему пришлось ждать четыре часа, пока лейтенант не спустился вниз.

Кларк вошел в темное здание и ощупью добрался до большой комнаты на втором этаже. Он увидел, что его одеяло и простыни сорваны с койки и брошены на пол, а матрас перевернут. На матрасе лежал листок почтовой бумаги. Юноша зажег спичку, чтобы прочесть написанные на нем строки.

— Твоя кровать в полном беспорядке, потому что Шизштаубе ворвался сюда в полночь с неожиданной инспекционной вылазкой, — сонно произнес Литтлджон. — Он и его прихвостни, состоящие из самок собак, перевернули все вверх дном в поисках артефакта, который мы могли бы спрятать, чтобы потом с его помощью сбежать. Вроде лопат и кирок, чтобы прокопать туннель отсюда. Ха! Или деталей самолета, которые мы могли бы собрать вместе, чтобы Икар вылетел на свободу. Майор говорит, что будет продолжать делать это через случайные промежутки времени. Я думаю, что он просто мелкий, с лилипутской душой, напыщенный толстопуз, который хочет помешать нам заснуть.

Кларк зажег еще одну спичку, и Джонни сел в постели.

— В любом случае, почему ты так поздно пришел? — поинтересовался геолог.

Сэвидж ничего не ответил. Он прочел записку от полковника Дантрита. Там говорилось, что теперь лейтенанту уже слишком поздно докладывать ему о вечере и что он должен сделать это утром, прежде чем идти в шахту. Кларк вздохнул. Он собирался чуть-чуть поспать, прежде чем начнется перекличка.

— Тот заключенный, который только что прибыл, — сказал Уильям. — Который напал на охранника после того, как сошел с поезда. Он находится в одиночке. Я слышал, что это капитан Бенедикт Мердстоун, англичанин, пехотинец. Обычный дикий кот. Сбегал три раза. Похоже, это мой тип парня.

Сэвидж в темноте застелил постель и забрался в нее.

— Не улавливают ли мои ноздри запах алкоголя в различных формах? — спросил ученый. — Ради Бога, Кларк! Ты ведь не пил с тевтонцами, правда?

— Немного, — признался юноша.

— Они хорошо с тобой обращались, да? Барон ведь не пытался тебя соблазнить, правда?

Кларк улыбнулся в темноте.

— Нет. Барон — не пытался.

Он уснул мгновенно.

КАЗАЛОСЬ, КЛАРК СЭВИДЖ только что закрыл глаза, когда над лагерем завыла тревожная сирена, сопровождаемая немецким горном. Пока он пытался избавиться от ужасного привкуса во рту при помощи зубной щетки, которую купил в столовой для заключенных, в туалетную комнату вошел помощник Дантрита. Это был капитан Довиль из французской артиллерии. Он сказал Сэвиджу, что тот должен явиться к Ангусу после работы. Полковник был слишком занят, чтобы разговаривать с ним прямо сейчас.

Вскоре после того, как Кларк вышел из шахты, он увидел барона фон Гесселя и графиню Идивзад, прогуливающихся вдоль края утеса. Лили заметила его, хотя он был далеко, и помахала ему рукой в перчатке. Он ничего не ответил. Должно быть, она что-то сказала фон Гесселю, потому что тот повернулся и посмотрел на Сэвиджа. Его зубы сверкнули в широкой улыбке.

Кларк отрицательно покачал головой. Он полагал, что барон прекрасно знает, что произошло после того, как его пьяного унесли в постель. Лейтенант не понимал ни явного отсутствия ревности у этого человека, ни того, почему он был так сговорчив. Характер барона был сложным и пронизанным темными сторонами. Впрочем, а у кого было не так?

Умывшись, Сэвидж все же кратко доложил о вчерашнем полковнику Дантриту. Если шотландец и слышал о прошедшей ночи — весь лагерь гудел от сплетен, и Кларку пришлось вытерпеть множество вопросов и шуток, — то ничем этого не показал. Он велел лейтенанту доложить обо всем, что тот видел и слышал у фон Гесселя, но когда юноша пустился в подробное описание всего произошедшего, включая продукты и то, как была расставлена посуда, остановил его.

— Боже мой, парень! — воскликнул полковник. — Ты что, человек-камера? Я не хочу, чтобы ты все пересказывал дословно!

— У меня действительно почти идеальная память, — сказал Сэвидж. — Это отчасти врожденное, а отчасти натренированное состояние. Давайте я просто скажу вам то, что считаю важным.

Говоря это, он мысленно скрестил пальцы.

— Я сам решу, что важно, — сказал Дантрит. — Я могу попросить тебя подробнее остановиться на некоторых моментах.

Юноша рассказал ему, что за столом сидели барон с графиней, он сам, разумеется, адъютант русского лагеря майор Шикфус, главный адъютант Шизштаубе капитан Хакен, чья правая рука была оторвана на русском фронте, и теперь он щеголял изогнутым стальным наконечником, и штатский герр профессор Корнфукен. Все, что Кларку удалось выяснить об этом профессоре — это то, что он был бактериологом из Берлинского университета и что утром он должен был уехать.

— Шизштаубе там не было, — добавил молодой человек. — Он был на дежурстве. Но я думаю, что фон Гессель скорее сел бы за один стол со свиньей, чем с ним. Барон ненавидит своего адъютанта, если некоторые замечания, сделанные им о нем, действительно свидетельствуют о его чувствах.

— Кто же не ненавидит этого отвратительного негодяя? — усмехнулся Дантрит.

Еще на ужине присутствовали русские слуги. Зэд — волосатый и вонючий великан — послал Сэвиджу воздушный поцелуй, но об этом юноша упоминать не стал. Он также ничего не сказал о своей реакции, когда посмотрел на Лили Бугову, графиню Идивзад. У ее чисто-белого платья

был самый глубокий вырез, который он когда-либо видел. И Кларк был не единственным мужчиной, чьи глаза то и дело возвращались к этому великолепному декольте.

Графиня напомнила ему обольстительниц из романов Генри Райдера Хаггарда. Две из них горели в его сознании и в других местах — Аэша, богиня, также называемая Той-кому-следует-повиноваться, героиня романа «Она», и Елена Троянская из «Мечты мира», роковая женщина, чье лицо отправляло в путь тысячи кораблей. И вот перед ним сидела Лили, очень похожая на них. А также на древнеегипетское божество любви — Хатхор.

Стол не застонал под тяжестью еды, поскольку был сделан из твердого тикового дерева. Но он нес еще более пышное и слюноотделяющее бремя, чем тот, что был накрыт в захваченном монастыре. Два жареных молочных поросенка, жареная говядина, жареная курица, огромные бататы, фрукты и овощи множества разных сортов... Сэвидж приказал себе воздержаться от набивания желудка мясом. Ему нужны были фрукты, особенно лимоны, чтобы бороться с цингой, угрожавшей ему из-за недостатка цитрусовых в лагерном рационе.

Во время банкета он сунул в карман несколько кусочков шоколада — для Ганса Кордтца. Фон Гессель заметил это — казалось, его голубые глаза ничего не упускают, — но он только улыбнулся одним уголком рта.

Сэвидж бегло пересказал разговоры между ним и бароном о различных философах. Дантрит, услышав имена Канта, Ницше и Шопенгауэра, поднял свои густые седые брови и переспросил: «Кто?» Картины на стене юноша тоже только упомянул. Какое отношение имели имена Дюшана, Арпа, Тцары, Пикассо и Брака — художников, важных для развития дадаизма и кубизма — к донесению разведки? Он также не счел нужным описывать комментарии барона к таким произведениям, как «Обнаженная женщина, спускающаяся по лестнице», «Бритая лошадь, прыгающая со скалы» и другим плоским и разрозненным картинам и фотоколлажам, которых и Ангус, и сам лейтенант не понимали. То, что фон Гессель любил и коллекционировал эти предметы, потому что думал, что они предвещают разрушение человека XIX

века и формирование нового человека — механического, дегуманизированного и бездушного человека XX века, — полковника не интересовало.

— Эта война предвещает новую эру. Новый тип человека разумного. Во всяком случае, другой тип западного человека, — сказал тогда барон. — Теперешний человек — раздробленный, опустошенный и лишенный целостности, нищий духом, неспособный противостоять черной пустоте своей собственной смерти и смерти Вселенной, как сказал Ницше, смерти самого Бога. Война разрушила старую плесень. А новая форма еще не завершена.

Все это время он пил бокал за бокалом французское вино, и графиня не слишком отставала от него. Сэвидж почувствовал, что и ему следует выпить немного вина. Главным образом потому, что на этом настаивал барон. За этот вечер, до того, как фон Гессель расплылся в полубессознательном состоянии, Кларк выпил больше алкоголя, чем за всю свою жизнь. Он ненавидел наступившую потерю контроля и в то же время наслаждался ею. Его обучение было направлено на полное овладение глупыми импульсами и на неизменно объективное отношение ко всему.

— Барон расспрашивал тебя о военных делах? — спросил Дантрит. — Или о чем-нибудь таком, чего он не должен знать? О таких вопросах, как боевой дух союзников в тылу, экономическое положение и так далее?

— Не раз.

— А когда он напился, он ничего не рассказывал о положении Центральных держав? Что-нибудь конкретное или общее, что могло бы помочь нам, если бы мы смогли передать эту информацию нашей разведке?

— Ничего. Он только говорил, что Англия — самый большой враг Германии. Что немцы считают себя представителями нового порядка, тогда как Англия представляет старый порядок. Что англичане — это люди девятнадцатого века и не могут уйти достаточно быстро.

— Хм! — сплюнул полковник. — Этот вздор для нас не совсем секрет. Явная гниль! Посмотрим, кто победит!

— Он сказал, что даже если англичане выиграют эту войну, они потеряют следующее поколение.

Сэвидж добавил это замечание, задетый и раздраженный плохо скрываемым презрением Дантрита к колонизаторам и особенно к американцам. Ангус был неплохим парнем, хотя и несколько самодовольным и чопорным. Он старался быть справедливым в своих отношениях с французами, австралийцами и американцами, находившимися под его командованием, и его послужной список говорил о том, что никто не обладал большей, чем у него, храбростью.

Но он был снобом. Архиконсерватором.

— Этот человек говорит так, словно у него во рту сортир! — прорычал раскрасневшийся полковник. — Он что, какой-то большевик? Однако есть кое-что чрезвычайно важное, что я хотел бы знать. Я слышал сообщения — неважно, откуда, — что барон проводит какие-то зверские эксперименты в русском лагере. Объектами его опытов могут быть только крестьяне. Но клянусь Богом, они же люди! По крайней мере, мне так говорили. Что фон Гесселъ с ними делает?

— Он ничего не говорил об этом, хотя я и пытался направить разговор в нужное русло, — ответил Сэвидж.

На лице Дантрита появилось выражение любопытства и еще чего-то, чего нельзя было так просто понять. Он склонил голову.

— А графиня ничего об этом не говорила?

— Нет.

Лейтенант почувствовал тепло на своем лице.

— Характер фон Гесселя имеет отношение к делу, — сказал он, желая поскорее уйти от темы графини. — Против него можно использовать любые слабости характера. Он ненавидит своего отца. Сказал, что тот был типичным прусским аристократом. Жестоким, могучим охотником на животных, ужасным пьяницей, очень эгоцентричным, эгоистичным и невежественным во всем, что выходило за пределы очень узкого круга его знаний. Только он был еще хуже, чем большинство аристократов. Возможно, барон преувеличивает их недостатки, обобщая их на основе отдельных личностей. При этом фон Гессель любил свою мать, но обижался на нее, потому что она не защищала своих детей от равнодушия мужа и часто от садистского отношения к ним. Она умерла

несколько лет назад. Отец фон Гесселя подарил ей несколько венерических заболеваний...

— Грязное животное! — сказал Дантрит. Казалось, он был смущен.

— Он был очень пьян, когда рассказывал мне все это, — добавил лейтенант. — Мне кажется, что фон Гессель старался быть не таким, как его отец. И совершенно очевидно, что он боится быть слишком похожим на отца. В этом человеке есть некое сильное напряжение...

Полковник прервал юношу:

— К чему вся эта психологизация?.. Ты прямо как тот австрийский еврей — как там его зовут?

— Зигмунд Фрейд.

— Извращенец, как я понимаю. Какое отношение все это имеет к нам?

Кларк воздержался от того, чтобы сказать Ангусу, что он вместе со своим собственным отцом посетил несколько лекций Фрейда. Доктор Сэвидж был почти того же мнения о докторе Фрейде, что и полковник, но его сын полагал, что в теориях основателя психоанализа может содержаться некая сущность. Но доказательство этого было «в пудинге». То есть только время должно было показать их действительность или недействительность.

— Я имею дело с фактами. Не с фантазиями, — сказал Дантрит. — По правде говоря, ты не узнал там ничего ценного, не так ли?

«Для вас, может быть, и ничего, — подумал Сэвидж. — Но для себя — много».

СЛЕДУЮЩИЕ ДВЕ НЕДЕЛИ прошли медленно и тоскливо. Фон Гессель и графиня сели на поезд, уехали в неизвестном направлении и не возвращались в течение шести дней. Русские продолжали умирать с ненормальной скоростью, а госпиталь в лагере союзников был заполнен людьми, страдающими дизентерией и пневмонией. Мэйфэйр и Брукс, заметно похудевшие, но не утратившие своей жизнерадостности, вышли из одиночного заключения. Ганс Кордтц был трогательно благодарен Сэвиджу за те несколько кусочков

шоколада, которые тот ему дал. Он пообещал продолжать рассказывать лейтенанту обо всем, что слышал или видел в лагере. А сам лейтенант все пытался придумать средства и способы побега.

Лишь один раз случилось большое волнение — когда наконец прибыли посылки Красного Креста. Сэвидж получил три шоколадных батончика: один он съел, а два других отдал Кордтцу. Кроме того, он поделил полученные сигареты с Кордтцем, Ветчиной и Обезьяном. Ренни Ренвику Кларк тоже предложил сигареты, но тот отказался. Этот человек бросил курить, потому что табак было слишком трудно достать. А Джонни Литтлджон и Длинный Том Робертс никогда не имели такой привычки.

Между этими шестью пленными янки росло все более крепкое товарищество. Несмотря на то что лейтенант был моложе остальных и ниже всех по званию, и на то, что все в этой группе казались прирожденными лидерами, именно Кларка Сэвиджа все постепенно начали считать своим вождем. Он не прилагал никаких усилий, чтобы получить этот статус. Это просто произошло само собой.

Эндрю Мэйфэйр долго отказывался признавать его лидерство и сдался последним. Причем сделал он это только после знаменитого поединка по армрестлингу. Обезьян бросил вызов в лагере всем, кто, по его мнению, был достаточно силен, чтобы ему было хоть немного интересно состязаться с ними. В том числе и охранникам. Сэвидж единственный отказался соревноваться с ним, но после многочисленных насмешек Эндрю не выдержал и, наконец, согласился.

Все обитатели их барака и многие пленные из других бараков, а также многие охранники собрались вокруг стола. Ставки зрителей на кого-то из противников сыпались дождем. Большинство жаждали увидеть, как Мэйфэйр будет побежден, но шансы были на его стороне — десять к одному. Теодор Брукс из принципа поставил на лейтенанта табак и деньги, хотя и сказал, что ни один человек не может сравниться в силе с Обезьяном. «Мой друг — это неизвестный вид гориллы, — сказал Ветчина, — если бы это было не так, я бы съел свою шляпу. Без соли и перца. Другое дело, если бы это было состязание умов...»

Участники состязания сели за стол лицом друг к другу, поставили локти на места, обозначенные судьей, и сцепили свои правые руки вместе. Кларк, глядя на необычайно толстые мускулы Обезьяна и на такие же необычайно толстые кости, к которым они были прикреплены, подумал, не ошибся ли он, приняв вызов. Рука, сжимавшая его руку, явно могла согнуть монетки своими пальцами. Говорили, что Мэйфэйр умеет завязывать ствол винтовки в узел.

— Не расстраивайся, когда проиграешь, малыш, — сказал Обезьян. — Я же чемпион мира.

Сэвидж слегка улыбнулся.

— Готовы? — спросил судья. — Отлично, я досчитаю до трех. На счет три — вперед. Если кто-нибудь из вас будет жульничать, я буду бить вас по головам этой палкой!

Эндрю был чрезвычайно силен, в этом не было никаких сомнений. Он был карманным Геркулесом, сжатым Самсоном. По мере развития борьбы вены на его лбу вздувались, словно змеи, пробивающиеся сквозь землю. Его лицо сильно покраснело, и он весь вспотел от напряжения. Потом он крепко сжал свои большие, похожие на глыбы зубы и хмыкнул.

Шестнадцатилетнему Кларку Сэвиджу тоже было нелегко. Прошло пять минут, и ни один из соперников не уступил другому ни дюйма. Их руки были так же непоколебимы, как у двух статуй. Но, как и его обезьяноподобный противник, молодой лейтенант сильно вспотел.

Судья назначил десятиминутный тайм-аут.

— Ребенок, ты же не ребенок! — выдохнул Обезьян. — Никто еще не продержался со мной больше тридцати секунд!

Зрители завопили и зааплодировали. Многие стали увеличивать суммы ставок или делать новые. К ним присоединились те, кто поначалу держался в стороне от азартных игр. Но шансы упали до одного к одному. Ветчина потерял голову и поставил на лейтенанта весь свой табак и шоколад за следующие три месяца.

Противники продолжили борьбу. И сначала медленно... а потом все быстрее... правая рука Обезьяна стала менять положение от вертикального к горизонтальному...

...И внезапно тыльная сторона его кулака оказалась на столе.

— Сэвидж победил! — закричал судья.

Но слышали его только те, кто был рядом. Гул голосов и топот ног по полу были достаточно громкими, чтобы заставить дрожать окна. Даже немцы, выигравшие пари, кричали и танцевали друг с другом.

— О, я был ослаблен тем, что в одиночке ел только хлеб и воду, — заявил Эндрю, но тут же с ухмылкой хлопнул Кларка по голому плечу. — Ты гораздо лучше меня, Гунга Дин.

— Да. А ведь ему всего шестнадцать лет! — ахнул Брукс. — Подожди, пока он не вырастет в полный рост!

— Я все еще жду этого от тебя, — сказал ему Мэйфэйр. — Я имею в виду — когда настанет твоя умственная зрелость.

Несмотря на свое поражение, обезьяноподобный химик был дружелюбен и разговорчив. Он решил, что настало время рассказать Сэвиджу, как Теодор Марли Брукс получил свое прозвище Ветчина. Они познакомились на фронте и стали друзьями, несмотря на разницу в образовании, интеллекте и темпераменте, рассказал Обезьян. И хотя он этого и не говорил, но своим тоном дал понять, что Брукс определенно уступает ему в этом отношении.

— Он сыграл со мной отвратительную, подлую шутку, — сообщил Мэйфэйр. — Тогда я еще плохо знал французский. Итак, перед церемонией, на которой мы должны были быть награждены французским генералом, этот жулик из трущобной жизни научил меня нескольким комплиментам, которые я должен был сказать генералу. И они... Ой! Ха! — это были слова, которые ты не стал бы говорить таксисту, не говоря уже о генерале. Так что... Ха! Ха! Меня посадили в тюрьму на некоторое время, пока я не уладил это несчастное дело. А через неделю кто-то донес генералу, что Брукс украл целый грузовик окороков. В конце концов он доказал свою невиновность. Хотя я не слишком уверен, что он не был виновен. С тех пор он постоянно носит прозвище Ветчина. Но вот что мне не нравится — и что меня действительно задевает, — так это то, что он обвиняет в этом меня! Ты можешь в это поверить? Ха! Ха!!!

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ вечеринка закончилась: Генрих Шизштаубе начал одну из своих печально известных внезап-

ных инспекций. Его поисковая группа ничего не нашла. Как всегда. Он бесновался, ударяя хлыстом по колоннам и по мебели и потрясая им перед лицами пленников, стоявших по стойке смирно.

Позже — в четыре часа утра — он снова ворвался в барак и перебудил всех пленных. Но кто-то — Сэвидж подозревал, что это Мэйфэйр — оставил над дверью ведро с водой, привязанное к веревке, другой конец которой был прикреплен к дверной ручке. Шизштаубе, который во время своих рейдов всегда шел первым, промок насквозь!

Он заставил всех заплатить за свое унижение, не давая им спать в течение двух часов. Все это время он требовал, чтобы ему сказали, кто был виновником случившегося. Разумеется, никто не собирался выдавать виновного, да к тому же никто, кроме самого этого человека, не знал, кто это сделал. Если только, как думал Сэвидж, Обезьяну не помог Брукс. Лейтенант не мог удержаться от улыбки, как и многие другие. Но он знал, что эти двое когда-нибудь доставят им всем своими шалостями очень большие неприятности. Они были старше его, но он был гораздо более зрелым. Зато им было гораздо веселее, чем ему. В детстве он упустил многое из подобных развлечений, потому что у него было очень мало товарищей по играм. Слишком уж широким был разброс его интересов.

В конце концов Шизштаубе распорядился, чтобы все находившиеся в бараке были переведены на половинный паек до тех пор, пока преступник не будет раскрыт. Полковник Дантрит возмутился этим и отправил фон Гесселю протест. Барон, который, должно быть, с удовольствием узнал о том, как промок его адъютант с помощниками, отменил наказание, объявив приказ об урезании пайка незаконным. Брукс сомневался, что это было незаконно, но Генрих знал, что спорить с начальством не стоит.

Новости о последних событиях на западном фронте заключенные получали от тех, кто приезжал в лагерь на поезде. Однажды охранники, ликуя, рассказали военнопленным, что войска кайзера нанесли сокрушительный удар к югу от Ипра. Они штурмовали Мессинский хребет и взяли Армантьер, после чего на британском фронте образовалась большая брешь. Но через

несколько недель стало известно, что у немцев не было достаточно резервов, чтобы полностью контролировать ситуацию. Британия и Франция также страдали от недостатка резервных сил. Но они возлагали большие надежды на то, что американские войска — свежие, невредимые, не уставшие от войны и поддерживаемые промышленным могуществом Штатов — в конце концов принесут победу. Если бы только англичане и французы смогли продержаться достаточно долго, чтобы потом им удалось использовать всю американскую мощь.

КАПИТАН БЕНЕДИКТ МЕРДСТОУН — английский пехотный офицер, которого Сэвидж видел напавшим на охранника после выхода из поезда — был освобожден из одиночной камеры. Дантрит допросил его, а затем отвел ему койку в бараке Кларка.

Это был высокий, светловолосый и голубоглазый парень. Он мог бы быть красивым, если бы не два недостатка. Одним из них был его нос. И другим — его нос. Одна личная беда наваливалась на другую.

Вместо носа у него был чуть ли не целый хобот. Такой длинный нос можно было бы, с большой долей милосердия, считать благородным и впечатляющим. Но его еще и портил шрам. Кончик этого носа отрезало осколком снаряда в первые дни большого мартовского наступления немцев.

Вставший не с той ноги Обезьян Мэйфэйр придумал Мердстоуну прозвище Шнобель.

Сэвидж прекрасно ладил с Бенедиктом, несмотря на явный снобизм капитана. Этот парень был очень хорошо образован, говорил с оксфордским акцентом и за пять дней трижды сбегал из плена. И очень хотел попробовать в четвертый! Возможно, подумал лейтенант, он станет ценным дополнением к их спасательной группе. Но юноша был осторожен и пока не упоминал об этом. Он хотел сперва изучить Мердстоуна.

Между тем, после матча по армрестлингу, Эндрю Мэйфэйр начал называть молодого лейтенанта Доком. Многие люди, которые еще учились в медицинском колледже, когда он поступил на службу, получили такое прозвище.

Кларк Сэвидж возражал, что у него нет докторской степени, но это ничего не дало.

Использование этого «титула» быстро распространилось, и через некоторое время все военнопленные, за исключением Дантрита, стали обращаться к нему не иначе, как Док. А затем Сэвидж, так сказать, отлил свое новое «звание» в бронзе, восстановив нос Мердстоуна после того, как он был сломан. Это произошло из-за того, что Обезьян разозлился на Бенедикта за то, что тот исправлял ошибки в его речи, а также за пренебрежительное замечание о Бруксе. Мэйфэйр думал, что он один имеет монополию на оскорбление своего приятеля, капитан же по глупости пригласил здоровенного химика вступить с ним в кулачный бой.

Два удара — один в живот англичанина и один в нос — стали началом и, одновременно, быстрым завершением конфликта. Ни один из противников не хотел, чтобы немцы узнали о физическом насилии среди пленных, потому что их, вероятно, посадили бы в одиночные камеры или по крайней мере сильно оштрафовали бы.

Итак, «Док» Сэвидж вправил Мердстоуну нос, и тот рассказал охранникам, что ночью наткнулся на опорную балку. После этого многие заключенные — и даже некоторые из охранников — приходили к Доку лечить свои мелкие недуги. Никто не хотел идти в лагерный госпиталь, если мог избежать этого. Он был переполнен, немецкие врачи и санитары были перегружены работой, и ожидание лечения там было очень долгим. Но больше всего военнопленные опасались идти туда, потому что рассматривали госпиталь как рассадник серьезных заболеваний. Каковым он и являлся.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ДОК Сэвидж работал в шахте. Он потратил много времени и размышлял о планах побега из лагеря Локи. В низинах наступила весна, но она еще не проложила свой зеленый путь к горам. Почти каждый день шел сильный дождь.

Кларк заметил, что уровень пола в лагере был слегка наклонным, чтобы позволить дождевой воде стекать, не скапливаясь в лужи. Кроме того, для этого в известняке были

прорезаны каналы от основания скал вокруг лагеря до края утеса, поднимающегося из озера. Они были достаточно глубокими, чтобы скрыть человека, если он лежал в них плашмя, но через каждые сорок футов в них были установлены железные решетки. Любой заключенный, который попытается использовать каналы, чтобы добраться до края лагеря, должен был бы переползти через эти барьеры. При этом он был бы беззащитен в течение нескольких секунд. Но человек, делающий это ночью, мог подождать, пока всепроникающие лучи прожекторов не пройдут мимо него. Однако даже если беглецу удалось бы добраться до края утеса, что он мог сделать после этого? Его ждал бы трудный путь к свободе. Лагерь был расположен в юго-восточном углу Германии. Самый короткий путь вел из него на юг через небольшую часть Германии... сквозь Австрию... а затем через ту часть Италии, которая теперь удерживалась армией союзника Германии, Австро-Венгерской империи. Как только беглецы прошли бы через театр военных действий и — каким-то образом — через австрийскую линию фронта к итальянской, они оказались бы в безопасности.

Тем не менее между лагерем Локи и местом их назначения были сменяющие друг друга хребты высоких и труднопроходимых Альпийских гор. Двигаясь по извилистой тропинке, которую им предстояло пересечь, они должны были пройти не менее двухсот шестидесяти миль. И их путь проходил бы на большой высоте, следовательно, погода там была бы холодной и ненастной. Им пришлось бы избегать разбросанных тут и там деревень. Питаться они могли бы только тем, что взяли бы с собой из лагеря, если, конечно, им не удалось что-нибудь украсть. Но это увеличило бы опасность быть пойманными.

Человек может впасть в уныние, просто думая о препятствиях.

Но вот появился Мердстоун. Он был энтомологом, а поскольку Сэвидж был единственным человеком в лагере, который хоть что-то знал об изучении насекомых, капитан любил поговорить с ним. Правда, он не мог скрыть своего удивления, что американец, особенно такой молодой, так хорошо знаком с этим предметом. Его реакция

была похожа на реакцию белого американца, который обнаруживает, что алабамский негр, с которым он разговаривает, окончил колледж.

Такое отношение капитана не было распространено среди английских ученых — Кларк знал это из своего личного опыта общения с некоторыми из них. Мердстоун не заметил, что лейтенант-янки более внимательно прислушивался к его произношению и интонации, чем к смыслу его речи. Сэвидж же кое-что узнал благодаря этому, но пока держал эти новые знания при себе.

Он заметил, что Бенедикт уже близко сошелся с полковником Дантритом. Они играли в бридж в кабинете командира с двумя другими приятелями, и полковник, казалось, очень доверял капитану.

ОДНАЖДЫ, КОГДА ОНИ добывали соль в шахте, Джонни Литтлджон подошел к Сэвиджу.

— Док, ты знаешь о нашей маленькой проблеме с приобретением сейсмографа? — спросил он. — Чтобы мы могли измерить толщину стены между нами и помещениями, в которых работают немцы с другой стороны. Найти пустое место в туннеле.

Кларк кивнул.

— Ну, мы не можем его украсть, потому что красть нечего, — продолжил геолог. — Но мы можем сделать импровизированный прибор из материалов, имеющихся в лагере. Горизонтальный маятниковый сейсмограф Милна. Можно сделать стрелу, ось, пластины и записывающий барабан. И захватить масляную лампу. Любую из тех, что используются в бараках. У меня есть карманное зеркальце. Светочувствительную графическую бумагу придется украсть с немецкого склада снабжения или из лаборатории барона, и вот это уже проблема. А вот шелковую нить достать будет проще.

— Отлично! Расскажите мне об этом подробнее! — попросил Док.

Он не сказал геологу, что уже придумал, как сделать такой прибор. Юноша ждал подходящего момента, чтобы

предложить его изготовить, но решил, что позволит Джонни чувствовать себя хорошо, обдумывая его предложение.

Когда худощавый ученый закончил объяснять всю суть проекта, Сэвидж сказал:

— Я не думаю, что сейчас самое подходящее время для этого. Однако подозреваю, что это произойдет очень скоро. Видите ли, у меня есть на примете еще один проект, который нужно сделать в первую очередь. Давайте сегодня вечером соберем вместе Обезьяна, Ветчину, Ренни и Длинного Тома. Тогда я вам все объясню.

— Мне нравятся эти два клоуна. И я уважаю их опыт в избранных профессиях, — сказал Джонни. — Нет никаких сомнений в их храбрости, быстроте мышления и преданности. Но ты думаешь, мы можем доверять им, чтобы они не испортили все своими махинациями?

— Обезьян и Ветчина знают, когда следует заняться делом, — возразил Кларк. — Кроме того, они попытаются сделать все, что угодно, даже самое опасное.

— Им не хватает здравого смысла?

— Они живут на полную катушку, — объяснил Док. — Но это значит, что они готовы рисковать жизнью. Они знают, что те, кто уклоняется от требований жизни только для того, чтобы держаться за свою жизнь, не имеют жизни, стоящей того, чтобы жить.

— В этом заявлении много аллитерации, — заметил Уильям.

В СЕМЬ ЧАСОВ вечера все шестеро тихо совещались у постели Сэвиджа. Дождь с силой барабанил в окна, но его не было слышно за громкими голосами множества людей, которые разговаривали или кричали, играя в кости или карты. Голубоватый дым от сигарет и трубок клубился по огромной комнате.

Когда Док закончил излагать свой план, кое-кто из группы задал ему несколько вопросов. По большей части это были сомнения в том, что сегодня самое подходящее время для осуществления плана.

— Да, ветер и дождь сделают восхождение более трудным, — согласился Кларк. — Но они также затмят зрение

охранников. К тому же охрана не будет настороже. Они подумают, что любой, кто вышел бы на улицу в такую погоду, был бы не в своем уме.

— Так и есть вообще-то, — сказал вечный пессимист Длинный Том Робертс.

Док не обратил на это внимания.

— Я, вероятно, не увижу вас, парни, после того как проскользну обратно. Вот что я хочу, чтобы вы сделали завтра, Том. У немцев не хватает рабочих рук — их главный инженер болен и вряд ли выживет. Более того, один из тех, кто работает на генераторной установке, ведет себя не совсем нормально. Его, наверное, снимут с работы. Может быть, даже отправят домой. Я хочу, чтобы вы вызвались добровольцем работать на этой установке. Вы получите хорошее представление о ее планировке, а также о том, как саботировать ее работу, если вам представится такая возможность.

— Это должно пройти через полковника Дантрита, — сказал Длинный Том. — И по какой причине я могу предложить фрицам помощь в их военных действиях?

— Что бы вы ни сказали Дантриту, не говорите, что у нас есть план и что вы нужны нам на электрозаводе, — сказал Кларк.

Робертс скорчил такую гримасу, словно откусил очень острый перец.

— Ты не доверяешь полковнику?

— Я ему полностью доверяю. Но он может что-нибудь сказать Мердстоуну.

— Святая корова! — воскликнул Джон Ренвик. — Ты имеешь в виду...

— У меня есть причина не доверять Мердстоуну, — признался Док. — Но я могу и ошибаться. Между тем, мы не выдвигаем никаких обвинений, которые могли бы быть необоснованными.

— Значит, Жук может быть предателем? — спросил Мэйфэйр.

Он перестал называть Мердстоуна Шнобелем: Док Сэвидж сказал ему, что неправильно и жестоко давать прозвище, основанное на физических особенностях. Эндрю возразил, что все называют его Обезьяном, но Ветчина Брукс

заметил, что его положение было совсем другим — обезьяноподобный химик упивался этим прозвищем. Так что теперь Мэйфэйр называл Бенедикта Жуком, потому что тот был энтомологом.

— Не предатель, — сказал Док. — Может быть — и я подчеркиваю это «может быть», — он немецкий шпион.

— Ого! Ха! — изумился Обезьян. — И он приятель Дантрита!

— Заткнись! — шикнул на него Ветчина. — Хочешь, чтобы весь лагерь знал, о чем мы говорим?!

— Хорошо, — необычно тихо сказал Мэйфэйр. — Но, Док, ты ужасно рискуешь. А что, если Шизштаубе сделает одну из своих неожиданных инспекций? Вчера вечером он сделал это дважды. Один раз в час, а потом еще раз два часа спустя. Я из-за него глаз не сомкнул. Видишь эти мешки у меня под глазами? В них можно положить детенышей кенгуру!

— Он не делал переклички — во всяком случае, пока — во время рейдов, — возразил Кларк. — Если он заметит, что меня нет, начинайте его отвлекать. Переключите его мысли с меня на что-то другое.

— Мы с Ветчиной уже достаточно времени провели в одиночке, — сказал Обезьян. — А Длинному Тому придется добровольно работать на генераторной установке. Остаются только Ренни и Джонни.

Ренвик и Литтлджон сказали, что сделают это, раз уж Эндрю и Теодор к этому не готовы. Это положило начало спору, который грозил выйти из-под контроля и привести к тому, что в одиночках оказались бы все четверо. Док велел им заткнуться, и то, что они немедленно повиновались — со смущенным видом, — свидетельствовало об их высоком уважении к нему. Они неосознанно выбрали его своим лидером, и он принял это доверие так, словно был рожден для него.

И в каком-то смысле так оно и было. Однако его тренировки значительно укрепили это врожденное чувство командования.

— Я вылезу через заднее окно, потому что после того, как все улягутся спать, задней двери уже не будет, — сказал Кларк. — Пожелайте мне удачи. Она мне еще понадобится.

ГЛАВА XVI

ВЕТЕР И ДОЖДЬ хлестали юношу, как будто возмущаясь его неповиновением. Примерно в ста футах над лагерем он цеплялся за скалы руками в перчатках и обутыми в сапоги ногами. Его пальцы сжимали трещины в скале, а носки сапог стояли на очень узких выступах и легко могли соскользнуть.

Четыре раза Кларк едва не соскальзывал со скалы, однако каждый раз ему удавалось удержаться одной рукой, пока он возвращался в прежнее положение. Внизу, на сторожевых башнях двух лагерей, светились прожекторы. Они блуждали по постройкам, по пространству между ними и по краю утеса над озером. Дуговые фонари, установленные по периметру участка и рядом с разделяющей его колючей проволокой, не горели. Их отключили прошлой ночью, чтобы сэкономить топливо для генераторов, но они включались на несколько минут через случайные промежутки времени. До сих пор их лучи не поймали ни одного пленника там, где тот не должен был находиться, и Сэвидж надеялся, что его они тоже не поймают в свои фотонные сети, когда он вернется. То есть если он действительно вернется.

Теперь, когда лейтенант поднимался на скалу позади лагеря, он не был уверен, что ему следовало быть там. Его «юношеская порывистость», как называл ее Ренни Ренвик — эту фразу большой инженер перенял у Джонни Литтлджона, — поистине была юношеской глупостью. Но он все же был здесь. И не собирался возвращаться, пока не сделает то, что намеревался сделать. Или не умрет, пытаясь это сделать.

С тех пор как молодой человек попал в лагерь Локи, он внимательно изучал окружающие его скалы. Поначалу они выглядели так, словно были гладко обработаны, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что многочисленные трещины и крошечные выступы делают их достаточно неровными. Разница была такой же, как если бы некто сначала увидел бритую физиономию невооруженным глазом, а потом через увеличительное стекло.

Карабкаться по таким скалам без снаряжения — без веревок, защелкивающихся карабинов, крючьев, маленькой кирки и молотка — было бы крайне сложно. И даже с ними Кларку пришлось бы несладко. Но юноша побывал в горах Швейцарии, Перу, Колорадо и Непала — в Альпах, Андах, Скалистых горах и Гималаях соответственно. Он начал заниматься альпинизмом и скалолазанием, когда ему было одиннадцать лет, а его последним наставником в этом деле был тибетец непальского происхождения. Декка Лан Шань был не только специалистом в альпинизме, но еще и преподавателем йоги и самообороны. У него был внук, родившийся в Сан-Франциско и полностью американизированный. Декка попросил молодого Сэвиджа, если тот когда-нибудь попадет в Калифорнию, разыскать этого внука, носившего то же имя, но у Кларка не было возможности сделать это. Теперь же ему казалось, что он никогда не сможет выполнить просьбу Декки.

Он поднимался на ощупь, напряженно цепляясь за неровности скалы. Если бы не дождь, его одежда была бы мокрой от пота. На высоте около семидесяти футов над лагерем его рука сомкнулась на тонком краю верхнего вертикального камня. Когда он подтянулся выше и перебрался через его, то оказался на полу какого-то пустого помещения. Тонкий камень был щитом, который скрывал пространство за ним.

Примерно в четырех футах от этого места находилось отверстие шахты, которое Сэвидж ощупал руками, сняв перчатки. В отверстии был закреплен стальными штифтами большой вентилятор: они были вбиты в обод и в камень под ним. Может быть, стоило бы, подумал юноша, поднять туда клинья, стамески, кувалду и лом, чтобы попытаться вытащить вентилятор. Но эти инструменты пришлось бы украсть с лагерного склада. Нелегкая задача. И потом, что дальше? Беглецы могли бы проскользнуть по вентиляционной шахте в соляную пещеру и спуститься по веревке на пол этой огромной камеры. После этого им пришлось бы пробить стену, отделяющую это помещение от того, что находилось на другой стороне горы.

Рядом должны были быть и другие вентиляционные шахты, особенно над русской стороной лагеря. Но найти эту шахту

было второстепенной задачей. Кларку предстояло проделать еще долгий путь, чтобы добраться до самого главного. Он начал двигаться вверх и влево и после часа мучительных усилий оказался на несколько сотен футов выше и, возможно, на шестьсот футов ближе к своей цели. За пятнадцать минут до этого прекратился дождь. А потом Сэвидж добрался до вершины гребня — пилообразного скального выступа.

Когда он перебрался на другую сторону этого гребня, то оказался почти в полной темноте. Свет, идущий из лагеря, был очень тусклым. Теперь молодой человек чувствовал, что находится в достаточной безопасности, чтобы воспользоваться электрическим фонариком. В столовой — месте не столь пустом, как буфет матушки Хаббард — ничего не продавалось, но Ганс Кордтц договорился с другим охранником, чтобы тот привез из отпуска фонарик. Это стоило столько же, сколько задушить корову, как сказал бы Мэйфэйр, а Сэвидж даже не был уверен, что охраннику разрешат принести в лагерь фонарь. Правда, не существовало никаких правил, запрещающих заключенным покупать фонари, но юноша беспокоился, что Шизштаубе может решить запретить эти предметы. В этом плане он был непредсказуемым самодуром.

Разумеется, фонарик был внесен в список лагерного имущества: ни одна вещь, покидавшая Локи или привезенная в него, не оставалась не зафиксированной. Но, по крайней мере, он проник внутрь. К сожалению, вскоре в нем пришлось бы заменить батарейки. По крайней мере, так сказал Кордтц. Он сомневался, что сможет сделать больше для Сэвиджа: «Ну, ты же знаешь, война».

Спускаясь по скале, Кларк время от времени включал фонарик. Склон там был гораздо более сложным для того, чтобы карабкаться по нему, чем за лагерем, но зато не таким крутым. Затем юноша поднялся по еще одной скале, немного более сложной, и подошел с другой стороны к дымоходу — глубокой и узкой расщелине в скале. Упираясь ногами в одну стену, а спиной — в другую, он медленно спустился вниз. К тому времени, когда он достиг искривленного валуна и усыпанного камнями пола, вокруг него стал часто вспыхивать свет: в ход событий решила вмешаться молния.

Ее яркие вспышки то и дело на мгновение озаряли дымоход, как будто вливали в «кувшин» электричество. А еще вокруг грохотал гром! Его эхо рикошетило от стены к стене, как пушечные снаряды.

Сэвидж не был уверен, где именно находится. Ему казалось, что перед ним находится еще один барьер, а после него — если только он не ошибся в своих расчетах — он окажется на вершине утеса, обращенного к озеру. Молния показала ему, что вокруг стены с одной стороны изгибается трещина. Поскольку вспышки также показывали, что перед ним нет никаких пропастей, он выключил фонарик и, пользуясь прерывистыми всполохами света, направился за угол.

Там была еще одна трещина, идущая под прямым углом к той, которую он только что оставил. Она была более узкой, но все же достаточно широкой, чтобы протиснуться сквозь нее. Колени Кларка то и дело натыкались на подбородок, а задняя часть его куртки была изорвана от трения о скалу. Возможно, ему придется объяснить это немцам, когда он вернется. Если он вернется.

Примерно в ста футах над землей путь ему преградил упавший валун, который застрял в каменном горле дымохода. Юноша скользил боком, пока не увидел при вспышке очередной молнии узкую дыру над собой, образованную неровной изогнутой стороной валуна и стеной расселины. Ему нужно было пройти через это отверстие, как червяку, пробирающемуся через дыру, пробитую ножом в крышке банки. Он не мог приподняться и ползти на коленях — разве что согнуться под очень небольшим углом. Но даже в этом случае трения было достаточно, чтобы разорвать кожу на коленях. А кроме того, ему приходилось хвататься за малейшие зацепки. Однако, с другой стороны, он не собирался быстро спускаться вниз.

Очень толстый человек никогда бы не пролез в эту дыру. Обезьян Мэйфэйр вовсе не был толстым, но у него была огромная бочкообразная грудь. Если ему в принципе удастся пробраться в этом месте, он соскребет с себя одежду и густые вьющиеся волосы под ней.

После того как Сэвидж забрался на вершину валуна, он немного отдохнул. Его подбодрил пролом в форме на-

конечника стрелы в скале прямо перед ним. После того как к Кларку вернулись силы — во всяком случае, частично, — он зашагал, широко расставив ноги, по краям выемки, а затем поднялся по тридцатифутовому, почти вертикальному склону. Дальше его путь лежал по относительно ровной местности. И в свете изгибающихся зигзагами молний он увидел внизу озеро.

Под ним было железнодорожное полотно, идущее по горизонтальной полосе между утесом наверху и утесом внизу. Вдоль дороги и рядом с верхним утесом были вкопаны короткие столбы с натянутыми на них телефонными проводами. Сэвидж стал спускаться вниз. Не с быстротой горного козла или обезьяны, а с осторожной медлительностью змеи. Спустившись примерно на пятьдесят футов, он нашел выступ, тянувшийся на десять футов и сужающийся с обоих концов. Он находился на высоте в восемь футов над железнодорожными путями и был достаточно широким, чтобы стоять на нем, свесив носки сапог через край и прислонившись спиной к скале.

Кларк постоял там некоторое время, вытянув руки и повернувшись лицом к скале, чтобы ухватиться за небольшие неровности. Здесь дул более холодный ветер, чем в глубине. Он дул со стороны озера, но был далеко не так силен, как днем. На мгновение у лейтенанта возникло искушение попытаться вернуться в лагерь пешком по железнодорожным путям.

Мысль о возвращении тем же путем, каким он пришел, заставила его плечи устало поникнуть. Но он медленно повернулся и начал опасное восхождение.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, когда он спустился с утеса за бараком, ему пришлось чуть ли не силой сдерживать себя, чтобы не идти быстрее. Силы, казалось, выливались из пальцев его рук и ног. Недостаток пищи и напряжение от подъема в темноте по мокрому камню сделали его слабее, чем он был бы в обычном состоянии.

Внизу — теперь, когда дождь прекратился — из клеток под сторожевыми башнями вывели собак. Они тащили за

собой охранников, натягивая поводки. Но рядом с бараками никого не было.

Сэвидж замер, наблюдая, как охранники несут в русский лагерь четыре закутанных в одеяло тела. Живые пленники в эту минуту спали — самое подходящее время для того, чтобы переправить покойников на повозках с солью по узкоколейным рельсам, а оттуда — в погребальную камеру.

Добравшись до подножия утеса, юноша побежал к бараку. Быстро задвинув окно — и возблагодарив судьбу, что его никто не запер, — он заполз в большую спальню. Затем, очень осторожно, он прошел мимо храпящих, бормочущих и стонущих спящих к лестнице, ведущей на второй этаж. Ее ступеньки, как правило, скрипели. Все здание было построено в такой спешке, что обычно первоклассное качество немецкой работы было принесено в жертву.

Кларк добрался до верха лестницы... прошел по короткому коридору... и свернул в огромную спальню справа от себя. С минуту он стоял в дверях, разглядывая многочисленные лежащие тела. Свет в комнате не горел, но самая первая перламутровая заря — ложная заря — показала ему, что никто не проснулся. Правда, Сэвидж слышал, как в дальнем конце комнаты в уборной кашлял и ругался какой-то мужчина. Наверное, какой-нибудь бедолага с «лагерным кашлем», страдающие еще и дизентерией.

Несмотря на то что он был измучен и ему необходимо было высушить свою одежду — если у него было на это время, — молодой человек не мог не улыбнуться, вспомнив недавний случай. К двум стенам в отхожем месте шли длинные, пологие желоба. Вода стекала по ним в трубы, ведущим в канализационную камеру в шахте, гигантскую комнату, покрытую солью. Военнопленным приходилось стоять или сидеть над корытами, чтобы избавиться от отходов своего тела. И вот несколько дней назад Обезьян Мэйфэйр подловил момент, когда Ветчина Брукс сидел там на корточках, и вылил в воду жидкость из зажигалки. Когда эту жидкость понесло по воде, человек-горилла поджег ее. Она вспыхнула и опалила Теодору зад, прежде чем тот успел отпрыгнуть. Дюжина других заключенных чудом избежали такой же участи, а Эндрю, заливаясь хо-

хотом, выбежал из туалетной комнаты прежде, чем его успели поймать.

Месть Брукса была довольно мягкой. Хотя он предпочел бы сделать что-нибудь покруче и, вероятно, когда-нибудь сделает. Он засунул простыни и одеяла своего друга в открытый конец водосточной трубы, и это привело к ужасному беспорядку. К счастью, заключенные успели вытащить постельное белье до того, как охранники обнаружили все это, и заставили Ветчину вытереть пол.

Брукс жаловался, что во время эпизода с зажигалкой огонь опалил ему несколько волосков и что он отпрыгнул слишком быстро, из-за чего у него снова открылась старая рана. Он имел в виду свою руку, в которую попала пуля, когда они с Обезьяном были в ручье возле французского фермерского дома, из которого сбежали вместе с Сэвиджем. Мэйфэйр сказал тогда, что это чепуха. Что Ветчина страдает от раны, которая давным-давно зажила.

Кларк медленно прошел через комнату и опустился на кровать. Снимая сапоги, он услышал какое-то шевеление на соседней кровати.

Джонни Литтлджон приподнялся на локте.

— Ну, как все прошло, Док? — прошептал он.

— Расскажу после того, как немного посплю, — ответил Сэвидж. — Я весь промок. Но мне лучше попытаться избавиться от воды с помощью тепла моего тела. Если сейчас войдет охранник, он будет удивляться, почему я повесил свою форму сушиться. Кстати, Шизштаубе не совершал набега?

— Для разнообразия — нет. Я думаю, он измотал свое маленькое «я». Если он заставит нас потерять сон, то и сам его потеряет.

— Он редко делает неожиданную проверку, когда на улице идет сильный дождь, — заметил Док.

— Так вот почему ты выбрал именно этот вечер?

— Этот факт помог мне принять решение. Но я не хотел больше откладывать это дело. Спокойной ночи, Джонни.

ГЛАВА XVII

— ОДНООБРАЗИЕ, СКУКА И отчаяние, — сказал Длинный Том Робертс. — Добавьте их к болезням, которыми заражены лагеря для военнопленных. Эти три вещи — самое худшее. Болезни убивают тело. Остальное убивает разум.

— Наш маленький «лучик солнца»! Нашу электрическую «искру счастья»! — прогремел Ренни Ренвик. — Но ты попал прямо в точку.

Было воскресенье — единственный выходной для военнопленных в шахтах. «Пять с половиной мушкетеров», как называл их компанию Ветчина Брукс, имея в виду, что Обезьян Мэйфэйр был «половиной», стояли на открытой площадке, наблюдая, как англичане играют в футбол в одном углу, а американцы — в бейсбол в другом. Несколько месяцев назад фон Гессель разрешил им делать сетки, надувные мячи, биты, перчатки и мячи из воловьей кожи. Пленные должны были заплатить много денег, чтобы заставить охранников раздобыть материалы для всего этого, а потом самостоятельно сделать эти вещи.

— Могло быть и хуже, — сказал Длинный Том, испытывая извращенное удовольствие от того, что его пессимизм становится еще более мрачным. — По крайней мере, у нас еще есть шанс спастись. Хотя он и очень небольшой. Но если бы этот лагерь остался в том виде, в каком он был изначально построен, нам бы конец. Когда его только создавали, здесь все было не так, как сейчас. Над двумя входами в шахту была построена небольшая крепость. Она тогда представляла собой ряд относительно небольших камер, выдолбленных из соли. Там должны были содержаться заключенные. Но какой-то высокопоставленный мерзавец, родственник кайзера, а также британского короля, поднял шум, когда приехал сюда на инспекцию. Он сказал, что условия содержания заключенных были бесчеловечными. Поэтому крепость снесли, а лагерь построили таким, какой мы видим сейчас. В любом случае крепость и соляные комнаты были бы недостаточно велики. Здесь было слишком много нарушителей спокойствия. Первоначальная постройка не смогла бы справиться с ними.

Док Сэвидж кивнул. Ганс Кордтц говорил ему то же самое.

Была середина июня. Весна сменилась летом. Горы покрылись зелеными лесами, а в долинах росли посевы. На озере теперь стояли гребные и парусные лодки, хотя туристов на них не было. Рыбаков не интересовали красоты природы. Они старались выловить как можно больше альпийской форели, причем улов предназначался не для импорта, а для местного потребления. Нормирование по всей Германии было еще более жестким, чем прежде. Неурожай картофеля в 1917 году привел к тому, что вместо него появилась репа. Горожанам и военнопленным приходилось сдерживать рвотные позывы, когда они вдыхали запах этого овоща.

Ганс Кордтц сказал Сэвиджу, что церковные колокола в его деревне, да и вообще по всей Германии, были сняты и переплавлены в металл. А в прошлом году рабочие перекопали улицы Берлина, чтобы добраться до медных телефонных кабелей, которые стали использоваться для изготовления пушечных снарядов. В частных домах почти не осталось медных дверных ручек, да и всего, чего угодно, сделанного из меди. Однако немецкие офицеры в лагере все еще хвастались, что Центральные державы победят. Им казалось, что для победы над их врагами требуется одно-единственное высшее усилие. С 27 мая по 6 июня в третьей битве при Эне императорская армия оказалась в 37 милях от Парижа. Но американская 2-я дивизия, сражавшаяся бок о бок с французами у французской крепости Шато, остановила там немцев. Американцы наконец-то начали осознавать свой огромный потенциал не только как источник материальных и продовольственных ресурсов, но и как боевую силу.

Фельдмаршал Людендорф был поражен их успехами. Он вывел войска из Фландрии, чтобы начать массированную атаку на Компьень, но через шесть миль немцы были остановлены. Ганс Кордтц передал эту новость шестерым заключенным.

— Каждый раз, когда я думаю, что война закончится, она встает и начинает все сначала, — сказал он. — Это прекратится, когда мы все умрем от голода или будем вынуждены бросать друг в друга камни.

Хотя ему и не полагалось общаться с военнопленными, он, как и большинство охранников, игнорировал этот приказ. Если, конечно, поблизости не было Шизштаубе. Как и большинство военных уставов, это правило нарушалось, если солдат чувствовал, что ему это сойдет с рук. Как сказал Мэйфэйр, «в штанах ты больше уважаем, чем в замечаниях».

Военнопленные получали посылки из-за границы через Международный Красный Крест и христианскую Ассоциацию молодых людей. Док Сэвидж в своем первом письме попросил доктора Кофферна переправлять ему посылки через нейтральную Данию — это был самый быстрый маршрут. Благодаря этим посылкам большинство военнопленных союзников питались лучше, чем лагерные немцы. Мало того, они также получали половинное жалованье от германских властей по соглашению между правительствами-антагонистами. Теперь у заключенных было больше средств, чтобы купить продукты для столовой и подкупить охранников.

Шизштаубе стал бы искать припасы, которые заключенные могли бы накопить, чтобы взять с собой при попытке к бегству. Но на самом деле он не ожидал их найти, так как спрятать их было бы очень трудно. Однако Док Сэвидж время от времени относил их ночью на утес и помещал в углубление на высоте шестидесяти футов. Несколько раз он брал с собой Мэйфэйра, потому что тот умел лазить по деревьям, как обезьяна, а однажды с ним поднялся туда Длинный Том Робертс. У инженера-электрика был некоторый опыт восхождения во время обучения в корпусе связи.

Шестеро мужчин держали это в секрете от других заключенных. Они должны были доложить о любом плане — или о любой его части — Дантриту, но теперь капитан Мердстоун был членом комитета по организации побега, назначенного полковником.

— Почему ты так уверен, что Жук — немецкий стукач? — спросил Обезьян, и Док решил все рассказать своим товарищам.

— Точно я сказать не могу, — ответил он. — Потому и не обвиняю его перед полковником. Я не хочу ставить Мердстоуна в несправедливое положение, в котором он будет страдать, если он невиновен. Причина, по которой я подозреваю

его — лингвистическая. У меня острый слух, если я могу так сказать о самом себе. И у меня была некоторая языковая подготовка, хотя я и не являюсь настоящим экспертом. Но когда я просто внимательно слушаю Мердстоуна, мне кажется, что под его почти идеальным оксфордским акцентом скрывается слабое немецкое произношение. Я подумал, что, возможно, он провел много времени в Германии, и это повлияло на его речь, хотя и слабо. Но он говорит, что никогда не был в этой стране, кроме одного летнего отпуска.

— Если мы докажем, что он фриц, — сказал Обезьян, — что нам с ним делать? Я бы зарезал его и съел на ужин! Таким образом, у нас было бы по горло улик. No corpus delicti or habeas carborundum!

Ветчина Брукс презрительно фыркнул.

— Нам придется импровизировать, — сказал Кларк. — Я не вижу причин убивать его. Он просто выполняет свой патриотический долг. Мы шпионим за ними, а они — за нами. Я бы предпочел держать его здесь, пока не придется от него избавиться. Если мы разоблачим его сейчас, немцы просто пришлют еще одного шпиона. Насколько нам известно, сейчас их здесь может быть двое. Или больше.

Эндрю затянулся сигаретой «Кэмел».

— У меня действительно муравьи в штанах, Док. Мы не можем откладывать это надолго. Говорю вам, к черту эту свистопляску вокруг да около. Давайте скорее вырвемся отсюда!

Теодор выдохнул дым «Лаки Страйка»:

— Это нельзя ускорить, это как те химические тесты, которые ты делаешь в своей лаборатории. Мы все должны делать правильно. Хочешь умереть с голоду в пустыне или быть пойманным патрулем, потому что ты сбежал, подняв шум, как бык в посудной лавке?

— Я не создан для того, чтобы быть военнопленным! — проворчал Мэйфэйр.

— Нет. Ты создан, чтобы быть обезьяной!

— Парни, — сказал Сэвидж, — я сам невыразимо устал от этой тюремной жизни и хочу поскорее уйти. Но нам еще многое предстоит сделать, чтобы подготовиться. И у нас нет никакой уверенности, что мы можем сделать все, что нужно.

Например, теперь у нас есть материалы, необходимые для изготовления сейсмометра Милна. Но мы находимся в том же положении, что и мышь, которая должна была позвонить кошке. Как нам это сделать? Если это и возможно сделать, то только ночью. Тогда у входа в шахту не выставляется ни одного часового. Зачем заключенному идти туда? Там много комнат и туннелей, но поисковикам не потребуется много времени, чтобы найти нас. Что же касается саботажа, то что такого можно разрушить, что нельзя было бы быстро починить? Я не уверен, что стоит так рисковать. У нас есть возможный путь отступления — вверх и вниз по утесу. Но это очень опасно, очень рискованно. Нам действительно нужны веревки, крючья и все такое. Мы не можем получить их легально, их надо украсть у немецкой стороны. И мы даже не знаем, есть ли они в их складском сарае. Там могут быть веревки и молотки. Но крючья, карабины и так далее? Стоит ли рисковать, чтобы узнать, есть ли они там? Даже если нам удастся перелезть через колючую проволоку, ускользнуть от охранников и собак и открыть сарай, мы, вероятно, обнаружим, что рисковали всем напрасно.

— Слишком много всяких «если» и «но», — сказал Обезьян. — Мы становимся слишком похожими на сороконожку, которая начала удивляться, как ей удается работать своими сотнями ног одновременно. В конце концов, она запуталась, не зная, как скоординировать их действия.

— Может быть, ты и прав, — сказал Док. — Но в любом случае у нас нет достаточно большого количества припасов, чтобы добраться до места назначения. Нам придется подождать.

На самом деле Сэвидж был озабочен гораздо больше, чем сказал своим друзьям. Оставалось загадкой, что именно фон Гессель делал с русскими пленными. Ответ казался очевидным, но был самым общим — подробностей Кларк не знал. А без них он не мог сообщить союзным властям, какая страшная болезнь может быть выпущена на врагов Центральных держав или что за вакцину немцы использовали, чтобы защитить себя. Выяснить это было гораздо важнее, чем сбежать при первой возможности. Это была самая важная информация, которую когда-либо могли получить со-

юзники. Гораздо более необходимая, чем военные данные, которые юноша мог им передать.

Конечно, весьма вероятным было то, что фон Гесселю не удалось усовершенствовать вакцину. Количество трупов, вывезенных из русского госпиталя для военнопленных, казалось, указывало на это. Но с другой стороны, они умирали еще и от обычных лагерных болезней — тифа, дизентерии и множества других. Без правильной информации Сэвидж не мог точно знать, кого убивают эксперименты фон Гесселя, а кого — известные инфекции.

Барон фон Гессель. Он был загадкой, которая создавала новые загадки. Очень сложный и не поддающийся анализу человек. Продвинутый и очень либеральный в этом отношении, он признавал неотъемлемое равенство рас и полов. Он без колебаний соглашался с тем, что подавляющее большинство людей угнетается и эксплуатируется немногими, но у него не было никакого желания менять ситуацию и, казалось, он не испытывал особого сочувствия к несчастным, оказавшимся в ее плену. Барон стремился только к тому, чтобы заполучить для себя всю власть, какую только мог. И авксв черту все остальное человечество!!!

Вряд ли этот человек был очень патриотичен. Если он готовил биологическое оружие, которое позволит его родной стране выиграть войну и, возможно, править остальным миром — или тем, что от него останется, — то он делал это, чтобы получить власть. Политическую, экономическую и личную. Он стремился стать спасителем своего народа, великим героем.

Гессель был очень хорошо образован и обладал обширными знаниями во многих областях. Он мог обсуждать Платона, Аквината, Гиббона, Гомера, Хафиза и Конфуция, мог цитировать поэтов, драматургов, философов и ученых как древних, так и современных. Однако в тот вечер, перед тем как уснуть за обеденным столом, он пробормотал: «Как верно сказал Блез Паскаль, философия не стоит и часа изучения. Это относится и к литературе, и к истории тоже».

Размышляя на эти темы, Кларк делал свои упражнения. Ему оставалось еще полчаса, чтобы закончить их, но тут его прервали. Как и других военнопленных. Шизштаубе и

дюжина охранников ворвались в барак и бросились наверх. Первым в нижнюю дверь вошел не адъютант, а сержант. С тех пор как его окатило ведром воды, Генрих всегда входил в барак вторым.

Раскрасневшийся, кричащий и стучащий хлыстом по косяку двери, он влетел в комнату, где Сэвидж делал свои упражнение. За ним веером выстроились четверо вооруженных солдат.

— Внимание! — крикнул по-немецки Мэйфэйр. — А вот и прыщ на заднице кайзера!

Каковы бы ни были первоначальные намерения адъютанта, после этого они были на время забыты. Стуча каблуками по деревянному полу, он быстро подскочил к шутнику, остановился перед ним и взревел:

— Что ты сказал, обезьяна-свинья?!

Шизштаубе был не единственным, кто казался встревоженным. Эндрю пристально посмотрел на него, и его лицо было почти таким же красным, как у адъютанта, а шея дрожала.

— Я сыт по горло вами, фрицами! И особенно тобой! — пискнул он. — Я уже достаточно долго терплю твое дерьмо!

Стоящий в стороне Брукс отчаянно делал Мэйфэйру знаки, чтобы тот замолчал.

— Успокойся, Обезьян, — мягко сказал Док. — Ты же не хочешь снова оказаться в одиночке.

«Сейчас слишком многое поставлено на карту», — подумал он про себя.

— Ты скажешь мне, что ты сейчас сказал! — закричал Шизштаубе. — Или я надолго заткну твой грязный идиотский обезьяний рот.

Обезьян завизжал, как свинья, а потом выпалил:

— Хрю! Хрю-хрю!

— Хрю? Хрю-хрю? Что же это значит? — не понял его адъютант. — Объясни мне свой варварский язык, свинья-собака!

— Эй! Ты просто зоологически запутался, невежда, — сказал Мэйфэйр. — Я не могу быть одновременно свиньей, обезьяной и собакой. Хотя я знаю одного гунна, который может. Хрю-хрю! Хрю-хрю! Хочешь знать, что это значит? Это то, что говорит свинья. По-моему, это звучит по-немецки. Хрю-хрю! Хрю-хрю!

— Ради всего святого! — застонал Ветчина.

— Хрю? Хрю! Я ваш старший офицер! — взвизгнул Генрих.

В комнату вошел сержант Шлейфштейн, несомненно, привлеченный этой суматохой. Он покачал головой в сторону Эндрю, предупреждая его, чтобы тот помолчал. Самому сержанту адъютант не нравился. А еще он любил слушать рассказы Обезьяна о его любовных похождениях в Бразилии, когда он работал в химической компании.

Мэйфэйр сжал губы и презрительно фыркнул адъютанту в лицо. Шизштаубе резко ударил его хлыстом по щеке, и он, взревев, схватил адъютанта одной рукой за шею. Другой рукой, теперь уже сжатой в кулак, он ударил Генриха в солнечное сплетение, и тот, уронив хлыст, согнулся пополам. Сержант Шлейфштейн протестующе крикнул и поднял винтовку. Остальные солдаты тоже щелкнули затворами своих.

Военнопленные замерли.

Шизштаубе резко развернулся и выпрямился, хотя и продолжал прижимать руки к солнечному сплетению. Его рот был открыт, лицо исказилось. Если бы Мэйфэйр не был так переполнен раскаленной добела яростью, он никогда бы не ударил человека, стоящего к нему спиной. Но теперь его правый кулак врезался в позвоночник Генриха на полпути между лопатками! Треск ломающихся позвонков был похож на щелканье хлыста. Адъютант упал ничком на пол.

После этого Шизштауб даже не пошевелился. Он вообще никогда больше не двигался.

Сержант ударил Обезьяна прикладом по голове, сбил его с ног и — всего на мгновение — вырубил. Затем Шлейфштейн опустился на колени и осмотрел офицера.

Эндрю застонал... открыл глаза... и начал вставать...

— Лежать, Мэйфэйр! Или я тебя пристрелю! — крикнул Шлейфштейн.

— Лучше делай, что он говорит, — сказал Док Обезьяну.

— На этот раз я действительно сделал это, не так ли? — заговорил дородный химик, глядя в потолок, своим обычным скрипучим голосом. Теперь его лицо было почти таким же белым, как у сержанта.

— Ты чертовски сумасшедший дурак, ты точно это сделал! — воскликнул Брукс.

Сэвидж взвесил шансы одолеть охранников...

...Но быстро решил, что сейчас не время действовать.

ГЛАВА XVIII

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ лагерь слишком часто окутывали облака — они тяжело нависали над ним, а дождь заливал постройки и души тех, кто был заключен в них, и тех, кто охранял заключенных. Но в этот день светило яркое и теплое солнце. Ближе к вечеру все еще стояла приятная июньская погода. Это был один из тех дней, что наполняют людей радостью жизни.

Вернувшийся из немецкой секции Ветчина Брукс выглядел так, словно он больше никогда не испытает никакой радости. Его голова была опущена, а плечи поникли. Он остановился, когда охранники распахнули ворота из колючей проволоки, и лишь после этого посмотрел на барак. Док Сэвидж, стоящий у окна, увидел, как на его лице отразилось горе.

— Плохая новость, — обратился он к Ренни и Длинному Тому, которые стояли рядом с ним.

— Я так и думал, — сказал Том.

— А что еще могло быть? — добавил Джон Ренвик, и слова, казалось, застряли у него в груди.

— Насколько я понимаю, Брукс чертовски хороший адвокат, — заметил Робертс. — Но это дело не мог бы выиграть и дьявол.

— Дело было открыто и закрыто, — кивнул Ренни.

Он поднял свой гигантский правый кулак, словно собираясь ударить им по оконной раме...

...Но потом опустил его.

Все трое вышли на улицу, чтобы поприветствовать Теодора. Калитка за ним закрылась, и он медленно побрел к ним. Они поспешили ему навстречу, как и многие другие заключенные.

— Не помогло? — спросил Док, остановившись рядом с ним.

По щекам юриста катились слезы. Он покачал головой:

— Это было безнадежно с самого начала. Я сделал все, что мог, и они меня выслушали. Ничего несправедливого, все законно. Как и положено военному трибуналу. Другого вердикта быть не могло. Полковник Дантрит тоже там был. Я думаю, он скоро придет. Он поддержал меня.

— И?.. — перебил его Длинный Том.

— Его расстреляют на рассвете! И я думаю, нам всем придется стоять и смотреть на это. Черт бы его побрал! Зачем он это сделал?!

— А сам он как? — спросил Ренни.

— Держится вызывающе. Как всегда. Он рассказал немцам, как Шизштаубе ударил его. Но это никого не разжалобило. Слишком много свидетелей показали, что Обезьян спровоцировал Шизштаубе.

— Но Шизштаубе ударил его первым! — воскликнул Робертс.

— Это не оправдание. Только не в их глазах.

— А где сегодня Обезьян будет содержаться? — спросил Кларк. — В одиночке в нашей части лагеря или в бараке в немецкой части?

— В немецкой, — бесцветным голосом ответил Ветчина. — Его вывели через заднюю дверь в соседний оружейный склад. Фон Гессель приказал заковать его в кандалы.

Сэвидж жестом приказал своим четверым соотечественникам отойти на некоторое расстояние от остальных военнопленных, и когда они это сделали, тихо заговорил с ними:

— Теперь, когда мы точно знаем, где находится Обезьян, нам не придется искать его в первую очередь. Мы можем пойти прямо в немецкую постройку, чтобы спасти его.

— Что?! — ахнул Ренни.

Теодор улыбнулся, и его глаза — такие тусклые раньше — снова стали яркими.

— Вот теперь ты дело говоришь!

— Я полностью за это, — сказал Длинный Том, нахмурившись. — Но как, черт возьми, мы это сделаем?

Док не стал говорить друзьям, что их побег, как он надеялся, был бы хорошо спланирован и хорошо организован, если бы не Обезьян, который — в самом прямом смысле слова — бросил в работающий механизм разводной ключ. Но

Мэйфэйр не должен был быть привязанным к столбу и расстрелянным, если у его друзей была возможность предотвратить это. Конечно, они могли погибнуть, пытаясь освободить его. Шансы были очень даже против них. Но если будет так, то пусть так и будет!

Док указал на множество заключенных во дворе. Они стояли большими группами, разговаривая и размахивая руками. Некоторые голоса были громкими и сердитыми.

— Они очень расстроены этим, — сказал юноша. — Они ненавидели Шизштаубе. Многие из них считают, что Обезьян — великий человек. Даже если он иногда бывает несносным. Кроме того, они — сливки из сливок беглецов. Неисправимые. Они очень расстроены, потому что это место кажется защищенным от прорыва. Они будут готовы попробовать что-то отчаянное.

С минуту Кларк молчал. Его лицо оставалось бесстрастным, но мысли молодого человека были подобны кипящему грозовому облаку. Хотя при этом они оставались отлично организованными.

Док Сэвидж заглянул за забор из колючей проволоки. Полковник Ангус Дантрит был в нескольких шагах от здания, в котором прошел военно-полевой суд. С ним был француз — капитан Довиль, его помощник. Дантрит выглядел очень грустным. Даже его густые усы обвисли, словно от горя. Но он все еще задумчиво хмурился, и его зубы сверкали в свирепой гримасе.

— Мы с тобой, Ветчина, — сказал Док, — отведем полковника и капитана в сторонку. Может быть, если все мы будем действовать сообща, то сможем совершить массовый побег.

— Дантрит довольно консервативен, — возразил Брукс. — Он может поставить крест на всем этом деле.

— Довиль поможет нам уговорить его на это. Но сначала мы должны проверить Мердстоуна.

— У нас не так уж много времени, чтобы выяснить, шпион он или нет, — заметил Длинный Том.

— Пойди и пригласи его пойти с нами, чтобы посовещаться с Дантритом, — сказал Кларк.

Ренни изумленно уставился на него:

— Святая корова! Это все равно что пригласить лису выступить перед куриным парламентом!

Док посмотрел на свои наручные часы...

...И тут раздался — слабый и далекий — свисток паровоза. Поезд, приходящий в лагерь каждое второе воскресенье, должен был и теперь прибыть точно по расписанию, как и положено всем немецким поездам. Ворота закрылись за Длинным Томом Робертсом. Люди столпились вокруг него, закрывая его от взгляда Дока Сэвиджа.

Том увидел Мердстоуна, стоявшего у дверей барака. Он курил сигарету и слегка улыбался. Похоже, его совершенно не волновала судьба Мэйфэйра. Однако, подумал Сэвидж, это вовсе не означало, что он шпион. Они с Обезьяном ладили друг с другом, как кобра с мангустом.

Потом Док снова посмотрел за колючую проволоку. Теперь локомотив уже миновал край обрыва. Пронзительно свистя и звеня в колокол, шипя и выпуская клубы черного дыма, паровоз замедлил ход и остановился. Он встал так, чтобы первый грузовой вагон позади него оказался рядом с разгрузочной платформой. Солдаты распахнули двери и начали вытаскивать из этого вагона коробки и пакеты. Обычно для выполнения тяжелой работы привлекались некоторые военнопленные, но сегодня немцы действовали осторожно. Они собирались держать пленников за оградой до тех пор, пока Мэйфэйр не будет расстрелян.

Кларк посмотрел на русскую часть лагеря. Сотни изможденных и оборванных людей собрались так близко к забору, насколько им было это позволено. Может быть, они слышали о завтрашней казни, и им стало любопытно? Или они просто ждали, когда поезд придет в их лагерь и привезет еду и припасы? Сэвидж хотел бы, чтобы это могло вовлечь русских в какое-нибудь восстание, но теперь было уже слишком поздно это организовывать.

Среди грузов, привезенных в тот день, должны были быть посылки для военнопленных. Все они были тщательно проверены работниками имперской почты, прежде чем их отправили дальше. Пакеты разбирались на части, а затем исследовались и протыкались в поисках скрытых компасов, карт, кусачек для проволоки, напильников, пилок и других контрабандных материалов. Каблуки обуви тоже проверялись на наличие скрытых инструментов, подкладка одежды

ощупывалась, и если под ней что-то обнаруживалось, разрывалась. Но фон Гесселя это не удовлетворило. Он приказал своим солдатам провести еще один тщательный осмотр, а затем посылки были доставлены на другую сторону десятифутового забора из колючей проволоки.

Сам барон как раз появился на платформе. Высокий и красивый, с коротко подстриженными усами и ястребиным носом, внушительно выглядывающим из-под офицерской фуражки. Он направлялся в свою лабораторию и улыбался — так, словно это не он только что помог приговорить человека к смерти. За ним появилась графиня Идивзад, Лили Бугова, совершающая послеобеденный променад в красивом розовом платье и широкополой небесно-голубой шляпе и с розовым зонтиком в руках. Ее гигантский слуга с бородой Санта-Клауса держался позади нее. Она улыбнулась, хотя на этот раз военнопленные не свистели ей вслед.

Около погрузочной платформы Лили обернулась. Ее глаза, казалось, встретились с глазами Сэвиджа, и она, улыбнувшись еще шире, помахала рукой в розовой перчатке. Кларк не знал, здоровается ли она с ним или с кем-то еще. Эта дама должна была быть очень черствой, чтобы игнорировать его горе из-за Обезьяна Мэйфэйра.

Внезапно Док понял, что помахала она все-таки ему. Зэд — его желтые зубы влажно блеснули — тоже махал ему рукой. В этом не было никаких сомнений. Сэвидж отвернулся от них.

Длинный Том увел Дантрита, Довиля и Мердстоуна подальше от остальных. Некоторое время они стояли в дверях, и Робертс тыкал пальцем в Кларка, после чего он махнул ему и остальным рукой. Через минуту все они столпились в комнате полковника. Там они больше спорили, чем совещались. Довиль, чья свирепость напомнила Сэвиджу о его летном командире де Сладе, был только за то, чтобы вырваться на свободу как можно скорее. Мердстоун тоже был очень рад принять меры и оказался полезен, подсказывая, как именно достичь их цели. Его напряженное выражение лица, энергичные жесты и огромный, покрытый шрамами нос, подпрыгивающий вверх-вниз, как буй во время сильного шторма, говорили о его неподдельном энтузиазме. Если он был

шпионом, то был также и агентом-провокатором. Но он мог быть и искренен.

Теперь он говорил с чуть более сильным немецким произношением — возбуждение выдавало его происхождение. Остальные этого не замечали, но у них не было таких чувствительных ушей, как у Дока Сэвиджа. Как не было и полученных им уроков. Тем не менее это не было твердым доказательством того, что Мердстоун — или как там его звали по-настоящему — был стукачом.

Прошел целый час. Дантрит был готов выслушать все доводы и мольбы, но тем не менее не собирался сдаваться. Он считал, что массовая попытка прорыва приведет лишь к резне пленных. А у него была обязанность — следить за их безопасностью. Он был хранителем своей паствы и клялся, что не допустит, чтобы все его овцы были уничтожены ради одной из них.

Полковник, конечно, одобрил бы план, если бы у него были хоть какие-то шансы на успех. Но он не услышал ничего, что убедило бы его в том, что сейчас самое время для этого.

— Поверьте мне, джентльмены. Мне так же неприятно, как и вам, просто стоять и наблюдать за казнью Мэйфэйра. Но что еще мы можем сделать? — вздохнул он.

В этом Дантрит был прав. Он не мог приказать своим людям покончить с собой или благословить любое предприятие, которое подвергло бы их всех серьезной опасности. Нет, если проект казался обреченным. На какое-то мгновение Сэвидж решил, что придется устроить мятеж. Уже одно это говорило о его отчаянии. Схватить полковника, запереть его и взять дело в свои руки было бы противозаконно. И к тому же это привело бы к тому, что Кларка и его дружков отдали бы под трибунал, если бы им удалось вернуться в свои части. Их, как и Мэйфэйра поставят к стенке и расстреляют на рассвете, только расстрельная команда будет состоять из их соотечественников. Их уделом будет не только смерть, но и бесчестье — в отличие от Обезьяна, который, по крайней мере, умрет с честью. И даже если они не тронут полковника, а пойдут дальше сами, то попадут в военную тюрьму союзников на всю жизнь. Или, опять же, будут расстреляны.

После окончания совещания Док снова уединился в углу со своими разъяренными друзьями. Он объяснил им ситуацию, хотя они и сами прекрасно все это знали.

— Это неразумно, — сказал Кларк. — И это не по-солдатски. Но что бы ни делал кто-то другой, я не собираюсь сидеть сложа руки.

— Это не обязательно будет война одного человека, Док, — сказал Брукс.

Ренни, Джонни и Длинный Том, не колеблясь, заверили его, что все это время они были вместе и так будет и дальше.

— У меня есть еще как минимум три человека, которые присоединятся к нам, — сказал Ренвик. — Австралиец Битон. О'Брайен — ирландец, как вы понимаете. И Коэн из Бруклина — из французского иностранного легиона, воинственный Йид. Все они крутые парни.

— Приведите их сюда, — сказал Сэвидж, а потом обратился к Тому: — Как вы думаете, вы пока еще будете работать на генераторной установке?

— Не знаю, — ответил Робертс. — Я пойду к забору и спрошу, должен ли я явиться во вторую смену.

ВСКОРЕ ТОМ ВЕРНУЛСЯ.

— Шлейфштейн говорит, что все заключенные, назначенные на работу в германском отделении, за исключением разгружателей товарных вагонов, должны явиться, как обычно, — сообщил он.

— Хорошо, — кивнул Док. — Я скажу вам, что делать, прежде чем вы уйдете.

Он посмотрел в окно на поезд. Новых военнопленных на нем не привезли, но к грузовым вагонам был прицеплен один пассажирский. Вероятно, это могло означать только одно...

— Длинный Том, не спускайте глаз с Мердстоуна, — сказал Кларк. — Джонни может сменить вас перед тем, как вы пойдете на работу, чтобы вы могли получить свои инструкции.

Робертс потер руки. На этот раз с его лица исчезло кислое выражение.

— Отлично! Наконец-то! — улыбнулся он. — Шанс закоротить бошей!

Незадолго до вечерней переклички Сэвидж снова выглянул в окно. Он обрадовался, увидев, что на западе сгустились темные тучи, так как надеялся, что сегодня ночью они принесут дождь. Чем раньше, тем лучше. Кларк также увидел барона и эскорт из шести солдат, ожидавших у ворот русской части. Все вместе они пошли в лазарет.

В столовой повисла напряженная атмосфера. Все присутствующие говорили вполголоса. Многие посмотрели в сторону стола, за которым сидели Док и его друзья, включая Битона, О'Брайена и Коэна. Дантрита за столом не было, а Довиль, обычно сидевший рядом с полковником, на этот раз ненадолго подошел к столу Сэвиджа.

— Я слышал — неважно от кого, — что ты и кое-кто еще замышляете нечто радикальное, — сказал он. — Я не спрашиваю, правда ли это. Но если это так, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам. Конечно, после того, как все начнется. Я не могу пойти против приказа полковника Дантрита. Но если все будет отдано в руки Бога, то кто я такой, чтобы противостоять ему?

— Спасибо, — ответил Кларк. — Человек предполагает, а Бог располагает.

— Английский поэт Александр Поуп был мудрым человеком, когда писал эти строки.

ВЕРНУВШИСЬ В БАРАК, Док лег и немного отдохнул. У него не было времени выполнить ни одно из своих упражнений. Уильям Литтлджон доложил, что Мердстоун пока не сделал ничего подозрительного. Дантрит же, казалось, не замечал, что бараки кипят от возбуждения. Он сидел у себя в кабинетике, дверь которого была открыта, пыхтел своей шиповниковой трубкой, глядя прямо перед собой, и время от времени глубоко вздыхал.

— Все солдаты ушли после переклички, — сказал Джонни. — В нашем лагере нет ни одного. Но вдоль колючей проволоки расположились множество людей. И собаки тоже вышли раньше обычного, они много скулят и лают. Должно быть, что-то почувствовали. Хотя, может быть, это из-за надвигающейся бури.

Сэвидж встал. Он видел яркие полосы молний в черных облаках. Над лагерем опускался густой туман. Если бы он сгустился, если бы прошлый опыт что-нибудь значил... Хотя обычно так оно и было.

— По крайней мере, мы хоть немного отдохнем от непогоды, — сказал Уильям.

Кларк покачал головой.

— Я не могу перестать думать об Обезьяне, который сидит в камере и ждет рассвета. — Док посмотрел на свои наручные часы. — А где Мердстоун?

— В комнате полковника — мы играли в бридж с ним, майором Уэллсом и Довилем.

— Если кто-нибудь заметит, что меня нет, особенно Мердстоун и Дантрит, отвлеките их как-нибудь.

Литтлджон ухмыльнулся:

— А как насчет того, чтобы стукнуть их по голове?

— Чего бы это ни стоило.

Джонни открыл рот, как будто хотел еще что-то сказать...

...А потом закрыл его и ушел. Сэвидж не был в этом уверен, но ему показалось, что глаза этого тощего человека затуманились. Обезьяна Мэйфэйра могли убить, и Джонни Литтлджон горевал об этом.

Однако это горе не лишило его способности действовать.

ТУМАН ПРИЖИМАЛ К окнам свои темные мокрые руки. Впервые за много недель в лагере включили дуговые лампы. Очевидно, фон Гессель считал, что ситуация требует каждого источника света, который можно было бы зажечь. Об экономии на угле в этот день было забыто. Но дополнительный свет не слишком помогал.

Теперь Сэвидж не видел ни колючей проволоки, ни солдат вдоль нее. То тут, то там вспыхивали крохотные огоньки, и время от времени лагерь озаряли более крупные вспышки. Это были масляные лампы, установленные рядом с линией войск, и электрический фонарь, включаемый время от времени. Зондирующие прожекторы тоже больше не были видны, за исключением тех случаев, когда луч проходил около забора. Отблески прожекторов были

похожи на блестящих призраков, которые ничего не могли осветить.

Кларк подошел к задней стене дома, медленно, чтобы избежать шума поднял окно и высунулся наружу. Там не было ни огней, ни движущихся фигур, ни голосов. Путь был свободен до самого подножия холма, если бы юноша захотел отправиться туда. И если бы Мэйфэйр не был таким вспыльчивым, он сбежал бы сегодня вместе с остальными.

Но нет. Этой ночью никакого прорыва не будет. Для этого еще не были созданы условия. Желающие сбежать пока подождут.

Сэвидж закрыл окно. В тусклом свете всего пары ламп в огромной комнате он вернулся к своей кровати. Его ждали Ренвик, Литтлджон, Битон, О'Брайен, Коэн и еще несколько человек, одним из которых был бельгийский пехотный капитан Кочон. Он играл в бридж с Дантритом, когда постоянные соперники полковника отсутствовали. Кларк не любил этого солдафона. Капитан всегда строго следовал военному уставу и считал, что столб для битья — достойное наказание за малейшее пренебрежение или проступок со стороны кого-либо, кроме назначившего это наказание офицера. Два других бельгийца в лагере называли Кочона Кошоном, что по-французски означает «свинья».

Ренни приглушил свой громовой голос и огляделся.

— У меня есть еще несколько человек для этого дела. Они просто ждут команды.

— Я дам вам достаточно времени, чтобы подготовиться, — кивнул Док. — Спасибо, что вызвались помочь. Если вы знаете кого-то еще, кому действительно можете доверять, пожалуйста, приведите их сюда в ближайшее время для совещания. То есть для предварительного инструктажа.

У некоторых из товарищей Ренни, очевидно, были вопросы, которые они хотели бы озвучить, но Сэвидж не стал отвечать на них. Рядом с ним остались большой инженер и тощий, как жердь, ученый. Как только остальные оказались вне пределов слышимости, Док заговорил:

— Капитан Кочон? Никогда бы не подумал, что он способен пойти против приказа Дантрита.

— Я бы тоже в это не поверил, — сказал Ренвик. — Но он каким-то образом узнал о том, что происходит. Он подошел ко мне и спросил об этом. Поначалу я ничего не понимал — он же такой приверженец правильного военного поведения. Но у него чертовски хороший послужной список побегов. И он ненавидит немцев за то, что они сделали с его страной. Он сказал, что это долг каждого военнопленного — бежать. Это, по его словам, отменяет авторитет высшего офицера. — Джон поднял свои огромные руки и пожал плечами. — Так что мне оставалось делать? Он уже знал, что какой-то замысел побега носится в воздухе.

— Может быть, ему и можно доверять, — протянул Кларк, — но... я не знаю. Вот что я вам скажу... понаблюдайте за ним немного.

Он хотел сказать, что если Кочону все-таки не стоило доверять, ущерб их делу все равно уже был нанесен. Да и по выражению лица Ренни было видно, что он сожалеет, что взял с собой капитана.

— Если он все-таки окажется кислым лимоном, — сказал Джон, — я сам себя вышвырну отсюда в Берлин.

— Наверное, мы слишком осторожны, — произнес Док.

— Ага. Кто бы тут не сошел с ума от подозрительности! — воскликнул инженер. — Я человек действия! Эта жизнь медленно сводит меня с ума. А может быть, и не так медленно. Если что-то не изменится в ближайшее время, я сам это сделаю. В любом случае я пробью кулаками несколько дверей. Не то чтобы эти двери были каким-то вызовом.

И он поспешил вслед за бельгийцем.

— Джонни, — сказал Док Сэвидж, — я попросил доктора Кофферна прислать мне новые сапоги. Они могут быть в той партии, которую привезут сегодня поездом. Если они вообще там есть. Но я не могу ждать их до завтра. У вас есть дополнительная пара, которая пришла с последней партией Красного Креста. Можно мне их у вас одолжить? Пока мы так или иначе не вернемся на фронт.

— Конечно, — кивнул Уильям. — Хорошо, что мы одного размера, а?

Литтлджон не стал спрашивать, зачем Кларку понадобились эти сапоги. Теперь он уже знал, что Сэвидж не ответит

ни на один вопрос, пока не сочтет это нужным. Это была его позиция — один из дюжины его «пунктиков» — которые его пятеро друзей уважали. Позже всегда оказывалось, что у него были веские причины держать некоторые сведения при себе. Но это все равно иногда раздражало или расстраивало их. Особенно это огорчало Мэйфэйра.

Джонни, которому в этот день больше не нужно было работать, порылся в своей спортивной сумке и протянул Доку сапоги тринадцатого размера. Кларк примерил и одежду Джонни и обнаружил, что она почти идеально ему подходит. Он расстегнул рубашку и начал расстегивать кальсоны, а потом извлек из-под полоски ткани, обвязанной вокруг его талии, маленькие отвертку и молоток, которые продал ему Ганс Кордтц. Они обошлись Сэвиджу в приличную сумму, включая взятку охраннику, который обыскивал Кордтца, когда тот вернулся из отпуска.

Потом Кларк оторвал каблуки своих сапог и вытащил из них гвозди.

— Их, должно быть, осматривали в почтовом центре, а потом здесь, — сказал Джонни. — Они же не обычные?

— Именно что обычные, — сказал Док. — Только битком набиты кое-чем твердым. Их содержимое выглядит как резина.

Он достал из своей спортивной сумки полотенце для рук, которое получил с последней посылкой, обернув его вокруг себя под полосой такни, и застегнулся на все пуговицы. Затем он достал из кармана брюк зажигалку. Глаза Джонни широко раскрылись. Кларк Сэвидж не курил — зачем же он носил ее с собой?

Юноша вытащил из зажигалки половину ее заряда и щелкнул кремнем. Вверх взметнулся язык пламени, и Док, как будто бы удовлетворенный тем, что она все еще работает, положил ее обратно в карман. Уильям никогда не видел зажигалки со скользящим ветровым щитком.

— Нет ничего плохого в том, чтобы сказать вам сейчас, что мы, вероятно, не сможем пройти моим маршрутом вверх по утесу и через гору, — сказал Кларк. — Ситуация изменилась. К сожалению, наш тайник сейчас находится вон на том выступе. Вероятно, у нас не будет времени подняться и забрать его.

— У меня были сомнения насчет целесообразности использования этого маршрута, — сказал Джонни. — Мы вряд ли прошли бы им без жертв. Может быть, их было бы много, половина из нас или больше. А уж прыгая с этого выступа на крышу проходящего поезда... О боже!

— Возможно, нам еще придется это сделать, — заметил Сэвидж.

— О, я вовсе не имел в виду, что не попробую! — заявил его друг.

— Я никогда в этом не сомневался.

«Все эти планы, — подумал Док, — и все эти приспособления, спрятанные в моей униформе... А теперь нам приходится импровизировать практически голыми руками. Ну что ж, может быть, так оно и лучше». Он положил каблуки в карман, а затем достал из спортивной сумки несколько предметов. Один из них оказался машинкой для стрижки ногтей на ногах, которую он купил в столовой. Она была тяжелой и достаточно острой, чтобы перерезать колючую проволоку, и юноша знал это. Однажды дождливой ночью он попробовал это сделать.

Кстати, о дожде: морось прекратилась. Ветчина Брукс, стоявший у открытого окна, подозвал его к себе.

— Док, — сказал он, — поезд отправляется только утром. Но я слышу шипение пара и грохот колес.

Сэвидж внимательно прислушался. Ветчина был прав. Звуки были слабыми на таком расстоянии и приглушенными туманом, но безошибочно узнаваемыми. Судя по всему, товарные вагоны были загружены как с этой стороны, так и с российской, и теперь локомотив двигался. Затем раздался предупреждающий звонок двигателя. Состав шел задним ходом. Но через минуту звуки прекратились. Поезд, должно быть, остановился на платформе со стороны лагеря союзников.

Док напряг слух еще сильнее, если такое вообще было возможно, и, наконец, смог различить шаркающий звук — пыхтение мотора. Поезд уже стоял наготове. Но для кого? И почему? Когда он снова начнет катиться? В ближайшее время? Или утром?

Кларк уже собрался позвать Ренвика и остальных, когда услышал громкий рев инженера. Он повернулся как раз в

тот момент, когда Ренни ворвался в холл. Остановившись, он помахал юноше рукой:

— Пойдем скорее! Весь ад вырвался на свободу!

ГЛАВА XIX

ДОК СЭВИДЖ ВСКОЧИЛ с кровати, на которой в тот момент сидел, как будто в него выстрелили из лука. Ренни, не дожидаясь его, повернулся и пошел по коридору направо. Идти, как оказалось, было совсем не далеко.

Кабинет Дантрита находился в конце коридора между стенами двух больших общих комнат. Несколько человек столпились вокруг него и начали кричать. Кларк не мог видеть, что они делают, но внезапно почувствовал запах дыма. Другие заключенные высыпали из двух больших комнат в коридор. Джон Ренвик расталкивал тех, кто стоял у двери, и Док нырнул в созданный им проход. Ему пришлось оттолкнуть локтем нескольких человек.

Кто-то их пленных пытался сломать дверь, пиная ее ногой. Это была единственная дверь в здании, которую можно было запереть, и из щелей между нею и косяком просачивался дым. Ренни оттащил человека, пытавшегося ее выломать.

— Отойди назад! — взревел он, а как только к нему подошел Кларк, ударил кулаком по панели. — Там Кочон, Мердстоун и Дантрит, — сказал он, заглянув внутрь.

Дым окутал его голову, и он закашлялся. За плотными черными облаками в комнате виднелись вспышки пламени. Ренвик повернул замок изнутри и распахнул дверь — и в дверной проем ворвался горячий воздух. Джон сделал шаг назад.

— Я слышал крики, — сказал он. — Кто-то сильно ударил в дверь, а потом что-то разбилось. Там был выстрел!

Док прошел мимо него, подняв руку, чтобы прикрыть лицо. От дыма он закашлялся, и у него защипало глаза. Один угол комнаты был охвачен пламенем, но из-за дыма ему было трудно что-либо разглядеть. А потом его отбросило назад, когда из облака кто-то выскочил! И Сэвидж, и этот человек отшатнулись в сторону двери. Док столкнулся с Ренни и лишь после этого понял, что Бенедикт Мердстоун ударил его.

Потом Мердстоун снова прыгнул на юношу. Из пореза у него над глазами текла кровь, и возможно, из-за нее он ничего не видел. На его пиджаке спереди тоже расплылось большое кровавое пятном, его штаны дымились, а одно ухо почернело от огня. В одной руке он держал револьвер, а в другой — длинный нож. Док мельком увидел полковника, лежащего на полу лицом вверх. Он горел, как на погребальном костре.

Рядом с ним, протянув руку, поджаривающуюся в пылающей луже — это было масло из разбитой лампы — лежал лицом вниз еще один человек. Кларк понял, что это Кочон.

Сэвидж осознал все это в тот момент, когда он пригнулся, потому что Мердстоун поднял револьвер и начал кричать. А затем он дважды выстрелил. Мимо уха Кларк просвистела пуля!

— Меня ранило! — закричал кто-то позади него. Голос был совсем не похож на Ренни Ренвика, но Док не был уверен, что это не он.

С окровавленным и перекошенным лицом Бенедикт выскочил в коридор. Его рука с ножом замахнулась на Сэвиджа, а револьвер снова грохнул, наполовину оглушив Дока. Люди позади него кричали и ругались, пытаясь убраться с линии огня и врезаясь друг в друга.

Кларк поймал запястье руки, державшей пистолет, и Мердстоун скривился. В тот же самый миг юноша схватил его руку, сжимающую нож, который все-таки слегка уколол его в грудь. А еще через мгновение Док наклонился вперед с такой силой, что острие ножа вошло в живот Бенедикта!

Револьвер со стуком упал на пол. Мердстоун отшатнулся назад и упал, выставив ноги в коридор. Сэвидж наклонился, чтобы схватить его за ноги, и мельком увидел сквозь пламя и дым шаткий старый шкаф, который немцы приспособили для кабинета Дантрита. Его дверцы, обычно запертые, теперь были открыты. В шкафу стоял коротковолновый радиоприемник, а рядом с ним лежали наушники.

Кларка затошнило от сомнений. Возможно, он ошибся и поступил с Мердстоуном несправедливо. Если так, то он был ужасно виноват перед этим человеком. Юноша отнес его в конец коридора и положил на пол. Над ним клубился дым.

Вокруг него толпились люди, и лейтенант крикнул им, чтобы они уступили ему место.

К своему облегчению, он увидел, что Ренни Ренвик не ранен. Инженер принес в большую комнату военнопленного, в которого попал Бенедикт. Глаза Мердстоуна были залиты кровью. Его рот был открыт, и он шевелил губами, но его голос был очень слаб. Как и его пульс. Его огромный нос — там, где он не был испачкан кровью — был очень бледен.

Теперь, стоя на коленях, Док Сэвидж наклонился и приложил ухо к губам Мердстоуна.

— Лейтенант Сэвидж слушает, капитан. Что случилось?

— Дантрит... предатель... или немецкий агент, — пробормотал Бенедикт. — А Кочон...

Док подождал несколько секунд, пока он продолжит. Но Мердстоун молчал.

— Кочон? — поторопил его Кларк,

— Пошел... доложить... тебе... и другим.

Из уголка рта Бенедикта сочилась кровь.

— Был Кочон или не был предателем или агентом? — спросил Док.

— Не знаю... никогда не узнаю. Кочон и полковник... спорили. Я постучал в дверь. Она была... заперта. Потом послышалась возня, удары. Кочон отпер дверь... ударил ножом... полковника.

Все вокруг загалдели, и Доку пришлось потребовать, чтобы они замолчали.

— Мердстоун? — позвал он, подождав еще несколько секунд.

— Я вошел... Кочон... он упал... радиоприемник... понял тогда... немецкий шпион...

— Кочон или Дантрит? — уточнил Кларк.

— Полковник... стукач. Кочон... должно быть... полковник ударил его ножом... я... мы боролись. Лампа упала, разбилась... огонь... зарезал меня... застрелил... убил... полковник... ничего не видел, думал, что он еще жив... напал... выстрелил, зарезал, достал меня. Или это кто-то еще?

Теперь Мердстоун говорил с большей силой в голосе. Док надеялся, что это хороший знак, но это, вероятно, был последний прилив жизненной силы непосредственно перед

смертью, последний протест жизни против ее прекращения.

Сэвидж не ответил на его вопрос. Крайне расстроенный, он боялся, что если признается в том, что нанес Бенедикту смертельную рану, то заплачет.

— Я думал, что вы немецкий шпион. У вас был немецкий акцент, хотя и очень слабый, — сказал юноша.

— Нет... я британский гражданин... родился в Бремене... десять лет... вырос олухом...

Кровь хлынула у Мердстоуна изо рта. Это был его последний ответ миру.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ уже была сформирована бригада борцов с огнем, вооруженных ведрами. Но ведер было слишком мало, а попытки потушить пламя, вероятно, были бы тщетны в любом случае.

Кларк Сэвидж встал. Он ошибся, он был введен в заблуждение и убил не того человека. Если бы он только обезоружил Мердстоуна, тот, вероятно, остался бы жив. Но ведь Док был так уверен!

Нет. Он должен был видеть, что этот человек ослеплен кровью и обезумел от страха, что полковник все еще жив и убьет его.

Тут ему вспомнились слова Хаджи Абду эль-Йезди, его персидского наставника-суфия:

— Мужчины похожи на тигров, полоски — их характерные черты. У тебя очень широкая полоса насилия. Ты должен ее сузить. Это правда, как вы, американцы, говорите, что леопард не может изменить своих пятен. Но люди — не леопарды. Во всяком случае, во многих отношениях — нет. Для твоего же блага и для блага других людей измени эту полоску. Если ты этого не сделаешь, то станешь таким же, как те, кого вы называете «злом».

СЕЙЧАС НЕ БЫЛО времени думать об этом. И не было времени горевать или упрекать себя в том, что он так сильно ошибся. Немцы скоро должны были заметить огонь, если уже не заметили, и начать наступление. Кроме того, имелись

сомнения в том, что полковник мог использовать радио, чтобы предупредить фон Гесселя о готовящемся прорыве. Кларк не думал, что Дантрит, или как там было его настоящее имя, сделал это. Но юноша не мог полностью на это рассчитывать. Он хотел бы восстановить события, приведшие к гибели этих трех человек, но понимал, что никогда не сможет этого сделать.

Он пошел туда, где Ренни Ренвик, как мог, помогал раненому заключенному. Заметив Дока, инженер поднялся.

— Боюсь, что бедняге конец, — сказал он. — Этот слизняк Мердстоун! Если он еще не умер, я убью его! Грязный шпион!

— Нет, — сказал Кларк. — Мердстоун невиновен. Я...

Он поперхнулся... А потом проглотил признание. На это не было времени.

— Дантрит был немецким агентом, — рассказал юноша. — Дантрит! А насчет Кочона я ничего не знаю. Но сейчас это уже не важно. У Дантрита в шкафу был спрятан радиоприемник. Послушайте! Я хочу, чтобы вы пошли в другой барак. Расскажите им о Дантрите. Попробуйте подстегнуть их, если они нуждаются в каком-либо поощрении. Скажите им, что мы собираемся устроить большой прорыв. Возьмите с собой Ветчину. И сделайте это быстро! А я пойду за Обезьяном.

— Что?! — прогремел Ренни. — Ты же не имеешь в виду...

Затем он резко захлопнул челюсти. Конечно же, Док имел в виду именно это!

— Давайте же! — велел ему Сэвидж.

Сам он побежал по коридору, держась поближе к шеренге людей, спотыкающихся в дыму — они уже отказались от попыток потушить огонь. Добравшись до того места, где лежал револьвер, Кларк опустился на пол и начал искать. Дым обжигал ему ноздри и глаза, и он закашлялся. Он шарил вокруг, пока не нащупал револьвер. Металл был слишком горячим, чтобы его можно было взять в руки: его лизали языки пламени. Если бы Док был хоть на фут ближе к нему, его опалило бы огнем.

Пригнувшись, Сэвидж побежал обратно по коридору. Заглянув в обе комнаты барака, он увидел, что люди торопливо укладывают свои вещи в мешки или коробки. Некоторые

уже с грохотом спускались по ступенькам, где им предстояло столкнуться с другими, покидающими обреченное место. Кларк присоединился к ним, но когда он добрался до первого этажа, ему пришлось сражаться с толпой, направлявшейся к входной двери. Наконец, он прорвался в одну из больших комнат. Там все еще были какие-то люди, не успевшие собрать все, что они хотели взять с собой.

Подойдя к заднему окну, Док проверил револьвер. Несмотря на то что Дантрит был немцем, он спрятал в своем шкафу британское оружие. Это был шестизарядный револьвер Марк VI 45-го калибра, выпущенный фирмой «Уэбли и Скотт». В цилиндре находились два не выстреливших патрона. Кларк разрядил стреляные гильзы и сунул оружие за пояс, а затем поднял окно и выполз наружу.

Стекло в окне комнаты Дантрита разлетелось от жара, и теперь пламя пожирало деревянную стену над ним. При таком освещении Сэвидж мог видеть немного лучше. Скулили и лаяли собаки, слегка заглушая разговоры военнопленных снаружи. Юноша предположил, что собаки и охранники все еще находятся по ту сторону забора. Вдали от огня все было погружено в темноту. Лампы, которые пленники вынесли наружу, горели очень тускло. Вскоре Кларк оказался за другим бараком. Он ничего не видел, но, держась одной рукой за его деревянный бок, сумел пройти мимо здания. Затем он медленно двинулся вперед, пока не добрался до канала для стока воды, прорезанного в камне рядом с утесом на северной границе лагеря.

Сэвидж последовал за струящимся ручейком, пока не врезался головой в колючую проволоку. Боль от нескольких уколов в лицо напомнила ему, что он забыл проверить степень повреждения, нанесенного ножом Мердстоуна. Он засунул руку под одежду и ощупал свою грудь. Острие вошло в грудину, но не очень глубоко. Судя по всему, кровотечение было несильным, хотя определить это было трудно. Нож, вероятно, остановился, когда ударился о кость. Впрочем, это не имело значения. У Дока не было ни света, ни времени, чтобы убедиться в этом.

После долгого и пристального разглядывания скалы возле водостока Кларк понял, что на нее нельзя было взобраться.

Он спустился в сточный канал и осторожно ощупал продолжение перегораживающего его забора.

Слева послышались лай собак и голоса людей. Некоторые из охранников кричали на военнопленных, но Сэвидж не мог разобрать слов. Он достал кусачки и принялся возиться с проволокой. Наконец, он отодвинул обрезанные концы и пролез в отверстие под главным забором, мгновенно промокнув до нитки.

Охранники, предположил Док, должны были выстроиться вдоль забора в пределах слышимости — раз уж видимости у них не было — от тех, кто находился по обе его стороны. Было бы логично отдать такой приказ, чтобы не дать военнопленным перелезть через забор или попытаться прорваться сквозь него напролом. Насколько Сэвидж мог судить, в непосредственной близости от него не было ни одного солдата. То ли их отозвали в лагерь, то ли никто не догадался расположить их у забора. Какова бы ни была ситуация, путь вперед для него, казалось, был ясен.

Тем временем суматоха в лагере превратилась в настоящий шум. Кларк напрягся, пытаясь увидеть свет, но не смог различить ни малейшего проблеска. Он продолжил ползти, время от времени слегка притормаживая, чтобы прислушаться. Рядом никого не было. А если кто-то и был, то он определенно молчал.

Примерно через сорок футов Сэвидж выбрался из канала. Он прикинул, что должен быть рядом с ближайшим к забору зданием. Медленно двигаясь с вытянутой перед собой рукой и в таком же густом тумане, как всегда, но со светящимися над головой дуговыми лампами, Кларк, наконец, коснулся здания. Это был один из немецких бараков, и Док ощупью прошел вдоль него, заметив, что внутри нет света.

А затем он оказался в здании, где, как говорили, находилась камера Обезьяна Мэйфэйра.

ТЕПЕРЬ СЭВИДЖ ШЕЛ еще медленнее и осторожнее. Он не хотел, чтобы кто-нибудь из часовых услышал его шаги. Но, как оказалось, часовой был не в состоянии что-либо услышать. Лейтенант споткнулся о него и полетел вперед. Ему

удалось без особого шума выставить вперед руки и опереться на них.

Потом он на ощупь перебрался через тело часового и дотянулся до его еще теплого лица. Шлем охранника исчез, и когда Кларк двигал его головой, она резко поворачивалась в сторону. У этого немца была сломана шея. А еще его винтовка и штык тоже исчезли.

Кларк Сэвидж-младший не слишком любил ругаться. Но сейчас юноша сделал именно это.

— Как ему это удалось? — пробормотал он затем.

Нашарив дверь и дверную ручку, Док вошел в камеру — дверь двинулась внутрь от одного прикосновения, ее петли слегка скрипнули. Света в комнате не было. Мэйфэйр, должно быть, погасил все лампы и, возможно, взял одну из них с собой. Сэвидж решил, что у него нет времени на расследование. Если он найдет Эндрю, то узнает от него все подробности побега. Важно было то, что Обезьян освободился и теперь рыскал где-то поблизости. Но он все еще мог быть в наручниках.

Док прошел вдоль задней стены здания... обошел его сбоку... а затем вдоль фасада. Он должен был удовлетворить свое любопытство по поводу охранника у входа. Неужели Эндрю позаботился и о нем?

Да. Так оно и было. С этой стороны барака тоже никого не было — причем не было и мертвого тела. А это означало, что сбежавший пленник куда-то его утащил. Может быть, внутрь здания. Но Мэйфэйр вряд ли взял бы винтовку и штык этого часового, ведь у него уже была одна винтовка.

По крайней мере, он мог бы этого не делать — хотя предсказать действия этого человека никто никогда не мог!

Кларк открыл входную дверь и вошел внутрь. Он пошарил вокруг с минуту... а потом решил, что свет не будет представлять опасности. Воспользовавшись зажигалкой, молодой человек быстро нашел пропавшего второго охранника — тот лежал лицом вверх у стены. Зияющая рана сбоку на его шее показывала, куда Обезьян вонзил штык первого часового. Штык и винтовка второго все же исчезли — Мэйфэйр забрал их с собой.

Юноша прошел через эту комнату в следующую и нашел третьего немца. У него была сломана шея, а на полу рядом с ним лежали наручники и связка ключей на металлическом кольце. Каким-то образом Эндрю освободился и одолел единственного человека, оставшегося внутри здания, чтобы охранять его.

Док двинулся дальше наудачу. Он обязательно спросит Обезьяна, как все произошло, когда — или если — наткнется на него. Едва он вышел на улицу, как услышал выстрелы. Они, казалось, доносились из лагеря военнопленных, хотя лейтенант не мог определить их направление, находясь в темноте и в густом тумане. Он постоял немного, прислушиваясь. Слева от него бушевала драка. Охранники — хотя и вооруженные — были в невыгодном положении из-за отсутствия видимости. Кроме того, большинство из них были людьми среднего или даже пожилого возраста, которые никогда не участвовали в боевых действиях. А их противниками были молодые люди, которые сражались в битвах и которые к тому же были неисправимыми беглецами.

Вскоре крики, вопли, лай и вой усилились, как и выстрелы. К этому времени охранники, оставшиеся в бараках, и те, кто стоял на сторожевых башнях, наверняка уже тоже знали, что происходит. Но все они ничего не видели. Внезапно Сэвидж услышал, как быстро застучали по камню чьи-то сапоги. Их было очень много, а это означало, что там были немцы, посланные для подкрепления остальным. Казалось, они двигались довольно быстро.

Док остановился и подошел поближе к камню. Вскоре впереди появилась тусклая и колеблющаяся светящаяся линия, идущая под прямым углом к нему. Он предположил, что первый в шеренге немцев направлялся по канавке стока, которая вела к лагерю военнопленных.

Кларк пошел вперед, сильно согнувшись. В темно-сером свете канал казался широкой черной линией. Следуя по ней, молодой человек подошел к одному из многочисленных мостов, перекинутых через нее. Мост состоял из пяти досок, сколоченных вместе в большой квадрат. После того как Сэвидж пересек по нему канал, ему пришлось бежать — все еще почти согнувшись пополам — пока он не

догнал последнего немца в шеренге. Было так темно, что даже когда он оказался прямо позади этого солдата — так близко, что ему пришлось быть осторожным, чтобы не наступить ему на пятки — он все еще мог видеть только его призрачные очертания. В одной руке немец держал горящую керосиновую лампу, а в другой винтовку со штыком. Лампу он нес перед собой, раскачивая ее взад-вперед.

Кларк никак не мог одновременно схватить этого человека, его винтовку и светильник. Он понял, что ему придется позволить лампе — а возможно, и оружию — звякнуть о камень.

Так и случилось, когда он обхватил правой рукой шею немца и заглушил его крик. Никто из охранников не окликнул своего коллегу из тумана, чтобы спросить, что вызвало последовавший за этим шум. Лампа упала на бок и покатилась в туман. Док ударил солдата кулаком по почкам, и тот тут же обмяк, после чего юноша осторожно опустил его на камень. И тут очень тусклый свет фонаря внезапно превратился в пламя. Керосин выплеснулся наружу и загорелся.

Яркий свет позволил Кларку увидеть лицо его жертвы, когда он наклонялся к ней поближе. Под шлемом виднелись длинные, узкие и печальные черты лица Ганса Кордтца. Док тихо выругался. Он очень привязался к этому старику.

Лейтенант расстегнул его одежду, просунул под нее руку и уловил слабое сердцебиение. Это обрадовало Дока, хотя и поставило его перед проблемой, которую он должен был решить немедленно. Ему нужно было добить Кордтца, но он не мог этого сделать. Ему нравился этот немец, и кроме того, в этом просто не было необходимости. Однако он мог бы пожалеть, что пощадил Ганса, если бы тот пришел в себя. Было бы лучше, если бы он был временно искалечен и страдал от такой боли, что не смог бы броситься в бой.

Док сломал Кордтцу ногу, а потом, освободив его от лишних патронов, скатил его в канал. Затем он поднял его винтовку... проверил, готова ли она к стрельбе... и побежал так быстро, как только мог. Догнав последнего солдата в шеренге, он ударил его прикладом винтовки по затылку. Вероятно, этот удар сломал ему позвоночник.

После этого Кларк засунул в карманы еще несколько магазинов с патронами, скатил солдата в канал и поднял еще одну винтовку.

К этому времени фонари, отмечавшие линию вновь прибывших на борьбу с пленными, уже рассеялись. Но они все еще были довольно близко друг к другу. Немец, шедший впереди, выкрикивал команды, которые были почти неразличимой частью общего шума.

Док пошел вперед. Его целью был свет за пределами этой цепочки охранников. Когда он приблизился к забору, то увидел, что все бараки горят. Военнопленные подожгли их!

На фоне огня перед бараком, в котором жил Кларк, бесновалась толпа — люди бегали беспорядочными кругами, визжали и завывали, и их черные фигуры, казалось, штурмовали врата ада. Очевидно, первым отрядам немцев было приказано войти в лагерь, чтобы усмирить пленных. Их предводитель, должно быть, потерял голову, так как здравый смысл должен был подсказать ему держать своих людей по эту сторону забора. А вот подкрепление не присоединилось к этой борьбе. Вновь прибывшие собрались сразу за открытыми воротами — тот, кто ими командовал, похоже, никак не мог определиться. Он не мог приказать им стрелять в военнопленных. На таком расстоянии они могли различить отдельные «цели», но они не могли определить, были ли это «друзья» или «враги». Предводитель не решался бросить своих людей в эту суету. По-видимому, он решил, что если они останутся за воротами, то по крайней мере смогут расстрелять всех военнопленных, которые войдут туда. Пламя было достаточно ярким для этого.

Сэвидж начал стрелять в людей за воротами. Он выстрелил дважды, а затем побежал влево. Охранников, в которых он стрелял, стало видно хуже, но они все равно выглядели как мишени в виде человеческих силуэтов. Кларк выстрелил еще дважды. Пока что — четыре попадания.

Затем он оказался внизу, в стоковом канале. Солдаты бешено стреляли, но только одна пуля пролетела рядом с ним. Она чиркнула по краю канала и улетела в облако дыма позади Дока. Он тщательно прицелился и выстрелил

еще дважды — и вроде бы не промахнулся. После этого солдаты легли на каменный пол и снова начали стрелять.

После каждого выстрела Кларк немного продвигался вдоль канала. Он целился в сторону вспышек вражеских выстрелов, но никак не мог понять, попал ли в кого-нибудь из немцев. Еще несколько пуль пролетели совсем близко — одна отколола от каменного пола осколки, которые ужалили его в лицо. После этого юноша направил свой огонь на более легкие цели — на лампы. Они взорвались и разлились огненными лужами вокруг немцев.

Поняв, что их силуэты стали более отчетливыми, охранники, лежавшие на земле, вскочили и побежали в дым. Сэвидж выпускал одну пулю за другой, пока они не закончились, и попал по крайней мере три раза.

Внезапно наступила относительная тишина. А затем он услышал громкий голос Джона Ренвика:

— Док! Док! Ты там, Док?

— Я здесь, Ренни! — крикнул лейтенант. — Здесь, снаружи! У вас все под контролем?

— Ага! — прогремел Ренвик. — Те, кто не капут, сдались!

— Могу прийти другие! — крикнул Кларк. — Охранники из русского лагеря. Следите за ними!

Голос Ренни звучал все ближе:

— Я хочу поговорить с тобой, Док.

Используя голоса друг друга, как маяки, они вместе подошли к воротам. Большой инженер держал винтовку, штык которой был окровавлен.

— Обезьян где-то там устроил настоящий ад, — сказал Сэвидж. — Он освободился и сейчас идет на прорыв.

— Черт возьми! Это хорошая новость, — обрадовался Джон.

— Организуйте людей и приведите их к локомотиву, — сказал Док. — Я иду вперед, чтобы попытаться остановить его, если он еще не исчез. Я думаю, что фон Гессель собирался уехать сегодня вечером. Возможно, он уже улизнул. В любом случае надо позаботиться об охранниках на сторожевых башнях. Но сначала я должен сказать Длинному Тому, чтобы он остановил генераторы. И может быть, помочь ему сделать это. Он должен был вывести из

строя персонал генераторной установки, а затем, через два часа, разрушить динамомашины. Мы вроде как идем с опережением графика.

— Отсюда его не видно, — заметил Ренни. — Но дуговые лампы погасли пятнадцать минут назад. Наверное, Том решил, что все идет не по расписанию. Он сам понял, что надо сделать все раньше.

— Хороший человек! — ответил Кларк. — Теперь мы хотя бы не перестреляем друг друга в этом дыму. Или Обезьян нас не перестреляет.

Лейтенант прикрепил к винтовке еще один магазин и нырнул в темноту. Он пошел вдоль канала, который должен был привести его прямо к локомотиву. Однако сначала ему нужно было сделать кое-что, о чем юноша не сказал Ренни — перерезать телефонную линию. Хотя, возможно, для этого было уже слишком поздно.

Пройдя около десяти ярдов, Кларк пересек канал и направился к северной стороне окружавших его скал. Там у него было меньше шансов нарваться на подкрепление, а кроме того, следуя вдоль обрыва, он должен был прийти к телефонному столбу на углу обрыва и к железнодорожным путям. Добравшись до известнякового барьера, молодой человек повернул налево и пошел вдоль него, но остановился, когда увидел яркое сияние, пробивающееся сквозь туман. Он шагнул в ту сторону... и увидел, что это горит один из немецких бараков. Должно быть, его поджег Обезьян.

Сэвидж двинулся дальше и подошел к следующему бараку, который тоже пылал ярким пламенем. Этот Мэйфэйр был армией, состоящей из одного человека!

Следующий барак не просто горел. В нем еще и что-то взрывалось! Это была лаборатория фон Гесселя. Хранившиеся в ней химические вещества взрывались и вспыхивали красивыми разноцветными облаками. Но у Кларка не было времени наслаждаться этим эстетическим зрелищем. Он лишь надеялся, что все смертоносные бактерии и вирусы, которые, по его мнению, находились в мастерской дьявола, будут уничтожены.

Юноша направился в покои барона — большой двухэтажный дом, до которого Обезьян еще не добрался. Возможно, его

прервали или он придумал более удачную игру. Если бы у Дока не было очень срочных дел в другом месте, он не смог бы устоять перед своим любопытством и наверняка обыскал бы весь дом. Но там было темно, лампы не горели. Либо барон и графиня сбежали вместе со слугами, либо они затаились внутри. Но по мнению Сэвиджа, фон Гессель был не из тех, кто прячется в темноте.

Кларк двигался так быстро, как только мог. Его подстегивала ужасная мысль о том, что он может опоздать. Однако, подойдя к зданию, где располагались телефонная и телеграфная передающая аппаратура, он остановился. В этом здании не было никаких фонарей. И это казалось странным — ведь операторы должны были оставаться на своих постах до тех пор, пока им не приказывали уходить.

Док знал, что должен продолжать идти, но все-таки вошел в дом. Его зажигалка горела, и ее свет провел его сквозь окутанное тенями нутро этой постройки. Он прошел в одну из комнат и увидел в свете зажигалки солдата, склонившегося над ключом телеграфного передатчика. Другой человек в наушниках лежал на спине под телефонным коммутатором, а третий тоже растянулся лицом вверх в дверном проеме. Он был убит выстрелом в лоб, а остальных пронзили штыком. Все провода, соединяющие оборудование с проводами, натянутыми вдоль путей, были вырваны. Сэвидж хотел бы быть абсолютно уверенным в том, что их нельзя будет снова соединить в течение длительного времени, но он не мог остаться, чтобы проверить это. Тем не менее он все же собрал со столов бумаги, сложил их в углу и поджег — и только после этого ушел.

Выйдя из здания, Кларк снова услышал шум, который уже слышал, когда входил туда. Со стороны русского лагеря доносились голоса, к которым примешивался грохот пулеметов. Военнопленные там, должно быть, решили воспользоваться темнотой и битвой в лагере союзников и атаковали сторожевые башни. В той части лагеря у немцев не было ни прожекторов, ни дуговых ламп, при помощи которых они могли бы целиться, но и русские были безоружны — если только они не забрали винтовки у мертвых охранников. Но они собирались убить своих врагов, а потом сбежать. Им не-

чего было терять, кроме своих жизней — да к тому же они и так были обречены на гибель.

Внезапно Док услышал какой-то совсем слабый шорох — он был гораздо тише шума битвы. Лейтенант узнал в нем шипение пара, выпущенного остановившимся локомотивом. Поезд еще не уехал. Пока еще нет. Но это могло произойти в любую секунду. Сэвидж быстро повернул в сторону тумана, но сбавил скорость, когда ему показалось, что он приближается к сточному каналу. А затем он и правда увидел его темную полосу.

Теперь он побежал еще быстрее. Пригнувшись, чтобы не упустить канал из виду, он приблизился к тому месту, откуда совершенно отчетливо доносилось тяжелое дыхание. Юноша замедлил шаг, держа винтовку наготове, и внезапно услышал стук катящихся по рельсам железных колес и все учащающееся дыхание паровоза.

Отбросив осторожность, как он сбросил бы бесполезную ношу, Кларк побежал так быстро, как только мог!

ВЫСТРЕЛЫ, ПОХОЖИЕ НА приглушенные хлопки, доносились из дымового облака впереди. Сэвидж углубился в этот дым примерно на тридцать футов, упал головой вперед и сильно ударился обо что-то. Его рука налетела на камень с такой силой, что он выпустил винтовку, но потом он сумел встать на ноги и обернулся. Потом он стал прощупывать землю перед собой ногой и наткнулся на что-то. Что бы это ни было, оно застонало. Это был человек.

А затем знакомый скрипучий голос произнес:

— Сдохни! Сдохни, ты...

Док Сэвидж опустился на колени и щелкнул зажигалкой. Обезьян Мэйфэйр лежал с закрытыми глазами, и из внутренней части его левого бедра сочилась кровь. В то же время пыхтение и шипение поезда стали громче. Кларк почувствовал едкий запах угольного дыма и, взглянув вверх, увидел в воздухе что-то красное, удаляющееся от него вправо. Это был огонь из дымовой трубы паровоза.

Лейтенант быстро осмотрел рану Обезьяна, сознавая, что поезд с каждой секундой уносится от него все быстрее. Пуля

вошла в плоть очень близко к бедренной кости. Возможно, она задела эту кость, а может, и нет. Впрочем, кровоточащее отверстие на другой стороне ноги говорило о том, что пуля прошла навылет.

Эндрю мог умереть от потери крови. Однако если бы поезд ушел, его отъезд все равно мог обречь этого человека на смерть. Как и вообще всех военнопленных, оставшихся в лагере живыми. При этом Обезьян обладал огромной жизненной силой и мог вскоре получить помощь.

Это было, пожалуй, самое трудное решение, которое Кларку когда-либо приходилось принимать в своей юной жизни. Но множество жизней, находившихся в опасности, перевешивали одну.

Мэйфэйр одобрил бы его решение. По крайней мере, юноша надеялся, что он это сделает.

ОН ОТЛОЖИЛ ЗАЖИГАЛКУ и встал. Пошарил в тумане и быстро нашел винтовку. А потом побежал. И на бегу сразу же наткнулся на рельсы, после чего развернулся, чтобы помчаться по ним.

Фара локомотива не горела. Машинист не хотел предупреждать никого в лагере о том, что он уходит. В любом случае свет был бы полезен только для того, чтобы осветить то место, где стоял поезд. Паровоз стоял «лицом» к лагерю, и чтобы выехать из него, ему нужно было ехать задом наперед, толкая перед собой вагоны.

К последнему вагону, который теперь был первым, были прикреплены фары, так что машинист мог видеть рельсы впереди. Они включились, когда конец поезда проходил за углом утеса.

Хорошо, что этот свет поначалу не был включен, подумал Сэвидж. Иначе охранники на соседней сторожевой башне могли бы увидеть его. Он сомневался, что они разглядели бы нечто большее, чем его движущуюся фигуру, но они могли догадаться, что это был военнопленный. В таком случае сейчас они уже стреляли бы в него.

Даже теперь, когда он вовсю работал ногами, чтобы догнать локомотив, у него мелькнула мимолетная мысль.

Каблуки, которые он сорвал с сапог, были сделаны из смеси резины и взрывчатки, а полотенце, повязанное у него на животе под рубашкой, было пропитано зажигательными веществами, в том числе термитом. Если воспламенить этот порошок из алюминия и оксида железа, он будет выделять огромное количество тепла. Сэвидж планировал привязать каблуки к каждой из двух опор сторожевой башни, обернуть вокруг них полоски полотенца и взорвать опоры. Тогда башня рухнула бы, а находящиеся в ней охранники разлетелись бы вдребезги, как Шалтай-Болтай.

Пыхтение поезда стало громче, а красное свечение — ближе. Док ускорился, надеясь, что не споткнется о шпалы. Он миновал калитку из колючей проволоки, край которой двигался ему навстречу. Должно быть, кто-то откинул ее назад, чтобы закрыть, и теперь юноша едва избежал удара по ней плечом.

А потом позади него раздался крик! И выстрелы. Пуля пролетела достаточно близко, чтобы пронзить его ухо. Это было бы иронично, если бы его подстрелили именно сейчас... Боги любят устраивать такие финалы!

Но боги пощадили его. Пули больше не свистели рядом.

Еще одна неуместная мысль. А может быть, не такая уж и неуместная?

Кларк не верил ни в богов, ни в судьбу. Но во времена острого кризиса и опасности он обычно возвращался к изначальному эмоциональному состоянию человека. К состоянию старого дикаря каменного века, который поклонялся злым и добрым силам, огромным непонятным вещам. Часть его подсознания брала верх, пробуждалась древняя родовая память.

Молодой человек увидел переднюю часть локомотива. Тот был очень смутно очерчен непрямым, но ярким светом, идущим из топки в кабине. Дверца топки была открыта, чтобы угольщик мог заполнить ее целиком. Док вскочил на подножку — как это называется по-немецки? — и повис на торчащем над ней выступе, уцепившись за него одной рукой.

Ему потребовалась минута — может быть, чуть больше, — чтобы перекинуть винтовку через плечо и взобраться на

крышу локомотива, а затем, покачиваясь на подгибающихся ногах, попасть на крышу кабины. Жар, идущий от котла через железные пластины и подошвы его сапог, не располагал к медлительности. Он пролежал около десяти секунд на крыше кабины, внимательно прислушиваясь. Его винтовка была снята с плеча и готова к стрельбе, хотя в таком положении ему было бы очень неудобно скатываться с крыши.

Потом лейтенант вынул из кармана револьвер. В нем оставалось еще два патрона, однако там, внизу, вероятно, были не только машинист и кочегар. Кларку казалось, что в кабине были еще солдаты и что именно они стреляли в Обезьяна Мэйфэйра.

Он не слышал никаких голосов — если они вообще были — из-за шума двигателя и колес. За кабиной, угольным тендером впереди нее и крышами двух грузовых вагонов виднелись огни. Сэвидж был уверен, что этот свет идет из окон пассажирского вагона, в котором должны были находиться фон Гессель и его свита. Были ли на крышах вагонов солдаты, он не знал — если и были, их невозможно было разглядеть в темном тумане.

Юноша слегка подвинулся вперед. Лежа ничком и уткнувшись подбородком в крышу кабины, он увидел человека, который сгребал уголь в топку. Док подождал, пока этот парень зачерпнул большую лопату и отвернулся, чтобы пройти с ней несколько шагов, прежде чем бросить топливо в открытую пасть топки. Затем Кларк снова двинулся вперед и заглянул за край крыши.

ОН БЫЛ ГОТОВ к тому, что его заметят. Солдат-кочегар или еще два солдата, которые стояли внизу могли взглянуть вверх. Они заняли места по одному с каждой стороны кабины, высунувшись в пространство между нею и тендером, и оглядывались назад вдоль путей. Пустая трата времени, так как они не могли бы увидеть ничего, что находилось бы дальше трех футов от них.

Кларк подтянулся ближе к краю и наклонился вперед с револьвером в руке. Первая пуля попала в позвоночник одного из этих охранников рядом с шеей, следующая пронзила

горло второго. Оба молча упали на землю. У Сэвиджа не было времени засунуть револьвер обратно за пояс, и он бросил его на пол кабины, а затем скатился с ее крыши, высоко подняв винтовку одной рукой. Он приземлился на ноги и вскинул винтовку, закричав по-немецки, что машинист и угольщик должны «замерзнуть».

Лейтенант ожидал, что их парализует страхом и удивлением, но кочегар — крепкий молодой человек с одним глазом — был сделан из твердого материала и обладал быстрой реакцией. Он швырнул уголь лопатой в лицо Кларку, и тот, на мгновение ослепнув, отшатнулся назад. А потом они сцепились на куче угля в тендере. Его едкий запах обжигал ноздри.

Если бы у молодого угольщика хватило хладнокровия ударить Сэвиджа лопатой по голове, это могло бы положить конец драке. Но он выронил лопату и пытался задушить Дока. Хватка этого человека была очень сильной, а его искаженное лицо было совсем близко от лица Кларка. Зловоние его пота смешивалось с запахом угольной пыли.

Лейтенант прикусил его длинный нос и дернул головой, одновременно ударив его коленом между ног. Молодой крепыш с воплем упал на пол. Док же откатился в сторону и встал так быстро, как только мог. Машинист — на вид ему было около пятидесяти лет — отреагировал не так быстро, как его попутчик. Он, должно быть, был ошеломлен двумя выстрелами, а затем падением сверху большого человека, бронзовые волосы которого блестели в свете топки, рыжевато-золотистые глаза сверкали, а лицо было таким же пугающим, как у рычащей пантеры. Но как только машинист немного пришел в себя и воодушевился нападением угольщика, он покинул свой пост, схватил упавшую лопату... поднял ее... и с криком обрушил ее на американца.

Металл зазвенел, когда лопата ударила по поднятой винтовке Дока. Бронзововолосый юноша подскочил ближе к нему и поднял приклад винтовки вверх, ударив им машиниста под подбородок. Тот упал навзничь, и его голова оказалась так близко к топке, что волосы на ней начали дымиться прежде, чем Док успел оттащить его.

Тяжело дыша, Кларк велел машинисту встать и остановить поезд.

Только после этого он почувствовал во рту что-то мягкое и влажное.

И выплюнул кончик носа кочегара!

ГЛАВА XX

МАШИНИСТ НЕ ОБРАТИЛ на эту команду никакого внимания. Он не услышал Сэвиджа и еще некоторое время не слышал вообще ничего. Док велел молодому человеку, у которого теперь была только половина носа, встать и передвинуть рычаги управления, чтобы остановить локомотив. Но угольщик все еще испытывал слишком сильную боль, чтобы что-то делать, кроме как держать себя одной рукой за промежность, а другой за нос, стонать и ругаться. Кларк почувствовал жалость к нему и в то же время удивился самому себе. Он вовсе не собирался так яростно кусаться — его стремление к выживанию пересилило здравый смысл.

Несколько лет назад он получил часовой урок по управлению паровозом. И вот теперь, наблюдая одним глазом за двумя мужчинами на полу, он остановил поезд. Тормоза и колеса взвизгнули, когда он резко остановился.

Док перешагнул через трупы застреленных им солдат и снова посмотрел на рельсы. Впереди светился сквозь дым и туман яркий диск — это были огни сторожевого поста, мимо которого проходил поезд, направляясь в лагерь. Там находились ворота, которые должны были открыть охранники и которые могли быть разбиты, а также пулемет и ружья, чтобы не выпустить из лагеря беглецов. Этим Сэвиджу еще предстояло заняться позже.

В свете фонарей вагона было видно несколько голов, высунувшихся из окон. Из-за тумана они казались слишком размытыми, чтобы можно было разглядеть их лица. Несомненно, кто-нибудь обязательно должен был подняться наверх, чтобы выяснить, что же произошло.

Кларк ослабил длинный рычаг и запустил другой двигатель локомотива, направивший поезд обратно в лагерь.

Через несколько секунд машинист начал приходить в себя. Угольщик в это время осторожно дотрагивался до своего изуродованного носа, который слегка кровоточил, и с ненавистью смотрел на Сэвиджа.

Док снова бросил взгляд в окно. Фон Гессель, должно быть, уже понял, что здесь что-то не так. Он пошлет солдата — возможно, всех солдат, которые были с ним — чтобы выяснить, почему поезд возвращается в лагерь. Было бы невозможно бороться с ними и одновременно следить за двумя мужчинами в кабине.

Так что Кларк велел этим двоим прыгать.

— Сделайте это сейчас же! Никаких споров! — крикнул он. — Мы все еще идем медленно, вы не пострадаете. Я буду считать до трех. Не спрыгнете на счет «три» — пристрелю!

Док сидел на месте машиниста, держа на коленях винтовку со штыком. Неохотно, держась за кровоточащий кончик носа и обещая убить Сэвиджа, когда они встретятся в следующий раз, молодой угольщик спустился по ступенькам и спрыгнул в туман. Машинист последовал за ним.

Лейтенант сбросил с поезда трупы двух солдат, а затем сгреб уголь в топку и включил большую фару. Но это не очень помогло ему разглядеть следы впереди. Поезду оставалось совсем немного времени, чтобы добраться до лагеря. Вопрос был лишь в том, успеет ли он доехать туда раньше, чем к Кларку прибегут солдаты из пассажирского вагона. Юноша вошел в вагон для перевозки угля и вскарабкался на угольную кучу. Этот грузовой вагон, прикрепленный к тендеру, не имел дверей ни в одном конце. Войти в него можно было только через раздвижные двери по бокам, так что любой нападающий мог бы подобраться к Сэвиджу только по крыше грузового вагона. Но лейтенант не смог бы увидеть их, пока они не подойдут совсем близко. Он выключил электрическое освещение в кабине и закрыл дверцу топки, но сквозь щель в этой дверце все равно пробивался луч света от огня. То, что дверцу не заменили, свидетельствовало о нехватке средств в военное время. И в результате идущий от нее свет очертил бы силуэт Кларка в темноте и дал бы нападающим преимущество.

Если, конечно, они придут.

И они пришли! Док увидел неясные силуэты на крыше товарного вагона, появившиеся из тумана одновременно с ним. Он стал стрелять по ним из положения полулежа, так что видна была только его голова. Вспышки от выстрелов из его винтовки должны были выдать его местоположение, но с этим ничего нельзя было поделать. Три сделанных им выстрела, казалось, возымели действие. По крайней мере, фигуры солдат исчезли из виду. Пули ударили совсем рядом с Кларком, но с визгом отскочили от железного края угольного тендера.

Однако теперь Сэвиджу надо было добавить больше угля в топку. Иначе уменьшающийся огонь заставил бы воду в котле замедлить выработку пара, и поезд замедлил бы ход, а потом и вовсе остановился бы. Юноша высунулся в окно, уставился вперед и мрачно улыбнулся. Сквозь дым смутно пробивались огни. Дуговые лампы снова были включены, и это означало, что военнопленные одержали верх.

Внезапно из темноты раздались новые винтовочные выстрелы, и появились четыре фигуры. Они пошли в отчаянную атаку и не обращали внимания на потери. Одна из них была гораздо крупнее остальных. Сэвидж понял, что это был гигантский слуга графини Зэд, лишь когда всадил ему пулю в живот. Зэд повалился куда-то вбок и, вероятно, упал с поезда.

Пули отскакивали от металла перед Кларком и позади него. Одна из них разбила крупные куски угля рядом с его лицом. Осколки обожгли ему кожу и на мгновение ослепили правый глаз, но эта временная потеря не помешала ему выстрелить.

Еще один человек упал. А потом еще один.

Четвертый нападающий пролетел через пространство между грузовым вагоном и тендером, держа перед собой винтовку, штык которой тускло блеснул в свете топки. Выстрелив в последний раз, Сэвидж отошел в сторону. Теперь он сделал выпад вверх и пронзил левое бедро летящего на него человека. Тот продолжил двигаться вперед, но поскользнулся на сыпучих углях и упал в них лицом. Штык при этом вырвался из его ноги, но Док уже вскочил, готовый бороться дальше. Правда, он тоже поскользнулся и упал, как

только полностью встал. Но падая, он вонзил свой штык в шею уткнувшегося в уголь мужчины сбоку и пробил ее насквозь, после чего снова вскочил, выдернул клинок и резко повернулся.

Больше в темно-сером тумане не было видно ни людей, ни вспышек пистолетных выстрелов.

КЛАРК УЖЕ СОБИРАЛСЯ рискнуть и открыть дверцу топки, чтобы подбросить туда побольше угля, когда из тумана донесся голос. Этот голос произнес одну фразу по-английски, а потом повторил ее по-французски:

— У меня есть предложение, кем бы вы ни были.

Это был голос фон Гесселя, и в нем не было слышно отчаяния. Его интонации были холодными и подчеркнутыми кривым весельем.

— Вы англичанин или француз? — спросил барон.

— Говори по-французски, — ответил Док, стараясь, чтобы его глубокий голос звучал выше. Любая мелочь, которую он мог сделать, чтобы ввести Гесселя в заблуждение, пошла бы ему на пользу.

— У меня есть предложение, кем бы вы ни были, — еще раз повторил барон. — Езжайте на этом поезде до Фишхорна и высадите там меня и остальных. После этого можете делать с поездом все, что пожелаете. Я могу сделать вас очень богатым. Вам больше никогда не придется ни о чем беспокоиться. — Фон Гессель усмехнулся и продолжил: — Ну, разве что я не смогу избавить вас от болезни, смерти или вашей собственной глупости.

— Никакой сделки, барон! — отозвался Сэвидж. — Ты заплатишь за свои преступления! Я знаю о твоих экспериментах над русскими. О твоих усилиях создать новую разрушительную болезнь и сделать против нее вакцину! Ты — зло, барон фон Гессель. И ты умрешь за свои преступления!

На несколько секунд воцарилась тишина.

Затем Гессель заговорил снова, но на этот раз по-английски:

— Вы на мгновение застали меня врасплох, лейтенант Кларк Сэвидж-младший, будущий Супермен. Но я должен

был догадаться, что это вы. Кто еще мог вызвать весь этот хаос и разрушения и устроить это успешное восстание? Я недооценил вас, мой прекрасный американский друг.

— Нет у вас никакого друга! — крикнул Сэвидж.

Он быстро огляделся по сторонам, но по большей части смотрел прямо перед собой. То, что барон, казалось, хотел вести переговоры, вовсе не обязательно означало, что он не замышлял какой-то подвох.

— Я могу сделать вас очень богатым, лейтенант, — снова предложил Гессель.

Он напоминал Кларку тигра. Однако, подумал юноша, есть несколько способов освежевать кошку, маленькую или большую. А тигр — это просто большая кошка.

Поезд, двигавшийся все медленнее на совсем слабых выхлопах пара, остановился. Он продолжал сипеть, шипеть и тяжело дышать, как усталый монстр, у которого закончилась энергия. Сэвидж удивился, что небольшой уклон железной дороги вниз не тянет состав обратно, прочь от лагеря. Но локомотив, как будто у него был свой собственный разум, не сдвинулся больше ни на дюйм. Тем не менее, Кларк нажал на тормоз.

Прислонив винтовку к стене кабины, он открыл дверцу топки и с силой ударил ею по котлу, а потом схватил лопату и принялся скрести ею по мягкому полу. Барон должен был подумать — Док на это надеялся! — что его противник собирается подбросить в топку еще угля, а значит, что он не сможет держать в руках оружие в течение нескольких секунд. Это должно было привлечь туда фон Гесселя — а иначе американец вообще ничего не смог бы с ним сделать.

Внезапный красноватый свет из топки показал ему две вещи. Одна из них заключалась в том, что на склоне утеса в шести футах от железной дороги был выступ. Это должен был быть тот самый выступ, который Док нашел, когда поднялся на гору позади лагеря и перешел на другую сторону. Этот выступ находился на той же высоте над землей и был таким же широким и длинным. Опасное восхождение Кларка не было, как он думал раньше, напрасным.

А второе открытие сразу же заставило юношу забыть о выступе. Он увидел пару рук в кожаных перчатках, которые

двигались вдоль верхней части нежной стены. Пока барон пытался отвлечь его разговором, какой-то солдат — а может быть, и сам барон — крался вдоль стены тендера, цепляясь за ее верхнюю часть. Он скользил по ней руками и болтал ногами, стараясь быть достаточно тихим и незаметным, чтобы добраться до кабины, пока американец сосредоточенно обдумывал предложения Гесселя.

Этот солдат — или сам барон — должно быть, понял, что свет из топки, пусть и не очень яркий в тот момент, высветил его руки. Следовательно, у него был выбор: упасть на рельсы и бежать со всех ног или попытаться застрелить своего врага. Этот человек был либо очень храбр, либо безрассуден. И в любом случае, очень силен. Одной рукой он подтянулся так, чтобы его голова торчала над верхней частью стены тендера, а в другой у него был автоматический пистолет.

К тому времени американец уже вскочил на тендер — его ноги скользили по сыпучим углям, а руки хватали со стены винтовку. Прежде чем солдат успел поднять свое оружие, его голова дернулась назад — приклад винтовки ударил его между глаз. Не издав ни единого крика, он рухнул назад, а его пистолет со стуком упал на щебень. Через долю секунды его шлем тоже слегка звякнул о землю, заглушая глухой стук тела.

Сэвидж резко обернулся, теперь уже держа винтовку одной рукой — другой он захлопнул дверцу топки. Потом юноша снова повернулся и уставился в туман. Он больше не слышал звука шагов и не видел смутной фигуры, выглядывавшей из темноты. Док подошел к другой стороне кабины и попытался разглядеть что-нибудь там, но тоже ничего не увидел.

И наконец, снова послышался насмешливый голос фон Гесселя. Он звучал тихо, и понять, откуда он доносился, не представлялось возможным.

— Очень хороший трюк, мой очень молодой, но очень умный друг! — сказал барон. — Вы надеялись заманить меня в ловушку, чтобы я набросился на вас с оружием в руках, как это делают ковбои в ваших западных кинотеатрах. И вы потерпели неудачу. Но тогда я тоже потерпел неудачу с моим маленьким развлечением. Пока что счет сравнялся.

«Барон должен быть достаточно близко, чтобы разглядеть убитого солдата, как бы смутно он его ни видел, — подумал Сэвидж.

Для этого Гессель должен был быть на той стороне, откуда солдат пришел...

...если только он не находился на крыше грузового вагона сразу за тендером.

Пригнувшись, Кларк подошел к противоположной стороне кабины. Он остался стоять за стальной стеной рядом с входом, но частично высунул наружу голову.

— Что вы скажете на мое предложение? — спросил фон Гессель.

Его голос, казалось, изменил свое местоположение.

— Ничего особенного, — ответил Сэвидж.

— Вы отказываетесь продать душу дьяволу. Во всяком случае, за деньги. Но что, если я предложу вам что-то такое, чего никто не может купить? Чего никто другой в мире, кроме меня, не может вам дать? Что-то, что когда-то выторговал Фауст, но без «подвоха» в контракте для вас? Если вы и попадете в ад, это произойдет по какой-то другой причине, которую вы сам же и навлечете на себя.

Кларк не ответил, и после долгого молчания барон снова заговорил. Его голос был таким тихим, что Сэвидж едва слышал его.

Может быть, другие солдаты подкрадывались к нему, пока фон Гессель не давал ему покоя? Лейтенант напряг зрение, всматриваясь в то место, где ему был виден выступ, когда сквозь туман пробивался свет топки. Следует ли ему прыгнуть на выступ сейчас или позже? Стоит ли вообще это делать?

Голос фон Гесселя был подобен легкому ветерку:

— Вы ошиблись, когда подумали, что я предлагаю вам деньги. Я знал, что вас не будет прельщать богатство. С чего бы вам соблазняться деньгами? Вы рассчитываете разбогатеть, когда станете хирургом. Во всяком случае, в определенных кругах ходят слухи, что у вас есть независимый и обширный источник богатства. Или, скорее, что он принадлежит вашему отцу и когда-нибудь вы его унаследуете. Многие люди интересуются этим вопросом, и в будущем это

любопытство будет доставлять вам много хлопот. Но оставим эту тему. Лучше говорить не о капусте и королях, не о том, есть ли у свиней крылья и кипит ли море, а о моих экспериментах с русскими пленными. Вы были в двадцати тысячах лье от цели, когда предположили, что я пытаюсь создать болезнь, которая будет еще хуже, чем «черная смерть» Средневековья. Я бы не стал этого делать, даже если бы думал, что это возможно. Чума оборачивается против людей, которые используют ее в качестве оружия. Более того, мой родственник — глупый кайзер Вильгельм — не позволил бы ее использовать. Мои бактерии использовались в сочетании с определенными химическими веществами для достижения совершенно иной цели. Той, которой вы считаете невозможным достичь.

Барон сделал паузу...

...а потом несколько сказал громче:

— Но это цель, которую можно достичь! Я знаю! Знаю это, потому что однажды достиг ее! И я могу сделать это снова!

— К чему ты клонишь? — спросил Сэвидж.

Теперь барону удалось заинтересовать его. А барон, как опасался Кларк, именно этого и добивался. Пусть враг сосредоточится на его словах, пока солдаты крадутся к нему.

Юноша подошел к противоположной стороне кабины, внимательно посмотрел вперед и назад и прислушался. Казалось, там вообще ничего не было. Затем он положил винтовку на пол, ухватился за потолок кабины и наполовину высунулся в окно, чтобы посмотреть в обе стороны. Если на крышах грузовых вагонов и были солдаты, то они вели себя бесшумно и были скрыты туманом.

Док вернулся с винтовкой в руке на свое место у противоположного входа и сел на корточки.

— Объясни! — окликнул на Гесселя.

— Я выгляжу так, будто бы мне тридцать лет, — отозвался тот. — Как будто я родился в восемьсот восемьдесят восьмом году! Но я родился в восемьсот пятьдесят восьмом!

Сэвидж ничего не ответил, но почувствовал холод, вызванный вовсе не туманным воздухом. Этот холод растекся по его коже, словно это был спирт для растирания. Казалось, он пронизывает лейтенанта насквозь и находит путь к его

сердцу. Его разум опередил слова фон Гесселя. Он знал, что этот человек скажет дальше.

Тем не менее, несмотря на то что он поверил барону — хотя с какой стати ему следовало верить, он не знал, — юноша сказал:

— Что за трюк ты сейчас пытаешься провернуть?

— Никаких трюков! У меня действительно есть дар, от которого ни один человек не сможет отказаться. Я готов отдать его вам, потому что я — готов вам признаться — нахожусь в очень плохом положении. Вы мне нужны. И если вы поможете мне и станете моим партнером — мы обсудим детали контракта позже, — я поделюсь с вами секретом, который стоит гораздо больше, чем все золото и алмазы в мире! Это то, о чем мечтали все мужчины и женщины с тех пор, как человек разумный вообще начал мечтать!

Барон сделал паузу.

Сэвидж подумал, что этот человек, должно быть, остался совсем один. Конечно же, он не озвучил бы такое предложение там, где его услышали бы другие люди. «Если только, — подумал Кларк, — он все это не выдумывает». Но он лично сомневался, что барон лжет.

— Я могу дать вам... назовем это эликсиром, который значительно замедлит процесс старения! Это не легендарный напиток бессмертия. Но он сохранит вашу молодость в течение достаточно долгого времени. И вполне возможно, что в конце концов, прежде чем мы станем слишком старыми, чтобы заботиться о том, будем ли мы жить или умрем, мы сможем создать настоящий эликсир бессмертия! Никогда не будем стареть и умирать, за исключением убийств, самоубийств или несчастных случаев. Мы даже не заболеем! С тех пор как я принял эликсир, у меня не было никаких телесных недугов — даже простуды. Я бывал там, где люди вокруг меня умирали от смертельных болезней, а я оставался невредимым.

Барон снова сделал паузу.

Сэвидж решил, что он слишком долго пробыл на одном месте. Фон Гессель должен был знать, что Док находится в кабине, и он не собирался давать ему эликсир — если тот вообще существовал, — пока его не заставят это сделать.

Барон еще не оставил попытки убить своего «партнера», и даже если бы он не добился успеха сейчас, то рано или поздно попробовал бы сделать это снова.

И все же Кларк Сэвидж-младший был почти подавлен искушением. Почему бы не согласиться узнать секрет эликсира? Получить его, а потом сбежать от этого человека. Раскрыть этот секрет всему миру. Пусть он будет у всех. Чтобы не было ни старости, ни смерти от болезней...

Но так ли это было нужно миру? Не приведет ли это к возникновению многих других проблем? Например, к перенаселенности нынешнего просторного мира, к голоду и войнам, которые потребуются, чтобы освободить место? Но сейчас не время было думать о таких вещах. Сэвидж покачал головой и беззвучно рассмеялся над собой. Да что же это с ним такое! Он действительно верил, что барон способен на то, чем сейчас хвастался. И у него возникло искушение принять это предложение! У него, считавшего себя выше искушений! Сначала графиня, а теперь еще и барон...

Нет уж! Он не собирался снова отступать от своих принципов. В первый раз это было вызвано слабостью плоти. Слабостью, общей для всего человечества и вполне простительной — по человеческим меркам. Но теперь... искушение барона попахивало дьявольщиной. От него пахло, как от самого сатаны. Он и в самом деле говорил так же гладко и убедительно, как и «старый Ник».

— Я, должно быть, спятил! — пробормотал Сэвидж. — И я чертовски уверен, что я не тот герой, каким себя считал, хотя и старался не чувствовать себя великим и могущественным! Это весьма унизительно. И видит Бог, мне это нужно!

Он встал и напряг мускулы. А затем, вспомнив расположение выступа, выпрыгнул из кабины. Ему не хватило нескольких дюймах от того места, куда он планировал приземлиться, но, к счастью, носки его сапог все же оперлись о скалу. Юноша чуть не соскользнул с нее, но сумел наклониться вперед и удержаться на выступе. После чего он двинулся по нему вперед ногами, повернувшись лицом к утесу и уткнувшись лбом в скалу.

Он медленно повернулся, стараясь не потерять равновесие и держа винтовку так, чтобы ее ствол не ударил о скалу и не насторожил барона.

Используя свое умение говорить более высоким голосом, усвоенное во время многочисленных утомительных уроков чревовещания, он позвал фон Гесселя:

— Ты предлагаешь мне секрет. Но если он есть у тебя и он действительно работает, почему ты экспериментировал на пленных и убивал их во время опытов?

Док не мог знать, насколько эффективно ему удалось изменить голос. Тяжелая влажная атмосфера могла свести на нет все его старания. Хотя, с другой стороны, она же могла, наоборот, усилить эффект. Он должен был рискнуть, хотя и не любил полагаться на удачу.

— Я родился в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году и могу это доказать, — откликнулся голос из тумана. — Однако человек, который записан как мой биологический отец — барон фон Гессель, ныне покойный, — не был моим настоящим отцом. Он был бесплоден, но согласился жениться на моей матери-датчанке королевского происхождения, чтобы похвастаться тем, что у него есть сын. Но вот чем он не мог похвастаться, так это тем, что его предполагаемый ребенок был более благородного происхождения, чем он сам. Он женился на ней вскоре после того, как она забеременела мной. Она зачала меня в незаконной связи с наследным принцем Фридрихом, который, как вы, возможно, знаете, стал императором Германии Фридрихом III. Таким образом, я единокровный брат кайзера — нынешнего германского правителя, хотя сомневаюсь, что он еще долго будет сидеть на троне. Моя страна обречена на поражение. Кайзер, насколько мне известно, не знает, что у него есть незаконнорожденный брат. Как не знают и все остальные теперь, когда мои родители умерли.

— Ближе к делу, — мягко сказал Сэвидж.

Голос фон Гесселя был почти неслышен и, казалось, доносился откуда-то совсем с другой стороны. Американец, хотя и старался изо всех сил пронзить туман своим пристальным взглядом, все еще мог видеть только темную серость.

— Я проверяю состояние эликсира примерно каждые четыре года, — сказал барон. — Изучаю образец своей кожи под микроскопом, чтобы увидеть, как ведут себя мутировавшие бактерии в моей плоти. До недавнего времени никаких изменений не было. Но теперь, кажется, бактерии умирают!

Гессель был не в состоянии скрыть тревогу в своем голосе. Он действительно был близок к отчаянию. Если только не был очень хорошим актером.

— Если бактерии умрут, я начну стареть с нормальной скоростью, — продолжил он. — Но я потерял свои записи о шагах, необходимых для изготовления эликсира. Они находились в моем родовом замке в Пруссии и были уничтожены во время пожара в восемьсот девяносто третьем году. Тогда меня это не волновало, потому что я верил, что бактерии будут процветать до тех пор, пока я жив. Но я ошибся. А еще я был глуп. Мне следовало хранить дубликаты записей в другом месте. Но ведь мы не можем быть настоящими суперменами, не так ли? Вы и я, нам нравится верить, что мы равны сверхчеловеку Ницше. Но в сущности, мы ведь не такие, как он, не так ли?

Барон, казалось, издевался и над собой, и над Кларком Сэвиджем.

— Я не могу вспомнить некоторые очень маленькие, но очень важные, шаги в длинной и сложной последовательности приготовления эликсира, — объяснил он. — В конце концов, прошло уже тридцать лет с тех пор, как я это сделал, и я был очень занят другими делами. Поэтому я снова экспериментировал с моими русскими военнопленными. И я счастлив сказать, что воссоздал первоначальные шаги в этой процедуре. Мои образцы кожи показывают, что я снова перестал стареть нормально! И вы можете разделить со мной этот эликсир, если захотите.

— Ты убил всех этих людей только для того, чтобы обеспечить себе более долгую смертную жизнь! — отозвался Сэвидж.

— Они бы все равно скоро умерли. Как говорит графиня — вы хорошо ее знаете, во всех смыслах, — это просто грубые, невежественные крестьяне, которые должны благодарить вас за то, что вы положили конец их страданиям и глупости!

Последовала еще одна пауза.

На мгновение американец услышал какой-то легкий звук, как будто у кого-то под ногой хрустнул гравий. Но он никак не мог определить, с какой стороны донесся этот хруст.

— Подумайте, лейтенант Сэвидж! — продолжил уговаривать его Гессель. — Вы тоже можете жить, как молодой человек, в далеком будущем мире, который сделает этот мир примитивным, грязным и грубым. Наш мир будет хижиной бушмена по сравнению с Тадж-Махалом! Мы с вами увидим чудеса, которые бледнеют перед чудесами «Тысячи и одной ночи»!

ЧТО-ТО ЛЯЗГНУЛО.

И за этим звуком сразу же последовал другой — как будто что-то скользнуло вниз по склону угольной кучи в тендере.

Граната!

Или это был просто камень, брошенный фон Гесселем, чтобы заставить американца выстрелить в его сторону и таким образом выявить местоположение юноши по вырвавшемуся из дула пламени?

Сэвидж не знал этого, но рисковать не мог. Он прыгнул с уступа вправо — так далеко, как только позволяли ноги — чтобы оказаться как можно дальше от взрыва. Если взрыв будет.

И что-то действительно взорвалось!!!

Как раз перед тем, как Кларк коснулся земли, из недр угольного тендера поднялся ночной алый цветок. Пламя ослепило лейтенанта, превратило его барабанные перепонки в камень и притупило на несколько секунд все остальные его чувства. Но металлические стенки тендера выдержали взрыв и направили его основную силу вверх, как джинна из бутылки. Кроме того, огонь и взрывная волна с ревом ворвались в кабину и на мгновение очертили сияющей краской дверь и окна. Если бы Док находился там, он был бы убит, а если бы он остался на выступе, его сорвало бы со скалы и швырнуло бы бог знает куда и как далеко, или он разбился бы о скалу, которая была позади него.

Частички угля посыпались на него, как не очень нежный весенний дождь. Юноша потерял слух и молился, чтобы это

было временно. Но зато он чувствовал запах угольной пыли, а потом и горящего угля.

Рассудок вернулся к нему внезапно, как патрон, попавший в казенник винтовки. Несмотря на это, ему было трудно двигаться, и поэтому он некоторое время лежал на боку. У него болели правое плечо и ребра. А еще ему казалось, что под ним было всего несколько камней. Должно быть, он приземлился под перилами.

Неожиданно несколько осколков гравия ударили его сбоку в лицо. Прошло уже достаточно много времени после взрыва, так что Док подумал, что кто-то бросил их с поезда и вниз по склону.

Конечно же, это был барон! Изучающий последствия взрыва. Должно быть, он надеялся, что ручная граната попадет в кабину, но просчитался из-за темноты. Тем не менее граната взорвалась достаточно близко к кабине, чтобы уничтожить всех, кто там находился. Теперь фон Гессель, вероятно, рыскал вокруг, хотя и осторожно, надеясь найти мертвого или сильно израненного американца. Он мог предположить, что взрывная волна выбросила его врага из кабины.

Сэвидж молча нащупал свою винтовку. Сейчас барон отправится за новыми людьми и фонарями. Может быть. Кто знает, что сделает эта лиса?!

Пальцы юноши коснулись холодной стали. Он подвинулся к ней на спине, пока его рука не сомкнулась на стволе винтовки, после чего поднес ее к груди и проверил затвор. Его поврежденные уши не могли услышать щелчок, но он предполагал, что барон тоже его не расслышит.

Затем медленно — в надежде, что он не издаст ни звука — Кларк поднялся на ноги. Он гадал, когда же вернется его слух — хотя бы частично. В нетерпении он пошел сквозь туман вверх по склону вдоль рельсов, пока не смог разглядеть громаду товарного вагона. После этого лейтенант повернул в конец поезда и стал удаляться от локомотива. Запах горящего угля все еще стоял в его ноздрях. Он надеялся, что весь уголь в тендере не сгорит. Если бы его планы сработали, ему понадобилось бы это топливо.

Вскоре Сэвидж увидел впереди тусклое свечение. К тому времени он уже мог слышать, но звук долетал до него при-

глушенным, как если бы он звучал из-под воды. Свечение, как выяснил Кларк, исходило от комбинированного света нескольких масляных ламп в ближайшем пассажирском вагоне, электрические фонари которого больше не работали.

Док осторожно поднялся по ступенькам платформы в задней части этого вагона. Там не было никакой охраны — возможно, барон уже израсходовал всех своих людей во время борьбы с ним. Кларк посмотрел через окно в двери, выходящей на платформу. Он сомневался, что его можно разглядеть изнутри.

Основную часть вагона занимало одно большое помещение — что-то вроде салона — с несколькими подвижными ширмами, образующими вдоль стен кабинки.

На диване у украшенной резьбой и позолотой стены сидела графиня, закутанная в большой белый плащ из медвежьей шкуры и выглядевшая усталой и встревоженной. Рядом расхаживали взад-вперед слуга и две служанки. Они выглядели еще более обеспокоенными, чем она. Больше в вагоне никого не было, если только кто-нибудь не прятался за ширмами. Лейтенант присел на корточки и некоторое время наблюдал за людьми в вагоне, пока его слух почти не пришел в норму. Он сомневался, что фон Гессель находится за какими-либо ширмами. Если бы барон вернулся в вагон, он погасил бы лампы.

Где же был барон?

Как раз в тот момент, когда Сэвидж решил, что ему следует осмотреть товарные вагоны, прицепленные за пассажирским, он что-то услышал. Какое-то слабое урчание. Вскоре он понял, что это было. Стальные колеса медленно вращались на стальных гусеницах.

Юноша спрыгнул с платформы и помчался в конец вагона, ориентируясь на ощупь — проводя по бокам вагонов кончиками пальцев. За вагоном, где сидела графиня, раньше находилось четыре товарных вагона. Теперь же их было три.

Скрип и грохот колес сделались громче — отцепленный вагон стал быстрее спускаться по склону. Затем, когда он скрылся из виду, звук снова стал слабее. Кларк уставился в мокрую темноту и произнес одно слово, которое почти никогда не произносил. Оно выражало самую суть отвращения

и разочарования!

Фон Гессель отцепил последний товарный вагон и позволил гравитации взять свое. Теперь он был вне досягаемости своего врага.

На обратном пути к локомотиву Док немного приободрился. Пусть барон успел скрыться, но его побег был самоубийством. Он не мог контролировать скорость движения товарного вагона вниз по склону. Если он пробудет в этом вагоне слишком долго, то не сможет прыгнуть, не переломав себе все кости и не расплескав по скалам свои мозги. Если же он прыгнет через короткое время, пока скорость будет небольшой, его смогут поймать отправившиеся вдогонку за поездом заключенные. Правда, он мог легко спрятаться в тумане, но, может быть, рассвет принесет достаточно сильный ветер, чтобы развеять эту дымку.

Кларк остановился, услышав еще один очень слабый звук позади себя — очень далеко позади. На минуту он задумался, что бы это могло быть. А затем улыбнулся и продолжил свой путь.

Этот шум был вызван грохотом, когда вагон, в котором ехал барон, прорвался через ворота из колючей проволоки рядом с постом охраны. Должно быть, это испугало охранников и заставило их задуматься, что происходит. Но они не оставят своих постов, пока им не прикажут это сделать.

ГЛАВА XXI

СЭВИДЖ ПРИВЕЛ ПОЕЗД в лагерь. Он дунул в свисток и позвонил в колокол, чтобы военнопленные не подумали, что состав укомплектован немцами, вернувшимися, чтобы отбить лагерь. Несмотря на это, поезд тут же оказался окружен крайне нервными и подозрительными людьми.

Дока быстро узнали, и после этого он был очень занят. Восстановить порядок в царящем вокруг хаосе было не так-то просто. Некоторые офицеры, в том числе Длинный Том Робертс и Ренни Ренвик, уже начали действовать. Но их задача была сложной — а какое-то время она даже казалась и вовсе невыполнимой.

Несмотря на то что дуговые фонари теперь были включены, а кроме того, горело несколько десятков масляных ламп и электрических светильников, это помогало только в небольших и изолированных местах. Общая темнота мешала организации, которая на свету могла бы идти довольно гладко. Еще одним препятствием было большое количество русских пленных. Многие из них погибли во время восстания, когда пулеметчики на сторожевых башнях успели перестрелять десятки человек, прежде чем добравшиеся до них пленные убили их.

Всего в лагере осталось около семидесяти трудоспособных русских. Они попытались захватить поезд, но их атака была отбита, после чего они собрали все, что смогли найти, из еды и проглотили все до последней крошки. Док Сэвидж сочувствовал голодным людям, но хотел сэкономить некоторое количество пищи для предстоящего беглецам долгого пути.

Около пятидесяти русских были ранены, и им теперь требовалась медицинская помощь. Еще примерно тридцать союзников и пятнадцать немцев пострадали так тяжело, что не могли ходить. Среди них был и Ганс Кордтц, которого несколько утешали две шоколадки, подаренные ему Кларком.

Среди ходячих раненых был Уильям Харпер Литтлджон по прозвищу Джонни. Во время рукопашной схватки с немецким охранником его левый глаз был сильно поврежден прикладом винтовки. Док Сэвидж, осмотревший его в здании госпиталя для военнопленных, не думал, что зрение в этом глазу когда-нибудь восстановится. По крайней мере, с тем лечением, которое было сейчас доступно. Но Джонни не унывал. Он сказал, что черная повязка на глазу сделает его довольно лихой и романтично зловещей фигурой.

Обезьян Мэйфэйр ковылял с повязкой на ноге, опираясь на ствол винтовки, как на костыль. Док был поражен тем, что этот человек мог ходить после того, как потерял столько крови. Длинный Том Робертс был весь в синяках и ссадинах, и из его мелких ран текла кровь. Ему пришлось усмирить трех немцев на генераторной установке, прежде чем он смог нажать на выключатель, чтобы выключить свет. Выглядел этот человек так, словно вряд ли мог бы выдержать хорошую битву даже с соломенным чучелом, но на самом деле

его худое и малокровное тело было обманчиво сильным. Он был бы «на вес золота в команде диких кошек», как сказал Мэйфэйр.

У Кларка было не так уж много времени, чтобы выслушать рассказ Обезьяна о том, как он сбежал из камеры, но он настоял на том, чтобы получить краткое изложение этого события. Эндрю сказал, что здание, в котором его заперли, на самом деле не было тюрьмой. В нем была одна комната, используемая в качестве камеры для немецких военных преступников во время суда или для легкого наказания. В ней была только одна запертая дверь, а внутри дверного проема находилась железная рама на петлях, окруженная железными прутьями. Эту раму тоже можно было запереть на ключ.

— Когда в лагере для военнопленных началось все это «Ура!», — рассказал Обезьян, — один из охранников, дежуривших там, вышел наружу. Наверное, чтобы посмотреть, из-за чего весь сыр-бор. Деревянная дверь была открыта. Я скрутил две перекладины внутри рамы — они были не толще, чем те, что вы вставляете в окна для украшения, может быть, толщиной в четверть дюйма — и согнул их достаточно сильно, чтобы проскользнуть в отверстие. Поцарапался и порвал одежду. Но справился. А когда охранник вернулся, я схватил его за шею и сломал ее. Это было отвратительно. Он был уже стариком. Но уж лучше он, чем я. Потом я снял ключи с крючка на стене, отпер наручники и... ну, остальное ты знаешь.

— А как тебя подстрелили? — спросил Сэвидж.

— Это когда я пытался остановить поезд. Солдат в кабине паровоза выстрелил в меня.

Поговорив с Мэйфэйром, Док с другими заключенными отправился тушить огонь в угольной куче в тендере. Граната уничтожила половину угля, но, к счастью, не повредила механизм управления кабиной. Кларк поручил четверым бывшим пленным восполнить потери угля из большого запаса в лагере. Затем он отправился в госпиталь для военнопленных — одно из немногих зданий, которые Эндрю не поджег. Графиню и ее слуг заперли там, всех в одной комнате, несмотря на ее протесты. Они должны были остаться в лагере — хотя и смогли бы свободно передвигаться по нему — когда поезд с бывшими пленными тронется.

Док Сэвидж приказал привести Лили Бугову в госпитальную палату, чтобы он смог быстро ее допросить. У него было несколько вопросов, касающихся достоверности рассказа барона о замедляющем возраст эликсире. Позже он пожалел, что не расспросил ее наедине в той крошечной комнате, где она сидела изначально. В большой палате было много раненых, среди которых находились несколько русских, вынужденных работать санитарами.

Док только начал говорить с Буговой, как на нее напал один из русских. Это застало лейтенанта совершенно врасплох, и прежде чем он успел схватить этого человека, который, размахивая штыком, кричал на графиню, ее лицо уже было сильно изрезано, а правое глазное яблоко проколото. На какое-то время поднялся шум. Графиня начала кричать и не останавливалась до тех пор, пока Сэвидж не нашел немного морфия, чтобы успокоить ее. Затем он перевязал ей лицо, пока несколько человек сдерживали кричащих и рвущихся добить ее русских. Теперь прекрасное лицо Лили всегда будет ужасно обезображено. Ее дни в качестве соблазнительницы закончились до тех пор, пока не будут усовершенствованы методы пластической хирургии.

Кларк был потрясен этим внезапным и неожиданным происшествием. Убедившись, что графиня спит, он подошел к русскому, напавшему на Бугову — некоему Сергею Хуцинову.

— Зачем ты это сделал? — сердито спросил он.

Хуцинов был молодым человеком с длинными растрепанными волосами и густой бородой, покрывавшей всю его грудь. Его глаза все еще сверкали, как у сумасшедшего.

— Ты не знаешь эту жестокую бессердечную суку! — огрызнулся он. — Я, Сергей Хуцинов, был одним из крестьян, принадлежавших ее семье. Я жил в одной из многочисленных деревень, которыми они владели. Ее отец и братья были жестокими эксплуататорами. Они перемалывали своих крестьян под каблуками и делали их похожими на рабочих зверей. У нас не было никакого выхода, никакого способа добиться милосердия и справедливости. Семья управляла полицией и судьями на своих землях.

Он остановился и попросил глоток воды, а затем, выпив залпом весь стакан, продолжил:

— Возможно, ты этого не знаешь. Сомневаюсь, что знаешь, так как это скрывалось от всех, даже от царя. Но семья Буговых — а в нашей стране есть и другие такие же — любила устраивать облавы. Они выбирали юношу, который был сильным и хорошим бегуном, отпускали его в лес, иногда вооружая ножом. А потом выслеживали его, как охотники оленя. Они стреляли в него и думали, что это большой спорт, а потом вешали его тело в сарае, как будто он был тушей животного, охотничьим трофеем. Пусть Бог навсегда бросит их души в пылающий ад! Мой старший брат Андрей был одним из тех, кого выследили и застрелили. Его тело повесили в сарае! Брат говорил, что собирается сбежать и уехать в Америку, где таких вещей не делают. И он сбежал. Да, сбежал! Но за ним гнались люди с ружьями и собаками! И графиня, которая умоляла своего отца позволить ей поехать с ними, поскольку ей уже исполнилось восемнадцать лет! Это она застрелила моего брата. «Уложила его в мешок», как она потом хвасталась своим друзьям! А на следующий день она пошла к католической мессе! Я поклялся, что когда-нибудь отомщу! Думал, что никогда не смогу этого сделать, когда меня увезли служить в царскую армию, да поразит их всех Господь молнией! Я не ожидал, что вернусь с войны живым. Но...

Сергей сжал руки, поднял их и посмотрел вверх.

— Бог был добр ко мне! Он передал графиню в мои руки! Он дал мне шанс убить ее. Но я хотел только оставить ей такой страшный шрам, чтобы любой мужчина, взглянув на нее, содрогался и заболевал от отвращения! Я уже отомстил тебе, Бугова! Хотя это не вернет моего любимого брата к жизни!

Он разразился громкими рыданиями и склонил голову.

Док Сэвидж был взволнован почти так же сильно, как и этот молодой русский. Зло, которое творили мужчины и женщины, было выше его понимания. Он вспомнил ту комнату в доме де Мюзара в Бельгии. Вспомнил о роковых экспериментах фон Гесселя с русскими военнопленными. И о том, что сделала графиня. Когда-нибудь, когда он будет готов, он будет бороться с этим злом. Его отец был прав.

Он должен посвятить себя этому пути. А пока ему нужно было выбраться из этого лагеря и пройти через вражескую территорию. Затем вернуться в американскую авиацию и сражаться в небе, пока война не закончится. Потом снова вернуться в медицинскую школу, к обучению и дисциплине, которые сделают его целителем. А дальше... кто знает, что будет дальше???

Прошло полтора часа с тех пор, как он въехал на поезде в лагерь. Пленные пробыли здесь гораздо дольше, чем ему хотелось бы. Если бы Кларк мог добиться своего, то поезд ушел бы в течение пятнадцати минут после прибытия. Скорость — это выживание.

Насколько Доку было известно, фон Гессель проехал в товарном вагоне весь путь до безопасного места. Возможно, вагон не сошел с рельсов и не упал с края обрыва. Немногочисленные изгибы рельсов были едва заметны, так что вагон мог добраться до длинного и ровного участка за пределами деревни Кенигзее и, наконец, остановиться. Кроме того, охранники лагеря могли послать телеграфное или беспроводное сообщение на ближайший немецкий пост до того, как передатчики были уничтожены.

Наконец, поезд был полностью занят, и прозвучал сигнал к отправлению. За штурвалом стоял Ренни — единственный опытный машинист локомотива. Док, Длинный Том, Джонни, Обезьян и Ветчина были либо в кабине, либо в угольном тендере. Четверо из них по очереди сгребали уголь и несли вахту. Брукс жаловался, что Мэйфэйр использует свою рану как предлог, чтобы притворяться умирающим. Но он говорил это не всерьез — просто не мог удержаться, чтобы не подколоть своего дружка.

В переднем товарном вагоне не было света, потому что фон Гессель забрал с собой фару, но Длинный Том соорудил в сарае аккумуляторную установку и провел телефонную линию от переднего вагона до кабины. Наблюдатель в вагоне мог давать кабине предупреждения и указания, хотя все еще не видел ничего дальше нескольких футов в тумане.

Док Сэвидж решил не включать свет — если кто-нибудь ждал их в засаде, они могли бы выдать себя раньше времени. Юноша был очень огорчен тем, что многие военнопленные

остались в лагере, потому что были слишком тяжело ранены или больны, чтобы их можно было сдвинуть с места.

Графиня и ее слуги находились в пассажирском вагоне, однако некоторые русские из госпиталя были не настолько недееспособны, чтобы не угрожать им убийством. Док верил, что они приведут свои угрозы в исполнение, если у них когда-нибудь появится такая возможность. И хотя он ненавидел эту некогда прекрасную женщину, с которой когда-то занимался любовью, о чем горько сожалел, он мог оставить ее на верную смерть.

Сначала поезд двигался медленно. Затем Ренни понял, что они приближаются к станции у ворот, и прибавил скорость. Состав без всяких происшествий промелькнул мимо станции в свете фонарей, которые держали охранники, и снова погрузился в полную темноту. Несмотря на то что немцы могли возвести впереди баррикаду, Ренвик несколько минут держал скорость на отметке сорок миль в час.

Темнота побледнела и сменилась серым жемчужным светом, который так и не стал ярче. Туман начал рассеиваться, но видимость все равно была не больше двадцати футов, как сообщил Довиль, наблюдатель в переднем вагоне. Поезд вышел на ровную площадку, которая тянулась несколько миль, прежде чем снова опуститься вниз. Джон сбросил скорость до двадцати миль в час, но она все равно была слишком высокой — если украденный товарный вагон был брошен на рельсах, столкновение с ним закончилось бы крушением. Через полторы мили снова начинался склон, и тот товарный вагон должен был либо сойти в этом месте с рельсов, либо доехать по инерции по всему этому участку дороги и, возможно, докатиться до самой деревни Кенигсзее.

Ренни замедлил ход поезда до десяти миль в час. Скоро они должны были уже оказаться рядом с деревней — там он остановил бы состав. До сих пор товарный вагон, в котором сбежал фон Гессель, никто не видел. Если бы он вкатился в деревню, барон предпринял бы какие-то шаги, чтобы собрать силы для захвата лагеря. Но он мог и не найти другого подходящего поезда.

Возле деревни беглецы собирались покинуть поезд и отправиться каждый в том направлении, которое он считал

наилучшим. Группа Дока планировала отделиться от остальных. Это был тот случай, когда правило «чем больше, тем безопаснее» не работало. По крайней мере, оно не подходило для слишком большого количества людей.

Сэвидж долго молчал, а потом, наконец, сказал:

— Ребята, если мы доберемся до итальянских позиций, то после окончания войны соберемся вместе. Правда, какое-то время мы все будем заняты перестройкой к гражданской жизни и восстановлением своей карьеры. У меня впереди еще много лет учебы, прежде чем я стану — как я надеюсь — нейрохирургом. Но я сомневаюсь, что работа хирурга и медицинского исследователя сделает меня счастливым. Я буду скучать по волнующим приключениям. Которых у нас в последнее время было более чем достаточно, чтобы удовлетворить большинство людей. Думаю, вы чувствуете то же самое. И я хочу сказать, что после того, как мы все заработаем много денег, а может быть, и раньше, мы создадим команду. Мы поставили себя так, что стали своего рода клубом искателей приключений. Мы — очень эксклюзивный вариант. У всех нас есть ценные таланты, которые дополняют друг друга. Из нас получилась бы чертовски хорошая команда!

— По-моему, это здорово, — сказал Мэйфэйр.

Остальные с энтузиазмом согласились.

— Но что ты подразумеваешь под «клубом искателей приключений»? — уточнил Обезьян. — Ты хочешь сказать, что мы будем устраивать экспедиции в неизвестные земли?

— Нет. Не совсем так, — сказал Док. — Возможно, мне следовало бы назвать его Клубом техников по устранению неполадок. Или Клубом борцов с преступностью. В мире есть очень злые люди. И средний человек беспомощен против них. Так же как и полиция. Мы могли бы заняться действительно крупными преступлениями.

— Например, расследование деятельности Конгресса? — спросил Эндрю.

Когда все перестали смеяться, Кларк продолжил:

— Если понадобится. Но я думал о рекламе наших услуг. Как если бы мы были неким высококлассным детективным агентством. Но мы будем довольно разборчивы в выборе дел. Только те, кому угрожают действительно исключительные

преступники или несправедливость, будут приняты в качестве клиентов. И мы не будем брать плату. Таким образом, мы сможем выбирать те дела, которые считаем достаточно важными, чтобы тратить на них время. В конце концов, нам ведь тоже придется в это же время еще и зарабатывать себе на жизнь. Это всего лишь идея. Но подумайте об этом. У вас будет на это уйма времени. Может быть, это покажется вам непрактичным. А может быть, вы женитесь, заведете детей и захотите остепениться. Тут я скажу так: если вы будете женаты, то не сможете стать членом клуба. Возможно, это звучит слишком резко, но семья должна быть на первом месте.

— Мне это очень нравится, — сказал Обезьян. — Я...

— Ложись! — закричал внезапно Ренни, который в тот момент был единственным, кто смотрел вперед.

Беглецы услышали скрип зажатых тормозом колес на рельсах. Немецкий машинист, ехавший им навстречу, должно быть, видел их поезд так же смутно, как Джон видел тусклый глаз его локомотива. Он тоже медленно двигался в тумане, а звон его колокола и свист были слишком тихими.

Все, кто находился в кабине, кроме Ренвика, упали на пол лицом вниз. Совокупный удар двух поездов, каждый из которых шел со скоростью около двадцати миль в час, швырнул всех пятерых вперед, и они врезались в груду угля в тендере с ошеломляющей силой!

Ренни попытался ухватиться за рычаг, но его отбросило прямо на стену. А потом впереди раздался сильный шум. Это, как выяснилось позже, загрохотал немецкий поезд, нагруженный солдатами, которых привезли, чтобы преследовать беглецов — он врезался в товарные вагоны украденного поезда. Оба состава сошли с рельсов и свалились в кучу, как разбитый аккордеон. Большинство из тех, кто сидел в вагонах или ехал на крышах, погибли сразу или пострадали так сильно, что не могли двигаться. Немецкая мотострелковая бригада и солдаты были ранены не так тяжело, но в течение нескольких минут все-таки не могли начать действовать.

Несмотря на то что Ренни Ренвик и остальные были ошеломлены и сильно ударились, они быстро пришли в себя. Кости у всех были целы, хотя у некоторых, как они выяснили позже, были трещины в черепе. Им удалось выбраться из

локомотива и скрыться в тумане до того, как немцы добрались до них.

Некоторые беглецы из лагеря нырнули в туман в поисках Дока Сэвиджа и его людей, но большинство не пострадавших были заняты тем, что вытаскивали раненых и пытались помочь тем, кто застрял в искореженных и смятых вагонах. Крики и вопли тяжело раненных были душераздирающими. Но шестеро беглецов не могли остаться, чтобы помочь им. Они были бы расстреляны, если бы немцы поймали их.

ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ ОНИ добрались до итальянской границы. История о том, как они пробирались через горы, пока сотни людей искали их, и как спасались от голодной смерти, сама по себе является сагой.

Прошло много времени, прежде чем Док Сэвидж узнал кое-что о графине и бароне. Оказалось, что Лили не погибла при крушении поезда. Но у нее был сломан позвоночник, и ее парализовало ниже пояса. Фон Гессель же добрался до деревни и набрал полный обоз солдат, чтобы отправиться в лагерь Локи. В результате столкновения он пострадал не сильно.

Вскоре после этого, как гласили полученные Кларком разведданные, барон исчез. Его искали как союзные, так и немецкие власти, хотя что именно имел против Гесселя его собственный народ, союзники уже давно не знали.

Но Кларк Сэвидж-младший не был уверен, что больше не услышит о бароне.

И о графине тоже.

У обоих были причины ненавидеть его.

ДРУГАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ФИЛЕАСА ФОГГА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1929 ГОДУ я прочитал книгу Жюля Верна «Вокруг света за восемьдесят дней». С 1929-го до 1938-го я перечитывал её, возможно, четыре или пять раз. Я видел киноверсию, снятую в системе Тодда, и она мне очень нравилась, но прошло приблизительно тридцать три года прежде, чем я перечитал книгу снова. Я нашел её еще более очаровательной, чем помнил, и был поражен тем, как она хороша. Это роман истинно классического, но совершенно самостоятельного жанра — хотя, конечно, ее нельзя поставить на одну полку с «Братьями Карамазовыми» или «Моби Диком». Но перечитав её в зрелом возрасте, я заметил удивительные детали, которые ускользнули от меня в юности.

Поразмыслив об этом несколько месяцев, я пришел к выводу, что в романе «Вокруг света за восемьдесят дней» сокрыто две истории. Одна — выставленная напоказ, понятная, пересказанная Верном как интересная, но обычная приключенческая. Другая — тайная, закулисная, и полная скрытых намеков на опасности, грозящие всему человечеству. В романе «Вокруг света за восемьдесят дней» была зашифрована научно-фантастическая история, которую Верн — отец научной фантастики, так и не рассказал. Он поступил так, потому что не знал точно, что и как, а о чем-то мог только подозревать.

К примеру: почему происхождение Фогга сокрыто тайной? Почему он вел себя как заведенный робот? Обладал ли он ясновидением или мог вычислить степень вероятности будущих событий и действовать соответственно? Почему все часы в Лондоне пробили десять минут девятого, когда Фогг сошел с поезда в конце своего путешествия?

Филип Хосе Фармер

ПРОЛОГ

ЧТО ЖЮЛЬ ВЕРН знал о реальной истории, сокрытой за канвой «Вокруг света за восемьдесят дней»?

Возможно, всего он и не знал. А если бы знал, то побоялся бы написать этот роман, как таковой. Однако он допустил очень много намеков и двусмысленностей о Филеасе Фогге. Так что, скорее всего, Верн что-то подозревал. Никаких откровений в романе нет, но полно намеков и косвенных замечаний.

А может, Верну удалось заглянуть в потайную записную книжку Фогга, другую хронику восьмидесятидневного путешествия? Скорее всего, нет. Возможно, он услышал о чем-то, или кто-то о чем-то ему рассказал, добавив несколько штрихов к общей картине. Но если бы Верн даже заглянул в эту записную книжку, он не узнал бы ничего нового, хотя был бы сильно озадачен. Секретная записная книжка была записана особым шифром. Только те, в чьих жилах текла древняя кровь, враги капеллиане или человеческие приемыши могли прочитать это. Но ни один из них не передал простому человеку информацию, начертанную этим странным письмом.

Однако всегда есть предатели. Тайна подразумевает и лояльность, и предательство.

Рассмотрим несколько намеков Верна о Филеасе Фогге. Он мог бы прожить тысячу лет и не состариться. Его роль в эксклюзивном Реформ-клубе была таинственной. Банкиры прислушивались к его рекомендациям. Но почему они так поступали? Никто не знал, откуда появился Фогг и его деньги. Однако высшее общество викторианской Англии не готово было принять человека не из «хорошей семьи» и с деньгами неизвестного происхождения. Казалось, Фогг был созданием абсолютно неизменных привычек. Многие соседи проверяли по нему часы, и, быть может, они даже задавали

себе вопрос, кто перед ними: настоящий человек или заводной робот. Конечно, выглядел он или очень пунктуальным, или не человеком вовсе.

И все же у него было сердце. Он и сам не раз признавался в этом. Хотя он мог неподвижно сидеть час за часом, словно был большой лягушкой, наблюдавшей за мухами.

А когда он путешествовал, он побывал лишь в маленькой части этого мира? Но он, кажется, отлично знал весь мир, даже самые отдаленные места.

— Непредвиденного не существует, — он говорил об этом не раз. Может, он был ясновидящим? Или, что более вероятно, это намек на нечто более зловещее? Почему этот англичанин, ехавший напрямую на Дальний Запад, неожиданно свернул с прямого пути и отправился к горизонту?

Почему? Есть еще много «почему» на которые нет ответов у Верна.

О существовании второй записной книжки господина Фогга никто не знал до 1947-го, пока в доме номер 7 по Сэвильроу в Берлингтонских садах в Лондоне, не затеяли ремонт. В этом доме, как было известно многим, проживал бедный живописец и член парламента — Ричард Бринсли Шеридан. Он умер при странных обстоятельствах в 1816-м, а не в 1814-м, как написано у Верна. Когда из стены выломали платяной шкаф, в тайнике в полу между двумя стенами и нашли этот дневник. Он был в хорошем состоянии до тех пор, пока по нему не стала стекать вода, просочившаяся с крыши. В итоге некоторые страницы оказались полностью стерты, а записи на части других стали неразборчивы. Неизвестное письмо стало célébre для шифровальщиков и лингвистов всего мира.

В 1962-м код надписей не был разгадан — никто не знал шифр, потому что никто не знал язык надписей. И эту записную книжку так бы никогда и не перевели, если бы в сельском доме в Дербишире не нашли несколько записных книжек. Это было поместье, некогда принадлежавшее баронету, сэру Гераклитусу Фоггу. А записи в найденных книжках должны были помочь земному ребенку изучить странный язык. С этими записями лингвист из Оксфорда, четвертый баронет, сэр Беовульф Уильям Клейтон, занялся

записной книжкой, найденной в доме номер 7 по Сэвильроу. Ему удалось перевести по крайней мере одну треть того, что можно было разобрать.

Я первым услышал о переводе, потому что в то время занимался исследованиями жизни генерала первого баронета сэра Вильяма Клейтона, отца Филеаса Фогга, с которым тот провел свое детство, и, следовательно, видел записные книжки.

После этого давно заброшенный дом Фоггов был внимательно обыскан моим английским коллегой, вышеупомянутым лингвистом, правнуком сэра Уильями Клейтона от его десятой жены Маргарет Шоу. В результате исследования сэр Беовульф нашел несколько текстов на том же странном языке, начертанных детской рукой, и сделал несколько переводов. По примечаниям, которыми снабдил меня сэр Беовульф, я восстановил историю, которая была сокрыта за рассказом Верна и изложил ее в рукописи, которую озаглавил: «Другая записная книжка Филеаса Фогга»

ГЛАВА 1

ВЕРН РАССКАЗЫВАЛ, ЧТО Филеас Фогг был бородатым Байроном, настолько спокойным, что мог прожить тысячу лет не старея. Было ли это утверждение о его возможном долголетии просто совпадением, залётной мыслью, случайно оказавшейся истиной?

Тысячелетие жизни было нормальным сроком жизни для Фогга. Говорят, что в 1872 году ему было около сорока лет. Но эриданане меняются, пока организму не исполнится около сорока лет, а затем они не стареют. Сегодня Фогг выглядел бы так, как будто состарился, возможно, на год или два, если бы был еще жив. Хотя скорее всего, он жив и здоров и живет где-то в Англии. Может ли кто-нибудь указать на надгробие, на котором высечено его имя, дата его рождения, 1832 год, за которым следует дата его смерти? Никто не может.

Мистер Фогг был высокого роста, в хорошей форме, красивым, чего и следовало ожидать от того, кто так похож на

Байрона. Его волосы и усы были светлыми. Да и у Верна он был описан как блондин или имел светло-коричневые волосы. Цвет его глаз Верном не упоминается. Тем не менее отчет Скотланд-Ярда, все еще доступный для исследователя, который достаточно усерден, чтобы отыскать его, описывает их как темно-серые. Этого следует ожидать от члена семьи, известного своими серыми глазами.

Его лицо было бледным — естественное следствие пребывания на солнце всего один раз в день на время, необходимое для того, чтобы пройти дистанцию в тысячу и сто пятьдесят один шаг. Его зубы, в отличие от зубов типичных англичан того времени, были великолепны. Он не потерял ни одного зуба из-за кариеса, который поразил жителей Альбиона в середине XIX века. Это качество, как и серые глаза, кажется, было генетическим фактором. С другой стороны, поскольку в детстве ему давали несколько эликсиров, здоровье зубов могло быть следствием действия лекарственного препарата, который придумали за несколько световых лет расстояния и нескольких тысячелетий от Англии XIX века...

Когда начинается эта история, в среду, 2 октября 1872 года, у господина Фогга, похоже, не было родственников. Он жил в доме № 7 в Сэвильроу, где единственным другим жильцом был его камердинер. У него были знакомые, но не было близких друзей. Его единственными развлечениями были прогулка от его дома до Рефолрм-клуба, чтение газет и игра в вист. По словам Верна, он много лет жил по строгому распорядку. По Фоггу можно было сверять часы. На самом деле, «много лет» — это всего лишь четыре года, с 1868 по 1872 год. Но его поведение было настолько исполнено «безразличия», что люди думали о нем, как о чем-то неизменном и постоянном, подобном молочному фургону или даже дому.

Фогг требовал, чтобы его вода для бритья была точно 86 градусов по Фаренгейту. Этим утром его слуга, Джеймс Форстер, появился в нужное время с водой, в тридцать семь минут десятого. Он поставил чашу у бассейна, и мистер Фогг достал термометр из воды. Было зарегистрировано 84 °F. Этому не могло быть оправдания! Мало кто мог исполнить обязанности слуги Фогга, поскольку всё должно было выполняться точно и в точное время. Слуга должен был разбудить

своего хозяина ровно в восемь утра. Двадцать три минуты спустя он должен был появиться с подносом, на котором стояли бы чай и тост. Верн не указал, что они должны были быть определенной температуры, но мы можем предположить, что должны. Через десять минут Форстер убирал их. Оставалась вода для бритья в 9:37 утра.

В 11:30 утра, с точностью до секунды, мистер Фогг выходил через парадную дверь, и возвращался через нее, когда часы Лондона били полночь. Между его выходом и возвращением у слуги было немного обязанностей. Ему приходилось следить за порядком, договориться, чтобы уборщица приходила раз в неделю, убирать и стирать одежду его хозяина, заправлять кровати, оплачивать немногочисленные счета и так далее. За исключением недовольства нечеловеческим характером графика жизни, Джеймс Форстер был идеальным слугой.

Или не был?

Почему, например, Форстер приносил воду для бритья с температурой на два градуса меньше, чем требовалось? Все, что ему нужно было сделать, это проверить термометр. Почему он не делал это, когда он знал, что это так важно?

Ответ в том, что он сделал это.

Проверил. Мистер Форстер подождал, пока температура воды не опустится до 86 °, прежде чем выносить ее из кухни. Он очень хорошо знал, что к тому времени, когда он достигнет ванной комнаты на третьем этаже, вода будет ниже желаемой температуры. Он также не выглядел возмущенным, когда Фогг сообщил, что уволил его.

Фогг должен был выглядеть расстроенным, так как метроном его жизни был сбит с верного ритма. Все казалось не в порядке, хотя немногие будут беспокоиться из-за разницы в температуре воды для бритья на два градуса, мистер Фогг счел это серьезным. Но его спокойное выражение лица изменилось незначительно. Его брови приподнялись, как будто они были парой крыльев птицы, привыкшей к парению на недвижных крыльях. Затем брови опустились, и Фогг сказал холодным, но не возмущенным голосом:

— Вы будете уволены в тот же миг, как я найду нового камердинера. Вы запросите в каком-нибудь подходящем

агентстве кандидатов на роль вашего преемника, и я опрошу соискателей. Я буду здесь с этой целью до одиннадцати двадцати пяти.

— Да, сэр, — ответил Форстер. — Очень хорошо, сэр. И могу я попросить о рекомендациях?

— Вы были вполне сносны до этого момента, — объявил господин Фогг. — Готов свидетельствовать об этом перед любыми потенциальными работодателями. Но я должен буду также указать, почему я был вынужден уволить вас.

Мистер Форстер не ответил, но подумал, что очень немногие работодатели будут рассматривать два градуса по Фаренгейту как нечто серьезное или просто заслуживающее комментариев.

Ни один из них не улыбнулся в конце этого разговора, хотя трудно понять, как они могли удержаться. Хотя свидетелей не было, и никто не мог их увидеть или услышать. Если бы за ними наблюдала скрытая камера или электронные уши, ничего плохого не было бы зарегистрировано. Конечно, в 1872 году ни одно из этих устройств не существовало.

Или они существовали?

Как насчет очень слабого жужжания, которое можно было услышать в этом доме, когда ни один человек не говорил? Чем это можно было объяснить? А что насчет большого зеркала в спальне мистера Фогга? Могло ли это быть куском стекла с односторонним отражающим покрытием, или оно скрывало оборудование, которое даже в 1972 году нашей эры могло бы оказаться действительно передовым?

Независимо от того, стоял ли дом на прослушке, очевидно, что Фогг и Форстер никогда не говорили ни слова и не делали ни жеста, которого не ожидали от людей их класса и в этой ситуации. И существовало ничего, чтобы указать, что 2 °F. может быть знаком для увольнения одного слуги и найма другого. Или что знаменитая ставка, сделанная в Реформ-клубе, стала результатом этого сигнала.

Можно счесть все происходящее отличной иллюстрацией эксцентричности мистера Фогга. Уволить человека, потому что он предлагает воду на два градуса ниже нормы, значит быть эксцентричным. Такое поведение «нормального» человека сразу привлекло бы внимание. Но подобного поведения

следовало ожидать от мистера Фогга. Действительно, если бы он не отреагировал так, как он отреагировал, он был бы с подозрением изучен любым гипотетическим скрытым наблюдателем.

Без двадцати минут десять Форстер помог Фоггу одеться. Пятнадцать минут спустя Форстер вышел из дома и отправился на извозчике в агентство по трудоустройству, специализирующееся на слугах, лакеях, горничных и поварах для состоятельных людей.

Филеас Фогг сел в кресло и принял привычную позу. Его позвоночник был прямым; его лопатки — плотно прижаты к спинке стула. Его ноги были близко друг к другу. Его руки были положены ладонями на колени. Его глаза были устремлены на большие часы через всю комнату. Этот инструмент указывал не только обычные секунды, минуты и часы, но и день, месяц и год. Он не двигался, за исключением подъема и падения грудной клетки, характерного для всех живых млекопитающих, даже для мистера Фогга. Несмотря на то, что говорится о немигающем взгляде злодеев в бульварном чтиве 1872 или 1972 года, никто не может обойтись без моргания. Результаты будут слишком болезненны. И поэтому мистер Фогг моргал, как обычный человек, даже если этого не требовалось.

Фогг сомневался, что в доме есть какие-то скрытые шпионы, люди или механизмы, но все возможно. Фогг жил так, как будто он автомат — почти как механический шахматист. И делал он это по двум причинам. Во-первых, его учил этому его приемный отец. Во-вторых, хотя он жил тихо, он делал это заметно. Мало кто знал о существовании Фогга, но те, кто знал, были очень хорошо осведомлены. Однако его выдающаяся репутация была способна развеять подозрения противника. Они поверили бы, что их враги будут делать все возможное, чтобы казаться нормальными, слиться с человеческим стадом. Поэтому мистер Фогг своим поведением убеждал врагов, что он не может скрыться от них.

Несмотря на эту теорию, были некоторые доказательства того, что Фогг находился под наблюдением. И поэтому Фогг, будь то в компании или в одиночку, всегда действовал так, как должен был действовать Фогг. Он делал это так долго, что считал бы неестественным поступать иначе.

Образ его был он сам, и сам он был этим образом.

Но все должно было измениться очень скоро. Возможно, предчувствие этого заставило его сердце биться быстрее.

Но не этот ли человек сказал: «Непредвиденного не существует»? Неужели он, сидя неподвижно в кресле, использовал свой разум как компьютер, чтобы экстраполировать наиболее вероятное из будущего? Позволило ли его обычное обучение в детстве переключать определенные нейронные цепи и стимулировать определенные паттерны в мозге для бессознательных вычислений со всей скоростью современного электронного мозга? Мог ли он визуализировать статистические шансы возникновения в потенциале? Фогг никогда не говорит об этом в своем журнале, но есть некоторые утверждения, которые звучат так, как будто он косвенно ссылается на такой талант. Если бы он мог сделать это, то он должен был знать, что такое неизбежность. И поэтому, хотя в некотором смысле будущее не содержало непредвиденных обстоятельств, оно не несло в себе неизбежности. Если бы это произошло, и этого можно было ожидать, одна или другая сторона в этой тайной войне давно бы признала поражение. Фактически, война, возможно, закончилась прежде, чем началась, так как вычисления показали бы обеим сторонам, которая в конечном счете победит.

Предвидел ли гоосподин Фогг, что в дверь его дома постучат?..

Джеймс Форстер открыл дверь и сказал:

— Новый слуга.

Почему Форстер таким образом объявил заявителя? Новый человек еще не был допрошен, не говоря уже о найме. Почему Форстер говорил так, как будто дело решенное? Было ли это ошибкой с его стороны, или вопрос действительно был предрешен?

Если так, выражение лица Фогга не изменилось, и Верн ничего не говорит о Форстере... Верн ничего не знал о том, что происходило за кулисами.

Вошел мужчина и поклонился. Он был низкорослым и стройным; у него было приятное лицо с красными щеками и ярко-голубыми глазами; его волосы были каштановыми и всегда выглядели запутанными.

Мистер Фогг сказал:

— Вы француз, я полагаю, и вас зовут Джон?

— Жан, если месье пожелает. Жан Паспарту...

Фогг сделал первый шаг, когда спросил, зовут ли соискателя Джон. И парижанин ответил паролем, когда сказал, что его зовут Паспарту. Так же, как имя Фогга указывало на то, что он играл определенную роль в организации, по счастливому стечению обстоятельств, Паспарту указал и свою роль. Но имя француза не было тем, с которым он родился. Его назвали Паспарту — «пройдет везде» или «отмычка» — по уважительной причине. Это указывало на нечто большее, чем страсть к путешествиям и непоседливость француза.

Паспарту по просьбе Фогга рассказал о себе. Он был странствующим менестрелем и артистом, хотя и не из числа оборванцев. Он также ездил на лошадях в цирке и танцевал на канате, как знаменитый Блондин. Если Паспарту мог подражать подвигам этого товарища Галлии, как он намекнул, он должен был бы придерживаться каната. Блондин был человеком, который первым пересек Ниагарский водопад на проволоке на высоте 160 футов над водой и 1100 футов в длину. Это он делал много раз, с завязанными глазами, на сваях, неся мужчину на спине, садясь на стул и принимая пищу и так далее. Лишь одиннадцать лет назад он появился в Хрустальном дворце в Лондоне и там, на ходулях, ходил по веревке на высоте 170 футов над землей.

Не следует предполагать, что Паспарту был равным Блондину, но он, возможно, не сильно отставал в мастерстве. В любом случае он бросил проволоку, чтобы некоторое время преподавать гимнастику. Затем он стал пожарным в Париже, но за пять лет до этого он бросил заниматься вейлером в Англии.

Конечно, это было странной сменой профессий, но Паспарту объяснил, что устал от опасностей и тревог. Он желал спокойной жизни. Теперь, услышав о мистере Фогге, с которым никто не мог сравниться в более строго запланированной и мирной жизни, Паспарту представил себя желанным камердинером. Он даже не хотел больше использовать имя Паспарту.

Мистер Фогг сказал:

— Паспарту, вы подходите мне. Вас хорошо охарактеризовали для меня. Я слышал хороший отчет о вас.

Это было странно, потому что от кого и когда мистер Фогг слышал о Паспарту? Еще несколько часов назад он даже не думал о том, чтобы нанимать нового слугу. Поскольку он уволил Форстера и отправил его за другим слугой, он ни с кем не общался. Он не посылал объявление в газеты, не написал письмо и не получал ответа, а также не использовал телефон. Последнего у него не было, поскольку господину Александру Грэму Беллу было всего двадцать шесть лет и чуть меньше четырех лет прошло с момента получения им патента на электрический говорящий телефон.

Мистер Фогг мог отправить Форстера в ближайший телеграф, но Верн ничего не говорит об этом. Нет, так же, как введение Форстера, появление Паспарту было ошибкой с его стороны, поэтому комментарий Фогга по поводу рекомендации был его ошибкой. Вопрос в том, были ли эти промахи допущены преднамеренно, чтобы повлиять на гипотетического скрытого наблюдателя определенным образом? Если непредвиденного действительно не существовало для Фогга, как он мог ошибиться? И если Фогг нарочно допустил ошибку, то можно с уверенностью предположить, что Форстер тоже сделал так. Это означает, что все трое, Фогг, Паспарту и Форстер, были осведомлены об определенном плане.

— Вы знаете мои условия? — спросил Фогг.

Ответ француза показал, что Форстер проинструктировал его по дороге из агентства.

Затем Фогг спросил Паспарту, который час. Француз достал из кармана жилета огромные серебряные часы, посмотрел на них и сказал:

— Двадцать две минуты одиннадцатого.

— Ваши часы отстают, — сказал мистер Фогг.

Паспарту ответил, что это невозможно.

Фогг холодно сказал:

— Вы ошиблись на четыре минуты. Не важно. Достаточно упомянуть эту ошибку. И вот с этого момента, через двадцать шесть минут после одиннадцати часов, с этой средой, второго октября, вы находитесь на моей службе.

Филеас Фогг поднялся, взял шляпу в левую руку, водрузил ее на голову и вышел.

Господин Фогг был полностью удовлетворен, Паспарту был человеком, посланным, чтобы помочь ему в его новом предприятии, независимо от того, что это будет. Форстер согласовал его с определенными паролями в агентстве. Сообщение о часах Паспарту, отстающих от точного времени, был другим методом идентификации. Кроме того, имя француза указало на его функцию, и «огромные» часы были настолько большими, потому что это было чем-то большим, чем часы. То, что господин Фогг взял шляпу левой рукой, было заключительным сигналом, так как он был правшой. Если бы он был левшой, он использовал бы правую руку. Паспарту увидел последнее подтверждение...

После того как Фогг покинул комнату, он замер на мгновение. Дверь на улицу закрылась. Это случилось точно по графику, в 11:30. Несколько секунд спустя дверь закрылась снова. Это был Джеймс Форстер, идущий туда, куда диктовал план. Там Форстеру предстояло сделать ход в напряженной и опасной «шахматной партии», которая продолжалась в течение двухсот лет между эриданианами и капеллианами.

ГЛАВА 2

РЕФОРМ-КЛУБ К которому господин Фогг продолжал двигаться с постоянной скоростью, был отдален только одной тысячей ста пятьюдесятью одним шагом от дома господина Фогга на Сэвильроу. Верн не уточняет, что выяснилось во время прогулки Фогга. Для него обычное не стоило описания, а об экстраординарном ему не сообщили. Однако обыденное для Фогга может быть интересно современному читателю. У Лондона 1872 года был собственный бренд — смог. Действительно, слово, описывающее смесь из дыма и тумана, имеет лондонское происхождение. Дым сотен тысяч промышленных топок и домашних печей, жгущих мягкий уголь часто, затемнял небеса и покрывал все вокруг слоем копоти. Смог при-

давал лондонскому воздуху довольно резкий аромат и несомненно способствовал распространению туберкулеза и других заболеваний легких.

Другой аромат, весьма приятный при определенных условиях и в небольших количествах, исходил от конского навоза. Он покрывал улицы от Уэст-Энда до Ист-Энда. В сухие периоды облака навозной пыли поднимались, чтобы смешаться с угольной пылью и грязью, когда колеса экипажей подпрыгивали на грудах ценного удобрения. Над мостовой вились огромные и вредные слепни, которые были знакомой и постоянной частью цивилизованного мира. Сейчас, однако, был октябрь, и холодные ночи прошлых нескольких недель значительно препятствовали активности этих насекомых.

Господин Фогг прошел по тротуару от дома № 7 по Сэвилроу, повернул налево на Виго-стрит, после того, сделав несколько шагов, пересек Виго, выйдя на улицу Саквилля, и пошел по ней, пока не прибыл на Пикадилли. Перейдя площадь не обращая внимания на экипажи и фургоны, которые заполнили это славное место (лондонское движение было опасносным и век назад), господин Фогг шел в восточном направлении, пока не добрался до узкой Черч-стрит. Здесь он повернул направо и, перейдя на Джермин-стрит, повернул направо снова, прошел несколько шагов, и затем пошел через Джермин, чтобы выйти на Герцога Йоркского. Это привело его на Сйнт-Джеймс-Сквер. Он пересек Пэл-Мэл и вошел в Рефлом-клуб. Это заведение и знаменитое здание — сосед Клуба путешественников, в который не допускается никто, если он не путешествовал по крайней мере на пятьсот миль по прямой линии от Лондона. Хотя господин Фогг, возможно, легко вступил бы в члены этого клуба и прежде и после его путешествия, он никогда не был участником.

На другой стороне Пэл-Мэл располагался клуб «Афинеум», посвященный объединению деятелей искусств и наук и их выдающихся покровителей. Это — то учреждение, что было названо клубом «Диогена» в историях о Шерлоке Холмсе. Однако в это время Майкрофту Холмсу, его будущему участнику, только-только исполнилось двадцать шесть лет, а его брату Шерлоку было едва восемнадцать. Все же пути младшего

Холмса и одного из многих пешеходов на Пэл-Мэл в тот день должны были пересечься много лет спустя.

Хотя Фогг, казалось, не смотрел ни налево, ни направо, как будто он ехал по рельсам, он не терял бдительности. Таким образом, он заметил высокого, широкоплечего джентльмена приблизительно сорока лет, стоящего в дверном проеме и прикуривающего сигару. Только самый острый из наблюдателей, возможно, отметил бы, что шаги Фогга слегка сбились с ритма. И только находившийся рядом и очень проницательный человек обнаружил бы секундное побледнение кожи господина Фогга.

Его губы приоткрылись на миг, выдохнув имя.

Более Фогг ничем не выдал себя. Он шел как, как будто он был планетой на орбите и не мог быть встревожен нечем иным кроме как солнцем, решившим превратиться в сверхновую.

Но под маской его безмятежного лица миллионы микроскопических сверхновых взрывались и полыхали, нейрон за нейроном. Мог это действительно быть ОН? Или Фогг ошибся? В конце концов, человек стоял на другой стороне улицы в тени глубокого дверного проема. Особенности были неразличимы. Телосложение, конечно, напомнило человека, имя которого Фогг выдохнул. Безопасная спичка, с которой он зажег свою сигару, возможно, осветила на миг черты его лица в тени дверного проема, но рука, которая держала спичку, заслонила лицо. И при этом Фогг не мог определить, было ли у этого типа необычное расстояние между его глазами.

Кроме того, взгляд Фогга был слишком мимолетен, чтобы позволить любую проверку первого впечатления. И чем далее он уходил от этого человека, тем меньше верил, что это мог быть ОН. Почему он стоял там, где он мог бы быть замечен? Какую цель он мог иметь, разрешив Фоггу узнать, что он жив? Это была бравада? Или он пытался создать панику?

И как он мог быть живым? Как он убежал? Насколько Фогг знал, он и трое других были единственными оставшимися в живых. Однако когда-то он думал, что был единственным, кто не утонул, но узнал позже, что другим тоже повезло. Другие оставшиеся в живых были французами и

канадцами, и не было большого шанса, что они когда-либо увидят его снова. Чтобы удостовериться, что они не признают его, если столкнутся с ним случайно, он отрастил бороду.

Несмотря на интенсивное расследование, не были найдено никаких доказательств, что кто-либо еще вышел живым из водоворота. Однако это могло означать, что капеллане надежно хранили их тайну. Они были очень хороши в этом.

«Возможно, — думал Фогг, — все так внезапно расстроилось, Форстер отбыл к неизвестному месту назначения, и Паспарту появился с дистортером, единственным дистортером эриданиан».

Фогг подходил к Реформ-клубу. Хотя он и предвидел возможность того, что и другие могут остаться в живых, он вычислил, что это крайне маловероятно.

Но если бы кто-либо мог выжить, то это именно тот тип из подворотни! Он, Фогг, не имел права принимать желаемое за действительное.

ГЛАВА 3

РЕФОРМ-КЛУБ ИМЕЛ политическое происхождение и был основан либералами обеих палат парламента, чтобы помочь протолкнуть законопроект о реформе 1830-32 гг. Это было еще не то, что мы сегодня рассматриваем как демократия. Законопроект перераспределил места в парламенте, предоставив новым средним классам промышленных городов представительство, которого им не хватало. Тогда правительство пыталось избавиться от «гнилых районов». Клуб не смог удовлетворить радикалов (которых мы должны считать очень консервативными по современным стандартам), но это был шаг к настоящему представительству. Почему Фогг выбрал этот клуб, а не другой, неизвестно. Казалось, он вообще не интересуется политикой. По крайней мере, Верн не сообщил нам своего мнения, и в результате тщательного поиска не удалось найти его имя ни в одном из списков избирателей.

Сам клуб был размещен в великолепном здании, архитектурный стиль которого был чисто итальянским, пред-

положительно копии знаменитого Фарнезийского дворца в Риме, спроектированного Микеланджело. В нем было шесть этажей и сто тридцать четыре комнаты. В центре находился большой зал размером пятьдесят шесть футов на пятьдесят футов, высотой с само здание. Рядом с гостиной находятся библиотека и карточная комната. Именно туда и направлялся Фогг, там был конечный пункт его назначения.

Тем временем он сделал запланированную остановку в столовой, девять окон которой выходили в сад. Он сидел за накрытым для него столом и ел свой завтрак, на который он не должен был делать заказ, поскольку набор блюд мистера Фогга никогда не менялся.

В тринадцать минут первого он встал и пошел в большой зал. Он сел, и слуга передал ему «Таймс».

Фогг разрезал страницы маленьким острым складным ножом и читал газету с пятнадцати минут первого до четырех часов. Без просьбы Фогга ему передали «Стандарт». Затем он съел ужин, меню которого отклонялось от заведенного не больше, чем его завтрак. Затем мистер Фогг побывал в уборной — событие, о котором Верн не упоминает. Поскольку внутренние процессы господина Фогга были столь же упорядочены, как и его внешние действия, мистер Фогг вновь появился в читальном зале в назначенное время: без двадцати шесть. Он вновь сел читать, в этот раз «Пэл Мэл», и продолжал в течение получаса. Однако проницательный наблюдатель заметил бы, что господин Фогг поднимал глаза от газеты чаще, чем обычно, и он мог бы сделать вывод, что мистер Фогг кого-то ищет. Этот человек, если он появился, не вызвал видимой реакции у мистера Фогга.

Очевидно, что бы ни означал сигнал 2 °F, события развивались медленно. Если за планом стояло безумие или отчаяние, это не было очевидно. Мистер Фогг прочитал каждое слово из трех публикаций с удивительной быстротой. Это было еще более замечательно, учитывая отсутствие практики в других видах литературы. Никто в клубе никогда не видел, чтобы Фогг читал что-либо, кроме газет, и он, конечно же, не читал дома. В доме на Сэвильроу не было книг. И все же господин Фогг, казалось, был повсюду и знал все о самых отдаленных местах. Откуда он получил свои знания?

Казалось, он не ищет ничего особенного в содержимом газет. И все же его взгляд иногда замедлял бег по строчкам и возвращался. Задержки были вызваны определенными предметами, рассказами о странных событиях в далеких, затерянных уголках земного шара. Заметки эти были чем-то вроде того, что нужно для заполнения пустых мест, хотя определенно были рассчитаны на то, чтобы заинтересовать большинство людей. Фогг совмещал их с другими материалами в сегодняшних газетах, а также с теми, которые он читал в прошлом. Он пытался построить из них целостную картину. Его особенно интересовали истории о странных или необычных морских явлениях. Истории о морских змеях или пропавших или опаздывающих кораблях привлекали особое внимание господина Фогга. Он также не пренебрег делами земными, особенно немотивированными убийствами или исчезновениями.

В десять минут шестого пять членов клуба остановились, чтобы поговорить перед камином и избавиться от ощущения зябкости осеннего вечера. Это были Эндрю Стюарт, инженер; два банкира, Салливан и Фаллентин; пивовар Флэнаган; и директор Банка Англии Готье Ральф. Мистер Фогг знал об их присутствии, но, поскольку он не закончил читать, он не присоединился к ним.

Мистер Флэнаган спросил мистера Ральфа, что он думает об ограблении.

Стюарт ответил за Ральфа, заявив, что Банк Англии потеряет свои деньги.

Ральф ответил, что банк рассчитывает на поимку грабителя. Лучшие из детективов были отправлены во все крупные порты Америки и Европы, и грабитель должен был быть действительно очень скользким, чтобы уклониться от Ястребов Закона.

Стюарт спросил:

— А у вас есть описание грабителя?

На что Ральф ответил:

— Во-первых, он не грабитель.

Стюарт был поражен.

— Как! Парень, который уходит с пятьдесят пятью тысячами фунтов, не грабитель?

— Нет.

— Может быть, тогда он вкладчик?

— «Дейли телеграф» сообщает, что он джентльмен.

Никто не улыбнулся последнему замечанию, которое сделал Филеас Фогг. Он встал, поклонился партнерам по висту и включился в разговор о грабеже. Три дня назад джентльмен забрал пакет с банкнотами со стола главного кассира. Это был джентльмен, но он не вернул пакет.

Как отмечает Верн, «Банк Англии глубоко верит в честность публики». Никто не знал, что пятьдесят пять тысяч фунтов отсутствовали, пока банк не закрылся. Не было охранников, готовых защитить учреждение от незаконной деятельности. Кассир заметил, что дженьлмен забрал деньги, но не обратил на это внимания и не поднял тревогу, пока потеря не была обнаружена.

Тем не менее Банк Англии быстро принял меры, когда его сотрудники убедились, что деньги украдены. Детективы были срочно отправлены в Ливерпуль, Глазго, Гавр, Суэц, Бриндизи, Нью-Йорк и другие порты. Природное рвение охотников за преступниками подогревалось обещанием вознаграждения двумя тысячами фунтов плюс пять процентов от полученной суммы. Они действовали не вслепую, так как им было предоставлено отличное описание джентльмена, который взял деньги.

Ральф, как сотрудник банка, думал, что немыслимо, что этого человека скоро не поймают. Инженер Стюарт оспорил это заключение даже после того, как началась игра в вист. У него партнером был господин Флэнаган, а у Фогга — Фаллентин. Конечно, они не общались, пока не закончился первый роббер. Затем Стюарт сказал:

— Я утверждаю, что фортуна благоволит вору, который должен быть умным парнем.

— Но куда он может бежать? — удивился Ральф. — Ни одна страна не безопасна для него.

Стюарт хмыкнул.

— Куда ему бежать? — переспросил Ральф.

Стюарт фыркнул:

— Не знаю. Мир достаточно велик.

И, раздав Фоггу, он подождал.

Стюарт происходил из «управляющих», тех, кто управляет. Он служил инженером как в общественном, так и в частном смысле. На самом деле, насколько знал Фогг, Стюарт считался главой всей эриданианской расы. Главным инженером расы, по праву рождения и избранным.

— Мир достаточно велик... — повторил Стюарт.

Фогг тихим голосом заметил:

— Так было и раньше! — Он передал перетасованные карты Флэнагану. — Сдавайте, сэр!

После раздачи Стюарт продолжил:

— Что значит раньше? Мир стал меньше?

— Действительно, я согласен с мистером Фоггом, — влез в разговор Ральф. — Мир стал несколько меньше. Теперь человек может объехать его в десять раз быстрее, чем сто лет назад. Вот почему поиск вора, скорее всего, будет успешным.

— Но именно поэтому вору легче уйти, — возразил Стюарт.

— Будьте так любезны играть, а не болтать, мистер Стюарт, — сделал замечание Фогг.

Никто, кроме Стюарта, не понял двойное значение этой фразы.

Надо признать, Стюарт не был шулером. Даже если бы у него не было природного таланта, ему было бы действительно скучно не получить выгоду от ста пятидесяти лет практики. Несмотря на свою способность обманывать при игре в карты, он всегда был честен. То есть честен, если только обстоятельства не требовали иного. В этом случае повод требовал. Итак, Стюарт положил в качестве первой карты ту, которую выбрал — бубновый валет. Для всех, кроме Стюарта и Фогга, это означало, что бубны будут козырями. Для Фогга это был приказ делать ставку, принимать вызов, хотя и не с картами. На что поспорить, что поставить на карту? Это зависело от слов Стюарта и способности Фогга их интерпретировать.

Когда этот раунд закончился, Стюарт сказал:

— У вас есть шанс доказать, что мир стал меньше. Сможете объехать этот мир за три месяца?..

— За восемьдесят дней, — уточнил Фогг.

Салливан прервал длинное объяснение того, почему это

займет всего восемьдесят дней. На железной дороге Великого Индийского полуострова только что открылся новый участок между Роталем и Аллахабадом, и это уменьшило бы время в пути, достаточное для того, чтобы это стало возможным.

Он сам составил график, согласно которому бесстрашный и счастливый путешественник может отправиться из Лондона, обогнуть земной шар и вернуться в Лондон через одиннадцать недель и три дня.

Стюарт был настолько взволнован этим, что заключил пари. По крайней мере, он казался взволнованным. Фогг знал, что бубновая тройка означала:

«Они взяли твой след. Осторожнее».

Затем Стюарт сказал, что график не учитывает плохую погоду, встречные ветры, кораблекрушения, железнодорожные происшествия и другие вероятные события.

— Все предусмотрено, — возразил Фогг. Он продолжал играть, хотя остальные остановились.

Стюарт был настойчив.

— Предположим, индусы или американские индейцы разберут рельсы? Предположим, они остановят поезд, отцепят багажные вагоны, снимут скальпы с пассажиров?

— Все учтено, — спокойно ответил Фогг. Он бросил свои карты. — Два козыря.

Остальные выглядели удивленными, но не его картами, а его разговорчивостью. И они нашли поведение Фогга раздражающим. Ледяное спокойствие и надменность были замечены за Фоггом и прежде, но в целом он был приличным джентльменом. Он был эксцентричным. Англичане тогда любили чудаков или, по крайней мере, уважали их. Но мир тогда был намного больше, и для чудаков было место.

Настала очередь Стюарта. Перетасовывая карты, он сказал:

— Теоретически вы правы, господин Фогг. Но практически...

— Практически также, господин Стюарт.

Господин Стюарт надеялся, что кто-то помимо него сделает ставку. Так как это теперь казалось невероятным, он должен будет сделать ее сам. Он надеялся, что неизбежный капелланин рядом (Кто был им? Слуга поблизости? Фаллентайн?

Фланаган? Возможно, чудовищная мысль, сам Фогг?) — решил бы, что ставка возникла естественно. Конечно, они вычислили Фогга или по крайней мере подозревали его. Но не Стюарта! Или по крайней мере его подозревали не больше, чем Фаллантайна, Флэнагана или Ральфа.

Несколько возмущенным тоном он сказал:

— Хотел бы увидеть, как вы сделаете это в течение восьмидесяти дней.

— Это, — невозмутимо продолжил Фогг, — зависит от вас. Ваша ставка?

Стюарт ответил, что поставит четыре тысячи на то, что это не может быть сделано. Фогг спокойно настоял, что это возможно. Слово за слово, и таким образом известное пари было заключено. У Фогга был депозит из двадцати тысяч фунтов. Он рискнул всем.

Салливан крикнул, и мы можем судить о накале страстей. Английский джентльмен поднял голос в Реформ-клубе! Салливан выкрикнул, что Фогг потеряет все при одной случайной задержке. Филеас Фогг ответил своим классическим:

— Непредвиденных событий не существует.

Стюарт бросил предупредительный взгляд. Любой подслушивающий капеллианин вцепился бы в это, как собака в кость. Он задался бы вопросом, кто и чем на самом деле занят за этим карточным столом.

Или Стюарт послал сообщение, что Фогг должен был привлечь внимание?

Последнее кажется более вероятным, так как план Стюарта состоял в том, чтобы использовать Фогга в качестве приманки. Время прятаться закончилось. Пора было сокрушить врага. Как Стюарт пришел к идее использовать Фогга в роли приманки, неизвестно. По крайней мере в записной книжке об этом нет ни слова. Вероятно, Стюарт загорелся этой идеей, когда прочитал образцовый график для восьмидесяти однодневных поездок в «дэйли телеграф».

Фогг же, в свою очередь, не знал, почему Стюарт затеял это. Один из игроков возразил, что восемьдесят дней были наименее возможным временем, чтобы совершить такую поездку. И тогда Фогг дал другой свой классический ответ.

— Используй все, что под рукою, и не ищи себе другое.

Замечание о том что, чтобы остаться в рамках асписания, ему придется мгновенно перескакивать с поездов на суда и обратно, он отклонил фразой:

— Не мешкай ни мгновения, и обретешь прозрение!

— Вы шутите?

На что Фогг ответил, что истинный англичанин не шутит в таких вопросах. Убежденные Фоггом, игроки в вист решили принять пари.

Тогда господин Фогг объявил, что поезд этим вечером уезжает в Дувр без четверти девять. Он будет на нем.

Он не знал о ставке до этого часа и никогда не садился на поезд. Откуда он знал железнодорожное расписание? Запомнил? Ввиду его других талантов, вероятно, он, должно быть, сделал это когда-то до 1866-го. Таким образом, он не мог знать, что поезда все еще придерживались графиков того же расписания. Но он помнил старое расписание и доверял консерватизму англичан.

После консультации с карманным альманахом он заявил:

— Сегодня среда, второго октября, и я буду в Лондоне, в этой самой комнате, в субботу, двадцать первого декабря, утром, без пятнадцати девять. Иначе двадцать тысяч фунтов, доставшиеся мне, переходят вам поправу. Вот расписка на эту сумму.

Полное состояние господина Фогга составляло сорок тысяч фунтов, но он предвидел необходимость потратить половину из этого, чтобы выиграть двадцать тысяч. Удивительно, что никто не прокомментировал его действия. Зачем чрезвычайно практичный человек, настолько практичный, что проводит свою жизнь согласно законам рациональной механики, будет заключать такое пари, как это? Он был человеком, который никогда не уступал импульсу. Кроме того, даже если бы он выиграл пари и это не казалось невероятным, он не стал бы ни на гинею богаче, чем прежде. И если бы он проиграл, он стал бы нищим.

Единственное объяснение состоит в том, что он выполнял приказ, сделав этот удивительный и беспрецедентный шаг. Даже если бы у нас теперь не было его секретной записной книжки, мы могли бы быть уверены в этом. Что касается его сорока тысяч фунтов, частная собственность эриданиан

была в распоряжении Стюарта, когда ситуация требовала того. Стюарт пожертвовал бы собственным состоянием, если это было бы необходимо. Если бы Фогг должен был рискнуть всем, что он имел, он мог быть уверен, что для этого была определенная причина.

Но потери могли оказаться много больше, чем деньги. Он мог быть убит в любой момент. С этого времени он перестал быть эксцентричным полуотшельником, живущим в лондонской глуши. Его ставка, несомненно, была быстро разглашена. Мир с горячим интересом начал следить за его поездкой.

Если Фогг и был встревожен этим, он не выказал ни малейших признаков этого. Он был спокоен, как удав. Другие были взволнованы. Все, кроме Стюарта, чувствовали, что обманули своего друга с этой ставкой. Но у Стюарта была другая причина. Он знал, с какими опасностями Фоггу суждено столкнуться.

ГЛАВА 4

ВЕРН НИЧЕГО НЕ написал об игре в вист. Однако тайная записная книжка кое-что сообщает нам по этому поводу. Фогг должен был позволить Стюарту узнать, что он видел кого-то, кто мог бы или не мог бы быть их старым врагом. Поскольку Фогг был так же искусен с картами, как Стюарт, хотя у него был только тридцать один год практики, а не сто пятьдесят, он не испытал затруднений раздать правильную комбинацию. Глаза Стюарта расширились, когда он увидел карты, и его губы беззвучно прошептали имя. Он посмотрел на Фогга, который медленно кивнул, подтверждая.

Пришла очередь Стюарта подтвердить свой приказ:

— Действуйте согласно договоренности.

Но Фогг знал, что Стюарт возвратится домой, как только игра будет закончена, и начнет расследование.

Игра неожиданностей еще не была закончена. Может случиться так, что Стюарт не запланировал передавать дополнительную информацию Фоггу. Чем меньше любой представитель расы знал, тем меньше мог сказать, будучи захвачен и подвергнут пыткам. Новости Фогга, возможно, все

изменили. Фогг должен был быть настороже еще больше, чем Стюарт подозревал. И так, когда Стюарт раздавал снова, Фогг прочитал телеграфное сообщение:

Враг нашел дистортер. В Китае.

Если Фогг был потрясен, он не показал этого, конечно, и его записная книжка ничего не говорит относительно его эмоционального состояния в это время. Но он не был бы нечеловеком, если бы он не сходил с ума от любопытства.

Кто? Как?

Это было причиной того, почему ему приказывали обогнуть Землю? Действительно ли это было причиной? Действительно ли он был приманкой? Или, не на самом деле приманкой был не он, а Паспарту?

Враг должен был узнать, что у Паспарту есть дистортер, и они попытаются заполучить его. Один дистортер был бесполезен; для передачи были необходимы два.

Похоже, у капелланцев был по крайней мере один. Скорее всего. Это устройство хранилось у раджи Бунделкунда, который был предателем. Согласно отчетам эриданианина, радже приказали уничтожить его. Но он отказался и был приговорен к смерти. Это не означало, однако, что раджа перешел к эриданианам, поскольку агент Эридана погиб, когда он приблизился к радже, чтобы попытаться его завербовать. Агент умер ужасно.

Нет, раджа не был проэриданианином. Он был только прораджой. Разведка сообщала, что он был безумен, что у него были намерения найти другой дистортер, чтобы использовать их в восстании против британцев. Во-первых, он начал бы секретную войну против британцев. Дистортеры забрасывали тугов-душителей, поклонников богини смерти Кали, в крепости и дома британских чиновников. Туги душили чиновников в их постелях.

Языки без костей разнесли бы по всей Индии весть, что раджа Бунделкунда стоит за этим и что у него есть волшебное средство для отправки убийц куда надо. С волшебством раджи нельзя было бы бороться; его посланцы могли появиться везде, не только в Индии, но и во всем мире.

В конечном счете началось бы новое большое восстание, но это, в отличие от восстания сипаев, которое было подавлено четырнадцать лет назад, могло иметь успех. Оно не потерпело бы неудачу. По крайней мере, это — то, что о чем раджа целенаправленно распускал слухи и сплетни, хотя он должен был знать, что с двумя дистортерами он мог вести только очень ограниченную войну. Хотя передатчик мог использоваться где угодно, приемник должен был быть установлен в месте назначения. Если британец должен был быть убит в его спальне, приемник должен был быть помещен в той же спальне. Это могло быть сделано достаточно легко индийскими слугами, но если бы британцы заподозрили и предприняли строгие меры безопасности, то осуществление плана стало бы затруднительным. Раджа знал это и, как сообщали, рассказал самому близкому доверенному лицу, что похитит саму королеву Викторию и использует ее в качестве заложника.

Это заявление испугало не только эриданиан. Капеллиане были напуганы не меньше. Земляне не должны обнаружить, что там существовали и существуют в течение двухсот лет две группы существ неземного происхождения, живущих среди них. Земляне стали бы истеричны; охота на инопланетян была бы устроена всеми правительствами земного шара. У этого, по мнению Стюарта, и несомненно руководителя капеллиан, мог быть только один конец. Истребление всех эриданиан и капеллиан. Даже если бы некоторые сбежали, они должны были бы прятаться в течение долгого-долгого времени, и пополнение принятием или посредством рождения детей будет очень опасно.

Стюарт также предсказал, что, если эти две группы должны будут затаиться на долгое время, понятие эриданиан и капеллиан как таковых просто отомрет. Это вероятно, если все те, кто был нечеловеческим по крови, будут пойманы и убиты. Их человеческие воспитанники не сохранят идеи преданности расе.

Были времена, когда Фогг думал, что это могло бы быть хорошей идеей. Тогда он должен был бранить себя самого. В конце концов, он и другие люди расы делали все это на благо народов Земли. Хотя он рассматривался бы людьми как предатель,

если бы они узнали о нем, он был на самом деле их ангелом-хранителем.

Между тем раджа Бунделкунда угрожал существованию и эриданиан, и капеллиан. Как только он овладел бы вторым дистортером, он приступил бы к первой фазе своего плана изгнания британцев из Индии. Это закончилось бы тем, что он станет магараджей всей Индии. После этого, кто знает?

Фогг хорошо знал, что его намеченный маршрут приведет к границам Бунделкунда. Как предполагалось, он должен попытаться получить дистортер раджи?

Стюарт не передал ему сообщения об этом.

Это означало, что он не приказывает совершить это конкретное дело. И если появится возможность заполучить дистортер, Фогг был свободен захватить его или проигнорировать. Возможно, Стюарт послал другого агента, чтобы заполучить дистортер, отвлекая на Фогга внимание раджи. Но почему он послал Паспарту? У француза был единственный дистортер, которым располагали эриданиане. Зачем помещать его в поле зрения раджи, ведь таким образом раджа мог заманить Паспарту в ловушку и достать то, в чем он нуждался больше всего?

Конечно, Паспарту был тем, кто выманит раджу далеко из дворца крепости города Бунделкунд. Хотя раджа мог бы выпустить на охоту армию тугов, несомненно он примет участие в охоте и сам. Слишком важен был дистортер. Его генерал, Кэнкер, знал о дистортерах, хотя, по-видимому, ему ничего не сказали об их происхождении. Несмотря на это, это нарушение безопасности привело в ярость и капеллиан, и эриданиан. А если бы Кэнкер добрался до драгоценного устройства, трудно было бы предугадать последствия.

Раджа был коварным, однако и он предпринял определенные меры предосторожности, чтобы гарантировать, что Кэнкер не узнает что такое эта штука и зачем она нужна, если дистортер окажется в его руках.

Но несчастный случай мог поставить точку в истории раджи, и хотя он мог бы жить целую тысячу лет, он не был застрахован от пули или болезни.

ГЛАВА 5

ВЕРН БЫЛ ПРАВ, утверждая, что Паспарту тосковал по отдыху. Он был почти везде и сделал почти все. Частью это происходило из-за его характера; его назвали Паспарту — «Отмычкой» — не только потому что он хранил дистортер. Главным образом, его прозвали так, поскольку он носился тут и там, выполняя приказы Стюарта. Покинув любимую Францию, он приехал в Англию и развил не менее кипучую деятельность. Десять английских домов знали его как своего камердинера. Но Верн пишет, что Паспарту не пустил бы корни ни в одном из них. Он всегда находил своих хозяев слишком импульсивными и легкомысленными. Его последний наниматель, молодой господин Лонгферри М. Р., освободил Паспарту от обязанностей, поскольку тот прокомментировал опьянение его светлости. Это было правдой. Но Паспарту сознательно оскорбил Лонгферри так, чтобы быть уволенным. Молодой повеса, как оказалось, был столь же непричастен к капеллианству как и предыдущие девять хозяев Паспарту. И когда ему приказали отправиться к Фоггу и предложить услуги, Паспарту не спросил почему.

Только когда ему дали пароль при встрее с Форстером в агентстве, он заподозрил, что этот случай отличается от предыдущих. Паспарту понятия не имел, что Фогг собирался получить задание в Реформ-клуба. Форстер, возможно, не сказал ему об этом, потому что Форстер не знал этого сам.

Эта скудость информации указывает на строгость мер безопасности эриданиан. Это также свидетельствует об одиночестве, на которое была обречена большая часть эриданиан. Они редко контактировали друг с другом, не связывали себя узами тесной дружбы или товарищества, не считая редких случаев брака. Истинный эриданианин даже не мог жениться и завести детей, так как последняя истинная эриданианка умерла несколько десятилетий назад. Однако Стюарт предпринимал сверхусилия, чтобы эриданианин мог жениться и иметь детей. Иначе раса вымрет, и капеллиане окажутся победителями по умолчанию. Так и случилось бы, если бы у них не было той же самой проблемы.

Паспарту редко получал приказы устно. Почти всегда это был код, переданный через игру в карты. Он бывал приглашен в ресторан, предназначенный людям его класса, и человек за его столом раскладывал пасьянс. Паспарту наблюдал за картами с большим интересом. И таким образом, карты сообщали ему на условном телеграфном языке, что он должен сделать. И Паспарту делал это.

Он был в ресторане в Туре, когда карты сообщили ему, что он должен поехать в Лондон. Когда он употреблял в пищу устриц в гостинице Чипсайда, карты в руках покрасневшей, толстой леди средних лет приказали ему устроиться в качестве камердинера к лорду Вандермееру. Это было первым из его расследований, ни одно из которых ни к чему не привело в плане капеллиан. Но Паспарту думал, что некоторые маленькие тайны, которые он раскрыл, могли быть, и, вероятно, будут, использованы для блага эриданианской Расы.

Девятым человеком, на которого он работал, был генерал, сэр Уильям Клейтон Саллуст. Паспарту не имел чести прислуживать старому баронету, так как сэр Уильям отсутствовал в поместье Саллуста в Оксфордшире. Он уехал куда-нибудь в Южную или Центральную Африку. По-видимому, он снова искал древний город Офир, если жена сэра Уильяма говорила правду. Она была красивой женщиной тридцати семи лет, одиннадцатой женой семидесятитрехлетнего авантюриста. Паспарту был уволен, когда был пойман выпивающим бренди из запаса владельца. Леди Марта Клейтон наняла француза, чтобы он был камердинером баронета, когда он возвратится из Африки. Между тем, он должен был быть и дворецким и менеджером домашнего хозяйства, которое включало девицу, повара, садовника, леди Марту, младенца Уильяма от десятого брака сэра Уильяма, и младенца Марты, нынешней жены. Паспарту использовал «подарок», потому что у жен баронета, казалось, не было больших шансов выжить. За исключением тех, кто развелся с ним, все умерли спустя несколько лет после бракосочетания. Не было никакого подозрения в умышленном убийстве. Баронет, казалось, просто излучал ауру, которая привлекала красавиц и затем опаляла их. «Как мотыльки и огонь», — думал Паспарту.

Он не понимал, почему женщины продолжали выходить замуж за него, так как все, казалось, знали то, что произошло с его женами. Но каждая думала, что она особенная; а смерть — это то, что бывает с другими.

Паспарту был озадачен. Яркий имидж сэра Уильяма не делал его вероятным кандидатом в затаившиеся капеллианы.

Паспарту не остался долго в доме Саллуста. По-видимому, руководителя интересовало, главным образом, где сэр Уильям и сколько времени он не появится. Он покинул страну тайно и без намека на место назначения. Но его жена знала и как-то вечером прочитала Паспарту письмо, что написала, но еще не отправила миссионеру-другу в юго-восточной Африке. Она сообщала, что сэр Уильям снова отправился на поиски города-сокровища Соломона. Ее друг не может сообщить новостей о нем? Сэр Уильям, несмотря на его возраст, был удивительно энергичным человеком, писала она. «Кто должен знать лучше, чем она, родившая старому джентльмену двух детей за последние три года», — думал Паспарту. Он мог бы отправиться в путь давно. Их сын, Филеас, умер от колики. Но если бы ее друг, оказалось, сталкивался с сэром Уильямом, он ничего не должен говорить относительно этого. Сэр Уильям не должен быть удержан от его поисков.

Паспарту, после пяти лет пребывания на острове, приучил себя к оригинальности англичан. Таким образом, он не был удивлен найти многодетного папашу — баронета, топчущм земли дикой Африки, ища легендарный, несомненно вымышленный, город. Ему стало интересно, когда он узнал, что мертвый Филеас не был первым ребенком сэра Уильяма, носящим такое имя. Проворный слуга подслушал разговоры леди Марты с ее близким другом, овдовевшей леди Джейн Брэндон из соседнего владения Брэндон Бич. И тогда Паспарту обнаружил, что четвертый брак сэра Уильяма, в 1832-м, дал рождение двум детям, Филеасу и Роксане. Его четвертая жена, дочь старой и благородной девонширской семьи, вступила в повторный брак после развода с сэром Уильямом. Леди Марта не знала, за кого вышла замуж женщина, так как вся ее информация была основана на некоторых рассеянных замечаниях сэра Уильяма. Она действительно

знала, что леди Лорина ненавидела сэра Уильяма так, что она заставила своего нового мужа усыновить детей. Сэр Уильям не возразил против этого, что он никогда не увидит ее или их детей снова. Это было основанием для того, почему леди Марта сказала леди Джейн, сын сэра Уильяма от его десятого брака унаследует титул баронета. Его дети от леди Лорины ничего не унаследовали. Конечно, были некоторые юридические трудности, так как титул, как предполагалось, переходил к старшему сыну. Но это было решаемо.

Паспарту не слишком долго думал об этом и о некоторой дополнительной информации, на которую она намекнула. Когда он установил, что сэр Уильям, вероятно, не вернется к цивилизации в течение долгого времени, он был переброшен на другое задание. После отставки оттуда его послали на службу к лорду Лонгферри, члену парламента и пьянице. В те дни эти два понятия часто бывали синонимичны. Паспарту был поражен, когда узнал, что Лонгферри носил имя Филеас. Могло ли это быть просто совпадением? Или это было связано, несомненно зловещим образом, с сэром Уильямом и его сыном?

Во время его недолгого пребывания с Лонгферри Паспарту удалось провести некоторое время в читальном зале Британского музея. Было необходимо получить рекомендацию для доступа туда, но сам Лонгферри предоставил ее. Он смеялся, когда его камердинер попросил у него ее, как будто член низших классов и француз не мог интересоваться интеллектуальными вопросами. Но он согласился. Паспарту тогда обнаружил определенную связь между Филеасами, хотя и не понял ее значения. Дедушку лорда Лонгферри звали Филеас, и он был большой оригинал. Он был очень близким другом Уильяма Клейтона в юности. Оба отправились добровольцами, с Байроном и греками, сражаться за независимость. Захваченный турками, молодой Лонгферри умер от плохого обращения (вероятно, группового изнасилования гомосексуальными турками, предположил Паспарту) и лихорадки. Уильям Клейтон долго горевал по мертвому другу. Он попытался увековечить память о своем друге, назвав двух сыновей в честь него. Первый исчез, насколько можно было судить. Он просмотрел газеты за 1832—1836-гг. Он нашел уведомление о разводе сэра

Уильяма и леди Лорины (который потребовал парламентского акта), но он ничего не смог найти о ее повторном браке.

Отчет о нем должен был существовать, конечно, и бравый слуга намеревался разыскать его. Но ему приказали, через игру в карты, оставить задание. Он сделал это, отругав дворянина за то, что он приперся домой пьяный. Два дня спустя карты, розданные красавицей двадцати пяти лет отроду, приказали ему искать новую работу у господина Филеаса Фогга.

Филеас! Еще одна нить, нет, целый клубок, в этой таинственной сети. Паспарту чувствовал себя напуганным. Кто стоит за Филеасом? Конечно, когда-нибудь тайное станет явным, и то, что казалось настолько сложным, окажется смехотворно простым.

Когда Паспарту получил свое первое сообщение, он предположил, что Фогг был другим из длинной линии подозреваемым в том, что он капеллианин. Но во время поездки с Форстером к Сэвильроу, Паспарту знал, что все точно наоборот. 2 °F. были сигналом, сообщившим ему, что и Фогг и Форстер были существами его вида. Оставалось обменяться паролями.

После того, как его новый хозяин уехал, Паспарту тщательно осмотрел постоянное место жительства. Как камердинер, он сделал бы это так или иначе, но, как эриданианин, он был обязан исполнить все самым лучшим образом, хотя бы, ради выживания. Верн говорит, что дом показался Паспарту раковиной улитки. Это — более точное сравнение, чем сам Верн мог предположить. Раковина улитки не только удобный дом, но и крепость. Паспарту обшарил дом № 7, не пропуская ни дюйма, чтобы определить больше, чем его расположение. Он хотел знать, насколько уязвим этот дом для нападения и какова его обороноспособность. Любопытно, этот дом был доступен злоумышленникам. Полное отсутствие огнестрельного оружия или оружия любого иного вида понравилось Паспарту. Это означало, что никакие нападения не ожидались и не ожидаются, потому что хозяину даже во сне не снилось, что он испытывает потребность в защите.

«Все свидетельствовало о самых спокойных и миролюбивых привычках», — писал Верн.

Неудивительно, что Паспарту потирал руки и улыбался. Неудивительно, что он говорил вслух. «Это то, чего я желал! Ох, и поживем мы — господин Фогг и я! Истинный джентльмен! Настоящая машина! Ну, я не возражаю служить машине!»

Паспарту говорил это вслух по нескольким причинам. Прежде всего, он был действительно рад. Кроме того, его слова были подобраны так, чтобы заверить любые скрытые записывающие устройства или наблюдателей, что он и Фогг были только теми, кем они пытались казаться. Фогг — английским джентльменом, педантом и занудой, а он — Паспарту — французским бродягой, который наконец нашел уютное и постоянное пристанище.

Паспарту должен был быть умнее. Длинный ряд Филеасов должен был насторожить его. Но ему так был нужен отдых, что он позволил эмоциям победить логику. Вообразите его испуг, когда Фогг вошел в дом, не в предписанный час полуночи, а без десяти минут восемь или где-нибудь около того. Из-за удивления и тревоги, Паспарту ничего не сказал господину Фоггу, когда тот отправился в свою спальню. Но Паспарту пришлось звать дважды, прежде чем он прибежал туда. Вообразите его тревогу при известии, что через десять минут он должен ехать с Фоггом в Дувр и Кале. Вообразите его реакцию, когда ему сообщили, что они собрались совершить кругосветное путешествие в рекордное время. Вообразите взрыв в его мозгу и дрожь, охватившую его, когда он услышал, что они проедут через Индию. Паспарту знал о радже. И они будут с дистортером так близко к нему!..

В восемь часов он был готов. Но он почти упал в обморок, когда ему был вручен саквояж, содержащий путевые расходы. Двадцать тысяч фунтов в банкнотах!

А ведь он очутился здесь в результате расследований загадки происхождения множественных Филеасов!

ГЛАВА 6

В КОНЦЕ СЭВИЛЬРОУД они поймали экипаж, который помчался на станцию Черинг-Кросс. Движение, должно

быть, было чрезмерно затруднено той ночью, и возможно, авария задержала их. Верн говорит, что они прибыли на станцию в двадцать минут девятого. Так как станция — меньше чем в миле от Сэвильроу, они, возможно, добрались туда еще быстрее. Тем более что они не были перегружены. Фогг имел при себе: континентальный железнодорожный справочник Брэдшоу и дорожный справочник. Его камердинер нес саквояж. Хотя Верн заявляет, что в доме Фогга не было книг. Он, должно быть, не считал Брэдшоу книгой. И если Фогг запомнил все данные Брэдшоу относительно английских железных дорог, он не мог хранить в памяти все расписания для континента. Иначе он не прихватил бы справочника. Или, возможно, он выучил все, но полагал, что люди сочтут, что он странный, если он не использует саму книгу. Во всяком случае мы можем быть уверены, что Верн преувеличивал, сообщая, что экипаж «быстро» прибыл на станцию Черинг-Кросс.

Однако могло случиться так, что время поездки указано у Верна правильно и что что-то произошло с самими путешественниками. Возможно, капеллиане попытались похитить их. Если это было так, то было бы интересно об этом узнать подробнее. Но Фогг не упоминает об этом, и так как это не роман, а реконструкция правдивой истории, описываемый промежуток в повествовании следует, к сожалению, оставить просто как промежуток...

У входа на станцию перед двумя путешественниками предстала несчастная нищенка, держащая младенца. Одна из бесчисленной орды себе подобных, орды, которая бродила по улицам Лондона. Столицы западных государств редко видят их теперь, но тогда они были слишком знакомым всем, повсюду, как в современной Боготе, в Колумбии. Босая женщина, дрожащая на осеннем холодном ветру и измороси, она просила деньги.

Господин Фогг выиграл двадцать гиней в вист, и так как он всегда жертвовал свой выигрыш на благотворительность как и весьма значительную сумму его частного состояния, он дал ей всю сумму.

— Знайте, миледи, я рад, что встретил вас, — сказал он.

Этот инцидент пробил Паспарту на слёзы. Его хозяин, в конце концов, был человеком.

Оба, на самом деле, будучи эриданианами, были очень тронуты бедностью, болезнью и страданим, которое сокрушило многочисленные семьи в середине X1X века в викторианской Англии. С бедностью эриданиане планировали покончить. Идеальное общество, к которому они стремились, было смоделировано на принципах, которые по словам первых пришельцев — эриданиан, существовало на их родной планете. Но прежде чем это будет реализовано, злобные капеллиане должны были быть истреблены.

То, что Верн не упоминает, но о чем не преминул сообщить сам Фогг, это то, что нищенка обменяла на деньги. Фогг получил маленький листок бумаги. Это был на самом деле крошечный обрывок газеты. Бессмыслица для любого землянина, не имевшая никакого значения и для Фогга. Это были несколько предложений из статьи об ограблении банка, которое было темой дискуссии тем самым вечером в Реформ-клубе.

Фогг вытащил часы и долго разглядывал них. В действительности он поглощал статью, которую положил на циферблат часов. Его сложенная чашечкой рука препятствовала кому-либо, но Паспарту его слезы не помешали увидеть обмен.

Статью послал Стюарт, конечно. Но что она означала? Что-то важное, несомненно, что-то, что ему надо было узнать вовремя, не слишком поздно, чтобы получить от этого пользу. Закончив чтение, Фогг захлопнул крышку часов. Позже он собирался съесть обрывок газеты.

Бывали времена, как сейчас, когда ему было жаль, что коммуникация не могла, быть если не более открытой, то, по крайней мере более полной. Короткие загадочные сообщения часто оставляли его во мраке неведенья, если не большем, чем до их получения. Он не должен был страдать от беспокойства, если сам не хотел. Он мог блокировать его мысленно и тем самым сохранить внутреннее самообладание. Ценой (у всего есть цена) было то, что он должен был снова включить беспокойство когда-нибудь. Если бы он этого не сделал, оно осталось бы скрыто в той части разума,

куда он поместил его. Более поздние неприятности увеличили бы психическое давление, чтобы сохранить аналогию, пар переполнил бы котел. Рано или поздно, и чем раньше, тем лучше, он должен был открыть клапан и выпустить пар. Если бы он этого не сделал, он перенес бы чудовищную травму, разрыв мозга. Боль и повреждение головного мозга были бы ужасны. Он был уверен в этом старым эриданианом, сэром Гераклитом Фоггом, существом, которое воспитало его. Сэр Гераклит знал, что все произойдет на основе личного опыта и на основе того, что наблюдали другие эриданиане.

Баронет, долго вовлекаемый в особенно липкую ситуацию, блокировал неприятности и многие его страсти. И однажды, сразу после того, как он убил двух капеллиан в парижских коллекторах, он не выдержал. Болезнь длилась много дней, и он был полуслепым и парализован на правую сторону в течение года. К счастью, эриданиане, а не люди, нашли его. Если бы на их месте оказались люди и его доставили бы в больницу и провели экспертизу, он, возможно, был бы опознан как инопланетянин. Такое случалось несколько раз прежде, но эриданиане или капеллиане, услышав о таком, успевали замести следы.

Фоггу было только десять лет в то время. Он все еще помнил свое горе и ужас, когда его приемный отец был привезен домой поздно вечером в фургоне, который вели два эриданиана. Баронет был единственным родителем, которого он имел, единственный, которого он глубоко любил. Его мать умерла, когда ему было четыре года, убита, по словам сэра Гераклита, капеллианами. Его настоящий отец, как он знал, не хотел иметь ничего общего с ним, и таким образом, Филеас ненавидел его.

Вскоре после смерти его матери баронет начал делать намеки, рассказывать небольшие истории отдаленных мест и отдаленных времен. Постепенно Филеас узнавал правду. И таким образом, он рос, землянин генетически, но эриданианин по образованию, воспитанию и любви. Он не знал, насколько любит, пока его приемный отец не был привезен домой из Парижа. Мысль, что он мог бы умереть или остаться парализованным, потрясла Филеаса. Все же несколько минут спустя он действовал, как будто ничто никогда не

расстраивало его. Он блокировал травму. И он все еще платил за это. У сэра Гераклита, когда достаточно хорошо понял то, что произошло с его воспитанником, почти случился рецидив. Быстро он описал Филеасу, что будет, если он не начнет лечить травму. Это было подобно минированию разума. Однажды мина должна была взорваться.

То, что должен был сделать молодой Филеас, было стравливанием давления в контур конденсатора. Таким образом он мог медленно освобождать разум. Это причинило бы боль, но это не было губительно. Филеас знал, что такое конденсатор. Он узнал об этом в лаборатории в подвале поместья. Это было много совершеннее лейденской банки или любого электрического конденсатора, и он поклялся держать в тайне все относительно этого устройства.

Фогг так и делал, хотя не всегда с успехом на сто процентов. К сожалению, он настроил в своих нервных конфигурациях регенеративную обратную связь. С такой же скоростью, как он «истекал кровью» от душевных травм, они порождали новую энергию. Сэр Гераклит был озадачен этим и наконец призвал Эндрю Стюарта. Это было, когда Филеасу исполнилось двенадцать лет, после соединяющей кровь церемонии, которая сделала его полноценным эриданианином. Этот обряд также сделал его больным на некоторое время, так как частицы крови старшего Фогга и Стюарта использовали ванадий, а не железо, для переноса кислорода.

Стюарт сказал, что в разуме мальчика скрыты глубокие и опасные травмы. Они были вызваны бегством его настоящего отца и смертью матери. Стюарт блокировал их, используя естественные, хотя нежелательные, средства...

С двенадцати до двадцати одного Филеас был занят своим образованием. Оно было получено от наставников, и человеческих обычных, и эриданианских. Когда ему исполнилось двадцать один, он стал солдатом в войне, которая бушевала в тайне от землян в течение двух веков.

В тридцать шесть он закончил долгую кампанию как шпион. Он почти утонул, но был спасен у побережий Лофотенских островов рыбаком. Он возвратился в Фогге-холл, чтобы поправиться и ждать дальнейших приказов. Зализывая раны, он отрастил бороду, готовясь к возвращению

в светское общество. Его приемный отец погиб. Его кости лежали на морском дне, куда попадут и кости Филеаса, если ему придется умереть. Любой доктор или антрополог, который бросил бы взгляд на них, был бы переполнен любопытством, излечимым только смертью...

Смерть отца стала еще одной большой травмой в копилке Филеаса. А пока он отращивал бороду, Стюарт строил свои долгосрочные планы. Эти планы включали и Филеаса, но тот также потребовал графика, где оставалось время для отдыха и терапии.

Почему Филеас использовал собственное имя, снимая в аренду № 7 на Сэвильроу? Никто не знает. Но во всех предыдущих кампаниях он был тайным агентом и использовал вымышленные имена. Капеллиане, конечно, не знали ничего об истинном содержимом Фоггс-холла. Иначе, они совершили бы рейд, напав на него. Вероятно, Стюарт предвидел, что, когда Фогг заключит его пари, он окажется в центре внимания. Фогг не стал бы распространяться о себе никогда. Но если бы некий рьяный репортер или увлеченный детектив приложили бы усилия, они могли бы узнать, каково его происхождение. Только Стюарт не хотел, чтобы кто-либо раскрыл происхождение Фогга, но он не расстроился бы слишком сильно, если бы это произошло. Люди нашли бы определенные факты, которые не скажут ничего о нечеловеческих связях Фогга. К тому времени, когда капеллиане докопаются до сути, будет слишком поздно.

Это было причиной того, почему Паспарту послали, чтобы определить местонахождение сэра Уильяма Клейтона. Старый баронет был единственным во всем мире, кроме нескольких эриданиан, кто мог рассказать о происхождении мистера Фогга. К тому времени, когда сэр Уильям возвратится из Африки и услышит историю этой кругосветки, капеллиане будут неспособны сделать с этим что-либо. Они будут мертвы. Или будут мертвы эриданиане...

ГЛАВА 7

КАК ЗНАЕТ ВЕСЬ мир, история с пари в Реформ-клубе появилась на страницах газет. За исключением «Дейли телеграф»,

английские газеты объявили Фогга безумным. Тем не менее было много людей, которые верили в него достаточно, чтобы поставить на него свои деньги, а большей веры не бывает. Сила этой веры может быть оценена по тому, что «облигации Филеаса Фогга» были выпущены на биржу. Жюль Верн вдается в подробности о том, как росли и падали ставки на Фогга, таким образом, нет никакой потребности повторять его здесь.

Однако для тех, кто забыл или кто, возможно, так или иначе пропустил книгу Верна, спустя неделю после того, как Фогг уехал, его запас упал до нуля.

Господин Роуэн, комиссар полиции Скотланд-Ярда получил телеграмму от мистера Фикса, детектива Peninsular and Oriental Company, грузовой и пассажирской линии...

СЛЕЖУ БАНКОВСКИМ ВОРОМ ФИЛЕАСОМ ФОГГОМ ТЧК НЕМЕДЛЕННО ПРИШЛИТЕ БОМБЕЙ ОРДЕР АРЕСТ ТЧК ФИКС.

Комиссар-скептик раздобыл фотографию Фогга из Реформ-клуба. Он сравнил его с описанием человека, который украл пятьдесят пять тысяч фунтов из Банка Англии. Подобие было слишком близким, чтобы быть случайным, если у Фогга не было близнеца. Неизвестное происхождение и история Фогга, его необщительность и его подобный ракете и полностью неожиданный отъезд из Англии укрепили подозрения полиции. Фогг был грабителем.

Поезд Фогга отбыл в два от станции Черинг-Кросс до Дувра. В пути Паспарту внезапно вспомнил, что оставил газовую лампу включенной. Господин Фогг холодно ответил, что она должна гореть — за счет Паспарту.

В Дувре они сели на корабль до Кале и затем на поезд, оттуда через Францию отправились в Италию. В Бриндизи, все еще по графику, они сели на корабль P & O, «Монголия».

Этот роскошный лайнер, питаемый углем, который нагревал пар, стоял в доке в Суэце, в 11:00, в среду, девятого октября, точно вовремя. Согласно блокноту Фогга, поездка к тому моменту заняла 158½ часов или шесть с половиной дней. В течение этого периода Фогг сделал лишь несколько весьма загадочных для интерпретации записей.

Остался в каюте. P-brought в еде. Дал П. описание N и П, ищет его на судне. Сказал П — цвет глаз N может отличаться. Когда я служил под начальством его, они были черными. Но они были покрыты контактными линзами. N — должен иметь близорукость, или он носил линзы, чтобы замаскировать реальный цвет глаз. Последнее кажется невероятным. Зачем ему была нужна маскировка на борту? Но он не может скрыть чрезвычайно широкий интервал между глазами, если он не симулирует ранение в один глаз и не носит бандаж. Или, более вероятно, повязку на один глаз. Тихоокеанский ТВД ищет их. Должен был убить N на борту, невзирая на последствия. Но тысячу лет легко не выбросить. Не совесть, но долговечность действительно делает трусов из нас всех.

В Суэце человек, который послал телеграмму в Скотланд-Ярд, ждал в доке. Мистер Фикс был низкорослым и худым и имел острые черты, лисьи глаза и брови, постоянно поднимающиеся и падающие, как будто на него то и дело накатывали ударные волны. Он был детективом, которого послали в Суэц, чтобы арестовать грабителя Банка Англии, если тот попытается бежать по Восточному маршруту. Фиксу предоставили хорошее описание разыскиваемого, но оно не было ему нужно. Он знал заранее, что вор и мистер Фогг были похожи на братьев-близнецов. Фикс тихо ругался, потому что его начальники (капеллиане, а не полиция) не разрешили ему «найти» и арестовать Фогга на следующий день после ограбления. Но нет, они хотели заставить его проявиться, так что Фикс, «оказалось», столкнулся с Фоггом во время своей прогулки от дома до Реформ-клуба.

Все должно было казаться естественным. Арест мог произойти спустя три или четыре дня после ограбления. В этом не было никакой спешки. Во-первых, мистер Фикс должен найти оправдание тому, что он оказался рядом с Фоггом. Тогда он «случайно» увидел бы Фогга, отметил подобие грабителю и арестовал бы его. Было мало шансов задержать Фогга в тюрьме надолго или привлечь к суду. Это, кажется, было упущено Верном, хотя он был только одним из многих миллионов, кто не рассматривал тщательно слабости дела,

сфабрикованного против Фогга. Кроме потрясающего физического подобия Фогга и преступника, не было никаких оснований для обвинений. У мистера Фогга были бы свидетельские показания его камердинера, что он нахождился в доме до 11:30 утра в день ограбления. По крайней мере две дюжины человек могли свидетельствовать, что он вошел в Реформ-клуба в установленное время и оставался там еще долго после того, как преступление произошло.

Тайна — то, почему полиция или общественность обратили внимание на идентификацию Фиксом грабителя как Фогга. Любой полицейский, без сомнения, установил бы в скором времени, что Фогг не мог быть преступником. Единственное объяснение этой ошибки состоит в том, что грабеж произошел утром и что Форстер, камердинер, как могли выяснить, не мог свидетельствовать, что его хозяин действительно был дома тем утром. Форстера, должно быть, послали за границу исполнить миссию, от которой Стюарт не мог оторвать его даже для того, чтобы спасать репутацию Фогга.

Однако почему Фикс отправился в Суэц, прежде чем он знал, что Фогг уедет из Англии и отправится в путь на «Монголии»? Потому что, хотя капеллиане часто управляли людьми и событиями, они не всегда могли удержать в руках ход событий. Сыщик, хотя и капеллианин, был также сотрудником полицейского управления. Когда начальник полиции приказал поехать в Суэц, он должен был поехать. Он мог бы прикинуться больным. Но его начальники-капеллиане, должно быть, решили, что Фогга мог бы арестовать полицейский-землянин...

И Фикс сел на поезд, а потом на пароход, направлявшийся в порт Красного моря. Между тем его начальники подготовились информировать полицию через анонимное сообщение. Фогг был бы задержан для допроса. Если бы капеллианам удалось бы похитить Форстера, у Фогга не было бы свидетеля, чтобы подтвердить, что он был дома, а не в Банке Англии. Как оказалось, капеллиане потратили слишком много времени, чтобы воплотить в жизнь этот план. Форстер исчез, что было хорошо для их замыслов, за исключением того, что они надеялись достать его и извлечь всю информацию, которую тот имел. Но сам Фогг уехал из Англии.

Мы можем вообразить то, что сделали капеллиане, так как мы так же логичны. Неожиданный крах их планов мог обернуться удачей. Если бы Фогг был арестован Фиксом, Фикс не должен был бы передавать его властям. При поездке назад в Англию, было бы устроено «спасение» Фогга. Он исчез бы, по-видимому, «бежав от правосудия». Но он был бы доставлен в одно из тайных убежищ враждебной расы. Там к нему применили бы методы, предназначавшиеся Форстеру. Изначальная идея состояла в том, что Фогг будет промаринован в тюрьме день или два, прежде чем расследование решит, что он невиновен. Но тут его «спасут». Он предположит, что «спасители» — эриданиане. А когда обнаружит истинное положение дел — будет уже слишком поздно.

Фикс получил приказ задержать Фогга в Суэце. Фикс был доволен. Он пошел сразу к британскому консулу и сообщил ему, что пассажир, который замечательно напоминает описание вора, скоро сойдет с борта «Монголии». Помчавшись в док, он начал выискивать Фогга. Человек, которого он искал, не вышел. Он, как мы знаем, из осторожности оставался в каюте.

Ирония судьбы — или улыбка фортуны? — но некий пассажир спросил у Фикса, как добраться до консульства. Это был невысокий коренастый человек с густыми волосами, яркими голубыми глазами и небольшим французским акцентом. Он показал Фиксу паспорт. Фикс был поражен. Это был паспорт Фогга. Француз, Паспарту, взял паспорт своего хозяина, который должен был быть завизирован консулом. Это не было необходимо, так как они находились на британской территории. Фогг, однако, хотел удостоверить время и место так, чтобы заключающие пари в Реформ-клубе не сомневались, что он не обманывал. Это было также ненужным, так как его слова было достаточно для его друзей в клубе.

Он также, мы можем быть уверены, хотел, чтобы капеллиане знали, где он находится. Только таким образом мог он удостовериться, что охотники не потеряли его след.

Почему из всех людей, стоящих на причале, Паспарту выбрал Фикса, чтобы спросить про путь к консульству? Это было не больше чем совпадение? С другой стороны, как Паспарту узнал, что Фикс — капеллиаин? Они не носили плакаты, удостоверяющие их идентичность.

У Паспарту, однако, было много опыта в общении с полицией. Как Фикс хвастался консулу, что он мог чуять вора по запаху, так и Паспарту мог чувствовать запах полицейского. У капеллиан, как и у их врагов эриданианцев, было много своих людей в полицейских управлениях. Они могли быть очень эффективны. Будучи юристами, они могли часто действовать вне закона безнаказанно, если они были осторожны. Таким образом, Паспарту, возможно, вычислил, что полицейский может быть капеллианином.

Более вероятно, что Паспарту опознал Фикса как детектива и подумал, что полицейский точно укажет дорогу. В любом случае Фикс направил его к зданию, которое было только двумястами шагами дальше. Так как британский флаг развевался над ним и были другие знаки, указывающие на его функцию, странно, что Паспарту вообще спрашивал дорогу. Так, в конце концов, он, возможно, просто проверял нервного мелкого капеллианина...

Фикс сообщил камердинеру, что, если паспорт должен был быть завизирован, его владелец обязан явиться лично. Паспарту возвратился на судно. Фикс сразу помчался к консулу. Он сказал, что полагает, что вор на борту «Монголии». Консул должен задержать Фогга, когда тот придет, чтобы проставить визу. Нужно задержать его на время, чтобы получить ордер для его ареста от Лондона с помощью телеграммы.

Это консул делать отказался. Если ордера нет, консул должен разрешить Фоггу продолжать свой путь.

Путешественник и слуга вскоре после того появились, и Фикс беспомощно наблюдал штамповку паспорта. Он решил следовать за Фоггом. А тот вернулся в каюту, чтобы позавтракать, а Паспарту дышал воздухом на причале. Француз с готовностью ответил на вопросы Фикса. Он рассказал ему, что, так как они уехали в большой спешке, он должен будет купить ботинки и рубашки в Суэце. Фикс предложил проводить Паспарту в магазин. Тот согласился с благодарностью. По пути француз сверялся со своими часами, чтобы удостовериться, что у него было достаточно времени, чтобы делать покупки и затем возвратиться к пароходу.

— У вас еще много времени! Сейчас — только двенадцать часов, — заметил Фикс.

Паспарту был изумлен. Его часы указывали только без восьми минут десять.

— Ваши часы отстают, — сказал Фикс.

Паспарту хмыкнул с недоверием. Его часы, он сказал, не отставали и на пять минут за год. Это была семейная реликвия, они первоначально принадлежали его прадеду. Он гордился этим хронометром. Но на самом деле хитроумный слуга показал эти часы сыщику намеренно. Было необходимо знать, подозревал ли капеллианин, что в часах скрыт дистортер. Фикс, однако, казался удивленным только отсутствием знаний о часовых поясах у Паспарту. Он сообщил ему, что его часы все еще показывают лондонское время. Которое отставало на два часа от времени Суэца. Ему надо отрегулировать свои часы и делать так каждый раз, когда он попадает в другую зону.

Паспарту повел себя так, как будто это предложение граничило с кощунством.

— Перевести часы? Никогда!

Фикс терпеливо, словно больному, объяснил:

— Согласуйтесь хотя бы с солнцем.

Ответ был типично галльским:

— Тем хуже для солнца. Солнце движется неправильно!

Фикс замолчал, потрясенный таким попранием законов природы. Придя в себя, он спросил:

— Вы внезапно уехали из Лондона?

— Думаю, да! В прошлую пятницу в восемь часов вечера господин Фогг пришел домой из своего клуба. Три четверти часа спустя мы умчались прочь!

— Но куда ваш хозяин направляется?

— Всегда прямо вперед. Он желает объехать весь мир!

Фикс был поражен. Или по крайней мере казалось, был поражен. Возможно, его начальники не уведомили его о пари.

— Весь мир?

Паспарту рассказал Фиксу, что поездка должна занять не больше, чем восемьдесят дней. Что касается его, он не верил причине, приведенной для этого неожиданного превращения «улитки». Должна быть другая причина этого безумия.Это, возможно, убедило Фикса, что француз

был только невинным попутчиком. Если так, он мог узнать много, будучи дружелюбным по отношению к этому забавному человеку.

Безотносительно роли Паспарту, он, конечно, говорил правду о намерении Фогга двигаться в восточном направлении.

— Бомбей далеко отсюда? — спросил Паспарту.

— Довольно далеко. Десять дней морским путем.

— И в какой стране находится этот Бомбей?

— В Индии.

— Это в Азии?

Такое невежество может себе позволить крестьянин или неграмотный рабочий на фабрике. Но человек, имя которого означает «пролез везде», и который бывал везде, лишенный элементарного знания географии? Едва ли. Паспарту просто продолжал играть роль, назначенную ему. Чтобы укрепить образ слуги-дурачка, он рассказал Фиксу про газовое освещение, которое он забыл выключать. Его хозяин отругал его за это, справедливо, это нужно признать, и теперь он терял на шестипенсовик в день больше, чем зарабатывал.

Фикс не проявил особого сострадания к проблемам слуги. Сказав «до свидания» камердинеру, он отослал телеграмму, запрашивая ордер для ареста. Потом упаковал маленькую сумку и поднялся на борт «Монголии» за несколько минут до того, как судно покинуло док. Он также, мы можем быть уверены, послал зашифрованную телеграмму своим начальникам в Лондоне. Он получил бы их ответ в офисе телеграфа в Бомбее.

ГЛАВА 8

«МОНГОЛИЯ», КАК НАМЕЧАЛОСЬ, пройдет одну тысячу триста десять миль за сто тридцать восемь часов. Фогг съел завтрак, ланч, обед и ужин. Во время этого этапа поездки он не прогуливался на палубе, но и не ограничивался своей каютой. Если у него и была страсть кроме регулярности, это была игра в вист. Эта игра, предшественник бриджа, была тогда бичом Англии. Фогг нашел трех одинаково фанатичных любителей карт

и провел большую часть времени с ними за игровым столом. Его партнерами стали: налоговый инспектор, направляющийся в Гоа, священник и бригадный генерал на службе ее величества в Бенаресе. Все они были не только превосходными игроками, но и неболтливы, что нравилось Фоггу. Он, возможно, присоединился к ним первоначально, чтобы определить, было ли у одного из них какое-либо сообщение для него от Стюарта. Но нет, все они были теми, кем казались, и вист оказался единственной вещью, которой они интересовались.

Паспарту сообщил Фоггу, что Фикс на борту. Фикс, как он утверждал, был агентом «P & O» и направлялся в Бомбей по работе. Это могло оказаться правдой. Но каково было его задание? Убийство путешественников, принятие мер к их похищению, или что? Никто из них двоих еще не знал, что Фогг разыскивался законом. Фогг все еще ломал голову над обрывком газеты, данным ему нищенкой. Он должен был бы найти способ понять, что это значит, но в данный момент он не знал как. Он, возможно, послал бы сообщение Стюарту в Суэце или Адене, где судно остановилось по пути в Бомбей. Было бесспорно, однако, что Фикс узнает, кому телеграфировал Фогг, а этому нельзя позволить произойти.

У Фогга состоялся тихий разговор с его камердинером. Он процитировал газетную статью по памяти. Паспарту внезапно заметил сходство между господином Фоггом и описанием вора. Почему Фогг, для которого не существовало непредвиденное, не предвидел это, прежде чем оно случилось, необъяснимо. Единственный ответ — то, что ему казалось невероятным, что кто-либо мог связать его с чем-либо бесчестным. Хотя он был эриданианном, он был также английским джентльменом. Все же это именно он был тем, кто указал партнерам по висту Реформ-клуба, что грабитель был не грабителем, а джентльменом.

— Какое совпадение! Кто бы подумал о таком повороте событий? И особенно в это время? — изумился Паспарту.

Фогг внезапно исцелился от слепоты. Теперь, лицезрея факты, без предвзятости, он видел точно, что произошло. Но Паспарту все еще думал, что все это неудачное совпадение.

— Нет! Отнюдь нет. Все подстроено «сами знаете кем». Один из них был загримирован, чтобы стать похожим на

меня и отослан, чтобы украсть деньги. Если бы мы уехали не так неожиданно, я уже был бы в тюрьме. Стюарт видел то, что происходит, хотя я не могу понять, почему он не предупредил меня.

— Возможно, он задумался об этом после того, как шум про ограбление был поднят в Реформ-клубе, — предположил Паспарту. — У него не было времени передать сообщение нам в наш дом. В любом случае «сами знаете кто, заинтересовался бы, если бы сообщение было передано вам. Он выбрал нищенку, которая может быть или не быть одним из нас. Но тогда почему он не передал информацию сам, когда говорил «до свидания» нам на станции?

— Потому что Флэнаган, Фаллентин и Ральф были также там. Они, кажется, невинные люди, то есть не «сами знаете кто»... Но он не хотел рисковать.

— Но что простой обрывок газеты мог сказать вам?

— Он знал, что я смогу скоро увидеть связь. Я должен был немедленно понять это. Но моя гордость помешала мне. И хотя описание действительно соответствует моему внешнему виду, в целом то есть, в мелочах легко найти отличия.

— Что мы сделаем?

— Продолжаем путешествие, как запланировано, — ответил господин Фогг спокойно.

— Но если вы будете арестованы в Бомбее?

— Все предусмотрено.

Паспарту не спросил, что именно предусмотрено. Но даже если бы спросил, то получил бы только холодный пристальный взгляд. Если он должен попасть в руки врага, чем меньше он знал, тем лучше. Тем не менее Фогг посоветовал Паспарту выпить в баре с Фиксом. Паспарту, умевший противостоять зеленому змию, как и подобает французам, должен был делать вид, что его язык развязан литрами пива и виски, которыми Фикс ежедневно потчевал его. Он должен был убедить Фикса во время их первой, предположительно случайной, встречи на «Монголии», что пари Фогга — маскировка для другой миссии, возможно дипломатической. Фикс также продолжал убеждать француза выставить свои часы к солнцу...

В свою очередь Фогг приказал Паспарту проследить, общался ли Фикс с кем-либо.

В тридцать минут пятого днем два путешественника ступили на землю Бомбея. Верн говорит, что Фогг дал слуге несколько поручений, сообщив, что должен быть на железнодорожной станции в восемь вечера. И затем, походкой часового механизма, продолжал двигаться к паспортному столу. Он не выказал любопытства к архитектурным чудесам жемчужины Индии. Этого можно было ожидать от такого типа. Но это, вероятно, было также следствием того, что он видел их прежде, и много раз. Верн сообщает о странном инциденте в ресторане железнодорожной станции. Фогг заказал гусиные потроха «местного кролика», которого настоятельно рекомендовал владелец. Дегустируя это, он подозвал хозяина заведения. Смотря холодно, он поинтересовался:

— Это кролик?

— Да, мой господин. Кролик джунглей.

— И этот кролик не мяукал, когда был убит?

Владелец стушевался, а Фогг сказал:

— Помните. Кошки когда-то считались священными в Индии. Хорошее было время.

— Для кошек, мой господин?

— Возможно, для путешественников также.

Фогг был не лишен сухого остроумия. Но за этим любопытным разговором выяснилосьто, что владельцем был эриданианин и что он не видел ничего подозрительного, что мог сообщить. Однако было несомненно, что кролик был кроликом!

Если бы владелец сказал: «Для кроликов, мой господин?» вместо: «Для кошек, мой господин?», Фогг знал бы, что у владельца было какое-то важное сообщение.

Собственное заключительное заявление Фогга показало, что у него все было хорошо, насколько он знал.

Такое происходило не в первый раз. Когда Фогг был новым членом Реформ-клуба, официант принес кролика вместо говядины, которую он всегда заказывал на ужин. В ходе сохраненного в записях разговора официант передал господину Фоггу инструкции. Стюарт не был в состоянии передать сообщение через карты из-за срочного дела в другом месте... Та же самая история с кроликами происходила еще

два раза, но с большими интервалами. В конце концов, если бы кролик по ошибке подавался Фоггу слишком часто, капеллиане могли бы стать подозрительными...

А Паспарту, хоть и эриданианин, был человеком. Он позволил своему любопытству привести его в блестящую языческую пагоду холма Малабар. Он не знал, что христианам запретили входить в это святое место. Не только брамины, но и британский закон запретил подобное. Паспарту был вынужден сбить с ног несколько жрецов, когда те били его и срывали с него обувь. Последний акт был мотивирован запретом для любого, даже индуса, носить обувь в храме. Испытывая недостаток в ботинках, а также в пакете обуви и рубашек, которые он купил, Паспарту сбежал. Фикс подслушал камердинера, объяснявшего хозяину, что произошло...

Фикс собирался следовать за Фоггом и его слугой на поезде, но передумал. Хотя ордер из Лондона еще не прибыл, он увидел шанс арестовать парочку за нарушение закона, совершенное в Индии. Он остался, чтобы сообщить властям о святотатцах.

А те между тем поднялись в вагон вместе с сэром Фрэнсисом Кромарти, бригадным генералом, который играл в вист с Фоггом на «Монголии». Это выглядело подозрительным, но если сэр Фрэнсис был капеллианином или эриданианином, Фогг не сообщает об этом. Дальнейшие события подтверждают, что он был тем, кем его описывает Верн. Сэр Фрэнсис задавался вопросом, билось ли человеческое сердце под оболочкой лощеной холодности. Кроме того, узнав от Фогга о ставке, он полагал, что их поездка была бесполезна и бессмысленна. Конечно, он не знал, что Фогг путешествовал, чтобы спасти мир, а не ради картежного спора...

В восемь часов следующим вечером поезд остановился приблизительно пятнадцатью милями не доезжая Росала. Проводник прокричал, что все пассажиры должны выйти, объявление, которое поразило всех троих. Паспарту, отосланный, чтобы навести справки, возвратился встревоженный. Они остановились здесь, потому что железная дорога закончилась. Дальнейшие расспросы показали тревожащую ситуацию. Никто не потрудился сообщить им, что, вопреки всему, что сообщали лондонские газеты, нельзя было доехать по рельсам от Кхолби до Аллахабада.

Сэр Фрэнсис рассердился. Фогг оставался невозмутимым. Очень хорошо. Все было предусмотрено. Фогг знал, что рано или поздно на пути возникнет некое препятствие. Благодаря быстроте поездки до сих пор, Фогг уже имел в запасе два дня. В полдень на двадцать пятое судно оставило бы Калькутту, отправляясь в Гонконг. Сегодня было двадцать второе. У них было почти три дня, чтобы добраться до Калькутты. То, что им, возможно, придется пройти пешком семидесят миль или больше через джунгли, Фогга не волновало.

Беспокойный и любопытный, француз, исследовав возможные средства перевозки самостоятельно, возвратился с хорошими новостями. Они могли ехать на слоне!

Путешественники направились к соседней хижине, где были представлены индусу. Верн пишет, что Фогг говорил с местным жителем сам. Значит, либо индус мог говорить на английском, либо Фогг знал и использовал местный диалект кхандеш. Так как сэр Фрэнсис, возможно, задался вопросом, как он, предположительно впервые попавший в Индию, справился с этим, Фогг, должно быть, воздержался от демонстрации своих знаний. Возможно, генерал переводил, а Верн не потрудился упомянуть это. В любом случае у них не было никакой языковой трудности.

Да, у индуса был слон. Его звали Киуни. Но Киуни не продавался и не сдавался внаем. Он считался очень ценным, так как был обученным боевым слоном.

Господин Фогг предложил десять фунтов в час для использования животного. Нет? Двадцать? Нет? Сорок?

А не продаст ли многоуважаемый своего драгоценного слона за тысячу фунтов?

Тут сэр Фрэнсис отвел Фогга в сторону. Он просил его не разорять себя. Фогг холодно ответил, что он никогда не действовал опрометчиво. Он заплатил в двадцать раз больше, чем зверь стоил в случае необходимости.

— Одна тысяча двести?

— Нет?

— Одна тысяча пятьсот?

— Нет?

— Одна тысяча восемьсот фунтов?

— Нет?

Когда Фогг предложил две тысячи фунтов, Паспарту едва не потерял сознание. Он ясно слышал шорох улетающих в никуда денег.

— Две тысячи?

— Да!

Индиец боялся попросить больше, потому что он боялся потерять все. Сумма позволила бы ему не только жить безбедно до весьма преклонных лет, но и сделала бы его самым богатым человеком в деревне!

Ни один из трех европейцев не знал ни как управлять слоном, ни куда и как ехать. Молодой и умный человек из числа парсов предложил им свои услуги. Фогг быстро принял предложение, обещав большую сумму в оплату. Спустя час после того, как они прибыли, слон уже тронулся в путь. Сэр Фрэнсис и Фогг сидели по обе стороны ховдаха; Паспарту втиснулся между ними; махут ехал на шее зверя.

Их гид уверил их, что, если они двинутся прямо через джунгли, то смогут сократить маршрут на двадцать миль. Паспарту побледнел, потому что это означало визит на территорию раджи Бунделкунда. Британский закон не простирался на эти земли, и если раджа смог бы обнаружить, что они там, они оказались бы в его руках. Он погладил часы.

Фогг не колебался в выборе пути.

В полдень они оставили густые джунгли вступив в страну, обильную рощами финиковых деревьев и карликовых пальм. Длинные ноги толстокожего слона быстро пронесли их по этой местности, и они оказались на больших засушливых равнинах, где то тут, то там росли полузасохшие кусты и торчали огромные скалы из сиенита. Этот камень, Фогг сообщил сэру Фрэнсису, был магматической породой, в основном состоявшей из полевого шпата. Этот минерал получил свое научное название от древнего египетского города Сиена, где были найдены его большие залежи.

Сэр Фрэнсис просто проворчал в ответ. Он вцепился в борт ховдаха, который качался вверх и вниз, как маленькая лодка в изменчивом море. Паспарту также страдал от качки. У него не было склонности размышлять о том, что произошло бы, если бы они столкнулись с воинством безумного раджи. Если бы зависело от него, он, возможно, желал бы,

чтобы встреча стала фатальной, так как он лучше умер бы, чем продолжал бы эту поездку, и скоро сделал бы так, если бы эта чертова качка не прекратилась. Тут они действительно увидели местных жителей, которые угрожающе жестикулировали. Парс, однако, заставил зверя двигаться быстрее, и индусы не пытались преследовать их.

В восемь того же вечера, они пересекли основную цепь гор Виндхья. Они остановились в разрушенном бунгало, чтобы переночевать. Слон перенес их на расстояние двадцати пяти миль в два раза быстрее, чем они могли даже надеяться добраться пешком в этой дикой и опасной стране. Аллахабад теперь был от них на расстоянии всего в двадцать пять миль.

Верн говорит, что Парс разжег огонь для защиты от холода ночи и что они перекусили припасами, которые нес слон. Это подтверждено и записями в секретном дневнике Фогга. Они возобновили путь, как Верн говорит, в шесть часов следующим утром. Но Верн несколько не точен в описании дальнейшего. Парс, по словам Верна, наблюдал за спящим слоном. Сэр Фрэнсис спал. Паспарту видел во сне продолжение кошмарной поездки. Фогг спал так мирно, как будто он был у себя в постели в доме № 7, Сэвильроу. Это вымысел и не более того. Кто хоть раз провел день в седле на лошади, знает, насколько возможен после этого спокойный сон. Увеличьте измотанность и усталость раза в три и добавьте к этому неизбежное бедствие, причиняемое европейскому пищеварению диетой аборигенов тропических джунглей, и у вас есть превосходная картина их состояния. Правда о событиях той ночи такова.

ГЛАВА 9

ХОТЯ ИХ ПОЕЗДКА была недолгой, она не была безостановочной. Все три европейца часто требовали, чтобы парс остановил слона, и мчались в кусты. К концу дня даже невозмутимый Фогг выглядел бледно. Прежде чем они легли спать, джентльмен и его слуга удалились в густые джунгли, чтобы отправить определенные физические функции. Они чувствовали себя слишком слабыми для чего-либо еще.

Фогг прислушивался сочувственно к стонам Паспарту, к его нытью и жалобам, пока не закончили с отправлением естественных потребностей — по крайней мере им хотелось верить, что закончили.

Затем Фогг спросил:

— Вы проверяли свои часы?

— Конечно...

— И?

— И ничто! Никаких сигналов! Что действительно удачно! Если бы были сигналы, то мы были бы уверены, что эта свинья-раджа ...

— Говорите тише. Для «сами знаете кого» было бы не трудно приблизиться к нам незамеченными в этом густом лесу.

— Прошу прощения, сэр, но, возможно, я не слышал звук крошечного гонга, который объявляет, что другой...

— Не используйте это слово.

— ...другой... Хм... Другие часы активированы и передают. Топот слона и скрипение упряжи, не говоря уже о наших стонах, мешали прислушаться.

— Зато теперь достаточно тихо.

— За исключением криков и болтовни обезьян, воплей птиц. А наш друг парс заявляет, что мы услышим леопардов и тигров сегодня вечером.

— В бунгало будет достаточно тихо, — заметил Фогг. — Вы будете внимательно слушать сегодня вечером.

— Ну конечно! Я так и планировал. И если я услышу сигнал?

— Мы ответим на него.

— Этой свинье!

— Ответим нашим собственным способом. Однако есть один способ, которым мы можем гарантировать, что сигнал будет послан.

— Гарантировать? — Паспарту задрожал. Он был бледен и прежде. Теперь же он выглядел столь же бледным как один из демонов в легендах индусов.

— Нет никакой потребности повторять мои слова. Когда другие заснут, вы установите ЕГО на передачу.

Глаза Паспарту полезли на лоб.

— Но почему? Мы немедленно переместимся...

— Я не закончил. Вы сделаете это очень быстро. Включите его и подождете. Если через десять минут не будет никакого признака, что другое устройство работает, вы повторите передачу. Повторяйте так в течение двух часов, после чего я вступлю в игру.

— Что вы собираетесь делать? Что мы можем сделать, если действительно получим сигнал?

— Все предусмотрено, — заверил Фогг. — Если вы получаете сигнал, прежде чем ваши два часа истекут, разбудите меня сразу.

Паспарту не нравилась идея бодрствовать, когда он так устал. И тут он обнаружил, что не в состоянии уснуть. Его мышцы напряглись, словно веревки, которые использовались, чтобы весь день таскать тяжелые камни. Его кости, казалось, были искривлены, как будто кто-то пытался сделать из них штопоры. Его нервы были похожи на струны арфы, которые вибрировали в ответ каждому звуку, как будто их перебирали призрачными руками. Внезапный маниакальный смех птиц, крик большого животного вдали — леопард? — и отдаленный рев — тигр? — заставляли его подскочить, как будто Фогг пнул его. Тихие шорохи и шелесты в соломе потолка не способствовали релаксации. И предчувствие, которым неизвестные планы Фогга заставляли его ощущать себя тестом в печи.

Он слышал регулярное дыхание англичанина и задался вопросом, как он мог заснуть так крепко и так быстро. Сэр Фрэнсис стонал и поворачивался каждые несколько минут; очевидно, он не мог уснуть. Что, если бригадный генерал все еще будет бодрствовать, когда сигнал будет получен?

Через некоторое время, неспособный лежать неподвижно, француз встал и принялся расхаживать возле бунгало. Луна поднялась и пролила сверкающий свет на склон. Обширная туша Киуни и маленькая фигурка Парса чернели в тени гигантского дерева на расстоянии приблизительно в двадцать ярдов.

Громкий треск заставил Паспарту подпрыгнуть на несколько дюймов. Его сердце испуганно колотилось. Туги приближались через кустарник с гарротами в руке, намереваясь задушить иностранцев и тем самым принести их в

жертву богине Кали без пролития крови? Дикий слон приближался к ним — неумолимый и безжалостный? Близилось стадо опасных диких буйволов, или стадо диких свиней собиралось напасть на них?

Паспарту вздохнул, успокаивая сердцебиение. Нет, это был только Киуни, отрывающий ветвь дерева, чтобы набить огромный живот. Он жевал, и его живот грохотал, как будто это был отдаленный водопад.

Верн написал, что Киуни спал всю ночь, забывая, что бедный зверь путешествовал весь день и не мог ничего поесть. Киуни необходим сон, но еда была необходима больше, так как слон требует, чтобы несколько сотен фунтов фуража день поддерживали его силу. Киуни засыпал в течение нескольких часов после прибытия. Теперь голодные спазмы пробудили его, и он ел, равнодушный к шуму, который он делал, или его возможное вмешательство в сон людей.

Хотя горный воздух ночью был холодным, Паспарту вспотел.

«Mon dieu!» — подумал он. Что они могли бы сделать, если бы перенеслись в сердце дворца раджи? Их единственным оружием были складные ножи! И разве раджа не был готов к бою? Не было ли безумием совать голову в пасть тигру со стальными зубами? Проще совершить самоубийство. Попасть в руки капеллиан означало дни ужасных пыток.

А парс, который сказал, что будет стоять на часах, лег на землю и уже сейчас храпел так громко, что его можно было услышать сквозь рев в животе слона. Несчастное существо! Разве у него не было чувства долга? Как этот парс мог спать, в то время как он, Паспарту, страдал? Действительно ли все было мирно, спало, за исключением зловещих хищников джунглей, голодного Киуни и его?

Паспорту держал часы возле уха и слушал. Те спокойно тикали, измеряя время, в то время как Паспарту и вселенная старели под их меланоличное тиканье. Но вселенная, хотя и обреченная умереть в конечном счете, будет здесь долгим долго и после того, как Паспарту станет прахом и меньше чем прахом. Прахом и пылью, которую дерево растворит в свом древесном теле, и которую какой-нибудь слон переварит в своем животе

и затем исторгнет, и которую земля, не говоря уже о жуках и птицах, стаут вновь и вновь поглощать и исторгать. Таким образом, Паспарту, расщепленный на миллиарды частей, пройдет сквозь вечность, поглощаемй, и извергаемый, тем не менее не сознающий всего этого кошмарного круговорота. Если индуисты не были правы, и столь же бессмысленный круговорот не ожидает и его сознание.

Все же он мог жить в этом теле в течение тысячи лет, если удастся избежать несчастного случая, убийства или — здесь он перекрестился, ибо, будучи эриданианином, он оставался набожным католиком, — самоубийства. Зачем рисковать тысячелетием, направляясь в капкан, предусмотрительно поставленный раджой Бунделкунда? Разве это не было самоубийством, и разве самоубийство не было чудовищным грехом? Фогг согласился бы с этими рассуждениями, если логично и правильно изложить их?

Увы, нет!

Но возможно, у раджи не было намерения послать импульс дистортера. Возможно, он в этот самый момент лежал в объятиях на мягкой груди прекрасной гурии или как там индусы именуют райских дев и своих любимых жён? Это было бы намного более рационально, чем торчать по ночам у дистортера. Но люди, увы, были не всегда, или, точнее, на самом деле редко рациональны. Как будто подтверждая это заключение, часы испустили звонящий звук.

Паспарту подскочил, и его сердце заколотилось, как будто это был батут. Страшное действо произошло!

В течение секунды мысль о том, чтобы скрыть сигнал от Фогга, владела им. Но, несмотря на охвавший его ужас, Паспарту был храбрым человеком, и это была его обязанность сообщить о сигнале англичанину. Сначала тем не менее, он должен послать ответный сигнал.

Как только звон прекратился, Паспарту склонился к циферблату часов и резко повернул его на сто восемьдесят градусов направо, затем установил стрелки на предписанные числа. Немедленно после этого он возвратил стрелки к правильному времени — лондонскому времени, — и возвратил циферблат к изначальому положению. Потом он поторопился в бунгало, чтобы разбудить Фогга.

Тот проснулся легко и был на ногах сразу. В ответ на тревожный шёпот Паспарту он сказал:

— Очень хорошо. Теперь вот что мы сделаем.

Паспарту и так был бледен, как лунный свет на неподвижных водах. Теперь он стал бледен так, как будто лунный свет озарил выбленную стену. Но приказу повиновался без возражений и сразу. Его первая задача была легче, потому что парс спал крепко и безмятежно. Его храп был достаточно ужасен, чтобы спугнуть тигра. Паспарту увел Киуни. Когда они прошли полмили вдоль южного склона горы, хозяин и слуга по веревочной лестнице забрались слону на спину. Киуни не нравилось отрываться от еды, но он не трубил. Он медленно шел, потому что его глаза не могли легко различать препятствия в лунном свете. Кроме того, он должен был быть осторожен относительно ям и выбоин. Вес зверя таков, что даже четырехдюймовая выемка может сломать слону ноги.

Приблизительно час спустя Фогг счел дистацию достаточной. Паспарту слез; Фогг остался на слоне.

— Но если сэр Фрэнсис и парс в состоянии услышать звук даже отсюда? — спросил Паспарту.

— Возможно, — согласился Фогг. — Однако сама гора и массив леса между нами. Они должны ослабить звук. Они могут полагать, что слышат отдаленный храмовый колокол. В любом случае они ничего не могут поделать с этим. Когда мы возвратимся, мы скажем, что слон убежал и мы последовали за ним.

Паспарту дрожал всем телом.

— Когда мы вернемся!..

Было бы более реалистично сказать «если», не «когда». Тем не менее он восхитился оптимизмом англичанина и глубоко надеялся, что он не был необоснованным.

Во время поездки Паспарту трижды использовал часы, чтобы отослать сигналы. Ответные сигналы теперь прибывали каждые двадцать секунд.

— Установите его так, пусть передает каждые пять минут с этого времени, — приказал Фогг. — Но удостоверьтесь, что его область охвата достаточно широка, так как она должно включать Киуни. И удостоверьтесь, что

устройство автоматически продолжит работать на прием спустя пять минут после завершения передач.

Паспарту, стуча зубами от страха, открыл заднюю крышку часов и установил их, как было приказано, нажав на три крошечных кнопки. Он поместил часы в ямку, а потом закопал своим ножом. Было необходимо, чтобы устройство было ниже уровня земли для тех, кому следовало быть телепортированным. Кроме того, ямка защищала хрупкий прибор от слона, если он случайно наступит на часы. Паспарту надеялся, что слон будет стоять смирно. Если бы он сделал слишком много шагов в любом направлении, он и его наездники могли бы телепортироваться, будучи разрезаны пополам.

Потом проворный слуга взобрался наверх и втащил в ховдах веревочную лестницу. Господин Фогг уже сидел на шее зверя. Он тщательно наблюдал команды и жесты и сигналы прикосновениями, используемые махутом — погонщиком слонов. Он использовал их теперь, как будто перегонял слонов много лет. И животное повиновалось ему. Но продолжило бы оно повиваться, внезапно оказавшись в другом месте и окруженном враждебными людьми?

Паспарту, оставшись без часов, мысленно отсчитвал секунды. Он угнездился на холке зверя, сжимая складной нож в руке. Он чувствовал себя трогательно беспомощным и задался вопросом, на что были бы похожи девятьсот шестьдесят лет жизни, которые он рисковал потерять. Ах, если бы увидеть, что 2842-й нашей эры приготовил для него! Или даже 1972-й! Когда эриданиане истребят капеллиан кишащих паразитами, тогда они смогут изменить мир. Интересно, им потребуется для этого более ста лет? Разве земля не была бы раем, истинной Утопией, когда все войны, преступления, бедность, болезни и ненависть исчезнут навсегда? Почему ему нужно отказать себе в этих сияющих перспективах из-за этого сумасшедшего, спокойная спина которого торчит теперь перед ним?

Но если причина состоит в том, что иначе не победить, и дорога в сияющие дали проложена по телам мучеников? Это была бы его личная неудача, стать одним из тех мучеников. Однако даже мученик не должен жертвовать собой, если его

жертва ничего не даст. Как сегодня, когда выиграет разве что безумный раджа!

Все же разве Фогг не сказал, что для него непредвиденное не существовало? Но что, если он предвидел, что раджа умрет ценой их жизней?

Нет, Фогг был джентльменом, и у него действительно было доброе сердце. Он не пригласил бы своего слугу и своего коллегу... не втянул бы его в откровенно гибельную авантюру. «Нет, если это не было необходимо», — думал Паспарту, чьё сердце окончательно погрузилось в трясину отчаяния. Но что они могли сделать с маленькими ножами против винтовок и копий стражи раджи?

— Ах! Mon Dieu...

И они очутились там!

Однако Фогг не был столь безрассуден, как думал его слуга. Шпиону давно удалось сообщить, где и каким образом дистортер располагался в обиталище безумного раджи и как охранялся. Фогг не сказал об этом, потому что он не был уверен, что ситуация с тех пор не изменилась. Не стоило выдавать Паспарту подробные инструкции, без уверенности в их точности! Это могло бы окончательно выбить парня из равновесия. Бедняга был в ужасе и без того! Фогг оставил бы его, если бы не был уверен, что Паспарту возьмет себя в руки, когда дойдет до реального дела. Никакой трус не дожил бы до сорока в этой тайной войне. И при том Стюарт не поручил бы такую миссию никому, кто не ходил по грани много раз. Бояться не означает испытать недостаток в храбрости.

Главной проблемой был слон. Его обучение как боевого слона было закончено только наполовину. Даже закаленный старый слон-ветеран мог запаниковать.

Телепортировались они мгновенно. Не было никакого ощущения преодоления времени или расстояния. Их оглушил чудовищный лязг и звон, как будто они оказались внутри колокола, большого, как бунгало. Звук оглушал, Фогг и Паспарту машинально закрыли уши большими пальцами, сжимая при этом в руках ножи.

Киуни рванул с места, задрав хобот и трубя от ужаса. Но рев слона нельзя было услышать из-за отвратительного лязга, кото-

рый, как всегда, прогремел девять раз. Это слуховое явление сопровождало работу дистортера и при приеме и при передаче. Этот звон донесется даже до сэра Фрэнсиса и парса, оставшихся в лагере.

Теория, объясняющая шум, состояла в том, что искажение пространства в области вокруг устройств вызывало уплотнение и изгиб электромагнитного поля самой Земли. Возвращение к нормальному состоянию привело к атмосферному волнению, порождающему грохот. Эта теория оспаривалась, но не имело значения, что издавало шум. Он был неизбежным и, к сожалению, действовал как тревога.

Фогг увидел сразу, что раджа не переставлял свой дистортер с места на место. Тот был расположен в таких экзотических декорациях, какие мог выдумать только восточный деспот.

Путники оказались в огромном зале, освещенном тысячами газовых горелок. Стены его взлетали вверх, возможно на высоту шести этажей, заканчиваясь большим белым куполом. Сам зал был круглым, диаметром, возможно, около двухсот ярдов. Его окружность была украшена более чем тремястами высокими и узкими арками — и мозаичной дорожкой приблизительно десять футов шириной. А большую часть зала занимал большой бассейн. В центре возвышался круглый островок из гладкого красного мрамора. Диаметр его был около сорока футов. Киуни и его наездники появились в его точном центре, хотя они не остались там долго.

Киуни начал безумно носиться по берегу островка. Слоны — великолепные пловцы, но даже в панике он не хотел погружаться в воду. Причиной, как понял Фогг, когда сумел осмотреться, было изрядное количество крокодилов в бассейне.

Фогг принялся успокаивать зверя. Занятый этим на вид безнадежным делом, он почувствовал руку на плече. Он оглянулся назад и затем вверх. Паспарту указывал на потолок. Фогг увидел квадрат черноты, появляющейся в центре белого купола. Оттуда, покачиваясь на канатах, спускалась огромная корзина. Шесть темных лиц, выглядывающих из-под белых тюрбанов, смотрели из-за ее краев.

Фогг посмотрел на арки. Они были все еще пусты.

Паспарту тогда указал на центр островка. Он указал на то, что они пропустили, прежде, и оба были слишком заняты, чтобы искать дистортер.

Устройство, должно быть, было установлено в круглой выемке в центре островка. Конечно, оно не было просто помещено в отверстие, так что вновь прибывший мог просто наклониться, чтобы взять его. Устройство было снабжено защитой. Паспарту встревожило то, что дистортер, размещенный в часах, исчезал. Он был помещен на вершине цилиндра, в выемке на дюйм ниже уровня поверхности островка. Теперь цилиндр втягивался в шахту.

Островок скрывал под собой подземелье. Оттуда управляли оборудованием, которое поднимало и опускало каменный цилиндр. Сейчас устройство убирали в безопасное место. Потом бойцы раджи позаботились бы о злоумышленниках.

Слон носился по кругу как угорелый. Фогг жестом приказал Паспарту отодвинуться и скатился с шеи зверя. Его гибкость вызвала бы аплодисменты у профессионального акробата Паспарту, при других обстоятельствах. Но француз был слишком занят, пытаясь спуститься со спины обезумевшего Киуни.

Когда Фогг скатился с серой морщинистой туши, Паспарту отодвинулся и сполз по боку мчащейся громады, чудом избежав падения. Спустившись, Фогг успел выхватить из кармана свои часы, открыл крышку сзади и проделал все необходимые манипуляции. От начала до конца, несмотря на его стремительность, ему удалось проделать все с изяществом истинного артиста.

В корзине, спускавшейся на канатах, и в подземелье под мраморным островком истошно заорали. Что именно, он не слышал, так как в его ушах все еще звенело. Но Фогг видел, что, как и следовало ожидать, пять головорезов в корзине размахивали саблями, и каждый держал винтовку. Оружие было похоже на современную винтовку, возможно «Маузер», принятый прусской армией только годом ранее. И бойцы раджи видели, что у захватчиков не было огнестрельного оружия. Так как никакой дым не повалил от предмета, упавшего в шахту, они, должно быть, полагали, что если это была

бомба, она не сработала. Возможно, они не видели, что это были часы. И при этом они не собирались стрелять в злоумышленников, которые, по их мнению, были пойманы в ловушку. Они могли не торопиться, избавиться от слона: если бы он не успокоился, он сам растоптал бы незваных гостей. Между тем раджа забрал бы дистортер.

Фогг полагал, что раджа здесь, так как было маловероятно, что он позволит постороннему иметь дело с драгоценным устройством. На самом деле Фогг был уверен, что в подземелье под островом только раджа. Чем меньше тех, кто видел дистортер, тем лучше. Это было в глазах индусов, волшебное устройство, которым многие желали бы обладать.

Потом господин Фогг повернулся, извлек и настроил третьи часы. Легким движением он забросил их вверх в корзину, которая была теперь приблизительно на два с половиной этажа выше островка. Двое выпрыгнули из корзины в бассейн. Корзина исчезла во вспышке пламени и клубах дыма. Взрыв мягким хлопком вдавил Фогга и Паспарту в мрамор островка. Частицы стали, плоти и костей дождем пролились на них.

Фогг был сбит с ног. Паспарту свалился с Куини. Слон развернулся и побежал в противоположном направлении вдоль края островка. Паспарту упал без звука. Его волосы разметались, и его голубые глаза были широко открыты. Фогг возвратился к углублению в центре островка, окруженный опускающимся сверху облаком дыма. Он стал на колени и изучил шахту. Часы, брошенные вниз, были газовой бомбой. Газ был усыпляющим, мгновенно действовал и тут же распадался, не представляя уже никакой опасности для Фогга.

При этом господин Фогг сохранял спокойствие, но запись в его дневнике свидетельствует об испытанных им удивлении и тревоге. Цилиндр продолжал опускаться вниз. Как раз пока он смотрел, цилиндр остановился приблизительно на три фута выше пола этажом ниже. Около него лежал невысокий, коренастый и смуглый человек, одетый в великолепные одежды. Его запястья и пальцы были покрыты браслетами и кольцами, усеянными жемчугом и драгоценностями, которые мог позволить себе только очень богатый раджа. Его волосы и борода были седыми, а его лицо с ястребиным носом

сморщилось. Фогг знал, что морщины были только косметикой. Раджа Даккар из Бунделкунда не хотел, чтобы его вечная молодость стала достоянием слухов. Это привлекло бы к нему внимание эриданиан намного раньше, и британцы, возможно, стали бы агрессивными, если бы подумали, что у него была тайна продления жизни.

Раджа открыл крышку цилиндра, прежде чем тот прекратил опускаться. Если бы не анестезирующий газ, он бы уже удрал с дистортером. Но устройство, заключенное в большие часы с золотым покрытием с несколькими алмазами вставки, лежало девятью футами ниже. Фогг только должен был снять с талии магнит с длинным тонким шелковым шнуром, к которому тот был прикреплен, и опустить его прямо вниз. Стальной корпус под золотым покрытием надежно притянулся к магниту. И затем оставалось вытянуть шнур.

Но тут новый человек появился возле цилиндра. Что-то остановило его, возможно чутье, которое подсказало ему, что за ним наблюдают. Он выглядел знакомо. Фогг едва не вскрикнул, хотя то, как он сохранил свое самообладание, трудно понять. Он знал этого человека. Его борода исчезла, и глаза больше не были черными, но стали темно-серыми. Фогг, возможно, не признал бы его теперь, если бы не экстраординарное расстояние между глазами.

Этот человек теперь носил униформу чиновника индийских саперов ее величества, которая не позволила Фоггу признать его сразу. Как только эффект униформы прошел, Фогг узнал того, кого заметил в дверном проеме около Реформ-клуба. Да, это был он. Человек, у которого он служил под начальством, человек в дверном проеме, человек, теперь собирающийся взять дистортер. Но как он опередил Фогга? Телепортировался через дистортер?

Человек прошептал одно слово:

— Фогг!

Значит, он не признал Фогга бывшим членом своей команды. Если бы он узнал, разве он не хотел бы позволить Фоггу узнать, что он тоже узнал его?

Фогг тихо произнес имя этого человека:

— Капитан Немо!

ГЛАВА 10

ФОГГ ОПИСЫВАЕТ МНОГО вещей относительно Немо, которые озадачивают. Почему он, капеллианин высокого ранга, насколько Фогг знал, оказался в компании с раджой-предателем? Или он убедил раджу, что сам стал предателем? Как он добрался сюда? Почему он не был усыплен газом?

Последнее могло объясняться быстрым бегством из комнаты, когда часы упали. Или, возможно, он находился снаружи и только что вошел.

Фогг позволил магниту упасть в шахту на часы. У Немо не было оружия; его кобура была пуста. Несомненно, раджа не разрешал никому, кроме пользующихся наибольшим доверием охранников, находиться вооруженным в его присутствии. Немо, машинально потянувшись за отсутствующим оружием, осознал ситуацию, вскрикнул и исчез из поля зрения. Фогг больше не мог видеть его. Но если бы он полагал, что часы были другой бомбой, с газом или взрывчатым веществом, он покинул бы комнату и, возможно, хлопнул бы дверью. Да, был приглушенный хлопок. Но он мог бы возвратиться сразу же. Он мог привести вооруженных людей, которых он послал бы в комнату, чтобы определить, бомба там или нет. Или своим могучим умом, которым он обладал, он мог бы осознать значение шнура, предположить магнит и успеть сбегать за оружием.

Он также мог послать отряд охраны в большой зал. Фогг был удивлен, что ни один охранник не появился. В любой момент он ожидал услышать выстрелы винтовок. Он оглянулся. Никто не появлялся из арок. Значит, раджа хотел, чтобы как можно меньше людей знало о дистортере. Он верил, что несколько человек в корзине и он с Немо справятся с эриданианами.

Но солдаты скоро должны были появиться.

Тут новые обстоятельства отвлекли Фогга. Паспарту вытащил из воды одного из охранников, которые нырнули из корзины в бассейн. Он тащил его со всей возможной скоростью, чтобы уйти с дороги Киуни, все еще носящегося вдоль периметра. Взрывы напугали огромных крокодилов в воде

достаточно, чтобы один человек успел удрать. Другой не было так удачлив. Один крокодил, пришедший в себя быстрее, чем другие, схватил его. Только пятно крови на воде показало, где человек был пойман рептилией.

У Фогга не было времени, кричать Паспарту, чтобы тот оставил человека, поскольку слон приближался слишком быстро. Он переключил все свое внимание на шахту, бросил магнит снова, манипулируя шнуром. На этот раз магнит упал прямо на часы раджи, и Фогг быстро начал поднимать его.

Прежде чем он вытащил его из отверстия, он увидел лицо раджи, пришедшего в сознание. Оно было искажено гневом, и раджа держал в руке револьвер Кольта. Он целился вверх. Фогг мог или отпустить устройство и отступить, или быть застреленным. На самом деле, даже если бы он отпустил шнур, он не успел бы отскочить.

Лицо раджи прошло путь от гнева до триумфа. Фогг решил, что должен попытаться спастись. Если бы он продолжал вытаскивать устройство, он был бы застрелен. Его единственный шанс, не очень хороший, состоял в том, чтобы метнуться в сторону, в то же время дернув шнур. Но если он не получит дистортер раджи, то он застрял здесь. И ничего хорошего его не ждет.

Раджа выкрикнул по-английски, чтобы Фогг не двигался, или он получит пулю между глаз.

Фогг задался вопросом, как раджа узнал, что был англичанином. Он также задался вопросом, была ли репутация раджи-стрелка заслужена. Наряду с капитаном индийской армии Мораном, раджа, как предполагалось, был лучшим охотником в Индии.

Фогг уже решился на рывок, так как умереть было лучше, чем быть захваченным живым, в любом случае. Тень упала на него. Что-то полутемное и полублестящее полетело в шахту. Как будто чертик из коробочки, рукоятка ножа выросла из горла раджи. Тот должен был откинуться назад, чтобы прицелиться, и оставил горло открытым.

Глаза Даккара остекленели, и он рухнул как подкошенный. Его револьвер ударился об пол и выстрелил. Раздался крик, и солдат появился в поле зрения, рухнув лицом вниз.

Он, должно быть, был поражен пулей, ушедшей в рикошет. Фогг потянул магнит и вытащил устройство, затем закинул магнит снова и разжился револьвером.

— Где вы взяли метательный нож? — поинтересовался он.

— У человека, которого я спас от крокодилов, — ответил Паспарту. — Увы, он не рептилия, но должен был бояться толстокожего.

Он указал на ужасный объект, что оставил после себя слон. Зверь прекратил бегать, но он все еще трубил и выглядел безумным. Его ноги и хобот с бивнями были забрызганы кровью.

— Великолепно, — пробормотал Фогг, и Паспарту улыбнулся с удовольствием.

— В цирке я научился не только падать и ходить по канату, сэр.

— Очевидно.

— Таким образом, что теперь, сэр, если я могу спросить?

— Во дворце прячется очень опасный человек, — продолжал Фогг. — Если бы он был в Лондоне, он много опаснее раджи. Он должен быть убит, но это невозможно сделать теперь. Действительно, если мы быстро не смоемся отсюда, мы погибнем. И еще...

— Да, сэр?

— Не имеет значения. Мы не должны доверяться вероятности слишком сильно. Ах, я вижу, что солдаты проникают через арки. Влезайте на слона быстро.

— Без веревочной лестницы, сэр? Кроме того, он не выглядит согласным принять нас — с лестнией или без.

— Если он не согласен, мы уезжаем без него.

Фогг достал другие часы из кармана. Он установил их и поместил магнит между ним и дистортером. Теперь три устройства были связаны магнитным полем. Он опустил шнур в шахту на несколько дюймов. У него не было ничего, чтобы привязать шнур, чтобы помешать трем объектам скользить вниз, кроме тела растоптанного человека. У него не было времени, чтобы подтянуть труп к шахте и привязывать шнур. Грохот выстрелов наполнил купол. К счастью, эти индусы были взволнованы и были, вероятно, плохими стрелками, как и большинство индусов в те дни. Кроме того,

только у пяти были винтовки; остальные были вооружены дульнозарядными ружьями с фитильными замками, оружием, из которого трудно метко стрелять. Но недостаток меткости было легко компенсировать плотностью огня. Слон, напуганный пальбой, растопчет всех — если они не предпочтут окончить жизнь в пасти крокодила!

Фогг впустил три пули из револьвера раджи спокойно, как будто находился в тире. Три солдата раджи упали. Другие отступили за арку. Фогг метнул туда последние часы из своего набора. Они упали у самой арки. Потом начали кружиться и испускать густой дым. Дым быстро пополз по огромному залу. Крики ужаса и раскаты громкого кашля наполнили помещение.

Все еще держа конец шнура, Фогг обернулся к слону. Он начал шептать мягко ласковые слова, которые запомнил наблюдая за махутом, затем понял, что зверь не слышит их. Он стал говорить громче и протянул одну руку к зверю. Тот наблюдал за ним бегающими глазами, но самообладание Фогга и отсутствие аромата страха успокоили Киуни. Фогг загнал свою тревогу в другую часть разума — он расплатится за это позже. Слон позволил ему быть рядом и протянул хобот, чтобы ощупать край его одежды. Паспарту отбежал на другую сторону островка, присел, и затем бросился прямо к хвосту животного и вскочил слону на спину. К счастью, ему удалось зацепиться за ховдах, прежде чем пораженный зверь опять бросился бежать. Фогг бежал рядом со слоном, и пытался успокоить его.

Француз сбросил веревочную лестницу, которая болталась в нескольких дюймов от пола. Он забрался на шею зверя и приложил все усилия, чтобы подражать парсу. Это, вместе с ласковыми речами Фогга, успокоило беднягу Киуни. К тому времени некоторые солдаты выбежали из облака дыма к противоположной стороне бассейна и начали стрелять. Вот только дым мешал им хорошенько прицелиться.

Фогг взобрался по лестнице быстро и потянул веревку. Киуни двинулся к шахте и остановился в нескольких футах — настолько близко, как Фогг смог, так как солдаты могли быть теперь и внизу, в покоях раджи. Он не был уверен, что это было достаточно близко, но он должен рискнуть.

— Телепортируемся, во имя Господа! Ради Бога! Передавайте нас! Скорее! — вопил француз.

Сверху донеслись крики. Паспарту побледнел и закатил глаза.

— Матерь милосердная! Они будут стрелять прямо вниз! Они не могут...

Его слова были прерваны ужасающим девятикратным звоном. Он снова оглох, но был счастлив. По крайней мере, он улыбался. Выражение лица Фогга, держащего шнур, не изменилось. Секунду спустя оба застыли, повиснув на Кикуни. Потребовалось полчаса, чтобы вернуть взбесившееся животное к спрятанному дистортеру.

Прибыв в исходную точку, Паспарту слез со слона, выкопал часы и, закопав ямку, прицепил часы на цепочку.

Церемонно поклонившись, Паспарту спросил:

— Сэр, разрешите задать вопрос?

— Конечно, хотя не могу обещать, что отвечу.

— У вас необычно большое количество необычных часов.

— Это — наблюдение, а не вопрос.

— Но откуда взялись эти смертоносные часы? Я не видел ничего, что бы указало на их существование. Никто не подсунул их вам в пути, надеюсь?

— Они первоначально хранились в моем бюро у меня дома. Человек, который планирует жизнь по часам, изменил бы себе, если бы у него не было несколько запасных хронометров.

— Но как вы, сэр, уберегли их от моего взгляда? Я не страдаю от недостатка наблюдательности.

— Они были в моем жилете с самого начала.

— Ах! И если бы надоедливые капеллиане нашли их и открыли для экспертизы?

— Первый же из них взлетел бы на воздух.

— Но, сэр, я, возможно, нашел бы их и, будучи любопытным...

— Тогда вы обнаружили бы, что есть определенные вещи, куда вам не стоит совать свой нос.

Паспарту на некоторое время замолк. Потом вытер пот с лица и сказал:

— А дистортер раджи? Вы уничтожили его? Заложили бомбу?

— Сразу после того, как он передал нас.

Паспарту воскликнул с восхищением:

— И теперь мы возвратимся в Лондон? Мы убили важную шишку капеллиан и уничтожили их дистортер!

— Это — третий вопрос, а вы заявили, что хотите задать только один.

Наступила тишина. А потом вдали взревел леопард.

Фогг сказал:

— Мы не вернемся. Ставка не была отменена.

— А тот опасный человек, о котором вы говорили?

— Он — тот, за которым я просил вас наблюдать на борту «Монголии».

— И у вас больше нет часов...

Паспарту хотел задать еще больше вопросов, но сдержался из-за тона Фогга.

ГЛАВА 11

КОГДА ОНИ ВОЗВРАТИЛИСЬ в бунгало, они нашли парса все еще храпящим под сенью дерева и сэра Фрэнсиса в том же самом положении, в котором они оставили его. Они вернули слона на привязь под дерево, где полуспящий зверь, начал срывать ветви и наполнять ими рот. Фогг и Паспарту вползли в бунгало, легли, и на этот раз оба уснули.

Два часа спустя их разбудил парс. Господин Фогг спросил его, удалось ли ему отдохнуть. Парс ответил, что не чувствовал себя ни в малейшей степени изнуренным. Он мог идти в течение нескольких дней без минуты сна. Господин Фогг, конечно, воздержался от комментария.

В шесть часов двое освеженных и двое усталых мужчин заползли на слона. Киуни, несмотря на отсутствие еды и сна, казалось, был бодр. Он шел почти так же быстро как накануне. Тем не менее проводник заметил, что слон пугался при любых внезапных движениях травы или животных. И путешественники вынуждены были устроить получасовой привал, чтобы позволить Киуни поесть и передохнуть.

Вскоре они миновали низкие отроги гор Виндхья и около полудня проехали мимо деревни на реке Кани, притоке

большого Ганга. Махут направлял Киуни подальше от жилья в целях безопасности. Господин Фогг согласился с таким решением. Люди мертвого раджи искали их. Не было никакой причины беспокоить махута и генерала историей прошлой ночи, в которую в любом случае они не смогут поверить.

Когда Аллахабад оказался на расстоянии в двенадцать миль, они свернули в рощу банановых деревьев, чтобы освежиться. Приблизительно в два они вновь нырнули в густые джунгли. Паспарту был рад, что они скрыты густыми зарослями, но был напуган близостью столицы Бунделкунда. Два часа спустя путешественники были все еще в густом лесу, хотя парс заявил, что они скоро выйдут на открытую местность. Паспарту собирался спросить его, как скоро, когда слон внезапно остановился.

— Что, черт возьми, теперь? — спросил сэр Фрэнсис, выглянув из ховдаха.

— Не знаю, сэр, — заявил парс.

Они услышали голоса многих людей. Еще через несколько минут они смогли различить голоса и музыкальные инструменты из меди и дерева. Парс спустился, привязал Киуни к дереву и по-пластунски пополз через кустарник. Через мгновение он возвратился.

— Процессия Браминов. Мы должны скрыться.

Он отвязал веревку от дерева и отвел животное с седоками в зеленвые заосли. С высоты слона трое белых увидели процессию. Впереди шествовали жрецы, за ними многие мужчины, женщины и дети. Толпа печально скандировала, речетатив смешивался с ударами тамбуринов и звоном тарелок, стенанием труб и игрой различных струнных инструментов. Следом за толпой ехала огромная колесница с огромными колесами, запряженная четырьмя зебу.

Сэр Фрэнсис, видя отвратительную статую в колеснице, прошептал.

— Это — Кали, богиня любви и смерти.

— Возможно, смерти, — заявил Паспарту. — Но любви? Эта старая ведьма? Никогда!

Парс жестом призвал к молчанию.

Толпа длиннобородых и голых старых факиров дико танцевала вокруг идола и наносила себе раны ножами.

За ними шествовала большая группа браминов. Они вели молодую женщину, которая, казалось, не была добровольной участницей парада. Несмотря на ее унылое выражение лица и шаркающую походку, она была красива. Ее волосы были черными, а глаза карими, но ее кожа была так же свободна от пигмента, как у любого йоркширца. Она носила тунику с золотым краем и легкую одежду из марли, которая облепила великолепную фигуру. Браслеты, кольца и серьги с драгоценностями делали её похожей на рождественскую ёлку.

Сопровождавшие ее мужчины, очевидно, следили, чтобы она не убежала. Они носили сабли и украшенные драгоценностями пистолеты. Четыре из них также несли паланкин, в котором лежал богато одетый труп.

Фогг ничего не сказал. Паспарту прошипел с удивлением. Несли тело раджи Бунделкунда.

Позади шли музыканты и еще больше танцующих окровавленных факиров. Сэр Фрэнсис печально сказал:

— Это — сати.

Когда парад прошел мимо, Фогг спросил:

— Что такое сати?

В высшей степени странно, что Фогг с его осведомленностью спросил об этом. Возможно, Верн приписал ему этот вопрос, чтобы дать сэру Фрэнсису шанс просветить читателя.

— Сати — добровольная человеческая жертва. Женщина, которую вы только что видели, на рассвете завтра будет сожжена.

— Негодяи! — воскликнул Паспарту.

— А труп? — спросил Фогг.

— Это — тело ее мужа, независимого раджи Бунделкунда.

Фогг сказал безразличным тоном:

— Действительно ли возможно, что эта варварская традиция все еще существует в Индии? Почему мы не положили конец этому варварству?

— С этим обычаем покончено в большей части Индии. Но мы не имеем никакой власти в диких областях и особенно в Бунделкунде. Целый район к северу от Виндхья — место непрерывных убийств и грабежа.

— Несчастная женщина! Сожжение заживо! — пробормотал Паспарту.

Сэр Фрэнсис объяснил, что если бы вдова так или иначе отказалась от участи жертвы, ее рассматривали бы с предельным презрением ее родственники и все, кто знал о ее отказе стать пеплом вместе с мужем. Она должна была бы побрить голову. Она стала бы меньше, чем пария, потому что даже у парии была своя каста. В конечном счете она умерла бы от позора и горя.

Сэр Фрэнсис не знал, что это точно не касалось этой бедной женщины. Если бы она сбежала из Бунделкунда, она вернулась бы, чтобы жить с ее родственниками в отдаленном Бомбее. Они был из парсов, которые не имели обычая сати. У этой касты, произошедшей от персидских огнепоклонников, пророком которых был Заратустра, были обычаи, столь же отличающиеся от обычаев индуистов, как обычаи ортодоксальных евреев от обычаев их соседей.

Парс — погонщик слона не согласился с сэром Фрэнсисом.

— Жертва не добровольная, — сказал он.

— Откуда вы знаете это?

— Все знают об этом деле в Бунделкунде.

Это заявление — одно из многих странных мест в «Вокруг света за 80 дней».

Парс жил только в тридцати милях от границ владений покойного раджи. Все же, с горами, джунглями и изоляцией его небольшой деревни, он мог бы с таким же успехом жить на расстоянии в триста миль. Индусы из Бунделкунда были враждебны его народу и вряд ли обменивались новостями с ними слухами и сплетнями. И откуда он знал, что раджа умер? Он не говорил ни с кем, кроме этих трех европейцев, когда поездка началась, и раджа умер только накануне ночью. Все же Верн утверждает, что он знал об этом.

Правда, кажется, что ни один из путешественников, возможно, не мог знать о ситуации... Фогг и Паспарту знали, конечно, что раджа мертв. Но они не могли сказать об этом, и Верн не знал о том, что действительно произошло той ночью.

Однако Парс действительно заявлял, что вдова раджи одурманена парами гашиша и опиума. И именно поэтому она не сопротивлялась. Разумеется, Верн, как любой хороший романист, вставил некоторые замечания чисто

вымышленного характера в уста героя, чтобы сообщить читателю нужные детали.

Однако был ли импульс спасти женщину от этого ужасного обряда достаточно силен для Фогга, чтобы подействовать на него? Почему он должен был подвергнуть опасности свою секретную миссию и пари, чтобы совершить рискованную попытку спасения незнакомки? Это было просто проявление человечности? Возможно. Возможно также, тот факт, не зафиксированный никем, что Фогг влюбился с первого взгляда в красавицу. Но дневник указывает, что был другой, и, несомненно, более важный повод. Эриданианка проникла в сердце дворца раджи. Она была тем шпионом, который сообщил описание зала с куполом, где раджа держал свой дистортер. Эта отважная эриданианка подобралась так близко к радже, как было возможно. Ее красота и очарование позволили ей привлечь внимание раджи легко, и от этого до брака был один шаг.

Фоггу рассказал все это давным-давно Стюарт через игру в вист. Поэтому, как только поездка собиралась возобновиться, Фогг сказал:

— Предположим, мы спасем эту женщину.

Сэр Фрэнсис воскликнул:

— Как, вы спасете эту женщину, господин Фогг?

— У меня есть двенадцать часов форы. Я могу посвятить их этому.

— Да! Вы, человек, с золотым сердцем!

— Только когда у меня есть время, — ответил Фогг.

Сэр Фрэнсис, должно быть, задался вопросом о том, что это за человек, эмоции которого могли включаться или выключаться по желанию.

Два других европейца загорелись благородной идеей. Но что относительно парса? Он, как можно было ожидать, не стал бы рисковать своей жизнью, но он мог бы согласиться остаться и ждать их. Даже если это было бы опасно для него.

Он ответил, что парс и что женщина тоже парс. И он пойдет с заговорщиками до конца.

Верн говорит, что парс знал все о ней. Вероятно, Верн получил эту информацию из общедоступных записок Фогга и вложил информацию о ней в уста Парса для удобства

читателя. В любом случае мы знаем, что она была известной красавицей, дочерью богатого торговца из Бомбея. Если она была настолько известна, то парс, возможно, слышал о ней. Путешественники, проходившие через его отдаленную деревню, возможно, сплетничали о ней.

Несчастную звали Ауда Джеджибхой, и она получила образование в английской школе в Бомбее. Это, плюс ее светлая кожа, позволило ей выглядеть европейкой. Она была родственницей богатого парса, который был возведен в баронеты королевой. Он был сэром Джеймтси Джеджибхоем, которого любопытный читатель может найти перечисленным, с некоторыми биографическими деталями, в списке пэров.

Парс сказал, что после того, как ее родители умерли, она была вынуждена выйти замуж за раджу. Это, конечно, было версией, в которую поверили раджа и общественность. Она преуспела в том, чтобы заставить его поверить, что она — жертва. Если бы она не стремилась выйти замуж за раджу, она пробудила бы его подозрения.

Парс, однако, был прав: она сбежала, как только раджа умер, но была схвачена и возвращена во дворец. Родственники раджи были настойчивы в том, чтобы она совершила сати, так как не хотели, чтобы она унаследовала богатство раджи.

Если бы Немо узнал, или даже подозревал, что она была эриданианкой, он спас бы ее. Она была бы слишком ценна как источник информации для него, чтобы позволить ей отправиться на погребальный костер. Но было возможно, что Немо больше не имел влияния в Бунделкунде и был бессилен предотвратить ее, преждевременную для его целей, смерть.

Парс провел путешественников в храм Пилладжи, где должна была пройти скорбная церемония. Тридцать минут спустя они притаились в плотной роще приблизительно в ста шестидесяти семи ярдах от храма браминов. Киуни делал много шума, пожирая ветви, но этому нельзя было помешать. Зверь был очень голоден, и любые усилия остановить его могли бы привести к неприятностям. К счастью, расстояние от толпы, шум, который она производила, и густая растительность, которая окружила путешественников, мешали

индусам услышать звуки, которые производил слон. Фогг расспросил гида о местности вокруг храма, его интерьере и поведении индуистов в таких случаях. Верн говорит, что парс был знаком с храмом. Но как мог парс когда-либо войти в индуистский храм, особенно один и на враждебной территории? Возможно, будучи интеллектуальным и, следовательно, любопытным, он расспрашивал о таких вещах индусов. Храм Пилладжи, кажется, был известным.

Заговорщики ждали в роще, пока не наступила ночь. Между тем они все еще опасались быть обнаруженными. Киуни не прекратил питаться. Время от времени из толпы выбегали дети и приближались к укрытию заговорщиков. Три десятилетних карапуза, играя в своего рода прятки, помчались к роще. Они были уже довольно близко, когда мать позвала их обратно. Слон в тот момент пережевал ветви, а не ломал их, и не привлек ее внимания. Кроме того, ветер дул в сторону путешественников, что было им на руку.

Несмотря на это, им пришлось пережить несколько тревожных моментов.

С закатом шум толпы начал утихать. Киуни к тому времени лишил ветвей половину деревьев, но набив живот, теперь дремал. Участники празднества были не только утомлены; они казались сонными от жидкого опиума, смешанного с гашишем. Использование таких наркотиков и некоторые другие особенности описания Верна указывают, что обитатели Бунделкунда не принадлежали к обычной секте индуизма. Они были приверженцами Кали и несомненно считались неортодоксальным даже другими течениями этого конкретного вероисповедания. Были элементы предындуистской религии в их вере, вероятно унаследованные от исконных местных жителей, малочисленных темных народов, которые теперь жили только в горных джунглях.

Отчет Фогга подтверждает описание Верна, таким образом, мы можем принять его как верный. Поклонники Кали действительно использовали опиум и другие наркотики.

После наступления темноты парс улизнул, чтобы вблизи посмотреть, что происходит в храме. Он нашел, что вся толпа погрузилась в оцепенение, включая детей. Исключениями были

жрецы и охранники в храме. Фогг, услышав это, остался невозмутим. Они ждали, что люди в храме могли бы заснуть позже.

В полночь стало очевидно, что охранники намеревались не ложиться спать на ночь. Фогг отдал приказ, и путешественники вышли в ночь... Луну скрыли тяжелые и плотные облака. Заговорщики притаились за храмом, достав свои ножи. К счастью, после того, как один кирпич был удален, другие вышли без большого труда. В какой-то миг они должны были отступить в лес, потому что охранники были взволнованы криком. Это заставило сэра Фрэнсиса и парса испугаться и предложить отказаться от благородной, но безрассудной затеи. Не важно, что стало источником крика, охранники теперь будут более бдительными. И рассвет уже скоро.

Фогг ответил, что будет продолжать, пока есть надежда.

На Паспарту, наблюдавшего за происходящим сверху из ветвей дерева, внезапное накатило вдохновение. Без слов, он спустился с дерева и ускользнул. Он понятия не имел, что женщина — эриданианка. На рассвете Ауду вывели из храма. Толпа оправилась от оцепенения. Голоса и музыка стали столь же громкими, как прежде. Ауда пыталась вырваться, пока наркотический дым не лишил ее воли. Сэр Фрэнсис, возмущенный этой сценой, схватил за руку Фогга и нашел в ней открытый нож. Но Фогг не помчался в толпу, размахивая ножом в тщетном усилии спасти девушку. Верн говорит, что Фогг и остальные смешались с толпой, направлявшейся к костру. Это, очевидно, не верно, так как они были бы замечены сразу. В действительности они остались на некотором расстоянии, скрываясь позади кустарников.

Верн не говорит, что Фогг думал о несанкционированном исчезновении Паспарту. Судя по секретному дневнику,Фогг предполагал, что он еще на дереве.

Трое мужчин видели теперь женщину, лежащую без сознания около трупа. Они видели пропитанные маслом дрова, зажигаемые факелом. Фогг, кажется, потерял самообладание. Он собирался помчаться через толпу, когда сэр Фрэнсис и парс схватили его. Несмотря на их усилия, он вырвался на свободу и хотел уже было бросися в бой, когда что-то неожиданное и ужасающее произошло. Целая толпа, крича от

ужаса, упала на колени. Мертвый раджа сел, встал на ноги, взял Ауду на руки и теперь спускался с костра. Дым окутал его, как будто он был дьяволом, несущим бедную потерянную душу через огни Ада. Он шел через обессиленную толпу прямо к кустам, где скрывались трое.

Возвращенным к жизни раджой, как все знают, был Паспарту. В темноте, в то время как толпа спала, он раздел труп, похоронил его в дровах, надел его одежд и затем лег на место мертвеца.

Несколько мгновений спустя Киуни, пробужденный от сна, неся пять человек на спине, уже рвался вперед, как будто полностью понял необходимость быстрого отъезда. Крики и выстрелы гремели позади, и пуля пробила шляпу господина Фогга. Огонь к тому времени явил толпе голое тело раджи. Поклонники Кали сразу поняли не только, что были обмануты, но и каким образом. Поскольку у них не было слонов или лошадей под рукой, погоня безнадежно отстала.

ГЛАВА 12

ПАСПАРТУ ЗАСЛУЖИЛ ВОСХИЩЕНИЕ. Сэр Фрэнсис пожал ему руку. Фогг сказал:

— Хорошо сделано!

Скорбная церемония, хотя он, должно быть, думал, что камердинер, который, в конце концов, находился под его командой, должен был проконсультироваться с ним перед действием. Однако Фогг был чрезвычайно прагматически настроен. И таков был обычай эриданиан, действовать независимо, если ситуация того требовала. Сэр Фрэнсис сказал Фоггу, что эта женщина никогда не будет в безопасности в Индии. Фанатики Кали разыскали бы ее и задушили.

В Аллахабаде молодая женщина ждала в комнате железнодорожной станции, в то время как Паспарту покупал подходящую одежду для нее. Хотя Верн не говорит об этом, Паспарту, должно быть, купил одежду также для себя. Когда он вошел в Аллахабад, он все еще носил одежды, которые снял с мертвого раджи. Его собственный костюм сгорел на костре.

На поезде в Бенарес Ауда полностью пришла в себя. Она была удивлена, конечно, так как она ожидала просуться на Небесах парсов. Фогг не упомянул пока их эриданианскую общность. Он изображал того, кем мнил его мир, чрезмерно эксцентричного английского джентльмена. Он действительно предложил взять ее с собой до Гонконга. Там, оказалось, у нее был кузен-парс, богатый торговец.

В Бенаресе сэр Фрэнсис попрощался с ними. Он сказал, что никогда не забудет их приключение, и ни Фогг, ни Паспарту не просветили его о том, что он пропустил.

Двадцать пятого октября, точно по графику, путешественники прибыли в Калькутту. Эти два дня компенсировали потерянное время во время поездки по Индии. Верн говорит, что нужно предположить, что Фогг не сожалел о потере форы.

Когда они покинули железнодорожную станцию, полицейский вежливо попросил, чтобы мужчины следовали за ним. Ауда сопровождала их до отделения полиции. Там они были задержаны для допроса, который назначили на 8:30 тем утром. Им не сказали, почему они были задержаны, что кажется странным, так как британский закон требовал, чтобы им это сообщили. Ауда сказала, что это из-за их вмешательства в сати. Фогг ответил, что это невозможно. Кто посмел бы пожаловаться властям? Что бы ни случилось, они не бросят Ауду. Они поехали бы с нею в Гонконг.

Паспарту, вытирая пот со лба, воскликнул:

— Но отправление парохода в полдень!

— Мы будем на борту в полдень, — заверил его Фогг.

В предусмотренное время их привели в зал суда. Здесь они узнали суть обвинений, выдвинутых против них. И дело было вовсе не в храме Пилладжи. Виной всему случай в храме холма Малабар в Бомбее.

Фикс, кого мы в последний раз видели в Бомбее, поехал с тремя жрецами в Калькутту. Пока Фогг и компания спасали Ауду, Фикс и компания ожидали их в Калькутте. Там они пожаловались британским властям на осквернение Паспарту храма. Фикс, который оплатил их проезд, также обещал им, что жрецы получат большую сумму в компенсацию ущерба. Обнаружив прибытие Фогга, он заставил полицейского задержать его.

Сидя в толпе в углу, Фикс наблюдал разбирательство. Он восхищался происходящим. Паспарту был оштрафован на триста фунтов и получил пятнадцать дней ареста. Так как Фогг, как хозяин, был ответственен за слугу, он был приговорен к семи дням в тюрьме и оштрафован на сто пятьдесят фунтов.

Фикс знал, что за это время успеет получить ордера на арест. Фогг отправится в Англию как заключенный Фикса, а тем временем многое могло и должно было случиться.

Господин Фогг, однако, потребовал своего права взять на поруки. Фикс похолодел в этот момент, но расслабился, когда услышал, что залог будет стоить каждому заключенному тысячи фунтов. Ему стало холодно снова, когда Фогг заплатил требуемую сумму, достав деньги из своего саквояжа.

Паспарту настоял, чтобы обувь, оставленная им в храме, была возвращена ему. Ботинки, как он жаловался, не только стоили тысячи фунтов за штуку, он и нынешние жали ему ноги.

Фикс, надеясь, что Фогг никогда не оставил бы две тысячи фунтов, был потрясен. К своему испугу он увидел, как компания села на маленькое судно и направилась к пароходу «Рангун». И ему ничего не оставалось, кроме как следовать за ними в Гонконг. До сих пор он думал, что потерял их. Но он действительно преуспел в том, чтобы добраться на «Рангун» не будучи замеченным французом. Но сначала он оставил распоряжение о том, что ордер, когда он прибудет, должен быть отправлен в Гонконг...

Фикс оставался в своей каюте как можно дольше. Он заметил с Фоггом женщину. Откуда она взялась? Кем она была? Была ли она эриданианкой? Последнее казалось более вероятным, так как Фикс не мог представить холодно бесчеловечного, или бесчеловечно холодного Фогга заводящим любовницу.

Страдая от крайней раздражительности и убежденный, что Паспарту мог бы дать ему больше информации, Фикс отправился на разведку. Это было тридцатого октября. На следующий день «Рангун» остановился бы в Сингапуре.

Фикс определил местонахождение француза, который прогуливался на передней палубе первого класса. Изобразив удивление от встречи на борту, сыщик приветствовал его.

Он объяснил Паспарту, что неожиданные дела в Гонконге вынудили его оказаться на судне. Он не был на палубе прежде, потому что морская болезнь держала его в постели. Он выразил удивление при получении известия от француза, что девушка была теперь с господином Фоггом, в отдельной каюте, конечно. Паспарту рассказал историю спасения, их бегства, суда и залога. Женщина, как обнаружил Фикс, должна была быть доставлена в Гонконг к родственникам.

Фикс, услышав это, подумал, что, возможно, она не была врагом. Разочарованный, он отказался от своего плана арестовать Фогга в Гонконге по обвинению в разврате. Поведение Фогга с Аудой было, по словам Паспарту, безукоризненным.

Фикс пригласил Паспарту выпить джина. Возможно, на этот раз француз выпил бы достаточно, чтобы развязался его язык.

Позже Паспарту доставил мертвецки пьяного Фикса к его каюте и сообщил обо всем Фоггу. Фикс, несомненно, преследовал их. Был ли он просто детектив, или капеллиан было еще неизвестно.

В Сингапуре, по данным Верна, и вовсе ничего не произошло. В то время как на «Рангун» грузили уголь, Фогг и Ауда рокатились по городу и окружающей местности. Фикс замаскировался так умело, что они не заметили его. Паспарту, однако, шел за Фиксом некоторое время, видел, за кем тот проследовал, и ушел, чтобы выполнить некоторые поручения. В одиннадцать часов, на полчаса раньше срока, судно покинуло основанную англичанами колонию.

Когда Фикс возвратился в его каюту, он обнаружил в ней человека, которого встречал лишь однажды. Мы знаем это, потому что это зарегистрировано в секретном дневнике Фогга, хотя он узнал о встрече значительно позже.

Человек сидел на стуле, его длинные ноги с хорошей мускулатурой были вытянуты, края пяток его дорогих ботинок стояли на палубе. Хотя он был приблизительно сорока лет, у него было телосложение спортсмена двадцати пяти лет. Его талия была узкой; грудь — широкой; его плечи — могучими. Его нос был длинным и прямым, рот — тонким, подбородок сильно выдался вперед, лоб —

высоким и выпуклым, глаза — бледно-серыми и разнесены слишком широко. Он курил длинную тонкую сигару марку и аромат которой Фикс не мог определить. У табака был странный сильный запах.

— Сядьте, Фикс, — сказал человек по-капеллиански. — Вам есть что сообщить?

Фикс сел, как будто не мог не повиноваться человеку достаточно быстро. Его нервозность стала еще более явной, пока он рассказывал все, что произошло со дня, когда он встретил «Монголию» в Суэце. Пока он говорил, он не мог удержаться от ощущения, что его гость был одним из Древних, а не приемышем-человеком. Эти широко расставленные глаза и сверхчеловеческий и холодный разум, читавшийся во взгляде! Но он не осмелился спрашивать. В любом случае это не имело никакого значения. Он выполнял приказы этого человека, который был смертельно опасным. Полное отсутствие сострадания сквозило в почти видимой ауре незнакомца, если выражаться модными словечками из тософского лексикона.

В конце длинного отчета Фикса его гость выпрямился на стуле.

— Вы продолжите следовать за ним, назад в Лондон, в случае необходимости. И продолжите дружить с этим Паспарту. Он — несомненно, эриданианин. Те часы, которые он отказывается регулировать по солнцу, кажутся мне подозрительными. Это может быть дистортер. Один дистортер у них точно есть...

Гость Фикса был тем, кого Фогг назвал Немо, когда увидел его во дворце раджи. Немо знал, что Паспарту был сообщником Фогга. Он не видел его во время набега, но солдаты в куполе подробно описали француза. То, что Немо не потрудился сказать об этом Фиксу, было ошибкой высокомерия. Фикс был всего лишь подчиненным и не очень компетентным, по его мнению. Почему он должен говорить Фиксу, почему он считает, что француз, эриданианин? Он сообщил, что француз эриданин, и это должно быть достаточно для Фикса.

Этого, однако, было недостаточно для Фикса. Он предположил, что заявление гостя основано на подозрениях, и только. Насколько он предполагал, забавный слуга мог быть просто человеком.

Кроме того, Фикс имел некоторые вопросы и некоторые предложения, но не высказал их. Этот человек был, очевидно, тем, кто отдает приказы, и не любит вопросов.

— И Фогг и Паспарту знают, что вы не просто детектив. Я не знаю, почему они не убили вас или не попытались извлечь из вас данные. Они должны знать, что вы можете попытаться устранить их в любой момент и что вы можете легко сделать это. Однако они могут ждать подходящего момента для нападения. У них стальные нервы, они бесстрашны и интеллектуально развиты... для эриданиан. У меня есть серьезные основания для таких утверждений.

Он пыхтел своей сигарой.

Фикс хотел, чтобы Немо рассказал ему, что у него за серьезные основания так говорить. Он также думал, что определил по крайней мере один из элементов в аромате табака. Морская водоросль? Но если так, это была прекрасная морская водоросль, поскольку дым был, конечно, достаточно приятен, даже некурящему.

Немо, как будто читая его мысли, сказал:

— Это последняя сигара. Потом я вернусь к обычному табаку. — Он затянулся снова и продолжил: — Берег ее для особого случая. Такого как поимка Фогга, который, между прочим, мне откуда-то знаком. Где я видел его прежде?

Фикс вспотел еще сильнее.

Если начальник говорил слишком много с подчиненным, это могло означать, что его больше не заботит, что подчиненный знает слишком много. Подчиненный скоро будет мертв. Но что он сделал не так? Где он напортачил? Он выполнил все приказы, и это не его ошибка, что из Лондона не прислали ордер.

Человек, выражение лица которого было лишено любых признаков эмоции, теперь улыбнулся.

— Не могу рассказать вам, что происходит. Но я могу сказать, дела никогда не шли столь хорошо для нас. Прямо сейчас происходит очень важная операция, возможно самая важная в нашей истории... Она, несомненно, положит конец нашей войне с эриданианами.

Фикс сел.

— Невероятно!

— Я говорю вам, это так! — заверил Немо.

— Простите, сэр. Но конец войне!

— Да, конец.

— Но они никогда не заключат мир с нами!

Немо перестал улыбаться.

— Вы мыслите странно... Возможно, слишком странно... Вы действительно предполагаете, что мы пойдем на соглашение с этими демонами? Или, — тут он нанес удар сигарой, как будто это был нож, — питаете надежду на то, что мы на это пойдем? Мир будет объявлен только, когда каждый эриданианин упокоится в небытие!

— Простите... — Фикс запинался, пот заливал ему глаза. — Новости, которые вы мне сообщили, поистине удивительны!

— Да? Ну, таинственность, взаимное непонимание правильно для солдат. Но такое положение дел может оказывать вредный эффект. Как вы можете поддержать общность интересов, соблюдать секретность, если участники теряют свое чувство принадлежности к коллективу, общине, расе? Правда в том, что если бы не война, эриданиане и капеллиане вымерли бы давно. Большинство Древних мертвы. Но даже они, за одним или двумя возможными исключениями, являются вторым или третьим поколением. Все женщины Древних убиты во время войны или бесплодны. В почве Земли недостает микроэлементов, необходимых для продолжения рода. Это не секрет, так что можете не кривляться, изображая удивление. На каждом корабле было только по пять женщин. И мы, и наши враги выбрали их в качестве главной мишени в нашей войне. Но вы и так знаете это. Или эту тайну никто вам не открыл?

Фикс отметил, что гость все же был человеком. Он пытался выглядеть капеллианином и учить этому других, но сам не ощущал уверенности в себе. С другой стороны, он мог просто проверять Фикса или готовить его для новой неприятной миссии.

Фикс чувствовал себя одиноким только потому, что пробыл вдали от дома так долго и сейчас находился в стране, которую сильно не любил. В Лондоне у него была жена — капеллианка, конечно — и три ребенка. Дети тренировались со

времени, как начали говорить. Они теперь слушали истории, от него и его жены, об отдаленных планетах и космических полетах, и о галактической войне. Они думали, что это сказки, но через несколько лет ни, если бы прошли определенные тесты, оказались бы допущены в братство крови. Древний пожертвовал бы часть своей крови, которая будет добавлена в их вены.

Фикс любил жену и детей. Ему нравилось приходить домой после трудного дня или ночи, после розыска преступников, ареста и иногда избиения арестованных в клетках допроса. Последнее, конечно, только в том случае, если он был абсолютно уверен, что арестованные были виновны и совершили ужасное преступление, такое как убийство, жестокое обращение с детьми или гомосексуализм. Если приземленная жизнь полицейского становилась унылой, что случалось довольно часто, все тут же преображалось, стоило прийти шифровке, тайному сообщению о новой миссии против злобных эриданиан. Но Фоксу нравилось после миссии отдыхать у себя дома. В конце концов, он был англичанином.

— Две вещи помешали нам утратить свое самосознание, — продолжал Немо. — Во-первых, страх перед казнью, в случае дезертирства. Во-вторых, что, безусловно, самое важное, возможность жить в течение тысячи лет. Большинство людей продало бы за это свои души, если бы у них были таковые. Но стать капеллианином или эриданианином... Это — клей, который скрепляет нас. И у нас действительно есть идеалы. Мы действительно предполагаем, как только враг будет сметен с дороги, направить мир к процветанию, освободить от болезней... — Он снова затянулся, выпустив облако зеленого дыма, ослепительно улыбнулся и закончил: — Этим миром будут управлять те, у кого есть древнее знание. Мы. И наши внуки могут быть среди аристократии, Фикс...

— Да, сэр.

— В любом случае вам теперь сорок лет, и, не станете немного старше, физиологически, в течение приблизительно восьмисот-девятисот лет. Но вы можете быть убиты, Фикс. И наши враги хотят убить вас. Поэтому мы должны убить их первыми. Все так?

— Да, сэр.

— Но лучше взять их живыми, таким образом мы сможем узнать, кто другие, и выловить всех.

— Да, сэр.

— Таким образом, вы сыграте свою роль. И Фогг и Паспарту будут играть свои роли, пока мы не опустим занавес для них. Кстати, что вы думаете об этой женщине? Возможно, она эриданианка? — спросил он Фикса.

Так как слова Немо указывали на его неуверенность по поводу истинной личности Ауды, можно было предположить, что он никогда не видел ее прежде. Раджа, очевидно, держал ее в своем гареме, а Немо немедленно покинул Бунделкунд после смерти раджи.

— Маловероятно, чтобы два эриданианина рисковали жизнями ради существа, не являюшегося представителем их вида.

— Я не знаю, сэр, осмелюсь сказать, — ответил Фикс. — Этот Фогг весьма странный. Никакого страха, так я могу сказать, сэр. И он — англичанин, сэр.

— Вы спасли бы ее?

— Да, сэр. Как англичанин, сэр. Как капеллианин, нет, сэр, если у меня не будет приказа сделать это.

— И вы думаете, это проявление человечности со стороны Фогга, Фикс? — с намеком на насмешку спросил Немо.

— А что такое человечность, сэр? — Фикс на мгновение замолчал, затем улыбнулся. — Будучи человеком, сэр, если меня можно им считать, и способный к обоим из действий, которые вы упомянули, я сказал бы, что ни одно не является более человеческим, чем другое. Что касается вопроса сердца, сэра, каково слово для этого ... состр?..

— Сострадание, Фикс. Я могу процитировать вам его словарное определение, поскольку я помню каждое слово в словаре и в Энциклопедии Британники 1871 года выпуска.

— Но я сомневаюсь в том, что даже если вы знаете значение этого слова, — заметил Фикс, — но не понимаете смысл. Слово — тень, но что относительно природы того, чем тень отброшена? Если разум знает, но он не связан с сердцем — смысла нет. А сердце — там обитает единственное знание, которое стоит того, чтобы знать.

То, что Немо говорил о «препарате тысячелетия», как Фикс называл его, тоже имело смысл. Фикс хотел жить тысячу лет.

Отчаянно хотел, чтобы его детей ожидала столь же длинная жизнь. Но существовал шанс, что по крайней мере одному из его детей нельзя будет разрешить сделать это. Если бы руководители решили, что ребенок был слишком эмоционально нестабилен, что он или она могут проболтаться, то этот ребенок не получил бы ни капли крови или эликсира. А маленькая Энни Фикс, его любимая маленькая Энни, демонстрировала признаки истерии.

Незванний гость внезапно встал. Он был очень высок, по крайней мере шесть футов пять дюймов ростом. И теперь Фикс понял, что у Немо странный акцент. Может, этот человек был ирландцем?

— Я буду вне поля зрения, — пояснил Немо. — Но я буду близко. Когда настанет время, вы получите известие от меня. Между тем играйте свою роль. Задержите Фогга как можно дольше, не попадаясь ему особо на глаза. Будем надеяться, что ордер будет ждать вас в Гонконге. Если этого не будет, мы попытаемся помешать Фоггу прибыть в Америку вовремя.

Никаких проявлений дружелюбия. Никакого прощания. Немо вышел резко, хотя закрыл дверь достаточно мягко.

Мистер Фикс протянул:

— Гмм!

Он вытащил носовой платок, чтобы вытереть лицо. Сыщик чувствовал себя так, словно только что побывал в клетки с голодным тигром. И тигр решил не съедать его, в конце концов. В комнате стоял запах опасного хищника. Это был не запах, но это было незримое присутствие опасности, разлитое в воздухе. Так же, как он хвастался британскому консулу, что мог чувствовать запах преступника, именно так он мог почувствовать запах человека-тигра. В этом случае человек вонял и преступником, и тигром. Фикс почувствовал бы жалость к Фоггу и Паспарту, если бы они не были эриданианами. И, несмотря на это, к ним у него не должно быть сострадания! Он был приучен никогда не думать о врагах как о чем-то большем, чем о скопище паразитов, и при том смертельных паразитов.

Однако он был рад, что человек с широко расставленными серыми глазами не приказал убить Фогга и его спутников.

История, которую Верн рассказал о несчастьях Фогга, пока тот не прибыл на 180-й меридиан, известна. События того периода кратко обрисованы в общих чертах здесь для тех, кто прочитал эту историю так давно, что их память не сохранила деталей.

Ауда, что было очевидно, влюбилась в Фогга. Джентльмен если и знал о ее эмоциях, не проявлял это знание никак. Паспарту не мог понять, почему Фогг не ответил на это пылкое обожание. Конечно, он ответил бы...

Шторм заставил «Рангун» на двадцать часов отстать от графика. Фикс, хоть и страдая морской болезнью, нашел в этом утешение. Возможно, задержка позволила бы ордеру на арест прибыть в Гонконг раньше парохода.

Иногда тем не менее Фикс желал, чтобы ордер не пришел. Как только он защелкнет наручники на запястьях Фогга, он должен будет участвовать в похищении и пытках. Нет, он не желал этого! Этот человек-тигр не станет переживать, если он, Фикс, тоже исчезнет. В итоге Фикс должен был играть роль оскорбленного детектива, который был достаточно некомпетентен, чтобы потерять подозреваемого.

Но это не избавляло Фикса от душевных мук. Он не снимал с себя ответственности... Пусть пытать и мучить будут другие, причиной этого будет он...

Наконец буря стихла, и с ней утихли душевные муки Фикса. «Рангун» опоздал на день.

Филеас Фогг, казалось, был обречен опоздать на пароход до Иокогамы.

Паспарту боялся спросить о судне до Иокогамы. Лучше никаких новостей, чем плохие. Фогг не колебался, однако, и получил хорошие новости. Пароход задержался в течение одного дня для ремонта котла. Они успеют вовремя, в конце концов. Это было действительно удачно. Если бы путешественники опоздали на это судно, они должны были бы ждать неделю следующего парохода. Но Фогг все еще на двадцать четыре часа опаздывал, согласно графику, но это не имело катастрофических последствий.

Поскольку у Фогга было шестнадцать часов свободного времени в Гонконге, он решил убедиться, что кузен Ауды предоставил девушке достойную защиту.

К тому времени Фогг установил, что она была шпионом эриданиан. Но так как ни он, ни Паспарту не получили новых приказаний, девушка осталась бы в Гонконге. На Бирже господин Фогг справился о ее кузене. Ему сообщили, что два года прошли с тех пор, как Джиджих уехал из Китая. Он удалился от дел, и теперь, как предполагалось, жил в Голландии. Фогг возвратился в клубный отель, где в номере он оставил Ауду.

Верн написал, что она не прокомментировала этот поворот событий, который оставил ее одинокой и незащищенной. Вместо этого она просто спросила Фогга, что она должна делать.

— Отправиться в Европу, — объявил Фогг.

Ауда, как предполагается, сказала, что не желала бы ни в малейшей степени препятствовать Фоггу в его путешествии. Фогг ответил, что она не помешает, и послал Паспарту, чтобы бронировать три каюты на «Карнатике».

Это вполне соответствует характеру Фогга. Но на самом деле все было не так.

Фоггу не хотелось оставлять Ауду в Гонконге. Он, возможно, дал ей деньги, чтобы она поддержала себя некоторое время или купила билет до Англии. Но он не хотел оставлять ее, одну, без защиты от бедности и от безумных тугов, которые могли настичь ее и здесь. Кроме того, капеллиане, возможно, уже идентифицировали ее как враждебного агента, и если бы она была одна здесь, ее шансы выжить были бы минимальны. К тому же, вероятно, хотя Фогг и не показал этого тогда, любовь Ауду уже не была безответна. Это чувство, возможно, повлияло на его философию рационалистического механицизма. Рациональный разум должен учесть все известные факторы, и любовь — конечно, тоже часть вселенной.

В любом случае Фогг сказал Ауде, что сомневался, что она могла сделать что-либо в Гонконге для расы. Так как она оказалась исключительно компетентным агентом, она должна сопровождать их. Трое сильнее, чем двое. Она могла следить за Фиксом и другими капеллианами, которые были, вероятно, на этом судне. Или если не на борту, то ожидали их в Иокогаме или Америке.

Фикс, между тем, был подавлен. Ордер не прибыл. То, что он прибыл бы через несколько дней, не утешало. Гонконг был последней частью британской территории. Компания Фогга оставляла империю. Если бы только Фикс мог бы найти некоторые средства задержать их достаточно долго!

Шагая назад и вперед по причалу, он встретил Паспарту. Француз улыбнулся ему, как будто знал, что творилось в голове сыщика. Несомненно он знал! Паспарту спросил Фикса, почему тот решил поехать в Америку с ними. Он не спросил Фикса, куда тот едет. Фикс процедил сквозь зубы, что он поплывет на «Карнатике». Вместе, они пошли в кассу. Клерк сообщил им, что ремонтные работы закончились раньше, чем ожидалось. Судно отправится вечером, а не завтра.

Это подало Фиксу идею. Он пригласил Паспарту в таверну на причале. Он знал, что это опийный притон и что там он мог бы заставить Паспарту выкурить трубку опиума, если тот будет достаточно пьян, то не доедет до гостиницы. Фогг тогда задержался бы для поисков пропавшего камердинера. Пока они пили с Паспарту, которому Фикс наливал в два раза больше, Фикс доказывал себе, что Фогг и вправду грабитель банка. Он все еще не был убежден, что француз был эридаком. Если он был только камердинером, его чувство уважения к закону могло бы заставить его покинуть хозяина. Это, по крайней мере, спасло бы его жизнь. Фикс был убежден, что, даже если Паспарту обычный землянин без капли чужой крови, сероглазый человек-тигр, вероятно, приказал бы его убить. Паспарту мог вычислить Фикса как человека, который следил за ними, а сероглазый человек не захочет огласки. Кроме того, Фиксу нравился этот парень. Он никогда не пожелал бы ему попасть в лапы человека-тигра!

Результат пребывания в опийном притоне состоял в том, что Паспарту опоздал, и Фогг и Ауда были вынуждены уехать без него.

Нет никакой потребности рассказать о приключениях француза после того, как он проснулся. После смешного эпизод в Иокогаме он воссоединился с Фоггом. Они сели на судно в Америку за минуту до того, как трап был поднят.

Паспарту действительно не уведомил Фогга относительно раннего отправления лайнера. Находчивый англичанин

зафрахтовал шхуну «Танкареда». Прибыл в Сингапур, где поймал «Карнатик», и продолжал путешествие в Иокогаму. Фикс был глубоко огорчен таким ходом событий. По крайней мере, сказал он себе, он держал себя в руках...

И еще он умудрился стать должником Фогга! Джентльмен не только разрешил Фиксу отправиться с ними на шхуне, но и настоял на том, чтобы оплатить его проезд!

Все дело в том, что Фогг хотел держать Фикса на виду. Ему, возможно, придется схватить капеллианина и извлечь из него данные. Кроме того, он подозревал, что другие из его вида — если Фикс был капеллианном — были на судне. Если бы они вступили в контакт с Фиксом, Фогг мог бы выявить их...

Верн утверждает, что Паспарту, при встрече в Японии, не сообщал, что Фикс был детективом, который собирался арестовать Фогга. Это не верно. Даже если бы рассказ Верна был правдив, было бы трудно объяснить молчание Паспарту. Верн написал, что Паспарту ничего не сказал Фоггу, потому что это было необходимо для его сюжета. Фогг должен был находиться в неведении относительно миссии Фикса. Иначе Фогг избавился бы от Фикса и таким образом не был бы арестован, когда прибыл в Англию.

ГЛАВА 13

СУДНО, НА КОТОРОЕ Фогг сел, отправляясь в Сан-Франциско, называлось «Генерал Грант».

Оно принадлежало Тихоокеанскому почтовому пароходству, было пароходом с гребными колесами, также оснащенным тремя мачтами, имеющими большие паруса. На ожидаемой скорости двенадцати миль в час оно должно было пересечь Тихий океан за двадцать один день. Фогг вычислил, что прибудет в Сан-Франциско второго декабря. Оттуда он поехал бы поездом в Нью-Йорк, прибыв одиннадцатого декабря. В Нью-Йорке он сел бы на судно в Англию. Двадцатое декабря застало бы его в Лондоне. А ведь согласно спору он должен был прибыть в Лондон двадцать первого.

Верн пишет, что, спустя девять дней после отъезда Иокогамы, двадцать третьего ноября, судно пересекло 180-й меридиан. Фогг прошел точно полпути вокруг Земли, так как эта воображаемая линия стала антиподом Лондона. Хотя у Фогга оставалось только двадцать восемь дней, чтобы пересечь вторую половину земного шара, он на самом деле закончил две трети своего круга.

Двадцать третьего ноября, по данным Верна, Паспарту сделал счастливое открытие. Его часы, которые он не переводил, подстраивая к различным часовым поясам, теперь снова шли правильно.

Паспарту, говорит Верн, не знал, что, только если циферблат его часов разделен на двадцать четыре часа (как устроены итальянские часы), стрелки его часов укажут истинную хронометрию. Они показали бы ему, что сейчас не девять утра, а девять вечера. Таким образом, они указали бы на двадцать первый час после полуночи, точное различие между лондонским временем и временем 180-го меридиана.

Как мы знаем, у Фогга не было часов, он израсходовал их в Бунделкунде. Верн не знал об инциденте во дворце раджи, но он также ничего не писал о часах Фогга. Почему этот джентльмен, который жил строго по хронометру, испытал недостаток в часах, Верн не объясняет.

Фикс оставался в каюте до двадцать третьего, когда почувствовал, что должен выйти наружу или сойдет с ума. Прогуливаясь по палубе, он столкнулся с Паспарту. И напоролся на его кулак. Паспарту был в ярости! Но даже если бы и не был, он должен был эту ярость изобразить. Роль, которую он играл, требовала этого. Кроме того, если Фикс был капеллианн, было бы приятно избить его.

Фикс попробовал защититься, но скоро обнаружил, что француз был превосходящим боксером. Лежа на палубе, он поинтересовался:

— Вы закончили?

— Да... пока... — протянул Паспарту.

— Тогда позвольте мне сказать вам...

— Но...

— В интересах вашего хозяина...

Они устроились в стороне, подальше от других пассажиров, которые наблюдали их столкновение с энтузиазмом. Некоторые даже заключали пари.

— Вы победили, — вздохнул Фикс. — Хорошо. Я ожидал этого. Теперь послушайте. До сих пор я был противником мистера Фогга. Но я сменил позицию.

— Ага! Вы убедились, что он — честный человек!

«Или нет, черт возьми, до сих пор?» — добавил он мысленно.

— Нет, — заявил Фикс холодно. — Я думаю, что он — мошенник.

Он продолжил объяснять Паспарту свой план, который должен был определить, был ли Фогг бандитом или джентльменом.

— Мы — друзья теперь? — спросил Фикс.

— Нет. Союзники, возможно. Но при первых признаках предательства я сверну вам шею.

У угрозы Паспарту был двойной смысл.

Верн заявляет, что одиннадцать дней спустя, третьего декабря, судно вошло в залив Золотых Ворот. Мистер Фогг не потерял ни одного дня.

Это верно, но Верн не знал, что произошло спустя следующие несколько дней после того, как Фикс получил в челюсть..

В то время как мы не знаем точно, что Фикс и сероглазый человек-тигр делали, находясь вне зоны наблюдения Паспарту и Фогга, мы можем восстановить их действия на основе секретных записок Фогга.

Однажды утром Паспарту был разбужен звоном часов. Он прислушался на мгновение, установив, что серия звуков не сформировала код, который он знал. Потом он торопливо оделся и покинул каюту. Он не заметил фигуры, стоящей в тени одной из больших спасательных лодок на шлюпбалках на расстоянии в приблизительно пятьдесят футов.

Немо стоял на часах, потому что Фикс очутился в постели с диареей и высокой температурой. Немо не был доволен таким ходом событий, и потому что это было неудобно, и потому что это показало ему, что Природа была все еще сильней, чем он. И так как он не хотел быть замеченным любым членом компании Фогга, он не мог покинуть каюту,

когда солнце восходило над горизотом. Он был вынужден использовать грим. Борода была на самом деле ложной, от нее он мог отказаться в пользу ложных усов. Парик придавал ему вид человека, приближающегося к старости, и накладка сделала горбатым его нос. Чтобы скрыть широкий интервал между глазами, у него имелся ряд стеклянных глаз, к которым он приложил ложные веки и ложную кожу телесного цвета. Стеклянные глаза были тонкими раковинами с синими ирисами, одностороннее стекло, которое и капеллиане и эриданиане унаследовали от Древних наряду с несколькими другими устройствами, далеко превосходящими науку землян. Эти устройства могли быть установлены в пустотах его глазниц так, чтобы его глаза, казалось, были ближе друг к другу.

К сожалению, они в два раза ослабяли остроту зрения. Немо не нравилось использовать их, если ситуация абсолютно настоятельно не требовала, чтобы он сделал так. Он выбрал оставаться в каюте, выходя только ночью. Теперь он как раз собирался прикурить сигару, когда увидел, как открылась дверь каюты француза. Если бы она открылась несколько секунд спустя, Паспарту увидел бы огонек спички. Выругавшись (способ поблагодарить Господа за то, что его не заметили), Немо спрятал сигару и снял с пояса револьвер Кольта.

Немо надеялся, что не должен будет использовать револьвер, так как шум мог бы встревожить обитателей соседних кают. Он ждал в тени спасательной шлюпки, пока Паспарту не постучал в дверь Фогга и не был допущен. Немо двинулся к каюте Фогга, но должен был отступить назад и укрыться под спасательной шлюпкой. Дверь распахнулась снова. Паспарту появился вновь и направился в каюту Ауды, следующую за каютой Фоггом, и постучал. Последовал разговор через щель слегка открытой двери, который Немо не смог услышать. Немо предположил, что Ауда требует пароль, даже при том, что признала голос Паспарту. Меньше чем через две минуты Ауда вышла полностью одетая, ее темные волосы были распущены. Оба исчезли в каюте Фогга.

Немо, подкравшись к двери, приложил к ней стетоскопическое устройство, также унаследованное от Древних.

Лунный свет, падающий на его лицо, продемонстрировал застывшее выражение тревоги. Хотя Немо очень не хотел шуметь, был только один способ войти внутрь. Он снял свой правый ботинок и ударил в дверь. Немногие замки могли выдержать удар Немо. Замок вылетел из паза, и Немо ворвался в каюту.

Он увидел, что все трое не вооружены. Они сидели за столом. Часы Паспарту, озаренные светом качающейся керосиновой лампы, подвешенной к потолку, лежали на столе. То, что они были тут, подтверждало предположение Немо, что в них и был спрятан дистортер. В тишине, которая последовала за его вторжением, он мог услышать, слабо, звон часов. И он признал в этом звоне капеллианский код.

Нацелив на путешественников револьвер, Немо закрыл дверь. Паспарту начал вставать. Немо покачал головой. Француз сел. Его глаза и глаза Ауды расширились, а сами они побледнели. Фогг сохранял вальяжную невозмутимость.

— Всем медленно встать, — приказал Немо. — Встать лицом к стенке, так чтобы я видел ваши руки.

Хотя он не извергал проклятий, он, должно быть, думал ими. Сигнал требовал от любого капеллианина, имеющего дистортер немедленно прибыть на помощь. Немо не проигнорировал бы такой сигнал, даже от самого непритязательного капеллианина. Но сейчас сигнал послал самый высокий руководитель расы! Зов был адресован капеллианину, который носил недавно найденный дистортер из Китая. Но этот сигнал также умолял любого, кто мог обладать дистортером, использовать его, если китайский агент не ответит.

Кто бы ни ответил, Немо должен был установить его устройство на передачу, хотя он должен, конечно, удостовериться, что никто не найдет его, пока он отсутствует. То, что руководитель позволил оставить дистортер без присмотра, показывало, насколько это отчаянный случай. Кроме того, то, что руководитель думал, что раджа Бунделкунда был все еще жив, но был готов рискнуть, указывало на ужасный характер ситуации.

Кроме того, руководитель хотел, чтобы прибыли, если возможно, двое. Трое были бы предпочтительнее, но он мог справиться и с двумя помощниками. Он не сказал, почему

он хотел на помощь двух мужчин. Он предпочел бы, чтобы все были капеллианцами, но если это не было возможно, человек в Китае — или кто бы ни мог услышать — то должен взять двух землян!

Немо, не будучи связан с другим капеллианцами так долго, не знал, что стояло за сообщением. Но оно изменило его планы относительно трех эриданиан.

Почему Фикс заболел именно сейчас? Кто-то должен был быть на этом конце, чтобы гарантировать, что Немо и руководитель вернутся в случае необходимости. Если нет, то Фикс должен был позаботиться о дистортере. Они были слишком ценны, чтобы потерять хотя бы один.

И почему китайский агент не ответил? Он спал? Он был пьян? Он был в руках бандитов? Или он был взят в плен эриданианами? Если так, у них есть дистортер, и даже если они не знали кода капеллиан, они могли бы установить дистортер на прием и выловить того, кто на другом конце. Или, еще хуже, они могли бы переправить группу хорошо вооруженных людей! Однако разведывательные данные говорили о том, что у противника был только один дистортер. И он лежал на столе перед Немо. Но разведывательные сводки были не всегда надежны.

Немо хотел отправиться на помощь руководителю сразу, но должен был сделать определенные приготовления, которые займут по крайней мере десять минут. Возможно, пятнадцать.

По его приказу Паспарту порвал простыни на полосы. Пока он делал это, Немо, используя одну руку, нажал на крышку часов, чтобы послать сообщение руководителю. Он нацелил оружие на Паспарту, в то время как француз связал руки Фогга за спиной и лодыжки вместе. Ауда связала Паспарту точно так же. Немо ударил ее по голове и связал. В рот каждому из троих он сунул кляп. На мгновение он даже собрался использовать нож, чтобы прикончить их, но передумал. Руководителю они нужны были живыми и способными. Очень хорошо, он получит их.

Во-первых, Немо должен удостовериться, что они не могли перевернуться и тем самым выйти за дверь, которая не могла теперь быть заперта. Он оторвал еще полос от простыни и

связал пленным ноги. Потом он пропитал одежду пленных керосином из лампы и установил три других лампы около пленних так, что, если бы они двинулись в каком-либо направлении, пары керосина воспламенились бы.

Он оставил часы и, закрыв дверь, направился к Фиксу.

Фикс лежал в полубреду. Когда он наконец понял то, что Немо хотел от него, он зашевелился. Он не мог дойти до каюты Фогга и принести часы в свою собственную каюту.

— Вы сползаете туда, — заявил Немо. — Но вы не должны спешить, так как шум может разбудить все судно. Если вы не достанете часы, вы умрете.

— Я просто не могу сделать этого, — пробормотал Фикс.

— Тогда вы умрете прямо сейчас, — объявил Немо.

Фикс попробовал встать с кровати, но упал на пол.

Немо грязно выругался. Природа доказала еще раз, что она сильнее его.

Или нет?

Немо взял Фикса и, подняв его на плечи, вытащил на палубу. Он надеялся, что не столкнется ни с какими страдающими бессонницей пассажирами или кем-то из членов команды. Если бы Немо кого-то встретил, он мог бы объяснить, что его друг был пьян и он несет его в каюту. Но Немо не хотел, чтобы любые странные события видели те, кто мог его запомнить, после того как шум утихнет.

Если Природа против него, то на пару с Фортуной.

На полпути в каюту Фогга их заметил один из офицеров.

Немо объяснил, что Фикс спал на палубе и был или пьян или болен. Он возвращал его в каюту.

— Вы идете неправильным путем, — заявил офицер. — Угосподина Фикса каюта там.

— Ах да, — воскликнул Немо. — Я, должно быть, заблудился.

— К тому же я сомневаюсь, что господин Фикс пьян, — заявил офицер. — Он был очень болен, как вы должны знать, если вы его друг. Несомненно, он вышел на палубу в бреду. Я вызову врача и удостоверюсь, что он в безопасности. И я прослежу, чтобы у него был должный надзор.

— Вы очень любезны, — кивнул Немо, задавшись вопросом, не убить ли офицера, скинув труп за борт.

Все изменилось мгновение спустя, когда они столкнулись с матросом. Офицер настоял, чтобы матрос помог Немо донести Фикса до каюты. Матрос стоял в стороне, в то время как офицер ушел, чтобы разбудить доктора и медсестру. Немо хотел уйти сразу, но знал, что члены команды подумали бы, что он странный, если бы он не показал беспокойства о своем «друге».

Но он не был лишен возможности передать сигнал руководителю, сообщить об изменении ситуации. Немо зашел в туалет, вынул часы и послал закодированное сообщение. Руководитель ответил, что теперь большой спешки нет, раз он знает, что помощь идет. Немо хотел спросить, где руководитель находится и почему ему было нужно столько людей, но услышал, что в каюту вошел доктор, и подумал, что лучше не оставаться в гальюне слишком долго. Он должен был возвратиться в каюту Фогга.

Несмотря на это, еще шесть минут прошли, прежде чем Немо смог отправиться по вызову. Сам капитан появился и потребовал отчет. Немо отчитался. Капитан, казалось, был удовлетворен. Немо сказал, что он заглянет к Фиксу утром, и тот пожелал спокойной ночи. Он поторопился назад, надеясь, что Фикс будет чувствовать себя достаточно хорошо утром, чтобы пойти в каюту Фогга и забрать часы. В конце концов, они были приклеены к нижней стороне стола. Даже если бы команда исследовала каюту, сразу же, как только они обнаружат сломанный замок, они не могли бы найти часы. Фикс мог забрать их позже.

Он также надеялся, что три эриданианца не решатся пожертвовать собой. Если бы они сожгли себя в огне, они победили бы. Пожар привлек бы внимание команды судна.

Если бы это произошло, то Немо пошел бы в свою собственную каюту и транспортировался бы сам к руководителю. Если потребуется, они вдвоем могли возвратиться на «Генерал Грант».Это означало бы изменение в планах, которого, очевидно, не желал руководитель. Но этому нельзя было помешать.

Немо также задался вопросом, где руководитель нашел дистортер. Насколько он знал, дистортер, найденный в Китае, был единственным, которым обладали капеллиане. Но

он знал не все. Проклятая тайна была злом, не всегда необходимым. С такими мыслями он вошел в каюту Фогга. Следующие несколько мгновений у него не было мыслей вообще...

Когда он пришел в себя, он лежал в позе эмбриона на столе. Он понял, что враги взяли дистортер и спрятали его под столом, на котором он лежал. Паспарту, когда Фогг пришел в себя, смотрел наружу.

— Никакого Фикса в поле зрения, сэр.

Мог ли Фикс быть тем, кем они его сочли? Конечно, если бы он не был из числа капеллиан, почему он водился с Немо? Но почему он не был призван для охраны дистортера?

— Разберемся, — заверил Фогг. — Вы расспросите о нем этим утром. После того, как мы вернемся.

— Вы полны решимости выполнить этот, если я могу сказать так, безумный проект?

— Да.

— Я буду сопровождать вас и этого человека, сэр?

— Конечно.

— Прошлый раз нам повезло, сэр. Но теперь...

— Мы должны узнать, что скрывается за всем этим!

Паспарту вздохнул, но не сказал «нет».

На стул положили оружие, которое забрали из карманов Немо. Имелся нож, который был привязан к его левой ноге, еще один покоился в ножнах на его правой ноге, один в ножнах на поясе сзади и маленький цилиндр, функцию которого Немо отказался объяснять. Паспарту, однако, знал, как использовать вещицу. Маленькая кнопка на его стороне, если нажать, очевидно, под давлением выбрасывала смертоносный заряд. Прицелившись в Немо, Паспарту сказал:

— Теперь, сэр, пожалуйста, просветите меня. Или я уничтожу вас.

У Паспарту не было намерения «стрелять», так как капеллианец мог бы предпочесть умереть, чтобы избежать допроса. Немо подозревал об этом, но не мог быть уверен. И он не собирался совершать самоубийство, если не окажется совсем уж в безнадежной ситуации.

— Это экспеллер, распылитель цианида, — сообщил он.

— Очень умно, — кивнул Паспарту. Он отдал экспеллер Ауде, на случай появления Фикса.

— Мисс Джеджибхой, вам следует перезагрузить дистортер на прием спустя минуту после того, как мы уйдем. Но я полагаю, что вы не должны оставаться в этой каюте. Дверь тут не запирается, и мы не можем быть уверены, что Фикс не придет сюда. Как только мы переместимся, вы отнесете дистортер в свою каюту и приклеите снизу к вашему столу, — распорядился Фогг.

— Почему бы не оставить этого человека...

— Немо, — подсказал Фогг.

— Этого Немо здесь?

— Я не доверяю ему, мисс Джеджибхой. У него есть огромная сила, острый интеллект и фантастическая изобретательность. Если мы сумели избавиться от пут, он сможет это тем более!

Немо надеялся, что враги расскажут, как они освободились, но они сохранили это в тайне. «Я узнаю об этом когда-нибудь», — поклялся он себе.

— Кроме того, связанный пассажир с кляпом во рту может смутить кого-нибудь. Вы можете заткнуть рот, Паспарту. Лязг, несомненно, пробудит всех на судне, — продолжал Фогг. — И Фикс, если он капеллиан, сразу все поймет. Если кто-то постучит, скажите им, что вы напуганы и не выйдете. Не открывайте дверь никому.

— Понимаю, — сказала Ауда. Ее голос был столь мягким, настолько прекрасным, что сердце Паспарту таяло, как пломбир в жаркий полдень. Ах! Как Фогг мог сопротивляться такой женщине, которая так открыто обожала его?

— Пусть этот звон и лязг останутся одной из тайн моря.

Слова ее оказались более чем пророческими, хотя даже она, возможно, не предвидела, что той ночи суждено породить не одну, но две морских тайны.

Паспарту залез под стол и настроил дистортер на передачу через 4 минуты. А потом он и Фогг забрались на стол, закрыв руками уши.

ГЛАВА 14

И ОНИ ОКАЗАЛИСЬ на борту другого судна.

Это было маленькое парусное судно. Солнце стояло на высоте, указывающей время приблизительно девять утра. Фогг знал, что они переместились в Атлантику, вероятно между 15-м и 30-м меридианами. После этого поспешного вычисления у него не осталось времени на научные вопросы.

С высоты в пару дюймов они свалились на небольшую рубку в носовой части судна. Они были так близко к основанию мачты, стоя на крыше рубки, что они могли протянуть руку и коснуться его. Около них, наваленная на крышу, лежала неопрятная масса холста.

Единственный человек в поле зрения был на палубе на расстоянии в приблизительно двадцать футов, где он, несомненно, находился вне диапазона дистортера. Куски ваты торчали из его ушей, и он держал револьвер.

Матрос не стал стрелять сразу, потому что он, должно быть, подумал, что двумя вооруженными мужчинами были капеллиане, а связанный человек был «рабом». Было верно, что он ожидал только одного капеллиане и двух связанных мужчин и связанную женщину, но то, что он увидел, сильно удивило его. Он понял, что ситуация изменилась.

Немо, хотя и оглушенный девятикратным звоном, тем не менее действовал быстро. Он дернулся и крутанулся так, что его длинные сильные ноги ударили похитителей по лодыжкам.

Паспарту, с реакцией и быстротой акробата, подпрыгнул. Фогг, который должен был предвидеть это движение, так как он утверждал, что непредвиденное не существовало, был сбит с ног. Его пуля вонзилась в палубу у ног матроса и, конечно, сообщила ему, что все не так, как он думал. Матрос выстрелил в Фогга, промахнулся, возможно из-за качки, и бросился бежать к корме. Паспарту бросился в погоню, вооруженный только одним из ножей Немо. Он подскользнулся, упал, перекатился и тут же оказался вновь на ногах.

Фогг упал и был неспособен помешать Немо скатиться с крыши рубки. Тот упал, но через мгновение Фогг был уже

рядом с ним. Немо ударился и был в беспамятстве. Чтобы удостовериться в этом, он ударил Немо по голове рукоятью револьвера. Кровь хлынула из раны, и секунду спустя он пострадал от другой раны. Матрос, стрелявший в Паспарту, промазал. Пуля пошла рикошетом в правую руку Немо.

Фогг оставив раненого врага, поспешил на помощь Паспарту. Матрос нашел убежище в кормовой каюте, возле рулевого колеса. Паспарту ждал Фогга у сходного трапа в переднюю каюту. Туда вела раздвижная дверь, которая была открыта.

Так как они не были в ограниченном пространстве, и дистортер тоже, лязг не оглушил их полностью. Их слух восстановился достаточно, чтобы они могли слышать друг друга, крича друг другу в ухо. Фогг сказал Паспарту ждать там, в то время как он проникнет внутрь. Возможно, был другой проход в другом конце рубки. Он должен был удостовериться, что матрос не попробует внезапно напасть оттуда. Прежде, чем повторно появиться из дверного проема, он сказал бы пароль. Таким образом, если бы матрос застал врасплох и оглушил или убил Фогга, он не застал бы Паспарту врасплох.

— Я видел верхнюю часть колеса. За ним никого нет.

— Судно, кажется, оставлено, за исключением этого капеллианина. Очень странно. Но несомненно, это может быть объяснено. Это, кажется, бригантина. И она идет правым галсом.

— Простите, сэр?

— С ветром справа. Кливер и паруса фок-мачты выставлены так. Судно направляется на запад.

— Кливер? Фок-мачта... сэр?

— Главные паруса. На носу корабля. Два средних паруса, треугольной формы, прикрепленных к длинной стреле, выступающей из носа корабля. Нижний передний верхний парус, четвертый от основания главной мачты, кажется, установлен, но его голова была порвана, вероятно, ветром.

Передний и верхний передний парус отсутствуют. Я бы судил, что они были сорваны. Главный стаксель, самый низкий из трех треугольных парусов, прикрепленных между двумя мачтами, опущен. Это та куча. Задние паруса убраны. Все остальные паруса, даже передние, свернуты. Главные топфалы,

канаты для спуска и поднятия парусов, порваны. Кое-где их просто нет. Прежде чем установить грот, фалы надо заменить. Море не спокойно, но корабль не сильно рыскает, то есть меняет направление. Но мы можем осмотреть корабль позже. Я говорю вам об этом сейчас, чтобы вы имели представление о том, что делать, если я не вернусь.

«Почти онятно, надо только перевести ваши слова с орского сленга на человеческий», — подумал Паспарту.

Фогг, перезарядив револьвер, вошел в каюту. Открытая дверь дала некоторое количество света. Имелся иллюминатор, но он был закрыт куском холста, закрепленным досками, прибитыми на гвозди. Пол был влажным, хотя не было никакой лужи. Вероятно, натекло с палубы. Имелись часы со стоящими стрелками, прибитые вверх тормашками на два гвоздя к переборке. На столе лежал судовой журнал и стояла стойка, которую моряки называли скрипкой, которая не позволяла посуде соскальзывать. На полках была посуда, но не было видно ни еды, ни напитков, ни ножей и вилок. Кусок холста, очевидно использовавшийся как полотенце, висел на вешалке.

Фогг также увидел плиту и подвесную лампу.

Фогг углубился в журнал.

«Н» означало часы; «К» — узлы. Хотя последняя запись датировалась двадцать пятым, понедельником, дата была морской, а не гражданской. День начиналась в полдень двадцать пятого, а не в полночь. Двадцать пятое для корабля закончится в полдень двадцать шестого, после чего наступит двадцать шестое ноября.

Сегодня было двадцать седьмое ноября. Двадцать пятого, или несколько часов спустя, что-то произошло в восемь часов утра, что помешало продолжению заполнения журнала. Когда записи закончилась, остров Святой Марии находился примерно в шести милях к юго-западу.

Слева была кладовая. Фогг, осторожно войдя, обнаружил открытую коробку с влажным сахаром, пакет с несколькими килограммами чая, открытую бочку муки, открытую коробку сушеной сельди, немного риса и фасоли в контейнерах, несколько горшков с консервированными фруктами, банки консервов и мускатного ореха. Это все было сухим.

Фогг вернулся в каюту и снова огляделся. По правому борту располагалась небольшая скобка с крошечным флаконом масла для швейной машины. Пузырек стоял вертикально. Если бы недавно было большое волнение, он бы упал на палубу. Койка была сухой и не имела повреждений от воды.

Он заглянул под койку и вытащил флаг корабля и его личный вымпел: WT. Буква «W» была пришита. Также под койкой валялась пара плотных матросских сапог, предназначенных для плохой погоды, но явно не использованных. Были еще два ящика. Один держал несколько кусочков железа и две неразбитые стеклянные панели. В нижнем ящике находились пара мотков веревки и новые бобины, но без веревки.

Следующая каюта, последняя, была капитанской. Он сомневался, что матрос там. Если бы он вошел туда, он наверняка уже повестил бы о своем присутствии. Тем не менее Фогг вошел осторожно и двигался вдоль борта. Здесь был расположен световой люк, через который матрос мог бы стрелять, если бы он выбрался на крышу рубки.

Фисгармония стояла у переборки в центре салона. Рядом лежало несколько книг, в основном религиозных, судя по названиям. Детский стульчик лежал на полу вместе с сундуком с бутылками лекарств. Компас без карты находился на столе. Портативная швейная машина была в футляре, прикрепленном к переборке.

Под кроватью Фогг нашел тесак в ножнах. Он взял его, думая, что он оружие лишним не бывает. Клинок был итальянского производства и, вероятно, офицерский.

Слева имелся шкаф. Все еще осторожно, потому что моряк мог скрываться там в засаде, Фогг заглянул внутрь. Рядом с дверью лежала влажная сумка. Она выглядела так, как будто могла быть мокрой от дождя или брызг, попадающих через полуоткрытое отверстие на противоположной стороне.

Любопытный Фогг залез в шкаф. Он открыл сумку и нашел женскую одежду, промокшую насквозь. Так что капитана сопровождали его жена и маленький ребенок.

По правому борту было два иллюминатора, также покрытых холстом, вырезанным из паруса.

Никаких признаков насилия нигде не было, а из кабины не было выхода.

Фогг вернулся на палубу, но не без предварительного пароля. Паспарту сказал, что моряк несколько раз выглядывал из-за угла, но каждый раз возвращался назад. Фогг рассказал Паспарту, что он обнаружил. Потом отдал ему револьвер, сказав:

— Держите этого человека на прицеле. Я вернусь, чтобы проверить Немо и осмотреть переднюю рубку.

С тесаком в руке Фогг медленно спустился вдоль правого борта. Хотя его походка делала его хорошей целью для матроса, он не считал риск избыточным. Из-за ветра и движения корабля, от револьвера на этом расстоянии нельзя было ожидать точности. Очевидно, у матроса насчет Фогга были такие же мысли. Выстрелов не последовало...

Фогг заглянул за угол рубки. Немо не было.

Разорванные путы были свидетельством огромной силы Немо. Он разорвал их на части. Его ботинки лежали возле обрывков пут.

Прежде чем вернуться на правый борт, Фогг посмотрел налево. Неподвижная фигура Немо застыла на палубе. Итак, хитрый парень ждал, пока Фогг не исчезнет из виду, потому что он знал, что Паспарту, следя за матросом, стоит спиной к нему.

Фогг обернулся, надеясь, что Немо не заметил его, но тот заметил. Он бегал босиком так же быстро и тихо, как тигр. Он был всего в десяти футах от спины француза.

Фогг издал свой первый за несколько лет крик и бросился в бой. Паспарту, наполовину оглушенный, не слышал его. Немо ударил его по шее левой рукой. Француз взрезался лицом в стену рубки. Он выронил, а Немо поднял револьвер. Ухмыляясь, он повернулся к Фоггу. С триумфом во взгляде, но он был бледен, и кровь текла по его правой руке и капала на палубу. Его правая рука казалась бесполезной, так как безвольно свисала, и хотя он был правшой, он держал револьвер в левой.

Фогг развернулся и помчался к рубке. Если Немо и стрелял в него, он не слышал выстрела, но осознание того, что в него, вероятно, стреляют, заставило Фогга увеличить скорость. Он обогнул рубку и оказался за ней. Спрятавшись на мгновение от обоих врагов, он постоял, тяжело дыша. Те-

перь события внезапно повернулись в пользу Немо. Паспарту вышел из игры, возможно, навсегда, и у Немо и у моряка были револьверы.

Убедившись, что Паспарту не сможет повторить подвиг Немо, капеллиане двинулись к носу. Один вдоль левого борта; один по правому. Их пути сходились в том месте, где сейчас стоял Фогг. Он мог атаковать одного с тесаком, но другой быстро присоединился бы к первому. В упор они не промахнутся.

Передняя рубка была примерно тринадцать квадратных футов площадью и высотой шесть футов над палубой. Там располагались жилые помещения экипажа, камбуз и, возможно, каюта второго помощника. Она не была хорошим укрытием или даже посредственным.

Фогг посмотрел вверх. Он все еще мог бежать к одной из веревочных лестниц, образованных из поперечных веревок, называемых стропами, и прикрепленных к канатам, парам веревок, которые обеспечивали боковую поддержку мачт. Если он поднимется по лестнице, он сможет хотя бы на некоторое время уйти от врагов. Если он затем перейдет на реи, он заставит их использовать обе руки, когда будет достаточно близко к ним, чтобы они не тратили свои пули. Возможно, он мог атаковать их тогда, своим тесаком. Если бы он был таким акробатом, как Паспарту, он мог бы подняться по главной мачте к одному из средних треугольных парусов и подняться по веревкам к кормовой мачте. Если бы он смог спуститься достаточно быстро, пока они еще были в воздухе, он мог бы схватить колесо и изменить направление движения корабля. Если бы корабль достаточно резко повернул, это могло бы сбить с ног их обоих.

Фогг, однако, не последовал своему отчаянному плану.

Вместо этого он открыл деревянную дверь передней каюты и бросился внутрь. Каюта на стороне порта рубки оказалась каютой второго помощника. Там был морской сундук, обыск которого Фогг отложил. Он прошел через другую раздвижную дверь в каюту экипажа, расположенную ближе всего к носу. И тут мы можем предположить, что даже лицо невозмутимого Фогга озарилось восторгом. Как он и надеялся, там были часы, приклеенные к потолку. Он схватил их и,

поднеся к уху, выбежал из входа на палубу. Часы издавали кодом Эридана поток звенящих звуков. Ауда настроила дистортер на возвращение.

Если он установит дистортер капеллиан на передачу, он может сбежать. Это означало бы оставить врагам дистортер и Паспарту и оставить неразгаданной тайну корабля. Что касается первого, он должен подчиниться, если он был передан. Что касается третьего, то лучше было выжить ценой невежества. Что касается второго, вероятно, Паспарту мертв. Он был бы обречен, даже если бы Фогг остался здесь и попытался сражаться с одним тесаком в руках.

Фогг раздумывал около пяти секунд — пять секунд, в течение которых к нему приближались враги.

Через шесть секунд после этого два капеллинина были встревожены — и снова оглушены, когда казалось, что девять грохочущих раскатов металлического лязга разрывают воздух вокруг них и рвут в клочья барабанные перепонки. Мы можем предположить, что они оба одновременно выругались и побледнели. Оба кинулись к дистортеру. Хитрый эриданский лис, несомненно, выбрал единственный выход. Должно быть, он снял дистортер с потолка, приклеил его к нижней части стола и отправился обратно на «Генерал Грант».

Должно быть, Немо обвинял себя в том, что не получил устройство первым. Но он мог утешить себя мыслью, что если бы он сделал это, он, вместо Фогга, мог оказаться в ловушке в рубке.

Капеллиане встретились у переднего входа в рубку. Матрос прибыл первым и опередил Немо. Он остановился, потому что, к его удивлению, часы все еще были прикреплены к потолку. Это было все, что он увидел. Тесак Фогга ударил его по макушке. Он упал; револьвер выпал из его руки. И Фогг взял револьвер.

А Немо? Он отскочил. Шансы выравнялись. Ни одна из сторон не имела особого преимущества в данный момент. Оба были вооружены. Фогг был заперт в рубке, но Немо терял кровь и силы.

Сероглазый человек-тигр забрался на крышу рубки и начал снимать пиджак и рубашку. Он разорвал свою рубашку

на полоски и перебинтовал руку. К счастью, рана была не глубока, и кровь почти сразу остановилась. Тем не менее он мог с тем же успехом иметь только одну руку, и сила его мышц, достойная гориллы, покинула его.

Он решил, что может позволить себе покинуть пост на несколько минут. Фогг не посмел бы выскочить наружу. По крайней мере, пока. Немо прикончит другого парня и вернется в рубку. Фогг все еще будет прятаться возле переборки или под какой-нибудь мебелью. Он знает, что Немо может разбить иллюминаторы рубки и выстрелить. Если бы он не был настолько ошеломлен мыслью о побеге Фогга, он сделал бы это сразу. Конечно, если бы он действительно использовал иллюминаторы, у него был шанс получить пулю Фогга в лицо. Было бы разумнее оставаться в стороне.

В конце концов Фогг будет изгнан из рубки жаждой и голодом. У него нет доступа к камбузу. Немо узнал от своего руководителя, что камбуз отделен от кубрика и каюты второго помощника. Даже если Фогг выбьет дыру в перегородке, он не найдет много еды. Большая часть припасов хранилась в кладовой, которая находилась в рубке на корме.

Немо тихо отошел от крыши рубки только потому, что это было его духе. Ему не нужно было бояться, что Фогг услышит его. Фогг все равно будет оглушен лязгом.

Немо прошел около тридцати футов к корме, когда девять лязгов ударили снова. Он развернулся. Что, к дьяволу, делал Фогг сейчас?

Действительно ли он ушел на этот раз? Или он устроил новую ловушку? И если он ушел, разве он не вернулся бы с помощью? Не было ничего, что могло бы помешать Фоггу настроить дистортер на автоматический возврат в течение определенного времени.

Но Фогг может надеяться, что Немо подумает именно так и поспешит отключить дистортер до того, как Фогг и компания вернутся.

Немо был в крайне нерешительном состоянии, чуждом этому человеку с большим интеллектом и быстрым действием. Если он войдет через любой из входов в переднюю рубку, он попадет под огонь человека, чьи хладнокровие и точность были доказаны в Бунделкунде.

Более того, Фогг затаится в полумраке. Окна были закрыты ставнями, и хотя он мог их открыть, чтобы пропустить немного света, он подставит себя под огонь. Фогг ожидает, что Немо попробует это, и поэтому будет готов. Рубка была построена из тонких досок, через которые пули Фогга могли его найти, даже если Немо будет стоять в стороне.

Немо постоял на палубе минуту, а затем отступил. Только бы Фогг не нашел документы начальника. От дистортера придется отказаться. С этим ничего не поделаешь.

И только бы Паспарту был еще жив.

Немо не ожидал, что Фогг сдастся в плен, чтобы спасти Паспарту. Такое случалось только в романах. Фогг знал, что его убьют, если он сдастся. Немо сам уже не хотел бы держать его в плену. Возможно, им двоим удалось приплыть на корабле в какой-то порт, но Немо не мог достаточно долго не спать. И он не мог больше рисковать при живом Фогге. Англичанин был слишком хитрым.

Паспарту сидел спиной к переборке главной каюты. Его лоб и нос были залиты кровью, а взгляд — тусклым.

Тем не менее он плюнул в Немо.

— Хорошо! Ты все еще жив! — усмехнулся Немо.

Паспарту не ответил.

Немо обыскал его, но не нашел оружия. Он поднял Паспарту левой рукой, его револьвер застрял на поясе, и толкнул его вперед. Француз растянулся на палубе, но, поднявшись снова, смог удержаться на ногах.

— Если твой хозяин готов заключить сделку, выгодную всем, хотя некоторые потери для всех неизбежны, ты останешься в живых, — сказал Немо.

Он ткнул Паспарту стволом револьвера в спину, и они направились к передней рубке. Стоя у входа в каюту второго помощника, Немо выкрикнул условия. Его голос звучал очень тихо, и он не был уверен, что Фогг его слышит. Или, если на то пошло, что он все еще в рубке. Фогг мог ускользнуть, пока Немо был занят французом, но сам Немо так не думал.

После короткого молчания голос Фогга донесся из рубки.

— Очень хорошо! При условии, что вы расскажете мне, что случилось с людьми на этом корабле. Я не ожидаю, что

вы расскажете мне что-нибудь о своих людях, что может раскрыть ваши секреты.

— Я не могу рассказать вам подробностей, потому что у нашего человека не было времени, чтобы рассказать мне подробности.

Чтобы слышать Немо, Фогг должен был встать близко к двери.

Возможно, если бы он сделал два быстрых выстрела, по одному с каждой стороны двери?.. Пули пройдут сквозь тонкую доску. Но нет, это было слишком рискованно.

— Все это кажется загадочным, — продолжал Немо. — Но подобные вещи случались раньше и, несомненно, повторятся снова. Как вы могли заметить, есть признаки поспешного ухода, но нет признаков насилия. На судне находится груз из семнадцати сотен баррелей спирта, содержащихся в бочках из ели и красного дуба. Это очень опасно, и любая неосторожность может стать источником взрыва или пожара. Но такого не было. Корабль был оставлен не из-за этого. Моряки оставили свою одежду, морские ботинки, шкурки и свои курительные трубки. Таким образом, можно сказать, что у них не было времени. Они побросали все. Даже трубки. Очевидно, что несчастье произошло во время обеда, так как нет брошенной еды.

— Оставшегося на борту звали Эдвард У. Хед, и он был поваром и стюардом, — продолжал Фогг. — Не важно! Должно быть, он твой начальник.

— Только совпадение, — пояснил Немо. — Мы отказались от этого древнего, но бесполезного обычая использовать имена, которые указывают на функции человека.

— Возможно... — протянул Фогг.

Немо стало интересно, что еще он знает.

— Он умер? — спросил Немо.

— Да.

— Возможно, ты заметил, что навигационная книга, секстант и хронометр отсутствуют, — продолжал Немо. — Очевидно, капитан — кстати, его звали Бриггс — успел их схватить. Другие вещи, такие как одежда, оставлены. Также нет продуктов из кладовой.

— Где шлюпки? Что насчет спасательной шлюпки?

— Одна шлюпка осталась в Нью-Йорке. Ее повредили при загрузке бочек. Несколько упали с обвязки, и капитан Бриггс не хотел задерживать корабль, пока лодка ремонтировалась. Она могла вместить десять человек, но была меньше и не настолько мореходна, как вторая.

— Последний час, отмеченный в палубном журнале, был восемь утра двадцать пятого ноября, — сообщил Фогг. — Что было после этого?

— Между девятью и десятью часами «Мэри Селеста» находилась в нескольких милях от банки Доллабарата, — заметил Немо. — Это опасные отмели в трех с половиной милях к юго-востоку от скал Формигаш. Считается, что Формигаш — вершины подводных гор.

«Мэри Селеста» была не достаточно близко, чтобы ей грозила опасность, и могла бы пройти мимо, но...

Немо стало интересно, почему Фогг заставил его дать такое длинное объяснение. Он надеялся затянуть время, потому что запланировал какой-то трюк, который требовал времени для подготовки?

Ну, он ничего не мог с этим поделать. Но если все пойдет не так, он сразу же убьет Паспарту. И, возможно, этот продолжительный разговор может обернуться в его пользу, если он сможет что-то придумать.

— Один из необъяснимых, но часто встречающихся штилей настиг корабль. В любом другом месте «Мэри Селеста» проскочила бы. Но теперь, когда ее паруса опустились, судно отнесло течением в сторону косяков Доллабарата. Эти отмели взяли много жертв. И выглядело так, как будто они скоро вцепятся зубами в корпус другого. По приказу капитана Бриггса были свернуты легкие паруса, опущен главный парус, и корабль лег на левый борт. Это должно было гарантировать, что если ветер поднимется, он наполнит паруса и остановит движение. Тогда шлюпка сможет догнать корабль, и команда сможет сесть на него.

После этого капитан приказал покинуть корабль.

Единственную шлюпку спускали главной лебедкой. Это было небезопасно, вдоль левого борта пришлось разобрать ограждение. Не было времени для неторопливого отъезда; все было сделано за несколько минут. Лодку спустили без

снастей, а главный пик-фал был почти разорван. Он использовался в качестве буксирной тяги и цепляется к гаффу — лонжерону, к которому крепится передний конец продольного паруса. Длина фала составляла около четырехсот футов, а там, где он был прикреплен к опоре, он находился на высоте около восьми футов над палубой. Капитан взял судовые документы, хронометр и секстант. Моряк попытался снять компас. Вот почему стрелка сбита, компас был сломан в спешке. Не было времени искать другой. Корабль дрейфовал слишком близко к скалам.

Хед отказался покинуть корабль. Он полагал, что его единственный шанс на выживание заключается в использовании дистортера. Если бы он покинул корабль, ему пришлось бы оставить и дистортер, и свидетелей. Он мог, конечно, расстрелять девять человек в лодке, но его револьвер рассчитан только на шесть патронов, и его могли скрутить или пристрелить раньше, чем он закончил бы. Он решил рискнуть на самом корабле. Если бы он мог привлечь внимание... одного из соплеменников, у кого был дистортер, он смог бы эвакуироваться. Еще лучше, если он мог бы получить команду для «Мэри Селесты» и по окончании штиля вернуться под парусом в Европу.

«Почему, — подумал Фогг, — Хед отправился на бригантине в качестве повара и стюарда, а не направился в Европу на пароходе? Потому, что о думал, что эриданиане будут искать его на пассажирских судах? Он надеялся проскочить на этом парусном кораблике в Гибралтар и оттуда перераться в Англию? Что он вез, что было так ценно? Дистортер? Это было, безусловно, достаточно ценно, но почему он не дождался в Америке, пока китайский агент не добрался до Англии, чтобы он мог переехать туда? Еще один капеллианин мог доставить дистортер позже». Если бы за эту скрытность и поспешность отвечал дистортер, Фогг мог бы понять действия Хеда. Но он чувствовал, что существовала другая причина.

Стюарт, если бы он знал о Хед и его миссии, заставил бы своих людей искать Хеда. Из-за чрезмерной системы безопасности он не сообщил об этом Фоггу. Или, возможно, все это началось уже после того, как Фогг покинул Англию, и Стюарт не смог сообщить ему об этом.

Фогг решил еще раз обыскать тело Хеда, прежде чем покинуть каюту.

Немо сказал:

— Капитан Бриггс бредил, когда Хед отказался покинуть судно. Он назвал его трусом и мятежником и угрожал ему всеми последствиями мятежа. Но он мало что мог сделать, и не было времени. Лодка ушла и натянула буксирный линь. Бриггс ждал. Если бы ветер поднялся вовремя, корабль отнесло бы от мели. Можно будет грести назад. Должно быть, он думал, что Хед, чтобы восстановить его благосклонность и снять с себя любые обвинения, будет управлять кораблем и оказывать любую другую помощь, какую только сможет. Но поднялся ветер, заполняя квадратные паруса, и корабль отошел от косяков. Однако он шел на запад в направлении, противоположном его первоначальному курсу. Трос натянулся под углом и оборвался. Экипаж, хотя и начал отчаянно грести, не мог наверстать упущенное.

— И почему Хед не привел корабль назад? — спросил Фогг.

— Потому что он боялся, что не может зависеть от благодарности Бригга. Тот был суровым шкипером из Новой Англии, который, вероятно, арестовал бы его и обвинил в мятеже, даже если Хед спас всю компанию.

Немо говорил правду? Неужели внезапное напряжение действительно заставило трос лопнуть? Или Хед обрезал его, чтобы убедиться, что Бриггс не вернется на борт? К тому времени, когда команда вернется на борт или ее подберет другой корабль, Хед был бы уже далеко. Что касается истории о панике и преждевременном оставлении корабля; это могло быть правдой. Около двухсот тридцати двух заброшенных кораблей находили каждый год. Иногда экипажи подбирались другими кораблями. Иногда их больше никогда не видели. Порой причины поспешных дезертирств были неизвестны. Пожар, взрыв, слишком много воды в трюме. Иногда следователи не могли найти никаких причин. Дело «Мэри Селесты» было только одним из многих, если бы она когда-либо была найдена. Многие корабли были просто поглощены океаном.

— Корабль прошел через несколько штормов, что повредило паруса и привело к сырости в некоторых каютах, —

продолжал Немо. — Хед мало что мог сделать, а серьезной угрозы не было. Он был главным образом заинтересован в установлении контактов с нашими людьми, у которых были дистортеры. Он даже не удосужился закрыть двери и люки, хотя усердно мыл посуду. Он начинал отчаиваться, потому что, если бы случился сильный шторм, он наверняка оказался бы на дне.

— Он больше не будет отчаиваться, — заверил Фогг.

ГЛАВА 15

ФОГГ ВЕЛЕЛ НЕМО подождать несколько минут, прежде чем вступят в силу соглашения о перемирии. Эта задержка огорчила Немо, который задавался вопросом, что задумал Фогг. А Фогг не беспокоился об этом. Он выиграл время для еще одного осмотра трупа.

Будучи очень аккуратным человеком, он смыл кровь с палубы куском холста. Позже он использовал морскую воду, чтобы удалить все следы крови, а также воду и лимонный сок, чтобы очистить клинок. Последний он положил обратно в ножны под кроватью капитана. Фогг хотел покинуть корабль таким же, каким он его нашел.

Он разрезал одежду трупа с помощью своего складного ножа. Он ничего не нашел в ней. Ботинки не содержали тайников. В зубах покойного не обнаружилось полостей и встроенных капсул. С некоторым отвращением он прощупал анальное отверстие, но обнаружил только то, что предусмотрела природа.

Возможно, на коже имелись рисунки или надписи какими-то невидимыми чернилами. Но у Фогга не было средств проявить их. Должен ли он выбросить тело в море или вернуть его на «Генерал Грант» для дополнительных тестов? Должен раздаться гром из трех серий лязгов, и когда они прозвучат в четвертый раз, объявив о его прибытии, возникнет еще больше шума. Могут обыскать каждую каюту, и было бы более чем неловко пытаться объяснить присутствие трупа Хеда. Прежде чем закончить осмотр, Фогг снова потянул волосы трупа, чтобы убедиться. Волосы оказались

настоящими, а не париком, скрывающим лысину с кодовыми татуировками.

Фогг встал и пошел к дверям. Он заявил, что готов начать процесс разоружения. Паспарту тщательно обыскал Немо, а Немо держал револьвер у головы Паспарту. Француз объявил, что Немо, похоже, не скрывал никакого оружия с тех пор, как на «Генерале Гранте» Немо обыскал Паспарту с такими же результатами.

Затем Паспарту отошел, остановившись, когда подошел к фальшборту.

Немо в правой руке держал за ствол свое оружие, на это в руке хватало силы. Он приготовился выбросить патроны из барабана. Фогг выбросил тесак, складной нож и нож Хеда за борт. Он стоял в дверях, держа револьвер за ствол. Вместе, пока Паспарту медленно считал до шести, оба избавились от патронов.

Фогг вышел на палубу с патронами в одной руке. Немо отступил, пока не оказался у перил по правому борту. Фогг отступил к перилам левого. По сигналу Паспарту оба выбросили, один за другим, в унисон, свои патроны в море. Фогг снял пиджак и рубашку перед тем, как выйти из рубки, чтобы убедиться, что он не сможет прятать любые патроны. В этом не было необходимости, так как патроны можно было увидеть падающими в море.

Паспарту бросил ножи в океан. Немо позволил французу сделать это, потому что считал, что может победить Паспарту, даже если тот действительно нападет на него с ножом.

Немо хотел, чтобы тесак тоже отправился за борт, но Фогг настаивал на том, что все находящиеся на борту предметы должны быть возвращены в исходное положение, за исключением, конечно, Хеда.

Щекотливый момент. Немо мог броситься за тесаком. Если Паспарту схватит его первым, Немо подумал, что сможет увернуться от первого удара и приблизиться к Паспарту. Но если Паспарту выбросит его за борт, Немо окажется в невыгодном положении. Несмотря на то что он был ранен и все еще испытывал сильную головную боль от двух ударов по голове, он чувствовал, что он физически превосходит обоих противников.

Именно тогда Фогг напомнил ему, что Ауда ждала их на другом конце с распылителем цианида. Она получила приказ использовать его, если Немо появится один.

Несмотря на все это, Немо вдруг решил, что попытается одолеть их. Если ему удастся сбросить Фогга через перила в море, он сможет достаточно легко разобраться с французом. Он не убьет его, потому что ему может понадобиться передать правильный код Ауде. Но было много способов заставить его дать эту информацию. И если Паспарту как-то откажется или умрет, то он отправит сообщение человеку из Китая. Парень наверняка уже слушает. Или, если это не удастся, он снова развернет корабль на восток и надеется, что другой корабль увидит «Мэри Селесту».

Именно в этот момент Немо был поражен приступом дрожи. Был ли это первый раз или нет, мы не знаем. Фогг был поражен, потому что раньше, когда служил под началом Немо, не наблюдал ничего подобного. Из более поздних рассказов другого британца мы знаем, что эти приступы стали более многочисленными, и один из них стал постоянным. Какова была природа этого заболевания, никто не знает.

В любом случае Немо начал сильно трястись. Это продолжалось около минуты, после чего он, казалось, восстановил частичный контроль над свом телом. Теперь только его голова покачивалась на змееподобный манер. Вкупе с его высоким куполообразным лбом и большими, широко расставленными глазами, Немо стал похож на королевскую кобру.

Примерно через шестьдесят секунд нервное движение прекратилось. Он стал еще бледнее и выглядел очень уставшим. Он провел руками по глазам и простонал достаточно громко, чтобы Паспарту услышал его.

— Великий Бог! Достаточно! Достаточно! — Затем он сказал: — Я не могу этого сделать!

Никто из эриданиан не знал, что он имел в виду под этим, но мы можем сделать вывод, что он запланировал последнюю атаку, но теперь понял, что он не может выполнить задуманное.

Паспарту отнес тесак в каюту капитана, почистил его, как того требовал Фогг, и вложил обратно в ножны под кроватью. Вернувшись, он обнаружил, что ни Фогг, ни Немо не

двигались. Следующим шагом было избавиться от трупа и одежды Хеда. Немо выздоровел достаточно, чтобы помочь с этим. Пока Фогг держал ногой тело, Немо работал одной рукой. Он не смог освободить труп одновременно с Фоггом, и на секунду или около того его рука прошла по лицу Хеда. Фогг ничего не заметил, решив, что всему виной болезнь Немо. Отсюда и последующее отсутствие координации.

Палуба была очищена от следов крови. Фогг принес ящик из лазарета. Установил вверх дном на палубу, он снизу смонтировал дистортер, запрограммировав на передачу через три минуты.

Трое взялись за руки. Фогг рассчитывал,что ящик вывалится за борт через пролом фальшборта. И надеялся, что передача произойдет до того. Он дал Ауде больше инструкций, и она, используя часы, которые Фогг купил для нее в Гонконге, точно рассчитала время действия. Она включила дистортер примерно за шесть секунд до начала операции Фогга. Все трое, с болью в ушах, появились на столе в каюте Ауды.

Ауда нацелила экспеллер в лицо Немо. Он не двигался, пока Фогг не сказал, что он может уйти. Немо выглядел слегка удивленным, словно ожидал, что теперь, когда его численно превосходят, он снова попадет в плен. Конечно, если бы ситуация изменилась, он бы этим воспользовался. Он поклонился и вышел из кабины в толпу пассажиров, почти доведенных до истерики.

Так как они еще не могли слышать, Фогг и Ауда общались с карандашом и бумагой.

«Да, — написала Ауда, — *было много бегающих и кричащих. Через некоторое время большинство пассажиров вернулись в свои каюты. Некоторые остались на палубе; некоторые поправляли здоровье в баре, который был открыт по их настоянию».*

Две серии лязгов, последовавшие за активацией Фоггом дистортера, чтобы одурачить капеллиан, снова заставили всех выскочить на палубу. Некоторые пассажиры настаивали на том, что центр шума находился в каюте возле Ауды. Была проведена проверка пассажиров, и офицер поговорил с Ауды через дверь. Обнаружили взлом замка на двери Фогга, и члены экипажа искали его. Но в этой суматохе кто кого

может найти? Сломанный замок можно отнести на счет попытки вора проникнуть в каюту Фогга во время паники.

Фогг подумал, что, к сожалению, об этом не напишут в газетах. И капеллиане, и эриданиане, читая о таинственных колоколах на «Генерале Гранте», знали бы, что там использовали дистортеры. Они будут наблюдать за кораблем, когда тот высадит пассажиров.

Читатель, несомненно, задается вопросом, почему Верн не описал таинственные шумы. Ответ заключается в том, что он описал бы, если бы Фогг был каким-либо образом связан с ними согласно общественному мнению. Или если бы существовало логическое объяснение шумов. Тогда Верн мог бы написать про них. Но поскольку звуки, напоминающие колокол, были лишь еще одной из многих загадок моря, он, как дисциплинированный романист, не понимал, почему должен включать инцидент в свой рассказ. Если бы он включил все интересные, но не относящиеся к делу события, «Вокруг света за восемьдесят дней» стали бы в два раза длиннее!

Также возможно, что Верн даже не слышал об инциденте с лязгом.

Поздно на следующий день Паспарту встретил мистера Фикса на прогулочной палубе. Хотя Фикс был немного бледен и пошатывался, он восстановил большую часть своей силы. Немо рассказал ему обо всем, что случилось. Ему, сказал Немо, следовало продолжать играть в невинность. Он не должен ничего говорить о своей болезни Паспарту, который догадывается, что поэтому Фикс не сопровождал Немо.

Фикс сказал Паспарту, что он мирно спал, пока его не разбудил первый из этих ужасных звуков. Что мистер Паспарту знал об этом?

Француз сказал, что знает не больше, чем остальные. После небольшого разговора и больших возлияний он вернулся к Фоггу. Возможно, по его словам, Фикс был всего лишь детективом.

Фогг ответил, что вполне может быть. А теперь, не сядет ли он с мисс Джеджибхой послушать, что Фогг знает о Немо? Больше не было смысла хранить это в тайне, если бы в этом вообще когда-то был смысл. Они должны понимать, с каким человеком они столкнулись.

В 1865 году Фогг был вызван руководителем эриданиан на тайное собрание. Он, Фогг, находился в длительной миссии в Восточном Средиземноморье. Но его заменили другим и приказали поспешить в Лондон. То, что он должен был иметь конфиденциальный разговор с начальником, а не получать приказы через карты или иным способом, указывало на серьезность ситуации. На поезде в Париж Фогг с удивлением увидел, как шеф вошел в его купе. Тот сказал, что у него есть основания полагать, что предлагаемое место встречи находилось под наблюдением агентов Капеллы. Таким образом, он перехватил Фогга во Франции.

ШЕФ УЗНАЛ, ЧТО человек по имени Немо (никто не знал его настоящего имени) собирался запустить очень неприятный проект. Слово «запуск» использовалось в двойном смысле, так как в этом проекте участвовало подводное судно. После того как судно было построено, оно отправилось в море в пиратскую экспедицию.

— Ах, «Наутилус»! — воскликнул Паспарт. Он, как и большая часть мира, прочитал в 1869 году историю профессора Пьера Аронакса, отредактированный и поддержанный вечно занятым Жюлем Верном.

Фогг продолжил.

— У этого Немо есть изобретательский гений, который, увы, работает не во благо всего мира. Немо из капеллиан, которые решили, что цель оправдывает средства. К тому времени, о котором пойдет речь, он почти завершил работу над подводным судном. Оно намного превосходило все имеющиеся научные достижения. Часть гениальных устройств, заложенных в основу корабля, были сконструированы, основываясь на знаниях, переданных Древними. Остальное породил почти сверхчеловеческий интеллект Немо. Субмарина может принести огромное богатство, как от открытого пиратства — разграбления кораблей, так и от добычи затонувших сокровищ. Имея ее в своем распоряжении, капеллане смогли вести с нами гораздо более эффективную войну. С одной стороны, они могли нанять множество преступников, чтобы использовать против нас. Те, конечно, не будут знать

окончательную личность своих работодателей, но им не нужно будет этого.

— Я и не подозревал, что «Наутилус» был капеллианского происхождения! — воскликнул Паспарту. — Рассказ Аронакса делает Немо героем!

— Да, для тех, кто не внимательно прочитал его, — объявил Фогг. — Внимательное прочтение быстро испарит эйфорию байронизма, который Немо сумел напустить вокруг себя. Проще говоря, он — пират. Кровожадный, жаждущий денег пират, который отправил сотни невинных моряков в водную могилу. Очевидно, что он держал профессора Аронакса, его камердинера Конселя и гарпунера Неда Лэнда живыми только для интеллектуального общения, подпитывая собственное эго. Консель и Лэнд не были ему нужны, но если бы Немо убил их, Аронакс отказался бы разговаривать с ним... Немо, как я уже сказал, является математическим и инженерным гением. Но даже он, если бы он был только землянином, не смог бы спроектировать и построить двигатели для «Наутилуса», развивающие скорость в пятьдесят миль в час под водой, или создать металлические сплавы, чтобы противостоять давлению океана на глубине сорок восемь тысяч футов. Немо рассказал Аронаксу, что электричество приводило в движение его корабль. Но было ли это электричество или сила самого атома? В любом случае у него, должно быть, был доступ к информации, переданной Древними капеллианами. И инженерный гений, чтобы использовать эту информацию!.. Один из наших шпионов, изучал заказы, которые Немо адресовал предприятиям различных отраслей промышленности во всем цивилизованном мире, включая Штаты. В конце концов, американцы, безотносительно других своих качеств, являются великолепными инженерами. Немо доставлял комплектующие к отдаленному острову и соединял их там. Наш предводитель приказал мне втереться в доверие к Немо и саботировать судно. Я подчинился первому и ожидал, что смогу сделать второе. Через определенные каналы я узнал, что Немо набирает команду из разных стран. Большинство из них, бедные обманутые люди, были патриотами. Они пришли из стран, которые лежали под пятой угнетателей. Немо сказал им, что он будет

вести смертельную войну против угнетателей. Он намекнул, что сам пришел из страны, которая страдала от британского правления. Чтобы создать впечатление, что он азиат-индиец, он носил стеклянные линзы, которые окрашивали его глаза в черный цвет, и он часто рассказывал, как его выслали из родной страны после неудачного восстания против англичан. У него даже был свой корабельный язык, которму он научил экипаж. Это, я полагаю, был диалект Бунделкунда. Немо провел много времени в Бундельскунде, помогая раджже, прежде чем тот предал капеллиан. На самом деле, я не удивлюсь, узнав, что Немо уговорил раджу стать ренегатом. Девиз Немо должен был не «Mobilis in mobili» — «Подвижный в подвижном», но «Aut Nemo aut nemo». —«Либо Немо, либо никто»... Как бы то ни было, меня зачислили на роль Патрика Мьюира, ирландца, который ненавидел англичан. Я вошел в команду, которая терроризировала моря с 1866 по 1868 год. Я был в равной степени виновен в потоплении всех этих кораблей, поскольку мне пришлось играть свою роль. Я сказал себе, что они все равно были бы потоплены. Я должен был сотрудничать, чтобы рано или поздно остановить гнусность Немо. На самом деле, без меня на борту «Наутилус» мог работать в течение десятилетий. Тем не менее я чувствовал себя виноватым... И представьте мое состояние, когда я узнал, после того как дело закончилось, что я участвовал в потоплении судна, на котором был пассажиром мой собственный отец. Я был виновен в отцеубийстве!..

В этот момент Ауда, по чьим щекам текли слезы, положила руку на руку Фогга. Кажется, он этого не заметил. По крайней мере, он не убрал руку.

— То, что то убийство не было преднамеренным, никоим образом не успокаивало мою совесть... В своем первом рейде, когда «Наутилус» погрузился в море, я искал возможность потопить его, и вместе с командиром. Но в тех людных коридорах, где на тебя всегда смотрят дюжина глаз, у меня не было шансов. После того, как мы протаранили корабль США, «Абрахам Линкольн», мы подобрали Аронакса и его спутников. События происходили так, как их описал профессор, хотя произошло многое, о чем он не знал... А потом нас втянуло в водоворот у Лофотенских островов. Даже этот могу-

чий водоворот, возможно, не победил бы нас, если бы у меня не появился шанс действовать. Пока остальные были заняты на своих постах и застыли от ужаса водоворота, я уничтожил контуры, которые контролировали рулевое управление.

— Тогда именно вы ответственны за затопление этой проклятой подводной лодки! — Паспарту был потрясен.

Он полностью отказался от своей первоначальной концепции Немо как борца со злом, измученного и одинокого гения, единственной миссией которого в жизни была месть угнетателям.

— Да. Но я должен был взорвать проклятое судно задолго до этого, хотя бы это означало, что я тоже должен умереть. Аронакс, Консель и Лэнд, как вы знаете, сбежали. Я тоже. И Немо. Возможно, и другие. Не знаю. В то время я думал, что я — единственный выживший. Несколько месяцев спустя я вернулся в Лондон. Предводитель и я предположили, что Немо умер. Затем я увидел его второго октября в тени того дверного проёма возле Рефом-клуба.

— Но неужели этот человек настолько испорчен? — удивился Паспарту. — Что насчет портрета женщины и двух детей, который, по словам Аронакса, висел на стене кабины Немо? Разве хороший профессор не видел, как Немо протянул руки к портрету, встал на колени перед ним и всхлипнул? Так ли ведет себя человек без сердца?

— Он, несомненно, не испытывает недостатка в чувствах, — вздохнул Фогг. — Было установлено, что даже самый закоренелый преступник может любить свою мать, жену, детей или собаку. Я не знаю историю семейных связей Немо. Честно говоря, я с удивлением узнал, что у него есть жена и дети. Но я не думаю, что его брак мог длиться долго. Его интеллект настолько высок, что он считает всех остальных, мужчин или женщин, ментальными пигмеями. И он чрезмерно властный и капризный человек. Возможно, его жена ушла от него, забрав детей. Может быть, поэтому он плакал. Его самооценка была в синяках; если кто-то должен был уйти, это должен был быть он... В любом случае у него не всегда висел портрет на стене. Возможно, вы заметили, по словам Аронакса, что он сам увидел этот портрет только после того, как пробыл на борту «Наутилуса» почти полтора

года. Конечно, если бы он увидел этот портрет раньше, он бы заинтересовался бы? Даже я, который был на борту с самого начала, только дважды видел это изображение. Оба раза это было второго июля; было второе июля, когда Аронакс стал свидетелем печальной сцены. Эта дата должна иметь какое-то значение

— Значит, сэр, если я понимаю вас правильно, — продолжил Паспарту, — Немо не был индийским патриотом, который собрал команду со всего мира, чтобы бороться с угнетателями. Он был пиратом.

— Большинство членов его команды были патриотами, да. Но Немо просто использовал их. Они полагали, что он передавал свои сокровища подпольным организациям, чтобы финансировать революции по всему миру. Ничего подобного. Большая часть богатства шла или в казну капеллианцев или на его собственные банковские счета. Что касается портрета, женщина и дети выглядели европейцами. Они намного больше напоминали англичан, чем индусов.

— Но Ауда выглядит по-европейски.

— Она могла сойти за итальянку или уроженку Прованса, но не англичанку.

— Простите мне, если я упорствую, сэр. Что относительно заключительной сцены рассказа профессора о капитане Немо? Разве Немо, рыдая, не шептал «Всемогущий Боже! Достаточно! Достаточно!» Разве Аронакс не задавался вопросом, было ли это вспышкой горя или признанием раскаяния?

— Вы наблюдали приступ, перенесенный Немо, в то время, когда мы разоружались на «Мэри Селесте»? Выглядит Немо прекрасно, гигант, высокий и сильный. И он, как любой капеллианин, имеет эликсир, который должен позволить ему прожить тысячу лет. Это средство, как вы знаете, усиливает наш иммунитет. Но это не делает нас неуязвимыми к болезням. Я уверен из своих наблюдений, что Немо обречен на срок жизни обычного землянина. Он поражен своего рода нервной болезнью. Ее проявление было незначительным до сих пор. Но приступы становятся все сильнее. И часть этого несчастья — нечастая, но ослепляющая и отвратительная головная боль. Возможно, это вызвано опухолью, хотя я подозреваю, что это ущерб, нанесенный неосвобожденными

душевными травмами, ответственен за это. Но когда он выкрикивал «Достаточно! Достаточно!», это был приступ. То, что он, рьяный атеист, обратился к Богу, указывает на степень его страдания. И то, что он говорил на английском языке в этот болезненный момент, когда человек, вероятно, будет говорить на родном языке!

— Он говорил не по-французски? Но Аронакс...

— Не упомянул, что это было сказано на английском языке. Нет, Немо — уроженец какой-то англоязычной земли, скорее всего Ирландии. Он мог свободно говорить по-гэльски, когда разговаривал с одним из своих ирландских членов экипажа, хотя было очевидно, что это не тот язык, который он выучил от своих родителей. Я, тем не менее, выдавая себя за ирландца, утверждал, что я из Дублина и не знаю ничего, кроме нескольких фраз кельтского языка.

— Бедный! — прошептала Ауда. — Страдать и быть обреченным умереть рано, когда можно прожить до тысячи лет! Действительно, эликсир только продлит его мучения. Без этого он умрет через несколько лет, его страдания милосердно закончатся.

— Не тратьте на него свое сочувствие, — посоветовал Фогг. — И не позволяйте его болезни заставлять вас недооценивать его. Мы должны быть на страже до конца нашего путешествия на этом корабле. Я не верю, что он не нарушит клятву сохранять мир, пока мы не высадимся в Сан-Франциско.

ГЛАВА 16

МИСТЕР ФОГГ, КАК только он высадился в Сан-Франциско, узнал, что следующий поезд в Нью-Йорк отправился в шесть вечера того дня. Он снял комнаты для троих в гостинице, а затем отправился в британское консульство с Аудой. Он отошел всего на несколько шагов от отеля, когда наткнулся на Паспарту. Француз ждал его, чтобы получить разрешение на покупку винтовок «Энфилд» и револьверов Кольта. Верн говорит, что француз хотел иметь их на случай нападения индейцев на американском Среднем Западе. Ко-

нечно, и он, и Фогг больше думали о защите от капеллиан, чем от сиу или пауни.

Через несколько шагов Фогг встретил «по воле случая» мистера Фикса. Детектив сделал вид, что удивился. Может ли быть правдой, что он и мистер Фогг пересекли Тихий океан вместе и ни разу не столкнулись друг с другом? Так как Фикс так много должен был мистеру Фоггу, он хотел бы сопровождать его. Мог ли он отправиться с ним в поездку по этому приятному американскому городу, столь приятному обитателям Старого Света?

Мистер Фогг сказал, что он будет удостоен чести, и Фикс пошел вместе с ними. На Монтгомери-стрит они столкнулись с огромной толпой. Все было забито людьми, которые кричали и несли большие плакаты и флаги.

Ура Камерфилду!
Ура Мандибою!

Фикс объяснил, что это политический митинг и поэтому его следует избегать. Американцы становились жестокими, когда сталкивались с противодействием их политическим убеждениям, и сегодня обе партии слетели с катушек. Мистер Фогг, возможно, подумал, что то же самое можно сказать и об англичанах — и это было правдой в те дни, — но он этого не сказал. Вместо этого он сделал еще одно свое классическое замечание.

— Да, и удары, даже если они носят политический характер, все же являются ударами.

Вскоре после этого началась драка. Три британских подданных оказались зажатыми толпой между камерфилдянами и мандибоянами. Большинство из них были вооружены тростями, утяжеленными свинцом или дробью, а у некоторых были револьверы. Кулаки, трости, клюшки, дубинки и сапоги использовались энергично и зачастую без разбора. Путешественники поднялись на вершину лестничного пролета в конце улицы, но обнаружили, что даже это местоположение не является гарантией безопасности. В итоге волна хулиганов смела их со ступенек. Фогг использовал кулаки, чтобы защитить Ауду. Большой мускулистый парень с красным лицом и рыжей бородой нанес

удар Фоггу. Вклинился Фикс и отбил кулак. У него подкосились колени и слетела шелковая шляпа. Он поднялся на ноги, но с остекленевшими глазами. Ему суждено было ходить с шишкой на макушке в течение последующих нескольких дней.

— Янки! — сказал Фогг, презрительно глядя на рыжебородого хулигана.

— Англичанин! Мы встретимся вновь!

— Когда пожелаете, — заверил Фогг.

— Как вас зовут, сир? — спросил американец.

— Филеас Фогг. А вас?

— Полковник Стамп Проктор.

Лавина протестующих схлынула. Фогг поблагодарил детектива за его благородное вмешательство. Никто из них не пострадал, хотя одежда обоих выглядела так, как будто они спрыгнули с поезда со скоростью шестьдесят миль в час. Ауда была, по крайней мере, без синяков.

Все трое отремонтировали одежду в ателье. Через час они вернулись в отель в новой одежде. По дороге Фогг обдумывал инцидент с полковником. Возможно, тот был только хулиганом из Фриско. Но это имя, Стамп Проктор! Мог ли он быть капеллианским проктором, наблюдателем, наблюдающим в США за врагом? Означало ли имя «Стамп», что другой его функцией было убийство, уничтожение эриданиан? Или его имя — совпадение? Немо сказал, что капеллане отказываются от старого обычая использовать функциональные имена. Немо, однако, был лжецом. И даже если он говорил правду, реформа еще не была осуществлена.

Он сказал себе, что не следовало идти на экскурсию. Он должен был, как обычно, остаться в своей комнате. И почему он отказался от этой привычки? Он хотел показать Ауде город.

Фогг подумал о Фиксе. Тот бросился принять удар, предназначенный для него. Зачем ему это делать, если он был капеллианном? Было ли это, чтобы убедить Фогга, что он всего лишь англичанин, который будет защищать другого англичанина в Янкиленде? Это казалось невероятным. Если бы Проктор был капеллианном, он бы не хотел, чтобы его усилия были напрасны. Исправить ситуацию, собственно, помочь должен был Проктор.

Но Фикс не стал так поступать. Наоборот.

После обеда Фикс спросил Фогга:

— Вы раньше видели этого Проктора?

— Нет. Но я вернусь в Америку, чтобы найти его, — спокойно сказал Фогг. — Для англичанина было бы неправильно разрешать обращаться с ним таким образом без возмездия.

Фикс улыбнулся, но не ответил. Фогг задумался. Он и в самом деле собирался вернутся в поисках полковника. Как англичанин, он сделал бы это во имя чести. Как эриданианин, он делал бы это, чтобы уничтожить капеллианна, если бы Проктор был таковым...

От Сан-Франциско до Нью-Йорка было 3786 миль железной дороги. Между океаном и Омахой, штат Небраска, железная дорога проходила по пересеченной местности, опасной из-за зверей и диких индейцев. Часть территории была оккупирована мормонами, сравнительно мирными людьми, хотя большинство язычников того времени считали их нецивилизованными. Поезд делал в среднем всего двадцать миль в час из-за множества остановок. На дорогу уйдет семь дней. То есть ушло бы, если бы бизоны, дикари, штормы, наводнения, аварии и лавины не вмешивались. Однако, если расписание будет выполнено, Фогг прибудет одиннадцатого декабря, чтобы сесть на пароход из Нью-Йорка в Ливерпуль, в Англию.

В восемь часов поезд, в котором ехали Фогг и компания, был превращен в общежитие... В полдень следующего дня поезд остановился на двадцатиминутный перерыв на завтрак в Рено, в штате Невада. В двенадцать часов поезд был вынужден останавливаться до наступления темноты, чтобы позволить огромному стаду бизонов пересечь железнодорожные пути. В тридцать минут девятого вечера поезд въехал в Юту.

Ночью пятого декабря поезд находился примерно в ста милях от Большого Соленого озера. Хотя Фогг не знал об этом. Это был день, когда бригантина «Dei Gratia» обнаружила «Мэри Селесту» плывущей без единой души на борту. Если бы Хед доверился своей удаче, его бы посадили на борт «Dei Gratia» и 12 декабря высадили в Гибралтаре. Это правда, что он был бы задержан следственным судом, но он мог

бы сбежать. Таким образом, это добавило бы еще один элемент загадки к делу, которое озадачило ученых и публику и за сто лет породило много ложных историй. Даже название корабля известно большинству людей как «Мария Селеста». Однако эта ошибка не является загадкой. Это происходит из-за неправильной записи в отчете о лоцманской проводке в Нью-Йорке седьмого ноября 1872 года. Ошибка была даже увековечена в архивах Государственного департамента США, и американские газеты продолжали использовать фальшивое имя.

Возможно, самым влиятельным в распространении этой ошибки был А. Конан Дойль, который называет корабль «Мария Селеста» на протяжении всей его известной истории: «Заявление Дж. Хабакука Джефсона»...

Седьмого декабря поезд стоял в течение пятнадцати минут на вокзале Грин-Ривер на Вайомингской территории. Несколько пассажиров вышли, чтобы размять ноги. Ауда, посмотрев в окно, стал встревоженной. Она увидела полковника Стампа Проктора на платформе.

Верн говорит, что случай привел Проктора на поезд, но мы знаем, что все было немного по-другому. Верн также говорит, что Фикс, Ауда и Паспарту тайно замыслили помешать Фоггу узнать, что полковник был пассажиром соседнего вагона. Это было одной из беллетристических вставок Верна. На самом деле Ауда сразу разбудила Фогга и сообщила ему о полковнике.

Фогг просто спросил, могут ли Ауда и Фикс сыграть в вист, и они начали партию.

Ауда, используя карты в качестве передатчика кода, спросила Фогга, что он собирается делать с Проктором. Фогг ответил:

— Ничего, на данный момент.

— Почему нет, если я могу спросить?

— Время и место не подходят.

Вскоре поезд понес их через Скалистые горы, сквозь снег и пургу. Неподалеку от форта Халлек поезд неожиданно остановился. Взволнованные пассажиры, за исключением Фогга, вылились из вагонов. Они обнаружили, что инженер и проводник разговаривают с гонцом. Тот был отправлен из

Медицин-Боу, со следующей остановки, чтобы остановить поезд. Подвесной мост через пропасть стал слишком непрочен, чтобы поезд мог пересечь его.

Американец Форстер предложил откатить поезд обратно, чтобы он мог начать движение. Если бы он набрал достаточную скорость, он бы практически перепрыгнул через мост.

После некоторых колебаний пассажиры, за одним исключением, согласились. Паспарту, используя логику, отличающую истинного галла, спросил, почему пассажиры не хотят пройти по мосту? Зачем ехать на поезде, который может упасть в пропасть?

Он был отвергнут всеми и поэтому ехал дрожа, пока поезд, движущийся со скоростью сто миль в час, чался по мосту. Едва задние колеса хвостового вагона выехали на землю, мост с шумом рухнул в пропасть.

Паспарту, вытирая лоб, подумал, что в этом континенте должно быть что-то, что свело с ума всех его жителей.

Игра в вист возобновилась. Когда поезд был в Небраске, прозвучал голос, знакомый трем игрокам:

— Надо ходить с бубей!

Это был Проктор, который сделал вид, что не узнал англичанина до этого момента.

— Ах, это ваши червы? Это вы собираетесь играть с пик?

— А это дело того, кто играет, — сказал Фогг, сбрасывая десять пик.

— Что ж, мне приятно, что это буби, — заметил Проктор. Он протянул руку, словно пытаясь схватить карту со словами: — Вы ничего не знаете о висте.

— Возможно, так же, как и вы, — объявил Фогг, поднявшись на ноги.

Стамп также встал.

Он сказал:

— Вы забыли, что мне приходилось уже иметь дело с вами, сэр. Это я вас не только оскорбил, но и ударил!

Фогг понял, что делает Стамп. Он попытается убить Фогга открыто в поединке чести. Они не были редкостью на территориях, но Небраска была принята в остав Штатов 1 марта 1867 года. Запрещал ли штат дуэли и приводил в исполнение закон с суровыми наказаниями? Это не имело значения. Проктор,

похоже, не думал, что последует юридическое возмездие. Действительно, он делал именно то, что ожидал Фогг. Вот почему Фогг перенес оскорбления Проктора и заставил его прийти к нему. Если Фогг победит, а затем будет арестован, он может заявить, что не он затеял эту ссору.

— Простите, мистер Фикс, — сказал Фогг. — Это мое личное дело.

Полковник равнодушно сказал, что время, место и оружие зависят от Фогга.

Выйдя на платформу, Фогг попытался отговорить Проктора. Проктор насмешливо отказался и намекнул, что Фогг — трус, который, будучи в безопасности в Англии, никогда не посмеет вернуться в Новый Свет. Видя, что полковник готовится к дуэли, и что у него есть много свидетелей, которые доказывают, что Фогг пытался отложить дело, англичанин согласился обменяться выстрелами на следующей остановке. Раздосадованный, он вернулся к своему вагону. Ауда пытался отговорить его от дуэли, но безуспешно. Фогг спросил Фикса, будет ли тот секундантом. Фикс ответил, что он будет рад, если его удостоят подобной чести. Паспарту понял, что этот вопрос был еще одним испытанием для детектива.

Чуть позже одиннадцати утра поезд остановился в Плам-Крик. Фогг сошел, только когда ему сказали, что поезд не может задержаться тут больше минуты. Они и так на двадцать минут отставали от графика, и время должно быть наверстано. Тогда кондуктор обратился к дуэлянтам с предложением сражаться в пути.

Фогг и полковник согласились. Дуэлянты, их секунданты и проводник отправились в хвостовой вагон. Там проводник спросил дюжину или около того пассажиров, не уйдут ли они, пока два джентльмена не завершат свой спор. Те ушли, счастливые от волнения, облегчающего скуку.

Вагон был пятьдесят футов в длину. Фогг стоял в одном конце, Проктор в другом. Каждый держал два шестизарядных револьвера. Проводник ушел, а два секунданта закрыли двери вагона. После того, как машинист дал гудок локомотива, они двинулись навстречу друг другу, стреляя, как они хотели.

Прежде чем Фогг и Проктор смогли начать стрелять, на поезд напали около сотни конных сиу. Два дуэлянта первыми

открыли огонь по индейцам; они договорились, не говоря ни слова друг другу, отложить дуэль, пока эта опасность не закончится. Если они переживут эту атаку, они могут возобновить спор.

Как многие могут помнить из рассказа Верна, сиу захватили локомотив и оглушили машиниста и кочегара. Вождь индейцев, попытаясь остановить поезд, открыл паровой клапан. Скоро поезд несся со скоростью сто миль в час. Стало жизненно важным, чтобы пассажиры как-то остановили поезд в форте Керни. Если поезд пролетит мимо, сиу успеют перебить пассажиров. Теперь много индейцев оказалось на вагонах состава, стреляя и рубя врагов, которые стали действительно бледнолицими.

Паспарту испугала нелогичность пассажиров, когда они пересекли на поезде опасный мост. Но когда логика потребовала действий, он отбросил свои страхи. Логика теперь требовала, чтобы поезд остановился вовремя. Смело и умело, так как он был акробатом, Паспарту заполз под вагон. Он ослабил страховочные цепи между багажным вагоном и тендером, и сильный толчок вырвал штангу. Локомотив и угольный тендер вскоре исчезли из виду, а вагоны остановились. Войска из форта Кирни атаковали, и индейцы бежали. К сожалению, Паспарту умчался на тендере.

Ауда, которая хладнокровно застрелила нескольких сиу, осталась невредимой. Фогг также не был ранен. У Фикса была легкая рана на руке. Полковнику Проктору не так повезло. Он получил пулю в пах, которая не только вывела его из строя, но и могла привести к смерти.

Верн предположил, что Проктора поразила пуля сиу. Фогг же сообщает, что именно он вывел полковника из строя. Как только он увидел, что они будут в безопасности, он подстрелил полковника. Он бы загнал пулю в голову этого человека, если бы был абсолютно уверен, что он был капеллианном. В любом случае он хотел убедиться, что его больше ничего не задержит.

Но как оказалось, его все равно задержали. Узнав, что Паспарту и несколько других пассажиров пропали, Фогг решил отправиться за ними. Это означало, что поезд уйдет без него, и он, вероятно, пропустит свой пароход в Нью-Йорк. Однако

Фогг не колебался. Он не мог покинуть храброго француза, зная, что его будут пытать дикари. Он опозорил бы честь капитана, заставив тридцать добровольцев сопровождать его в спасательной экспедиции. То, что Фогг предложил пять тысяч долларов, чтобы разделить их среди солдат, возможно, имело какое-то отношение к их готовности встретиться с сиу. И то, что Паспарту нес дистортер, возможно, было как-то связано с настойчивостью Фогга в его спасении. Однако, учитывая характер Фогга, можно было отбросить эту недостойную мысль.

Фикс, заметим, остался позади. Он не верил, что кто-нибудь из попавших вернется. Он хотел бы стать добровольцем, потому что это сняло бы последние подозрения Фогга. Но при мысли о том, что индейцы делали со своими пленниками, он отказался от участия в этой авантюре.

После этого он проклял себя за трусость. Но что за храбрец Фогг! Эриданианин или нет, он... Но нет! Такие мысли были изменой. Фикс ходил взад и вперед по перрону. Должен ли он пойти и заявить о себе Проктору? Или полковник знал, что он, Фикс, был капеллианином? Если так, то он не дал никакого сигнала о признании. И если Проктор не знал, то у Фикса было отличное оправдание — бездействие полковника. Немо, который остался в Сан-Франциско, только приказал ему держаться поближе к Фоггу. Он должен был сообщить о деятельности Фогга, когда агент вступит с ним в контакт.

Поезд вышел, оставив Фикса и Ауду в форте. Наблюдая за тем, как он исчезает в обширной прерии, Фикс внезапно утратил чувство безопасности. Следуя указаниям Немо, он не должен был покидать Фогга. Но он отказался идти с ним! Что бы сказал Немо? Фикс хорошо знал, что тот скажет. Если Фогг не вернется, Фиксу конец. Немо сказал бы, что Паспарту и Фогг могли использовать дистортер, чтобы убежать и от сиу и от капеллиан. Фикс утверждал бы, что это было маловероятно. Чтобы использовать дистортер, Фогг должен был спасти Паспарту сначала, а как он мог сделать это? Кроме того, считалось, что эриданиан имели только один дистортер в запасе. Где другой, необходимый для передачи?

Немо ответил бы, что сомнительно, что у врага было только одно устройство. Кроме того, что могло препятствовать тому, чтобы коварный Фогг повторил фокус, как на «Мэри Селесте»? Действительно, китайский агент, возможно, был убит агентами Эридана, которые получили таким образом второй дистортер. И это произошло потому, что Фикс был не в состоянии помочь Немо на «Генерале Гранте». И был ли Фикс столь больным? Возможно, он лишь притворялся...

Фикс зашел в здание вокзала. Если у него не было внутреннего огня, чтобы согреть, он мог хотя бы погреться у печки. Но он почти сразу снова вышел. Он чувствовал необходимость быть наказанным. Он будет сидеть и замерзать, пока Фогг не вернется. По крайней мере, пока не взойдет солнце. Солнце. Говорят, что до него девяносто три миллиона миль. Фикс слышал, как земляне с удивлением восклицали на этом невероятном расстоянии. Он всегда хихикал внутренне, когда это происходило. Что они знали о душераздирающей бездне межзвездного пространства? До его родины было сорок пять световых лет. Человеку, идущему двадцать миль в день, понадобится четыре миллиона шестьсот пятьдесят тысяч дней, чтобы добраться до Солнца. Почти тринадцать тысяч лет. И все же это была простая прогулка к угловому бакалейщику для того, кто отправлялся к Капелле.

Его родина? Почему он так называл эту звезду? На самом деле он никогда не видел ее и не имел там ни одного предка. Он, как и его предки, был домоседом, фактически землянином. Они всегда были ограничены этой крошечной далекой планетой. Только древние могли назвать Капеллу домом, и все те, кто пришел оттуда, были, вероятно, давно мертвы.

Первоначальные поселенцы остановились здесь, потому что думали, что это может стать местом для нового форпоста их цивилизации. Кроме того, потому что они должны были сделать научный обзор новой неизвестной планеты. Они должны были, среди прочего, выяснить, были ли здесь разумные виды. И если были, были ли они опасны для Капеллы. Это случилось более двухсот лет назад. Тогда и сейчас наука аборигенов была далека от межзвездных или даже межпланетных перелетов.

К тому времени, когда люди выйдут в космос, они, вероятно, перебьют друг друга, уничтожат планету, ядерными войнами или, что еще более вероятно, глобальным загрязнением. Было сомнительно, что их технология и ее разумное использование когда-либо будут соответствовать их способности вытворять социальные глупости. Так говорили Древние. А мистики утверждали, что человек произошел от какой-то уже вымершей обезьяны. Природа обезьян никуда не делась, независимо от того, насколько далеко отошел внешний вид человеческого вида от обезьяны. Они по своей сути были привержены грязи и раздору...

Но если бы у них было правильное руководство?

Если бы древние смогли приземлиться флотом, а не в одном разведывательном корабле, они могли бы подчинить местных разумных. Они, руководствуясь превосходящей мудростью и знанием, могли бы направить землян к счастью. Но Древние вынуждены были прятаться, пока они наблюдали. В противном случае они были бы убиты, независимо от того, сколько тысяч они могли убить.

Древние только что завершили свой доклад о Земле, когда приземлились эриданиане. Была война, и оба космических корабля были повреждены и не подлежали ремонту. И тогда обе расы ушли в подполье. С помощью хирургии они переделали свои тела, чтобы уподобиться людям. Через некоторое время из-за их небольшого числа они завербовали нескольких землян в качестве союзников. Благодаря усыновлению младенцев, тайному образованию, церемонии кровосмешения и, самое главное, эликсиру тысячелетия, они добились лояльности своих союзников. Был также Великий План, который сделает человечество долгоживущим и счастливым.

Но сначала эриданианцы должны быть истреблены.

Унять бы дрожь от холода...

Фикс замерз до мозга костей. Огни погасли. Тем не менее света было достаточно, чтобы отбрасывать тени. Теперь он мог видеть, внезапно без препятствий. Он должен замерзнуть. Эмоции были мертвы; только логика могла бы жить в этом сильном морозе. Если капеллиане и эриданиане были настолько продвинуты, почему они вообще считали необходимым вести войну друг с другом? Война была для землян

вполне подходящей, поскольку они были отсталыми. Они не знали ничего лучше. Они все еще были как бабуины. Но почему воюют два народа со звезд?

Древние сказали — или так ему сказали — что эриданине все начали. Они были не такими развитыми, как капелли-ане, по крайней мере в социальной сфере. Они напали на капеллиане где-то, на каком-то аванпосте много тысячелетий назад. И капеллиане были вынуждены сражаться или вымереть.

Солнце взошло. Фиксу стало теплее, но ясности рассвет не принес.

Вскоре после семи он услышал выстрел. Он поспешил с солдатами к звуку и обнаружил Фогга, Паспарту и двух других пассажиров, марширующих с солдатами-добровольцами. Ауда, задыхаясь, не в силах говорить, могла держать только руку Фогга. Фикс был счастлив, но стыдился этого. Паспарту плакал... Сколько он стоил Фоггу денег и времени. Затем он оглянулся на поезд и стал еще более опустошенным, обнаружив, что тот ушел.

Филеас Фогг отстал от графика на двадцать четыре часа.

ГЛАВА 17

ФИКС ЗНАЛ, ЧТО Фогг должен быть в Нью-Йорке одиннадцатого до девяти часов вечера. В этот час пароход отправился в Ливерпуль, а другого рейса не будет до следующего дня. Казалось неизбежным, что Фогг проиграет. Но на этот раз на помощь пришел Фикс. Накануне вечером к нему подошел мистер Мадж, который предложил немедленно отвезти Фикса в Омаху, хотя и довольно нетрадиционным способом. Фикс отказал ему, потому что ему пришлось ждать Фогга. Теперь он сообщил Фоггу, что еще не все потеряно. Можно поехать на парусных санях-буере. Это транспортное средство вмещало пять или шесть человек и было оснащено мачтой, которая удерживала бриг-парус и позволяла прикрепить его к кливеру. Ими управляли при помощи снегового руля.

Не желает ли господин Фогг воспользоваться?

Мистер Фогг, конечно, желал.

Компания неслась с западным ветром по льдам и снегам прерии. Двести миль между фортом Керни и Омахой были пройдены за пять часов. Фикс ничего не сказал во время путешествия, но он был счастлив. Его роль в получении ледяных саней была бы еще одним доводом в его пользу, чтобы уменьшить подозрения Фогга.

Сани прибыли как раз перед тем, как поезд Чикаго — Рок-Айленд должен был уйти. Фогг и Ко сели на него и прибыли в Чикаго в шестнадцать часов следующего дня. Этот город, частично разрушенный во время великого пожара восьмого и девятого октября 1871 года, был только восстановлен. У Фогга и компании не было времени осмотреть новые постройки или прокатиться по озеру Мичиган. У них было девятьсот миль впереди, и они сразу же отправились на Питсбург, Форт-Уэйн и на чикагскую железную дорогу. Вечером одиннадцатого декабря, в одиннадцать часов, поезд прибыл на станцию в Нью-Йорке. Это было около пирса линии Кунар, но, к сожалению, «Китай» отправился в Ливерпуль сорок пять минут назад...

Фогг, казалось, потерпел полный провал. Лайнер «Инман» не уходил до следующего дня и был недостаточно быстр, чтобы наверстать упущенное. Гамбургские корабли направлялись прямо в Гавр, во Францию, что означало, что поездка из Гавра в Саутгемптон и оттуда в Лондон сделает опоздание неизбежным. Французский лайнер не покинет порт до четырнадцатого.

Мистер Фогг только сказал:

— Завтра мы проконсультируемся о том, что лучше. Поедем.

Они сели на паром из Джерси-Сити, переправились через Гудзон и остановились в гостинице Св. Николая на Бродвее. На следующее утро мистер Фогг вышел один (по словам Верна). На самом деле Паспарту следовал на расстоянии примерно шестьдесят футов, в поисках любых теней и любых капеллианских убийц. Если Проктора послали убить Фогга, казалось маловероятным, то в Нью-Йорке не будет предпринята другая попытка. Тем не менее ничего подобного не произошло. Возможно, Проктор был всего лишь западным

хамом. Но почему капеллиане оставили Фогга в покое? Что стояло за этим? Одно известно точно, они не разочаровались в Фогге.

Мистер Фогг спросил на берегу Гудзона, нет ли каких-нибудь судов, которые собираются отчалить. Таких было много, если вспомнить фразу Уитмена «Манхэттен с множеством мачт», но парусные корабли были бы слишком медленными. В конце концов Фогг увидел на якоре «Генриетту» — пароход с обычными вспомогательными парусами. Струйка дыма из трубы указала, что он скоро отчалит. Фогг нанял лодку и скоро был на борту парохода.

Пароход направлялся в Бордо и перевозил только балласт. Его капитан, Эндрю Спиди (не капеллианин, не эриданианин, несмотря на его функциональное имя), ненавидел пассажиров. Он отказывался брать Фогга со товарищи — ни за какие деньги, и при этом он не собирался никуда идти, кроме как в Бордо. Однако на предложении в две тысячи долларов за каждого пассажира Спиди уступил. Как говорит Верн, пассажиры по этой цене уже не пассажиры, а ценный товар.

Спиди дал Фоггу неизменные полчаса, чтобы загрузить все на борт. Фогг рванул на кэбе в отель и вернулся вместе с остальными как раз вовремя. В Нью-Йорке были проблемы с дорожным движением даже в 1872 году, но тот факт, что Фогг смог добиться такой скорости, показывает, что проблема была не такой серьезной, как сейчас. Или, возможно, Фогг проигнорировал все правила дорожного движения. Через час «Генриетта» миновала маяк, отмечающий вход в Гудзон, свернула мимо Сэнди Хук и вышла в море.

Паспарту, как можно предположить, сожалел, что не смог совершить поездку по Манхэттену. В основном благодаря иммиграции из Европы, население Нью-Йорка уже превысило миллион человек. Это был грязный, серый, пьяный город с многочисленными трущобами. Грабежи с насилием, убийства, ссоры и насилие толпы были распространены повсеместно. Путеводители предупреждали вновь прибывших не выходить ночью кроме центральных районов, хорошо освещенных газом. Несмотря на это, посетитель со средствами мог бы наслаждаться жизнью в этих каменных джунглях.

Паспарту хотелось бы посетить недавно открытый Центральный парк, даже если трущобы действительно окружали его. Церковь Троицы была самым высоким строением в городе, и хотя местная архитектура не представляла собой ничего особенного в сравнении с Лондоном, она была оригинальна. Паспарту, возможно, также хотелось увидеть новые жилые районы с их коричневыми фасадами и деловые районы с чугунными оградами. Он мог бы сравнить проблемы общественного транспорта, раздражающие Нью-Йорк, с теми, что раздражали Лондон. Если бы он поговорил с обитателями гетто, он бы услышал слухи о стрельбе по кубинским революционерам и серьезной болезни, которая убивала лошадей. Он бы заметил, что только из-за этого «конского гриппа» улицы Манхэттена летом были не такими грязными и меньше воняли навозом, чем в Лондоне.

Всего этого не случилось. Паспарту было о чем подумать, кроме неряшливой экзотики Багдада-на-Гудзоне. Мистер Фогг запер капитана Спиди в его каюте!

Мистер Фогг, видя, что Спиди непреклонен в том, чтобы не менять курс на Ливерпуль, подкупил команду. Это был, как Спиди кричал за дверью, мятеж в открытом море и пиратство, наказанием за которое было повешение Фогг выслушал его со своим обычным спокойствием и продолжал отдавать приказы с мостика. Именно здесь Верн говорит (действительно), что управление судном показало, что Фогг когда-то был моряком.

Что касается Фикса, он восхищался Фоггом все больше и больше. Ему также было интересно, почему он не получил никаких приказов в Нью-Йорке относительно Фогга. Несомненно, Немо изменил свои планы, но хотелось бы узнать, что происходит. Возможно, одним из членов экипажа был товарищ-капеллианин, которому было приказано убить эриданиан, даже если ему пришлось бы взорвать судно. Фикс не любил обдумывать этот вариант, поскольку это означало бы его собственную кончину. И, честно говоря, он признал, что все больше и больше взволнован по поводу ставки. Несколько раз ему приходилось напоминать себе, что он не имеет права болеть за этого парня.

Шестнадцатого декабря половина пути через Атлантику была позади!

«Генриетта» благополучно прошла через ньюфаундлендские туманы и шторм. Но тут главный инженер сообщил Фоггу, что запас топлива закончился. У корабля было достаточно угля, чтобы идти на «коротких парах» с пониженной скоростью до Ливерпуля. Топки все еще работали «на самом малом».

Фогг, после некоторых размышлений, велел инженеру держать огонь на максимальном уровне, пока уголь не закончится. Восемнадцатого Фоггу сказали, что сегодня топливо будет исчерпано. Около полудня Фогг послал за капитаном. Лицо его побагровело, Спиди устремился на мостик.

— Где мы? — вопил он.

— Семьсот семь миль от Ливерпуля, — спокойно сказал Фогг.

— Пират!

— Сэр, я послал за вами...

— Грабитель!

— ...попросить вас продать мне корабль.

— Всеми дьяволами, нет!

— Тогда я буду вынужден сжечь его.

— Что, сжечь «Генриетту»!

— Как минимум палубные надстройки. Уголь закончился.

— Сжечь мой корабль? Корабль стоимостью пятьдесят тысяч долларов!

— Вот шестьдесят тысяч, — сказал Фогг и передал капитану деньги.

Здесь Верн делает свое классическое замечание:

Американец вряд ли может оставаться равнодушным при виде шестидесяти тысяч долларов.

Этноцентризм Верна очевиден в этом утверждении. Мало кто из представителей любой национальности, тогда или сегодня, не был бы эмоционально затронут при представлении этой суммы. Спиди забыл свою ненависть. Деньги, больше чем музыка, успокаивают дикого зверя. Он совершил самую лучшую сделку в жизни.

— У меня все еще останется железный корпус?

— Железный корпус и двигатель. Я покупаю только древесину и все другие горючие вещества. Это согласовано?

Затем Фогг отдал приказ снять все внутренние сиденья, койки, рамы и другую мебель и отправить в топку.

На следующий день, девятнадцатого, сгорели мачты, лонжероны и плоты. Двадцатого числа последовали перила, фурнитура и большая часть палубы и надстроек. В этот день пароход оказался в пределах видимости ирландского побережья и маяка Фастнет. В десять часов вечера появился Куинстаун. Это был ирландский порт, куда заходили трансатлантические пароходы. Оттуда курсировали скоростные поезда в Дублин, откуда почта доставлялась на скоростном катере в Ливерпуль. Этот маршрут доставил почту в Лондон за двенадцать часов.

«Генриетта» три часа ждала прилива, после чего вошла в гавань и выгрузила компанию. Через час путешественники вышли на сушу. Так как это была британская земля, Фикс мог арестовать Фогга и посадить его в тюрьму. Верн пишет, что Фикс очень хотел сделать это. Но Верн мог только догадываться, почему сыщик воздержался.

«Какая борьба происходила в его душе? Изменил ли он свое мнение об этом человеке?»

Нет, Фикс не передумал. Он просто не мог сделать это. Долгая близость с тремя врагами заставила его признать, что эриданиане могли быть и в этом случае были такими же людьми, как и он. Они, смертельные антагонисты его собственного народа, не воплощали зло. Он восхищался Фоггом за его непоколебимую смелость, сообразительность, находчивость, преданность и щедрость. Он ему нравился. Ему нравились двое спутников Фогга по тем же причинам. Он любил Фогга много больше, чем Немо, которого, как он сам признавал, ненавидел — боялся и ненавидел. И ему не нравился Стамп Проктор; Фикс был рад, когда план полковника убить Фогга был испорчен сиу.

Снова и снова он внушал себе, что думает неправильно. Не важно. Он продолжал думать в том же духе. Он не мог спать по ночам из-за своих душевных конфликтов. Что он должен был делать?

За двадцать минут до полудня компания Фогга сошла с корабля в Ливерпуле. У Фогга впереди была только шестичасовая поездка на поезде до станции Черинг-Кросс, Лондон, и короткая поездка кэбом в Реформа-клуб.

Фикс больше не мог отказываться действовать. Как английское право, так и капеллианские приказы требовали действия. Он положил руку на плечо Фогга, жест, на который он не осмелился бы, кроме как в официальном качестве. Верн говорит, что он показал ордер в другой руке, но Верн забыл, что у Фикса не было возможности получить ордер.

— Вы действительно Филеас Фогг? — спросил он.

Без сомнения, в голове Фогга мелькнули вариации классического замечания Пилата: «Что есть правда? Что есть реальность? Что или кто есть настоящий Фогг?»

Но он ответил:

— Я.

— Именем королевы, вы арестованы!

Фогг спокойно сдался под стражу в таможне. Ему сообщили, что на следующий день его перевезут в Лондон.

Паспарту попытался напасть на Фикса, но был задержан несколькими полицейскими. Фикс предпочитал не выдвигать против него обвинения, хотя мог это сделать за эту попытку нападения. Во-первых, он чувствовал, что француз будет оправдан. Во-вторых, Паспарту все еще носил дистортер. Если вожди капеллиан все еще хотят завладеть им, что они, безусловно, должны, они могли бы сделать это намного проще, если бы Паспарту был на свободе.

Ауда оказалась парализованна от удивления. Вопреки тому, что писал Верн, Ауда поняла, что происходит. Но, поскольку Фикс не пытался арестовать Фогга в Ирландии, три эриданианина предположили, что он хотел подождать, пока они не доедут до Лондона. Изначально у них были планы связать его и оставить в Ирландии, потом они собирались позаботиться о нем в Лондоне. Они даже думали, что он может подождать, пока Фогг выиграет пари.

Очевидно, Фогг упустил из виду этот конкретный раздел предсказанного.

Этот джентльмен, спокойный как всегда, сидел в камере в таможне и читал «Лондон таймс». Среди прочего, вызывала

его интерес история о «Марии Селесте». Это судо было впервые упомянуто шестнадцатого декабря в «последних новостях навигации». Брошенное судно было доставлено в Гибралтар как приз команды британской бригантины «Dei Gratia». Пока еще не было подробностей, но судно имело груз семнадцать сотен баррелей спирта и было на ходу.

Верн говорит, что, находясь в камере, мистер Фогг осторожно положил часы на стол и смотрел на их движущиеся стрелки. Верну интересно, о чем думал Фогг в это время.

Этот инцидент сам по себе любопытен. За исключением одного предыдущего случая в книге Верна, у Фогга не было часов. Он полагался на часы Паспарту. Кроме того, если бы у него были часы, как бы он впал в ту же дурацкую ошибку, которую Паспарту допустил в отношении часовых поясов? Фогг, по словам Верна, думал, что этот день был двадцать первого декабря. На самом деле это было двадцатое. Разве Фогг, который, по собственному признанию Верна, был моряком-ветераном, тот, кто был повсюду и видел все, кто был высокообразованным, не знал, что случалось, когда корабль пересек 180-й меридиан? Ни в коем случае. Верн, должно быть, знал это. Но он стремился обеспечить драматизм своему повествованию. Его нельзя обвинить в том, что он использовал этот маленькую частичку обмана. В конце концов, он получил это из публичного отчета, выпущенного самим Фоггом. Англичанину пришлось оправдываться за события, которые должны были последовать за его заключением в Ливерпуле. Его плодородное воображение обеспечивало то, что Верн хотел принять.

Так, когда Верн говорит, что Фогг написал в своем журнале в тот день:

...суббота, 21 декабря, Ливерпуль, 80-й день, 11:40...

Верн фантазирует. Действительно, Верн добавляет образную деталь, сочиняя, что Фогг заметил, что его часы забегают на два часа. Если бы он сел на экспресс в ту же минуту, он просто успел бы к без четверти девять — крайнему сроку.

Именно в это время Фиксу сообщили, что настоящий вор, Джеймс Стрэнд, арестован три дня назад. Фогг был свободен. Запинаясь, Фикс сообщил об этом Фоггу.

Смерив сыщика холодно-презрительным взглядом, Фогг сбил его с ног одним ударом кулака.

Фикс, лежа на полу, чувствовал, что он все еще не достаточно наказан. Но он, по крайней мере, имел некое утешение. Фогг, очевидно, полагал, что он был не более чем назойливым детективом.

Этот инцидент показывает, что Фикс был так же неосведомлен о реальной дате, как и Паспарту. Иначе он не полагал бы, что Фогг проиграл пари, потому что он арестовал его. Но если Фогг знал, что у него все еще было много времени, почему он побил Фикса?

Ответ очевиден.

Как Филеас Фогг, английский джентльмен, он, как могли ожидать, будет негодовать на то, чтобы быть арестованным человеком, к которому он так великодушно относился. Он должен был сыграть свою роль.

Вся команда, минус Фикс, поймала кэб и прибыла на станцию без двадцати минут три. Они опоздали к экспрессу на тридцать пять минут.

Фогг заказал специальный поезд, но не мог получить его до трех часов. Он задался вопросом, не была ли рука Немо причастна к этой задержке?

Когда поезд подогнали в три, Фогг полностью исследовал локомотив, тендер и вагон. Удовлетворенный тем, что Немо и его приспешников не обнаружилось, он дал приказ отправляться. Паровоз рванулся вперед на скорости, которая должна была принести их в Лондон через пять с половиной часов. Были, однако, неожиданные задержки.

Когда Фогг вышел из вагона на Черинг-Кросс, он отставал от графика на пять минут. И опоздал бы, если бы было двадцать первое.

Все часы Лондона били без десяти минут девять.

ГЛАВА 18

КАК УЖЕ ОТМЕЧАЛОСЬ, замечательное творение Жюля Верна по-разному комментируется различными критиками и переводчиками. Оригинальная французская версия не содержит сносок, поэтому можно предположить, что Верн думал, что многие особенности поведения Фогга объясняются тем, что он англичанин, эксцентричный по своей натуре...

Но мы не станем делать эту ошибку. Фогг знал, что где-то в Лондоне использовался дистортер. Насколько он знал, у эриданиан был только один, так что это должен быть капеллианский. Вероятно, человек из Китая использовал его, чтобы перебраться в Лондон, а это означало, что у них было по крайней мере два устройства. Или ящик с дистортером не смыло волной с «Мэри Селесты»?

Был ли он украден капеллианином, отправленным в Гибралтар именно с этой целью? Конечно, это было самое вероятное объяснение.

Покинув станцию Черинг-Кросс, Фогг приказал Паспарту закупить еду для ужина на Сэвильроу № 7 тем вечером. Фогг и Ауда пошли прямо к нему домой, чтобы отдохнуть. Было достаточно времени, чтобы выиграть ставку. Фактически, Фогг планировал войти в Реформ-клуб всего за несколько минут до того, как время истечет. Стюарт мог рассердиться из-за этой задержки, потому что у него была важная информация или приказы для Фогга. Но Фогг остро нуждался в этой ночи. Тревоги и ужасы накапливались в нем до точки разрыва. Он должен был передохнуть хотя бы немного, чтобы его психический котел не взорвался. Около шести часов терапевтического излучения нервного тока восстановит его.

По дороге, однако, он передумал насчет Стюарта. Ему придется сообщить, что он здесь. Капеллиане что-то замышляли. Лязг подтвердил это. Потворствуя себе, Фогг мог погубить своих людей, не говоря уже о себе самом.

Когда они проезжали мимо телеграфа, он приказал остановить кэб. Ему понадобилось немного времени, чтобы написать телеграмму, поскольку она состояла из одного кодового слова с

его именем в коде. Поручив клерку немедленно послать курьера, если ответ придет, он покинул офис. Кэб вскоре остановился перед его домом. Фогг не входил в него в течение нескольких минут. Фасад дома выглядел так же, как когда он покинул его. Свет от газовой лампы Паспарту сиял через узкое отверстие между жалюзи и подоконником.

Потом Фогг провел Ауду в дом. Оба держали револьверы наготове. Фогг ввез их контрабандой в Англию, добавив это преступление к пиратству в открытом море. Тщательный поиск в каждой комнате ничего не дал.

Паспарту пошел к себе. Он положил сумки в кладовую и поспешил наверх в свою комнату. Газ не выключил Фогг, который правильно подумал, что это обязанность камердинера. Паспарту протянул руку, чтобы погасить пламя, затем передумал. Зачем выключать его сейчас, когда он ему понадобится?

Он спустился вниз и вынул почту из почтового ящика. При виде счета от газовой компании, его глаза полезли на лоб. Он никогда не сможет погасить свой долг, если только не проработает восемьдесят дней, а потом еще несколько. Фогг, будучи педантом, даже если он герой, не будет оплачивать его счета.

В ту ночь Ауда тщетно пыталась уснуть в своей комнате. Фогг сидел на стуле в своей комнате и пытался обдумать происходящее. Он должен был быть таким же осторожным в своих исследованиях, как и электрик, без схемы пытающийся найти причину неисправности в запутанной массе высоковольтного оборудования. Одна ошибка, и он может быть серьезно ранен или даже убит. Время от времени дрожь пронизывала его. Его зрачки расширялись и сокращались. Его ноздри раздувались. Его уши и кожа головы дергались. Его пальцы вцепились в подлокотники кресла, как будто он рвал кожу. Пот лился градом.

Время от времени он стонал. Боль, ненависть, отвращение, презрение и ужас искажали его лицо. Он беззвучно произносил слова, которые должен был давно произнести. Иногда его тело дрожало, как будто он находился в состоянии сильного приступа. Иногда он был таким вялым, как будто недавно умер.

Рассвет наступил, пока Паспарту смотрел на дверь Фогга. Если он слышал звуки, которые казались такими, как будто Фогг причинял себе боль или даже убивал себя, он должен был торопиться. Но этого не произошло, хотя были моменты, когда он собирался ускорить события.

Вскоре после рассвета Паспарту, глядя в замочную скважину, увидел Фогга спящим в постели. Кризис закончился, по крайней мере на эту ночь. Фогг сказал французу, что для разгрузки большинства тяжелых травм потребуется как минимум три сеанса.

Француз тогда пошел в свою комнату, чтобы привести в порядок себя. Поскольку он обладал гораздо меньшим самоконтролем, чем Фогг. К тому же у француза был темперамент, который естественным образом избавлял от проблем, которые волновали Фогга. В итоге терапия Паспарту была короче и менее опасной. Через час он пошел спать.

Фогг, выглядел изможденным и бледным, встал поздно утром. К полудню он еще не обрел привычную здоровую внешность, хотя вел себя так, словно в нем все еще было много энергии. Ауда спустилась на завтрак приблизительно в двенадцать. Она также была бледна и имела мешки под глазами.

Вечером в половине восьмого жители № 7 услышали звон колокольчиков. Глядя в окна, за занавески, они увидели под газовыми прожекторами многих людей, в том числе их соседей, спешащих на Сэвильроу. Колокола стали громче, и мимо промчались два пожарных фургона, запряженных лошадьми. Колокольчики не переставали звенеть, с того момента как взрыв прогремел за окном. Паспарту, дрожа от любопытства, спросил, не может ли он покинуть дом, чтобы выяснить источник этого волнения.

— Нет, — сказал Фогг. — Кто-то может увидеть тебя и таким образом узнать, что я вернулся. Я предпочитаю держать это в секрете до последнего момента.

Паспарту подумал: маловероятно, что его кто-то узнает, поскольку все, слуги и хозяева, похоже, бросились на пожар. Они не знали, как он выглядит, и он позаботится о том, чтобы вернуться прежде, чем они вернутся в Сэвильроу. Но он не спорил. Однако он не мог удержаться, чтобы несколько

раз не заглянуть между занавесками. В тот момент, когда Фогг уже собирался отвернуться, он увидел, как «хэнсом» остановился через два дома от дома № 7. Лошадь встала, кучер приподнялся со своего сиденья и закричал на нее. Пассажир заорал на кучера. Лошадь, дрожа, сделала еще несколько шагов вперед. Кучер встал, чтобы ударить ее кнутом. Мгновение спустя лошадь внезапно рухнула, из-за чего кабина еще больше наклонилась вперед и кучер рухнул на мостовую, вылетев со своего сиденья на крыше.

Пассажир «хэнсома», должно быть, был поражен, так как не открывал дверь целую минуту. Затем он медленно выбрался на другую сторону, где склонился над кучером, лежавшим недвижно. Потом пассажир поднялся, оглянулся на пустынную улицу, а затем направился к ближайшему дому через улицу. Он опирался на тяжелую трость, слегка хромая на правую ногу. Он носил длинный тяжелый плащ. На его голове была фуражка, вероятно, офицерская. Он постучал в дверь так сильно, что Паспарту услышал стук. Не получив ответа, он повернулся и пошел неловкой, медленной трехногой походкой к следующему дому. «Должно быть, это какой-то офицер, который вернулся из Индии или из каких-то других дальних колоний из-за ранения», — подумал Паспарту. Бронзовая кожа человека с тростью указывала на долгое пребывание в тропиках.

Тем временем кучер сел, а затем снова упал. Лошадь не двигалась.

Паспарту не вышел, чтобы помочь мужчине, так как ему было запрещено выходить. Офицер, однако, отправится прямиком к дому № 7.

«Что делать? — подумал Паспарту. Бедняга на улице явно нуждался в помощи. — Ну, надо бы спросить у Фогга».

Офицер только что повернулся к дому Фогга, когда Паспарту увидел человека в форме курьера с телеграфа на противоположной стороне улицы. Мог ли он доставлять сообщение именно в дом № 7? Фогг как раз ожидал курьера. Да, он переходил улицу под углом к № 7! Это снимало затруднение Паспарту. Он получил приказ открывать дверь только курьеру. Он не мог поделать ничего с тем, что раненый офицер прибудет одновременно с курьером. Фогг не мог отказаться

оказать помощь пострадавшему. Кроме того, это выглядело бы подозрительно, если бы он так сделал.

Держась за цепочку защелки, Паспарту открыл дверь. Теперь он увидел идущего по улице трубочиста. И вниз по улице, с другой стороны, открылась дверь дома. Молодой человек, с непокрытой головой и в халате, вышел на улицу. Очевидно, он спал и только что проснулся. Взглянув, возможно, задаваясь вопросом, почему слуги ушли, он увидел упавшего человека. Это было хорошо. Паспарту мог направить к нему офицера, сообщив при этом о том, что он не имеет права покидать дом.

Офицер первым подошел к двери и обратился к французу сочным баритоном.

— Как вы видите, произошел несчастный случай. Мой кучер, похоже, сломал руку, а также получил травму головы. Я боюсь, что он выпил. Не могли бы вы сбегать к ближайшему врачу?

Теперь, когда офицер приблизился, Паспарту разглядел холодные голубые глаза под тяжелыми веками. Они, в сочетании с густыми бровями, тонким выступающим носом, тяжелыми черными усами, тяжелыми губами и сильной челюстью, объединились, образуя безжалостное, но чувственное лицо. Паспарту не доверял этому человеку, но, в конце концов, нуждался в медицинской помощи кучер, а не этот странный тип.

— В нескольких кварталах отсюда живет доктор Кабер, сэр, — сказал француз, вспомнив, что Фогг говорил ему. — Я не могу покинуть дом, но вы можете попросить вон того молодого человека. Или, возможно, курьер мог бы помочь вам?

Курьер подошел к ним на расстояние нескольких футов. Он был исключительно широкоплечим парнем с густыми усами и длинными волосами, с пробивавшейся там и сям сединой. Его красный нос безошибочно указывал на его основное занятие, когда он не был на дежурстве.

— Ах, возможно, мой мальчик! — заявил офицер, нацелив свою трость на Паспарту. Француз увидел круглое отверстие. — Но мне все равно, — сказал офицер. — И не думай даже пытаться сбежать. Это пневматическое ружье, замаскированное под трость. Оно проделает в тебе аккуратненькое отверстие. Так открой нам, пока мы не сделали это сами!

Курьер, должно быть, имел пару кусачек под плащом. Они появились в его руке и перекусили дверную цепочку. Дверь яростно толкнула Паспарту внутрь, и он отшатнулся назад. Несмотря на требование офицера молчать, Паспарту громко вскрикнул. Офицер, чудесно исцелившийся от своей хромоты, поднял пневматическое ружье и опустил его на голову Паспарту. Тот успел пригнуться, чтобы не получить удара в полную силу. Ошеломленный, он все еще имел достаточно сил, чтобы метнуться в сторону. Слуга намеревался вскочить на ноги, но обнаружил, что ноги его не слушаются. Офицер склонился над Паспарту вместе с курьером. В одно мгновение Паспарту опознал его под перекрашенными волосами и накладным носом. Немо! Паспарту попытался снова встать, но на этот раз трость обрушилась ему на голову с размаха.

Через несколько минут, согласно часам на камине, Паспарту пришел в себя. Он лежал на полу. У него болела голова. Его руки были связаны за спиной, и рот был заткнут. Единственным другим обитателем комнаты был кучер «хэнсома», исцелившийся от «перелома руки». Он был высоким, очень сутулым человеком лет сорока. Он был похож на Немо, но ему не хватало широко расставленных глаз. К тому же глаза и кожа его были намного темнее. В одной руке он держал своеобразное оружие. Паспарту подумал, что это, должно быть, пневматический пистолет. Тот был достаточно мал, чтобы быть скрытым под плащом.

Минуты проходили вместе с пульсацией в головой, а стрелки часов двигались вперед. Минут через десять Паспарту услышал шаги на лестнице. Он не без боли повернул голову, чтобы увидеть, кто идет. Он был в шоке. Это был незнакомец. Сколько чужаков вторглось в дом, пока он лежал без сознания?

Незнакомец также был вооружен пневматическим пистолетом. Он был высоким и выглядел так, словно ему было за сорок. У него были смелые орлиные черты лица, на котором застыло высокомерное и хищное выражение. Его своеобразные желто-зеленые глаза и острый профиль делали его похожим на голодного орла-рыболова.

— Они все еще заперты в его комнате, — сказал он. — Немо говорит, что не надо спешите их брать. Мы хотим, чтобы было как можно меньше шума. Люди начинают возвращаться с пожара. Моран начеку с пневматической винтовкой. Если они попытаются выбраться из окна третьего этажа, он их подстрелит.

Другой негодяй нахмурился и поинтересовался:

— А почему бы нам просто не взломать дверь? Несколько выстрелов ничьего внимания не привлекут. За пределами комнаты пневматику никто и не услышит. Но если Фогг выстрелит в окно, звук разнесется на большое расстояние.

— Твой брат говорит нет. Слишком много людей на улице. Очевидно, мы не смогли организовать им достаточно грандиозное зрелище. — Он резко рассмеялся и добавил: — Надо было поджечь весь квартал.

— Немо знает, что делает, — отрезал высокий темный человек. Он посмотрел на Паспарту. — Пока они прячутся, мы можем поработать над этой лягушкой. Ты должен наслаждаться этим. У тебя было много практики.

— Отлично! — сказал человек с желто-зелеными глазами. — Но что помешает двум другим убить себя?

— Ничего. Но именно этого и хочет Немо. Вы задаете слишком много вопросов, приятель.

Другой выглядел так, как будто ему это не нравилось. Хотя он не вел себя как военный, он излучал ауру главокомандующего в отставке, желающего покомандовать снова.

— Кроме того, — добавил он, — откуда мы знаем, что у Фогга нет секретных путей эвакуации?

— Предполагаю, что дом был осмотрен, пока Фогга не было, — сказал высокий темный чужак. — Почему бы тебе не спросить Немо?

— Нас всегда оставляют в неведении, — сказал человек с хищным лицом.

Высокий темный мужчина пожал плечами и подошел к Паспарту. Он посмотрел на пленника.

— Интересно, знает ли он что-нибудь, чего мы не знаем?

— Код?

— Он изменился с тех пор, как Фогг начал свою поездку, и теперь мы знаем старый. Но я уверен, что у него найдутся некоторые интересные для нас сведенья.

— Нам придется держать его с кляпом во рту, потому что мы не хотим, чтобы соседи услышали его крики. Поэтому мы оставим правую руку нетронутой. Он должен быть в состоянии писать.

— Что, если он использует левую руку, чтобы писать?

— Мы узнаем.

Высокий темный человек сказал:

— Прежде чем начнется развлечение, я должен оживить лошадь и убрать кэб с дороги. Удивительно, что никто не заметил лошадь. Где кухня? Ведомый должен это сделать.

Он оставил комнату и человека с желто-зелеными глазами. Тот казался раздраженным.

«Ревность», — подумал Паспарту. Он ревновал к власти Немо. Если бы только он мог использовать это! Но на это надежды не было. И он не мог говорить.

Знакомый голос раздался с верхней лестничной площадки. Человек с желто-зелеными глазами поднялся.

— Да?

— Что, Венделер?

— Да, сэр.

— Пусть полковник немного подождет. У меня есть другая идея.

— Да, сэр.

Венделер? Где он уже слышал это имя раньше?

Раздались шаги полковника, и он вошел, держа в руках большое ведро, из которого переливалась через край вода.

— Этого должно быть достаточно, чтобы животина снова встала на ноги, — сказал он, посмеиваясь. — Мы должны поблагодарить Морана за то, что он открыл этот редкий восточный препарат. Одна таблетка, и скотина падает, казалось бы, мертвой в точно рассчитанный момент. Одна емкость с водой, и она реанимируется через минуту.

— Я знаю, — сказал Венделер.

Теперь Паспарту вспомнил, где он раньше слышал имя Венделера. Должно быть, тот был печально известным англичанином, чей поединок с герцогом Валь д'Оржем, одним

из лучших фетовальщиков мира, был прославлен во всех французских газетах. Герцог потерял руку во время поединка и жену, после того как она сбежала с Венделером. Несколько лет спустя Венделер на короткое время стал диктатором Парагвая. В конце концов он был вынужден бежать из-за восстания, вызванного его злодеяниями. Герцогиня умерла во время бегства, как говорили некоторые — при обстоятельствах, к которым был причастен Венделер. Также было известно, что он служил британскому правительству во время индийского мятежа, но его подвиги были таковы, что правительство не осмеливалось признать их. Поговаривали, что он никогда не проигрывал поединка с кем-либо, кроме одного, со столь же пресловутым капитаном Ричардом Фрэнсисом Бертоном. Однако поклонники Вандельера утверждали, что правительство вмешалось, потому что тогда Вандлер занимался деликатной и чрезвычайно важной задачей по извлечению драгоценностей баронета, сэра Сэмюэля Леви. Дуэль возобновлялась всякий раз, когда Венделеру и Бертону приходилось встречаться снова, что было маловероятно, так как оба редко бывали в Англии.

Паспарту вздрогнул. С такими людьми, в плену, какой мог быть шанс?

Венделер сказал:

— Твой брат хочет видеть тебя, полковник.

Высокий темный мужчина поставил ведро и поднялся по лестнице:

— Поднять?

— Нет, — покачал головой Немо. — Не забывайте держаться подальше от лошади, когда она оживает. От наркотика зверь иногда впадает в безумие. Держите голову минуту, не попадаясь под копыта, и она успокоится.

— Я не забыл, — заверил полковник. — Я не зеленый новобранец.

— Кроме того, — продолжал Немо, — я хочу, чтобы ты передал сообщение Нессе I. Скажи ему, чтобы он слушал наши сигналы. Мы можем использовать дистортер. У полиции или соседей слишком много любопытства. Эти свиньи из Реформ-клуба могут послать кого-нибудь, чтобы удостовериться, что Фогг по крайней мере вернулся домой, даже если его

там не будет. А коллеги Фогга могут попытаться спасти его. Он наверняка уведомил их, что вернулся.

— Почему ты не подумал об этом до того, как мы пришли сюда? — угрюмо вздохнул полковник.

— Потому что, мой дорогой брат, я ожидал одолеть этих эриданиан сразу. Я не знал, насколько неуместна моя помощь.

— Вы были с нами... — начал полковник.

— Да, и я должен был сам общаться с французом. Он и пикнуть б не успел, а не то что крикнуть, и у нас сейчас не было бы проблем с Фоггом и женщиной. И молись, брат, пока я говорю тебе, что еще ты должен сделать.

— Хорошо, — пробормотал полковник.

— После того как доставите мое сообщение, оставайтесь у Нессе I. Мы не хотим, чтобы слишком многие тут шастали. Помните, Фогг — знаменитый человек, и если бы мы не отвлекли пожаром его соседей, о нас уже знал бы весь Лондон.

— Я буду скучать... Разве Венделер не может пойти вместо меня?

— Должен ли я повторить все сначала? — поинтересовался Немо раздраженным тоном. — Вы одеты как кэбмен. Что, если кто-то увидит, как джентльмен отъезжает на «хэнсоме»?

— Хорошо, — неохотно согласился полковник. Он повернулся и пошел к ведру.

Голос Немо прозвучал резко.

— Не могли бы вы подождать, пока я не закончу? Вы возьмете с собой один дистортер. У Нессе нет ни одного, и я думаю, было бы лучше, чтобы нас отправили туда, чем в другое место, которое находится слишком близко к сердцу Лондона.

— Который дистортер? — спросил полковник. — Паспарту или тот, который вы сделали?

«Тот, который вы сделали!»

Эти слова взрывом прогремели в голове Паспарту. Значит, именно поэтому Немо остался в Сан-Франциско! И это его прибытие через дистортер прозвучало как одновременный бой часов по всему Лондону. Это была действительно печальная новость! Немо мог делать дистортеры! Но как ему удалось достичь того, чему эриданиан

и капеллиан пытались научиться без успеха в течение двухсот лет? Первоначально Древние принесли с собой несколько дистортеров, которые все еще используются, но застрявшим на Земле не хватало знаний, чтобы создавать новые. И их желание разобрать некоторые на части для изучения было невыполнимо, потому что приводило только к взрыву...

Дистортер, который доставлял Хед! Он был недавно изготовлен? Выбрал ли он путешествие в качестве простого кока-стюарда на небольшом торговом парусном судне, чтобы избежать эриданиан, обыскивающих лайнеры?

Он сделал это, потому что предводитель эриданиан знал, что он приезжает в Европу с дистортером?

Откуда Немо получил знания, чтобы сделать новый дистортер? Конечно, из схем. Где он их взял? У Хеда ? Но Фогг осмотрел одежду и тело Хеда, а Немо осмотрели и Паспарту, и Фогг. Тем не менее он воспользовался ими, после возвращения на «Генерал Грант».

Не мог ли Немо успеть прибрать к рукам схемы во время обыска «Марии Селесты»?

Только когда он был рядом с Хедом после того, как его обыскали, и помогал Фоггу выбросить труп за борт.

Каким-то образом он получил схемы. И он сделал два новых прибора в Сан-Франциско, пока группа Фогга путешествовала на восток. Один из новых дистортеров должен был остаться там. Когда Немо был передан в Лондон, он привез с собой еще один дистортер, несомненно, с помощью устройства, доставленного в Лондон человеком из Китая.

И он принес новый дистортер с собой в дом Фогга на тот случай, если он не сможет достать прибор Паспарту.

Полковник поднялся по ступенькам и через минуту вернулся. Он вышел из дома с сильным хлопком двери. Немо воскликнул:

— Дурак! Он никогда не ходит спокойно!

Венделер встал, чтобы посмотреть в окно. Он вскрикнул и задернул шторы. Затем он сказал:

— Идиот!

Он повернулся и побежал к подножию лестницы и крикнул:

— У твоего брата проблемы!

Паспарту услышал тяжелые шаги Немо, когда тот побежал в комнату с видом на улицу. Мгновение спустя его ботинки застучали по полу, когда он вернулся, и на ступеньках, когда он спускался. Он подошел к шторам, грубо отодвинул Вандельера и выглянул наружу.

Он выругался и сказал:

— Я говорил ему! Он должен был держать свою тушу подальше!

Немо снова выругался, подбежал к двери, открыл ее и снова закрыл.

Паспарту услышал пронзительный визг, стук копыт и крик. Крики по улице пришли слабо.

Вандельер выругался также.

— Скотина сбила его с ног, и потоптала! — Он повернулся к Немо. — Что же нам теперь делать?

Немо прорычал:

— Дурак! Он заплатит за это!

— Больше чем дурак, — вздохнул Венделер. — Он без сознания, этот надутый мешок навоза!

— То, как он стал полковником, понятно, только если вы знаете общий уровень интеллекта офицеров ее величества, — сказал Немо. — Но как я мог быть ему братом, объясняется только тем, что у нас были разные матери!

— Я этого не знал, — пробормотал Венделер. — Это объясняет, почему вашего брата тоже зовут Джеймс.

— И очень много путаницы, которая уже в печенках сидит! — провочал Немо. — Он будет настаивать на том, чтобы называть его своим отцом, даже если мой отец возражает! — Выражение его лица стало еще жестче, когда он добавил: — Но этого не случится ни здесь, ни там.

Он вернулся наверх по лестнице. Предположительно, он собирался уведомить того, кто стоял у двери спальни Фогга, о ситуации.

Паспарту застонал. Если бы только мистер Фогг и Ауда знали об этом, они могли бы бежать. С одним человеком у двери они могли бы справиться.

ГЛАВА 19

АУДА БЫЛА В своей комнате и гадала, предложит ли Филеас Фогг ей выйти за него замуж.

Но если ее вызовут на другую миссию, она никогда больше не увидит Фогга. Если он не попросит ее руки и сердца в ближайшее время, он может не получить шанса, даже если он захотел бы. Возможно, он колебался только потому, что она была парси. Тем не менее она могла бы сойти за европейку, и их дети выглядели бы еще более европейцами, чем она.

Но она сомневалась, что ее восточное происхождение имеет какое-либо отношение к его неспособности сказать. Разве заботило Фогга мнение других? Нет, его трудность заключалась в том, что он не мог выразить свои самые глубокие чувства. У него был слишком развит самоконтроль, что означало, что во многих отношениях он не мог проявить свою истинную сущность.

Фогг в своей комнате думал о том, чтобы просить Ауду выйти за него замуж. Но какую жизнь он мог ей предложить? Это правда, что, как только они заведут детей, она будет освобождена от миссий. И все же она не знала бы спокойствия. Он будет отсутствовать в течение долгих периодов, в большинстве случаев в опасности, и можно ожидать, что его убьют в любое время. Более того, если капеллиане узнают, где она живет, они убьют ее и, возможно, детей.

В этот момент Фогг и Ауда услышали крик Паспарту.

Фогг выбежал в зал с револьвером в руке. Через несколько секунд Ауда вышла из своей комнаты. Она держала в руках шестизарядный Кольт.

Фогг жестом приказал ей отойти в другой конец зала, чтобы она могла контролировать лестницу для слуг. Сам он поспешил на площадку большой центральной лестницы. Когда он это сделал, он услышал, как по лестнице грохочут шаги. Он успел как раз вовремя. Трое мужчин бежали по лестнице со второго этажа, и все были вооружены оружием, которое он мгновенно узнал как пневматические пистолеты. Он также узнал двух мужчин. Одним из них был сосед, развратный

молодой баронет, сэр Гектор Осбалдистоун. Другим был Немо. Он оторвал маску для глаз, которая наполовину ослепила его, картонный нос и накладные усы.

Выстрелы Фогга и Немо прозвучали почти одновременно, и оба промахнулись. Трое мужчин отступили вниз по лестнице.

За его спиной раздался выстрел. Он обернулся и увидел дымок, струящийся из пистолета Ауды, а затем увидел, как Ауда отшатнулась, ударилась о стену. Она соскользнула по стене, уронила пистолет и сжала правое плечо. Кровь текла между пальцев ее левой руки.

Фогг, крича: «Ауда, Ауда», помчался по коридору к ней. Она была бледна, и ее глаза выглядели странно, но она смогла пробормотать:

— Пуля только задела меня.

Он убрал ее руку и увидел, что она сделала больше, чем просто царапнула кожу. Пуля скользнула по верхней части ее правой груди, но вошла в ее плоть чуть ниже ключицы. Казалось, она прошла насквозь не задев плечевой кости, хотя Фогг не был уверен. У Ауды было обильное кровотечение из обеих ран, и вскоре она была бы в глубоком шоке или даже умерла бы, если бы кровотечение не прекратилось.

Но если он позаботится о ней, лестница останется открытой для врага.

Она не могла продолжать занимать свой пост здесь, а он не мог защищать обе лестницы. Оставалось сделать только одно.

Фогг поднял Ауду и провел по коридору в свою спальню. Кровь оставляла след на полу. Опять же, это было некстати.

В спальне он положил ее на кровать и запер дверь. Из аптечки в ванной он добыл перевязочные материалы и бинты, которые использовал в лихорадочной спешке. На этот раз он не был безмятежным.

Ауда уставился на него и пробормотала что-то. Он сказал:

— Тссс, дорогая! — и слегка прикоснулся пальцем к ее губам.

Через несколько минут он завершил перевязку. Румянец, казалось, возвращался, хотя Фогг не был уверен, что его надежды не обманывали его глаза. Он начал двигать тяжелое

бюро к двери, когда услышал, как хлопнула дверь в коридоре. Теперь они были на этаже и, хотя у них был след крови, все равно обыскивали другие комнаты.

Дверная ручка повернулась. Он выстрелил из револьвера в точку чуть выше ручки. Если он и попал, он ничего не услышал.

Через мгновение голос Немо донесся до него?

— Ты наш, Фогг. В саду человек с пневматической винтовкой. Он обязательно пристелит тебя, если ты даже просто покажешься у окна. Он — лучший стрелок на Востоке и, возможно, на Западе тоже. У нас есть француз и его дистортер, и мы можем свалить отсюда в любое время.

— Не без потерь, — спокойно проговорил Фогг.

Немо сказал что-то, что Фогг не расслышал. Зазвучали тяжелые шаги, человек ушел. Фогг подтолкнул бюро к двери, но решил не приставлять его к двери вплотную. Он оставлял его на расстоянии нескольких футов и поставил горящие керосиновые лампы сверху и снизу. Если враги попытаются штурмовать, он выстрелит в обе лампы. Парафиновое масло (американцы называют его керосином) может стать непроницаемым барьером, может даже выплеснуться на захватчиков и поджечь их. Опасным недостатком этого варианта было то, что ему и Ауде пришлось бы выйти из комнаты, если они не собирались сгореть заживо. Ауда может быть неспособна выбраться сама, и в этом случае ему придется опустить ее на веревке, сделанной из простыней. Это делало их обоих легкими мишенями для стрелка в саду.

Об этом нужно будет позаботиться, когда это потребуется. Фогг выбросил бы свою последнюю лампу и надеялся, что ее пламя осветит сад настолько, что он сможет увидеть стрелка. Кроме того, огонь может быть замечен соседями, и, как он надеялся, сигнал тревоги заставит капеллиан бежать. Конечно, уже теперь он мог бы выстрелить в окно и попытаться привлечь внимание соседей. Но он слышал пожарные фургоны и взрыв и понял, что взрыв был уловкой, чтобы отвлечь на время его соседей.

Он поставил третью лампу, которая еще не горела, у окна, выглянул между занавесками и отвернулся. Небо

было пасмурным. Сад тонул в непроглядной темноте. Если бы там был снег, он мог бы лучше видеть.

Выключив газовый свет, он принес бренди Ауде и поднял ее голову, чтобы она могла выпить. Немного крови вытекло из-под ее повязки, но кровотечение, казалось, прекратилось.

— Вы слышали наш разговор? — прошептал он.

— Да, — сказала она.

— У него не так много времени, чтобы делать то, что он собирается делать, — сказал он. — И соседи наверняка скоро вернутся. По крайней мере, некоторые из слуг должны будут вернуться. Они не захотят воспользоваться возможностью вызвать недовольство своих хозяев, оставаясь слишком долго. И наш предводитель обязательно ответит на мою телеграмму. Возможно, даже сейчас дом находится под наблюдением наших людей !

— Я верю, что вы нас спасете, — тихо прошептала Ауда.

— Так или иначе, — согласился мистер Фогг.

— Я слышала, вы зовете меня Ауда, дорогой?

— Ты не ошиблась, — подтвердил он.

— Это будет означать?..

— Если...

Она слегка улыбнулась, и ее глаза стали ярче.

— Я ждала, когда ты это скажешь, — сказала она. — А потом...

— А потом...?

— А потом поцелуешь меня.

Фогг наклонился и поцеловал ее. Выпрямившись, он сказал:

— Я не осмеливаюсь давить, Ауда, потому что ты не в состоянии получить что-либо, кроме нежного ухода. Но ты выйдешь за меня замуж?

— Если бы у нас под рукой был священник, я бы сделала это немедленно, — ответила она...

Тем временем Паспарту наблюдал, как Немо и Венделер наблюдали за происходящим на улице. Согласно их комментариям, которые часто перемежались бранью, тяжелое положение полковника привлекло внимание множества людей, возвращающихся с пожара. Судя по возгласам Вендлера, первым, кто добрался до полковника, был уличный мальчишка, оборваный и грязный.

— Он не помогает ему! Он грабит его! — простонал Венделер.

— Что? — заорал Немо, и он еще немного открыл шторы.

— Он прихватил дистортер! Он убегает с кошельком и часами!

Венделер повернулся к своему начальнику за приказами и увидел, что тот не в состоянии отдать их. Немо охватил приступ дрожи.

Вандельер вскричал:

— Клянусь Богом, ты не способен командовать нами!

Он начал открывать дверь, но Немо огромным усилием воли преодолел дрожь. Он прыгнул вперед и ударил Венделера по затылку стволом пневматического пистолета. Венделер обмяк. Немо закрыл дверь.

Хотя его тело перестало дрожать, голова Немо все еще кружилась. И когда он выплюнул свои обвинения в лицо Венделеру, он, как казалось Паспарту, еще больше напоминал гигантскую змею.

— Ты думал, что сможешь сместить меня? Как ты думаешь, что произойдет, когда вы выскочите из дома, предположительно необитаемого? И ты еще думаешь, я не в состоянии командовать?

Венделер не ответил. Немо сильно ударил его по ребрам и зарычал:

— Вставай!

Тот застонал, но не приложил усилия, чтобы подняться.

Немо положил ладони на дверь и на мгновение прислонился к ней. Когда он оттолкнулся через мгновение, его дрожь прошла... Чтобы тут же вернуться с новой силой!

Паспарту с ловкостью акробата поднялся на ноги, хотя его лодыжки были связаны вместе. Он пересек комнату в серии очень маленьких прыжков. Любой небольшой шум, который он мог издать, был заглушен воплями двух капеллиан. Когда он увидел, как Немо побежал к нему, он низко присел, прыгнул высоко в воздух и ударил противника обеими ногами.

Каблуки его ботинок попали Немо в челюсть. Немо врезался в дверь и рухнул на пол. Паспарту тяжело упал на спину, он ушиб руки, связанные за спиной, и потерял дыхание.

На мгновение он скорчился в муках. Венделер снова застонал и перевернулся на бок. Немо, сидевший одной стороной у двери с головой на груди, казался без сознания.

Паспарту, чье дыхание восстановилось, поднялся рывком на колени. Другим рывком он поднялся на ноги.

Венделеру удалось оказаться на четвереньках. Он покачал головой, что, должно быть, повредило его раненую шею, потому что он застонал.

Раздался легкий треск, когда француз разорвал путы, стягивающие его руки. Он поднял их над головой и теперь держал руки перед собой. Если бы Немо удалось увидеть его, он бы понял, как трем эриданам удалось освободиться от своих пут в каюте «Генерала Гранта»,

Именно в этот момент кто-то постучал во входную дверь, и Паспарту услышал голос в какой-то комнате в задней части дома.

Паспарту отчаянно шарил в одежде Немо, ища нож. Стук в дверь продолжался, и теперь Паспарту узнал голос Морана. Он спрашивал, почему никто не принес обещанный горячий кофе и бренди? Пост или не пост, но он замерз! Его руки настолько окоченели, что он даже не может правильно обращаться с пневматическим пистолетом.

Паспарту вытащил нож из сапога Немо и перерезал веревки, связывающие его лодыжки. Шаги Морана стали громче; он как раз собирался войти в комнату.

Венделер вскочил на ноги и дернулся к французу. Паспарту повернулся и ударил его по лицу, ослепив его на левый глаз. Вандлер закричал и отшатнулся, держась рукой за рану. Кровь растеклась между его пальцами и потекла по шее.

Все еще держа нож, Паспарту побежал по комнате и помчался по ступенькам. Как раз в шести шагах от первой площадки он услышал крик позади и внизу. Он проскочил шесть ступенек и нырнул вперед, скользнул, остановился, повернулся и увидел дыру в потолке, след пули из пневматической винтовки капитана. Он поднялся на ноги и помчался по коридору. В дальнем конце была лестница, используемая слугами. Если он сможет добраться до нее и спустится, он может сбежать из дома. Но это был долгий путь, и Моран не

отставал от него. Если он поймает его, пока он еще находится в зале, он, вероятно, не пропустит.

Паспарту оглянулся. Капитан остановился в нескольких шагах от конца зала и приложил оружие к плечу. Паспарту упал набок, откатился от двери. Дверь напротив была частично открыта, предлагая возможность, которую француз не мог упустить. Он нырнул туда. Потом быстро встал и запер дверь. Воткнул рукоять ножа между зубами и распилил веревку вокруг запястий. Ручка гремела; дверь рухнула, когда Моран обрушился на нее всем телом. Паспарту разрезал последние волокна и встал, освободив руки.

Голос Морана гремел. Кто-то крикнул в ответ. Очевидно, Моран приказал охранять дверь, пока он не вернется в сад. Паспарту быстро отодвинул шторы и открыл окно. Он мог спрыгнуть и броситься бежать через сад. Но Моран выйдет почти так же быстро, и у него будет слишком много времени, чтобы прицелиться, пока Паспарту попытался взобраться на стену высотой восемь футов. Нет, это был не вариант.

Паспарту выругался. Он надеялся пройти через дверь, от которой откатился, и получить доступ к окну на улицу. Там он мог кричать людям на улице или даже выпрыгнуть в окно. Но теперь он оказался в той же ситуации, что и Фогг и Ауда.

Немо, придя в себя, может и не свалиться с новым приступом. Можно с уверенностью предположить, что у него болят челюсть, голова и бока, что он бредит и угрожает ужасными наказаниями...

НЕМО ОБРАТИЛ ВНИМАНИЕ на стук в дверь. Он приоткрыл ее. В свете ближайшего газового фонаря он увидел Фикса. Фикс был одет в форму посыльного.

Позади него двое мужчин несли неподвижное тело полковника на носилках. Во главе их стоял мужчина с кожаной сумкой. Несомненно, это был доктор Кабер, который жил около Фогга. Он притащил полковника сюда, чтобы дождаться кареты скорой помощи.

— Уходи! — прошипел Немо сказал сквозь щель. — Уходи, дурак! Ситуация изменилась!

— Какая ситуация? — спросил Фикс, а затем нерешительно сказал: — Но вы должны прочитать эту телеграмму!

Немо увидел, что все в толпе повернулись, чтобы посмотреть, как уносят полковника. Он открыл дверь, протянул руку, схватил Фикса за пуховик и втянул его внутрь. Он закрыл дверь и сказал:

— Я должен, я?

— Да, — сказал Фикс. Он с любопытством огляделся в свете, исходящем от единственной газовой лампы. — Что произошло?

— Не важно, — отмахнулся Немо. Он вырвал конверт из рук Фикса. Тот был открыт, так что, очевидно, Фикс его прочитал.

— Как вы и сказали мне, сэр, — начал Фикс, — я остановил настоящего посыльного и показал ему удостоверение детектива. Я сказал ему, что мне нужна телеграмма, потому что это были доказательства по уголовному делу. Я дал ему два шиллинга, чтобы обеспечить сотрудничество, затем прочитал сообщение и поспешил сюда как можно быстрее.

— Молчи! — прошипел Немо. Он подошел к газовой лампе и прочитал телеграмму в первый раз и громко во второй раз. Было очевидно, что ему не нравилось то, что он читал.

ВЫПУСТИТЕ ТРОИХ К 8:30, И МОЖЕТЕ УХОДИТЬ. МЫ НЕ НУЖДАЕМСЯ. ДРЕВНЕГО БОЛЬШЕ НЕТ. ПОЗДРАВЛЕНИЯ. ТЫ СЕЙЧАС ГЛАВНЫЙ. РАССМОТРЕТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ. ГЛАВНЫЙ ЭРИД

Фикс засунул руки в карманы, чтобы скрыть дрожь. Он сказал:

— Что все это значит?

— Все очевидно, — презрительно сказал Немо. — Им удалось найти Нессе I, когда я прибыл, из-за шума, издаваемого дистортером. Им потребовалось некоторое время, поэтому я ушел, прежде чем они его нашли. Они убили нашего шефа, последнего...

Он сделал паузу, думая о влиянии на их мораль, если бы они знали, что последний из древних капеллиан был мертв. Он опоздал. Остальные поняли, что он имел в виду.

— Древний мертв! — пробормотал Фикс, почти плача.

— Возможно, — прошептал Немо. — Эриданиане могут лгать, вы знаете, и, вероятно, лгут. Но он не лжет о своем знании ситуации здесь. Таким образом, он дает нам время до восьми тридцати, чтобы освободить Фогга, француза и Джеджибхой целыми и невредимыми. Если мы этого не сделаем, нас, вероятно, уничтожат, независимо от того, сколько землян привлечет битва...

Фикс начал приподнимать занавеску, как будто он хотел посмотреть на улицу.

Немо сказал:

— Смотри! Они где-то там.

Он задумался на мгновение, мягко потирая челюсть, на которой появилась опухоль.

— Верни Осбалдистоуна и Венделера.

— И что насчет?..

— Других? Они не будут знать, что их оставили без поддержки. Они не откроют дверь из-за страха, что получат пулю в лоб. Я хочу, чтобы все знали о новой ситуацией. Морану можно сказать позже; если они увидят, что он возвращается в дом, они могут попытаться уйти через окна. Торопись!

Фикс поднялся наверх и незаметно отозвал Венделера и Осбалдистоуна с их постов. По пути со второго этажа он прошептал им новость. Вандельер ничего не сказал. Баронет осел.

— Последний из Древних мертв, — пробормотал он. — Что же нам теперь делать?

— Немо говорит, что эриданиан могут лгать об этом — сказал Фикс. — Но я сомневаюсь в этом. Должно быть, они взяли Нессе I. Но Немо теперь наш предводитель.

Немо подтвердил все, что сказал Фикс.

— Но не думайте, что эриданиане имеют какое-либо преимущество перед нами, потому что у них все еще может быть Древний, который будет их возглавлять. Насколько мы знаем, Древних у них их тоже нет. Даже если так, что с того? Древние были не более разумными, чем мы. На самом деле, сама их чуждость мешала нам. Нужно, чтобы настоящий человек знал, как бороться с людьми, и теперь у нас, капеллиан, есть настоящий вождь, чтобы вести нас к победе! Теперь

мы можем вести нашу войну, когда пожелаем, и с более реалистичной целью.

Фикс задавался вопросом, что имел в виду Немо под «более реалистичной целью».

Намерен ли он отказаться от великого плана, использовать расу только для личной выгоды, главным образом для своей собственной личной выгоды?

Осбалдистоун сказал:

— Но как насчет обмена кровью? Больше нет Крови Звезд, чтобы смешаться в наших венах на церемониях зрелости.

— И что? — ехидно усмехнулся Немо. — Сама кровь не имеет ценности. Ее единственное значение является символическим. Отныне кровь человеческого вождя будет использоваться в церемониях. Капеллианизм — это идеал; его цель — завоевание Земли на благо землян. Земляне должны быть спасены от самих себя.

— Но при том, как идут дела, эриданиан могут победить!

— Эти слова близки к измене, — фыркнул Немо. — Это правда, что конец близок, поскольку и мы, и враг, вероятно, насчитываем не более чем по сто человек. Но у меня есть план. Мы проведем кампанию, такую, которую не смогли начать Древние, ибо были слишком негибкими, слишком неразумными. Мы сконцентрируемся, привлечем наших людей, которые разбросаны по всему земному шару, реорганизуем и начнем охоту, которая не прекратится, пока мы не выбьем каждого эриданеанина на Земле и не убьем его. А также...

— Только сто человек! — прошептал Фикс.

Немо выглядел так, словно понял, что сболтнул лишнее. Затем сказал:

— Достаточно будущего. Настоящее — вот что важно, а пока мы должны отступить. Враг выиграл в этом раунде, но победа будет за нами!

Он вынул часы Паспарту из кармана пальто и открыл крышку.

— Мы отступим, но только после того, как Фогг и компания будут ликвидированы, — сказал он. — Затем мы используем дистортер, чтобы добраться до Нессе II. Вендельер, принесите ленту для ...

Он остановился с открытым ртом. Сначала он побледнел. Затем покраснел.

— Это не часы француза! Это не дистортер! Это просто часы, вот и все, просто часы! — простонал он.

Фикс онемел.

Венделер спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что эти свиньи обманули нас! Это Фогг! Должно быть, он взял дистортер и отдал французу часы, чтобы мы могли подумать... он... он... У Фогга... часы с дистортером!

— Тогда мы в ловушке! — вздохнул Фикс. — Мы не можем выбраться!

— Нет, клянусь всеми фуриями! Мы получим дистортер Фогга!

— Сэр, — сказал Фикс, — почему бы нам просто не принять их условия и спокойно не уйти?

Фикс, полуоглушенный, упал на пол. Он попытался подняться, но, увидев, что Немо собирается ударить его снова, решил остаться там, где был.

— Как вы думаете, они сдержат свое слово больше, чем мы?

Он отвернулся, и Фикс решил, что встать безопасно. Ему было страшно говорить, но он чувствовал, что должен. Их спасение зависело от этого.

— Сэр, — сказал он, — если бы Фогг дал слово, мы были бы в безопасности. Он всегда верен своему слову.

Немо повернулся к детективу.

— Что, эриданнинское слово хорошо?

— Эриданиан или нет, Фогг не предаст нас, потому что тогда он предаст себя, — сказал Фикс. — Я хорошо знаю этого человека.

— Возможно, ты слишком хорошо его знаешь! Возможно, он соблазнил тебя, чтобы превратить в предателя?

— Именно это я и хотел сказать, — тявкнул Венделер.

Фикс дрожал, но все же сказал:

— Совсем нет. Знаю, что Фогг, кем бы он ни был, является настоящим человеком. Он не нарушит свою клятву, даже если даст ее нам.

— Даже нам! — сказал Немо. — Что ты имеешь в виду под этим?

Он швырнул часы в камин с такой яростью, что все содрогнулись.

— Фикс, у меня были сомнения относительно вас в течение долгого времени. Есть только один способ убедить меня, что вы не предатель; только один способ избежать смерти в качестве предателя.

— Да, сэр, — сказал Фикс. Он пытался удержать лицо от подергивания.

— Мы должны получить этот дистортер, и получить быстро. Нет времени на тонкости; мы должны штурмовать комнату Фогга. Ты приведешь нас к нему.

«И умру», — подумал Фикс. Фогг не промахнется по первому человеку, который ворвется в комнату. Фикс был жертвой, и Немо, по сути, казнил его. И почему? Потому что Немо считал Фикса предателем.

— Ну, Фикс? — угрожающе процедил Немо.

— Если это так, то это мой долг, — объявил Фикс.

— Это твой долг.

— Обещаете, что о моей семье позаботятся?

— О семье предателя?.. — хихикнул Венделер, но Немо прервал его:

— Заткнись!

— Я не предатель, — возразил Фикс.

Голос Немо стал мягче.

— Венделер слишком горяч. Мы все обеспокоены, но сейчас не время паниковать. Да, Фикс, я обещаю тебе, что если с тобой что-то случится, твоей семье не придется страдать.

«И что это значит? Что их убьют быстро?» — подумал Фикс.

— Сначала мы возьмем французишку, — распоряжался Немо. — Сэр Гектор, вернитесь на свой пост у двери Фогга. Маловероятно, что он услышит, как мы нападаем на француза, но если он это сделает, он может сделать вывод, что нас не может быть много у его двери, и может попытаться вырваться. Направляйтесь вдоль стены, чтобы, если он выбежал, вы получили первый выстрел.

Осбалдистоун остался. Немо сказал:

— Венделер, у тебя будет шанс отомстить за рану, которую тебе причинил француз. Ты будешь руководить атакой.

— Отлично! Но я бы хотел порезать его лицо, прежде чем он умрет.

— У нас нет на это времени, — отмахнулся Немо. — Его нужно убить немедленно и как можно тише.

Теперь, какими бы ни были наши потери, мы должны войти в комнату Фогга и покончить с ним немедленно. Этот след крови указывает на то, что женщина была тяжело ранена. Она либо мертва, либо слишком слаба, чтобы помочь Фоггу, и это тоже хорошо, потому что она отличный стрелок. Фогг должен быть убит сразу, иначе он может активировать дистортер и, таким образом, взорвать себя и, возможно, всех нас, чтобы пришло Царствие Эриданианское. Я не думаю, что он сделает так, кроме как в крайнем случае, поэтому мы должны видеть, что у него нет времени для последнего средства.

Я предполагаю, что он поставил какую-то мебель перед дверью в качестве баррикады. Мы снимем двери с петель. По моему сигналу, Венделер вышибает дверной замок. Я и Осбалдистоун снимаем дверь. Ты, Фикс, прыгнешь в зал и нырнешь через баррикаду. В комнате Фогга будет темно, но мы заранее выключим свет в коридоре, чтобы наши глаза могли приспособиться к недостатку света. Это также будет мешать Фоггу ясно видеть. Когда вы пройдете через баррикаду, Фикс, стреляйте один раз, чтобы привлечь его огонь. Тогда беспокойтесь о том, как вы собираетесь приземлиться. Мы увидим пламя его револьвера и узнаем, куда стрелять.

Фикс знал, что не сможет преодолеть баррикаду в один прыжок. И если Фогг нагромоздил мебель до самого потолка, он превратится в живую мишень. Без сомнения, Немо и Венделер смогут выстрелить в Фогга, как только увидят его огонь. Но Фикс не сможет этого увидеть. Он будет уже мертв. И для чего? Для человека, который использовал его, не для продвижения интересов всех капеллинцев, а только для продвижения своих собственных.

Тем не менее он ничего не сказал. Слова были бы бесполезны. Он вынул свой «Уэбли» из кармана и последовал за Немо к двери, за которой ждал Паспарту. Немо использовал свой пневматический пистолет, чтобы выстрелить в замок. Фикс открыл дверь, и Венделер ворвался с пневматическим

пистолетом в одной руке и ножом в другой. В комнате было темно, но Фикс нес керосиновую лампу, которая осветила интерьер настолько, что они увидели, что в комнате нет француза. Он также не прятался в ванной или в шкафу, под кроватью или за занавесками. Окна все еще были заперты.

— Вы сказали, что он не посмеет открыть дверь и выглянуть! — прорычал Венделер.

— Он даже глупее, чем я думал, — сказал Немо. — Я дал ему слишком много информации для его куцего мозга. Фикс, беги вниз и посмотри, не снаружи ли он! Возможно, он использовал лестницу для слуг, пока мы поднимались по главной!

— Да, сэр, — сказал Фикс. — Но я так не думаю.

Он побежал, но Немо остановил его.

— Что ты имел в виду?

— Он не оставит Фогга и женщину, — сказал Фикс.

— Ты хорошо знаешь этих эриданиан, не так ли?— протянул Немо насмешливо. — Ну, беги вниз и убедись. Тогда доложи мне на третьем этаже.

Фикс вернулся через несколько минут. Он обнаружил, что другие пытаются привести в чувство ошеломленного Осбалдистоуна. Дверь в комнату Фогга была открыта.

— Ты был прав, Фикс , — сказал Немо. — Он пришел сюда, ударил Осбалдистоуна по затылку, и трое ушли... куда-то. Однако они не могли спуститься вниз. Я поднялся по главной лестнице, а Венделер поднялся по другой. Осбалдистоун только что поднялся, поэтому они не успели далеко уйти. Я сомневаюсь, что они останутся на этом этаже; они, вероятно, пошли вверх. Тем не менее Фогг такой хитрый, он может быть и в комнате на этом этаже.

«Какой-то бред!» — подумал Фикс. Немо мог бы быть великим умом, гением в математике и технике, но когда дело доходило до дел, в которых нужны молниеносные решения, а не воображение, у него ничего не получалось. Он также был слишком высокомерен, слишком эгоистичен. Он недооценил всех остальных. Возможно, он извлечет урок из этого и будет использовать свой гений более подходящим образом. Но что в этом Фиксу? Немо думал, что Фикс предатель, и он хотел видеть, как Фикс умрет.

Немо поднял Осбалдистона одной рукой и понес бесчувственное тело на площадку у главной лестницы. Он уронил баронета, который застонал, но не пришел в сознание.

Немо сказал:

— Фикс, сложите мебель, шторы и все легковоспламеняющееся на лестничной площадке и ступеньках лестницы слуг. Венделер, вы сделаете то же самое для главной лестницы. Полейте все керосином. Мы сожжем дом и вместе с ним Фогга, француза, женщину и дистортер. Огонь привлечет большую толпу, в которой мы затеряемся. Мы встретимся у Нессе III. — Потом он посмотрел на свои часы. — Четверть восьмого. У Фогга есть тридцать минут, чтобы добраться до Реформ-клуба. Он проиграет эту ставку, так как до этого уже будет в аду.

Фикс вздрогнул, представив Фогга и Паспарту и прекрасную и нежную Ауду кричащими в огне...

Им понадобилось около десяти минут, чтобы вынести деревянные столы и стулья, занавески, простыни и пуховые подушки и сложить их на ступеньках и лестничных площадках. Венделер и Немо затем начали приносить лампы, но их было недостаточно, чтобы удовлетворить Немо.

— Мы также включим газовые форсунки, — сказал он. — Но я хочу разжечь огонь, который абсолютно не позволит этим троим вырваться из ловушки. Фикс, ступайте в погреб и посмотрите, есть ли еще керосин. На обратном пути уведомите капитана о том, что мы делаем. Скажите ему, чтобы он вернулся на свой пост и дождался, пока мы уйдем, прежде чем уходить. Узнайте, есть ли у него лестница или какие-либо средства для преодоления задней стены, так как будет опасно проходить через дом, как только начнется пожар. Газ не будет включен, пока мы не уйдем, но вероятность взрыва будет высокой. Ты понял?

Фикс сказал:

— Да, сэр, — и поспешил прочь.

Он вошел в глубокий и мрачный погреб, который был не таким глубоким или мрачным, как его мысли. Через несколько минут он появился с двумя большими флягами керосина. У стены подвала было несколько стремянок, которые мог использовать Моран. В передней комнате он поставил

фляги и подошел к серванту, из которого экспроприировал полстакана бренди. Он влил спиртное в себя, закашлялся. Слезы текли по его щекам. Он поставил стакан. Затем, не такой бледный и шаткий, он пошел к задней части дома. Добравшись до главной задней двери, он выглянул в темноту. Моран казался тенью среди теней, склонившись рядом с огромной каменной урной. Фикс открыл дверь и сказал:

— Капитан, идите сюда быстрее! У меня есть сообщение для вас.

Немо снова посмотрел на часы. Вскоре джентльмены в Реформ-клуба и огромная толпа увидят, как поднимается пламя, и зададутся вопросом, чей дом горит.

Услышав шаги по лестнице, он обернулся. Через несколько секунд Фикс поднялся на кучу с большой флягой в каждой руке.

— Вылей одну туда и отнеси другую к куче Венделера, — приказал Немо. — Сначала мы подожжем там.

Поставив один из контейнеров на полу, Фикс направился к Немо. Немо отвернулся, чтобы посмотреть на Венделера, который тащил пачку штор, чтобы добавить к большой куче. Фикс сунул руку в пальто и вытащил револьвер. Он держал его за ствол.

Фогг, Ауда и Паспарту были у окна в гостиной на четвертом этаже. Газовые фонари освещали почти пустынную улицу. Четверо джентльменов стояли и разговаривали через улицу возле углового фонаря.

— Должно быть, это те люди, которых Немо разместил, чтобы перехватить нас, если мы попытаемся бежать, — заметил Фогг. — От них невозможно уйти. Как только они увидят, что мы спускаемся по веревке из простыни, они прибегут. Мы должны спрыгнуть и начать стрелять.

Ауда, сидя в кресле, сказала:

— Я все еще думаю, что должна остаться здесь. Я могу использовать только одну руку, и я недостаточно сильна, чтобы держаться за веревку.

— Чепуха, моя дорогая, — отмахнулся Фогг. — Я сказал тебе, что мы пойдем вместе и что я буду обнимать тебя одной рукой. Наши перчатки не дадут нам обжечься.

— Но...

Ауда замерла. Голос Фикса доносился из глубины холла.

— Мистер Фогг! Поверьте, это не ловушка! Я нокаутировал Немо и остальных! Я не мог позволить им сжечь вас заживо. Пожалуйста, поверьте мне, мистер Фогг, и выходите скорее!

— Это может быть уловка, чтобы выманить нас, — сказал Фогг.

— Мистер Фогг! Немо сказал, что я могу быть предателем, и я уверен, что он хотел, чтобы меня убили. И Бог знает, что он хотел сделать с моей семьей. Пожалуйста, верьте мне. У меня есть пистолет, но он в пальто, а руки в воздухе. Посмотрите сами. Но быстро!

— Это может быть правдой. Это не совсем непредвиденно, — сказал Фогг. Он подошел к двери, приоткрыл ее. Фикс медленно шел по коридору, высоко подняв руки.

Фогг открыл дверь еще немного, высунул ствол револьвера и сказал:

— Входите, мистер Фикс.

Фикс вошел. Фогг закрыл дверь и спросил:

— Где ваши коллеги?

— Все без сознания, возможно, мертвы, — сказал Фикс. — Я позвал Морана и ударил его по голове рукоятью моего пистолета. Затем я поднялся наверх и проделал то же самое с Немо, когда он повернулся ко мне спиной. Осбалдистоун все еще без сознания, поэтому мне оставалось лишь заставить Венделера встать лицом к стене, а затем ударить его.

— И вы сделали это по причинам, которые вы указали?

— Да, но теперь вам придется защищать меня и мою семью. Вы поможете, надеюсь?

— Считайте, что все сделано, — заверил мистер Фогг.

С Фиксом впереди, так как Фогг не был уверен, что это не ловушка, они спустились на площадку. Все трое капеллиан были еще без сознания.

— Ты собираешься их убить? — спросил Фикс.

— Вы хотите, чтобы я сделал это, мистер Фикс? — переспросил Фогг.

— Нет. Они мне не нравятся, и Немо убил бы меня без пощады, — сказал Фикс. — Но убить их хладнокровно...

Фогг не ответил. Он искал одежду Немо. Через несколько секунд он вытащил из кармана маленький плоский

кожаный чехол и достал из него маленькие продолговатые листочки бумаги, на которых были надписи и чертежи, которые можно было разглядеть только под увеличительным стеклом. Он сказал:

— Я надеялся, что он таскает их с собой.

— Что это? — спросила Ауда.

— Схема дистортера. Но откуда Немо вытащил их? Из тела Хеда?

— Хед хранил их в своем стеклянном глазу, — сказал Фикс. — Немо снял его, когда помог вам выбросить тело Хеда за борт.

— Мне следовало приподнять веки Хеда и посмотреть ему в глаза, — вздохнул Фогг. — Но где Хед получил эти чертежи и схемы?

— Один американский эриданианин понял, как устроен дистортер, — сказал Фикс. — Хед обнаружил, что он сделал это, как, я не знаю, и убил его, сжег его лабораторию и сбежал с чертежами. Ваш начальник, должно быть, узнал об этом, поэтому Хед бежал на «Марии Селесте», чтобы эриданиане не обнаружили его на лайнере.

Фогг положил схемы в карман, посмотрел на часы Паспарту и сказал:

— А эти люди снаружи?

— Они либо зеваки, либо эриданиане, ожидающие, что Немо отпустит вас.

Он рассказал Фоггу о телеграмме от вождя эриданианской диаспоры.

Фогг снова посмотрел на часы.

— Пора, — сказал он.

— Куда? — спросила Ауда.

— В Реформ-клуб. У нас ровно десять минут, чтобы выиграть пари.

Верн писал, что Паспарту вытащил Фогга наружу за воротник, поймал кэб, и они помчались с безрассудной скоростью, сбив двух собак и опрокинув пять экипажей. Ауда и Фикс последовали за ними в другой карете в несколько более медленном темпе. Рана Ауды не позволила ей сильно трястись, и, кроме того, она остановилась, чтобы сообщить новости джентльменам на углу, которые действительно были

эриданианами. Она сказала, они в безопасности и что Фикс теперь один из них. Она также сказала, чтобы джентльмены забрали капеллиан в доме Фогга.

Те поспешили это сделать, но, увы, они не успели поймать Венделера, Морана и Немо. Они пришли в себя и сбежали, оставив сэра Гектора. Когда эриданиане вошли в парадную дверь, капеллиане перелезали через заднюю стенку сада.

Осбалдистуона, объявив пьяным, погрузили в кэб. Что случилось с ним после этого, никто не знает..

Как все прекрасно знают, Филеас появился в клубе за три секунды до того, как его время истекло. Он получил причитающиеся двадцать тысяч фунтов, хотя он потратил девятнадцать тысяч во время поездки, с учетом последних расходов, включая сто фунтов кэбмену, который доставил его к Реформ-клубу. Оставшуюся тысячу фунтов он разделил между Фиксом и Паспарту. Через два дня Фогг женился на Ауде... Верн заканчивает рассказ на этой счастливой ноте.

Но что осталось за кулисами истории Верна? Дневник Фогга заканчивается в тот день, когда Фогг сделал Ауде предложение. Никакая другая литература по этому предмету никогда не была написана, таким образом, мы должны описать дальнейшее. К счастью, у нас есть здравый смысл и рассказы нескольких других авторов о некоторых людях, встреченных Фоггом, чтобы восстановить дальнейшее.

Эриданиане и капеллиане, после выхода Немо из игры, и при посредстве Фикса, должно быть, заключили перемирие или, возможно, даже союз. Многие с обеих сторон чувствовали, как и Фикс, что не было никакого смысла в продолжении кровавой тайной войны, которая могла закончиться только истреблением одной стороны и почти истреблением другой. Кроме того, жизнь в качестве простых землян была достаточно проста и привлекательна для обеих групп «инопланетян».

Моран, как мы знаем из рассказов доктора Джона Уотсона, возвратился в Индию и оставался там в течение многих лет. После ухода в отставку как полковник он воссоединился со своим руководителем в Лондоне.

Руководитель, кого Уотсон знал как профессора Джеймса Мориарти, кажется, отошел от преступной карьеры на несколько лет. Вероятно, шок от того, что он был обманут Фоггом и потерял власть среди капеллиан ускорил течение его болезни. Немо вновь стал профессором на некоторое время, но после восстановления здоровья возвратился к грабежам. Он сформировал обширную преступную сеть, хотя он преуспел в том, чтобы сохранять свое участие в ней неизвестным в течение долгого времени. В конечном счете его ожидало падение — падение в водопад около небольшой швейцарской деревни Майринген. Было символически и эстетически закономерно, что человек, который начал преступную карьеру под водой, должен завершить ее там же.

Брат Немо, полковник, который был ранен взбешенной лошадью, ушел из армии. Однако он действительно возвращался к своим злым путям через годы, хотя и не как партнер своего брата. Он появляется кратко в полувымышленной книге Роберта Луи Стивенсона «Новые арабские ночи». Венделер играет более важную роль в той же самой книге. Фогг удалился в Фоггс-холл в сельском Дербишире, где он работал в его лаборатории и воспитал много детей, столь же солидных, как он, или столь же красивых как их мать.

Фикс продолжил карьеру детектива, хотя он теперь служил только одном хозяину, или хозяйке, в этом случае, Ее Величеству.

Паспарту известен как менеджер поместья Фогга. Он женился на местной девушке.

А что насчет Великого плана? Из ситуации в мире сегодня, мы можем предположить, что он был оставлен или изменен.

Что относительно дистортеров?

Эриданане и капеллиане решали выбросить несколько остающихся устройств и чертежи в океан? Или какой-то жадный человек украл их? То, что мы не слышим оглушительного девятикратного лязга и звона, ничего не означает. Может случиться так, что кто-то, например Фогг, изобрел бесшумный дистортер. В этом случае некоторые из многих таинственных и на вид невозможных исчезновений вещей и людей в этом мире могут быть объяснены.

Что бы ни случилось с дистортерами, важно то, что Фогг и Ауда и Паспарту и Фикс жили долго и счастливо. Они все еще живы, насколько нам известно.

Фогг, возможно, даже подумал, что через сто лет общественности можно рассказать правдивую версию истории.

Инициалы Филеаса Фогга и вашего покорного слуги совпадают, но я уверяю вас, это просто совпадение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Следующая статья появилась в «Листьях Лесных буков, издание Общества сыновей Лесных буков. Бейкер-стрит Livingston Publishing Co., Нарберт, Пенсильвания, 1959».

Х. В. СТАРР

КОНЦЫ В ВОДУ, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЬЕ ДО РАЙХЕНБАХА

Знакомое литературное явление — роман, который является на самом деле автобиографией, биографией или документальной хроникой, замаскированной под беллетристику. Мы видим такой прием в работе Томаса Вольфа, Диккенса, Уотсона и счета других писателей; и возможно, мы можем найти его также в двух романах, которые мы все читали детьми: «Двадцать тысяч лье под водой» и «Таинственный остров» Жюля Верна. Популярное прдставление о самом интересном характере этой саги, человеке, использующем псвдоим «Капитан Немо». Это романтический образ индийского принца, разочарованного и озлобленного идеалиста, у которого вызывает отвращение цивилизация, который собрал небольшую команду из родственных душ, преданных ему и нежно заботившихся о нем, и исчез навсегда в глубине моря в изумительной подводной лодке, которую он тайно построил. Все же, если мы исследуем эти рассказы, мы найдем определенные необъяснимые и абсолютно противоречивые несоответствия, появляющиеся в них, например даты. По данным

«Двадцати тысяч лье», «Наутилус» был замечен мореплавателями в 1866-м и исчез в водовороте в 1868-м, когда профессор времени Аронакс и его компаньоны сбежали с судна. Все же мы удивлены в начале «Таинственного острова», когда капитан Немо описан, как старая развалина с серебристыми волосами, последний оставшийся в живых из компании по крайней мере двадцати четырех матросов и двух офицеров, живущий в одиночестве на острове Линкольна, в 1865-м!

Есть другие несоответствия. Согласно «Таинственному острову», Немо — индийский принц Даккар, и по-видимому, некоторые из его последовател — индийцы. Это вряд ли могло остаться незамеченным профессором Аронаксом, который в течение многих месяцев наблюдал их. Все же ни разу ему и в голову не приходит, что эти люди — выходцы с Востока. Вместо этого он говорит, что все они — европейцы. Неважно, насколько опровергнуты жуткие расовые теории тех времен, маловероятно, что старый биолог перепутал бы, при близком наблюдении выходцев из Индии и европейцев, особенно ирландцев! Кроме того, в «Таинственном острове» капитан Немо защищает затопление враждебного военного корабля, засвидетельствованное профессором Аронаксом на том основании, что тот «был в узком и мелком заливе — фрегат преградил мне путь». Все же отчет профессора («Двадцать тысяч лье») бесспорно доказывает, что больше двадцати четырех часов капитан Немо сознательно преследовал фрегат, пока не потопил его!

Еще много таких случаев могут быть приведены, но я думаю, что заключение слишком очевидно для нас, чтобы процитировать их. «Таинственный остров» — беллетристика, выпущенная профессиональным романистом, который, после некоторого редактирования рукописи профессора Аронакса, чтобы гарантировать ее популярную продажу, решил извлечь выгоду из ее успеха, сочинив совершенно вымышленное продолжение и при этом реабилитировать довольно жестокого человека, рисуя его как байронического героя с золотым сердцем, полностью совместимого с литературной модой дня.

Мы должны отклонить это «продолжение» и вместе с ним всю историю про «принца Даккара».

Избавившись от «Таинственного острова» как от источника информации, давайте теперь обратим наше внимание к «Двадцати тысячам лье». Так как этот роман, кажется, просто литературная обработка мемуаров профессора Ароннакса, мы можем отнестись к нему с большим доверием. Однако мы должны быть более осторожными в восприятии интерпретации для романтической байронической ауры, которую Аронакс и Верн создали вокруг подводного пирата. Рассмотрим легенду о капитане Немо как благородном, но безжалостном, разочарованном идеалисте с золотым сердцем, который любит угнетаеннх, его команду в частности и кто обеспечил «ковчег убежища» для немногих избранных, с кем он связан узами взаимной преданности. Как Немо действительно рассматривает свою команду? В первую очередь, мы должны оценить, сколько человек находится на борту «Наутилуса». При внимательном чтении ясно, что у него не могло быть меньше двадцати четырех в изначальной команде, и, возможно, их было тридцать или больше. Жилые помещения для такой массы народа очень интересны. Описание пространства, в котором они, кажется, проводили практически все свое существование, не занятое их обязанностями, указывает, что это было помещение 22 фута на 16 футов. Если мы поделим весь объем на 24, великодушно оставив в центре объем 10 футов на 16 футов, где они могут помыться, хранить свою одежду, поесть, бездельничать и развлечься. Это условия трущоб самого грязного типа. Но возможно, капитан Немо, спальня которого описана как «тесная и почти... монашеская», жил при столь же спартанских условиях? Ну, его частный номер люкс, который команда никогда не посещала, состоял из следующих помещений в дополнение к его пятнадцатифутовой спальне; оборудованная столовая (15 футов длиной), среди прочего, с «изящными картинами» и с дубовыми и эбеновыми буфетами, хранящими «фаянс, фарфор и хрусталь неоценимой стоимости»; библиотека (также 15 футов в длину и шириной и высотой с само судно), где имелись диваны, обитые материей из Марокко, подвижные столы, огромный стол для периодических изданий,

сигары, бронзовые пепельницы и коллекция из 12 000 книг; великолепный музей (30 футов на 18 футов) с настенными росписями, картинами большой стоимости — Рафаэлем, Леонардо, Тицианом, Рубенсом, и так далее (большей частью которой профессор Аронакс восхищался в галереях Европы), статуи из бронзы и мрамора, большой орган и фортепьяно, неоценимые коллекции морской флоры и фауны в великолепных витринах и жемчуга, часть из которого была больше, чем яйцо голубя, и который превзошел самый ценный жемчуг, до настоящего времени известный. С этим в его распоряжении, я думаю, что каждый видит, как капитану Немо удалось пережить трудности той скромной, почти монашеской спальни.

В любом случае описание не соответствует понятию о любящем наставнике, окруженном восхищенной группой помощников. Это действительно, однако, соответствует образу сибарита-капитана старомодного военного корабля, живущего в роскошных каютах и держащего в ежовых рукавицах команду жестких бойцов-головорезов, страх которых перед капитаном и ожидание богатой добычи могут сделать их готовыми вынести физический дискомфорт.

Об одном или двух озадачивающих событиях сообщает нам профессор. События, которые мы можем принять, но его интерпретация менее надежна. Однажды, когда капитан, помощник и профессор находятся на палубе, офицеры наблюдают через подзорную трубу объект, столь отдаленный, что профессор (чье зрение кажется нормальным) неспособен видеть даже пятнышко невооруженным глазом. Офицеры взволнованы, профессора и компанию загоняют на борт, субмарина уходит под воду и топит судно. Это факты; интерпретация Верна такова: капитан Немо при первом же наблюдении судна немедленно признал его по его флагу, как принадлежащий той неопознанной стране, которую он так ненавидел, и следовательно, таранил корабли таранной иглой, установленной на носу его подводной лодки. Все же, легко понять, что это не так. Если судно находилось так далеко, что профессор Аронакс был неспособен различить его вообще невооруженным глазом, как мог человек Немо даже с телескопом разглядеть цвета флага? Легко понять, что

Немо заранее знал об этом судне и ожидал его! У подводного отшельника должны были быть информаторы на поверхности. И у этой гипотезы, есть подтверждение. Капитан, кажется, посвятил значительное усилие выкапыванию сокровищ с затонувших судов в заливе Виго. Приблизительно миллион долларов в золоте он послал на берег в пинассе через посредника, некого Николаса Пески (моряк и ныряльщик, который посвятил большую часть своего времени плаванию с одного острова Кикладов на другой). Этот человек имел доступ на борт «Наутилуса». Интерпретация, которую капитан Немо вложил в разум профессора — то, что он, друг для всех угнетаемых групп, дарит свое богатство критянам, которые в это время подняли восстание против турецкого правления. Факт — то, что он имеет привычку посылать часть своей добычи на берег и что у него действительно есть определенные связи с цивилизацией, которые могли снабдить его данными относительно графика грузовых судов... Теперь, методом Уотсона (так как мы не осмеливаемся присваивать методы Холмса) давайте посмотрим, к каким заключениям мы можем прийти касательно Немо:

1. У него было хорошее образование, особенно в биологии, музыке, скульптуре, живописи и истории.

2. Он, должно быть, был гением захватывающей дух высоты в областях математики, физики и теоретической механики, чтобы спроектировать такой аппарат для изучения подводного мира, как «Наутилус».

3. Все же странно, но, хотя у Немо, конечно, было разумное знакомство с управлением судами к тому времени, когда профессор Аронакс встретил его, мы не можем быть вполне уверены, что его практический морской опыт велик. Он, кажется, допускает любопытные ошибки. Постоянные столкновения: случайно таранит три пассажирских судна (не считая намеренно утопленных!), один айсберг, водоворот и остров Джилбоа. Кроме того, замечательно, что хотя конструкция судна гениальна, у него есть особенности, которые опытный морской инженер едва ли включил бы в проект. Например, в отличие от почти всех больших судов последней тысячи лет или более — подводных лодки или надводных — у этого нет бортов, нет и нормальной палубы — судно имеет форму веретена, и нос его перехо-

дит прямо в таранную иглу. Так как возвышение палубы — только приблизительно ярд выше уровня воды, это означает, что, исключая полный штиль, волны непременно будут заливать открытый люк! Ходьба по палубе, когда судно шло полным ходом, должно быть, была особенно замечательно-соленой, а проще говоря — опасной! Действительно, конструкция «Наутилуса» удивительна полным подчинением повседневных потребностей навигации, чистой военной полезности. Это — бронированный таран, но такой таран никогда не мог украсить нос классической триремы, венецианской военной галеры или боевого корабля девятнадцатого века. Это остроконечное веретено, прилизанное со втягивающимися надстройками, предназначенное пробивать корабли насквозь. Настолько чрезвычайный дизайн едва ли необходим просто, чтобы потопить судно, и он показывает ужасную жестокость цели проектировщика, который все меньше похож на благодетеля угнетенных!

4. Немо-диктатор и властолюбец, человек, который твердо гнет кастовую линию. Эта комбинация высокомерной индивидуальности и аристократического снобизма должна, конечно, наблюдаться во многих слоях общества, но особенно присуща людям двух профессий: офицерам и преподавателям вузов. Немо, однако, неоднократно показывает чрезвычайное отвращение к человеческому роду в целом, качество, не слишком распространенное у военных, но то, которое часто наблюдается у педагогов после нескольких лет, проведенных в освежающем опыте общения с молодежью.

5. Наконец, капитан — определенно человек несколько сомнительной этики. Неважно, какой романтической чепухой оправдываются его действия, он виновен в разрушении судов, убийствах и пиратстве. Он — просто пират, пират, который поставил на службу разбою свой экстраординарный научный гений и кто поддерживает на земле, возможно, немногочисленную, но обязательно широко распределенню сеть тайных агентов, которые на заранее подготовленных встречах предоставляют ему существенную информацию относительно трафика ценных грузов.

На основе этих заключений, я думаю, мы можем теперь выдвинуть гипотезу, которая уже брезжит в уме читателя:

а что, если портрет капитана Немо в «Двадцати тысячах лье под водой» — это портрет зловещего преступного гения, известного нам как профессор Джеймс Мориарти?

Давайте исследуем некоторые подобия — или очевидное отсутствие подобий:

(а) Внешность. На первый взгляд, Немо и Мориарти, кажется, имеют мало общего, кроме высоких лбов и роста, но рассмотрение их в соответствующих возрастах изменит это предположение. В 1867-м капитан Немо описан как человек между тридцатью пятью и пятьюдесятью годами, но когда каждый понимает его силу, выносливость и гибкость, очевидно, что между тридцатью пятью и сорока было бы намного более точной оценкой. Кажется, нет никаких различий, которые не объяснит интервал в двадцать пять лет. (Мимоходом мы можем отметить, что идентификация Немо и Мориарти решает проблему, которая, должно быть, озадачила многих шерлоковедов: непонято, как Мориарти, в какой бы ярости он ни был и как точно ни просчитал бы место и время поединка, мог надеяться на победу, будучи отставным профессором математики, в физическом противостоянии с тридцативосьмилетним шестифутовым спортсменом, известным боксером и борцом. Профессорам свойственно воображать себя спортсменами, но у них достаточно здравого смысла, чтобы со спортсменами драться! Если же Мориарти был Немо, картина меняется: бывший спортсмен в возрасте приблизительно шестидесяти лет может все еще обладать большой физической силой, и сочетание мастерства юности и опыта зрелого ума в силовом конфликте дает шанс на победу!)

Капитан Немо едва ли родился позже, чем в 1831-м; господин Эдгар Смит предположил, что Мориарти родился приблизительно в 1846-м, но настолько поздняя дата кажется невероятной. Тогда Мориарти было бы приблизительно сорок шесть лет на момент смерти; все же описания его в «Последней схватке» и «Долине страха» более соответствуют человеку за шестьдесят или даже семьдесят, чем слегка за сорок. Если бы мы поместили его рождение приблизительно в 1830-м, то он был бы приблизительно шестдесятидвухлетним двумя во время своей

смерти, возраст, который соглашается с физическим описанием и с приблизительной датой рождения Немо.

(b) Образование. Господин Смит указывает, что Мориарти произошел из культурной среды, как и Немо. Оба любили искусство. У Немо было тридцать старых мастеров, и Мориарти, в значительном риске, очень дорогом Грезе в его исследовании («Долина страха»).

(c) Манеры. Мориарти был профессор, член семьи с некоторой военной традицией (его брат, мы знаем, был полковник) и столь мощной и доминирующей индивидуальности, что несчастный Порлок ерзал от одного взгляда Наполеона преступного мира. У него, очевидно, было мало преданности человечеству в целом. Все те же черты, которые мы отметили в Немо.

(d) Факты биографии. Мы знаем удивительно мало о жизни Мориарти. Конечно, для него было возможно исчезнуть с глаз долой на три или четыре года, так что даже Холмс не имел представления о его местонахождении. Настолько блестящий преступник, возможно, похоронил все следы так эффективно, что даже величайший гений сыска не мог раскрыть эпизод Немо по прошествии четверти века.

(e) Математический и научный гений. Это очевидно в обоих случаях.

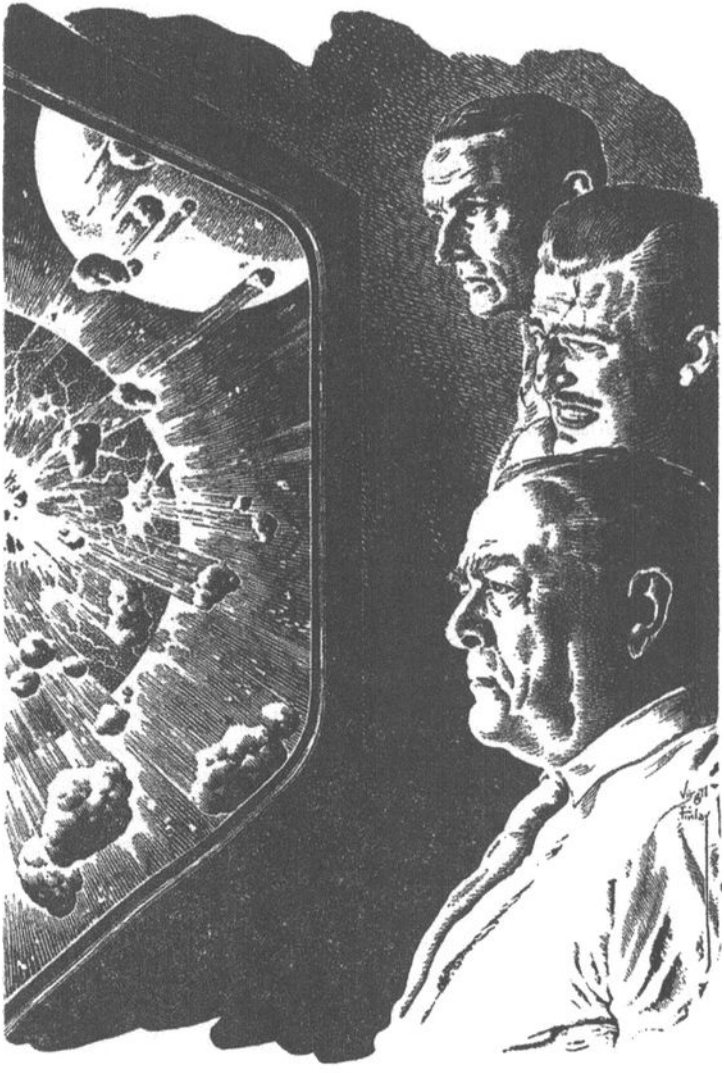
(f) Другая любопытная черта сходства в интересе Немо к ученым. Очевидно, единственная разумная политика для пиратского капитана, когда он нашел Аронакса, Лэнда и Конселя на палубе «Наутилуса», состояла в том, чтобы, привязав к их ногам несколько тяжелых грузов, отправить их за борт. У человека, который практиковал массовое убийство, возможно, не было моральных сомнений в настолько пустяковом жесте, но Немо, опытный биолог-любитель, обнаружил, что один из пленников был всемирно известным зоологом, работы которого были в его собственной библиотеке — и к этому времени капитан, чей единственный круг общения, была команда упорных пиратов, должно быть, было отчаянно одиноко. Ему остро не хватало интеллектуального собеседника. Следовательно, он спас Аронакса.

Кстати, наблюдайте самодовольное удовлетворение с которым Немо-Мориарти производит впечатление превосходства

на коллегу — профессионала, такого как Аронакс. Несомненно, что Немо когда-то был преподавателем колледжа.

(g) Молодой математический гений с преступными наклонностями, очень вероятно, начнет свою криминальную карьеру, участвуя в некоторой деятельности, в которой он сможет примить свои особые таланты. Только позже, когда у Мориарти были время, капитал и основа, обеспеченная его информационной службой «Наутилуса», он создаст обширную организацию карманников, грабителей, головорезов и бандитов. Специалистов такого профиля трудно найти в кампусе!

Для писателя поэтому трудно сопротивляться идее идентификации профессора Мориарти и капитана Немо и воздержаться от предложения, что здесь перед нами начало захватывающей преступной карьеры, закончившейся падением в водопады Райхенбаха.



СОДЕРЖАНИЕ

Темное сердце времени *(роман)*.....5

Языки Луны *(роман)*.....225

Побег от Локи *(роман)*.....399

Другая записная книжка Филеаса Фогга *(роман)*.....633

Условия подписки:

до сообщения об отправке книги в типографию — 2500 руб.,
с момента отправки в типографию до получения тиража — 3000 руб.,
после получения тиража — 3500 руб.

По всем вопросам о приобретении книг обращайтесь на почту
marina.che.sz@mail.ru

По всем вопросам книг «ТОЙ (СЕВЕРО-ЗАПАД)»
обращайтесь на почту
igoratarin@gmail.com

Часть книг печатается в ознакомительных целях
по просьбе фэнов и переводчиков
(тираж не превышает 10 экземпляров).

Относительно книг, отмеченных *, прежде чем делать заказ, нужно убедиться в наличии их на складе.

Перед сдачей в печать
издательство имеет право внести частичные изменения
в состав тома.

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА

НАПЕЧАТАНО

Э.Гамильтон «Дверь в иной мир»*
Э.Гамильтон «Космический наемник»*
Р.Вильямс «Пропавший линкор»
Л.Спрэг де Камп «Безумный мир»*
Дж.Кэмпбелл «Из мрака ночи»*
Сборник «Метеор Бафомета»
Сборник «Зоны нейтрализации»
Сборник «Искра жизни»
М.Лейнстер «Забытая планета»
Г.Бир «Концерт бесконечности»
Дж. Виндж «Королева лета»*
Э.Гамильтон «Узник Марса»
К.Балмер «Гончие Антареса»*
К.Смит «Инструменталитет человечества. том 1»
Дж.Уильямсон «Камень с зеленой звезды»
К.Балмер «Звезды Скорпиона»
Э.Петайя «Пещеры Марса»
Дж.Клейтон «Пьющая души»
К.Андерсон «Марсианская война»
Сборник «Жестяной ангел»
Э.Гамильтон «Огненная принцесса»*
К.Балмер «Армада Антареса»
Д.Писерчиа «Земля через миллион лет»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Л.Картер «Конец всех времен»
К.Раули «Золотые земли»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Дж.Уильямсон «Принцесса легиона»
Т.Ли «Электрический лес»
Дж.Рэкхем «Темная планета»
Л.Картер «Воображаемые миры»
К.Смит «Инструменталитет человечества. том 2»
К.Балмер «Секрет Скорпиона»
М.Фостер «Хроника Лера»
Дж.Кэмпбелл «Острова в космосе»
Э.Гамильтон «Звездные владыки»
Гоффманн Прайс «Бегство с Венеры»

МЕЧ И МАГИЯ

НАПЕЧАТАНО

Г.Фокс «Дворец демонов»*
Г.Фокс «Мир демонов»
Э.Линн «Хроника Торнора»
Дж.Коулсон «Крантин»
Дж.Джейкс «Сокровища идола»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Б.Ламли «Земля древних»
Сборник «Клинки Востока»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Г.Фокс «Вор с Лларна»
Э.Оффутт «Король дракон»
Ф.Фразетта «Рогатый шлем»
Ч.Саундерс «Имаро»
А.Мартин-Барнс «Огненный меч»
Ш.Грин «Джалав»
Спрэг де Камп «Рыцарь с регистрацией»

КНИГИ «ТОЙ (СЕВЕРО-ЗАПАД)»

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

НАПЕЧАТАНО

Сборник «Миры иные»

Сборник «Листая старые журналы»

Виктор Гончаров «Век гигантов»

Сборник «Затерянные миры»

Дж. Т. Макинтош «Время перемен»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Сборник «Миры чужие»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Сборник «Война грядущая»

Сборник «Гибель Земли»

Сборник «Тайна нового Парижа»

HORROR BOOKS

НАПЕЧАТАНО

Сборник «Ренегаты»

Сборник «Еще один крик»

Сборник «Смех мертвых»*

Б. Стэблефорд «Лондонские оборотни»

Сборник «Реликт»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Т. Ли «Кровавая опера»

Б. Стэблефорд «Карнавал разрушений»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Р. Гуларт «Вампирелла»

Сборник «Из бездны»

ЗВЕЗДНЫЕ КАПИТАНЫ

ПЛАНИРУЮТСЯ ПОЛНЫЕ ИЗДАНИЯ ЦИКЛОВ

НАПЕЧАТАНО

Б. Чандлер
Джон Граймс (том 1)

Э. Гамильтон
Капитан Будущее (том 1)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Рон Гуларт
Флэш Гордон

Ф. Нулан
Бак Роджерс

Э. Оффутт
Звездные дороги (том 1)

Шеер — Далтон — Маар — Шольц
Перри Родан (том 1)

Б. Чандлер
Джон Граймс (том 2)

ПИСАТЕЛИ СПБ

ВЫШЛА

А. Лидин «Стать героем (Сказки для взрослых)»

С. Лейкин «Запад... и Восток»

Сборник «Мы и классики»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НАПЕЧАТАНО

Р.Говард «Стервятники Техаса»
Р.Говард «Пески веков»
Жозеф-Анри Рони-ст. «Дикие времена»*
Ф.Х.Фармер «Древняя Африка»
Жозеф-Анри Рони-ст. «Неведомый мир»
И.Москвин «Сыщик Иван Путилин»
Ф.Х.Фармер «Темное сердце времени»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Дж.Драммер «Невеста бога Змей»
Сборник «Герои Говарда»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Р.Сильверберг «Владыка смерти»
Дж.Гилман «Кровь на серебре»
Гарднер Фокс «Мадам буканьер»
Алан Дин Фостер «Бледный всадник»
Спрэг де Камп «Бронзовый идол Родоса»
Спрэг де Камп «Золотой ветер»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Библиотека
фантастики и приключений

Джек УИЛЬЯМСОН «Зеленая девушка»

Джек УИЛЬЯМСОН «Рождение новой республики»

Джек УИЛЬЯМСОН «Иной разум»

Генри КАТТНЕР «Ловушка времени»

Джон КЭМПБЕЛЛ «Из мрака ночи»

Роберт ВИЛЬЯМС «Затерянная земля»

Кларк Эштон СМИТ «Зотика»

Кларк Эштон СМИТ «Гиперборея»

Кларк Эштон СМИТ «Марс»

Жозеф-Анри РОНИ-старший «Хельгор с Синей реки»

Роберт ГОВАРД «Невероятные приключения Денниса Доргана»

Роберт ГОВАРД «Стервятники Техаса»

Роберт ГОВАРД «Ястребы Востока»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Роберт ГОВАРД «Пески веков»

Сборник «Удивительные истории»

Джон ИНГЛЕНД «Элексир ненависти»

Томас МАНДИ «Арабская авантюра»

Александр БОНД «Творцы грядущего»

Макс ГРАНТ «Живая тень»

Стэнли ВЕЙНБАУМ «Солнечная Система»

Стэнли Вэйнбаум «Черное пламя»

Виктор ГОНЧАРОВ «Век гигантов»

Виктор ГОНЧАРОВ «Долина смерти»

Александр ЛИДИН «Враг мой»

Александр ЛИДИН «Сумеречная зона»

Джон КЭМПБЕЛЛ «Путь черной звезды»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Джон КЭМПБЕЛЛ «Лунный ад»

Станислав ЛЕЙКИН «Запад и Восток»

Владимир ТАН «Старые и новые»

Арнольд КАММЕР-младший «Тиран Марса»

Арнольд КАММЕР-младший «Телепатическая гробница»

ФИЛИП ХОСЕ

ФАРМЕР

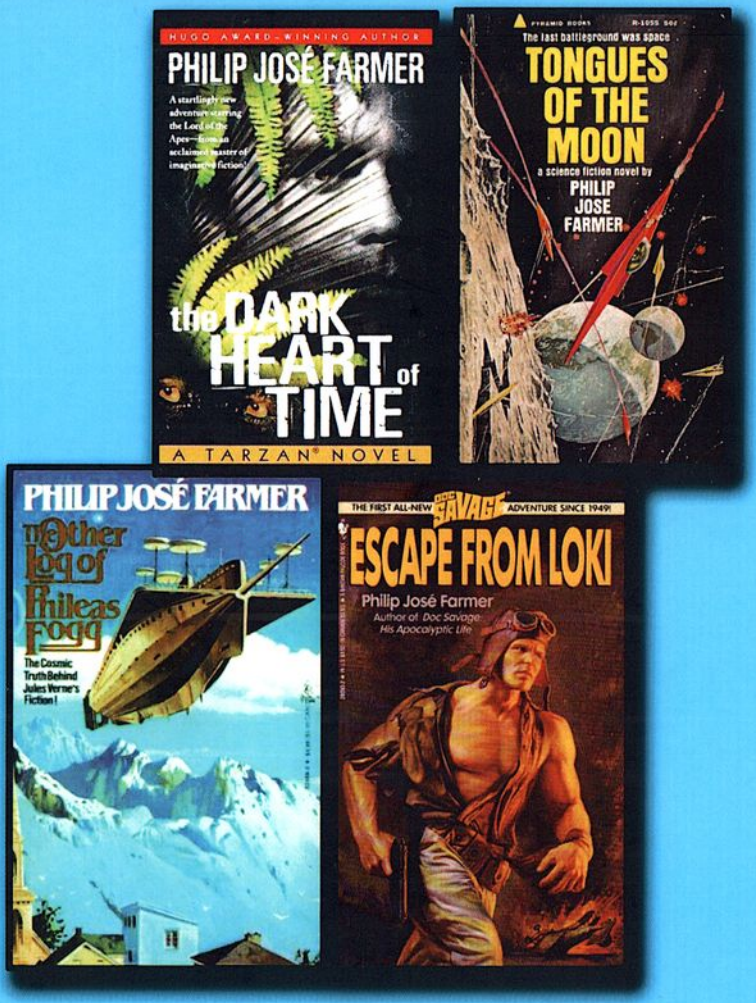
ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ ВРЕМЕНИ

+16

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственный редактор *И. Кремнев*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *В. Кудрешов*
Корректор *А.Филимонова*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ



ISBN 978-5-93835-824-9

•Северо-Запад•